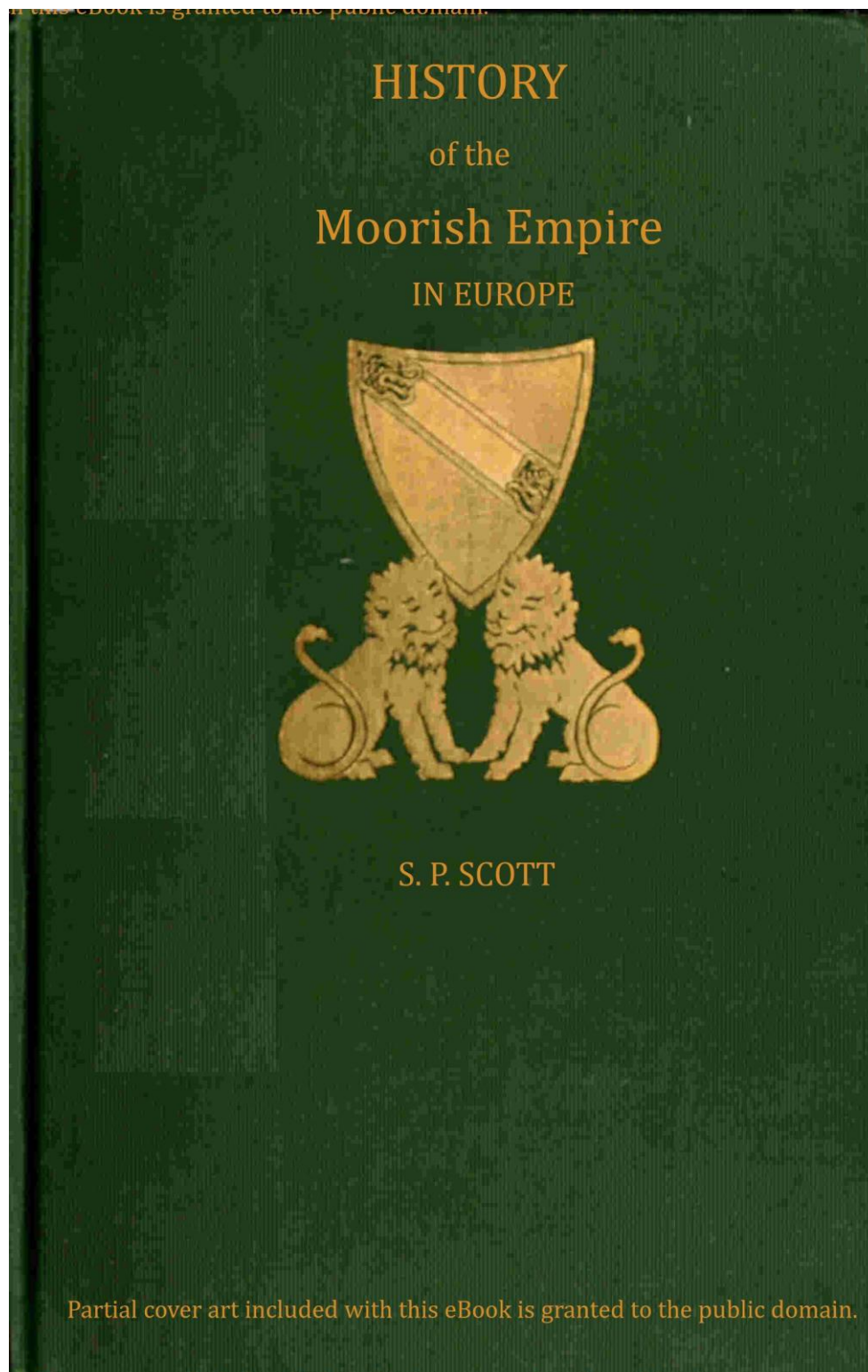

История Мавританской империи в Европе, Том 3 (из 3)

С. П. Скотт

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Мавританской империи в Европе, том 3 (из 3)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Мавританской империи в Европе, Том 3 (из 3)

Автор: С. П. Скотт

Дата выхода: 29 апреля 2024 [Электронная книга №73492]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Филадельфия: J. B. Lippincott Company, 1904

Авторские права: Ваутер Франссен, Карин Спенс и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ МАВРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРОПЕ", ТОМ 3 (ИЗ 3) ***

ИСТОРИЯ Мавританской империи В ЕВРОПЕ

BY С. П. СКОТТ

АВТОР КНИГИ "ЧЕРЕЗ ИСПАНИЮ"

Corduba famosa locuples de nomine dicta,

Incluta deliciis, rebus quoque splendida cunctis

Хросвита, Пассио С. Pelagii

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ III.

PHILADELPHIA & LONDON
КОМПАНИЯ Дж. Б. ЛИППИНКОТТА
1904

Авторское право, 1904 г.
Компанией J. B. Lippincott

Опубликовано в марте 1904 г.

Напечатано компанией J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА III.

ГЛАВА XXIII

ВЛИЯНИЕ МАВРОВ НА ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ ИМПЕРИЮ ФРИДРИХА II. И государства Южной Франции

странице

постоянства Арабских идей на юге Европы—социальной коррупции—восстания против папства—антагонизм Святым престолом и Германской империи—укрепление папской власти при Иннокентии III.—Цивилизаторская деятельность агентств на Сицилии—влияние норманнов как наследники арабов—рождение Фридриха II.—Характер Иннокентия III.—Гений императора—его реформы—правовая система торговли—законодательством—университет Неаполя—в Медицинской школе Салерно—символ Фридриха—его двор—на юг Франции—ее ранней цивилизации—космополитический характер ее населения—его богатства, интеллекта, и распутство—униженном состоянии духовенства—университет Монпелье—трубадуры—альбигойцы—их нарушение Рим—крестовый поход—это проповедовал против них—они уничтожены,—жестокость крестоносцев—параллели между цивилизацией Сицилии и Лангедок—выживание философские принципы и мнения XIII века

1

глава XXIV

испанских евреев

влиянием семитской расы на цивилизацию—предприятие древних иудеев—их выдающиеся таланты—их власть в Средние века—их всеобщий запрет—Их состояние под мавров из Испании—их неординарные достижения—их преданность письма—их академий—раввины, как послы халифов—ученых мужей—поэтов, врачей, государственных деятелей, философов—Маймонида: Его гений, и его произведения—его характер—Preponderating влиянием испанских евреев в правительстве и в обществе—их необходимость для правящего класса—их гонят на ростовщичество—их процветания—они собираются в стаи Альфонсо X. И Педро Эль жестоким—их знания в области медицины—обязательства, средневековой и современной науки к евреям—их чудесного выживания в условиях угнетения—их изгнания с полуострова—их страдания—Пятна крови иврит аристократии в Испании

105

и Португалии

глава XXV

христиан под мусульманским правилом

скудность информации о притока христиан—главенство Церкви под властью вестготов—независимость испанской иерархии—ее богатства—общественная организация христиан, под болами—своих привилегий и ограничений, наложенных на них—свобода поклонения—храмы, монастыри, и монастыри—условия в Сицилии—большая строгость законов в том, что остров—аномалия в церковном правительстве Испании—Халифа виртуальной глава Церкви—злоупотребление своей властью—результаты Арабской оккупации Septimania—возросший авторитет испанской иерархии, вытекающие из его изоляции—общественной жизни христианской притоки—их преданность Арабские обучения—они используются халифов в важной миссии—врожденная враждебность мусульман и христиан—число и влияние отщепенцев—мученики—Причины травли—контраст между Максимами и политики двух религий—препятствия на пути к смешению

177

глава XXVI

в MORISCOES

государства Королевства после завоевания господства мавров—политика короны—Введение Пресвятой административного Талавера—его популярность—он заменяется Хименес—двух великих испанских кардиналов—их противоположными характерами—влияние на их возраст—насилие Хименес—он сжигает арабских рукописей—восстание Moriscoes—Разгром в Сьерра-Бермеха—фанатизм Изабеллы—мавров при Карле V.—гонения на духовенство и инквизиция при Филиппе II в.—Война в Альпухаррас—Ибн-Оммеyah—операции Дона Иоанна Австрия—удаление мавров Гранады—смерть Ибн-Оммеyah—ибн-Абу—становится королем—осада Галера—зверства кампании—судьба ибн-Абу—состояние Moriscoes в Испании—они изгнал Филиппа III.—Их страдания—результат их изгнание на процветание Королевства

218

глава XXVII

общее состояние Европе с VIII. До XVI ВЕКА. Века

последствия варварского господства над народами Европы—возвышение папской власти характер папы—свои пороки и преступления,—по пресечению коррупции прелатов и деградацию папства учреждением монашеских орденов—их большим влиянием—их окончательное вырождение—богатство религиозные учреждения—Византийской системе—характеристикам—мощности евнухов—великолепие Константинополя—удаление обучения—униженном состоянии греков—народа Западной Европе—тирания касты и его последствия—Феодального гнета жизни благородного—его забавах—крепостников и его деградации—его беспросветное существование—отношение к евреям—распространение эпидемии—религиозные праздники—всеобщее невежество—недостаток и ценность книги—преследование обучения—империи Церкви—его необыкновенной жизненности

324

глава XXVIII

испано-арабской век литературы и науки

интеллектуальной стагнации Европы в период мусульманского величия, высокого звания стипендиатов в Испании—достижения халифов—персонаж арабской литературы—Прогресс науки—Александрийского музея—его открытий чудных—его вклад в изучение ее влияния на карьеру мусульман—арабский язык поэзии арабов—его общие характеристики—теологии и Jurisprudence—History—Geography—Philosophy—Libraries—Rationalism—Averroes—Mathematics—Astronomy—Al-Hazen—Gerbert—Botany—Alchemy—Chemistry—Pharmacy—Альберт Великий, Роберт Grossetête, и Роджер Бэкон—медицины и хирургии—незнание своих теорий и научных приложений в Средневековой Европе—преобладание самозванство—жертва эпидемии—великое наступление арабов в медицинских знаний—больницы—лечение различных заболеваний—знаменитый мусульманский практиков—контраст между христианской и магометанской систем—непрерывающегося влияния арабской науки—ее примеру и льготы творческие влияния современной цивилизации

423

глава XXIX

мавританского искусства в Южной Европе

абсолютное незнание искусства среди оригинальных арабов—их долг в глубокую древность—Их ранняя архитектура—материалы—массовый характер из первых зданий мусульман—подковообразная арка—ее фаллический вывод—прогресс художественных прикрас—его чудесное разнообразие—византийского влияния трудовой деятельности энкаустики плитки—мозаики мечети Кордовы—лепнины—их состав и бесконечное разнообразие форм—сталактитовыми парусах—изделия из дерева—ее красивые и замысловатые узоры—исчезновение арабского архитектурных памятников Сицилии—военные структуры мусульманская Испания—типичная форма мечеть—его еврейское происхождение—коллекторный вывод Испано-Арабская архитектура—развитие искусства в мавританской Испании—три эпохи—Альгамбра своей кульминации—представление животных форм—живописи и скульптуры—панно, украшения—ремесла—обработка металлов—оружие—геммы—керамика—кожаный гобелен Кордова—текстиль—каллиграфии и иллюминирования—разрушение художественного остатка мавров

534

глава XXX

сельского хозяйства, промышленности и торговли европейских мусульман; их нравы, обычаи, И аттракционов

исчезновения памятников арабской цивилизации—системы сельскохозяйственного испанских мавров—его замечательный совершенства—орошение аппарата—трибунал вод—работа Ибн-аль-Авам—универсал культивации почвы—минеральные ресурсы полуострова—производителей—Великие мусульманские торговые центры средиземноморской торговли—ее обширные последствия,—статьи движения—коммерческое процветание Сицилии—магнитная стрелка—порох и артиллерия—войны—чеканки—характеристики халифов—деморализация народа—Баня—общей распространенности суеверий—общественной жизни мусульман Европы—права женщин, многоженство и морали—рабство—развлечения—шахматы—Другие игры—танцы—музыка—Конный спорт—для боя быков—угол наклона язычка—ход кольца—Хокинга—особенности Испано-арабской цивилизации крестовые походы,

595

их влияние на христианский мир—непревзойденные достижения мавров в Европе—
вывод

ИСТОРИЯ МАВРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРОПЕ

ГЛАВА XXIII

ВЛИЯНИЕ МАВРОВ НА ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ ИМПЕРИЮ ФРИДРИХА II. И ГОСУДАРСТВА ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ 1194-1250

Постоянство арабских идей на Юге Европы—Социальная коррупция—Восстания против папства—Антагонизм Святого Престола и Германской империи—Консолидация Папской власти при Иннокентии III.—Цивилизующие учреждения на Сицилии—Влияние норманнов как наследников арабов—Рождение Фридриха II.—Характер Иннокентия III.—Гений императора—Его реформы—Система юриспруденции—Коммерция—Законодательство—Неаполитанский университет—Медицинская школа Салерно—Характер Фридриха—Его двор—Юг Франции—Его ранняя цивилизация—Космополитический характер Неаполя. его население — Его богатство, интеллект и распутство — Униженное положение духовенства—Университет Монпелье—Трубадуры—Альбигойцы—Их неповиновение Риму—Против них проповедуется крестовый поход—Они уничтожены—Жестокость крестоносцев—Параллель между цивилизацией Сицилии и Лангедока—Сохранение философских принципов и мнений тринадцатого века.

Необычайный импульс к научным исследованиям, к историческим изысканиям, к развитию и совершенствованию промышленного искусства, к расширению торговли, к улучшению социальных и экономических условий, которые так тесно связаны с комфортом и счастьем человечества, привнесенный сарацинскими королевствами Южной Европы, был далек от уничтожения поглощением или завоеванием их провинций или окончательным исчезновением их империи. Прогресс их гуманизирующего влияния на другие народы был медленным и незаметным. Философские идеи и принципы, выдвигаемые арабскими университетами, неизбежно были враждебны доктринам христианства, мнениям Отцов Церкви, вдохновению непогрешимого папы Римского, властным притязаниям на церковное превосходство. Вследствие их еретической направленности их читали тайно; и усердие, с которым изучалась эта запрещенная литература, проявляется в количестве возникших сект и неповиновении папской власти, что является отличительной чертой европейских летописей первой половины XIII века. Доктрины, преподаваемые в Кордове и Палермо, вдохновляли тех смелых средневековых реформаторов, которые намного опередили свой век, чьи стремления к интеллектуальной и религиозной свободе были быстро и безжалостно подавлены на костре и на эшафоте. Дух сопротивления папской агрессии, коррупции и тирании, временно сдерживаемый, со временем возродился и нашел постоянное выражение в смелых и революционных теориях Реформации. Эти великие и радикальные перемены произошли не спонтанно; причины их развития находились в безмолвном действии на протяжении многих веков.

Школы мусульманской Испании и Сицилии долгое время были местом прибежища студентов, стремившихся к литературным достижениям и отличиям, из всех стран Европы. Принцы Кастилии и Франции на протяжении многих поколений пользовались преимуществами образования, которые можно было получить на испанском полуострове. Близость изысканных и роскошных городов Сицилии к древнему очагу римского величия и власти произвела соответствующее воздействие, правда, менее очевидное и менее продолжительное, но все же наиболее цивилизующее и благотворное, на свирепое варварство, пришедшее на смену жестоким и бесстыдным порокам цезарей. Жреческий орден извлек большую пользу, чем все другие, из знаний мусульман. Папа Сильвестр II, самый выдающийся священнослужитель своего времени, чьи выдающиеся познания привели к тому, что его обвинили в колдовстве и отравили, получил образование в Университете Кордовы. Роджер Бэкон, еще один известный волшебник, глубоко усвоил еретические, но увлекательные мнения мудрецов с берегов Тахо и Гвадалквивира. Почти в каждом европейском монастыре, обитатели которого, развращенные богатством и потворством своим чувствам, отказались от монастырских аскетических привычек, жизнерадостные монахи, долгое время не соблюдавшие обеты, провозглашенные в качестве кардинальных предписаний правилами их ордена, с любопытством и восторгом изучали безбожные труды арабских философов.

Со светским духовенством, чья показная роскошь вошла в поговорку, дело обстояло еще хуже. В то время как соображения политики и личных интересов препятствовали признанию принципов, полностью расходящихся с постулатами их профессии, тот факт, что эти принципы соблюдались, далеко не был секретом. Влиятельные прелаты Церкви, не зная или не обращая внимания на пагубные последствия, которые неизбежно должны были возникнуть в результате знакомства с работами мусульманских философов, не предпринимали решительных попыток подавить их до тех пор, пока причиненный ими вред не стал почти непоправимым. Неверие и моральная порочность духовенства отразились на их пастве. Последние увидели — сначала с удивлением, затем с безразличием — плохо скрываемый скептицизм и открытую безнравственность своих духовных наставников. В результате такого распущенного и непоследовательного поведения общество пропиталось лицемерием. Популярны рассказы средневековья, многие из которых, несомненно, основаны на фактах, слишком ясно указывают на то, какого мнения придерживался народ о духовенстве. То, что такие картины церковной жизни могли быть нарисованы и опубликованы без вмешательства или наказания, показывает не только масштабы зла, но и признание его существования каждым классом общества. Распутные истории средневековых писателей с восторгом читались или повторялись как во дворце знати, так и в лачуге крепостного. Одна из самых замечательных из этих коллекций обязана своим возникновением покровительству Людовика XI, Самого христианского короля Франции.

Хотя духовенство, и особенно члены монашеских орденов, были в этих шуточных произведениях единообразно представлены как объекты ненависти и презрения, практика приписываемых им пороков и слабостей, очевидно, была настолько обычной для их призвания, что даже не вызвала тех чувств негодования, которые естественно возникли бы из-за обвинений, столь близко затрагивающих их благочестие и добродетель. На самом деле, этим разоблачениям привычек духовенства уделялось так мало внимания, что их рассказ стал одним из обычных развлечений монастырской жизни, а *Gesta Romanorum*, долгое время пользовавшаяся сомнительной известностью, является монашеским сборником. Когда духовные наставники сообщества намеренно выставлены на посмешище как воплощение всего мерзкого, алчного

и звериного, их полезности в качестве управляющих общественным сознанием и арбитров частной морали приходит конец. Их пагубный пример не остался незамеченным для людей, хотя их влияние на благо уменьшилось. Всеобщая коррупция стала наиболее заметной чертой всех слоев общества. Самые вопиющие акты нечестия остались безнаказанными. Национальная вера и личные обязательства были столь же беззащитно нарушены. Каждое отвратительное преступление совершалось теми, чьих средств было достаточно, чтобы умиротворить продажность священнослужителей и купить временное отпущение грехов. Ни одна эпоха в европейской истории не являет более удручающей картины социальной деморализации, королевского вероломства, лицемерия священников, всеобщей порочности, чем двенадцатый и тринадцатый века. Но хотя такое положение дел привело к повсеместному моральному падению, оно не было полностью примешанным злом. Ослабление чувства бессмысленного благоговения, с которым веками относились к вещам, считавшимся священными, пробудило в массах дух интеллектуальной независимости. Право на осуществление частного суждения сначала стало допускаться, а затем и молчаливо признаваться. Тогда произошла великая моральная революция, которая, впоследствии сдерживаемая и почти подавляемая властью папства и опозоренная ужасными сценами, которым история не может найти параллели, завершилась судьбоносной борьбой шестнадцатого века и постоянным торжеством разума над догмой, разума над церковным авторитетом.

Но эта великая и благотворная перемена произошла не только благодаря устранению суеверных предрассудков, сопоставлению вероучений, разумному применению принципов философской критики и публичному освещению жизни духовенства. Торговля европейских мусульман была почти такой же обширной, как и мир, в то время знакомый мореплавателям. Превосходство и красота их товаров, не сравнимых ни с какими другими нациями, были жадно востребованы богатыми и роскошными жителями христианских стран. Купцы, коммерсанты и студенты широко распространяли рассказы о чудесах, которые можно увидеть за пределами Пиренеев, — о богатых и процветающих общинах, где самый скромный гражданин ежедневно наслаждался удобствами, недостижимыми как роскошь для величайших властителей христианского мира; зданиях, убранство которых превосходило богатством самые смелые представления восточной литературы; обширных плантациях, где фрукты, неизвестные в более холодных краях, росли в изобилии; караван—сараях и рынках, переполненных обилием дорогих тканей и оглашаемых вавилоном цветов. странные и гортанные языки; учебные заведения, посещаемые десятками тысяч студентов, чьи достижения — необычайные в мире невежества — как считалось, были обеспечены нечестивым договором с адскими силами.

Существование этой цивилизации в непосредственной близости от полуварварских народов Средиземноморья и благотворное восприятие ее преимуществ не могли не произвести на последних глубокого и неизгладимого впечатления. Крестовые походы также в некоторой степени расширили кругозор свирепых воинов Запада. Их уважение было внушено равной доблестью и превосходящим умом их противников-мусульман; и сарацин больше не считался, как раньше, воплощенным демоном, лишенным чести, ненасытным к крови, неспособным к состраданию, одинаково невежественным как в вопросах вежливости на войне, так и в вопросах гуманности. Эти различные моральные и физические факторы, действующие посредством поддержания морских сношений и беспорядочных связей с путешественниками любого вида, постепенно привели к эффектам, которые долгое время оставались незамеченными и недооцененными классом, чьи материальные интересы подвергались наиболее серьезной угрозе.

Начало XIII века стало свидетелем возникновения и прекращения двух наиболее значительных движений человеческого разума, которым суждено было оказать огромное влияние на интеллектуальный характер и политическую судьбу Европы. Тот появился на Сицилии; возник под покровительством и был поддержан властью императора Фридриха II., — это чудо средневековой учености и дипломатии, великое по рождению и, благодаря наследственным традициям своего рода, еще более великое благодаря талантам, которыми он был наделен, и достижениям, украшавшим его характер; колоссальная фигура среди солдат-пигмеев и церковников своего времени; сочетание противоположных и эксцентричных качеств; храбрый, но вероломный, порывистый, но коварный; скептик и безжалостный гонитель еретиков; одно время он был выдающимся человеком, возглавляющий крестовый поход за восстановление Гроба Господня; в другом случае собирающий сарацинские армии против сторонников папы римского; вассал Святого Престола и открытый союзник и друг неверных; признанный защитник христианства, пытающийся отнять у его признанного главы то духовное владычество, которое наделило его неограниченной властью над жизнями, состояниями и конечной судьбой людей; законодатель, трубадур, писатель, натуралист; “поэт в эпоху схоластов, философ в эпоху монахов”. , государственный деятель эпохи крестоносцев”.

Другая интеллектуальная революция против церковных традиций и папского деспотизма зародилась в солнечных землях Прованса и Лангедока, между Средиземноморьем и Пиренеями. Этот регион, рано захваченный и колонизированный сарацинами, долгое время оставался подвластным мусульманским князьям Испании. Хотя номинально его население было христианским, оно было глубоко заражено неортодоксальными и атеистическими взглядами. Страна никогда не утрачивала черт, присущих мусульманскому завоевателю, — разумной и настойчивой обработки почвы, отважного духа коммерческого предпринимательства, освоения и выгодного использования каждого природного ресурса, гордости показной роскошью, глубокого недоверия к женскому полу, которое обрекает его представительниц на уединение гарема. Среди свободы и веселья его полу-восточных городов сектанты всех вероисповеданий жили без лишних вопросов и беспокойств. Полигамия практиковалась без всякого сокрытия или упрека; едва ли графский или баронский замок обходился без своего многочисленного серала. Образование было всеобщим и замечательным по своему размаху и эффективности в сравнении с невежеством современных обществ. Знаменитый университет Монпелье, воплощение интеллектуальных идей и духа, которыми был пропитан Юг Франции, на протяжении поколений был памятником прогресса и эрудиции жителей Лангедока. Среди государственных учителей было много евреев и мусульман, которые, в дополнение к глубокому и разнообразному обучению в школах Кордовы, обратили внимание на любопытные и умозрительные расовые теории, которые не сулили ничего хорошего церковному истеблишменту, который, запятнанный всеми отвратительными пороками, быстро погружался во всеобщее и заслуженное презрение. Практика импровизации — сочинения импровизированной поэзии, — заимствованная у одаренных воображением, но неграмотных племен Аравийской пустыни и на протяжении многих поколений служившая предметом восхищения столиц Мавританской Испании, нашла здесь свое самое завораживающее выражение и наивысшее развитие. После самого принца трубадур был самой важной персоной при провансальском дворе. Его достижения, часто приобретаемые благодаря общению с мусульманами, вызвали зависть кавалера и ужас священника. Его элегантные манеры и поэтический талант снискали ему страстное обожание знатных дам, красоту которых он воспевал в витиеватых и распущенных стихах. Его сатиры часто были направлены против

духовенства, чья жизнь слишком легко давала повод для насмешек и порицания. С ним иногда путешествовал жонглер, который к декламации любовных песнопений добавлял очарование гармоничного пения менестрелей. Частушки трубадуров, как и грубые и шуточные сказки этого и последующих периодов, служили безошибочным показателем народного вкуса и преобладающих мнений. В их "песнях" священнослужитель почти неизменно является объектом насмешек. Его лицемерие, его распушенность, его жадность изображаются языком, который не допускает смягчающих или двусмысленных толкований. Его постоянно представляют как вошедшее в поговорку воплощение всего отвратительного. Если требовался повод для насмешек, чтобы придать подобающую кульминацию истории, сочиненной для развлечения двора, то на монастырь можно было положиться в том, что он предоставит неисчерпаемое количество сюжетов, слабости которых были сразу распознаны восхищенными и насмешливыми слушателями. Священное призвание служителей религии постоянно становилось поводом для непристойных шуток; розыгрыши розыгрышей безнаказанно разыгрывались над каждым носителем священного сана, от надменного епископа до босого монаха в капюшоне. Даже чернь, в которой дух суеверного благоговения всегда пробуждается первым и уничтожается последним, в равной степени разделяла чувства своих начальников. Бродячий рифмоплет, декламирующий свои саркастические стихи на улицах или обочинах дорог, всегда был уверен в либеральной и благодарной аудитории. Такое состояние общества указывает на определенную степень интеллектуального прогресса, который может быть результатом только независимости мышления и моральной безответственности действий. Начало выдвигаться необычное мнение, которое было широко признано, что посвящение в священники само по себе не несет в себе никакой особой добродетели, которая обходилась бы без правил общественной морали или давала иммунитет от общественной критики. За этой идеей, противоречащей всем традициям Церкви, придававшей первостепенное значение строгому соблюдению простых формальностей, последовали другие, еще более новые и поразительные по своему характеру. Непрерывные сношения с мусульманскими княжествами полуострова привели к появлению в стране, население которой могло в какой-то степени справедливо претендовать на кровное родство с сарацинами Андалузии, искусств, философии и эрудиции, которые долгое время украшали искусные дворы Западного халифата. Отсюда возникла популярность работ Аверроэса и всеобщее знакомство с пантеистическими идеями индийского происхождения, впоследствии перенятыми еретическими сектами, которые время от времени возникали, чтобы досадить папской ортодоксии Европы. С их ввозом во Францию доктрины арабских философов приобрели гораздо более широкое значение, чем когда-либо утверждали те, кто первыми привил им свои истины. Веселые баллады Юга предполагали большую свободу чувств и языка, чем у их прототипов, свобода которых вызвала порицание мусульманского общества Гвадалquivира, мало склонного к проявлениям ханжеской морали. Именно из таких начал были выведены идеи тех достопамятных религиозных революций, которые, возглавляемые Уиклифом в Англии, Гуссом в Богемии и Лютером в Германии, вопреки огромной власти Ватикана, наложили неизгладимую печать на характер и веру столь значительной части жителей цивилизованного земного шара. Влияние, которое Трубадур и Трувер — поэты и менестрели — во время своих непрекращающихся скитаний оказывали на провинциальные диалекты, на которых были написаны их произведения, и широкое распространение последних больше, чем что-либо другое, повлияли на формирование и совершенствование языка Франции. То же самое было и в Италии. Эта страна также косвенно обязана сладким и музыкальным акцентам своей изящной идиомы, в равной степени адаптированной к описаниям историка, изображениям драматурга и мелодичному

стихосложению поэта, расе, чуждой по всем своим характеристикам и традициям той части мира, где она проявляла свою наибольшую власть. Как и в случае с поэзией, так было и с другими проявлениями гениальности. Большая часть архитектуры Южной Европы, и особенно те здания, которые были посвящены религиозному богослужению, представляют собой безошибочные свидетельства своего мавританского происхождения; и таким образом, закон Мухаммеда, хотя и не смог сохранить свою власть над умами людей, смог увековечить память об искусстве, которому он способствовал при строительстве великолепных и внушительных зданий, возведенных для отправления обрядов другой и враждебной религии. Тысячью способов ускорить интеллектуальное совершенствование, о чем свидетельствует присутствие и пример мусульманского мастерства и образованности, в провинциях Юга Франции. Активные умы жителей долины Роны с жадностью поглощали экстравагантные рассказы мавританских писателей, и их любопытство стимулировалось изучением сентенций Платона и Аристотеля, содержащихся в арабских версиях этих авторов. Их нравы незаметно смягчились, их идеи расширились, их вкусы развились; они больше не считали пытки еретиков и массовую расправу с неверными соответствующими предписаниям религии, основанной на “мире и благоволении к людям”. С глубоким отвращением они отказались от своей верности Римской церкви. Женщина, до сих пор бывшая рабыней, подчинявшаяся капризу властного и безответственного хозяина, была воспитана рукой рыцаря и стала желанной спутницей, если не равной, своего господина. Полуварварская Европа с удивлением смотрела на землю, столь благословенную природой и украшенную искусством; где остатки классической древности преподавались в одних школах с ботаникой Сирии и химией Испании; где философский дух исследования пробудил самые благородные устремления человеческого интеллекта и где рыцарская вежливость заменила грубость меча.

Эта высокоразвитая цивилизация, к сожалению, пришла на четыре столетия раньше, чем следовало. Опасения папства были возбуждены, и против несчастных альбигойцев был объявлен свирепый крестовый поход, не щадивший ни звания, ни возраста, ни пола, ни немощей. На руинах одного из самых утонченных обществ, возникших для обучения человечества со времен афинского величия, общества, которое воплощало в себе все интересное, ученое, прибыльное или занимательное в человеческой жизни, была воздвигнута Инквизиция, проклятие науки и непримиримый враг гражданской и религиозной свободы.

Великое соперничество XIII века между Империей и Святым Престолом за господство над миром возникло во время варварской оккупации Италии. Императорское достоинство цезарей воплощало, как хорошо известно, не только его высшее проявление, но и престиж и таинственную власть, которые придавали положению Верховного понтифика, прототипа папства. Эта власть была торжественно подтверждена и существенно расширена благодаря честолюбию и политическим мерам Константина. Случайное использование римского епископа в качестве арбитра разногласий между Константинопольской и Александрийской епархиями увеличило важность и незаметно расширило юрисдикцию его должности. Честолюбивые прелаты, которые держали свой двор на берегах классического Тибра, в виду колоссальных памятников древней цивилизации, вскоре начали присваивать себе превосходство в решении светских вопросов, на которое их сравнительно малоизвестные предшественники не претендовали. Тексты Священного Писания были использованы и истолкованы, чтобы подтвердить их притязания. В дополнение к предполагаемому заместительному суверенитету, предоставленному им традиционным выбором Спасителя, они утверждали, что привилегии и власть, которыми пользовался Верховный Понтифик,

принадлежат им по праву наследования. Более того, они настаивали на том, что, поскольку небесные дела имеют гораздо большее значение для человечества, чем любые другие, связанные с делами преходящей жизни, святость их высокого положения наделяет их чрезвычайными прерогативами и что императорская власть подчинена папскому достоинству и, при некоторых обстоятельствах, фактически сливается с ним. Таким образом, умело используя в своих интересах все обстоятельства, которые могли либо усилить его влияние, либо расширить его юрисдикцию, Святой Престол подчинил своему тираническому и безответственному правлению гораздо более обширную и густонаселенную территорию, чем та, которая когда-либо неохотно платила дань хозяевам императорского Рима. Отлучение от церкви, анафема и интердикт, средства, с помощью которых обеспечивалась эта огромная власть, были моральными инструментами, которые с непреодолимой силой взывали к страхам суеверного века.

Нашествия варваров, уничтоживших последние остатки имперского величия, принесли еретические доктрины Ария в Южную Европу. Религиозный антагонизм, возникший в результате непрекращающегося столкновения противоположных мнений, был увековечен взаимной завистью короля и епископа, пока воцарение Карла Великого практически не объединило в руках этого императора светскую и жреческую власть - господство на земле и контроль над орденом, члены которого повсеместно считались посредниками с небом. С его смертью осуществление возвышенной прерогативы духовной юрисдикции вернулось к папству. Впоследствии ни одному монарху, имевшему право наследования достоинств и привилегий империи Карловингов, так и не удалось добиться успеха в этом деле. Постепенно, непреодолимое влияние интеллектуального превосходства, незаметно, но от этого не менее мощно проявлявшееся, начало проявляться. Именно тому факту, что Церковь монополизировала все знания раннего средневековья, следует приписать ее безграничную власть над самыми свирепыми и беспощадными варварами, даже в большей степени, чем почтению, которое испытывали к святому призванию ее служители. Таинственное и преувеличенное значение придавалось этой профессии, члены которой поддерживали связь с прошлыми эпохами; которые призывали благословения или проклятия небесных существ на языке, неизвестном простолюдям; которые общались непонятными буквами с учеными и мудрецами далеких народов; и которые в уединении лаборатории предавались занятиям, осуждаемым канонами их веры, но иногда приводившим к результатам, характер которых, замечательный для той эпохи, нередко приобретал для химика-монаха незавидный и опасный титул ученого-химика. фокусник. Литературные и научные достижения, приобретенные в монастыре, не шли, однако, ни в какое сравнение с эрудицией тех стран, где сарацинская энергия и щедрость издавна способствовали упражнению и расширению высших способностей человеческого интеллекта. Знания, которыми обладало духовенство, были обширны лишь по контрасту с непроницаемым невежеством, которым они были окружены и которое в их интересах было усердно распространять и поддерживать.

Эпоха, ставшая свидетелем апогея папского владычества, совпала с самой тщательно спланированной и угрожающей попыткой его свержения, когда-либо предпринимавшейся каким-либо светским властителем. Рождение Фридриха II. предшествовало избранию Иннокентия III. на Святой престол всего три года. В смертельной борьбе, возникшей между этими двумя могущественными противниками, — борьбе, которая была гораздо более политической, чем религиозной, и заманчивой наградой которой было господство на земле, — влияние сарацин было мощным и во многих случаях преобладающим фактором. Мусульманские

законы, институты и обычаи на протяжении веков существовали среди сообществ, враждебных по происхождению и вере, в равной степени переживая существование своих собственных династий и господство своих завоевателей. Племенные раздоры и наследственная вражда вызвали и способствовали разрушению великолепной мусульманской империи на Сицилии. В свою очередь, нормандское королевство после длительного и бурного существования, в котором мавританские данники играли немалую роль, утратило свою самобытность; и, благодаря браку Констанции, матери Фридриха II, с Генрихом VI, было присоединено к Германской империи. Во время великих политических и моральных революций, которые смещали короны и неоднократно меняли судьбы острова, арабская часть населения сохраняла бесспорное превосходство в искусстве, торговле, литературе - короче говоря, во всех профессиях и занятиях, за исключением только войны. Полуварварский завоеватель, единственным отличием которого были ловкость, с которой он владел копьем и мечом, и неустрашимая отвага, с которой он противостоял десятикратному превосходству, рано осознал преимущества той интеллектуальной мощи, которая позволяла его мавританским вассалам справляться с проницательными политиками христианской Италии и перехитрить их как в торговле, так и в дипломатии. Это экзотическое население, несмотря на последовательные бедствия, которые его постигали, на протяжении длительных периодов времени не демонстрировало экстраординарного уменьшения численности, что, несомненно, в значительной степени объясняется преобладанием полигамных обычаев. В центре острова многие мавританские поселения, защищенные неприступными крепостями, существовавшие за счет скотоводческих занятий и относительная бедность которых не давала повода к вторжению, оставались в спокойствии и наслаждались деревенской независимостью. С другой стороны, в крупных морских портах мусульманские данники сохранили под иностранным господством всю утонченность и большую часть великолепия, которые отличали роскошный двор эмиров. В этих обширных торговых центрах, где постоянно собирались торговцы всех христианских и всех мусульманских государств, многочисленный, разношерстный и трудолюбивый народ без угнетения или помех занимался всеми делами процветающих торговых сообществ. Особая приспособляемость гения норманна к новым социальным и политическим условиям, качество, которое было главным источником его процветания и величия, никогда не проявлялось так ярко, как после завоевания, в результате которого скипетр Сицилии перешел от одной расы иностранных авантюристов к другой. Невозможно представить себе более разительный антагонизм национальных обычаев, религиозных предрассудков, привычек и традиций, чем тот, который существует между победителем и побежденными. Один пришел с границ Полярного круга; первоначальная родина другого находилась в зоне Знойного климата. Оба вели свою родословную от племен, погрязших в варварстве и идолопоклонстве; но норманн, хотя и изменил свою систему богослужения, все еще сохранил многие из ее предосудительных и унижительных черт, в то время как араб исповедовал веру, которая с нескрываемым отвращением относилась к поклонению изображениям и обращению к святым. В искусстве цивилизации не было соответствующего прогресса, который мог бы натолкнуть на сходство или оправдать сравнение. Бедность, невежество, свирепость все еще оставались характерными чертами норманна, как тогда, когда с горсткой решительных товарищей он рассеял по ветру армии сицилийских мусульман. Последний, однако, хотя и уступал своему победителю в выносливости и боевой энергии, обладал достижениями, которые по праву давали ему право на видное положение в сообществе наций. Никакие обстоятельства чести, отличия, изобретательского гения не могли возвеличить его характер или репутацию. Слава о его военных достижениях заполнила весь мир. Его

коммерческие связи сделали его имя известным и уважаемым среди отдаленных и ревнивых народов, которым были неизвестны христианские королевства Европы. Его гражданская политика была превосходно приспособлена к характеру и потребностям народа, которым должны были управлять его законы. Согласно этим законам, управляемым чередой великих князей, мусульманское общество стало необычайно богатым, утонченным и распущенным, но в конечном итоге и неизбежно ослабело и пришло в упадок. Политическая и социальная дезорганизация, однако, не уничтожила полностью престиж, завоеванный веками военной славы и интеллектуального превосходства. Школы Кордовы были сметены ордами африканских фанатиков. Ее библиотеки были разбросаны или уничтожены. Ее несравненные дворцы были сровнены с землей или пришли в постепенный упадок, на который их бросили свирепые вожди, одинаково невежественные в искусстве и равнодушные к притязаниям цивилизации. Но слава павшей метрополии отразилась на столицах провинций растерянной и расчлененной монархии. Малага, Гранада, Толедо, Севилья по-прежнему славились как центры образования; гражданская война прервала, но не погасила занятия наукой; пристрастие к литературе в какой-то степени нейтрализовало жажду крови, которая побуждала к зверствам племенную ненависть и враждебные группировки; а рыцарские отношения, устанавливавшиеся время от времени между двумя расами, борющимися за национальное превосходство, создавали счастливую, хотя и обманчивую видимость достатка и безопасности. "Сицилийские мусульмане, хотя превратности и бедствия их истории в миниатюре представляли общее сходство с теми, которые пережили их братья на Испанском полуострове, никогда не подвергались таким повторяющимся и ошеломляющим бедствиям, какие выпали на долю подданных династии Оммеяде и княжеств, унаследовавших ее вражду, и разрозненных фрагментов ее некогда обширной и густонаселенной, но громоздкой империи. Нормандское завоевание Сицилии, в отличие от испанского отвоевания, было совершено с удивительной легкостью и быстротой. В первом случае было лишь немного той неизбирательной жестокости, которая была характерна для конфликтов Средневековья, и особенно для тех, где непосредственно затрагивались религиозные интересы. Опыт завоевателей, приобретенный во многих странах, позволил им оценить ценность памятников высокоразвитой цивилизации, создателям которой вскоре предстояло перейти под их скипетр. По этой причине не было безжалостного разграбления городов, безудержного опустошения плодородной страны, которая была отвоевана бесконечным трудом и упорством из бесперспективных болот, оврагов и пропастей. Ощутимые результаты трехсотлетнего национального прогресса и культуры были переданы победоносному иностранцу с небольшим ущербом. Эти преимущества были сразу же схвачены и присвоены с жадностью, совершенно феноменальной для народа, чья карьера была продиктована хищническими инстинктами бандита, и чьи манеры сформировались среди распущенности лагеря, суеверий монастыря и резни на поле боя.

Нормандская Сицилия во всех отношениях являла собой продолжение, под более благоприятным покровительством, того владычества, которому остров был обязан своим процветанием и славой. Влияние мавританской бережливости, способностей и мастерства было повсюду очевидным и признанным. Его бесшумная работа способствовала его прогрессу и увеличила его мощь. Морские интересы острова находились в руках мусульман; они контролировали финансы; они заключали договоры; им в значительной степени доверялось отправлению правосудия и образование молодежи. Их честность признавалась даже теми, чья практика по контрасту казалась наиболее неблагоприятной; их разносторонние таланты нередко поднимали их на самые высокие и ответственные посты при нормандском дворе.

Современные историки заявляют, что этот двор не уступал по великолепию и культуре Каиру и Багдаду. Это сравнение, хотя и было высшей похвалой его величию и блеску, также безошибочно указывало на восточное влияние, которым оно было проникнуто. Великие сановники с помпезными титулами и внушительной по численности и великолепию свитой исполняли основные обязанности короны. Была установлена жесткая система подчинения и подотчетности, регулирующая поведение младших должностных лиц в их отношениях к вышестоящим и к суверену. Градации ранга этих гражданских магистратов были многочисленны, а их соответствующие обязанности были четко определены. Система феодальных владений никогда не существовала в Северной Италии из—за необычайного роста морской предприимчивости, взаимной зависти, порожденной коммерческим соперничеством, предрассудков населения Ломбардии, враждебно относившегося к ограничениям и злоупотреблениям, которые подразумевало принятие этой системы, основания многих независимых и богатых общин, - условий, естественно, несовместимых с поддержанием учреждения, основанного на обязательствах военной службы и баронской защите. Однако в Апулии и Северной Сицилии нормандское господство в некоторой степени пересажало законы и обычаи Западной Европы, которые нашли благоприятную почву в провинциях, уже знакомых с притеснениями сарацинского деспотизма. Но феодальная система нормандского правления во многом утратила свою первоначальную суровость и была лишена тех репрессивных привилегий, которые с трудом переносились даже в странах, веками привыкших к страданиям и деградации, которые они влекли за собой. Эти изменения были настолько обширными и радикальными, что были почти революционными по своей природе. Споры лорда и вассала, дворянина и сюзерена разрешались судебным судом. Деревенщина, признанная во всей Европе, была практически неизвестна. Пока виллен был прикреплен к глебу и проходил с его передачей, его нельзя было безнаказанно преследовать; он мог владеть имуществом и отчуждать его, составлять завещания, требовать выкуп за свои услуги и, во многих других отношениях, осуществлять права свободного человека, оставаясь при этом инвалидом крепостного. Предписанные ему дни принудительных работ были установлены законом. Его показания были приемлемы в судебном разбирательстве; он не мог быть незаконно лишен результатов своего трудолюбия, когда добросовестно исполнял свои обязанности перед своим господином; и при определенных обстоятельствах ему было разрешено вступить в клерикальную профессию, возможности которой могли открыть перед честолюбивым фанатиком карьеру высочайшего достоинства.

Варварские предрассудки норманнского завоевателя сохранились во многих институтах, унаследованных от веков грубых суеверий и невежества. Среди них были абсурдные и незаконные испытания огнем, водой и судебные поединки, распространенные в обществах, где частично господствовало жречество, а частично - меч. Но более правильные представления об истинном характере доказательств и их применении, приобретенные благодаря общению с людьми, знакомыми с кодексами Юстиниана и Магомета, в конечном итоге смягчили зло, вызванное такой иррациональной процедурой; и, хотя от нее не отказались полностью, ее наиболее оскорбительные черты постепенно устарели. В других отношениях отправлении правосудия — из-за совершенства его системы, быстроты, с которой проводились судебные процессы, из-за возможности, предоставляемой стороне судебного процесса для обжалования и отмены судебного решения, — было замечательным. Наделенный священным характером, судья в силу своего официального положения уступал только королю. Его личность была неприкосновенна. Никто не мог подвергать сомнению его мотивы или оспаривать его авторитет

под страхом наказания за святотатство. Глава верховного суда королевства, которым окончательно решались все вопросы, рассматриваемые в порядке апелляции нижестоящими трибуналами, назывался Великим судьей. Его полномочия и достоинство были востребованы и получили самое высокое уважение. Никто, кроме людей, выдающихся своей образованностью и честностью, не был возведен на этот высокий пост. Верховный судья, хотя часто и плебейского происхождения, имел преимущество перед гордой знатью, чьи титулы, существовавшие веками и приобретенные в Египте и Палестине, уже стали историческими. Перед ним несли шелковое знамя, эмблему его должности. На публичных собраниях и королевских аудиенциях он сидел по левую руку от государя. Из всех чиновников короны только констебль приближался к нему по званию. Эти необычные почести, оказанные сановнику, право на уважение которого было обусловлено не личной доблестью или наследственными отличиями, а почтением, с которым относились к его должности, указывают на значительный прогресс в характере народа, который всего несколько лет назад не признавал никаких законов, кроме закона физического превосходства, никакого суда, кроме суда оружия. В других сферах государственного управления — в финансах, в законодательстве, в регулировании торговли, в защите и поощрении сельского хозяйства, в поддержании порядка — нормандское господство на Сицилии представляло собой пример развитой цивилизации, которого больше нигде в Европе нет, за исключением мавританских княжеств Испании. Система налогообложения не только предусматривала регулярные отчисления, но и разрешала такие чрезвычайные взносы, которые могли потребоваться для строительства крупных общественных сооружений или в связи с военной необходимостью. Мощный и хорошо оснащенный военно-морской флот укреплял власть и защищал права нормандских королей в Средиземном море. В классификации орденов духовным лицам не были, как везде, предоставлены чрезвычайные привилегии в силу их священного исповедания. Высокопоставленные лица были зачислены в число феодалов; низшее духовенство было низведено до промежуточного уровня подданных, помещенного между дворянами и крепостными; все они, наравне с мирянами, несли ответственность за нарушения законов. Монарх был главой Церкви при папе; должность папского легата, которую он узурпировал, считалась, посредством удобной фикции, переданной по наследству; он пользовался правами возведения епископств, раздачи бенефиций, перевода прелатов, освобождения аббатств; он облагал налогами духовенство и, когда требовал случай, не колеблясь захватывал и присваивал имущество, выделенное для использования в общественных богослужениях. В своих владениях папа, хотя и был номинальным главой христианского мира, был всего лишь личностью второстепенной важности, не имевшей большого реального влияния и престижа, за исключением того, что проистекало из его почитаемого титула и его резиденции в том городе, который когда-то дал законы миру. Папство, это правда, еще не полностью утвердило те зловещие притязания на империю, которые впоследствии привели самые отдаленные страны под его юрисдикцию; но его честолюбивые понтифики уже заложили основы своего деспотизма; и это неповиновение их власти у самых ворот столицы христианского мира было чревато самыми жизненно важными последствиями для будущего мира и благополучия Европы.

Ни один народ не отличался большим разнообразием манер, языка, привычек и религии, чем жители нормандской Сицилии. Смешение незнакомых языков, постоянное повторение живописных костюмов свидетельствовали о присутствии множества различных национальностей. В целом, хотя поддерживались тесные отношения и были распространены смешанные браки, различные расы были распределены по отдельным кварталам и округам и

существовали как касты. Говорили на греческом, латыни, иврите, арабском, а также на грубых и варварских диалектах Германии и Франции; законы каждой нации соблюдались, за исключением случаев, когда они вступали в противоречие с верховной властью; насильственный прозелитизм и религиозные преследования были неизвестны; и в обществе с таким разнообразным характером было невозможно, чтобы национальные предрассудки могли закрепиться надолго. Общественное мнение, как и политика правительства, склонялись к потворству религиозной и интеллектуальной свободе. Ни в каком отношении эта либеральность не была столь очевидна, как в обращении с евреями. В других частях Европы они считались законной добычей любого угнетателя; могли передаваться целыми общинами, подобно стаду крупного рогатого скота, от одного мелкого тирана к другому; их безнаказанно грабили и пытали; они были лишены возможности ссылаться на защиту законов; столетия систематического угнетения сделали их бессильными для осуществления права на самооборону или успешного обращения к оружию в эпоху анархии и насилия. На Сицилии, при норманнах, просвещенное общественное мнение диктовало меры, применяемые в отношении предприимчивого, но несчастного народа. Их полезность для государства была признана иммунитетам, которыми они пользовались. На протяжении поколений никакие знаки позора или рабства не делали их заметными на многолюдных улицах; на них как на класс не налагались обременительные налоги; они в значительной степени разделяли права и привилегии других граждан; никакому суду не разрешалось дискриминировать их при отправлении правосудия; им не запрещалось заниматься профессией банкиров, но процентная ставка, которую они могли взимать, была ограничена десятью процентами.

Блеск сарацинской цивилизации скорее усилился, чем потускнел в результате нормандского завоевания. Стабильность и уверенность, которые обеспечило правление победителей, с лихвой компенсировали ущерб, неизбежно возникающий в результате их военных операций. Повсюду было установлено верховенство закона. Племенная вражда, которая была проклятием мусульманского общества, была подавлена, если не искоренена полностью. Морские порты быстро увеличивались в размерах и богатстве. Дворцы таких же размеров и красоты, но более солидные по своей конструкции, пришли на смену просторным и живописным виллам, которые демонстрировали вкус мавританских принцев. Массивные лестницы открывали доступ к широкому каменным набережным, заваленным товарами Средиземноморья. Узкие и извилистые улицы Востока уступили место широким и хорошо вымощенным проспектам, приспособленным для коммерческих нужд многочисленного торгового населения. Как и прежде, при греках и мусульманах, Палермо в высшей степени демонстрировал влияние и прогресс искусств цивилизации. Его цитадель, защищаемая всеми средствами военной науки, была такой обширной, что сама по себе заслуживала названия города. Здесь располагались склады, базары, бани, рынки, церкви и мечети. Над ним возвышался замок, возведенный норманнами, массивные блоки, из которых состояли его стены, были покрыты арабесками и надписями. Резиденции купцов и знати бросались в глаза своим количеством и элегантностью; королевский дворец сам по себе был чудом архитектурного величия и сицилийской роскоши. Но здания, которые сильнее всего поразили воображение незнакомца, были двумя великими святынями, предназначенными соответственно для христианского и мусульманского богослужения. Межконфессиональное соперничество исчерпало себя в их строительстве и украшении. Мечеть была одной из самых великолепных во всем исламе. Его красоту подчеркивали богатые гобелены, а также изысканная расцветка и позолота, которые проявлялись в изящной резьбе, украшавшей его интерьер. Но каким бы величественным и

красивым он ни был, обычно признавалось, что христианский собор превосходит его по тем материальным достоинствам, которые наиболее сильно вызывают к чувствам восторженных и набожных людей. Арабские писатели наперебой воспевали величие и великолепие этого знаменитого храма. При его украшении было задействовано совместное мастерство мавританских и византийских художников. Стены были инкрустированы золотом, чей ослепительный блеск смягчался панелями из драгоценного мрамора различных цветов, окаймленными мозаикой из зеленой листвы. Колонны были украшены растительным орнаментом, перемежавшимся надписями куфическими иероглифами. Высокий купол, покрытый блестящей черепицей, был одной из достопримечательностей столицы и, выступающий на фоне безоблачного неба, был самым заметным объектом, привлекавшим внимание ожидающего моряка. Вокруг города террасами, подобно сиденьям амфитеатра, возвышались пригороды, утопавшие в буйной растительности всех стран, до которых мог добраться предприимчивый человек, сквозь лиственную завесу которой время от времени проглядывали ярко раскрашенные виллы князей-торговцев или роскошные и внушительные дворцы нормандской аристократии.

Среди многочисленных мер, принятых и доведенных до зрелости новым господством, примечательно, что учебным заведениям не было оказано особого поощрения. Существует традиция академии великого графа Роже, но это всего лишь традиция. Ни один национальный университет не был основан для увековечения славы или превознесения преимуществ королевского покровительства. Не было введено в действие никакого общего плана содействия просвещению масс. Еврейские и сарацинские школы, однако, все еще выживали; они часто удостаивались королевской щедрости, и к ним прибегали те христиане, которые желали извлечь выгоду из ценного обучения, которое они давали. Как и везде в христианском мире, духовенство было всеобщим хранителем знаний — преимуществом, которое они прекрасно понимали и ни в коем случае не желали добровольно отказываться. Только в одном отношении их власть была серьезно урезана. Фальшивая медицина того времени, практиковавшаяся с санкции Святого Престола, породила стадо невежественных и корыстолюбивых церковных шарлатанов. Они действовали с помощью песнопений, реликвий и благовоний; и их огромные доходы были одним из главных источников дохода прихода и монастыря и соответствующим бременем для людей. Король Рожер отменил это злоупотребление и потребовал, чтобы опытные врачи обследовали всех кандидатов на профессию врача и хирурга, ограничив тех, чьи суеверия были неискоренимы или чьи знания были недостаточны, тайным служением в святыище и исповедальне.

В поработанной расе, унаследовавшей мудрость и опыт многих эпох и народов, следует усматривать главный и действительно необходимый фактор нормандского процветания и цивилизации. Его особенности оказали глубокое влияние на различные правила, определявшие судьбы острова; они вновь проявились в военной организации, в гражданском устройстве, в социальных обычаях, в архитектурных проектах, даже в религиозном церемониале завоевателей. Захватчиков было всего несколько человек, но моральное влияние, которым они обладали благодаря непобедимой доблести, огромной личной силе и непреклонному упорству в достижении цели, сразу же дало им почти бесспорное превосходство. Эти качества, однако, не смогли бы без посторонней помощи основать или поддерживать процветающее государство, выдающееся в тех искусствах, которые способствуют благосостоянию и богатству наций. Восточное мастерство, утонченность и ученость были способны, однако, восполнить недостатки, о существовании которых грубые и неотесанные западные авантюристы были

прекрасно осведомлены. Мусульманин пользовался большим доверием и благосклонностью нормандских князей. Быстро понимавший потребности любого случая и идущий навстречу им, его доблесть была неоценима в подавлении анархии и установлении порядка. Сарацинская кавалерия тысячами зачислялась в нормандские армии. Сарацинские советники стояли в тени трона. Сарацины собирали налоги и распоряжались государственными доходами. С искусной дипломатией, характерной для их расы, они вели важные переговоры с иностранными державами. Их религиозные собрания охранялись от вторжений и оскорблений с той же заботой, которая обеспечивала неприкосновенность христианского богослужения. Законы предоставляли им беспрепятственное пользование недвижимым и личным имуществом и распоряжение им. Их влияние на обычаи общественной и домашней жизни было глубоким и постоянным. Преобладающим языком как при дворе, так и в городе был арабский. Евнухи в развевающихся одеждах и белоснежных тюрбанах кишели во дворцах короля, знати и епископа. Темноглазые красавицы мавританского происхождения заполняли гаремы воинственной и распущенной аристократии. Кади, сохранив знаки отличия и авторитет своей первоначальной официальной работы, был важным сотрудником судебной системы Сицилии. Он не только определял интересы своих соотечественников, но и часто был доверенным советником монарха. С вершин ста минаретов, которые, казалось, пронзали небеса, муэдзин, пронзительно произнося предписанные стихи Корана, призывал последователей Мухаммеда к молитве. Каким был Палермо, такими были и другие сицилийские города — Мессина, Сиракузы, Энна, Агриджент.

Мусульманские институты, оказавшие мощное влияние в результате их повсеместного распространения, таким образом, сохраняли подавляющее преобладание во всех провинциях Нормандского королевства. Даже в Апулии и Калабрии, первоначальной резиденции новой династии, царили те же условия. Центр папской власти и различных государств, подпадающих под его непосредственную юрисдикцию — юрисдикцию, уже важную, но пока не осуществляемую с неоспоримым авторитетом, — не мог не быть глубоко впечатлен близостью этой аномальной империи; где христианские символы и коранические легенды смешались в украшении соборов; где распятие и девизы мусульманских правителей были запечатлены вместе на чеканке монет королевства; где выдающиеся прелаты получали инвеституры, оказывали почтение и отдавали дань светской власти; где мусульманские монархии были объединены в единое целое. высокопоставленные лица нередко брали верх над папскими посланниками, и наследственные враги христианского мира доблестно сражались под знаменем Креста. Эффект от этого зловещего примера также не ограничивался местностями, где повседневное знакомство привело к тому, что он утратил свою новизну. Торговцы, посещавшие отдаленные и полуварварские дворы Европы, крестоносцы, время от времени пользовавшиеся гостеприимством сицилийских городов, вернувшиеся искатели приключений, служившие в армиях княжеского дома Де Отевилей, - все они повсюду распространяли преувеличенные и романтические рассказы о странных и кощунственных обычаях нормандской монархии. Церковники в смятении перекрестились, когда услышали о почестях, оказанных неверным, чьи единоверцы осквернили Гроб Господень, вызвав гигантские экспедиции, которые опустошили целые провинции и истощили богатства доверчивой и фанатичной Европы. Другие, кого учеба и размышления сделали мудрее того времени, в котором они жили, с открытым безразличием и скрытым восторгом видели в этом вызове и презрении папской тирании зарю светлой эры, перспективу окончательного освобождения человеческого разума. Прогресс ментальных и моральных изменений, затронувших европейское общество,

происходивший благодаря вмешательству нормандского влияния в политическую и религиозную жизнь континента, был постепенным, неопределенным и долгое время незаметным, но непрерывным и мощным. Всеобщий дефицит средств получения информации, недостаток образовательных учреждений, которые способствовали зависимости масс от единственного класса, способного их обучать и совершенствовать, ужасные наказания, которым подвергалась ересь, почти на триста лет отсрочили неизбежную вспышку интеллектуальной революции. Принципы, на которых была основана эта революция, хотя поначалу обсуждались украдкой и втайне, со временем стали настолько популярными, что поставили под угрозу империю Церкви и серьезно подорвали ее престиж.

Влияние королевского дома Де Отевиллей было расширено, преумножено, увековечено императорским домом Гогенштауфенов. Традиции арабов, унаследованные норманнами, были переданы немцам и стали источником вдохновения. Гений Фридриха II произвел неизгладимое впечатление на всю тевтонскую расу. Не следует забывать, что самое мощное восстание против папской тирании и коррупции вспыхнуло в Саксонии. Новая Германская империя во многом обязана своему главенствующему положению в Европе и высокому рангу на шкале цивилизации талантам, энергии и трансцендентной мудрости величайшего монарха средневековья.

Ожесточенная борьба между папством и Империей за всеобщее правление началась с приходом к власти Дома Гогенштауфенов в начале двенадцатого века. Принцы этого Дома, прославившиеся доблестью и дипломатичностью, рано проявили дух неподчинения Святому Престолу, что не предвещало ничего хорошего для политического превосходства, которое стало главной целью его честолюбивых замыслов. Папская власть, еще не укрепленная и даже не вполне определенная, была неспособна успешно противостоять посягательствам надменных германских государей теми мерами, которые впоследствии оказались столь эффективными против непокорных монархов Европы при разрешении споров, затрагивающих ее доктрины и ее авторитет. Хаотичное состояние европейской политики сделало невозможным для папы заручиться помощью какого-либо властителя, способного противостоять тиранам Севера, чьи амбиции были направлены на поглощение наследия Святого Петра, поскольку их наглость уже угрожала независимости его трона. Дипломатические переговоры оказались безрезультатными. К некогда грозному оружию отлучения от церкви относились с презрением. Других ресурсов не оставалось. Влияние Империи достигло своего максимума во время правления Генриха VI.; и папа, окруженный со всех сторон могущественными и решительными врагами, казалось, вот-вот будет низведен до ранга имперского вассала, когда внезапная смерть императора и избрание одного из величайших из верховных понтификов, когда-либо занимавших кафедру Святого Престола, изменили политические и церковные условия, которые, по всей видимости, прочно установились и от поддержания которых так много зависело, и открыли путь череде бедствий, не имеющих себе равных по своему зверскому характеру ни в каких актах насилия. тирании, которые когда-либо душили независимую мысль или тормозили прогресс человеческой цивилизации.

Иннокентий III, когда был избран в папский сан, уже был человеком зрелых лет, большого опыта, и устоявшейся репутации. Его способности ученого и дипломата, его знакомство с принципами теологии и права сделали его имя известным и уважаемым во всей Европе, в то время как влияние, которое он оказывал на церковных соборах задолго до своего возвышения на высший пост, сделало его чрезвычайно заметным в церковных делах Италии. С его

обширной эрудицией и разносторонностью характера сочетались таланты интригана и администратора, отвечающие самым строгим требованиям государственной мудрости и командования. Вкрадчивый в обращении, веселый в беседе, поочередно надменный и приветливый в манерах, его непревзойденное знание человеческой природы и тонкий такт позволяли ему регулировать свое поведение в соответствии с обстоятельствами его политического или религиозного окружения. Сознывая свой командирский гений, его ненасытное честолюбие не удовлетворялось традиционными почестями и материальными преимуществами папского владычества; оно было нацелено на установление автократии, свободной от вмешательства земных властителей, номинально подчиняющейся только небесной власти, но, фактически, абсолютно безответственной и деспотической.

Таков был грозный противник, который в конце XII века противостоял величию Германской империи, представленной младенцем в возрасте менее четырех лет. Несовершеннолетие этого младенца, впоследствии Фридриха II, было периодом унижительной зависимости и постоянного унижения. Его мать была вынуждена признать сюзеренитет папы римского, чтобы сохранить хотя бы номинальную власть в своих собственных наследственных владениях. Ее смерть оставила ее ребенка под опекой Святого Престола, вдобавок к тому, что он был его вассалом, и, как следствие, вся церковная политика его королевства была изменена; духовенство было объявлено независимым от светской власти; пожалования недвижимого имущества, конфискованные предыдущими императорами и подтвержденные давным-давно, были отменены, а земли возвращены Церкви; усердно разжигались ссоры между мятежной знатью, чтобы предоставить предлог для папского вмешательства и расширения церковной юрисдикции, с номинальной целью примирения вражды и сохранения порядка; евреи и мусульмане, оставшиеся без защитника и подвергшиеся ужасным преследованиям, были вынуждены прибегнуть к отчаянной альтернативе изгнания или разбоя. В результате этих невежливых мер Сицилию охватила анархия, гораздо более прискорбная и досадная, чем та, которая была вызвана преступлениями и безумствами сарацинского дурного правительства. Его население уменьшилось, его процветание пошло на убыль, его торговля почти исчезла. С возвращением власти священства зло, неотделимое от этого состояния, — невежество, нетерпимость, частная коррупция, организованное лицемерие — снова стало преобладающим. Вторжение орды жадных и ненасытных священнослужителей в богатые сицилийские бенефиции принесло с собой все злоупотребления Папской Италии. Открыто практиковалась симония. Некоторые священники ссужали деньги под разорительные проценты; некоторые содержали таверны; другие получали огромные доходы от еще более сомнительных общественных увеселительных заведений. Нечистоплотность их жизни и богохульства, которым они часто предавались, вскоре привели к тому, что они утратили уважение своих прихожан, как это уже давно было в Риме. Они были настолько небрежны к внешним обрядам и обязанностям, предписанным их профессией, что пренебрегали служением у алтаря до тех пор, пока их поведение не превратилось в скандал. Все жаловались на то, что священные облачения были рваными и грязными; чаши неполированными; сакраментальное вино прокисшим; Воинство, видимый символ Бога, незащищенным от насекомых и покрытым пылью. Привычки духовенства были невероятно мерзкими. Чем выше был сан и чем заметнее был прелат, тем большим был пример денежной коррупции и социального разврата. Доходы Церкви, вымогаемые у сопротивляющегося и обнищавшего народа, были растрачены на покупку прекрасных экипажей, на роскошные банкеты и на алчных куртизанок. Религиозные обязанности были забыты в общей борьбе за власть. Палермский дворец был местом сбора этих церковных

политиков, чьи распри и интриги, столь несовместимые с их призванием, часто нарушали покой города, и чьи пороки были порицанием населения, которое никогда не могло похвастаться высоким уровнем личной морали.

Властный дух Фридриха, не желавшего терпеть вмешательства в дела своего королевства даже со стороны своего феодального начальника, впервые проявился, когда ему было всего четырнадцать лет, в споре с палермским духовенством, которое обжаловало его решение у папы римского. Впоследствии его неповиновение понтифику стало настолько частым явлением, что его стали рассматривать как один из ведущих принципов его управления. Иннокентий, по-видимому, с почти отеческой снисходительностью отнесся к непослушанию юноши с выдающимися способностями и неустрашимой решимостью, который подчинялся его власти не только как член христианской общины, но и в двойном качестве подопечного и вассала. Его неспособность оценить истинный характер Фридриха никогда не была так очевидна, как тогда, когда он совершил роковую ошибку, которая возвела этого принца на величайший трон в христианском мире. Ничтожные уступки, вымогаемые в качестве цены за это великое достоинство, были безразличной компенсацией за ряд несчастий, которые оно принесло Европе, — ожесточенную вражду фракций; увековечение внутреннего конфликта с его неотъемлемыми пороками, повсеместную анархию, разрушение городов, опустошение провинций, массовую резню мирных жителей, препятствие национальному прогрессу; и частичный возврат к варварским условиям прежних эпох, вызванный беспощадной борьбой гвельфов и гибеллинов. В задачу этой работы не входит подробное изложение событий той могучей борьбы. Отношения Святого Престола и Империи важны только потому, что они могли косвенно повлиять на влияние реформ, начатых великим императором; реформ, фундамент которых был заложен двумя предыдущими династиями с совершенно разным характером, и принципы которых берут свое начало в колонизации Сицилии нацией, совершенно чуждой законам и традициям современной Европы.

Рожденный под южным небом, с детства привыкший к ежедневному общению с самым интеллектуальным обществом того времени, Фридрих II. до последнего сохранял явное пристрастие к Сицилии, земле своего рождения. Классические воспоминания и романтическая история этого знаменитого острова оказали на его деятельный ум самое сильное и продолжительное влияние. Он не испытывал симпатии к грубым и варварским обычаям, грубым празднествам, свирепости, пьянству и скотству той страны, которая была первоначальной резиденцией его королевского Дома, царства, откуда он получил самый гордый и высокопарный из своих многочисленных титулов, и еще меньше склонности к ним. Воспитанный двумя мавританскими наставниками под руководством кардинала, — любопытное обстоятельство, указывающее на то, что неверная ученость еще не полностью уступила место церковным предрассудкам, — он со временем овладел всеми искусствами и достижениями, которыми обладал этот замечательный народ, эрудицией и трудолюбием которого восхищалась и которого боялась господствующая раса, представителей которой военная удача сделала хранителями власти и толкователями ортодоксии. Это раннее, тесное и постоянное общение с мусульманами и греками, в каждой из систем правления которых светские и духовные функции были возложены на одного человека, несомненно, натолкнуло императора на мысль о грандиозном проекте слияния папской должности с императорским достоинством - объединении двух деспотий под руководством одного главы, чьи полномочия неопределенного масштаба нельзя было подвергнуть сомнению, не навлекая на себя наказания как за государственную измену, так и за святотатство, и юрисдикция которого в конечном итоге

охватила бы весь пригодный для жизни мир. Политическая и судебная системы, учрежденные и усовершенствованные Фридрихом II, замечательные сами по себе, становятся почти чудесными, если рассматривать их в связи с эпохой их создания, трудностями, встречающимися при их применении, и антагонизмом привилегированных классов, в планы которых они вмешивались и злоупотребления которых они были призваны исправлять и сдерживать. Два вопроса первостепенной важности привлекли внимание этого просвещенного монарха, вопросы, содержащие в себе решение каждой административной и каждой социальной проблемы, — обнародование закона и безоговорочное подчинение его предписаниям и принятие мер, которые могли бы обеспечить наибольшее достижимое счастье народа. Достижению этих благородных и похвальных целей постоянно посвящались таланты и энергия великого правителя — в часы триумфа и в часы унижения; когда он был поглощен заботами огромной и мятежной империи; в пустынях Сирии; перед лицом самой смерти; в горечи духа, вызванной разбитыми мечтами о давно лелеемом честолюбии.

Беды, постигшие затянувшееся меньшинство, проявились в Королевстве Сицилия более чем обычно. Надзор папы, как обычно, осуществлялся единообразно на благо церковного порядка и возвышения Святого Престола. Свирепая и алчная аристократия, нетерпимая к ограничениям и жаждущая новшеств, бросала вызов законам и обрушивала свою наследственную месть друг на друга при любых обстоятельствах беспощадной жестокости. Масса населения, вероятно, состоящая из более разнообразных элементов и национальностей, чем любое равное по численности сообщество в мире, неспособная процветать и едва способная жить, пыталась различными методами добиться освобождения от невыносимых преследований своих врагов. Грек, со свойственной его расе хитростью, примкнул к той фракции, которая в настоящее время имела наилучшие шансы на успех. Еврей приобрел временную неприкосновенность, добровольно сдав большую часть своего имущества. Сарацин, единственный из своих товарищей, взялся за оружие. Его воинственный дух и многочисленность его соотечественников добились от его беспокойных и неорганизованных противников молчаливого признания независимости, что немало подтверждал суровый характер страны, в которой находились его опорные пункты. В попытке восстановить королевскую власть сарацины оказали неоценимую помощь; они были одними из первых, кто собрался вокруг императорского штандарта; без их сотрудничества результат был бы неопределенным; и их доблесть и верность сохранили империю Фридриха, поскольку империя их отцов укрепила власть норманнского владычества.

Судебная практика императора основывалась на системе, установленной норманнами, и включала в себя ее. Ее правила были изменены и усовершенствованы в соответствии с тем, что, как подсказывал опыт, было целесообразно и прибыльно. Главными целями законов были искоренение феодальной тирании и пользование частной свободой в той мере, в какой это не противоречило прерогативам короны. Ни один монарх древних или современных времен не заботился так о счастье своих подданных, и никто никогда в большей степени не осознавал тот факт, что критерием величия нации является польза, полученная человечеством от его трудов, его истории, его примера. Трудности, возникшие при формировании единого кодекса, который мог бы применяться в таком космополитическом обществе, как Сицилийское, казались непреодолимыми. Феодальные права и церковные изъятия; привилегии евреев и сарацин, основанные на предписаниях и подтвержденные данью; ревнивые споры о многих формах

религиозных верований; постоянные посягательства и узурпации папской власти; скептицизм мусульманских философов и фанатичная ярость преследующих фанатиков — все эти антагонистические права, притязания, предрассудки и прерогативы необходимо было исправить, перестроить, дополнить и воплотить в одной практической, эффективной и гармоничной системе. Задача, хотя и колоссальная, не выходила за рамки способностей и созидательного гения великого законодателя. Буйство знати было жестко сдержано. Все члены духовенства подчинялись законам королевства в случаях, которые касались достоинства и традиций империи. В вопросах, касающихся только брака, им разрешалось осуществлять юрисдикцию над теми, кто не принимал постриг; согласие императора было необходимо для действительности выборов; прелат, так же как и мирянин, был вынужден помогать в покрытии государственных расходов; и при этом он никоим образом не мог уклониться от исполнения обязанностей, предписанных Имперским кодексом, или ссылаться на иммунитет от бремени, необходимого для безопасности государства или обеспечения порядка. Закон мортмейна, принятый под руководством императора, почти на столетие предшествовал знаменитому статуту Эдуарда I. Прототипом которого он стал. Каждому человеку постоянно внушалась максима о том, что суверен является источником справедливости, авторитета и милосердия. Уголовный процесс, основанный на нормандских прецедентах, был на редкость свободен от юридических жестокостей, обычно предписываемых феодальными правилами; смертная казнь назначалась только за самые тяжкие преступления; нанесение увечий допускалось редко, за исключением случаев с неисправимыми преступниками; пытка, хотя и признавалась, была одним из самых редких наказаний. Дворы были окружены всеми внешними признаками официальной пышности и достоинства. Решение верховного трибунала обжалованию не подлежало; даже при монархе систематически не поощрялись тяжбы; подкуп судей считался особо подлым преступлением; а практика привлечения магистрата к ответственности за поддержание мира в его округе была наиболее эффективной мерой пресечения насилия и грабежей профессиональных злоумышленников.

В уставах, касающихся выявления ереси и наказания за нее, характер Фридриха предстает исключительно невыгодным. Его длительные войны с Папой Римским, его тесная близость с неверными, его притеснение духовенства, неоднократные акты святотатства, в которых он был повинен, богохульные речи, постоянно вертевшиеся у него на языке, нечестивые и таинственные занятия, которыми он увлекался, его использование магов и астрологов и доверие к ним неопровержимо демонстрируют слабость его веры или глубину его лицемерия. Но широта взглядов и поведения, которую он позволял себе, была обратно пропорциональна той, которой он удостаивал других. Никто из знакомых инквизиции никогда не преследовал еретиков с большим рвением и настойчивостью, чем знаменитый монарх, чье имя постоянно ассоциируется со всем либеральным, просвещенным и прибыльным в анналах человеческого прогресса, и эта непоследовательность тем более бросается в глаза в правителе, любимым чувством которого было: “Слава правителя - это безопасное и комфортное состояние подданного”. История никогда не была в состоянии предложить удовлетворительного или даже правдоподобного объяснения этой аномалии; ее причина на таком расстоянии во времени должна оставаться навсегда неизвестной и может быть приписана, за неимением лучшего решения, врожденной извращенности человеческого разума, который часто из-за одного вопиющего недостатка затемняет блестящий блеск характера, в высшей степени заметного по всем королевским качествам, каждому великодушному порыву, каждому литературному и художественному совершенству.

Его коммерческие правила были одним из главных источников власти и величия Фридриха. Его гений с первого взгляда понял огромные преимущества, которые должны были возникнуть в результате обмена товарами с морскими державами; и при применении этого принципа все возможности были предоставлены тем смелым духам, энергию которых ожидание выгоды или любовь к приключениям направлялись в каналы торговли. Договоры, более либеральные по своим положениям и более выгодные по своим последствиям, чем те, которые до сих пор принимались средиземноморскими державами, были заключены с крупнейшими торговыми сообществами Европы — Константинополем, Венецией, Генуей, — а также с Дамаском и Александрией и мавританскими княжествами Африки и Испании.

Близость, поддерживаемая Фридрихом с мусульманскими монархами, в значительной степени способствовала процветанию его владений. Султан Египта был его другом. Эмир Туниса был его данником. С другими мусульманскими князьями он был в наилучших отношениях. Торговые договоры, составленные для взаимной выгоды, часто заключались с этими властителями, которые были только рады дискриминировать других европейских монархов в пользу императора Германии. В 1241 году, по прибытии императорских послов, Каир был иллюминирован в их честь. Торговля Сицилии распространилась и на Индию. Предметы роскоши Востока доставлялись в порты Палермо и Мессины. На их рынках оружие, драгоценности, ткани, фарфор из стран, удаленных от цивилизации, находили свободный сбыт. Взамен экспортировались огромные количества зерна и промышленных изделий. На основании неоспоримых данных было установлено, что белые рабыни христианского происхождения составляли немалую долю товаров, которыми торговали подданные Фридриха II.

Удачное географическое положение Сицилии, ее великолепные гавани, плодородие ее почвы, совершенство и разнообразие ее мануфактур во все века были факторами первостепенной важности в ее коммерческом развитии. Этому развитию теперь существенно способствовало взаимное соблюдение гуманных и вежливых правил, до сих пор не признававшихся в отношениях между народами в Средние века. Купцов в иностранных портах принимали с расточительным гостеприимством; недоверие к чужеземцам постепенно ослабевало, и несчастным, выброшенным в море, больше не приходилось терпеть ни буйство стихии, ни бессердечную алчность свирепых разбойников или флибустьеров-любителей. В широко распространенной торговле монархии корона занимала немалую долю. Корабли Фридриха стояли на якоре во всех гаванях; его склады были заполнены отборными и самыми дорогими тканями всех стран; а его агенты, отличавшиеся предприимчивостью и отвагой, собирали в отдаленных и почти неизвестных регионах Востока товары, продажа которых принесла бы наибольшую пользу королевской казне. Принципы свободной торговли, по-видимому, были впервые провозглашены в морском кодексе Сицилии. Император, однако, применяя эти принципы, не проявлял нежелания дискриминировать своих собственных подданных, судам которых не разрешалось заходить в иностранные порты до тех пор, пока суда короны не пробудут определенное время в море. Каждая отрасль торговли платила дань императорскому купцу. Его корабли перевозили паломников в Святую Землю. Зерно, которое он ежегодно отправлял в Африку, приносило огромную и несомненную прибыль. Его торговля с Индией приносила на европейские рынки предметы незнакомого назначения и сложной работы, редкость которых часто увеличивала их внутреннюю ценность. Его дружеские отношения с мусульманскими князьями, начавшиеся во время Крестового похода и прервавшиеся только с его смертью, часто делали его получателем великолепных подарков. Мы читаем, что однажды

восточный правитель прислал ему дюжину верблюдов, груженных серебром и золотом. Все корабли, ведущие торговлю с Палестиной, были обязаны привозить обратно по арбалету для каждого из своих тросов - мера, которая, хотя и пополнила королевские арсеналы самым эффективным оружием того времени, была свободна от опасностей недееспособности чиновников или коррупции и не влекла за собой никаких расходов для правительства. Огромный флот галер под командованием генуэзского адмирала Спинолы поддерживал военно-морскую мощь королевства и защищал побережье от набегов пиратов.

Во внутреннем управлении королевством преобладали самые прогрессивные и справедливые идеи коммерческой чести и общей выгоды. Никакие пошлины не могли взиматься с предметов первой необходимости, перевозимых из одной провинции в другую. Хотя монополии не были запрещены, они были ограничены короной, и угнетение, вызванное этой мерой в других странах, не ощущалось подданными Фридриха. Ежегодные ярмарки проводились во всех главных городах; рынки существовали повсюду. Налоги распределялись в соответствии с богатством округа, где они должны были взиматься. Постоянные войны временами делали эти обложения обременительными, но было некоторое облегчение от осознания того, что духовенство было вынуждено вносить свою долю в общественное бремя - неудобство, от которого они были освобождены в других местах. Эта монета была одной из самых чистых, удобных и прекрасно выполненных, которые когда-либо были выпущены в обращение каким-либо правительством. Сельское хозяйство, все еще в значительной степени находившееся в руках арабов, было доведено до высочайшего совершенства. Каждое растение или деревце, выращивание которых, как было известно, приносило прибыль и могло приспособиться к феноменально плодородной почве, можно было найти в садах и на плантациях Сицилии. Постановления королевства, касающиеся сельской экономики его населения, были подробными и конкретными, даже отеческими по своему характеру. Они были особенно точны в деталях, когда указывали, как следует управлять королевскими владениями. Велся учет урожая, произведенного в каждом округе. Каждый год производилась инвентаризация всего скота, домашней птицы, зерна и фруктов; методы их реализации и цены, которые они приносили, были отмечены в государственных реестрах. Само использование, для которого предназначались даже перья домашних птиц, было предметом официального расследования. Породы лошадей, ослов и крупного рогатого скота были улучшены; об этих животных заботились самым тщательным образом. Пища, которая после эксперимента была признана наиболее питательной, была принята; и император, чей интерес к этим вопросам стимулировался прибылью, которую он получал от своих конюшен, лично проверил управление ими с самой усердной тщательностью. Надзор, осуществляемый правительственными чиновниками за всеми профессиями, был самым тщательным и, должно быть, часто оказывался досадным. Меры веса были предписаны законом, и любое отклонение от честных сделок в этом отношении каралось самыми суровыми наказаниями. В каждом городе были назначены офицеры для выявления фальшивых весов и продажи поддельных товаров. Законы гигиены были поняты и применялись с такой степенью интеллекта, которая неизвестна многим европейским сообществам даже в наши дни. Нездоровые продукты нельзя было выставлять на продажу на рынках. В городских стенах были запрещены занятия, оскорбляющие чувства или наносящие вред общественному здоровью. Для могил была предписана определенная глубина, чтобы исходящие из них испарения не загрязняли воздух. На дорогах не разрешалось оставлять падаль.

В вопросах законодательства, а также в вопросах, связанных с политической экономией, королевство Сицилия намного опередило своих современников. Конституция Англии и особенно организация Палаты общин во многом обязаны Сицилийскому парламенту. В то время как обязанности его членов обычно ограничивались регистрацией королевских эдиктов и введением налогов, оно представляет собой первый в истории пример действительно выборного, представительного собрания. Из учреждений Фредерика его родственник, Альфонсо X. Кастильский, присвоил многие законодательные и судебные положения Las Siete Partidas — компиляции, на которую этот монарх получил право главным образом из-за своей славы. Франция и Германия также в конечном счете испытали на себе незаметный, но мощный импульс, сообщенный обществу верховенством закона над теологией, которое зародилось на Сицилии в XIII веке.

Какими бы обширными и важными ни были реформы Фридриха, именно щедрое и проникательное покровительство, оказываемое науке и литературе, проистекает из его самых стойких претензий на благодарность и восхваление потомков. Впечатления, привитые мусульманским вкусом при изучении ранних дисциплин, во время формирования его характера, никогда не теряли своей силы. При его дворе часто бывали самые образованные евреи и арабы того времени. Они были любимыми наставниками молодежи. К их мнениям, почерпнутым из источников классического и восточного образования, прислушивались с уважением и благоговением даже те, кто не соглашался с их верованиями и осуждал их влияние. Они занимали самые ответственные и прибыльные должности в правительстве. Допущенные к дружеским и конфиденциальным аудиенциям с государем, который, будучи сам превосходным математиком, с удовольствием ставил перед ними сложные задачи по геометрии и алгебре, к их философии относились с явной неприязнью выдающиеся прелаты, которые ежедневно в залах и приемных с нетерпением ожидали соизволения императора. Фредерик так любил эти интеллектуальные развлечения, что отправил некоторые вопросы для решения в мусульманские страны Африки и Востока; но никто не был найден компетентным ответить на них, пока они не достигли двора одного из принцев мавританской Испании. Один из самых опытных лингвистов, Фредерик усердно поощрял изучение языков во всех своих владениях. Арабский, иврит и греческий понимали и на них говорили все, кто хоть как-то претендовал на всестороннее образование. Неаполь и Салерно были самыми известными центрами обучения в ту эпоху, — в первом находился Университет, основанный императором; Медицинский колледж Салерно по праву известен как одно из самых выдающихся академических учреждений, которые когда-либо существовали. Профессорско-преподавательский состав университета состоял из самых выдающихся ученых, которых можно было привлечь солидным жалованьем, перспективой литературного успеха и определенной благосклонностью просвещенного монарха. Ресурсы всех стран были усердно вложены в обеспечение успеха этого благородного фонда. Популярность Фридриха среди мусульманских князей Востока предоставила ему исключительные возможности для приобретения литературных сокровищ. Коллекции Египта и Сирии, а также монастырей Европы были разграблены в поисках редких и любопытных томов, которыми можно было пополнить библиотеку великого неаполитанского колледжа. Ни один город не был лучше приспособлен к потребностям крупного учебного заведения, чем Неаполь. Его расположение в центре Средиземноморья, благоприятный климат, дешевизна и разнообразие его рынков создавали необычные стимулы для бедных и амбициозных студентов, желающих получить образование. Их интересы были защищены, а их безопасность гарантирована специальными и строгими законами. Были приняты чрезвычайные меры

предосторожности, чтобы предотвратить приставаания к ним во время их поездок туда и обратно. Были четко и определенно установлены цены, которые могли взиматься за проживание. Были предусмотрены ссуды под номинальные проценты тем ученым, у которых не было средств, необходимых для успешного продолжения учебы. Подготовительные школы королевства функционировали с такой же тщательностью и осмотрительностью, и нигде больше в мире в ту эпоху нельзя было получить образование такого характера, как в сицилийских владениях императора.

Какой бы великой она ни была, репутацию Неаполитанского университета затмила превосходная слава Медицинского колледжа Салерно. Там изучение хирургии и медицины проводилось под наблюдением самых образованных и выдающихся практиков каждой нации, знакомых с искусством врачевания. Незнание какого-либо языка вряд ли могло стать препятствием для студента, поскольку обучение велось на латыни, греческом, немецком, иврите, арабском. В учебной программе неизменно соблюдались научные методы. Распространенные суеверия, которые, поощряемые духовенством, вызвали к легковерным страхам простонародья, были с презрением изгнаны из его залов. Хотя школа Салерно существовала с VIII века и с момента своего возникновения была в основном обязана своей славой и успехом арабскому и еврейскому влиянию, наибольшего процветания она достигла под опекой Фридриха II. Авторами, на которых в основном опирались его профессора, были Гиппократ и Гален, чьи труды были сохранены от уничтожения варварами или забвения сарацинами Египта и Испании. Но в то время как эти почтенные авторитеты всегда цитировались с благоговением, Колледж Салерно не отличался ни упрямой приверженностью традициям, ни преданностью ошибкам, освященным вековыми обычаями. Его дух был в высшей степени прогрессивным, любознательным, либеральным. Монах, раввин, имам, атеист числились среди его учителей, и каждый занимал положение среди своих собратьев в прямой зависимости от своих интеллектуальных достижений. Это аномальное состояние, тем более заметное в эпоху всеобщего невежества и процветающее в самой тени папства, само по себе враждебное всем занятиям, которые вели к умственному прогрессу, и препятствующее его духовному обогащению, делало существование такого института еще более примечательным. К его исследованиям следует отнести многие принципы, теории и методы практики, которые до сих пор признаются правильными современными врачами. Его исследования были полностью философскими и в значительной степени основывались на эксперименте. Информация передавалась в виде лекций; анатомические демонстрации, как и в наше время, считались одним из наиболее полезных и ценных средств обучения. Средневековый предрассудок все еще противодействовал увечью человеческого тела, которое, благодаря сектантскому запрету на церемониальную нечистоту, было задолго до этого преодолено мавританскими хирургами Кордовы; а в салернитской клинике анатомы были вынуждены, по-видимому, довольствоваться вскрытием свиней и обезьян. Однако в тайне человеческие тела нередко подвергались скальпелированию, а функции многих внутренних органов наблюдались и определялись с помощью вивисекции — практики, необходимой для правильного понимания хирургии, но отвергаемой, даже в наш век научных исследований, классом шумных, но благонамеренных фанатиков. Дошедшие до нас неудовлетворительные свидетельства Салернской школы — некоторые сомнительной подлинности, другие неизвестного происхождения — тем не менее раскрывают выдающиеся открытия, сделанные ее профессорами в области анатомии; среди них те, что касаются функций желчных протоков, лимфатической системы, капилляров, которые затем получили их название; различных оболочек и слизи глаз; явлений пищеварения, а также

подробных описаний функций яичников и их труб, которые более чем на четыреста лет опередили исследования Фаллопио. Специалисты тогда, как и сейчас, посвящали свои таланты совершенствованию определенных отраслей медицинской науки. Было много известных окулистов и литотомистов, а также практикующих врачей, которые добились больших успехов в лечении грыжи, механических травм любого рода и женских болезней. Правила гигиены, свойства различных веществ *Materia Medica*, принципы патологии и терапии, изложенные профессорско-преподавательским составом Салерно, были переданы нам в длинной и любопытной поэме, озаглавленной “*Flos Medicinæ Scholæ Salerni*”, широко известной как “Санитарный режим”.

Это необычное произведение, ни одно из которых, вероятно, не датируется позже двенадцатого века и происхождение которого неизвестно, было приписано Шпренгелем Исааку бен Соломону, известному еврейскому практикующему из Кордовы, умершему в 950 году. Однако тщательное изучение раскрывает тот факт, что это не работа одной руки, а сборник различных медицинских предписаний и мнений, относящихся к разным эпохам. В его прологе старательно пропагандируется первостепенная ценность воздержания во всем:

“*Si vis incolumem, si vis te vivere sanum:*

Curas linque graves, irasce crede profanum.

Parce mero, cœnato parum; non sit tibi vanum

Surgere post epulas; somnum fuge meridianum.

Si tibi deficient Medici, medici tibi fiant

Hæc tria; mens læta, requies, moderata diætā.”

Он также содержит советы по диагностике и прогнозу; информацию, указывающую на немалую степень анатомических и физиологических знаний; формулы противоядий от ядов; советы по уходу за телом в течение каждого месяца в году; и астрологические указания на благоприятное или пагубное влияние знаков зодиака и звезд. Из следующего двустихия, обозначающего Семь возрастов Человека,

“*Infans, inde puer, adolescens, juvenis, vir,*

Dicitur inde senex, postea decrepitus,”

кажется, вдохновение было почерпнуто из знакомых строк Шекспира.

Извращенный вкус эпохи, еще не до конца знакомой со свойствами правильной литературной композиции, привел к включению стихов во многие из ее самых серьезных и достойных произведений. Эти дидактические стихи кажутся совершенно неуместными в медицинском трактате, и особенно там, где, как это обычно бывает, поэзия, как по содержанию, так и по гармонии чисел, ниже посредственности.

Аптекари и химики, от которых требовалось компетентное знание лекарств, подчинялись корпусу врачей, которым было запрещено участвовать в их предприятиях или делиться их

прибылью; они были приведены к присяге соблюдать Кодекс; количество аптек было ограничено; и они подлежали посещению имперскими инспекторами, ответственными за чистоту их товаров и соблюдение закона. Меры предосторожности, необходимые при продаже ядов; инструкции по приготовлению настоев и сиропов; наиболее проверенные методы приготовления любовных снадобий, которые средневековая лежковерность считала столь эффективными; изготовление амулетов для предотвращения болезней - все это изложено в Салернитском кодексе с мельчайшей и утомительной точностью.

В городе было много больниц, старейшая из которых была основана в девятом веке и была современницей аналогичных учреждений, основанных династией Оммеаде из Кордовы. Некоторые из них были богато одарены, другие полностью содержались за счет благотворительных пожертвований. Строгие требования медицинской полиции проявлялись в изоляции пациентов, страдающих заразными заболеваниями. В целях этих благотворительных фондов наблюдалось систематическое различие; они принадлежали к различным классам и были посвящены заботе о бедных и бездомных, защите женщин-инвалидов высокого положения и состояния, поддержке подкидышей; и безвозмездно предоставлялось самое разумное лечение любой болезни. Члены монашеских орденов, по большей части, заведовали больницами и выступали в качестве медсестер и сопровождающих.

Правила Фредерика, объединившего различные школы Салерно в одно обширное медицинское учебное заведение, требовали от будущего врача высочайших способностей, ловкости и опыта. От него требовался трехлетний подготовительный курс по общим разделам литературы и философии. По меньшей мере пять лет должно было быть посвящено обучению в колледжах, а затем один год должен был пройти под наблюдением опытного врача, прежде чем претендент на профессиональное отличие был признан компетентным назначать лекарства страждущим.

Замечательные достижения и мастерство Рожера Пармского, великого хирурга, прославившегося лечением ран и переломов, удалением опухолей и полипов; Мауруса, Готтериуса и Матфея Сильватикуса, опубликовавших трактаты по кровопусканию, общей практике и *Materia Medica*; Гарипонта, эксперта по операциям при камнеобразовании и других заболеваниях органов малого таза; Джованни да Прочида, опытного придворного врача Фридриха II., все выпускники школы Салерно, занимают видное место в анналах средневековой хирургии и медицины. Тогда впервые появилось отчество Фаррагут, впоследствии получившее такую известность в военно—морской истории Нового Света, которое носил еврей из Мессины, получивший образование в Салерно и Монпелье и чей перевод “Континента” Разеса, сделанный во второй половине XIII века, был посвящен Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX, короля Франции.

Студентам обоего пола разрешалось пользоваться редкими преимуществами, предоставляемыми школой Салерно; никакие предрассудки не препятствовали приобретению женщиной медицинских знаний, в применении которых ее природная проницательность и сочувствие делали ее удивительно опытной и успешной. Многие женщины-врачи достигли больших высот в различных областях своей профессии в качестве лекторов, химиков, операторов: среди них имена Ребекки, писавшей о лихорадках и эмбрионе; Абеллы, писавшей о зачатии и внутриутробной жизни; Тротулы, писавшей о медицинской материи, грыже и

акушерстве; Меркуриаде, писавшей об общей хирургии; и Костанцы Коленда, чьи научные достижения, а также ее красота сделали ее знаменитой в Европе, дошли до нашего времени. В Салерно существовал колледж акушерства, выпускники которого сдавали экзамены, столь же строгие, как и те, которые требуются от кандидатов на получение медицинской степени, и которые, поклявшись в верности, получали прибыльную практику в богатых семьях Неаполя и Мессины. Хотя преподавательский состав Салерно отличался высоким чувством профессиональной этики, императорский надзор, который при Фридрихе не находил ничего слишком незначительного для своего внимания, тщательно защищал общественность от вымогательства. Сборы были установлены законом; их размеры регулировались обстоятельствами. Было определено даже обычное количество посещений, требуемое за определенное время; и посещение предоставлялось бедным бесплатно. В наш век, столь изобилующий профессиональной некомпетентностью, высокое звание и глубокие достижения выпускников салернитской школы вполне могут вызывать удивление; среди тьмы средневекового невежества это был образовательный и литературный феномен Европы.

Щедрый покровитель всех искусств и занятий, которые могли украсить его владения, принести пользу его подданным или обогатить его казну, император уделял также много внимания крупным общественным работам — укреплению городов, благоустройству гаваней, строительству шоссейных дорог. Его дворцы свидетельствовали о явном пристрастии к мавританским обычаям и мавританской архитектуре. Некоторые из этих прекрасных зданий сохранились со времен сарацинского владычества, но многие были построены по планам королевского архитектора, который лично руководил их возведением. Они были отделаны дорогим мрамором и украшены барельефами, статуями и картинами. Над их порталами были изваяны орлы Германии. Подходы к ним защищали обширные внешние сооружения. Повсюду были дворы и сады, благоухающие цветами жасмина и апельсина и окруженные уединенными покоями, предназначенными для обитателей императорского сераля. К некоторым из этих восхитительных убежищ были пристроены обширные зверинцы, вольеры и миниатюрные озера, наполненные золотыми и серебряными рыбками. Не было ни одного предмета восточной роскоши, ни одного средства, которое могло бы способствовать удовлетворению чувств, чего нельзя было бы найти в сицилийских дворцах Фридриха II. При основании новых городов обширные районы были обезлюдели, чтобы обеспечить их жителями. Это произвольное разбирательство часто было мерой продуманной политики, обеспечивавшей хорошее поведение беспокойного населения, которое, будучи удалено из-под влияния прежних ассоциаций, переселено среди чужаков и рассматривалось своими новыми соседями с подозрением и враждебностью, стало неспособным на серьезное зло. Таким образом была основана сарацинская колония Лучера, члены которой, состоявшие из мятежных мусульман Сицилии, вскоре после своего поселения стали самыми верными подданными Фридриха и главной опорой императорского трона.

Этот город был построен на склоне Апеннин, в месте, наиболее выгодном как для целей торговли, так и для обороны. Его цитадель имела милю в окружности и была защищена укреплениями огромной мощности. В центре возвышалась высокая башня, служившая одновременно дворцом и сокровищницей императора. Фридрих не упускал ни одной возможности удовлетворить гордость и подтвердить привязанность своих сарацинских подданных. Трофеи Папской области были щедро предоставлены им. Торговля в колонии поощрялась всеми доступными средствами. Оружейники и работники по обработке драгоценных металлов были импортированы из Сирии. Из Египта прибыли рабочие,

высококвалифицированные в садоводстве. В окрестностях были разбиты огромные фруктовые сады. Солдаты императорской личной охраны были мусульманами Луцеры. Одетые в великолепную форму и верхом на лошадях, они постоянно несли службу во дворце, на марше, в лагере. Заметные в похоронном эскорте покойного монарха, они отказались от своих обязанностей только у могилы.

Поддержание этого оплота неверных в сердце христианской Европы было постоянным упреком папству; и ужас духовенства усугублялся знанием того, что церкви были снесены, чтобы снабжать его строительными материалами; что доходы богатых и густонаселенных районов через его посредничество перекачивались из казны собора и монастыря; что оно пользовалось исключительными и ценными коммерческими привилегиями; и что, что хуже всего, оно было способно в любой момент предоставить в армии более двадцати тысяч хорошо экипированных, доблестных и неподкупных солдат. об императоре.

Литературное покровительство, которым отличался этот выдающийся государь, является не последним из его известных титулов. Ни один правитель никогда не разыскивал книги и манускрипты с большим усердием и не прилагал более энергичных усилий, чтобы привлечь ученых к своему двору, оказывая им академические почести и денежное вознаграждение. Национальность, вероисповедание, партийность, феодальная вражда, личные обиды были одинаково забыты в дружеском соперничестве за литературное превосходство. В королевских приемных, в залах Университета ни один студент не имел права на превосходство, за исключением его устоявшихся притязаний на умственное превосходство. Непрерывающееся соперничество многих острых и высокоразвитых интеллектов, стимулируемое наградами и не стесненное никакими ограничениями, привело к результатам, наиболее важным для возрождения литературы и будущего блага человечества. Большие успехи были достигнуты во всех областях знания — химии, естественной истории, ботанике, поэзии, математике. Знаменитый ученый Майкл Скотт, чьи редкие достижения современное невежество приписывало магии, и чья простая могила в аббатстве Мелроуз вызывает сегодня почитание у каждого образованного и признательного путешественника, был нанят императором в качестве переводчика классиков и привез в Палермо обширные знания, приобретенные в школах испанских мусульман. Теодор, прозванный “Философом”, опубликовал трактаты по геометрии и астрологии; Иоанн Палермский писал об арифметических задачах; Леонардо Фибуаччи привлек всеобщее внимание Европы к науке алгебре в том виде, в каком она известна и используется в современных школах; разносторонний Пьетро де Винья, государственный деятель, юрист, оратор, проводил свой досуг за сочинением первой итальянской лирической поэзии и эпистолярной переписки, непревзойденной в любую эпоху по пронизательности, непринужденности и элегантности дикции. Сам Фредерик писал любовные сонеты и опубликовал на латыни труд о ястребах и хищных птицах, который даже сейчас является авторитетом в этой области. Апокрифическая книга “De Tribus Impostoribus”, предполагаемый сборник богохульства и подлости, приписываемый ему средневековым духовенством, как теперь известно, была изобретением церковной злобы, чтобы очернить персонажа, слишком уязвимого для подобных нападок. При сицилийском дворе сформировалась та мелодичная и изящная идиома, которую впоследствии с таким успехом использовали Петрарка, Данте и Боккаччо. Политические, социальные и литературные революции семи столетий существенно не изменили грамматическую конструкцию или орфографию прекрасного языка, на котором говорят и поют рыцари и дамы Палермо. Непреходящая слава о таком достижении намного превосходит по ценности и полезности временные и бесплодные отличия, полученные в

результате победы в битвах, разграбления городов, разграбления баронских крепостей и унижения пап.

Таков был император Фридрих II и такова цивилизация, которую его полководческий гений, вдохновленный мусульманскими заповедями и примером, основал в Южной Европе. Он был не только самым умным, но и самым могущественным и прославленным монархом своего времени. В дополнение к императорскому достоинству он обладал титулами короля Неаполя и Сицилии, Ломбардии, Польши, Богемии, Венгрии, Дании, Сардинии, Арля и Иерусалима. По рождению и родству он был первым среди великих властителей земли. Он был внуком знаменитого Барбароссы и короля Рожера Сицилийского. Он был дядей Хайме I Арагонского, завоевателя. Он был тестем греческого императора Никеи. Он был зятем латинского императора Константинополя. Он был шурином короля Англии. Его отношения с султаном Египта, продиктованные, в некоторой степени, государственной политикой, но по большей части вызванные личным восхищением, носили самый социальный и дружеский характер. Он обменялся подарками с главой ненавистной исмаилитской секты, известной как “Старец горы”. Общность идей, вкусов, языков и меркантильных интересов, которые он разделял с мусульманскими правителями, подтвердила близость, уже давно существующую между Королевством Сицилия и осколками испано-арабской империи. Его авторитет пользовался уважением от Средиземноморья до Балтики; благодаря супружеским связям его влияние ощущалось от берегов Нила до Геркулесовых столбов. Именно эта власть, осуществляемая на обширной территории и с неограниченными ресурсами, дополненная сознанием своих выдающихся способностей, побудила Фридриха возобновить древнюю юрисдикцию Карловингов и предпринять смелую, но неосмотрительную попытку, узурпировав прерогативы папства, осуществить мечту о чем-то большем, чем имперские амбиции.

Эта мечта предполагала основание национальной раскольнической церкви, главой которой он должен был стать, а Пьетро де Винья - викарием. Папа должен был быть ограничен в осуществлении духовных функций и в конце концов низложен. В Императоре должна была быть сосредоточена вся слава, величие, святость всемогущего правителя, предположительно ответственного только перед Всевышним; на самом деле он был единственным арбитром религиозных исповеданий и действий человечества. Непонятно, каким образом требования такой системы, которые неизбежно должны поддерживаться в определенной степени интеллектуальным принуждением, могли быть согласованы с широкой и равноправной терпимостью, которая по большей части была отличительной чертой политики Фридриха. Утверждение состояло, как уже упоминалось, в том, что церковное превосходство принадлежало светской власти империи и датировалось временами римских императоров. Они были Верховными понтификами, от которых папа получал свой титул, но не свою власть. Эта должность была объединена с императорским достоинством и уступала ему. Его наследование монархом Италии покоилось на более надежной основе, чем двусмысленное и спорное поручение, якобы данное галилейскому рыбаку. Его действительность была подкреплена многовековой давностью. Им пользовались многие поколения монархов. Служение верховного жреца секты, охватывающей миллионы верующих, почитаемого посредника между преданным и Небесами, слишком легко спутать с атрибутами божественности. Константин рано осознал эти преимущества и старательно совершенствовал их. Византийский император был главой греческой церкви. В Мухаммеде светские и духовные функции были объединены. Подобные примеры, постоянно приходившие на ум Фредерику, оказали немалое влияние на определение его курса. В глазах его сицилийских подданных притязания императорской короны на

религиозное превосходство рассматривались как королевская прерогатива, которая была приостановлена, но никогда не отменялась. Узурпация папской власти была излюбленным проектом европейских монархов в последующие эпохи. Над этим серьезно размышлял Филипп ле Бель во Франции в четырнадцатом веке. Это было осуществлено Генрихом VIII. в Англии в шестнадцатом веке. Неповиновение папе со стороны великого германского императора было, даже на расстоянии трехсот лет, одной из вдохновляющих причин Реформации. Дух интеллектуальной свободы, поначалу подавляемый, в конце концов одержал победу.

Гений Фридриха II. опередил свое время на пять столетий. Его самые умные современники были неспособны понять его мотивы или оценить его усилия по возрождению человечества. Ни один человек того времени не сделал так много для цивилизации. Он улучшил положение каждого класса общества в своих владениях. Он распространил знания арабов по всей Европе. Он придал новый импульс делу образования в отдаленных странах, неподвластных его влиянию; импульс, который, хотя ему часто препятствовали, никогда не подавлялся полностью. Его либеральные идеи вызывали отвращение у набожных людей. Его суеверия вызвали анафему духовенства. В его экспедиции по восстановлению Гроба Господня его охранниками и советниками были мусульмане. Он посещал службы в мечетях. Он посвятил в рыцари эмира Факр-ад-Дина в Акко. Он устроил пир посланнику шейха ассасинов в Амальфи. При его дворе астролог был более важной персоной, чем логофет.

При управлении этим великим князем личные заслуги были лучшим основанием для официального продвижения по службе. Его самые выдающиеся министры были плебейского происхождения. От них он требовал неустанного внимания к своим обязанностям. Его предложения своим послам напоминают максимы Макиавелли. Как переговорщик, он не имел соперников в эпоху проницательных и коварных политиков. Его эрудиция была обширной, разнообразной и глубокой. Чтобы помочь в изучении естественной истории, он собрал обширные зверинцы. Он читал медицинские труды и предписывал правила гигиены для своей семьи и домочадцев. Собственными руками он нарисовал планы своего дворца в Капуе. Великолепные больницы, акведуки, мосты, замки, арсеналы возникли в имперских владениях Сицилии и Италии.

При всех своих достижениях Фридриху на редкость не хватало военных способностей и полководческого мастерства. Он больше заботился о пышности, чем о военных победах. Его крестовый поход был дипломатической кампанией. Поражение, которое он потерпел от пармезанцев и которое потрясло основы его трона, было нанесено толпой крестьян и женщин, напавших на его лагерь, когда он отсутствовал на охоте.

Великолепный двор Палермо с его величественным церемониалом, его неортодоксальными взглядами, его интеллектуальной атмосферой и преобладающим мусульманским влиянием, которое контролировало его политику, предписывало его обычаи и в значительной степени способствовало его значению, был одновременно предметом зависти и скандала христианского мира. Основная часть имперских армий состояла из сарацин. Философы и государственные деятели последней национальности часто пользовались, в отличие от всех остальных, доверием и близостью императора. Его различные супруги, в свою очередь, подвергались восточным ограничениям, их сопровождали охранники из африканских евнухов, колоссального роста, с отвратительными чертами лица, в великолепных одеждах. Его гаремы, роскошные заведения, расположенные не только в Палермо, но и разбросанные по городам

Южной Италии, были заполнены мавританскими красавицами из Сирии, Египта, Марокко и Испании. Некоторые из их обитателей всегда были частью его свиты как в мирное, так и в военное время. Они путешествовали по восточному обычаю в закрытых носилках, которые несли верблюды в ярких пополах. Арабские дамы, столь же замечательные по остроумию и образованности, как и по своему личному обаянию, свободно общались с блестящим обществом столицы. Среди придворных развлечений были восточные танцы, подвиги жонглеров и шутов, любовные импровизации миннезингеров и трубадуров, игры, соколиная охота, литературные состязания, великолепные банкеты. На этих веселых собраниях, где безраздельно царило удовольствие, чувственному, однако, никогда не позволялось преобладать над интеллектуальным; их оживляли философские дискуссии, применение пословиц, рассказы путешественников, декламация баллад.

Личностный аспект Фредерика не соответствовал ожиданиям тех, кто сформировал идеал из славы о его талантах и степени его эрудиции. Он был невысокого роста, с согнутыми плечами, нескладной и тучной фигурой. Он был лыс и близорук. Его рыжеватая борода указывала на происхождение от Гогенштауфенов. Его внешность была настолько незначительной, что арабский писатель, видевший его в Иерусалиме, с удивлением и презрением утверждает, что если бы его выставили на продажу как раба, он не принес бы двухсот драхм серебром. Общий блеск его характера был омрачен многими серьезными и фатальными недостатками. Он был тираном, вероломным, лицемерным, суеверным и необычайно распутным даже в тот распушенный век. Семейные отношения величайшего из средневековых императоров были предметом порицания папства и ужаса христианской Европы. Подобно печально известному маркизу де Саду, он считал слезы и страдания самой желанной прелюдией к похотливым удовольствиям. Фестивали в императорском дворце Палермо оживлялись выступлениями поющих и танцующих девушек Востока. Европейские женщины той же профессии во время Крестового похода путешествовали в королевском поезде в Акко, где новизна их внешности и костюмов развлекала праздных мусульманских принцев Египта и Сирии. Ничто в карьере Фридриха не вызывало большего гнева духовенства, чем эта уступка любопытству неверующих. Гигантские нубийцы, охранявшие императрицу и чьи лица сравнивались с “древними масками”, вызывали изумление иностранных путешественников при сицилийском дворе.

Его жертвам были причинены самые страшные пытки, изощренная жестокость которых надолго вызывала страх и ненависть. Многие были разорваны на части дикими лошадьми; некоторых раздавили тяжелые свинцовые плащи; других медленно поджаривали на огне, нанесенном на медные шлемы, в которые были заключены их головы. Особыми объектами этих наказаний были сторонники папы римского, которые были обвинены как в ереси, так и в мятеже. В приказах, отданных своим агентам, он показал, что является адептом в искусстве обмана. Посвятив себя запретной науке астрологии, он стал жертвой обмана шарлатанов; и даже заключение его брака с принцессой Английской было отложено до тех пор, пока положение планет не было объявлено благоприятным. Его гений был по сути итальянским. С раннего детства он был знаком с искусством, схемами, казуистикой беспринципных священников и политиков. На формирование его характера эти ассоциации оказали самое пагубное влияние. Его образование и опыт заставили его усомниться в существовании таких добродетелей, как правдивость, патриотизм, честность. Он никогда не прощал нанесенной себе раны или оскорбления своего достоинства. Он без угрызений совести приносил в жертву министров, которые долгое время служили ему на самых ответственных должностях, которые пользовались его щедростью, которые разделяли его доверие. О его полном бесчувственности

свидетельствует приписываемое ему высказывание, которое больше примечательно своей энергией, чем элегантностью: “Я никогда не откармливал свиней, кроме как для того, чтобы получить их сало”.

Его философское безразличие к религии не помешало ему выдавать себя за представителя ортодоксальной веры и восстановителя первоначального христианства. Он сравнивал себя с Илией и Христом. Он смиренно попросил зачисления в число монахов Казамары. В письме преемнику святого Франциска Ассизского он заявил о своей вере в Священные Писания и надежде на вечное спасение. Он председательствовал на важных религиозных праздниках и принимал самое заметное участие в праздновании их церемоний. На смертном одре он пожелал, в знак своего притворного почтения к смиреннейшим служителям Евангелия, облачиться в рясу монаха-цистерцианца. Политика заставила его таким образом заявить о своей преданности Церкви, но нет никаких сомнений в том, что он был неверующим, возможно, атеистом. В моменты неосторожности он насмехался над любой религией. Одной из его любимых шуток было высмеивание Евхаристии. Он критиковал Божественную Мудрость за выбор бесплодной земли Палестины вместо богатой и плодородной Сицилии в качестве обители избранного народа. В самой колыбели христианства, на месте, некогда освященном присутствием Спасителя, он назидал своих мусульманских хозяев, сравнивая толпы паломников, толпившихся к святилищу, со стадами самых глупых и нечистых животных. Его непоколебимый антагонизм к папству заставил духовенство и чернь считать его антихристом. Он был низложен Лионским собором, четырежды отлучался от церкви папой римским и неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям со стороны низших прелатов. В непримиримой борьбе, которая подорвала его власть и разрушила его дом, церковная автократия Рима на мгновение восторжествовала. Цивилизация, которую он взращивал, была остановлена и затемнена. Его сокровища были разбросаны. Его библиотеки исчезли. Последний представитель его расы бесславно погиб на эшафоте. Но дух независимого мышления, который он пропагандировал и осуществление которого он завещал потомкам, пережил нападение нетерпимости и тирании, чтобы возродиться в лучшую и более благоприятную эпоху.

Юг Франции, еще не вошедший в состав монархии, но существующий как полунезависимое государство и управляемый графом Тулузским, одним из самых могущественных феодалов Европы, был ареной еще одного великого средневекового бунта человеческого разума против папского деспотизма и интеллектуального рабства. С периода, столь отдаленного, что его начало теряется в преданиях, этот регион был очагом великолепной цивилизации, одновременно образцом и гордостью древности. Финикийцы рано основали фактории на его берегах и привнесли вместе с торговой политикой и предприимчивостью своего народа искусства, ученость и культуру, которые заложили основу богатства и славы Карфагена. Финикийцам наследовали греки Фокеи, этого процветающего ионического морского порта, который за достоинство, элегантность манер и эрудицию входил в число самых известных городов с греческим названием. Его главная колония, Массилия, господствовала почти над всей территорией к югу от Луары; территория, уже богатая и густонаселенная, включающая в себя, среди двадцати пяти важных городов, находящихся под его юрисдикцией, такие большие и богатые сообщества, как Монако, Ницца, Арль, Ним, Безье, Авиньон. Без посторонней поддержки народ Массилии, несмотря на усилия соседей-варваров и ревнивых соперников, сохранял свое политическое и торговое значение до тех пор, пока завоевание их Цезарем не низвело их содружество до подчиненного положения среди провинций, составляющих

гигантскую ткань Римской империи. Политика этого великого воина лишила их зависимости, подорвала их ресурсы и обратила к литературе и искусству беспокойный дух, который раньше был поглощен занятиями торговлей и упражнениями с оружием. До своего политического уничтожения колония Массилия по размерам, численности населения, богатству и интеллекту занимала более высокое положение, чем любая когда-либо существовавшая греческая республика, за исключением одних только Афин. Его владения не были приобретены путем завоевания. Они постепенно впитывались под незаметным влиянием высших знаний, примера процветания и роскоши, проницательности прозорливых и агрессивных правителей, демонстрации великолепных памятников художественного гения. При римлянах этот регион, обозначенный как Нарбоннская Галлия, был одной из самых процветающих провинций империи. Его литературная культура вошла в поговорку. Его школы были знамениты. Ливий упоминает, что он сохранил без осквернения искусство, нравы и законы Греции. Древнее государственное устройство Массилии восхваляется Цицероном как схема почти идеального совершенства. Философы этого города пользовались такой репутацией образованных людей, что покровительство той римской молодежи, которая стремилась к наиболее законченному образованию, было поровну разделено между ним и Афинами. Первые три профессора латинской риторики в Риме были галлами, получившими образование в Массилии. Его интеллектуальному прогрессу в значительной степени способствовал меркантильный дух его граждан, чьи способности развивались и расширялись благодаря постоянному и дружескому общению с другими нациями. Его мореплаватели обладали всем мастерством и активностью своих финикийских предков. Их суда видели на западном побережье Африки, на Эвксинском полуострове, в Балтийском море, в далеких фьордах Норвегии. Их фабрики и агенты были открыты в Германии и Великобритании. Их внутренняя торговля была наиболее обширной и важной. Они пересекали течение Роны и Луары от их истоков до моря. Каждое племя, имевшее связь с этими водными путями, отдавало должное их проницательности и делилось преимуществами их опыта. Греческий язык был знаком жителям Галлии; он был даже принят и использовался друидическим духовенством и в конечном итоге стал обычным средством торговых и общественных контактов. Мрачные и жестокие суеверия и легенды страны были вытеснены изящными выдумками язычества; песнями, танцами, цветочными играми, пышностью жертвоприношений, радостными празднествами, которые характеризовали религиозные церемонии Греции и Италии. Существование таких условий не могло не оказать заметного воздействия на умы народа, действительно варварского, но в высшей степени восприимчивого к впечатлениям, которые в равной степени взывали к его воображению и интересам. Нарбоннская Галлия при императорах сохранила литературное и художественное превосходство, которое с незапамятных времен выделяло ее среди провинций Западной Европы. На самом богатом, элегантном и благозвучном из языков все еще говорили в различных муниципалитетах, которые ранее признавали юрисдикцию Массилианской республики. Столица была особенно известна своими философами и врачами; покровительством литераторам; утонченностью своего общества; а также количеством и совершенством своих учебных заведений, которые, по мнению многих выдающихся римлян, превосходили школы Греции. Императорская милость даровала Нарбоннской провинции памятники, совершенство которых в высшей степени соответствовало вкусу и великолепию эпохи Августа. Ее города были украшены прекрасными храмами, портиками и театрами. В садах были перистилы из драгоценного мрамора, мозаичные тротуары, великолепные фонтаны, вазы, полные цветов, и статуи из позолоченной бронзы. Роскошные бани обеспечивали роскошь населения. В цирке гонки на колесницах демонстрировали пышность, но немногим уступали той, которую

демонстрировали римские императорские зрелища. Акведуки колоссальных размеров доставляли на расстояние многих лиг воду, необходимую огромному населению. Ни в одной части римского мира не сохранилось такого разнообразия архитектурных памятников классической элегантности, как в Провансе и Лангедоке. По великолепным руинам, которые все еще сохранились, мы можем составить грандиозное, но неадекватное представление о сооружениях, созданных императорской щедростью и греческим вкусом, которые погибли из-за пренебрежения и насилия, длившихся тринадцать веков. После римлянина пришел гот, а затем араб, который поначалу сам был всего лишь мародером. Постепенно, однако, его благородные инстинкты взяли верх над любовью к грабежу; его хищнические цитадели превратились в центры торговли, а с привычками и религией Востока были привнесены все выгоды и все пороки его сладострастного существования. Мавританское княжество Нарбонна находилось в подчинении Западного эмирата всего сорок лет; однако за этот короткий период впечатления, произведенные мавританским владычеством, настолько глубоко запечатлелись в умственных и физических характеристиках населения, что никакие последующие революции так и не смогли их полностью стереть. Практический гений араба, считавшего полезность первым и наиболее ценным из всех благ цивилизации, снова проявился в усовершенствованиях, примененных ко всем искусствам и занятиям жизни, которые возникли на пути его победоносных армий. Восточные принципы земледелия с их кропотливой обработкой почвы, совершенной системой орошения, интродукцией иностранных растений были с удивительным успехом применены в восхитительном регионе, орошаемом реками Рона и Гаронна. Многие сорта зерновых, включая гречиху, первоначально привезенную из Персии и получившую в то время свое многозначительное название саррасин, были импортированы из Испании. Кора пробкового дерева, до сих пор являющегося одним из величайших источников богатства Каталонии и Прованса, тогда впервые стала известна Европе. Бескрайние вечнозеленые леса на склонах Пиренеев использовались для производства смолы и канифоли. В каждом округе порода лошадей улучшалась путем скрещивания с лучшей кровью Аравии. Бесчисленные предметы роскоши, хранящиеся в музеях и частных коллекциях — прекрасные изделия из серебра, слоновой кости и хрусталя, дамасские доспехи и шелковые одежды — свидетельствуют о разнообразии и совершенстве мавританских мануфактур. Популярные танцы и другие развлечения Юга Франции также являются яркими напоминаниями о мусульманском господстве. Хотя арабская литература, должно быть, оказала важное влияние на общественное сознание Прованса и Лангедока, до нас не дошло никакой исторической информации о ее характере, и даже ее существование в этот период в значительной степени является предметом догадок. Однако нет никаких сомнений в том, к каким последствиям впоследствии привело знакомство с мавританской цивилизацией, основанной завоеванием и увековеченной с помощью купцов и путешественников. Ученость, элегантность, утонченность и неверность кордовского двора были перенесены за пределы Пиренеев. Труды Аверроэса и других арабских философов с удовольствием изучались учеными Юга Франции. Весь этот регион был скорее мусульманским, чем христианским, и более неверующим, чем и то, и другое. Знать придерживалась полигамных привычек и содержала гаремы, полные наложниц. Процветающая торговля евнухами велась с испанскими арабами, прибыль которых, как было печально известно, в основном поступала от духовенства. Страстная любовь к поэзии развила трубадура, важнейшего фактора европейского интеллектуального прогресса, двойника и представителя арабского барда, чьи импровизации с незапамятных времен радовали эмоциональные племена Пустыни. Язык, бесконечно более приятный и мелодичный, чем современный французский, и демонстрирующий сильное сходство с итальянским, сформировавшимся при дворе Фридриха

II., стал средством создания очаровательных поэтических произведений, которые высмеивали жизнь духовенства, рассказывали о достижениях турнира и набега, а также воспевали в изящных и ритмичных гиперболах красоту и очарование женщины. Этот язык, известный как *Langue d'Oc*, хотя и косвенно происходит от латыни, на самом деле он ничем не обязан классическим ассоциациям или влиянию. Это был первый из многочисленной семьи языков и диалектов римского происхождения, который в средневековые времена достиг сколько-нибудь заметной степени совершенства в грамматической конструкции или элегантности выражения. Важным фактом является то, что он получил постоянную опору только в странах, которые когда-то находились под арабским господством. В конечном итоге он распространился по всему Югу Европы. На нем говорили в Валенсии, Барселоне и на Балеарских островах, чьи диалекты сейчас представляют собой искаженные формы древнего лимузенского. Произведения, для которых он послужил средством массовой информации, читались в Италии, Германии, на Сицилии и в Англии. Он с такой легкостью приспособился к замыслам поэта, что казалось, был создан специально для такого разнообразия композиций. Она рано вызвала враждебность Церкви из-за альбигойской ереси, и в 1248 году Иннокентий IV специальной буллой запретил ее изучение всем добрым католикам. Скорость, с которой он совершенствовался, масштабы его распространения, количество провинциальных диалектов, к которым он привел, богатство литературы, в которой он использовался, а также внезапность и полнота его исчезновения составляют одно из самых интересных и экстраординарных явлений в анналах лингвистики.

Литературное и социальное положение Южной Франции, за единственным исключением Сицилии, которая имела с ней поразительное сходство, было аномальным среди стран цивилизованной Европы. Его население было на редкость космополитичным; полдюжины рас внесли свой вклад в его формирование; оно унаследовало культуру греков, римлян, арабов; смешение крови и сравнение вероисповеданий породили всеобщую терпимость к вере и широко распространенный бескомпромиссный скептицизм. При его дворах, в его школах, в его ученых профессиях преобладали семитские идеи, традиции и влияние. Немало мусульман обосновалось в городах Ним, Нарбонне и Тулузе, а евреев было предостаточно в каждой общине, которая поощряла научные достижения или создавала условия для торговли. Система государственного образования была в основном ивритской; профессорско-преподавательский состав знаменитой медицинской школы Монпелье, успешного конкурента Салернской, сначала состоял в основном из евреев и мусульман и сохранял на протяжении веков, среди иностранных завоеваний и внутренних потрясений, впечатление, производимое личностью ее основателей. Наиболее тесные отношения поддерживались между академиями Лангедока и императорской Сицилии и Мавританской Испании. Эта близость укреплялась множеством торговых сделок, возникающих в результате постоянного обмена товарами, зависящего от обширной и прибыльной торговли. Столицы Кордовы, Севильи и Палермо были лучше известны жителям Прованса, чем любой из средиземноморских городов для внутренних городов континентальной Европы; сейчас это великие центры богатства, торговли и цивилизации; тогда их презирали как полуварварские и редко посещали. Продолжение этих дружественных отношений с мусульманскими странами, подтвержденное одновременно близкими занятиями и мощным влиянием денежной выгоды, имело зловещие последствия и не предвещало ничего хорошего распространению христианства и поддержанию церковной дисциплины. Последовательность многочисленных форм поклонения, различных по своему происхождению, непохожих по своему церемониалу, непримиримо враждебных по своему устройству, каждая из которых утверждала божественную непогрешимость, но каждая, в свою очередь, была вытеснена новой и более

популярной верой, не благоприятствовала существованию какой-либо религии. Сильно привязанные к веселым языческим праздникам, жители Южной Франции неискренне и неохотно принимали заповеди Евангелия. Их нрав, их традиции, окружавшие их сувениры классического великолепия и красоты - все это способствовало подтверждению глубоко укоренившейся привязанности, которую они питали к вероучению своих отцов. Нигде больше в христианском мире не было представлено такого зрелища всего того, что привлекательно для людей роскоши, и всего того, чем восхищаются интеллектуалы, как в жизни утонченного и развращенного общества Южной Франции. Весь этот регион был подвергнут высочайшей обработке, к которой была восприимчива почва, естественно плодородная и улучшенная всеми средствами научного земледелия. Города, большие и густонаселенные, пользовались всеми преимуществами богатства, которое можно было извлечь из интенсивного транспортного сообщения. В Безье проживало шестьдесят тысяч человек, что больше, чем в любом другом городе Англии. Ним, Арль, Каркассон лишь немногим уступали ему по размерам и величию. Каждый коммерческий прием был знаком людям. Их проницательность вошла в поговорку. Их торговля была огромной. Евреи Барселоны познакомились с банковским делом и переводными векселями, а также со многими важными налоговыми правилами.

Тулуза, одна из самых красивых и распушенных средневековых столиц, была средоточием этой великолепной цивилизации. Это было пристанище Муз, обитель рыцарства, цель каждого приверженца любви и честолюбия. Там рыцарь-авантюрист искал отличия в турнире и метании тростника - боевых забавах, позаимствованных у мавров. Туда отправились трубадур и жонглер, уверенные в гостеприимстве и награде во дворцах и крепостях, в удобном жилище торговца, в скромном жилище рабочего. Там был коронован поэт, победивший в литературном состязании, за двести лет до того, как лавр был возложен на чело Петрарки в Римском Капитолии. Проводились Суды любви, где женщины спорили и выносили решения, со всей суровой беспристрастностью судебного трибунала, по вопросам, связанным с законами галантности, их соблюдением и нарушением. Потентат, который под скромным титулом графа управлял этим огромным и богатым королевством, пользовался большей властью, чем большинство представителей королевских домов Европы. Его семья была очень древней, и ее ранг насчитывал много веков. Богатые владения Безье, Фуа, Керси, Монпелье и Нарбонна с их многочисленными важными владениями признали его власть как сюзерена. Более богатый, чем кто-либо из его современников-христиан, он был более могуществен во всех атрибутах монархического достоинства, чем король Франции. Его владения включали большую часть территории к югу от Луары и охватывали плодородные и процветающие районы, ограниченные Гаронной, Изером, Средиземным морем и Альпами. Он прославился в Крестовых походах. Его меч завоевал для него княжество Триполи. Он был неудачливым, но видным претендентом на иерусалимский трон. В своих общественных отношениях он был воплощением рыцарской учтивости; в своих личных привычках - утонченным сластолюбцем; в вере - скептиком; во вкусах - мусульманином. Выдающаяся доблесть, которую он проявил на полях сражений в Палестине, была в какой-то степени нейтрализована моральной трусостью, которая инстинктивно уклонялась от конфликта, связанного с самыми дорогими привилегиями, за которые может бороться человечество, — сохранением политической целостности и осуществлением права на интеллектуальную свободу. Храбрый, порывистый, чувственный, колеблющийся и неискренний - таков был Раймонд VI, граф Тулузский, представитель самого утонченного и распутного государства в Европе.

Политическая организация различных городов и провинций, составляющих графство Тулуза, представляла собой странную аномалию. Некоторые из них были республиканцами во всем, кроме названия; их магистраты под титулом консулов управляли делами правительства и избирались публичным голосом народа. Гражданские правила других стран скорее напоминали характер феодального правления, при котором самые деспотические привилегии были ослаблены или полностью отменены. Но ни жалкой копии институтов древнего Рима, ни варварских законов средневековой тирании было недостаточно, чтобы принудить к повиновению такое разнородное население. Авторитету выборной магистратуры часто бросали вызов. Верность крупных вассалов была лишь номинальной. Юрисдикция сюзерена под различными, а иногда и надуманными предлогами подвергалась сомнению или игнорировалась. Не было организованной военной силы для обеспечения выполнения мандатов правящей власти. Изнывающие от удовольствий жители Лангедока и Прованса проводили свое существование в постоянном круговороте интеллектуальных развлечений и утонченной чувственности. Боевые виды спорта, такие как охота и турниры, мало что напоминали об оружии, которое когда-то было единственным занятием, достойным достоинства средневекового кавалера. Таким образом, разбитая на полунезависимые сообщества, лишенная военных ресурсов и неспособная к систематической обороне или совместным действиям, держава графа Тулузского была готова рухнуть при приближении первого решительного агрессора. Цивилизации, представленной этой державой, не хватало необходимых элементов любого постоянного правительства — лояльности и религии. Отсутствие централизации и множественность правителей ослабляли патристическую привязанность народа и препятствовали росту просвещенных и здоровых общественных настроений. Национальная гордость не могла существовать, когда не было королевской особы, к которой все могли бы апеллировать, не было общей страны, которую можно было бы возвеличивать и защищать. В дополнение к этим серьезным препятствиям на пути к долговечности и прогрессу добавлялось абсолютное отсутствие религиозных чувств. Множество причин объединились, чтобы вызвать это состояние. Сравнение многих форм веры выявило их недостатки и непоследовательность и привело к общему неприятию их всех. Крестоносцы ознакомили всю Европу, и особенно Францию, с нравами и религией мусульман. Сотни предприимчивых торговцев приняли крест, гораздо меньше из-за благочестия, на которое он, как предполагалось, указывал, и священных привилегий, которые он давал, чем из-за мирских преимуществ, которые можно было получить за счет торговли с отдаленными и недоступными в других отношениях регионами. Их восторженные рассказы о восточной цивилизации рассеяли оставшиеся предрассудки народа, общение которого с мусульманскими королевствами за Пиренеями долгое время склоняло его в пользу расы, вызывавшей особое отвращение у Римского престола. Шелка и золото Сирии и Египта гораздо красноречивее вызвали к страстям толпы, чем преклонение колен священника или четки и ряса монаха. Даже в священное исповедание вторгся преобладающий дух веротерпимости, который сам по себе зависел от материальных интересов; низшее духовенство выступало посредниками в обращении денег Востока, и с монетных дворов епископов и митрополитов выпускались монеты с оттисками мусульманских текстов и символов. В дополнение к этому необычайному пристрастию к обычаям неверных и практическому отказу от обета бедности, которые были рассчитаны на то, чтобы вызвать, особенно среди черни, подозрение в неортодоксальности, все провансальское духовенство стало насквозь униженным и распутным. Лица высокого ранга соперничали с аристократами в расточительной и показной роскоши. Прелаты постоянно оставляли свои служебные обязанности ради увлечения охотой и распущенных удовольствий

интриг. Они путешествовали с большой помпой в сопровождении многочисленных придворных дам и свиты, богатством убранства которых можно было соперничать с королевским экипажем. Архиепископ Нарбоннский содержал на свое жалованье банду иностранных преступников, которые шантажировали богатых граждан и которые, находясь под защитой своего духовного покровителя, бросали вызов слабой и дезорганизованной гражданской власти страны. На каждом веселом собрании, где "песня трубадура" повествовала о триумфах любви и галантности или направляла свои сатирические стрелы на недостатки духовенства, епископ вызывал смех и аплодисменты в первую очередь. В народе была распространена поговорка, что в то время как апостолы были бедны, их преемники, купавшиеся в роскоши, "любили прекрасных лошадей и великолепные одежды, белых женщин и красное вино". Пороки высшего класса, подтвержденные обладанием огромным богатством и защищенные от порицания церковных судов, превосходили по разврату и бесстыдству излишества любого другого общества, существовавшего тогда в христианском мире.

Епископские сановники обычно были благородных кровей и связаны с самыми древними и выдающимися семьями Франции. Однако не так обстоит дело с низшими членами иерархии. Алчность, вымогательство, лицемерие, пьянство и разврат, повсеместно вменяемые всем, кто связан с этой священной профессией, сделали ее печально известной. Прелаты, действительно, наслаждались всем, что можно было купить или потребовать благодаря выдающемуся происхождению, безграничному богатству и непреодолимой власти. Священники, однако, были ближе к народу и происходили из низших слоев общества. Их деградация была настолько велика, что это вошло в пословицу. Население в качестве проклятия привыкло говорить: "Пусть я стану священником, прежде чем совершу такой поступок!" Средства к существованию пополнялись исключительно из рядов грубого крестьянства, ибо ни один гражданин среднего класса не допустил бы, чтобы его сын был опозорен принятием пострига. Даже респектабельные вассалы отшатнулись от двусмысленных почестей Церкви, а лорды, которые рассматривали десятину как часть своих законных привилегий, были вынуждены выбирать в качестве кандидатов в священный сан самых невежественных и деградировавших из своих иждивенцев и рабов. Грубые манеры и порочные вкусы, порожденные низменным и плебейским происхождением, усиливали ненависть и презрение насмехающейся толпы. В некоторых частях Лангедока общественное мнение было настолько настроено против духовенства, что священники, чтобы избежать личного насилия, были вынуждены скрывать от прохожих все внешние свидетельства своего призвания.

Папа, давно осведомленный об оскорблениях, нанесенных его достоинству, и о зле, угрожавшем вере Рима, часто в неоправданных выражениях осуждал условия, которые ставили под угрозу существование всех религий на Юге Франции. Однако церковные разгромы не внушали страха беспечным жителям Прованса и Лангедока. Папские буллы лишь послужили еще одной забавной темой для сарказма поэта. К интердиктам, столь могущественным в других местах, в этой стране, единственной из всех подвластных христианской власти, относились с насмешкой. Притязания легата Апостольского престола были высмеяны в самом его присутствии, и даже сам Святой Отец не смог избежать насмешек и порицания со стороны тех, кто по опыту познакомился с возмутительной продажностью и вседозволенностью римского двора. Исчезли все следы морального влияния, на котором зиждилось общественное уважение к духовенству. Церкви были почти безлюдны. Латынь, язык алтаря, была отброшена в пользу *Langue d'Oc*, идиомы скептиков и распутников. Во многих приходах колокола перестали возвещать час богослужения, потому что никто не обращал на них внимания. Священник,

поглощенный своими удовольствиями, был слишком готов отказаться от обязанностей, предписываемых его призванием, особенно когда мало кто мог слушать и еще меньше - внести свой вклад. Доходы Церкви, значительно сократившиеся, были направлены по каналам, совершенно чуждым той цели, для которой они номинально собирались. Некоторые были присвоены знатю, чьи вассалы были обеспечены на жизнь. Огромные суммы были растрачены распущенными прелатами на пороки, чудовищность которых ужасала каждого искреннего христианина. Наибольшие прибыли, которые приносились духовенству, были получены от неканонических и запрещенных практик симонии и ростовщичества. Не предпринималось никаких усилий, чтобы скрыть существование этих злоупотреблений, и церковная резиденция была общепризнана в качестве головного офиса брокерских операций с векселями и бенефициями.

Таким образом, Римско-католическая церковь из-за коррупции и бесстыдства своих служителей утратила уважение человечества. Ее указы игнорировались. Его уроки были неслышаны. Благочестивые люди с отвращением отворачивались от лицемерных увещаний религиозных учителей, чья жизнь была запятнана всеми преступлениями и чье поведение представляло собой примеры вопиющего беззакония, которые, к счастью, имели мало аналогов за пределами их профессии. Почтение, некогда существовавшее к Ватикану, было заметно ослаблено. В то время как его политика поощряла продвижение по службе скромных людей, его авторитет неизбежно пострадал из-за приема в священство людей без образования, утонченности, чести, порядочности или независимости. Общественное уважение не могло быть сохранено классом, деградировавшим из-за рабских связей и все еще подверженным произволу светского лорда. Как в каждом сообществе можно найти много людей, для которых религия является необходимостью, так и в провансальских городах и деревнях набожные люди обратились от древней и дискредитировавшей себя иерархии в другие кварталы за неоценимым утешением в виде прощения и надежды. Такие условия неизбежно порождают ересь, и рвение и единодушие, с которыми неортодоксальные мнения были приняты в этом густонаселенном регионе, сразу продемонстрировали масштабы зла и необходимость радикальных мер, с помощью которых было достигнуто его искоренение.

Центром интеллектуальной культуры на юге Франции был университет Монпелье. Хорошо было сказано, что история профессорско-преподавательского состава этого знаменитого учебного заведения - это в значительной степени история медицины в Европе. В начале двенадцатого века Монпелье был самым важным торговым центром Франции. К этому моменту торговля всей страны достигла своего пика. Его коммерческие учреждения были колоссальных масштабов. Его население было космополитичным. Завоевания Фердинанда и Хайме, оккупация Кордовы, Севильи, Майорки и Валенсии привлекли в Лангедок, и особенно в его самый процветающий город, десятки тысяч мусульманских беженцев. Евреи уже давно были многочисленны в этом регионе и уже выделялись богатством, умом и властью.

С этой эпохи, собственно, и начинается основание университета. Медицинская школа существовала там почти столетие, но притоку знаний мавританского и иврита следует приписать репутацию, которую это учебное заведение вскоре приобрело по всей Европе. Большинство его профессоров принадлежали к этим двум национальностям. Они привезли с собой опыт, методы, средства правовой защиты и инструменты самых выдающихся и успешных практиков полуострова. Многие из них время от времени посещали колледжи Гранады и Толедо с целью пополнить свой запас информации и воспользоваться превосходными удобствами,

которые предоставляли эти школы. Широкий католический дух руководил организацией и политикой университета. Сектантские предрассудки были неизвестны. Преподаватель и ученый могли свободно отправлять богослужения в соответствии со своей верой или придерживаться и выражать самые радикальные философские взгляды. Интеллектуальные достижения и заметные способности были основными требованиями для поступления на факультет.

Лорды Монпелье, а впоследствии и короли Франции, были покровителями школы. В разное время они предоставляли ей большие и экстраординарные привилегии. Права, которыми он пользовался при графе, были подтверждены сувереном. Филипп Валуа в 1331 году специальным указом передал его врачей под королевскую защиту. Карл VI в 1350 году разрешил своим бидлам носить серебряные булавы как символы своего достоинства. Герцог Арагонский в 1364 году освободил его от налогообложения. Патенты Карла VIII в 1484 году передали все дела, в которых были заинтересованы профессора и студенты, в юрисдикцию губернатора Монпелье. Осуществление юридического процесса могло быть произведено только в присутствии канцлера. Офицерам факультета были поручены надзор и инспекция аптек города, чтобы обеспечить чистоту отпускаемых лекарств.

В Монпелье были проведены первые публичные анатомические демонстрации в христианской Европе. Хирургические исследования Салернской школы были в основном ограничены низшими животными. Мавританские и еврейские ученые принесли во Францию передовые идеи мусульманской Испании, которая, вопреки древним предрассудкам и средневековым суевериям, стремилась к знанию расположения и функций человеческих органов путем разумного и систематического препарирования человеческого тела. В тринадцатом веке труп преступника каждый год передавался для этой цели факультету Монпелье. Прошло двести лет, прежде чем подобные демонстрации были санкционированы Парижским университетом.

Медицинская академия Монпелье унаследовала энергичный и прогрессивный дух своего прототипа, Университета Кордовы. Он вобрал в себя все доступные знания древности. Он перенял принципы и методы великих арабских хирургов и врачей полуострова. Среди его самых знаменитых профессоров были выпускники Школы Салерно. В нем использовались таланты и опыт известных практикующих из каждой страны и любого вероисповедания. Там труды Гиппократов и Галена были переведены с арабского, на языке которого они сохранились, на латынь, на которой они должны были быть переданы потомкам. Там ученые рассуждения Аверроэса, Авиценны, Разеса и Абулкасиса были обогащены объемистыми и бесценными комментариями.

Для получения звания доктора требовался длительный и тщательный курс обучения. Должность канцлера была очень почетной и несла с собой множество привилегий. Вполне можно себе представить, что церковное самозванство не могло процветать в тени такого учреждения. Его влияние, даже среди естественно враждебного класса, было таково, что еще во второй половине двенадцатого века Первый и Второй Соборы Монпелье запретили всем представителям духовенства преподавать медицину под страхом суровых наказаний. Научный характер исследований, проводимых в этом городе, и успех тех, кто извлекал из них выгоду, дискредитировали практику храмового лечения и навязывания реликвий. Богословская ненависть, присущая Университету, была не меньшей, чем та, которая клеймила родственные

учебные заведения среди арабских неверных. Многие работы его профессоров были публично сожжены инквизицией.

И все же ни один класс людей не пользовался более высоким уважением ортодоксальных монархов христианского мира, чем выпускники Университета Монпелье. Они были друзьями и доверенными лицами пап и королей. Их еретические принципы были забыты у постели больных и страждущих. Арнольд де Вилланова был врачом Климента V., Петра III, короля Арагона, Фридриха II, императора Германии. Ги де Шолиак был постоянным медицинским советником Климента VI, Иннокентия VI, Урбана V. Хотя наибольшая репутация Школы обусловлена ее влиянием на медицину, труды Школы Монпелье не ограничивались этой наукой. Они внесли много ценного вклада в различные разделы литературы. Астрономические исследования испанского еврея Профатия в 1300 году — его таблицы долгот; его расчеты, установившие склонение солнца и наклон земной оси, с помощью которых было окончательно продемонстрировано движение земли, — не утратили своего авторитета и в наше время.

Трактаты Гордония о болезнях почек, Жерара де Соло о гигиене, Раймона де Винарио о чуме указывают ученым-медикам на выдающиеся достижения членов факультета Монпелье. Великая работа Ги де Шолика по общей хирургии была главной опорой европейских хирургов на протяжении двухсот пятидесяти лет.

Безумная расточительность провансальской знати, их щедрые расходы, пышность их свиты, их попытки превзойти по расточительности и роскоши великолепные празднества императорского Рима вызвали удивление в Европе. Их кони были подкованы серебром. На собаках были ошейники, украшенные драгоценными камнями. Для богатого лорда было обычным делом разбрасывать огромные суммы, за которые боролось население. Один посеял, как семя, тридцать тысяч золотых крон по соседству со своим замком. Другой обогатил своих знатных гостей дарами неисчислимой ценности. Третий принес в жертву на погребальном костре, в присутствии огромного собрания, тридцать своих лучших лошадей. По-видимому, не было предела опьянению, вызванному гордостью, богатством. и сладострастием провансальского общества. В этом обществе различия в ранге не были столь резко выражены, как в других странах. Крепостной, действительно, сохранил свою деградацию; но обычно средний класс бюргеров был практически равен феодальной аристократии. Многие из них могли похвастаться более чистым и выдающимся происхождением. Они использовали гербы. У них были свои особняки, свои осажденные замки, свои отряды организованной свиты. Они преуспели в боевых упражнениях, и не было ничего необычного в том, что рыцари, скрестившие мечи с неверными Палестины, потерпели от них поражение на турнире. Титул дворянина, таким образом, в значительной степени был связан с муниципальным местом жительства. В городах все было великолепно, весело, учтиво. За их пределами жители по большей части были обречены на подлость. В Судах Любви, абсурдность которых привела к тому, что многие последующие авторы считали их мифическими, судебные решения выносились по всем пунктам любовной казуистики. Притворная торжественность, с которой выдвигались и решались подобные вопросы, превосходилась только распущенностью обычаев, которые регулировали работу этих чрезвычайных трибуналов. Нельзя было желать большего доказательства господствующей распущенности нравов, чем то, которое давали их каноны. Они поощряли нарушение брачного обета. Они с мельчайшими и любопытными подробностями определили правила интриги. Характер вопросов, обсуждавшихся высокородными дамами в присутствии многочисленной аудитории, был таков, что не может быть даже обозначен, а тем

более описан, в современной книге. Наглая грубость, характеризовавшая эти нелепые споры, представляла собой разительный контраст с утонченностью манер, которую в остальном демонстрировали те, кто в них участвовал. Популярность этой уникальной системы юриспруденции была настолько велика, что во времена Альбигойского крестового похода она была на грани повсеместного распространения во всех частях Франции. Ни одно учреждение, даже во времена ереси и неверия, не было столь пагубным для религии. Оно подорвало жизненно важные принципы, на которых держится общество. Это противоречило предписаниям и высмеивало догмы Церкви. Девственница, как объект обожания, была вытеснена любовницей кавалера, часто женщиной с распутным характером и объектом лести множества любимых любовников.

Очаровательную картину средневекового общества представляет жизнь образованных классов Лангедока и Прованса. Повсюду было оказано самое элегантное и щедрое гостеприимство. Стол был накрыт перед открытой дверью замка. Особое внимание уделялось гостю, будь то купец, рыцарь, паломник, менестрель или трубадур. Его встретили с неподдельной сердечностью. Ему предложили принять ванну с горячим воздухом. На лоб ему возложили венок из цветов. Дамы сами заботились о его нуждах. В соответствии с обычаем, заимствованным у арабов, самые отборные кусочки клались ему в рот изящными белыми, украшенными драгоценными камнями пальцами, надушенными лавандой и розой. Развлечениями дня были силовые подвиги и демонстрация мастерства верховой езды, игра в шахматы, погоня с соколом, состязание за приз в рыцарской ловкости на ристалище турнира. Зимой компания собиралась у огромного камина банкетного зала, летом - под шелестящей листвой парка. Вечер прошел с песнями и танцами, с выступлением рассказчика, с импровизациями поэта. Застолье было оживлено остроумием, шутками, искрометными репликами. Вернувшийся крестоносец рассказал о своих приключениях в Святой Земле — о кровавых столкновениях при осаде Акко; о ссорах христианских вождей; о событиях, в которых проявились достоинство, доблесть, благородное великодушие Саладина. Торговец, только что родом из мавританских городов Испании, — тогда, действительно, к сожалению, утративших свое первоначальное положение, но все еще являвших в своем увядающем великолепии достойный образ их бывшего величия и мощи, — пылким языком описывал красоты Кордовы, Валенсии и Севильи. Общение между кавалером и любовницей постоянно поддерживалось незаметно, посредством безмолвного и пантомимического языка цветов.

В этой блестящей компании трубадур выделялся среди прочих. Хотя он часто становился объектом двусмысленных речей и розыгрышей своих товарищей обоего пола, на которые он не преминул с интересом отплатить едкой сатирой своих стихов, к его мнениям, в целом авторитетным, всегда прислушивались с уважением. Он определял приоритеты и правила этикета. Он давал полезные советы молодым леди по уходу за своей персоной, по их поведению за столом, по их обращению с любовниками. Однако его основными обязанностями были прославление семьи своего покровителя и восхваление прелестей его любовницы. Все добивались его расположения. Лишь немногие были достаточно опрометчивы, чтобы вызвать его вражду. В обществе Лангедока, будь то иждивенец знатного дома или беспечный скиталец от двора ко двору, он всегда был центральной фигурой.

Среди обитателей баронского дворца, если и существовала интрига, то она была скрыта под маской благопристойности. Поэт в пламенных стихах, в которых перечислялись прелести его возлюбленной, ни разу не упомянул ее имени и не выдал ни малейшего намека на то, кто она

такая. Свою привязанность он рассматривал в том же свете, что и дань, которую язычник платит своей богине-покровительнице. Законы его кодекса требовали непроницаемой сдержанности. Объект его поклонения, по всей видимости, был воображаемым персонажем, идеалом женского совершенства.

Наивысшее проявление великолепия, вкуса, интеллекта и роскоши можно было найти в феодальном замке. В городах, правда, постоянно демонстрировались огромная пышность и экстравагантность, результаты накопления невероятного богатства. Особняки многих богатых купцов намного превосходили по великолепию своих интерьеров дворцы короля Франции. По случаю праздников над улицами развешивались бесценные занавеси из парчи и бархата, шелковых гобеленов и золотых тканей. Домашние хозяйства этих могущественных граждан были по масштабу соизмеримы с достоинством их хозяев. Сотни слуг повиновались их приказам. Их покои были полны певцов, танцоров, шутов и евнухов. Не было такого деликатеса, которого нельзя было бы найти на их столах; не было средств чувственного наслаждения, которые не способствовали бы возбуждению их притупленного аппетита; не было порока, с которым они не были бы знакомы.

Таким образом, при дворах многочисленных княжеств Южной Франции, среди удовольствий общества веселого, скептического, распущенного, трубадур был вершителем судеб вкуса, оракулом народа, кумиром женщин. Общественное мнение было далеко от того, чтобы препятствовать проявлению галантности в эпоху, которая одинаково насмехалась над принципами общественной морали и религиозными церемониями. Любовницей бродячего барда всегда была жена знатного человека, нередко принцесса высочайшего достоинства. Ей было адресовано его страстное почтение, часто в выражениях, слишком смелых и пылких для перевода на современный язык. Выражаемое ими преклонение, не уступающее по пылкости никаким обетам, когда-либо произносимым в святилище небесного божества, дает ключ как к влиянию поэта, так и к смягчению нравов. Жизнь последнего проходила в опьяняющей атмосфере музыки, лести и любовных интриг. Его власть над обществом была не менее важной, чем та, которой ранее пользовалось отвергнутое духовенство, и была, с моральной точки зрения, столь же пагубной. Лесть, которую он расточал объекту своей привязанности, представленному как олицетворение всяческой физической грации и всех умственных достижений, не могла не воспламенить романтическое воображение богини, в жилах которой текла горячая кровь Юга и чье тщеславие заставляло ее признавать в этой экстравагантной лести и преданности высшую дань своему очарованию. Вокруг барда, в блестящих кругах Арля или Каркассона, собралась веселая и благодарная публика — дамы в парче и драгоценностях, рыцари в начищенных доспехах, пажи в шелках и золоте. В этом оживленном собрании ограничения ранга, которые никогда не были обременительными из-за строгости помпезного церемониала, были на мгновение полностью отменены. Беседа изобиловала эпиграммами, двусмысленными намеками и добродушной сатирой. Его характер, сформированный распутными обычаями той эпохи, часто нарушал правила приличия, которые регулируют современное общественное общение. Вдохновленный таким окружением, трубадур встал и начал декламировать импровизированную любовную оду. Молодой, стройный и красивый, одна его внешность вполне могла вызвать женское восхищение. Его длинные темные локоны локонами спадали на плечи. На шее висела золотая цепь. На пальцах сверкали драгоценные камни. С пояса свисал покрытый эмалью кинжал. Его живописный костюм ярких цветов, шелковый дублет, бархатный плащ наилучшим образом подчеркивали изящество его особы и свидетельствовали о популярности, которой он пользовался у своих покровителей. Все взоры

были обращены на него, ибо его таланты были высочайшего порядка, и объект его восхищения присутствовал, возможно, в лице самой хозяйки шатле. Пока он распевал свои стихи с акцентом, то пылким, то патетическим, то юмористическим, восхищенная аудитория, охваченная противоречивыми эмоциями, разражалась попеременно слезами и смехом. Его двусмысленные выражения, его распушенные образы, смелость которых строгая современная критика отвергла бы как оскорбительную для приличий, были встречены восхищенными слушателями со всеми проявлениями одобрения. Характер развлечения часто менялся выступлениями жонглера. Этот персонаж, который, будучи вассалом трубадура, занимал положение, аналогичное положению эсквайра по отношению к рыцарю, объединял в своем призвании должности менестреля, жонглера, рассказчика и шута. Иногда он аккомпанировал песне поэта на арфе или гитаре; иногда, выразительно жестикулируя, он пересказывал легенды, военные подвиги и популярные романсы, пересказ которых был любимым развлечением средневекового общества. Обычно его ранг был намного ниже, чем у его компаньона; и все же не было ничего необычного в том, что эти две профессии сочетались; и были случаи, когда их положения менялись местами из-за превратностей успеха или несчастья.

Исключительные привилегии, которыми пользовались эти бродячие сонетисты, ни в коем случае не были полностью связаны с развлечением, которое доставляли их таланты. Их сочинения были единственным средством, с помощью которого можно было возбудить общественное мнение и ограничить злоупотребление властью и проявления социальной развращенности. Влияние кафедры, долгое время всемогущей в регулировании морали, пошло на убыль; в некоторых местностях она полностью исчезла. Должны были пройти столетия, прежде чем пресса, самое грозное оружие политического порицания, смогла стать доступной. Сатира поэта, чьи стихи, переносимые с места на место, за две недели стали известны сотне сообществ, была признана орудием нравственного исправления, ужасом тирана, бичом бесстыдно распушенных. Его могущественных последствий опасались преступники всех классов, и никто так сильно, как те, кто занимал высокое положение.

Свирепость и озлобленность, проявляемые трубадурами в их нападках на неприятных персонажей в эпоху безответственной власти, могут быть объяснены только исходя из гипотезы, что они поощрялись и защищались силой подавляющего общественного настроения. Их стихи были написаны на окском языке, первом совершенном и самом важном из романских языков, — идиоме огромного распространения и силы, которой за пределами Луары пользуются только образованные и утонченные члены общества. Лучшие из этих произведений часто были созданы авторами, лишенными литературной культуры; многие трубадуры даже не умели читать. Они не выказывали никакого восхищения красотами природы. Строфы были разрозненными, часто абсолютно лишенными преемственности. Общее сходство типа и идей пронизывало все. Странным обстоятельством является то, что по форме и метрическому расположению последнее стихотворение трубадура ни в чем важном не превосходило старейшее, известное в настоящее время; за двести лет оно не улучшилось. По тонкости чувств, силе выражения, сладости мелодии эти композиции не превзойдены текстами ни одной нации. Их аналогия с испанскими мусульманами поразительна и самоочевидна. Та же игра слов, тот же преобладающий круг сюжетов, те же притянутые за уши и экстравагантные сравнения, то же непрекращающееся подчеркивание личности автора. Окский язык содержит большее количество рифмованных окончаний, чем любой другой язык, кроме арабского; совпадение, которое следует отнести к имитации или общему поэтическому вкусу, и уж точно не является результатом случайности. В произведениях обеих идиом преобладающая рифма составлена по

двустихиям и встречается на протяжении всего стихотворения, второй стих каждого двустихия всегда заканчивается одним и тем же звуком; и смысл часто затемняется или приносится в жертву ради сохранения непрерывной гармонии стихосложения.

Вкус к литературе появился во Франции отчасти вследствие мусульманской оккупации, но в основном благодаря евреям, которые остались после того, как их союзники были отброшены за Пиренеи. Сходство вкуса и выражения, существующее между поэтами этих двух ветвей семитской расы, очевидно каждому, кто сравнивал Библию и Коран. Многие еврейские колонисты Нарбонны и Марселя получили образование в Кордове, и все они бегло говорили по-арабски. Немало было ученых с выдающимися способностями, одаренных поэтическими талантами, обладателей больших библиотек. Эти превосходящие преимущества имели большой вес для полуварварского народа, погрязшего в невежестве, не имевшего никаких умственных ресурсов, кроме обмена сплетнями и увещаний священника, который часто не мог понять свой требник. Свирепый и нетерпимый дух, с которым обычно относились к еврею, в какой-то мере нейтрализовал эффект его влияния, но сила интеллекта и культуры в конце концов возобладали. Евреи знакомили население Лангедока и Прованса с искусством, наукой и литературой арабов. Благодаря их посредничеству знакомство с арабским языком и литературой стало в Южной Франции и на Сицилии необходимым условием получения образования ученого. Другим фактором, имевшим большое значение для интеллектуального развития Южной Европы, было количество мусульманских беженцев, которые искали безопасности в чужих землях от наплыва африканского варварства и от опасностей, связанных с постоянными революциями. Значительная часть из них были философами, чьи высокие достижения сделали их опасно заметными, и чьи еретические доктрины были противны суровому фанатизму Альморавидов. Такая иммиграция не могла не произвести глубокого впечатления на ментальные характеристики и литературные привычки любого народа.

Общение всех классов населения Южной Франции отличалось всеми проявлениями вежливости. Степень старшинства, стиль одежды, порядок развлечений, организация банкета регулировались установленными правилами этикета.

И эта жизнь никоим образом не была посвящена легкомысленным занятиям. Большой зал замка часто становился ареной дебатов между известными учеными и духовными лицами. Там также ставились бурлескные чудо-пьесы того времени. Гордостью графа была дорогая библиотека. Философ часто, а астролог почти неизменно, был членом его семьи. В тайных хранилищах лаборатории, окруженных тиглями и перегонными кубами, адепт искал секрет питьевого золота; с вершины цитадели астроном каждую ночь общался со звездами.

Склонность к диалектическому спору, унаследованная от их греческих предков; утонченные аргументы арабских метафизиков и натурфилософов; торговые сношения с Востоком, которые познакомили их с религиозными теориями и принципами различных еретических верований; и развращенная жизнь духовенства, вызывавшая всеобщее отвращение у всех, предрасполагали благочестивых людей к принятию новых форм веры. Среди неортодоксальных сект, возникших в ранние века христианства, секта павликиан была самой многочисленной, самой популярной и самой стойкой. Его догматы были частично заимствованы у гностиков, но в значительной степени заимствованы из древнеперсидского учения о двух антагонистических Принципах Добра и Зла, вечно борющихся за господство во вселенной и за империю человечества. Своеобразные идеи этой манихейской секты с самого начала пробудили опасения и вызвали

анафему Церкви. Мистицизм, который характеризовал их, аскетическая жизнь, которую они прививали, мощно взывали к суевериям и благочестивым побуждениям, которые наиболее сильно влияют на человеческий разум. Из Армении вера павликиан быстро распространилась по всем провинциям Византийской империи, а затем, следуя торговым путям, привлекла бесчисленное количество прозелитов в Германию, Италию, Испанию и Францию. Это дало начало вальденсам и альбигойцам - именам, имеющим печальное и зловещее значение в религиозных анналах Европы. Ни в одной стране эти ложные доктрины не были восприняты с таким энтузиазмом, как в Провансе и Лангедоке. Их принятие касалось не только невежественных и безвестных людей, поскольку многие личности самого высокого ранга открыто признавали свою приверженность этой опасной ереси. Простота вероучения и чистота нравов отличали новых сектантов от подданных древней иерархии. Они отрицали реальное присутствие в Евхаристии; ценность крещения как церемонии; действенность отпущения грехов, даруемого священником, чье призвание нередко было опозорено актами самого вопиющего распутства. Их служители сменили великолепные облачения римско-католического духовенства на простые черные одежды. Они отвергали Ветхий Завет, как вдохновенный Духом Зла, из-за кровавых деяний, санкционированных высшей силой, которые истреблением густонаселенных общин свидетельствовали о непримиримой вражде к человеческому роду. Колокольчики и всевозможные изображения одинаково разделяли их анимацию. Они пропагандировали благожелательность, воздержание, целомудрие, безбрачие. В самоотречении многие из них превзошли дисциплину самого строгого из монашеских орденов. Они осудили как одно из самых тяжких преступлений против морали практику любой формы лжи и обмана. В их вероучении священнические должности и церковный церемониал не были наделены святостью и не могли принести никаких преимуществ, если не были связаны с честностью цели и чистотой жизни. Само их существование было протестом против папской непогрешимости и утверждением права на личное суждение. Их либеральные взгляды, их благотворительность, убедительное красноречие, с которым они проповедовали свои доктрины, снискали им уважение знати и горячую преданность толпы. Название этой отвратительной секты было для каждого последовательного члена католической общины выражением особого позора.

Во всем регионе, зараженном этой ересью, получившей свое название от епархии Альби, где ее приверженцев было больше всего, авторитет Ватикана был подорван или полностью уничтожен. Привычки духовенства настроили против них все классы. Церкви были пусты. Выплата десятины прекратилась. Вассалы, находящиеся под церковной юрисдикцией, отказывались повиноваться и удерживали дань. В некоторых районах священнику было небезопасно появляться на шоссе. Публичные увещевания монахов, чье необычайное влияние теперь впервые проявилось, прерывались насмешливыми криками и летящими снарядами. В Тулузе, центре альбигойских доктрин, прелат-рenegат, узурпировавший функции папы римского, время от времени созывал соборы епископов-еретиков. Непокорные сектанты владели молитвенными домами, церковными резиденциями, кладбищами. Благочестие или страхи набожных людей даровали их духовенству ценные поместья и большие суммы в виде наследства. Та часть общины, которая не приняла новую веру — которая, вероятно, равнялась остальным по численности и, безусловно, превосходила их по богатству и социальной значимости, зараженная теориями арабской философии, - была насквозь неверующей. Против таких мятежников громы Ватикана не возымели никакого действия. К апостольским увещеваниям относились с насмешкой. Интердикты утратили свою силу. Даже с папским

легатом обращались не слишком вежливо. Миссионерские усилия Доминика, чье пламенное рвение теперь начало поднимать его к высшей должности, потерпели сокрушительный провал. Церковь, которой в одно и то же время угрожало это серьезное отступничество, бунт в ее собственных мирских владениях и устремленный гений молодого императора Фридриха II, находилась в большом бедствии. Никогда в своей истории она не сталкивалась с такими могущественными врагами и не подвергалась более смертельным опасностям. И все же эта прекрасная земля, ныне находящаяся под запретом Папского престола, всего лишь столетие назад считалась одним из оплотов христианской веры. Именно в Клермоне лангедокский епископ Пюи, как представитель папы Римского, провозгласил первый крестовый поход. Сто тысяч человек из Южной Франции последовали за Петром Отшельником в Палестину. Знаменитый орден госпитальеров был провансальским учреждением. Значительная часть его великих магистров были уроженцами Лангедока. Сокровища, пожертвованные его жителями на осуществление этих химерических походов Рима, были далеко не незначительными. Столь радикальная перемена способствовала повышению интеллекта и неограниченному проявлению разума в умах жителей самой цивилизованной страны христианской Европы.

Злобный гений Иннокентия III. был, однако, приравнен к чрезвычайной ситуации. Несмотря на то, что церковная коррупция была главной причиной широко распространенного восстания против папской власти, граф Тулузский и его феодалы по изысканной иронии судьбы были назначены служителями апостольского возмездия. Ватикан издал мандат, согласно которому провансальская знать должна стать преследователями своих вассалов и опустошать их собственные владения огнем и мечом. Никакие семейные узы, никакие соображения дружбы или интимности, никакие наследственные связи не были исключены из-под действия этого зверского указа. Когда это не удалось, а это было неизбежно, в качестве последнего решающего средства была обнародована булла, объявляющая крестовый поход против неверных Франции. Их земли и их жизни были объявлены конфискованными за преступление ереси; все добрые католики были призваны к оружию; а имущество мятежных сектантов было обещано в награду верным защитникам Святого Престола. Были задействованы все ресурсы папской изобретательности и власти. Из тысячи двухсот монастырей банды фанатиков выступили с проповедью крестового похода во всех государствах христианского мира. Полная индульгенция была дарована воину, который облачился в свои доспехи во имя Церкви. Отлучение от церкви и лишение церковной защиты были осуждены в отношении любого виновного в колебаниях или тепловатости. В дополнение к общему отпущению грехов, санкционированному Папой римским, крестоносцы были на время продолжения этой Священной войны освобождены от уплаты всех денежных обязательств, заключенных до их призыва на военную службу, - уступка, которая была практически эквивалентна отказу от своих долгов. Ответ на призыв Ватикана был готов и единогласен. Каждая всепоглощающая страсть и каждый низменный порыв — любовь к славе, религиозное рвение, национальные предрассудки, стремление к новизне, ненасытная алчность, личная злоба — привлекали бродячих, распущенных и беспринципных к знамени Креста. В то время Европа кишела военными авантюристами, некоторые из которых служили в Палестине в свите выдающихся личностей; другие, отбросы расформированных армий, были вне закона и преступниками, которые существовали за счет грабежа и вымогательства. Для таких людей объявление о подобном предприятии казалось исключительной удачей. Прованс и Лангедок занимали богатейшую по своим размерам территорию к западу от Константинополя. Его роскошь и изобилие, его элегантная цивилизация, великолепие его городов, несметные сокровища его

складов, красота его женщин были хорошо известны его завистливым и амбициозным соседям. Было также известно, что не существовало адекватных средств защиты и что рукам, которые в разгар варварства сотворили эти чудеса, не хватало ни силы, ни решимости защитить их. Граница была открыта для захватчиков. Невозможно было собрать эффективную военную силу, чтобы успешно противостоять наступлению противника. Суровые качества солдата нельзя было получить в женственной атмосфере провансальского двора, посвященного танцам, поэзии и любовным утехам. Как физически, так и морально мягкое и праздное население Юга не было приспособлено для борьбы с отважными авантюристами, с детства привыкшими к оружию, испытанными в сотнях сражений и ежедневно упражнявшимися в драках и состязаниях, неотделимых от общества бурной и незаконной эпохи.

Не было недостатка в стимулах, чтобы вызвать энтузиазм у представителей всех рангов — от короля до злодея, от архиепископа до монаха. Монархия Франции, чьи феодальные обязательства номинально включали могущественные государства Пиренеев и Средиземноморья, фактически была неспособна осуществлять свои мандаты за пределами Луары. Суверенитет этой богатой страны, ныне отданной на откуп завоевателям, не мог не неизмеримо увеличить могущество и влияние короны. Церковная алчность и месть с тоской смотрели на богатые бенефиции, узурпированные и управляемые еретиками, на перспективу огромных конфискаций, на уверенность в страшном возмездии, которое повлечет за собой религиозные заблуждения и нечестивое пренебрежение увещеваниями папы Римского. Надежда на безудержное потворство любым жестоким страстям взывала к более низменным и эгоистичным инстинктам черни — нищих, грабителей, солдат удачи. О популярности предприятия свидетельствует количество принявших крест. По оценкам, в войне участвовало от трехсот тысяч до полумиллиона человек, из которых почти сто тысяч были бойцами, прошедшими военную службу. В то время в Европе не было правительства, способного противостоять натиску такой силы. Потрясенный ужасающей перспективой надвигающегося разрушения, граф Тулузский согласился безоговорочно соблюдать требования Святого Престола в обманчивой надежде предотвратить в своих владениях бурю, которая должна была привести всех его подданных к общей гибели. Его наказание было применено при всех обстоятельствах общественного позора и личной деградации. Его отлучение от церкви, давно объявленное за еретические взгляды, которых он не разделял, не было отменено. Вызванный на церковный совет в Валенсе, он признал свои грехи и пообещал послушание в будущем. Раздетый догола до пояса, он был проведен в присутствии огромной толпы к главному входу в церковь, где отрекся от своих заблуждений и, вложив свои руки в руки легата, поклялся в верности папе. Он передал духовенству в обеспечение своих обязательств семь самых крепких замков в своих владениях — роковой шаг, сделавший его падение, в котором до сих пор едва ли можно было сомневаться, теперь вопросом абсолютной определенности. Затем, набросив ему на шею веревку, его потащили по проходу к алтарю, где подвергли бичеванию, как самого гнусного преступника. Его отречение было повторено, и, наконец, было произнесено отпущение грехов при условии безоговорочного подчинения и с обещанием, что он поможет в ведении войны, которая повлекла за собой опустошение его страны и истребление его подданных. Эти унижительные жертвы, принесенные с подразумеваемым пониманием того, что в будущем его вассалам будет предоставлен иммунитет в случае, если они подчинятся папской власти, оказались напрасными. Духовенство основывало свою собственную концепцию на вопросах, в которых они были одновременно обвинителями и судьями. Хотя граф Тулузский, насколько это было возможно, соблюдал унижительные условия, благодаря которым он примирился с

Церковью, в политику Иннокентия не входило снисходительное отношение к тем, кто не подчинился ее канонам, усомнился в ее вдохновении или перехватил ее доходы. Были легко найдены предлоги, под которыми Раймонда обвинили в нарушении его заветов. Его замки были объявлены отчужденными папству. За его действиями внимательно наблюдали, и стало очевидно, что его присутствие среди крестоносцев было вынужденным, а не добровольным. Великая армия, собравшаяся, чтобы отстоять поруганное величие Наместника Христа, теперь требовала, чтобы ее повели на битву. Их непреодолимое количество омрачило лионские равнины и посеяло ужас среди крестьян, женщин которых они оскорбляли и чье имущество потребляли. Выдающиеся прелаты французской иерархии санкционировали своим присутствием и своим примером самое ужасное из посягательств на права человека и интеллектуальную свободу. На религиозный характер предприятия указывало преобладание священнического сословия; вездесущность священных эмблем - посохов, кадильниц, хоругвей, реликвий; митра митрополита; раковина-гребешок паломника; капюшон и завязанный шнурок монаха; изодранная одежда и изможденный вид отшельника. Духовенство возглавлял Арнольд, аббат Сито, папский легат. В фургоне выделялись четыре архиепископа и десять епископов в официальных облачениях. Монашеские фанатики, чье необученное красноречие распалило худшие страсти невежественного населения Европы, размахивая распятием и мечом и призывая к мести ненавистным сектантам, которых божественное правосудие отдало в добычу избранным, с пеной у рта, изрыгая проклятия и нечленораздельные крики, носились взад и вперед сквозь обезумевшую и буйную толпу. Все они носили крест, вышитый на груди, в отличие от крестоносцев Палестины, которые носили его на плече. В свите высшего духовенства было множество священников и тысячи иждивенцев и слуг. Архидьякон Парижа, выдающийся член церкви милитант, присутствовал в качестве главного инженера. Несмотря на свое миролюбивое призвание, он проявил себя при выполнении, казалось бы, неуместных обязанностей своей новой профессии одним из самых талантливых солдат своего времени. Проницательный и политичный Филипп Август, стремясь обеспечить короне Франции существенные выгоды, которые, несомненно, будут получены в результате завоевания и разграбления крупных феодалов Юга, но не желая разделять позор, связанный с этим предприятием, продвигал его тайно, но отказывался открыто использовать ресурсы своего королевства для такого дела. Французская знать также, по большей части, держалась в стороне; но имена герцога Бургундского, графов Невера и Сен-Поля дошли до нас как орудия апостольского гнева, искоренявшего альбигойскую ересь.

Из всех лидеров, духовных или светских, Симон де Монфор, граф Лестерский, был самым ревностным и выдающимся. Английский авантюрист древнего и прославленного происхождения, он долгое время следовал захватывающей карьере солдата удачи и завоевал высокую репутацию храбреца и воина среди христианских воинов, сражавшихся с неверными в войнах за Святую Землю. В своих политических и общественных отношениях де Монфор был человеком исключительной честности, обходительности и почтения; но в вопросах, связанных с поддержанием церковного превосходства, он был чудовищем дикой жестокости, безжалостным преследователем, воплощенным дьяволом. Его храбрость, фанатизм и военные таланты рано обеспечили ему восхищение духовенства, влияние которого в конце концов возвысило его до высшего командования разношерстным войском, собранным их увещеваниями. Позор альбигойского крестового похода неразрывно связан с его именем, которое дошло до потомков как синоним всего безжалостного, низкого и вероломного в истории религиозных преследований. Их феодалов сопровождали многочисленные свиты

вассалов, блистающие роскошными доспехами и безвкусными ливреями, а также крепкие йомены, которые теперь начинали утверждать свое значение в закованных в кольчуги армиях Европы. Обещание добычи и славы, прощения за прошлые проступки и неприкосновенности от будущих преступлений, как и в прежних крестовых походах, привлекло отовсюду отбросы города и лагеря, разбойников и преступников, безжалостных рабов грабежа, похоти и суеверий. Эта толпа была по большей части безоружна, но многие были снабжены косами и другими сельскохозяйственными орудиями, бессильными против рыцарских доспехов, но вполне достаточными для уничтожения тех, кого возраст, немощь или половые недостатки делали неспособными к защите. Уверенный в своем огромном численном превосходстве, этот фанатичный и беспорядочный сброд подобно торнадо пронесся по улыбчивой и плодородной территории Роны. Власть графа Тулузского, который, лишенный возможности враждебных действий из-за унижительного договора с папой римским, был вынужден помогать захватчикам, перешла к его племяннику Раймону Рожеру. Последний, полагаясь на мощь своих главных городов, Безье и Каркассона, двух наиболее укрепленных крепостей в Европе, ожидал приближения врага со спокойной неустрашимостью, порожденной сознанием своей правоты и решимостью отчаяния. Пока крестоносцы разбивали свой лагерь, они были застигнуты врасплох вылазкой осажденных. Подавленные численностью, последние были отброшены назад; ворота, забитые беглецами, позволили врагу проникнуть внутрь, и почти в одно мгновение судьба густонаселенного и процветающего города Безье была решена. В последовавшей ужасной бойне не было пощады. Старые и молодые, сильные и слабые одинаково погибли от оружия разъяренных нападавших. Католики не получили иммунитета по причине своей веры, но перешли на сторону своих соседей-альбигойцев. Когда солдаты в разгар резни потребовали от папского легата, как они могут отличить ортодоксального верующего от еретика, это благочестивое чудовище ответило: “Убейте их всех, Бог узнает Своих!” В Римско-католическом соборе после штурма насчитали семь тысяч трупов. Священники, облаченные в свои священные облачения, пали у самого подножия алтаря. Население города было значительно увеличено за счет соседних крестьян, которые искали защиты за его крепостными стенами. Из всего этого множества ни один человек не спасся живым. Оценки тех, кто таким образом был предан забою, разными авторами приводятся по-разному - от двенадцати до шестидесяти тысяч. Город был разграблен и подожжен, и даже церкви и монастыри, принадлежащие Римскому престолу, исчезли в результате беспорядочного разрушения. Армия вторжения, разгоряченная триумфом и еще не насытившаяся кровью, следующим заняла Каркассон, укрепления которого, все еще более мощные, чем у Безье, давали некоторую надежду на успешное сопротивление. Однако его ресурсы были серьезно подорваны количеством беженцев, которые бежали туда в поисках безопасности. Через несколько дней закончилась вода. Плохие санитарные условия, усугубленные скоплением больших масс людей на ограниченном пространстве, вызвали эпидемию. Было согласовано соглашение о капитуляции, по которому жителям было разрешено уехать, оставив все свои пожитки. В результате этих строгих мер вся страна наполнилась умирающими от голода нищими, многие из которых всего неделю назад жили в достатке и роскоши. Виконт Раймонд Роже, чьи правила безопасности были вероломно нарушены, был заключен в тюрьму и скоропостижно скончался, вероятно, от яда.

Примеры Безье и Каркассона не остались незамеченными для охваченных террором жителей Лангедока. Крепости и деревни сдавались сотнями без сопротивления; гарнизоны тех замков, которые устояли, были перебиты до единого; земли еретиков были поделены между

крестоносцами под сюзеренитетом этого верного и последовательного слуги папства, графа Лестера. Учреждение инквизиции под эгидой доминиканского монашеского ордена завершило разрушение страны, цивилизация которой долгое время была сияющим маяком среди интеллектуальной тьмы христианского мира. Классические памятники, избежавшие насилия прошлых эпох, были разбиты на куски или обезображены. Разрушение больших городов, страх перед таинственными трибуналами, жертвы которых, замурованные в грязных подземельях или обреченные во имя религии на ужасные пытки и медленную смерть, никогда больше не увидели дневного света, ненасытная алчность духовенства, тирания чужеземных хозяев обезлюдели целые районы и обратили торговлю, от которой в основном зависело процветание Южной Франции, в заграничные каналы, где собственность и личность торговца могли быть в достаточной безопасности. Красивый и мелодичный язык трубадуров, прародитель современных идиом латинского происхождения, который, казалось, вот-вот будет перенят всеми людьми французского происхождения, был заброшен и деградировал до патуа, на котором, сильно искаженном, до сих пор говорят гасконские и каталонские крестьяне. Веселые развлечения, танцы, литературные состязания, музыкальные песнопения жонглеров, страстные и сатирические стихи поэтов, банкеты, Любовные свидания, охотничьи вечеринки, турниры - все это исчезло навсегда.

Альбигойский крестовый поход - одно из самых темных пятен в религиозной истории Рима. Это породило печально известную максиму, тогда впервые официально обнародованную папской властью, о том, что ни один договор, заключенный с еретиками, не является обязательным для члена римско-католической веры. Тогда гражданская власть впервые была задействована в систематическом и безжалостном подавлении независимой мысли. Тогда был организован и приведен в действие самый гигантский и эффективный механизм преследования, который когда-либо знал мир. Тогда была доведена до совершенства та грандиозная и внушительная структура правления, которая, начатая и усовершенствованная гением многих сменявших друг друга понтификов, достигла такой высокой высоты во время правления Иннокентия III., — система, в политике которой религиозная и светская власти, теоретически разделенные, на самом деле были тесно скоординированы и объединены; которая, истощая доходы каждого королевства в пределах своей досягаемости, превозносила превыше всех добродетелей заслугу евангельской бедности; которая, препятствуя философским занятиям, стремилась обеспечить монополию на обучение, тем самым усиливая превосходство, присущее религиозному обществу. священный характер и профессия - влияние, проистекающее из умственных достижений и необычайной эрудиции; которое установило в Европе невыносимый деспотизм, под властью которого она была обречена страдать более трехсот лет, и которое использовало для осуществления своих честолюбивых замыслов все средства интриги и все методы запугивания, подкрепленные применением наказаний, изобретательная и беспощадная жестокость которых была доселе неизвестна политическому угнетению древних или средневековых времен.

Таким образом, абсолютная власть папской системы была укреплена одним из величайших верховных понтификов путем уничтожения двух великих цивилизаций, которые более века представляли интеллект, культуру и науку христианской Европы.

Таким образом, я изложил — не в хронологическом порядке, а в порядке их важности — события, ставшие результатом возникновения, развития и подавления интеллектуальных революций, которые в XIII веке произошли на Сицилии и Юге Франции, по той причине, что они

были прямыми и законными результатами арабского завоевания и последующего распространения арабских философских взглядов. Существует поразительная аналогия между обстоятельствами, соответственно связанными с этими двумя великими движениями человеческого разума. Оба возникли в регионах, которые были подвержены мусульманскому господству. В обоих случаях, после исчезновения сарацинского владычества, обычаи побежденной расы еще долго сохраняли свое влияние на более грубых завоевателей, которые незаметно переняли их и усердно соблюдали. Коммерческие отношения укрепили узы, уже существовавшие между христианским хозяином и мусульманским данником. В период расцвета своего процветания дворы Тулузы и Палермо были мусульманскими во всем, кроме названия и костюма. Действительно, одно из этих исключений едва ли относилось к столице Сицилии, где просторные одежды и безупречно чистые тюрбаны мавританских философов на каждом шагу напоминали о привычках и традициях Востока. На Сицилии арабский язык почти повсеместно использовался знатью и торговыми классами; в Провансе и Лангедоке общение с мавританскими княжествами Испании сделало его принятие необходимым для значительной части общества; в обеих странах его изучение составляло существенную часть образовательного процесса. Общее направление научной мысли и ее практическое приспособление к интеллектуальным потребностям людей раскрывается в создании этих двух великих литературных фондов - медицинских колледжей Салерно и Монпелье. В учебных программах этих великолепных школ, которые ни в коем случае не ограничивались обучением искусству врачевания, преобладала арабская и древнееврейская литература, преподаваемая профессорами этих национальностей. Романский диалект, более широко распространенный, чем любой другой язык, на котором говорят в Европе со времен распада Римской империи, в какой-то мере пережил бедствия завоеваний и революций; до сих пор указывает на свое арабское происхождение словами, ежедневно слышимыми на берегах Сены и Дуная; и составляет немалую часть языка англоязычного мира. В Италии он достиг большего прогресса, чем в какой-либо другой стране, продвигаясь одновременно через север из Франции и через Юг с Сицилии, вытесняя неоформленные диалекты Латинского полуострова, и, благодаря его принятию властями Феррары и Монферрата, он достиг даже греческого княжества Фессалоники; его влияние сегодня очевидно в португальском, кастильском и многочисленных мягких и гортанных диалектах Испании.

Из мавританских источников, благодаря общению с испано-арабами и посредничеству французских и сицилийских завоевателей, были почерпнуты те принципы рыцарства, которые изменили бурное варварство феодальной Европы, вежливую галантность турниров, идолопоклонническую преданность женскому характеру, высокое чувство чести и личного достоинства и утонченные удобства общественной жизни.

Из этих оригиналов проросли зародыши современной литературы и самые ранние образцы современной поэзии. Арабы были непревзойденными мастерами импровизации - искусства, достигшего необычайной популярности в средние века; а использование рифмы, наиболее важной и поразительной характеристики современного стихосложения, было знакомо бедуинам за столетия до появления Мухаммеда. Бродячий бард пустыни был литературным прародителем трубадура, так же как арабский шут и рассказчик был прототипом его товарища жонглера, чьи шуточные и наводящие на размышления выходки развлекали благодарные и не слишком деликатные собрания при провансальском и сицилийском дворах. Благодаря школам Монпелье и Салерно, расположенным одновременно и испытывавшим арабское влияние, философия Аверроэса, ботаника Ибн-Бейтара, хирургия Абулкасиса, сельское хозяйство Ибн-

аль-Авама, история Ибн-аль-Хатиба стали известны невежественным и одержимым священничеством народам Европы.

Однако мавританское влияние было наиболее заметным и постоянным именно в том импульсе, который оно придало утверждению права частного толкования религиозных вопросов. Одним из основных принципов мусульманского вероучения была веротерпимость. С другой стороны, первым долгом христианина было беспрекословное повиновение своим духовным наставникам. Быстрое и почти чудесное развитие человеческого разума в XIII веке было неизбежным следствием политики, основанной на тех принципах, применение которых способствовало удивительному прогрессу каждой нации, управляемой просвещенными преемниками Мухаммеда.

Параллель, существующая между сицилийской и лангедокской цивилизациями в происхождении, прогрессе, в мышлении, образовании, скептицизме, неприятии церковного вмешательства, сохраняется даже в дате и методе их искоренения. Оба достигли своего апогея во время понтификата Иннокентия III, образца папской автократии, безжалостного врага религиозной свободы, злого гения XIII века. Каждый из них был уничтожен крестовым походом, который под маской благочестия взывал к самым низменным побуждениям и деградирующим инстинктам человечества. За обоими последовали конфликты, мятежи и преследования, длившиеся веками. Но пожары, хотя и кажущиеся потушенными, все еще тлели под пеплом их жертв. Принципы, отстаиваемые философскими мыслителями при дворах Раймонда и Фредерика, легли в основу вероучений Лолларда, гугенотов, пуритан. Все блага гражданской и религиозной свободы, которыми в настоящее время пользуются просвещенные нации земли, все замечательные механические приспособления, которые облегчают труд, уменьшают страдания, облегчают общение, поощряют торговлю, развивают мануфактуру и способствуют общему счастью человечества, косвенно проистекают из импульса, приданного философским исследованиям и научному прогрессу норманнскими королями Сицилии, императором Фридрихом II и графами Прованса, воодушевленными духом и подражающими достижениям арабской цивилизации. Эти неоценимые преимущества неотделимы от врожденного права каждого человека свободно использовать свои умственные способности и извлекать из них пользу. Это право Церковь всегда отрицала как подрывающее ее предполагаемое предписывающее право на всеобщий суверенитет над мнениями человечества. В Европе это впервые было публично заявлено на берегах Гвадалквивира, и преимущества, которые дает нынешнему поколению его беспрепятственная практика, являются бесценным наследием основателей мусульманской империи в Испании.

ГЛАВА XXIV

ИСПАНСКИЕ ЕВРЕИ

711-1492

Влияние семитской расы на цивилизацию—Предприимчивость древних евреев—Их Выдающиеся таланты—Их Могущество в средние века—Их Всеобщее запрещение —Их положение при маврах Испании—Их Выдающиеся достижения—Их преданность литературе—

Их Академии—Раввины как послы Халифов—Ученые люди—Поэты, врачи, государственные деятели, философы—Маймонид: Его гений и Его произведения—Его характер—Преобладающее влияние испанских евреев в правительстве и обществе—Их необходимость для правящих классов—Они склонны к ростовщичеству—Их процветание— Им благоволят Альфонсо X и Педро эль Крул — Их Мастерство в медицине —Обязательства средневековой и современной науки перед евреями — Их чудесное выживание в условиях угнетения—Их Изгнание с полуострова— Их страдания — Примесь еврейской крови в аристократии Испании и Португалии.

Преобладание семитского влияния - одно из самых замечательных явлений в анналах человеческой цивилизации. Прогресс тех народов, которые в древние времена достигли высочайшего уровня интеллектуальной культуры, непосредственно связан с этим влиянием. Успех семитского элемента в изменении характера каждого народа, с которым он вступал в тесный контакт, будь то путем завоевания или торговых сношений, является одним из самых поразительных и поучительных эпизодов истории. С тех времен, когда финикийцы контролировали торговлю древности, пользуясь своим глубоким знанием человечества, чью алчность они стимулировали введением неизвестных предметов роскоши и чьи страхи возбуждали изобретением зловещих басен; через Средние века, когда тираны и инквизиторы грабили и угнетали еврейских банкиров и торговцев Европы, вплоть до нашего времени, когда еврей является не только обладателем значительной доли богатств земного шара, но и доминирующей силой в деловых кругах каждого города и деревни мира. Как в Старом, так и в Новом Свете предприимчивый гений семитской расы имел первостепенное значение в своем контроле над умами и судьбами людей. И это влияние проявляется не только с торговой, но и с религиозной точки зрения. Священные Писания и Коран монополизируют благочестивое почитание цивилизованного мира. Преемники Мухаммеда только в Индостане изменили веру сорока одного миллиона душ. Важнейшие догмы Церкви, ведущие принципы королевского правления, имеют семитское происхождение; большинство популярных легенд и преданий, составляющих фольклор Франции, Германии, Скандинавии и Британии, происходят из долины Нила или равнин Аравии. Азиатские идеи, господствовавшие на сравнительно незначительной географической территории европейского континента, чье понимание преимуществ литературных и научных исследований сделало их столь заметными среди средневекового невежества, сохраняли свою непоколебимую силу на протяжении многих веков. Импульсу, приданному таким образом письмам, современное общество обязано долгом, от которого оно давно отказывалось и который оно даже сейчас неохотно признает. Среди тех рас, которые оказали наибольшее влияние на судьбы человечества, в высшей степени выделяется еврейская. С самых ранних времен, о которых упоминает история, евреи занимали высокое место среди цивилизованных наций. Они были одними из первых торговцев, негоциантов, мореплавателей. Соседи финикийцев, они впитали коммерческий дух этого предприимчивого народа, сопровождали их экспедиции, участвовали в их предприятиях, делились с ними прибылью и вместе с ними преодолевали препятствия, препятствующие плаванию по неизвестным и таинственным морям. Они не замедлили признать огромные коммерческие выгоды, которые можно было получить от освоения безграничных ресурсов испанского полуострова, откуда тирские и сидонские мореплаватели привозили такое количество серебра, что их суда едва могли перевозить его, несмотря на то, что якоря, самая обычная утварь и даже балласт состояли из этого драгоценного металла.

Рассказы о правлении Соломона содержат множество свидетельств богатства и преуспевания евреев. Их способности и услуги высоко ценились самыми просвещенными правительствами древности. Птолемеи пригласили их основать колонии на берегах Нила. Римские императоры часто поручали им сбор и распределение имперских доходов. Император Адриан заявил, что во время своих путешествий по Египту он никогда не встречал еврея из этой страны, который не был бы опытным математиком. На Дальнем Востоке, где их предки когда-то были заключены в позорный плен, они стали близкими друзьями могущественных монархов. Их знали и приветствовали в каждом морском порту Средиземноморья, а их жажда наживы даже побудила их смело идти навстречу опасностям варварских стран Европы. Во всех своих социальных и политических отношениях они поддерживали свою репутацию того умственного превосходства, которое до сих пор является одной из характерных черт еврейской расы. Все знания, существующие среди современных народов — тайные знания египтян, переданные в таинственных храмах под сенью пирамид; древние традиции магов; богатое наследие классической древности; умение аргументировать, приобретенное в Музее Александрии и философских школах Афин, — были достоянием евреев. Его любопытство было пробуждено путешествиями и контактами с сотней различных народов, входящих в сферу его коммерческой деятельности; его гений был развит и возмужал благодаря прилежному трудолюбию; а богатство, ставшее результатом его проницательности, позволило ему максимально использовать свои непревзойденные возможности. Нет более достоверного факта, чем тот, что интеллектуальное совершенствование нации, ее прогресс в искусстве, ее научные познания, ее литературная культура находятся в прямой и абсолютной зависимости от ее материального благополучия и независимого материального положения ее ученых мужей. Хотя бедность часто является стимулом к упорству, обеспечивающему успех, это условие влияет только на индивидуальное, а не на национальное развитие. Без досуга не может быть учебы; без учебы не может быть продвижения. Другим фактором первостепенной важности в развитии и поддержании цивилизации, которому иврит был глубоко обязан, был широкий и разнообразный опыт, полученный в результате космополитических привычек и ассоциаций. Этому общению способствовали простые и быстрые средства международной связи, имевшиеся в распоряжении еврейского торговца. Средиземное море, омывавшее берега трех великих континентов, не представляло препятствий для предприятия финикийцев, чьи тесные связи с евреями давали последним преимущества, которыми не пользовался ни один другой народ; а легендарные чудовища, придуманные этими проницательными мореплавателями, чтобы умерить пыл других морских авантюристов, и которые сохранились в традициях классической мифологии, не внушали страха союзникам и друзьям тирских купцов и моряков. Ни одна область равной протяженности в мире не представляла столь разнообразного и поучительного зрелища человеческой жизни и нравов, как извилистое побережье этого великого внутреннего моря. С его городами и королевствами, основанными при других политических условиях, живущими при других системах, управляемыми другими законами, частые и продолжительные визиты рано сделали еврея знакомым. Для отважного мореплавателя, переплывшего таинственный океан далеко за Геркулесовыми столбами, плавание вдоль побережья Средиземного моря было пустяком. В последующие времена военные дороги Римской империи — строительство которых было первым делом после вторжения в страну, обреченную на порабощение, указывало на судьбу ее народа и обеспечивало его повиновение с гораздо большей уверенностью, чем укрепленные лагеря легионов, — предоставляли еврейскому купцу легкий доступ к крайним пределам обширного региона, подвластного императорской власти. Но меркантильная и интеллектуальная

активность евреев проявлялась не только на землях, общедоступных для коммерческого предпринимательства. С периодическими караванами он пересекал Аравийский полуостров и, невзирая на опасности пустыни — удушающую жару, песчаные бури, грабителей, которые процветали среди ее запустения, — собирал и распределял драгоценные товары Йемена. Он проник в центр Эфиопии; его костюм и товары были известны жителям каждого города на побережье Красного моря и Персидского залива. Побережье Британии было посещено евреями задолго до вторжения Цезаря. Беспокойный, авантюрный дух, настолько универсальный, что он стал национальной чертой, взращиваемой бесчисленными поколениями, и обширное и глубокое знакомство с мотивами и делами человечества, ставшее результатом его применения, является главным секретом поразительного и феноменального развития еврейского ума. Этому результату во многом способствовали и другие соображения, не менее важные. По мнению тех, кто строго соблюдал предписания закона и кому было поручено воспитание молодежи и руководство обществом, праздность считалась одним из самых презренных пороков. “Тот, кто, ” говорят ученые раввины, “ не обучает своего сына какому-нибудь ремеслу, воспитывает его для разбойничьей жизни”; и усердное внедрение этого принципа привело к его повсеместному принятию и практике, пока его последствия сегодня не стали заметны в привычках каждого человека еврейского происхождения. В древние времена не было ни одного промышленного занятия, требования которого были бы незнакомы еврейскому ремесленнику, ни одной профессии, в которой ученые этого народа не преуспели бы. Таланты последних часто бесполезно использовались в комментариях к Талмуду и причудливых толкованиях Священных Писаний, тексты которых порой искажались в поддержку какой-нибудь абсурдной и экстравагантной концепции, изобретенной бесплодной изобретательностью докторов права, посвятивших себя метафизическим тонкостям. К Талмуду относились с еще большим почтением, чем к Пятикнижию. Его прилежное прочтение требовалось как обязанность; дети были знакомы с его принципами задолго до того, как их умы были достаточно развиты, чтобы досконально постичь их; и овладение этим объемистым и неуместным сборником считалось самым редким и желанным умственным достижением. Из изучения этого труда вытекло пристрастие к мистицизму, магии и онейромантии, темам, которые составляли столь значительную долю древнееврейской литературы и которые часто сводили на нет усилия гения, которые можно было бы применить в более практических и полезных занятиях. В Талмуде, однако, также можно найти зачатки медицинской науки, в которой с древнейших времен отличались евреи, и занятие которой, таким образом, санкционированное авторитетом, считающимся божественным, стало любимым занятием этого необыкновенного народа. Некоторые из его идей и принципов были почерпнуты у персидских магов; другие были заимствованы у египетского жречества. Однако более многочисленные и, безусловно, наиболее ценные положения этой науки были частью наследия, переданного благородной школой Птолемея. Ко всему этому примешивалось немало ребяческих суеверий, превозносивших достоинства амулетов. Библия приводит множество примеров болезней и их лечения, которые в ту эпоху были особой прерогативой левитов. Таланты еврея, таким образом, с самого начала направленные в медицину и ботанику, в конце концов достигли необычайной степени развития; и его адаптивная изобретательность проявилась в открытии и применении многих незаменимых лекарств *Materia Medica*, а также в разумном использовании инструментов и едких веществ хирурга. В древней Халдее и Вавилонии не было врачей. Духовенство, как и в средние века, пользовалось монополией на обучение, которая, что касается медицинской практики, покоилась не на более существенном основании, чем обман шарлатана. Излечение от болезней осуществлялось путем изгнания злых духов; и такова стойкость почтенных идей и

прискорбная доверчивость человеческого разума, что под влиянием определенного класса, чьи денежные интересы непосредственно затронуты, это суеверие, наряду с другими столь же абсурдными, все еще преобладает среди членов образованных сообществ даже в наш просвещенный век. Разница между фетишизмом африканских дикарей, средневековым лечением от реликвий и так называемой христианской наукой наших дней заключается в степени, а не в виде. На заре цивилизации все болезни приписывались одержимости демонами. Евреи были первыми, кто обнаружил истинную природу болезни и осознал необходимость применения физических средств, в то время как до сих пор прибегали к помощи только сверхъестественных сил с помощью заклинаний. Приняв и применяя рациональные принципы, они произвели революцию в теории и практике медицины. Их попытки таким образом частично освободить человеческий разум от унижительного рабства суеверий навлекали на них анафему духовенства везде, где предпринимались попытки ввести эти новшества. Чудотворцы языческих храмов и монахи-хранители христианских святынь с ужасом наблюдали, как их доходы уменьшаются в результате успешного служения практикующего иврита. Не без причины последнее стало объектом неодобрения духовенства, поскольку подношения, ежегодно приносимые благодарной доверчивостью хранителям какой-нибудь апокрифической реликвии воображаемых добродетелей, нередко превышали по стоимости доходы города. Таким образом, большая часть повсеместно существующего предубеждения против еврейского имени объясняется жреческой недоброжелательностью, изначально вызванной вмешательством в материальные интересы. Но даже в эпоху невежества почтение, пусть и неохотно, отдавалось господству интеллектуальной власти; и евреи процветали в странах, где законы не терпели их присутствия, а монархи при коронации давали клятву уничтожить их. Политическая необходимость оказалась сильнее народной ненависти; и странная аномалия запрещенной расы, существование которой осуждалось как гражданским, так и церковным кодексами, процветавшей среди непримиримых врагов, была продемонстрирована в каждой стране средневековой Европы. Это своеобразное состояние было вызвано только доминирующей силой интеллекта. Верно, что терпимость часто покупалась за золото; но евреи были единственными хранителями подлинных знаний, и без их мудрых и практических советов колеса правительства не могли бы двигаться. Эта непреложная необходимость сохранения на почетных должностях и у власти класса, номинальная неспособность которого приводила к деградации их положение ниже правового статуса крупного рогатого скота было результатом неграмотного и управляемого священниками государства Темных веков.

Причина всеобщего предубеждения, существующего против евреев с незапамятных времен, была предметом многочисленных спекуляций, но никогда не была окончательно установлена. Этот предрассудок задолго до христианской эры. Они были изгнаны египтянами, порабощены персами, презираемы греками, гонимы римлянами. Последние так мало ценили их, что во время войн с Адрианом четырех евреев обменяли на модий ячменя. Хорошо обоснованная традиция, снова и снова повторяемая историками-классиками, гласила, что они были изгнаны из Египта из страха, что чума может быть передана отвратительными болезнями, которыми они были поражены. В этой стране, как и везде впоследствии, они были изолированы от всех других членов общины. Древние авторы называют Моисея "Вождем прокаженных". Хорошо известно, что проказа впервые была занесена в Италию солдатами Помпея, которые заразились ею в Палестине. Это ужасное заболевание было не только коренным для последней страны, но и обычно считалось болезненным физиологическим состоянием, свойственным еврейскому

народу, у которого, фактически, оно было хроническим и наследственным, и среди которого оно приняло свою самую злокачественную и ужасающую форму.

К национальным обычаям евреев утонченные народы древности относились с особым отвращением. Они практиковали человеческие жертвоприношения. Тацит говорит, что они оказывали особое почтение ослу, животному, посвященному финикийской богине Астарте. Золотой голове этого животного поклонялись в их храмах. Библия неоднократно упоминает тот факт, что они были униженными и неисправимыми идолопоклонниками. В языческой Аравии они соблюдали религиозные обычаи страны, брили головы, поклонялись изображениям Каабы и обходили это святилище на коленях. Идею Воскресения, которая, как и идея Троицы, не входила в состав примитивных верований какой-либо семитской расы, но является чисто арийской концепцией, они усвоили во время последнего периода вавилонского пленения. Однако его принятие было далеко не единодушным, поскольку оно всегда отвергалось саддукеями, считавшимися самой ортодоксальной и строгой сектой еврейского народа. Они продавали своих детей в рабство. Их личные привычки были неописуемо грязными. Африканские христиане верили, что от них исходит особенно неприятный запах, свидетельство Божественного гнева, вызванного трагедией распятия, от которого можно избавиться только крещением. Ненависть ко всему нееврейскому была руководящим принципом их характера и поведения, и каждую страну, в которой они проживали, они, в свою очередь, предавали захватчикам.

Моральное и физическое состояние — состояние расы париев, зараженных отвратительными болезнями, — которое характеризовало их в древние времена, представляет собой разительный контраст с тем, при котором они фактически существовали впоследствии и при котором они существуют сегодня. Они не были затронуты великими эпидемиями, которые с разрушительной силой пронесли по Европе в Средние века, хотя они были так же полностью подвержены заражению, как и любая из наций, которые были ими уничтожены. Их невосприимчивость ко многим из самых серьезных заболеваний, от которых страдает человечество, подтверждается каждой таблицей медицинской статистики. Их долголетие, несомненно, благодаря крепкому телосложению, вошло в поговорку. Их среднегодовой уровень смертности как в Европе, так и в Америке составляет менее половины от уровня смертности лиц других национальностей, подвергающихся влиянию аналогичных климатических условий, продуктов питания и занятий. Их свобода от преступности и пауперизма — одна из их самых замечательных характеристик. Каждый юрист знает, как редко еврея видят в судах в качестве истца, злоумышленника или свидетеля.

Размножение и совершенствование народа в обстоятельствах, указывающих на его быстрое и неизбежное вымирание, является одной из самых любопытных проблем в анналах этнологии. Это не только аномально, но и абсолютно необъяснимо с точки зрения любой научной и логической гипотезы, которую сейчас можно выдвинуть. Обычно считается, что раса, пораженная врожденной проказой, с нечистыми привычками и представители которой постоянно вступали в смешанные браки, несомненно, должна была исчезнуть через несколько поколений. Также нельзя отрицать, что такая раса была бы особенно подвержена эпидемиям и что ее пониженная способность к сопротивлению привела бы к чрезвычайным смертям. Однако с евреями дело обстоит иначе. Они стали сильнее благодаря смешанным бракам. Они избавились от болезни, которая когда-то делала их отвратительными в глазах людей. Чума и тиф, опустошавшие дома их соседей, прошли мимо них. Они не только выжили, но и процветали

в условиях преследований, которые уничтожили бы любую другую ветвь человеческой семьи. Их жизнерадостность, стойкость их институтов, безграничная власть, которой они обладают в коммерческом мире, их разносторонний характер, их успех в самых трудных начинаниях, их национальная и религиозная организация, сохраняемая перед лицом ужасающих препятствий, как правило, подтверждают древнюю традицию о том, что они - Избранный Народ Божий.

Еврей, каковы бы ни были его способности или опыт, был в глазах закона неизмеримо ниже самого скромного и невежественного из тех, кто им правил. Он платил более высокие налоги, чем кто-либо другой. Его показания в суде были неправомочными. Он был отстранен от исполнения служебных обязанностей. Если, став вероотступником из-за силы или политики, он обращался хоть словом к тому, кто был верен вере и традициям своего народа, даже несмотря на то, что был его собственной крови, он был приговорен к рабству. Ему не разрешалось воздерживаться от пищи, которую его постановления объявляли нечистой. Практика обряда обрезания, обряда, признанного раввином более достойным, чем все остальные, и предписанного Талмудом, влекла за собой конфискацию и смерть. Древние национальные архивы — книги Закона, хроники ушедших династий, трактаты еврейских врачей, уже ставших известными в мире науки, — были тщательно разысканы и уничтожены. Были предприняты все усилия, чтобы разлучить жен с их мужьями и рабынь с их хозяевами, посредством указа о том, что церемония крещения по просьбе супруга или связанного лица, в зависимости от обстоятельств, *ipso facto*, приводит к разводу или эмансипации. Все евреи были внесены в государственные реестры и в установленное время были собраны епископом. Они также были обязаны являться к магистрату в каждом городе, который они посещали, для выяснения их бизнеса и места назначения. Семнадцатый совет Толедо своим решительным декретом наложил арест на собственность всех евреев в королевстве и приговорил ее владельцев, без исключения, к абсолютному рабству. Их обвиняли в действиях, одинаково отвратительных для человечества и подрывающих мораль, — в отравлении священных элементов, в пытках детей, в преступлениях против природы, в каннибализме. Церковные обвинения в преступлениях, касающихся религии, таких как богохульство изображений и реликвий, высмеивание ортодоксальных догматов, распространение доктрин Талмуда и привлечение прозелитов, были не менее жестокими, чем те, которые осуждали величайшие чудовищности, которым подвержена человеческая слабость. Все слои общества соперничали друг с другом в проявлениях враждебности по отношению к презируемой расе. Монарх под надуманными предложениями конфисковал их имущество и отдал их на растерзание черни. В глазах свирепого вельможи, который едва ли признавал высокое достоинство своего короля, они были источниками богатства, которые можно было использовать по мере необходимости или склонности; и взимание чрезмерной контрибуции рассматривалось как акт особой снисходительности, когда последний дукат мог быть взят безнаказанно. Церковь никогда не упускала случая излить на этих жертв предрассудков всю меру церковного угнетения и ненависти, и ни одно деяние не было более достойным, чем преследование еврея. Но хуже всего пришлось несчастным Детям Израиля с низшими слоями общества. Их богатство возбуждало самые низменные страсти невежественной и фанатичной черни. К злобе, вызванной бедностью и завистью, добавилась враждебность, порожденная религиозными предрассудками, которые находили выражение во всевозможных видах жестокого обращения и надругательств. Хотя еврей был необходим государству и без него невозможно его политическое и финансовое процветание, он не мог претендовать на защиту тех самых законов, которые он помогал исполнять. Лишенный этого неоспоримого права, он был непригоден по

своему телосложению, своим привычкам и традициям к вооруженному сопротивлению. Столетия угнетения научили его полагаться на миролюбие, а не на насильственные меры для сокрушения своих врагов. Никто не понимал более глубоко, чем он, тайные пружины действия, управляющие движениями человечества; и с его худшими и наиболее унижительными чертами его опыт, накопленный многими беспокойными поколениями, сделал его особенно знакомым. Таким образом, его практическое и доскональное знакомство с каждой слабостью человеческой натуры делало его способным реагировать на любые обстоятельства. Он раздавал свое золото с безграничной щедростью. Могущественные вельможи повсюду состояли у него на жалованье. Церковники, обладавшие выдающимися талантами и считавшиеся святошей, не стыдились принимать его дары и, в свою очередь, тайно и эффективно защищать его личность и его интересы. Были приложены все усилия, чтобы произвести впечатление на государя масштабом его достижений и ценностью его услуг. Люди, несмотря на свои предрассудки, смотрели с благоговением и уважением на представителей расы, которые посетили земли, сами названия которых были им неизвестны, которые бегло разговаривали на странных и гортанных языках и которые выставляли перед их удивленными и восхищенными взорами драгоценные товары, о существовании которых они до сих пор оставались в неведении.

При таких обстоятельствах, какими бы неблагоприятными они ни были, евреи, рассеянные по странам Европы, из века в век сохраняли целостность своей социальной и религиозной организации. Их изоляция во многих отношениях способствовала личной безопасности и получению финансовой выгоды. Освобожденные из-за своей гражданской неспособности подвергаться опасностям революции, они избежали наказания за неудачную государственную измену и пользовались благами каждой фракции. Они единственные из всех классов процветали среди опасностей внутреннего беспорядка. Щедрым и разумным использованием денег они обеспечили благосклонность партии, на данный момент находящейся у власти. Тем временем торговля каждой страны находилась почти исключительно под их контролем. Никакая конкуренция, какой бы то ни было важности, не могла уменьшить их огромные прибыли. Не было ни одного города, даже деревушки, где еврей не был бы уверен в сочувствии и помощи со стороны своих соотечественников. С ними его товары были в безопасности. Они давали ему ценную информацию. Их опыт позволял ему получать самые высокие цены за свой товар, а секретные разведданные, имевшиеся в их распоряжении, своевременно предупреждали его о наличии опасности и облегчали его побег. Его космополитические привычки препятствовали национальной принадлежности и позволяли ему немедленно менять место жительства, когда этого требовали личные соображения или коммерческие интересы. Он покупал янтарь на Балтике. Он продавал рабов в Константинополе. Он обменивал товары Испании на меха России и жемчуг и благовония Йемена. Во Франции он нашел прибыльный рынок сбыта драгоценных камней, специй и кошенили. Его тесные и обширные связи с крупнейшими торговыми центрами Востока были одним из важнейших факторов его успеха. В этой части света, пользующейся защитой и доверием правителей Персии, Вавилонии, Сирии и Египта, находились самые могущественные и богатые общины еврейской нации. Вездесущий еврей основал сеть торговых станций на всех континентах и даже далеко за самыми отдаленными пределами цивилизации. Это огромное преимущество принадлежало только ему; ни один конкурент не обладал и никогда не мог надеяться получить такие экстраординарные коммерческие возможности. Из глубин таинственного Востока приходили редкие товары, которые стоили баснословно дорого в европейских столицах, — дорогие ткани, драгоценные

камни, красители, ароматические вещества, фарфор, — изделия, которые часто стоили гораздо больше, чем на вес золота. Монополия, которой пользовались проникательные импортеры, позволяла им получать за свои товары суммы, намного превышавшие их внутреннюю стоимость, и делала их недоступными для всех, за исключением самых богатых.

Но предприимчивость еврея не ограничивалась ввозом и распространением предметов роскоши. Он снабжал общество всевозможными товарами, от короны монарха до сандалий нищего. Закон запрещал ему садиться рядом с священнослужителем без приглашения последнего, но епископ был вынужден купить у него священнические облачения, в которых его раса была предана анафеме; а священное убранство алтаря, включая даже распятие, знаменательную эмблему Страстей Господних, было продано соборному капитулу потомками тех, кто разыграл трагедию на Голгофе и торговал телом и кровью нашего Спасителя. Евреи Прованса отдавали дань Церкви воском и поставляли свечи, используемые в церемониях великих религиозных праздников. Сосуды, предназначенные для совершения мессы, часто передавались еврейским торговцам недобросовестными хранителями; и эта кошунственная торговля стала в свое время настолько печально известной и бесстыдной во Франции, что вызвала возмущенное осуждение Святого Престола. Передача в залог предметов, посвященных христианскому богослужению, в обмен на ссуды, якобы взятые в пользу Церкви, была одним из самых вопиющих злоупотреблений церковной властью в средневековые времена. Эти залогов, часто конфискованные, становились собственностью кредитора, и духовенство постоянно подвергалось скандалам, возникающим из-за их выставления на продажу в магазинах и на общественных рынках. В те дни не было ничего необычного в том, что большая часть священной утвари целой епархии временно находилась в руках еврейских ростовщиков. Более того, общеизвестным было то, что семьи богатых еврейских брокеров ежедневно пили из золотых чаш, в которых когда-то предлагалось святое вино для мессы.

Доверие, которое все классы питают к евреям, несмотря на всеобщее и неискоренимое предубеждение против их национальности, служит неоспоримым доказательством их честности. Их финансовые возможности и опыт обеспечили им должность сборщика королевских налогов в странах, где общественное мнение было категорически против их терпимости. Их пригодность для этого важного и ответственного поста подчеркивалась не только их способностями, но и тем фактом, что их благополучное положение было в какой-то мере гарантией их честности, а их богатство устраняло главный стимул к наживе. Наиболее фанатичные христиане охотно искали их услуг в управлении собственностью и распределении поместий; и их проникательности и мудрости часто поручалось решение сложных проблем, связанных с методами налогообложения и принудительных взносов, принятыми как короной, так и Церковью. В Средние века каждый двор в Европе покровительствовал еврейскому врачу. Его практика, хотя и отнюдь не свободная от преобладавшего в то время шарлатанства, воплощала в себе многие принципы искусства врачевания, которые все еще считались здоровыми, и представляла все, что было тогда известно медицинской науке.

В литературной культуре, как и в коммерческих способностях и научных познаниях, у средневекового еврея христианской Европы не было соперников. Это было экстраординарное обстоятельство, когда монарх вообще умел читать в эпоху, когда один из величайших принцев Европы был удостоен титула Боклерк, потому что он мог разборчиво написать свое имя, — замечательное отличие в эпоху почти всеобщего невежества. Такие достижения, когда они действительно существовали в каком-либо сообществе, почти полностью ограничивались

профессией священнослужителя и даже среди его членов были далеки от широкого распространения. Совершающий богослужение священник, как правило, имел достаточное образование, чтобы иметь возможность, спотыкаясь, перелистывать страницы своего молитвенника. В монастырских учреждениях, где возможность уединения и досуга позволяла и даже поощряла изучение литературы, таланты способных людей слишком часто растрачивались на легкомысленные и бесполезные занятия. В то время как среди высших классов преобладали такие бесперспективные условия, положение населения было невероятно ухудшенным. Последняя, естественно, обращалась к своим духовным наставникам за наставлениями и руководством, и пагубное влияние Церкви повсюду наглядно проявлялось в толпах глупых и фанатичных приверженцев, которые с благоговением и восторгом слушали бессвязные разглагольствования монашеских фанатиков или, пав ниц, пресмыкались в грязи перед идолопоклонническим святилищем какого-нибудь фальшивого святого.

Посреди тьмы, которая скрывала лицо средневекового мира, изучение иврита излучало маленький, но яркий луч света. Тирания священников и народная ненависть препятствовали возрождению масс, которое при других условиях могло бы быть легко осуществлено. Эрудиция ранних раввинов, замечательная даже в наше время, была в эпоху их расцвета абсолютно феноменальной. Их превосходный интеллект и обширные познания привели к тому, что их повсеместно называли волшебниками и чародейками. Люди избегали любых контактов с ними и даже боялись столкнуться с ними на дорогах. Нельзя было воздать большей дани их знаниям и способностям, чем церковные декреты, направленные против евреев в то самое время, когда их таланты использовались для управления финансовыми делами Церкви. Несмотря на свою незаменимую полезность для правительства и общества, запрещенный еврей всегда находился под запретом закона и жил в состоянии постоянного опасения. Князья требовали и осуществляли привилегию абсолютного владения всеми евреями и их собственностью в своих владениях. Даже такой просвещенный государь, как император Фридрих II, издал широкий указ, обращающий евреев его королевства в рабство и объявляющий, что их богатство конфисковано в пользу государства. В Англии, ближе к концу XIII века, каждый еврей в королевстве был арестован и содержался в тюрьме до тех пор, пока не был вымоган выкуп в двенадцать тысяч фунтов. Три года спустя все их имущество было отобрано, и они были изгнаны из страны. Епископ часто получал в знак королевского уважения подарки от евреев своей епархии. Эта исключительная прерогатива, которая не была основана ни на предписывающем обычае, ни на прежнем порабощении, ни на каких-либо притязаниях, кроме притязаний на силу, впервые была применена во Франции; и огромные прибыли, полученные в результате ее применения, привели к ее всеобщему принятию всеми христианскими монархами Европы. Еврей из-за строгих ограничений диких законов был низведен ниже уровня человечества. Владелец животного имел право на фиксированную юридическую компенсацию за его смерть, но никакого наказания не было назначено, и никакой ущерб не мог быть предъявлен за убийство еврея. В случае жестокого обращения нельзя было получить никаких доказательств против нападавшего. Евреи Тулузы, которые, согласно преданию, сдали город маврам, были обречены каждый год в эту годовщину предоставлять одному из своих членов возможность получить пощечину у дверей собора. Всегда выбирался один из старейших и наиболее уважаемых членов общины; удар обычно наносился закованной в кольчугу рукой, и жертва нередко умирала от его последствий. Во время Страстной недели активное преследование проклятой секты считалось настолько достойным, что было почти равносильно исполнению религиозного долга. В то время ни один еврей не мог появиться на улице, не

подвергая опасности свою жизнь. В Страстную пятницу 1016 года землетрясение разрушило многие дома в Риме. Папа Бенедикт VIII, узнав, что в момент происшествия евреи совершали богослужение в своей синагоге, и приписав катастрофу их влиянию, вызвал массовую резню большого числа людей. Во все времена они подвергались оскорблениям взрослых и мелким преследованиям детей. Изолированный квартал в каждой общине, которым ограничивалось их проживание и который был отделен от жилищ ортодоксальных христиан во избежание заражения, сегодня почти во всех городах Европы все еще известен под своим некогда характерным названием; хотя в большинстве случаев его еврейское население исчезло. Обычным развлечением толпы было также забрасывать камнями дома евреев, и, поскольку последним не разрешалось защищаться, все крупные города были охвачены шумом и беспорядками во время празднования самого священного праздника христианского мира. При каждом удобном случае этих несчастных преследовали и травили, как диких зверей; всегда при молчаливом попустительстве, часто при открытом поощрении властей. Их тесные связи со странами Востока давали веские основания полагать, что они занесли проказу во Францию, Испанию и Англию — болезнь, всеобщее распространение которой обычно приписывают крестовым походам, но существование которой во Франции уже в VI веке следует приписывать какому-то предшествующему фактору. Несомненное восточное происхождение этой болезни убедительно указывало на то, что странствующие еврейские торговцы были ответственны за ее появление в Западной Европе; в то время как ее отвратительный и неизлечимый характер имел тенденцию усиливать народную ненависть, которой повсеместно считались те, кого подозревали в заражении части человеческой расы, до сих пор не страдавшей этим недугом.

Все меры предосторожности, которые могли иметь тенденцию поддерживать социальный и домашний остракизм, которому народная нетерпимость подвергала евреев, были приняты гражданскими и церковными властями. Он не мог законно жениться на христианке, наследовать недвижимое имущество, содержать рабов. При королевских пожертвованиях, когда без надлежащего на то права или под предлогом соблюдения древнего обычая он был лишен свободы и своего имущества, его личность впоследствии была присоединена к глебу. Ему было запрещено заниматься многими наиболее прибыльными механическими искусстваами, в которых он преуспел. Христиане не могли есть или пить с ним, посещать его дом, слушать его разговоры или изучать его язык. Духовенство считало целостность доктрин, которые были одновременно основой и инструментами их власти, гораздо более важной, чем материальный комфорт и интеллектуальное совершенствование их прихожан. Они быстро осознали опасность, которой подверглись бы церковные институты, если бы подверглись логике и сарказму еврейской критики. Потребности общества пока не могли допустить уничтожения евреев, но их практической изоляции настоятельно требовали соображения благоразумия и справедливое опасение, что терпимость к социальной близости в конечном итоге приведет к освобождению масс от невежества и, как следствие, к распаду Церкви. Доминиканский и францисканский ордена были заклетыми врагами евреев с самого дня своей организации. Инквизиция была введена в Испании с явной целью разграбления богатых евреев Арагона. Усилиям папства способствовала политика наиболее фанатичных раввинов, которые с не меньшим опасением, чем их христианские угнетатели, наблюдали за распространением либеральных идей, угрожавших их собственному авторитету и значимости. В таких обескураживающих условиях евреи сохраняли свое национальное существование, чистоту своей религии, увековечивание своих обычаев, незыблемость своих законов среди анархии, коррупции и нетерпимости средневековой Европы.

Происхождение этого странного народа абсолютно неизвестно. Их склонность к странствиям, вероятно, восходит к самому основанию расы, поскольку слова иврит и паломник происходят от одного корня. Однако не может быть никаких сомнений относительно их семитской принадлежности. Их географическое распространение было обширным в очень ранние времена. Самый древний из сохранившихся сборников мифов описывает их миграции. Они были многочисленны в Китае в третьем веке до нашей Эры. Глубоко суеверные, безоговорочно верящие в приметы, идолопоклонники, исповедующие монотеизм, легкомысленные обманщики волшебников, простейшие явления природы всегда были в их глазах наделены таинственным или астрологическим значением. Дозис проследил даже их разделение на племена до каббалистической связи с двенадцатью знаками зодиака.

Израильтяне впервые упоминаются в истории как орда бродячих пастухов в Месопотамии. Угнетаемые могущественными соседями, неоднократно обращавшиеся в рабство и доведенные до тех глубин моральной деградации, которые присущи только длительному рабству, они все же преуспели в сохранении в неприкосновенности принципов своей религиозной и социальной организации. Их почти повсеместно считали изгоями, общаться с которыми было осквернением. Но во всех их невзгодах их особая теократическая вера подтверждала их решимость и поддерживала их надежды. Они были Избранным Народом Божиим. Его Дух всегда был с ними, говоря голосами их учителей, руководя советами их правителей, освещая Святая Святых Скинии, витая вокруг Ковчега с его золотыми херувимами. У них была Божественная уверенность в том, что однажды их беды закончатся, что разрозненные представители их расы снова объединятся, что они унаследуют царства и будут владеть богатствами земли. Их высокомерная исключительность бессознательно, но от того не менее старательно поддерживалась предрассудками и правилами стран, в пределах границ которых они обосновали свое проживание. В каждом городе они были ограничены определенным кварталом, в пределы которого мужчины-христиане были мало расположены, а женщинам-христианкам вход был категорически запрещен. Им было навязано использование отличительного костюма, который в народе рассматривался как знак позора. Им не разрешалось вступать в брак вне своей секты. Мельчайшие и бесчисленные ограничения индуистской касты были не более жесткими или досадными, чем те постановления, которые регулировали общение евреев и христиан в средние века. Усиление этих социальных различий, а также неумолимые требования законов усилили изоляцию евреев в каждой общине. Таким образом, сохранялось их единство и поддерживалась необычайная жизнеспособность, которая характеризовала их существование на всех его этапах.

Ни в одной части Европы их влияние не проявлялось так постоянно, как на Испанском полуострове. На его побережье, с которым их предки были давно знакомы, и где археологические исследования поместили фаршиш Священного Писания, возникновение иврита имеет такую глубокую древность, что история не смогла зафиксировать это; и не без оснований можно предположить, что оно предшествовало христианской эре по крайней мере на тысячу лет. Буйный и вероломный характер еврейских сектантов заставил римлян относиться к ним с опаской. Во времена Адриана их старые и могущественные семьи были распределены, в качестве меры общественной безопасности, по наиболее отдаленным провинциям империи. Хорошо известен тот факт, что испанские евреи были богаты и многочисленны в пятом веке, а затем практически контролировали торговлю и финансовые ресурсы страны. Даже в тот ранний период они были известны своими интеллектуальными достижениями, обширной литературой, ловкостью в механических работах, усердием, с которым они изучали самые сложные отрасли

науки, и своим мастерством в тех практических искусствах, которые способствуют улучшению условий существования человеческой расы и продлению срока человеческой жизни. Как упоминалось в предыдущей главе, хотя иногда евреев преследовали королевская алчность и клерикальная вражда, они не испытывали в Испании в полной мере той ненависти, которая, казалось, была их несчастным правом по рождению, до восшествия на престол Реккареда, первого ортодоксального монарха вестготской династии. Со второй половины шестого века злорада, накопившаяся в церкви и монастыре за века попеременного сдерживания, немилосердно обрушивалась на них. Вестготский кодекс в основном состоит из заявления об их недостатках, осуждения их обычаев, перечисления их преступлений и описания наказаний, которые должны быть наложены мстящим магистратом. Отечественный характер церковного законодательства, тогда и много лет спустя возросший на Соборах, с ревнивой бдительностью изучал не только публичные действия агрессивных сектантов, но и с грубым насилием вторгался в священную тайну семейной жизни. Празднование всех национальных религиозных праздников было запрещено. Еврей не мог быть свидетелем против христианина; смешанные браки двух рас были объявлены недействительными, и все потомки таких союзов подлежали конфискации духовенством, чтобы воспитываться и обучаться в монастырских учреждениях; обрезание было объявлено незаконным; и гротескная жестокость закона, который предписывал употребление свинины в пищу, без причины или оправдания нарушала рациональный предрассудок еврея, установленный Божественным повелением и подтвержденный непрерывной практикой бесчисленных поколений его родственников. Соблюдение этих жестоких и неразумных правил подкреплялось наказаниями соответствующей строгости. Виновного обычно сжигали заживо; в тех случаях, когда казалось, что снисхождение может быть должным образом проявлено, его забивали камнями до смерти. Постоянное и систематическое уклонение от этих законов, которые даже недоброжелатели из числа священников не решались применять, было следствием их чрезвычайной строгости. Многие обстоятельства тогда, как и впоследствии, вмешивались, чтобы смягчить положение евреев; государственные нужды, зависть знати, продажный и развращенный нрав духовенства, которое часто первым нарушало постановления, в принятии которых они сами сыграли важную роль, - все это время от времени использовалось для обеспечения объектам народной ненависти временной и ненадежной снисходительности.

При вестготском господстве, как правило, политика правительства была решительно враждебной. Богатые, как это обычно бывает в таких случаях, считались наиболее виноватыми; и тысячи людей были схвачены, ограблены и убиты только по той причине, что они были свидетелями процветания и неосмотрительной и показной демонстрации своего богатства. В Совете, который выбирал монарха, церковность всегда преобладала; и под ее влиянием в коронационную клятву вскоре был включен пункт, обязывающий короля не допускать в своих владениях никакой другой религии, кроме римско-католической. Могущественные покровители, чьи услуги оплачивались щедрой раздачей взяток, на время предотвратили бурю; но примерно в начале VII века общественное мнение отказалось от дальнейшего примирения, и начались ужасные гонения. Огромное число, достигавшее, как говорят, девяноста тысяч, отступило от веры и публично приняло обряд крещения. Множество людей, предпочитавших изгнание отречению от своей веры, бежали во Францию, Италию и другие страны. Такие крайние меры вынудили страдающих израильтян к сопротивлению, но их наследственная трусость и полное отсутствие организованности сделали их усилия безнадежными и не привели ни к какому результату, кроме усугубления их несчастий.

Пока эти события происходили в Вестготском королевстве, мусульманские завоевания распространились от Центральной Аравии до западной оконечности Африканского континента. Перед его непреодолимой силой активность дикаря-бербера и дисциплина римского ветерана были повержены в прах. Опасная близость мусульманских аванпостов на юге не раз вызывала опасения у гордых и роскошествующих монархов Испании. Но их усилия были направлены скорее на потворство своим страстям и искоренение ереси, чем на укрепление границ королевства против амбиций неизвестного и недооцененного врага. Евреи, однако, полностью осознавали серьезность ситуации и были только рады содействовать замыслам врага, успех которого, по их убеждению, послужит их собственной выгоде и безопасности. Многочисленные соображения глубокого значения подтолкнули их к этому курсу. Они сами и арабы происходили от общего происхождения. Оба происходили из одной и той же ветви великой человеческой семьи. Многие из их обычаев были идентичны; их традиции имеют схожий источник; их языки лишь незначительно различаются по конструкции и произношению и были настолько незначительно изменены превратностями веков, что современный еврейский раввин и бедуинский шейх могут легко общаться друг с другом с помощью своих соответствующих идиом. Оба народа на протяжении веков привыкли к пастушеской жизни на обширных равнинах Азии, где безграничное однообразие ландшафта, нерушимая тишина необъятных пустынь, величественное зрелище безоблачных небес, сияющих самыми великолепными созвездиями небосвода, всегда внушали народам, подверженным этому мощному и вездесущему влиянию, убежденность в единстве Бога. Караваны, выходившие из пустыни, обменивали драгоценные товары этого региона на товары, произведенные и ввезенные евреями Александрии, Дамаска и Антиохии. Хотя на заре ислама с евреями часто жестоко обращались, арабы быстро поняли преимущества, которые можно было извлечь из их коммерческого опыта и литературных знаний. Как ивритская предприимчивость сыграла важную роль в открытии миру прибыльной и важной торговли Аравийского полуострова, так ивритский гений раскрыл потомкам Измаила возможности их собственного языка, который до тех пор не находил постоянного способа выражения. Первая книга, появившаяся на арабском языке, была написана Джавайхом, сирийским евреем. Это был перевод медицинского труда известного практикующего врача из Александрии, и практический характер предмета не только указывает на серьезный характер ранних исследований на иврите, но и приобретает любопытное значение, если учесть последующий интерес и компетентность арабских ученых во всем, что касается научных достижений этой профессии.

Импульс, столь рано оказанный еврейской культурой на арабский интеллект, в конечном итоге привел к самым экстраординарным результатам. Ученые вскоре превзошли своих наставников по объему и глубине своих знаний. Арабский ум с удивительной легкостью и ненасытной жадностью усваивал полезную и ценную информацию, которую ему предоставляли, в то время как его критическая способность позволяла ему отвергать то, что он интуитивно считал ложным. Во всех странах, подвластных халифатам Мекка и Дамаск, иврит открыл мусульманскому завоевателю пути развития литературы и науки. Мусульманские князья относились к нему с гораздо большим вниманием и справедливостью, чем он когда-либо испытывал при языческом или христианском господстве. Его синагоги были возведены в тени мусульманских минаретов. Его академии прославились как центры обучения. Труды греческих философов, фрагментарные сокровища александрийской эрудиции, были благодаря его усилиям ознакомлены с учеными великих мусульманских столиц. В сфере распространения литературного покровительства евреи были самыми выдающимися получателями королевской щедрости. По мере того, как они

достигали высот в области литературы, возрастали их политическая власть и финансовое процветание. Они пользовались привычным доверием монарха, когда его любимые советники не осмеливались появляться в его присутствии без специального приглашения. Они сколотили огромные состояния в различных отраслях торговли и промышленности. Их торговые занятия часто приводили их в соприкосновение со своими единоверцами, которые в других частях света поддерживали под тяжелым скипетром жестоких и фанатичных монархов существование, полное опасностей и лишений.

Эти факты были хорошо известны испанским евреям, которые среди многочисленных катастроф, обрушившихся на их расу, пережили последствия вестготской тирании. Несмотря на последовательные преследования, которым они подвергались, их все еще было много на полуострове. Феноменальная жизнеспособность народа, который с незапамятных времен сохранял свою целостность в самых неблагоприятных условиях, позволила ему бросить вызов злобе судов и эдиктам соборов, обязанностью и времяпрепровождением которых было безжалостное искоренение ереси. Евреи процветали вопреки кровожадным законам. Многими способами они избежали последствий проскрипций. Тысячи отступили. Множество людей тайно приобрели иммунитет с помощью искусства коррупции. Из тех, кто отправился в изгнание, большинство быстро вернулось и поселилось в других провинциях, где без ведома населения и часто при корыстном попустительстве гражданских чиновников и прелатов им было разрешено заниматься своими делами в относительной безопасности. Израильский элемент был настолько преобладающим в Толедо, Лусене и Гранаде во время мавританского вторжения, что они были известны как еврейские города. Это многочисленное население образовало отдельное государство, *империю в империи*, члены которой, раздраженные памятью о невыносимых страданиях и поддерживаемые надеждой на возмездие, были готовы воспользоваться первой возможностью отомстить за многовековой гнет. Таким образом, пагубная политика вестготов — слабых, жестоких и коррумпированных — привела к появлению организованного, могущественного, беспринципного и мстительного врага в каждой провинции и городе их пошатнувшейся империи. Со своими африканскими собратьями евреи Испании поддерживали тесную и частую переписку. Многие из последних искали убежища за морем, как это сделали их потомки при аналогичных обстоятельствах семь столетий спустя. Поселения мавританского побережья кишели коренными жителями или изгнанными евреями, привлеченными туда превосходными удобствами, которые они предлагали для коммерческой деятельности. Все эти проникательные и интеллигентные торговцы были прекрасно знакомы с состоянием вестготской монархии; с ее кажущимся величием и фактическим упадком; с политической и социальной дезорганизацией, охватившей все департаменты государства и все слои общества; с тиранией короля; со всеобщим недовольством знати; с алчной алчностью духовенства, чьи поборы не щадили ни изобилия богатых, ни умирающих от голода бедных; со слабостью армии, чьи солдаты, живущие грабежом, не имели ни оружия, чтобы добыть его. ни оружия, ни офицеров, чтобы командовать ими; с ужасающей нищетой народа, который, никем не защищенный и всеми ограбленный, неуверенный в себе при поиске любого занятия, постоянная добыча лицензированного разбоя, не помнящий прошлого, кроме горьких воспоминаний о неспровоцированных и повторяющихся обидах, без надежды на будущее, кроме вмешательства более могущественного, возможно, более безжалостного угнетателя, был уверен в спокойствии только в тишине и забвении могилы.

Приход мусульманского господства, обещавшего новую блестящую карьеру угнетенной расе, был встречен евреями Африки со всем энтузиазмом импульсивного и легковозбудимого народа.

Едва Аль-Магриб был завоеван, как мусульманские генералы были лучше осведомлены о слабости и деморализации вестготов, чем советники самого Родерика. Мелкие и тайные разветвления еврейского общества объединили в общем деле широко разбросанные общины Африки и Испании; ум и решительность заговорщиков, враждебность которых усиливалась горечью сектантской ненависти, сделали их предприятие и деятельность еще более опасными; и только благоприятной возможности ждали, чтобы излить на плодородные и беззащитные равнины полуострова неудержимый поток мусульманского вторжения. Такая возможность вскоре представилась. Крепость Сеута, потерянная в результате измены, перешла в руки арабов; вестготская держава, сокрушенная в одном великом сражении, пала перед превосходящей доблестью предприимчивого врага; и в течение короткого периода в четырнадцать месяцев скипетр империи перешел из слабых рук варварской династии под контроль чужеземной расы, чьи умственные способности и интеллектуальные амбиции, пока еще не испытанные, впоследствии оказались равными самым взыскательным требованиям утонченной и высокоразвитой цивилизации. В этих событиях, последствия которых привели к таким радикальным изменениям в религиозных, политических и бытовых условиях европейского общества, энергия и мастерство ивритов были чрезвычайно заметны. Одним из основных подразделений армии Тарика командовал еврей. Во время вторжения еврейские проводники вели мусульманские эскадры по дорогам неизвестной страны, сообщали информацию о передвижениях врага, раскрывали местонахождение военных припасов и спрятанных богатств. Когда малочисленные арабские войска не захотели признать, что их количество сокращается для несения гарнизонной службы, евреи вызвались защищать завоеванные города и добросовестно выполнили важное поручение. Обязательства, которые таким образом взяли на себя мавританские захватчики перед своими союзниками, носили важнейший характер. Последние не только способствовали предприятию, трудность которого без их сотрудничества чрезвычайно возросла бы, если бы не стала фактически невыполнимой, но и, после того как страна была покорена, они обратили внимание арабов на изящные занятия, о природе и ценности которых они до сих пор оставались в неведении. Мусульманская цивилизация Европы в неоплатном долгу перед евреями. Они были ее настоящими основателями. Они привили вкус к литературе. Они способствовали научным исследованиям, развитию промышленности и искусства. Их утонченные вкусы и интеллектуальные занятия пробудили благородное соперничество в умах их учеников и подражателей, которое, в свою очередь, отразилось на их собственных талантах и устремлениях. Еврейскому гению и честолюбию больше не мешало злонамеренное вмешательство королевских советов и церковных синодов. Еврейский купец и еврейский банкир шли своим путем к богатству и отличию, не смущаясь грабительскими требованиями коррумпированных чиновников и деспотичных фермеров получать доход. Их ученые не были равнодушны к преимуществам, которые можно извлечь из изучения древних знаний, и греческая и латинская классика были хорошо знакомы испанскому еврею, чьи комментарии к ним были обширными и пользовались неоспоримым авторитетом.

При правительстве, благоприятствующем их существованию и процветанию, их численность быстро увеличивалась. Сокращение населения в результате завоевания и без того обнищавшей и истощенной территории требовало экстраординарного и немедленного решения. По всему Востоку повсеместно распространялись публикации с приглашением иммигрантов поселиться в Испании. Земли и дома были обещаны всем, кто был готов сменить свое местожительство на новые дома в далекой и недавно основанной мусульманской

империи. Говорят, что среди откликнувшихся было пятьдесят тысяч еврейских семей, что составляло не менее четверти миллиона человек. Они, вместе со своими единомышленниками-сектантами, уже обосновавшимися на полуострове, составляли важнейший элемент его населения. Чрезвычайно благоприятные социальные и бытовые условия, среди которых следует учитывать широко распространенный институт полигамии, привели в последующие годы к огромному размножению расы. Колонисты принесли с собой преданность науке, которую они впитали в присутствии великих памятников древней цивилизации на берегах Нила и Евфрата, а также множество томов местных и зарубежных знаний, которым было суждено составить ядро великолепных библиотек мавританской Испании. История неоднократно упоминала о неутомимом усердии, с которым евреи, находившиеся в безопасности и спокойствии под терпимым управлением халифов, посвящали себя развитию письменности. Их усердие превосходило только изумительное мастерство, которого они достигли во всех отраслях полезных знаний. Они с легкостью справлялись с самыми сложными математическими задачами. Раввины были великими лингвистами; мало кто из них не был досконально знаком с многочисленными идиомами Европы и Азии. Медицина и астрономия, их любимые занятия, под их руководством вскоре приобрели беспрецедентное, почти волшебное развитие.

Десятый, одиннадцатый и двенадцатый века представляют собой эпоху наибольшей славы и влияния испанских евреев. Этому периоду, совпадающему с наивысшим могуществом и цивилизацией испано-арабской империи, однако предшествовали два столетия непрерывного прогресса. Просвещенная политика западных халифов, начавшаяся с восшествия на престол династии Оммеядов, привлекла в их столицу ученых всех стран и представителей всех профессий. Из этих чужеземцев евреи составляли наибольшую долю представителей какой-либо одной расы, за исключением арабов. Школы и академии, которые они основали, соперничали по возможностям получения образования и литературной культуре с аналогичными мусульманскими учреждениями, чья репутация не имела себе равных в мире. Толкования Священных Писаний и Талмуда, обнародованные синагогами Толедо и Кордовы, повсеместно признавались высшим и наиболее обязательным авторитетом. Поддерживались постоянные и выгодные сношения с их восточными родственниками, что способствовало обмену идеями и, следовательно, имело неисчислимые преимущества для умственного развития обеих частей расы. Интеллектуальное превосходство испанского еврея, однако, редко оспаривалось. Возможности, которыми он пользовался в обществе самой великолепной из средневековых столиц; обширные запасы информации в его распоряжении; огромные библиотеки, собранные халифами, к которым он имел доступ; постоянное отличие, которое ожидало успешного участия в публичных состязаниях за литературное первенство; благосклонность государя, часто сам отличавшегося большой эрудицией и разнообразными достижениями, всегда щедрого покровителя науки и искусств; аплодисменты толпы; существенные денежные льготы, обещавшие легкую и богатую жизнь всем, чьи способности были достаточно выдающимися, чтобы заслужить общественное признание и вознаграждение; с этими разнообразными привилегиями и поощрениями не удивительно, что еврейский гений получил и сохранил высокое положение в литературном обществе того времени. Воодушевленные влиянием, которым они обладали, и надеясь на благосклонность либерального и снисходительного монарха, евреи Мавританской империи сформировали организацию по образцу институтов их предков, которые едва ли могли быть терпимы при суровом и ревнивом деспотизме. Они избрали своим царем принца из дома Иуды, который, хотя и не был открыто облечен знаками королевской власти, получал почтение и дань от своих

подданных. При этом были избраны могущественные судьи и священники, которые выполняли функции, выполнявшиеся столетия назад, во времена независимости и славы еврейской нации. Мавры одобряли и даже одобряли создание этой аномальной системы. Его чиновники, несмотря на свои высокопарные титулы, были строго подчинены власти халифата. Однако им разрешалось управлять делами тех, кто признавал их юрисдикцию; их решения по богословским вопросам, ограниченным их верой, не подлежали сомнению; и им был доверен сбор налогов, размер и распределение которых ранее определялись штатными служащими имперского казначейства.

В высшей степени практический характер еврейского мышления не ограничивался спекуляциями на традициях Талмуда или рассуждениями о трудноуловимых вопросах философии. Древнееврейские мудрецы с величайшим рвением увлекались механическими изобретениями и научными открытиями. Особенно преуспели они в медицине и хирургии. Они написали трактаты о применении гидравлики и сравнительных достоинствах различных систем орошения. Они досконально разбирались в принципах садоводства. Совершенством мануфактур, которыми славился Кордовский халифат, он был в значительной степени обязан еврейским талантам и трудолюбию. Во многих случаях национальность еврейских ученых была скрыта из-за сходства их имен и занятий с именами их выдающихся коллег в крупных мусульманских учебных центрах. Многие еврейские врачи получили арабские фамилии и писали почти исключительно на арабском языке. Среди них был Ибн-Зохр, который по этим причинам обычно считался мусульманином, но чье происхождение, религия, связи и образование были полностью еврейскими.

Десятый век стал свидетелем кульминации еврейского величия в Европе. В своем быстром развитии он шел в ногу с постоянно поступательным продвижением мусульманской власти и культуры. Везде, где обосновывались сарацины, еврейское население увеличивалось. Гармоничное сотрудничество двух рас — одна из которых, номинально подчиняясь другой и находясь в зависимости от нее, в действительности была основана на дружеской близости со своим признанным превосходством, — оказалось огромным преимуществом для обеих в продвижении всех мер, которые могли принести существенную пользу человечеству. Из-за уважения, которым они пользовались, а также из-за процветания и отличия, которые были наградой за разумные и полезные усилия, евреи забыли о бедствиях, которые были их уделом на протяжении стольких веков. Как и все народы, достигшие высшей цивилизации, они предавались роскоши. Мужчины были одеты в богатейшие шелковые ткани. Драгоценности этих женщин не уступали по блеску и стоимости самым ценным сокровищам императорских гаремов. Великие государственные деятели Иудеи, пользовавшиеся доверием государя, появлялись на публике под охраной свиты вооруженных и великолепно одетых евнухов. Их особняки демонстрировали всю роскошь, присущую привередливым сибаритам. Раввин Хасдай-бен-Шапрут был одним из главных министров Абд-ар-Рахмана III. Аль-Хакема II. заручился услугами еврейских послов в важных посольствах. Хишем II приказал сделать перевод Талмуда на арабский язык и добился того, чтобы его литература была введена в качестве предмета изучения в мусульманских колледжах. Образованные мавры относились с величайшим почетом и уважением к князьям и должностным лицам иерархии, избранным собраниями синагоги. Начало десятого века стало свидетелем разрушения знаменитых академий Персии, члены которых, пропагандируя либеральные доктрины, стали противны восточному деспотизму. Их общества распались, эти ученые люди были вынуждены искать безопасности в изгнании. Некоторые из самых известных, включая раввина Моисея из

Академии Пумбедита, были захвачены африканскими корсарами и выставлены для продажи на невольничьем рынке Кордовы. Эта врач пользовался такой выдающейся репутацией, что, как только его личность была раскрыта, он был единогласно избран принцем испано-еврейской нации.

Эти ученые-востоковеды были не единственными изгнанниками, обогатившими университеты Испании накопленными ими запасами мудрости. Из каждой страны, где рука преследования была поднята против евреев, беженцы тысячами стекались на полуостров, пока омейядский халиф не включил в число своих подданных большую долю представителей этой расы, чем любой другой правитель того времени. Список раввинов, озарявших своим гением и ученостью правление кордовских князей, поучителен и интересен, особенно если учесть невежественное состояние современной Европы. Во Франции в девятом веке христианский епископ заявил, что раввины проповедуют лучше, чем священники.

Активный ум этих одаренных ученых позволял им одновременно осваивать сложнейшие проблемы самых разных отраслей научного знания. Сложность и новизна предмета всегда были сильнейшими стимулами для их отрасли. Изучение юриспруденции, предписываемое их законом как религиозный долг, всегда начиналось в начале их литературной карьеры, независимо от того, каким профессиям они впоследствии должны были посвятить себя. Рабби Хасдай-бен-Шапрут написал комментарий к ботаническому трактату Диоскорида, арабскую версию которого он сделал; рабби Иуда, живший при Абд-ар-Рахмане III., был известен своим знакомством как с ивритом, так и с арабской литературой; Иосиф перевел Талмуд для Хишема II.; Манассия-бен-Барух составил критический словарь, колоссальный памятник терпения и эрудиции. Исааку бен-Ханану приписывается перевод на классический иврит полного собрания сочинений Аристотеля. Исаак Альфес кодифицировал законы Талмуда; Самуил бен-Алариф, министр Хабуса, короля Гранады, известный в равной степени как государственный деятель, астроном и поэт, сочинил панегирик своему государю на семи языках. Моисей бен-Эзра писал стихи, раскрывающие поучительные сцены средневековой жизни и нравов; грамматические труды Иуды бен-Давида были признаны авторитетными везде, где говорили на иврите; Исаак бен-Барух был одним из самых образованных и совершенных математиков своего времени. В дополнение к этим именам, известным в истории литературы, в еврейскую общину Испании входили такие поэты, как Иуда Леви, чьи произведения, переведенные на арабский и латынь, приобрели широкую и заслуженную популярность; астрономы, такие как Бен-Чиа; географы, такие как Исаак Латеф; врачи, такие как Харизи; путешественники, такие как Бенджамин из Туделы, чьи труды до сих пор можно читать с удовольствием и пользой; натурфилософы, такие как Соломон бен-Габироль, обладавшие редкой способностью облекать научные концепции в поэтический язык; универсальные гении, такие как Моисей бен-Маймон и Бен-Эзра, чьи таланты иллюстрировали и приукрашивали каждый предмет в сфере человеческих знаний. Не менее известными были еврейские врачи, которые, однако, не существовали как отдельная профессия, их командирские способности проявлялись также в других областях литературы и науки.

Наиболее выдающимся среди имен, увековечивающих золотой век еврейской эрудиции, является Моисей бен-Маймон, широко известный как Маймонид. Уроженец Кордовы, происходивший из семьи, поставившей многих ученых и выдающихся представителей еврейской иерархии, он с самой ранней юности пользовался непревзойденными образовательными преимуществами великой мусульманской столицы. Его ум формировался, а

вкусы развивались под руководством самых способных преподавателей Кордовского университета, и даже было заявлено, на основании спорных данных, однако, что он был учеником и другом знаменитого философа Аверроэса. Профессию врача, которую он избрал и в которой впоследствии так преуспел, он рассматривал скорее как инструмент для наблюдения за тайными особенностями и побуждениями человеческой природы, чем как средство к существованию. В возрасте тридцати лет его репутация потрясающей эрудиции распространилась далеко за пределы мусульманской империи Запада. Фанатичная политика Абд-аль-Мумена, основателя династии Альмохадов, требовала обращения евреев; тысячи людей под страхом смерти отреклись от своей религии, и среди них был Маймонид, чья решимость не была доказательством против предстоящих мученических страданий. Вскоре после этого он бежал в Египет, где его известность предшествовала его прибытию, и стал другом и советником султана. Говорят, что всякий раз, когда он выходил из своего дома, он был вынужден проходить через очереди людей, некоторые из которых интересовались его мнением по метафизическим вопросам, а другие, страдавшие различными недугами, обращались за помощью к его медицинским знаниям. Его преданность своей профессии была такова, что, ухаживая за своими пациентами, он лишал себя сна и много раз падал в обморок от полного изнеможения. В разгар своих напряженных обязанностей он находил время для написания множества объемистых трактатов — о библейской и раввинской литературе; о действии лекарственных средств; об обязанностях человека, внушаемых высшей философией. Его главное произведение “Мор-Ханебушим”, “Проводник заблудших духов”, является одним из шедевров еврейской литературы. Ученость, которую он демонстрирует, глубокое знание человечества, которое он раскрывает, оригинальность его концепций, изобретательность и логическая сила аргументации, возвышенные моральные принципы, которые он прививает, а также элегантность и красота стиля, мало обусловленные врожденной резкостью идиомы, на которой он написан, характеризуют его как одно из самых замечательных творений человеческого разума. Гений этого великого писателя рассматривал как отвлекающие мероприятия, которые людям с меньшими способностями показались бы непосильными задачами. Его медицинские труды, числом четырнадцать, и особенно его ученые комментарии к Гиппократу, долгое время были руководством для профессионалов, и по сей день многие из его предписаний по лечению болезней используются опытными практикующими врачами. Он был одним из первых, кто осознал, что психическое расстройство часто является результатом физического недомогания. Маймонид был лучше знаком с доктринами христианского богословия, чем большинство прелатов, чьей обязанностью было их внедрять. Его разум с презрением отвергал заманчивые и широко распространенные заблуждения того времени, которые слишком часто прикрывали мудрость ученого ряжением самозванца. Его осуждение судебной астрологии, в котором он неопровержимыми аргументами разоблачал абсурдность и опасность этой ребяческой, но увлекательной науки, было принято и обнародовано как авторитетное обоими папами Сикстом V и Урбаном VIII. Хотя Маймонид с бескомпромиссной суровостью критиковал недостатки своей секты, а также слабость и непоследовательность многих ее традиций, он никогда намеренно не сворачивал с пути ортодоксального иудаизма. Однако его окружение и связи в целом не благоприятствовали сохранению архаичных теологических систем. Интеллектуальное общество Кордовы было глубоко заражено неверием. Наставники молодежи, профессора университета, были учениками Аверроэса. Религиозные комментарии уже давно были вытеснены философским скептицизмом. Даже простые люди, всегда последними отказывавшиеся от устаревших теологических воззрений младенческого возраста, были проникнуты теми же иконоборческими идеями. Возвышенные концепции

Индии, доктрина Эманыции и Поглощения, были в значительной степени приняты образованными общинами мавританской Испании. Разоблачение еврейских догм насмешками и сарказмом его ученых товарищей не оказало никакого влияния на веру Маймонида. Его принципы были слишком прочно обоснованы, чтобы их могли поколебать насмешки утонченного атеизма. Хотя его прогрессивные идеи заставили более строгих евреев некоторое время относиться к нему с подозрением, в конце концов они поссорились друг с другом, отдавая дань его высокому гению, и в своем экстравагантном восхищении называли его “Орлом еврейской литературы”, “Наставником раввинов”, “Светом Запада”. О либеральном характере его доктрин можно сделать вывод из следующего отрывка, взятого из предисловия к его работам: “Цель религии - привести нас к совершенству и научить действовать и мыслить в соответствии с разумом. В этом заключается отличительное свойство человеческой природы”.

Маймонид был одной из самых выдающихся личностей своего времени. Ни один писатель его национальности никогда не достигал такого высокого положения, даже среди тех, кто не соглашался с его мнениями. Доброта его характера была не менее замечательна, чем степень его интеллектуальных достижений. Несмотря на то, что он был прирожденным полемистом, он никогда добровольно не оскорблял чувства противника. Целью его исследований неизменно было обнаружение истины. Его образованность, его критическая проницательность, быстрота восприятия, точность суждений, его талант к аргументации не имели себе равных. Его система была направлена на примирение богооткровенных максим и научных выводов; на согласование библейских и талмудических идей с принципами древней мудрости и современной философии. Такая задача была за пределами даже его больших способностей. Изучение неверных школ Испании, подсознательно для него самого, повлияло на его религиозные убеждения. Наставления Аверроэса не способствовали существованию жесткого иудаизма. Маймонид был, по сути, пантеистом. Во всех его произведениях, несмотря на их мистицизм, доктрина эманыции занимает видное место. Он ссылается на последовательные сферы, рожденные Божественной мыслью. Он рассматривает поглощение душ благих Божественной Сущностью. Признавая неуничтожимость силы, он отвергает идею вечности материи. Для него, как и для большинства ученых, получивших образование под эгидой арабского языка, авторитет Аристотеля был первостепенным. Его работы, хотя и были якобы написаны для разъяснения и подтверждения Талмуда, на самом деле подрывали его. Его “Мишне тора” и комментарии к “Мишне” - это чудеса диалектического мастерства и разнообразной эрудиции. На первый из них, религиозный кодекс, было затрачено десять лет постоянного труда.

Жизнь Маймонида была богатым событиями периодом в истории его расы. Затем она достигла высшей точки интеллектуального развития, но среди ее мудрецов никто не мог сравниться с выдающимся раввином. В дополнение к своим обширным запасам универсальных знаний, он извлек пользу из практических преимуществ путешествий. Он посетил Фес, Монпелье, Каир, Багдад, Иерусалим. Он был придворным врачом Саладина. Он отказался от аналогичной работы, предложенной Ричардом I, королем Англии. Он был возведен на важный пост главного раввина всех еврейских общин Египта. На Востоке и Западе его соотечественники интересовались его мнением по сложным вопросам религии и философской доктрины и признавали его ответы безошибочными. Его влияние никоим образом не ограничивалось

членами его собственной секты. Его труды, переведенные на латынь, были прилежно изучены христианскими полемистами и послужили аргументами для последующих поколений схоластов. Распространившись по всему Югу Франции, их рационалистические взгляды сыграли немалую роль в распространении альбигойской ереси.

Но хотя интеллектуальное превосходство Маймонида ставило его далеко впереди своих современников, он ни в коем случае не был единственным выдающимся ученым своей эпохи. Бен-Эзра, одинаково сведущий в медицине, литературе и астрономии, пользовался репутацией, уступающей только репутации Величайшего из евреев. Его пытливый ум, подстегнутый годами усердного прилежания, искал в пейзажах чужих стран ценный опыт и близкое знакомство с человеческой жизнью, которые невозможно получить только путем чтения книг. Замечательные способности Бен-Эзры проявлялись как в решении математических задач, так и в сочинении священных поэм. В своих познаниях в астрономии он превзошел самых точных наблюдателей эпохи, особенно посвященной развитию самой великой и увлекательной из наук. В моменты душевного расслабления он воплощал в стихах правила игры в шахматы; и предисловие к этому стихотворению, в котором читателя предостерегают от зла, связанного с картами и игральными костями, убедительно доказывает, что игровые приспособления, предположительно изобретенные сотни лет спустя, были знакомы испанским евреям и маврам в начале XIII века.

Достойными соперниками Бен-Эзры в борьбе за литературное первенство были Нахманид, который в шестнадцатилетнем возрасте был почетным сподвижником самых образованных представителей еврейской нации и чья преждевременная зрелость принесла ему в юности титул Абу-Харушма, “Отец Мудрости”; Джозеф Хадайн, чьи очаровательные стихи приводили в восторг жителей Кордовы; Соломон бен-Габироль и Авраам бен-Давид-Халеви, выдающиеся философы, в трудах которых были проиллюстрированы принципы теологической реформы и независимой критики, требуемые еврейским обществом. смелый и прогрессивный дух эпохи. Среди евреев Испании было также много оригинальных поэтов, баснописцев и романистов. Таковы были самые выдающиеся ученые, чьи достижения прославляли еврейское имя в эпоху благодетельного правления мусульманских князей Запада, эпоху, совпадающую с самым мрачным периодом европейской истории. Кроме них, в каждой общине были и другие, кто-то раввинского ранга, кто-то скромного положения, с талантами, которые в другом месте подняли бы их намного выше посредственности, но которые были затемнены и подавлены ослепительным блеском литературного совершенства. Коммерческое процветание евреев; универсальность образования, учреждения которого предоставляли возможности, недостижимые нигде в мире; природная пытливость еврейского ума, чья острота, казалось, позволяла решать вопросы, когда все остальные терпели неудачу, и чья разносторонность была равна самым разнообразным и трудным начинаниям; сверхчеловеческая трудолюбивость, которая не отступала ни перед какой задачей, какой бы трудной она ни была; уважение, с которым к ним относились как монархи, так и плебеи, давали полный простор способностям расы людей, которым никогда ранее, даже во времена расцвета Иудеи, не предоставлялось такого возможности для развития. Великодушное соперничество, вызванное интеллектуальными усилиями их сарацинских соперников, проявлялось евреями во всех областях образования и в каждом отделе научных исследований. Только через литературные произведения этих двух народов можно было получить доступ к знаниям. Тщательное знакомство с арабским и ивритом было необходимо амбициозному студенту. Латынь, искаженная идиома которой была языком Церкви, была средством общения священников и средством передачи папских указов и церковных традиций. Древние классики Греции и Рима

были практически неизвестны за пределами полуострова, и есть веские основания полагать, что большинство знаменитых прелатов того времени не знали об их существовании. Точные повторные переводы этих произведений на латынь с арабского, на который они были первоначально переведены, впервые показали их достоинства для Западной Европы и проложили путь к возрождению образования. Импульс, приданный этим средством литературному любопытству и изысканиям, нашел свою кульминацию в эпоху, породившую Аретино, Петрарку, Боккаччо и Данте. Итальянское возрождение, расцвет современного европейского интеллекта и прогресса, черпало вдохновение в цивилизующих влияниях и культурных вкусах, доведенных до необычайного совершенства в больших городах Южной Испании.

Распад мусульманской империи, ее последующий раздел и постепенное завоевание, естественно, произвели большие изменения в политических отношениях и конечной судьбе еврейской расы. Примелких царьках, которые распоряжались разрозненными фрагментами великолепного наследства, завещанного оммейядскими халифами, положение евреев менялось в зависимости от капризов и страстей каждого нового тиранического властелина. Однако по большей части к ним относились снисходительно и часто льстиво. Мусульманские монархи признавали ценность таких подданных; было много людей, чья политическая проницательность не была затемнена предрассудками и которые все еще соблюдали заповеди терпимости ислама. В Гранаде евреи всегда были популярны; существует предание, что столица королевства была основана ими. В четырнадцатом веке в этом городе проживало пятнадцать тысяч еврейских семей. В то время как остальная часть полуострова была охвачена революцией и беспорядками, а их родственники повсюду подвергались преследованиям и грабежам со стороны папского инквизитора и короля-христианина, евреи Гранады мирно занимались своими делами под защитой династий Зирит и Альхамар, пока окончательный успех испанского оружия не привел их нацию к безвозвратному разорению.

Евреи были главным проводником, через которого мавританская цивилизация надолго запечатлелась в Европе. Их особые характеристики; их жизнеспособность среди самых ужасных несчастий; близкие отношения, поддерживаемые их сообществами, где расстояние и территориальная изоляция казались неважными, а их широкое распространение было наиболее важными факторами сохранения и распространения знаний. Еврей безопасно путешествовал по землям, где за его голову назначалась награда; за пределами мусульманской юрисдикции, даже среди чужаков, незнакомых с его историей и его вероучением, сарацин был изгоем. Требования королевской и церковной некомпетентности способствовали сохранению той учености, которую невежество и страх постоянно стремились разрушить. По мере того как полуостров постепенно уступал постоянным посягательствам христианской власти, превосходные способности евреев оказались мощной защитой от угнетения. Несмотря на яростные протесты фанатиков, они выполняли важнейшие общественные функции. Короли безупречной ортодоксальности обычно пользовались своими непревзойденными медицинскими достижениями. Врачи Альфонсо X, Педро эль Крула, Генриха III, Хуана II Кастильского, Хайме I Арагонского, Дуарте и Хуана I Португальского - все они были членами ненавистной секты. Их такт и проницательность привели к тому, что к их услугам были привлечены для решения сложных вопросов дипломатии. Ранние времена Реконкисты были далеки от проявления духа мстительности и нетерпимости, который ознаменовал ее окончание. Еврейская колония в Толедо насчитывала двенадцать тысяч душ. Её академия занимала

первое место среди аналогичных учебных заведений в Европе. Это население-данник ежегодно вносило огромную сумму в королевскую казну Кастилии.

Король, дворяне и ученые относились к еврею благосклонно, часто с высочайшим уважением. Духовенство и чернь всегда были его злейшими врагами. Его экстраординарное влияние ежедневно проявлялось в нарушении жестоких законов, которые общественное мнение принимало и приветствовало, но не могло привести в исполнение. Ненавистный сектант, запрещенный как церковными, так и гражданскими властями, шел своим путем, безразличный ни к указам алтаря, ни к трону. Он диктовал политику правительства. Он заключал договоры с иностранными государствами. Он выставлял напоказ свое богатство перед лицом черни. Со странной непоследовательностью представители духовенства продавали ему крепостных христиан, владение которыми в их собственных указах объявлялось незаконным. Они обменялись с ним освященными сосудами своего призвания на деньги, с помощью которых можно было предаваться запретным удовольствиям. Его богатство было самым серьезным проступком. В тринадцатом веке треть всей недвижимости Кастилии находилась во владении или под контролем евреев. После смерти Педро II. в Арагоне они приобрели во владение все владения короны, купив претензии к государству. Одно время им принадлежал почти весь город Париж. Их помпезность и наглость вызывали зависть и ненависть знати, многие из которых фактически были их пленниками за неуплату долгов. Во времена правления Педро эль-Крула Иосиф бен-Эфраим, королевский сборщик налогов, ехал в великолепной карете, охраняемой свитой из пятидесяти вооруженных слуг. Его клерки были сыновьями испанских грандов. Долгое время в Европе была популярна поговорка о том, что “У кастильцев были гордость и преданность, у евреев - таланты и деньги”.

Испанские кавалеристы, испытывавшие на себе доблесть и учтивость своих мавританских противников, как правило, не питали неприязни к евреям. Те, кто в ходе событий был поглощен территорией растущего королевства, часто вызывали восхищение и уважение благодаря своим командирским талантам и эрудиции. Политическое управление Кастилией и Леоном при Альфонсо VIII было поручено еврею; и его врач, принадлежавший к той же расе и пользовавшийся королевским доверием, был выбран дворянами в качестве посредника между ними самими и их государем в сделке, которая требовала проявления величайших способностей и осмотрительности. Красивая еврейка много лет была любовницей Альфонсо IX, над которым ее империя, хотя и безграничная, никогда не злоупотребляла; пока, наконец, духовенство, возмущенное скорее национальностью фаворитки, чем тяжестью греха, не принесло ее в жертву общественному негодованию. Достаточно одного взгляда на труды немногих средневековых реформаторов, чтобы сделать вывод, насколько последовательным было это притворное возмущение. Одних этих работ достаточно, чтобы установить существование всеобщей жреческой развращенности среди тех цензоров общественной морали, чьи угрызения совести были возбуждены влиянием, приписываемым очарованию прелестной неверующей. При Альфонсо эль Сабио евреи пользовались большим уважением, чем при любом другом христианском монархе Испании. Знаменитые Таблицы Альфонсина, составленные под руководством еврейских астрономов, были самым запоминающимся научным достижением той эпохи. Их стоимость, превысившая огромную сумму в четыреста тысяч дукатов, свидетельствует не только об интересе этого принца к начинаниям, важность которых нигде не понимали и не ценили, но и о ценности, придаваемой услугам великих ученых, чьи знания были переданы цивилизацией, искоренить которую их королевский покровитель считал своим политическим и религиозным долгом.

Снисходительная политика дона Педро эль Крула по отношению к своим еврейским подданным была одной из самых замечательных особенностей его кровавого правления. Его финансисты и доверенные советники были представителями этой запрещенной расы. Казначей монархии Сэмюэль Леви, чье положение и благосклонность позволили ему сколотить огромное состояние, запомнился еврейской традиции как один из великих благодетелей человечества. Необычайная власть, которой он обладал; великолепие его свиты; роскошное убранство его дворца; его покровительство литераторам; расточительная щедрость, которую он проявлял, оказывая помощь несчастным и достойным любой национальности, превознесли, возможно, преувеличили, его заслуги в памяти соотечественников. Однако его величайшее стремление к отличию состоит в возведении за свой счет великолепной синагоги в Толедо. Это уникальное в своем роде сооружение было построено самыми искусными мавританскими мастерами Гранады, а его убранство напоминало самые законченные и элегантные образцы арабского искусства. Его стены были украшены миниатюрными подковообразными и сталактитовыми арками, проемы которых были украшены многоугольными орнаментами и золотыми звездами. Пояса листов, чередующиеся с соответствующими надписями, составляли фриз, а потолок, сделанный из нетленного ливанского кедра, лабиринтом своих геометрических узоров напоминал артезонадо Альгамбры. Как и в других главных синагогах Толедо, земля, на которую была выложена мостовая, как говорили, была привезена с горы Сион, и эта традиция повышала их святость в глазах верующих.

Многие обращенные евреи в награду за свое отступничество были возведены в самые высокие гражданские и епископальные звания; необычные литературные достижения испанского прелата в средние века были почти безошибочными указаниями на то, что его информация была почерпнута из неверующих источников; а католическое благочестие не признавало более ярых защитников догм Церкви, чем обращенные евреи Павел, епископ Бургоса и великий канцлер Кастилии, и Альфонсо де Спина, ректор Университета Саламанки. Знаменитая Библия, изготовленная в Алькала-де-Энарес благодаря щедрости кардинала Хименеса, обошедшаяся в пятьдесят тысяч золотых монет и потребовавшая неустанного труда в течение пятнадцати лет, была работой евреев-отступников. Три секретаря королевы Изабеллы были презираемой национальности. Один из них, знаменитый хронист Пулгар, занимал тот же доверенный пост при короле Генрихе IV.

Нетерпимость испанского духовенства росла в точном соответствии с упадком мусульманской власти. Когда церковное превосходство стало достаточно сильным, чтобы контролировать политику трона, привилегии евреев, и без того сильно урезанные, были почти полностью отменены. Однако пока что суверен не мог обойтись ни без уплачиваемых ими налогов, которые составляли наиболее важную часть королевских доходов, ни без финансовых талантов и безупречной честности, которые обеспечивали их надлежащее распределение. Только во времена правления Фердинанда и Изабеллы фанатизму было позволено возобладать над мудрыми и расчетливыми соображениями политики, которые, хотя и часто прерывались сценами ужаса и резни, на практике веками игнорировали гневные заявления церковных синодов и соборов. Поскольку расцвет еврейского величия на полуострове восходит к мусульманскому завоеванию и объясняется им, аналогичным образом его упадок прогрессировал вместе с падением благосостояния сарацин, и его разрушение совпало с исчезновением их империи.

Рассеянные по всей Европе, одни только евреи сохранили для будущих поколений драгоценное наследие арабской науки и культуры; и если бы они не доказали свою способность сохранять и передавать его, открытия мавританского гения, изгнанные вместе с теми, кто их сделал, были бы навсегда потеряны для потомков. Влияние цивилизации, искусство которой, распространявшееся при посредничестве евреев, привело к таким великим результатам, в основном проявилось, как легко можно предположить, в странах, прилегающих к полуострову или наиболее тесно связанных с ним. Волна еврейской эмиграции и торговли неуклонно накатывала во Францию, Португалию, Италию. Государства Прованс и Лангедок под готским названием Септимания, рано захваченные завоевателями Испании, задолго до этого времени были подвержены еврейскому влиянию. Привлеченные целебным климатом и прекрасными торговыми возможностями побережья, евреи поселились там в большом количестве. За свержением мусульманской власти в этом регионе не последовало немедленной отмены социальных и образовательных систем, которые она положила в основу и сохранение которых было обеспечено наиболее благоприятными климатическими и этнологическими условиями. В Лионе евреи одно время пользовались таким уважением, что базарный день был перенесен с субботы на воскресенье из уважения к их религиозным предрассудкам. В Провансе, практически свободные от унижительных кастовых различий, они пользовались теми же привилегиями и имели право на ту же защиту, что и другие граждане. В Безье, Каркассоне, Авиньоне, Монпелье и Нарбонне преобладал еврейский элемент. Уже говорилось, что знаменитая школа Монпелье обязана своим происхождением арабам и евреям. Мусульманское завоевание значительно увеличило еврейское население, которое и без того было многочисленным на Юге Франции более восьмисот лет. Тайна, которая во времена средневековой тьмы окутывала все, почерпнутое из еврейских и арабских источников, особенности письма, непонятность устной речи, идиомы, на которых давалось образование, методичное лечение болезней, столь тщательное в применении, столь успешное по результатам, к которому стремились его выпускники, и неизмеримо превосходящее во всех отношениях ряженые священнические суеверия, наделили Университет Монпелье репутацией, которая, приобретенная за счет влияния священнослужителей, невеждами приписывалась вызыванию адских духов. Неверных врачей этого учреждения правоверные избегали как колдунов. Церковь отлучала от церкви всех, кто обращался к ним. Не только в этом городе, но и в большей части христианского мира считалось гораздо лучшим позволить инвалиду умереть, чем обеспечить его выздоровление с помощью практикующих, чьи методы осуждались со всех кафедр как дьявольские и позорные. Женщины-христианки часто умирали при родах, вместо того чтобы вызвать еврейскую повитуху, чья профессия была хорошо известна и чье образование было немногим менее основательным, чем у врачей медицинской школы. Такие жертвоприношения считались особенно достойными, поскольку не вызывали сомнений в неизменном благочестии жертвы. При существующих обстоятельствах страдальцу, обремененному священниками, не было никакого облегчения, поскольку врачебная практика была ограничена евреями. Применение реликвий, даже подкрепленное самым назидательным проявлением веры, вряд ли могло победить фатальную болезнь. С одной стороны, это была ужасающая перспектива неминуемого распада; с другой - уверенность в божественном недовольстве и неотвратимости священнического осуждения. Посреди этой всеобщей нетерпимости лорды Монпелье выстояли. Они гордились своим городом, гордились его богатством, предприимчивостью, умом, репутацией. Они по достоинству оценили условия, при которых была создана эта репутация. Их еврейские подданные были самыми богатыми, самыми образованными, самыми законопослушными гражданами. Они не раз с честью выполняли

важные государственные задания. У них были своя биржа, свои банки, свои школы, свои кладбища, даже свои собственные колодцы для омовения. Они совершали богослужение в великолепной синагоге, которая по богатству и красоте соперничала с самыми великолепными мечетями, и с потолка которой из ароматического дерева были подвешены сотни золотых ламп. Их наследственные коммерческие инстинкты не только сделали Монпелье крупным и процветающим торговым центром, но и их изобретательность проявилась в создании многих важных отраслей промышленности. Экспортируемые ими ткани отличались особой изысканностью отделки и текстуры. В мастерских ювелиров производились элегантные украшения классического дизайна. Немало священных сосудов, используемых для совершения мессы в соборах Европы, были изготовлены еврейскими ремесленниками Монпелье. В этом городе были представлены некоторые из наиболее прибыльных отраслей промышленности, которыми славилась мусульманская Испания, в том числе производство шелка, кожи и фарфора. Включение владений лордов Монпелье во французскую монархию не только подвергло евреев ограничениям и преследованиям в других местах, являющихся наследием их расы, но, как неизбежное следствие, оказалось фатальным для процветания этой процветающей столицы провинции. Королевская и епископальная алчность взбунтовалась в новой и продуктивной сфере легализованного вымогательства. Евреев грабили и изгоняли, отзывали под обещания неприкосновенности и грабили снова и снова. Феодалный закон мортмейна разрешал конфискацию их имущества, если они обращались в христианство; если они отказывались от этой сомнительной привилегии, официальное притеснение сразу же превращало их в нищих.

С усилением христианского влияния в Южной Европе их положение становилось все более и более отчаянным. В Толедо вспыхнул бунт из-за введения возмутительного налога, и общественные беспорядки стали оправданием грабежей и резни евреев. Во многих районах Европы людям было запрещено снабжать себя всем необходимым для жизни. В Эксе с еврея заживо содрали кожу по обвинению в богохульстве, и в память об этом благочестивом поступке была воздвигнута колонна. Говорят, что грозное красноречие святого Винсента Феррера привело пятнадцать тысяч валенсийских евреев к католическому причастию. Крик, поднятый против еврейской алчности нечестными или неплатежеспособными должниками, нажившимися в свою пользу на доходах, полученных в результате грабежа, и насильственным возвращением движимого имущества, сданного брокерам в качестве обеспечения. Общественная ненависть не ограничивалась осуждением их финансовых методов; их учебу и ее хранилища объединяло общее злословие. Рукописи на иврите уничтожались всякий раз, когда их находили. Только в Саламанке шесть тысяч человек сгорели в одном костре. В Париже за один день двадцать четыре повозки с литературными сокровищами были преданы огню. Повсюду бушевала монашеская нетерпимость к этим опасным конкурентам за народную благосклонность и денежную выгоду. Это предубеждение распространялось и на их язык; его изучение было запрещено под страхом отлучения от церкви; и с кафедры постоянно провозглашалось, что всякий, кто им овладевает, с этого момента становится евреем во всех смыслах. Постепенно лишённые всех механических ремесел и свободных профессий, несчастные люди были вынуждены заниматься брокерским бизнесом. Этим непопулярным занятием, коммерческая необходимость которого еще не была признана европейским невежеством, еврейское предпринимательство в конечном счете, по большей части, было ограничено. Практика ростовщичества, осуждаемая теми, чья непредусмотрительность или пороки вынуждали их прибегать к ней в поисках временного облегчения, существовала в Европе

задолго до того, как клеймо, возникшее из-за злоупотребления ею, закрепилось за еврейским именем. Ломбардцы и флорентийцы, чья бесчувственная алчность опровергала их притязания на человечность, были теми, кто первыми сделали ее отвратительной; и Апостольский престол неоднократно продавал коммерческим организациям привилегию финансового угнетения. Небольшое количество наличных денег в обращении приводило к установлению огромных процентных ставок. В Испании, находившейся под властью христиан, этот показатель был ограничен тридцатью тремя с третьей процентами, а в других странах он был еще более непомерным, но регулировался, как это всегда бывает в подобных случаях, естественными законами спроса и предложения. Итальянские брокеры, работавшие по специальности во Франции, нередко требовали сто двадцать процентов. *per annum*. Эдикты королей и анафемы советов были безрезультатно направлены против этого зла, которое угрожало обнищанию каждого нуждающегося в кредите человека, причиняло невыразимые страдания и серьезно тормозило прогресс национального процветания. Те, кто громче всех выступал с обвинениями, как правило, первыми обращались за денежными авансами к объектам своего притворного гнева. Католические монархи тайно закладывали королевские драгоценности у еврейских ростовщиков; и последние публично хвастались тем, что священные сосуды соборов и религиозных домов большую часть времени находились в их абсолютном или условном распоряжении. Вопиющая непоследовательность, которая характеризовала каждый этап еврейских преследований, таким образом, необычайно бросалась в глаза в осуждении их ростовщической практики.

В Португалии, близость которой к испано-арабской империи и первоначальная инкорпорация в нее привлекли большую еврейскую иммиграцию, евреи, как и везде, пользуясь высшими достижениями, приобретенными в рамках мусульманских институтов, быстро разбогатели и стали могущественными. Там, также, в невежественном обществе, униженном господством узкой и деспотической церковной системы, их терпимость стала на какое-то время политической необходимостью. Их услуги были настолько необходимы для всех государственных порядков, что наложенные на них ограничения считались чисто номинальными, а законы, регулирующие их отношения друг с другом и с христианами, по большей части оставались недействующими.

В Италии рука еврея была заметна в энергии и предприимчивости приморских государств Венеции, Генуи, Ливорно и Неаполя. Менее невыносимое существование было ему обеспечено под сенью папского престола. Изгнанники из Западной Европы, изгнанные недалёковидной политикой иррациональных фанатиков, были холодно встречены на берегах По и Тибра, а также на солнечных берегах Адриатики. Промышленность и культура, унаследованные от золотого века мусульманского владычества, стали источниками богатства, коммерческой значимости и литературных отличий для итальянцев, чье вынужденное гостеприимство в конечном итоге было стократно вознаграждено прибылью, полученной от труда этих беженцев, и результатами соперничества, вызванного их примером. Именно таким образом, по прошествии пяти столетий и на расстоянии тысячи миль цивилизация мусульманской империи в Испании произвела при посредничестве чужой и изгнанной расы славное возрождение искусств и литературы в Италии. То, что евреям следует приписать распространение арабской науки и литературы, подтверждается тем фактом, что в какой бы стране ни обосновывались лица испанского происхождения или их потомки, жители этой страны быстро испытывали интеллектуальный импульс, неизвестный другим, не подверженным подобным ассоциациям. Современная

цивилизация несправедливо расплатилась за бесценные блага, которые она получила от еврейской учености и еврейского мастерства.

Упорство ума израильтянина было поразительным. Он никогда не ослаблял хватки за ценную идею, оказавшуюся в его руках. Как бы много он ни сообщал, его скрытный характер всегда заставлял его подавлять гораздо больше, чем он передавал, - привычка, которая усиливала его таинственное влияние. Оно обладало особым свойством немедленно пробуждать к жизни наиболее вялые умственные натуры всех, с кем оно соприкасалось. Никакие нравы, какими бы суровыми или аскетичными они ни были, не были защитой от применения его силы. Еврейские колонии, перенесенные в среду невежественного населения, сразу же стали очагами обучения. Сам фанатизм с благоговением и уважением относился к интеллектуальному превосходству, которое предвосхищало и сдерживало враждебные меры, направленные против его продолжения, и, без применения силы, аннулировало законы, специально принятые для его подавления. Не было ничего странного в том, что процветание, поддерживаемое при наличии таких препятствий, следует приписывать дьявольскому вмешательству. В свой новый дом еврей принес не только энергию и проницательность, которые были гарантией его успеха, но и интеллектуальное любопытство, которое было главным фактором его необычайного умственного развития. Немало людей обладали обширными библиотеками - предметами роскоши, абсолютно неизвестными во многих европейских странах, где даже письменных принадлежностей не существовало, а если и существовали, то были недоступны. Разбросанные книги, которые можно было найти в церквях и монастырях, были палимпсестами, древними пергаменами, с которых труды классических авторов были старательно стерты, чтобы освободить место для проповедей святых и святоотеческих легенд. Совершенство каллиграфии не отставало от других художественных достижений испанских евреев. Их библейские рукописи прославились во всем мире точностью текста и красотой орнамента. Многие из них были украшены арабесками и цветочными узорами, выполненными в цветных тонах и украшенными золотом. Эти экземпляры Священных Писаний ценились так высоко, что в Испании за один экземпляр самых обычных достоинств с готовностью давали сто крон.

Число еврейских писателей, добившихся известности в Средние века, было огромным. Большой каталог Бартоломеуса, в котором перечислены каталоги Испании, Италии и Франции — стран, особенно подверженных, прямо и индивидуально, арабскому влиянию, — занимает четыре тома in folio и содержит четыре тысячи названий. Среди них в значительной степени преобладают авторы испанского происхождения. Деятельности еврейского интеллекта не препятствовали общепринятые ограничения пола, его не сдерживали трудности или требования какой-либо профессии или призвания. Среди этого народа меры предосторожности, вытекающие из восточной ревности, которые соблюдались с незапамятных времен, требовали уединения женщин; и этот обычай, естественно, был неблагоприятен для женского образования. Они были практически рабынями, сначала своих отцов, затем мужей. На публике они всегда появлялись в покрывалах с головы до ног. Обычно они пользовались таким низким уважением, что не считалось необходимым обучать их даже религиозным доктринам. Таким образом, какими бы талантами ни обладали еврейские женщины, они были неизвестны и неразвиты до господства сарацин в Европе.

Образовательные возможности, предоставляемые мавританским женщинам под благотворным влиянием оммейядских халифов, и известность, достигнутая многими из них в мире литературы, не преминули оказать свое влияние на привычки и карьеру их еврейских сестер. Этот факт

имеет величайшее значение, учитывая строгое подчинение, навязываемое еврейским женщинам во все периоды их истории, что в значительной степени объясняется их естественным зависимым положением и предполагаемой интеллектуальной неполноценностью. В культурном обществе Кордовы упрямое упорство давних предрассудков исчезло перед просвещенным и прогрессивным духом эпохи. При таких обстоятельствах даже суровый авторитет раввинов в какой-то мере ослабел; и хотя до нас не дошли имена ни одной еврейской женщины, отличавшейся исключительной образованностью, неоспоримым фактом является то, что им было позволено пользоваться в доселе беспрецедентной степени литературными достоинствами, обладание которыми, как обычно признавалось, составляло исключительную привилегию мужского пола. Поскольку политика и традиции синагоги не поощряли подобные нововведения, неудивительно, что никаких записей об их результатах не сохранилось. Исчерпывающие исследования Кайзерлинга выявили имя единственной еврейской поэтессы, Хемозы, эпохи халифата; но все сведения о времени и местности, о ее литературной карьере и характере ее произведений отсутствуют.

Самой замечательной особенностью еврейского характера была его многогранность. В каждом деле, в котором применялись его таланты, еврей испанского происхождения достигал непревзойденных высот. Изумительная эрудиция и разносторонние достижения их ученых не уступали таковым мавританских философов Кордовы в самые славные дни мусульманского владычества. Они стали одинаково опытны во многих областях трудной науки, любой из которых было достаточно, чтобы истощить умственные ресурсы обычного студента. Их выдающиеся достижения в медицинской практике породили популярное мнение, что примесь еврейской крови абсолютно необходима для успеха в этой профессии, и это мнение не ограничивается вульгарностью, а серьезно обсуждается ученым итальянским историком. Тот факт, что изучение астрономии почти всегда должно было сочетаться с изучением медицины, является одним из самых необычных случаев в анналах литературы. Это можно было бы объяснить пристрастием к астрологии, если бы еврейский разум давно не перерос веру в это заблуждение, столь распространенное на зарезнания. В знании видимого неба, движений планет и взаимного расположения звезд, в точности математических расчетов, в умелом обращении с астролябией и армиллярной сферой они превосходили всех других наблюдателей, за исключением арабов. Эта наука была настолько популярна среди них в Испании в XIII веке, что одни только еврейские астрономы из Толедо превосходили числом всех остальных христианских астрономов Европы, вместе взятых. Неоценимые услуги, которые они оказывали в области обучения, не уступали оригинальным методам, с помощью которых они облегчали международное общение и способствовали удобству и безопасности торговли. Когда Филипп Август внезапно изгнал их из Франции, они уехали с христианами, которым могли доверить свое личное имущество, которое из-за его объема или ценности они не могли унести с собой. После своего прибытия в Италию они обращались через ломбардских купцов к хранителям своего движимого имущества либо за самими товарами, либо за наличными, вырученными от их продажи. Таким образом, Европа оказалась в долгу перед евреями за повсеместное введение переводных векселей, ранее изобретенных их соотечественниками в Барселоне, которые из выгоды для торговых операций при погашении иностранных обязательств теперь превратились в коммерческую необходимость.

Народное предубеждение против еврейской национальности усугублялось не только из-за выдающихся способностей в вопросах литературы и финансов, подразумевающих превосходство, которое она демонстрировала, но и из-за ее контроля над мировыми рынками и

владения большей частью денег, находящихся в обращении к западу от Босфора. С десятого века, когда мавританские порты Южной Испании превратились в торговые центры Средиземноморья, до шестнадцатого, когда открытие Колумба и прохождение мыса Доброй Надежды открыли новое поле для алчности и честолубия Европы, торговля трех великих континентов была подчинена предприимчивости евреев. Коммерческое наследие, завещанное финикийцами своим союзникам, выдерживало смену империи, крушение сменявших друг друга династий, невероятные по жестокости преследования на протяжении более двадцати столетий.

Упорство, являющееся заметной этнологической особенностью евреев, является одновременно причиной и следствием их притязаний на Божественное благоволение. Наиболее разумные из этих людей никогда не ожидали появления личного Мессии. Они рассматривают популярный миф о его пришествии как символ прекращения национального изгнания — простой аллегорический намек на конечную независимость и спокойствие, которые, как они надеялись, с течением веков перерастая в веру, однажды станут состоянием их расы. Это убеждение, основанное скорее на знании его справедливости, чем на какой-либо четко определенной перспективе его реализации, поддерживало их в течение долгой череды тяжких испытаний и несчастий. Обвиненные в таких преступлениях, которые предельная изобретательность злого умысла никогда не вменяла ни одной другой секте, они ответили актами самопожертвования и великодушия. Посреди тщетной церковной торжественности, пышности процессий, интонации литаний, бормотания молитв, курения кадил, выставления напоказ реликвий они давали средства научной медицины страждущим, пораженным чумой. Во время первого нашествия чумы на Венецию, в дополнение к щедрому пожертвованию, они одолжили правительству сто тысяч дукатов на помощь бедным. Во времена национальной опасности их лояльность никогда не колебалась, за исключением тех случаев, когда их дух был подавлен продолжающимся угнетением. Выделенные ими средства были использованы для изгнания арабов из Испании. Мавританское господство, установленное с их помощью, таким образом, было обязано их вкладу в его свержение. Самые строгие требования карающего правосудия, несомненно, были удовлетворены наказанием, назначенным судьбой за этот вероломный акт неблагодарности.

Современные предрассудки, подобно средневековому невежеству, неохотно признают обязательства, которые обучение несет еврейскому гению и трудолюбию. Евреи, в свою очередь, были учителями, учениками и помощниками мавров; наследниками и распространителями драгоценных сокровищ арабской мудрости. Раввины, немногие из которых, можно заметить, не были опытными рабочими в механических ремеслах, знание которых предписывалось их религией, повсюду распространяли любовь к литературе. Все трактаты на арабском языке, представляющие практическую или научную ценность, были переведены на иврит. Их знакомство со всеми разделами классической литературы очевидно в их произведениях; даже басни Эзопа были воспроизведены на их языке. Чистота дикции и элегантность стиля были поразительными характеристиками всех литературных произведений испанских евреев. Самые выдающиеся христианские прелаты Испании в двенадцатом и тринадцатом веках были раввинами-отступниками. На профессионализм их практикующих врачей уже неоднократно ссылались. В течение многих лет после изгнания евреев с полуострова целые районы оставались без медицинской помощи. Те, кто был в состоянии, отправлялись в зарубежные страны с большими затратами и неудобствами; подавляющее большинство инвалидов страдали без всякой помощи. Репутация еврея была настолько велика даже в шестнадцатом веке, что Франциск I. послал к императору Карлу V. за врачом-евреем; и

тот, кто был обращен в христианство, предпринял путешествие в Париж, и французский король отказался принять его, как только узнал, что он отступник. Еврейская эрудиция оказала немалое влияние как на мавританскую, так и на испанскую литературу. Многие трактаты еврейских философов, написанные на арабском языке, пользовались широким распространением в образованном обществе халифата и княжеств, пришедших ему на смену. Первая биография Сида была написана евреем Ибн-Альфанже. Сборник рассказов дон Хуана Мануэля "Эль Конде Луканор" позаимствован из произведения аналогичного характера еврейского баснописца Мозеса Сефарди.

В произведениях всех выдающихся еврейских писателей, которые прямо или косвенно подверглись влиянию мусульманских академий Испании, преобладают аристотелевские и неоплатонические взгляды. Ортодоксальный иудаизм не мог выжить в атмосфере этих неверных учреждений. Раввины без исключения были в большей или меньшей степени заражены пантеистическими идеями. Они твердо верили в еретическую доктрину Эманации и Поглощения. Как и их арабские единомышленники, которые уже давно отвергли легенды Корана, они приняли во всем их зловещем значении афоризм "Наука - это религия".

Нет ничего более примечательного в истории евреев средневековья, чем их выживание в условиях преследований. Самые ужасные бедствия не смогли подорвать их организацию или разрушить их веру. Они, естественно, были мятежным народом. Их древняя история - это история о нарушении веры, государственной измене и подстрекательстве к мятежу. Они были поработаны Эгизой, королем вестготов, за участие в заговоре, целью которого было свержение монархии. Крестоносцы, распаленные речами духовенства, во время своего похода в Палестину убивали их везде, где только находили. Только во Франции сто тысяч были убиты свирепыми солдатами Креста. Фанатики альмохады изгнали их из Испании. Филипп Красивый конфисковал их имущество и изгнал их из своего королевства. Генрих III, король Англии, продал всех евреев в своих владениях своему брату Ричарду за большую сумму денег. Император Людовик IV заложил еврейскую колонию в городе Шпилей, как и многие другие товары, епископу в качестве обеспечения долга. В Арагоне в конце пятнадцатого века пятьдесят тысяч человек были казнены и вдвое большее число принуждено отречься от своей религии. Папы попеременно относились к ним то сурово, то снисходительно, поскольку финансовое состояние Святого Престола было благополучным или вынужденным. Таким образом, несмотря на жестокие притеснения в других странах Европы, они часто пользовались временным иммунитетом в Италии. Не обладая никакими гражданскими правами, существуя только благодаря терпению, они были добычей каждого, облеченного на данный момент властью. Как церковь, так и государство рассматривали их как наиболее ценный источник дохода. Деньги, ежегодно вымогаемые у еврейского населения королевства, часто намного превышали все остальные доходы, вместе взятые.

Еврейские произведения средневековой древности содержат зародыши научных открытий, которые современная гордость с удовольствием относит к сравнительно недавнему происхождению. В "Зоаре", собрании трактатов, принадлежащих каббале, воплощены высокофилософские космологические идеи и рациональные концепции, касающиеся жизненного принципа Природы и научного лечения болезней, которые впоследствии были применены для общественного обучения и практического использования в знаменитых школах Салерно и Монпелье. Различные физиогномические изменения, вызванные развитием доброжелательных инстинктов или потворством порочным страстям, описаны там с точностью,

которая указывает на необычайное понимание стимулов и желаний, управляющих действиями людей. В этом замечательном сборнике знаний иврита изложена доктрина пантеизма, предложенная освященной веками философией Индии; шаровидная форма земли, ее суточное обращение вокруг своей оси, различные фазы этой планеты, разница в продолжительности дня и ночи на экваторе и полюсах и научные причины существования этих явлений описаны с точностью, которая поражает воображение, если вспомнить всеобщее невежество в отношении эпохи, в течение которой были обнародованы эти мнения, так далеко опередившие время. В тринадцатом веке Джедедия бен-Абрахам из Безье выдвинул гипотезу о том, что все объекты, движимые в противоположных направлениях и не подверженные влиянию других сил, движутся по прямым линиям, что является существенным элементом одного из законов, ныне общепризнанных как управляющие движением небесных тел. Соломон бен Вирга, испанский беженец, в своем историческом трактате "Себет-Иегуда", опубликованном в шестнадцатом веке, утверждает, что земля, в равной степени притягиваемая окружающими звездами, остается подвешенной посреди космоса; безошибочная концепция принципа тяготения, которая опередила его переиздание в Европе более чем на сто лет. Только что перечисленные философские истины, которые предвосхищают важные открытия Бурхааве, Лафатера, Галилея, Кеплера и Ньютона, дают наводящее на размышления представление о достижениях раввинов, точности их рассуждений, а также о масштабах и глубине их научных знаний.

В то время как еврейские изгнанники сыграли важную роль в пробуждении духа, вдохновившего Ренессанс, и последующем интеллектуальном возрождении Европы, их литература оказала немалое влияние на судьбу другой важной революции, изменившей ее религиозный аспект, - протестантской реформации. Правом неограниченного прочтения и частного толкования Священных Писаний, которое было жизненно важным принципом этого движения, евреи всегда пользовались. Их комментарии к Библии были на удивление объемными: из них состояли целые библиотеки. Труды раввинов, разъяснявшие неясные места Священного Писания, были написаны в духе разумной терпимости, совершенно чуждой политике, диктуемой фанатичным экклезиастизмом и папской властью. Проявлять частное суждение в религиозных вопросах означало привлекать к дисциплинарной ответственности инквизицию. Ни один священник из десяти тысяч не понимал ни слова на иврите. Католикам было запрещено его изучение как способствующее ереси. С другой стороны, Лютер, Кальвин, Меланхтон, Цвинглиус, Конрад, короче говоря, все великие реформаторы в совершенстве владели этим языком. Раввинская литература оказала мощное влияние на их умы, вдохновила их усилия, спровоцировала их соперничество, подтвердила их решимость. В этом отношении, как и во многих других, потомки многим обязаны презируемыми израильтянам средневековой эпохи. Огромный промежуток времени разделяет эпохи Абд-ар-Рахмана I и Лютера; города Кордова и Вормс разделены многими сотнями лиг; но присущие им идеи личной свободы и частного права, признанные на берегах Гвадалquivира, в конечном счете возобладали в центре Германии, некогда самой неграмотной из стран. Таким образом, наследие варварства, ставшее возможным благодаря римскому упадку, переданное готами, гуннами и вандалами и увековеченное в материальных интересах Церкви, было вытеснено трудами и примером раввинской предприимчивости и учености. Эпоха невежества, в течение которой люди боялись быть просвещенными людьми, чьи трансцендентные знания, как считалось, имели адское происхождение, прошла; но их недостатки так и не были полностью устранены, и травля евреев, к сожалению, все еще является популярным развлечением в некоторых странах Европы.

Важность изобретения книгопечатания была сразу понята и оценена евреями. Через десять лет после того, как об этом стало известно, их типографии в Италии производили типографские работы необычайной красоты и совершенства. Их видное место в каждом движении, направленном на ослабление суеверий и эмансипацию человеческого интеллекта, не мешало им поддерживать тесные и доверительные отношения со Святым Престолом. Папство, как правило, не было настроено к ним неблагоприятно; оно занимало у них деньги и использовало их таланты в ведении государственных дел. Многие евреи Рима достигли больших политических успехов. Джехид был министром финансов Александра III; а сын богатого еврейского купца по имени Пьетро иль Буоно известен потомкам как антипапа Анаклет. Таковы были евреи средневековья, чьи успехи в литературе, искусстве, науке, торговле, политике и дипломатии следует отнести на счет импульса, изначально заложенного в их гении, и привилегий, которыми пользовались их предки при щедрой и терпимой политике кордовских халифов.

Изгнание испанских евреев - одна из самых печальных трагедий в истории. Королевский эдикт, который решил их судьбу и исполнение которого было отложено до окончания мавританских войн, был опубликован 31 марта 1492 года. Выдвинутое против них обвинение в том, что они угрожали безопасности государства и спокойствию Церкви путем предполагаемого заговора, слишком абсурдно, чтобы его можно было рассматривать всерьез. Чтобы усилить эти необоснованные обвинения, избитые басни, касающиеся принесения в жертву христианских младенцев на Пасху, и неоднократные призывы католиков к отступничеству, были еще раз использованы для разжигания страстей фанатичной толпы. На распоряжение их имуществом и завершение приготовлений к отъезду отводилось всего три месяца; и, если этот срок превышался, прокламация предусматривала конфискацию их имущества и даже смертную казнь. Им было запрещено вывозить из королевства деньги или сосуды из золота или серебра; и единственными предметами, указанными в королевском указе, которые им разрешалось оставить, были переводные векселя и портативные устройства, которые можно было легко транспортировать. Великий инквизитор Торквемада, почитаемый в анналах Церкви как один из ее самых известных защитников и духовник королевы Изабеллы, на счету которого пытки сотен тысяч еретиков, а также горе и невзгоды других бесчисленных толп, был вдохновляющим духом этого чудовищного преступления против человечества. Его влияние нейтрализовало мольбы целого народа; протесты немногих государственных деятелей, которые, несмотря на народный шум, предвидели определенный упадок коммерческого процветания, связанный с введением в действие этой меры; коварное и доселе всемогущее влияние огромных сумм золота. Сведения о количестве евреев, изгнанных из Испании, существенно расходятся; однако оно составляло не менее четырехсот тысяч и, вероятно, приближалось к миллиону. Их страдания были равны, если не превосходили, страданиям мориско, впоследствии приговоренных к аналогичному проскрипции. Воздух был наполнен их стенаниями. Многие целыми днями оставались на кладбищах, рыдая над могилами своих предков. Большинство тех, кто путешествовал по суше, шли пешком. С изгнанниками уехала большая часть знаний, навыков, богатства, промышленности и процветания Испании. Их поместья были конфискованы короной. У каждого человека был проведен тщательный личный досмотр на предмет спрятанных ценностей, что побудило многих проглотить свое золото. Разбойники раздели их на большой дороге. Моряки ограбили их в море. Их жены были изнасилованы, их дети умерщвлены у них на глазах. Многие погибли от недостатка пищи. Эпидемия уничтожила целую роту, а выживших бросили умирать на необитаемом острове, без воды и крова. Большое количество было продано их варварскими хозяевами работорговцам. Непреднамеренное раскрытие богатства оказалось роковым для его

владельца; он был немедленно выброшен за борт, и его имущество досталось убийце. Тем, кто высадился в Марокко, не разрешался въезд в города, а голод, который в то время опустошал страну, делал невозможным для такого возросшего населения добывать средства к существованию. Разбив лагерь в засушливой пустыне, они были вынуждены прибегать к нездоровым кореньям и травам в отчаянной попытке поддержать жизнь. Тысячи умерли от воздействия. Многие продавали своих детей, чтобы избежать голодной смерти. Значительная часть этих беженцев высадилась в Италии, где просвещенное общественное мнение было готово извлечь выгоду из богатства и промышленности, которые узколобый дух испанского фанатизма был так решительно настроен отбросить. Папа Александр VI, глава дома Борджиа, несмотря на то, что видные израильтяне Рима предложили ему тысячу золотых, чтобы изгнать их, принял еретиков, объявленных вне закона самыми католическими монархами, с величайшим вниманием и симпатией. Приморские государства Адриатики вынудили своих еврейских граждан, которые, опасаясь коммерческого соперничества, были склонны относиться к этому наплыву иностранцев с неприязнью, оказать существенную помощь своим несчастным собратьям. В Голландии изгнанников также встретили с таким гостеприимством, что в последующие годы преимущества, полученные от их пребывания здесь, с избытком окупались. Антипатия, которую испанское население питало к евреям, старательно подогреваемая позорным искусством инквизиции, была далека от того, чтобы быть рассеянной изгнанием и истреблением жертв ее злонамеренности; за неимением живых, ее месть обрушилась на мертвых. Почти столетие спустя после изгнания, когда в испанской монархии нельзя было найти признанного израильтянина, еврейское кладбище в Севилье было захвачено толпой; дорогостоящие памятники были разбиты на куски; могилы вскрыты и разграблены, а найденные в них истлевшие кости сожжены дотла. Значительная добыча в виде золотых и серебряных безделушек, драгоценных камней и иллюстрированных рукописей была вознаграждена за этот акт святотатства, авторы которого не подверглись ни насилию, ни наказанию со стороны властей.

Среди самых выдающихся жертв еврейских преследований был великий государственный деятель и ученый Абарбанель. Ни одно имя, написанное буквами, не стояло выше его. В свою очередь, любимый и абсолютный министр государей Португалии, Испании и Неаполя, он разделил судьбу своих соотечественников и, лишенный своих должностей и дома в каждом из этих королевств, трижды отправлялся в изгнание. Его таланты внушали такое уважение, что князья, которые прежде всего преследовали его, были рады воспользоваться его опытом в разрешении важных вопросов дипломатии. Его литературные способности были настолько велики, что почитатели ставили его в один ряд с Маймонидом. В философии он был самым либеральным; в религии - полемистом; в политике, как ни странно, республиканцем. Ни в частной, ни в общественной жизни на его имени никогда не было никакого пятна или бесчестья.

Сцены, свидетелем которых стали во время изгнания евреев из Португалии, были еще более шокирующими по своему варварству, чем те, которые характеризовали их эмиграцию из любой другой страны христианской Европы. Им было отпущено только два месяца на то, чтобы уладить свои дела; если кто-то из них оставался сверх этого срока, они были приговорены к рабству. Все мужчины моложе четырнадцати лет должны были быть разлучены со своими родственниками, чтобы их можно было ввести в черту Церкви, целью которой было уничтожение их расы. Последняя часть неумолимого приговора была приведена в исполнение первой. Кричащих мальчиков вырвали из рук их родителей, которых жестоко били дубинками до тех пор, пока они не разжали объятия; многие обезумевшие матери, не в силах перенести потерю своих детей,

покончили с собой или убили своих отпрысков; некоторых из последних бросили в колодцы, других задушили. На пути отъезда евреев были воздвигнуты все препятствия, пока не истек установленный срок, и тогда почти все их число было обращено в рабство. Отступничество было теперь единственным средством от их тяжелого положения, и многие приняли его. Таким образом, их социальный статус был значительно улучшен за счет их совести. Они заключали выдающиеся союзы со своими недавними угнетателями, и их дети были усыновлены в семьи знати.

Испанские евреи, в силу особенностей своего положения, враждебности своих правителей, — которую их денежные ресурсы и природная проницательность часто ставили в тупик, но никогда полностью не преодолевали, — и их последовательного господства рас различного происхождения, веры и языка, были поражены ментальными характеристиками и особенностями, которых нельзя было встретить у их братьев из других стран. Их жесткий формализм вошел в поговорку, и иврит из Толедо более добросовестно соблюдал предписания Пятикнижия и Талмуда, чем иврит из Дамаска или Иерусалима. Но их традиционная сдержанность не мешала им привлекать прозелитов; и утверждается, что раввины, игнорируя запрещающие предписания национального кодекса, однажды вызвали епископов на диспут в присутствии престола о достоинствах их соответствующих систем; акт дерзости, который, по-видимому, не вызвал удивления даже у прелатов того времени. Испанский гранд гордится своим готским происхождением, *сангре азуль*, присутствие которого, как предполагается, убедительно указывает на то, что в восходящей линии нельзя найти прародителя презируемой семитской расы. Ложность этого предположения была, однако, установлена соборами, созванными королевской властью в Бургосе, Вальядолиде и Мадриде в шестнадцатом и семнадцатом веках для решения вопроса о чистоте крови. Согласно статутам, принятым этими *Informaciones de Nobleza*, как их называли, происхождение от еврейского предка было торжественно объявлено, что оно не является пятном на дворянском гербе, и это решение затронуло немало старейших и надменнейших семей Кастилии и Арагона.

Сегодня мало найдется великих домов Португалии и Испании, в которых не было бы примеси еврейской крови. Церковниками были опубликованы работы, прослеживающие эту зараженную родословную до ее источника, который не смог подавить ни один авторитет деспотического правительства. Говорят, что португальский король Иосиф I. однажды приказал каждому мужчине еврейского происхождения в своих владениях носить желтую шляпу. Маркиз Помбаль явился с тремя; и на вопрос короля, для чего он их предназначает, он ответил: “В соответствии с королевским указом я принес один для Вашего Величества, один для Великого инквизитора и один для себя”. Этот анекдот, подлинность которого хорошо установлена, показывает, до какой степени кровь некогда запрещенного и преследуемого народа, несмотря на все попытки его уничтожения, вливалась в вены самой гордой и привилегированной аристократии Европы.

ГЛАВА XXV

ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ МУСУЛЬМАН

711-1492

Нехватка информации о христианах—данниках—Верховенство Церкви при вестготах—Независимость испанской иерархии—Ее богатство—Гражданская организация христиан при маврах—Их привилегии—Ограничения, наложенные на них—Свобода вероисповедания—Церкви, монастыри и обители—Условия на Сицилии—Ужесточение законов на этом острове—Аномалия в церковном правительстве Испании—Халиф, фактический глава Церкви—Злоупотребление своей властью—Результаты арабской оккупации Септимании—Возросший авторитет испанской иерархии в результате ее изоляции—Социальные Жизнь христианских приверженцев — Их приверженность арабским знаниям—Они используются халифами в важных миссиях—Врожденная враждебность мусульман и христиан—Количество и влияние отступников—Мученики—Причины преследований—Контраст между принципами и политикой двух религий—Препятствия для расового объединения.

Ни одна часть испанских летописей не представляет таких трудностей для исторического исследования, как та, которая касается положения христиан под господством мавров. Арабские писатели, обычно столь подробные и обстоятельные в своих повествованиях, почти не упоминали об этом предмете. Необычное поведение мучеников, которые искали смерти из-за открытого нарушения мусульманских законов, по-видимому, единственное, что привлекло их внимание или заслуживало их внимания. Из этого многозначительного молчания, по-видимому, следует вывод, что большая масса христианских данников была довольна и миролюбива. Мы узнаем от святого Евлогия и других выдающихся церковников, что большинство покоренной расы отступило. С нескрываемым чувством печали и досады они относятся к широко распространенному отступничеству от древней веры. Даже среди тех, чье постоянство было непоколебимо, zeloty были в меньшинстве. Поэтому неудивительно, что арабы считали последних безответственными людьми, чьи проступки, непростительные по Кодексу ислама, были наказаны, поскольку закон не допускал применения каких-либо дискреционных полномочий со стороны магистрата. Очевидно, что те, кто добивался почестей мученичества, не считались представителями ни своей секты, ни своей национальности. Мавританские историки рассказывают о добровольной жертве этих энтузиастов со всеми проявлениями удивления и жалости. Только после того, как их упрямство, спровоцировавшее раздоры и бунты, начало угрожать безопасности правительства, в их речи проявилось чувство мстительности по отношению к их введенным в заблуждение данникам.

С другой стороны, от христианских хронистов можно почерпнуть мало ценной информации. Все те, кто рассказал о событиях своего времени, были членами преследуемой фракции. Как современные, так и последующие авторы были ослеплены предрассудками и руководствовались всеми мотивами сектантского фанатизма для искажения истины. Пространные в перечислении страданий мучеников, их рассказы обо всех других событиях примечательны крайней скудостью деталей. Не дается описания социальных отношений господствующей и подчиненной рас; никогда не делается прямого упоминания о тысячах инцидентов, постоянно происходящих во взаимоотношениях двух народов, тривиальных самих по себе, но наиболее важных для формирования правильного представления о характере, стремлениях и жизни нации. Такие материалы, столь интересные для потомков, как

изображение нравов класса в выдающийся исторический период, были слишком незначительны для пера монашеского летописца, и теперь их приходится собирать наугад из повествований о других событиях, при освещении которых они были случайно и незаслуженно упомянуты. Произведения этих церковных писателей полны ошибок. Они, как обычно, перегружены абсурдными легендами и ложными чудесами. Даже при поверхностном прочтении становится очевидным, что не только страдания, но и добродетели святых, чьи жизнеописания они описывают, в значительной степени вымышлены и часто преувеличены. Таким образом, историк не может отдать должного таким авторитетам.

Ни один упомянутый в истории народ никогда не достигал высокого положения на шкале цивилизации, политика которого была бы основана на систематическом подавлении религиозных мнений. Теологическая нетерпимость - самое серьезное препятствие интеллектуальному прогрессу. Среди великих народов древности свобода в религиозных вопросах, как правило, признавалась как вопрос права. Там, где имели место нарушения этого права, их почти неизменно можно отнести к вмешательству в деятельность установленного правительства. Тесная связь политических и религиозных институтов в те времена легко объясняет случайные примеры очевидных преследований. Самые выдающиеся афинские государственные деятели нередко выполняли функции жрецов в церемониале общественного богослужения. Титул Верховного понтифика был одним из самых почетных и желанных достоинств Римской Республики, а при Империи он придавал дополнительное различие атрибутам и осуществлению императорской власти. В соответствии с этим мудрым и политичным установлением боги зарубежных стран были допущены в национальный пантеон наравне с местными божествами, и ни одно из них не могло претендовать на чрезмерное превосходство в национальной системе. Только после того, как христиане осквернили алтари и вызвали мятеж в армии, их привилегии были урезаны, а их религиозные церемонии прерваны. Условия, существовавшие ранее, были затем изменены. За потворством своим желаниям последовали преследования. Преследования разоблачили и произвели на свет десятки тысяч прозелитов. Опыт христианской секты подсказывал, что в ее религиозной структуре увековечена несравненная политическая система империи, мера, которая в конечном итоге в значительной степени способствовала ее успеху, ее дисциплине и ее постоянству. Ни в одной стране, подвластной власти папства, последствия этих преимуществ имперской организации не были так очевидны, как на Испанском полуострове.

В эпоху господства вестготов влияние Церкви было первостепенным во всех подразделениях гражданской администрации. Ее советы регулировали порядок наследования, разрабатывали законы, выбирали суверена. Его слуги диктовали все меры национальной политики. Его санкция придавала священный характер королевским указам. Выдающиеся прелаты, которые даже в тривиальных вопросах никогда не позволяли, чтобы притязания их ордена были подчинены интересам короны, на самом деле представляли собой высшую власть государства. Они заключали договоры. Они участвовали в кампаниях. Они устанавливали и собирали налоги. В неоднократных состязаниях со знатью они обычно выходили победителями. Их интеллектуальные познания, какими бы поверхностными они ни были, давали им решительное преимущество перед их неграмотными и часто жестокими противниками. Авторитет, который они приобрели благодаря превосходным знаниям, мастерству и энергии, со временем был подтвержден привычкой и усилен предписаниями. Этот авторитет, основанный на общественном почитании и передававшийся из поколения в поколение, часто колеблялся,

но никогда не отменялся. Катастрофические последствия злоупотребления им очевидны в каждый период испанской истории на протяжении более чем тысячи лет.

Во времена арабского вторжения вестготская иерархия находилась на вершине своего значения и могущества. Его прежняя приверженность арианской ереси породила в нем дух независимости, который не исчез и с возвращением Испанской церкви к православному общению. Легкость, с которой целый народ по приказу монарха отрекся от веры своих предков ради незнакомых и доселе отвергаемых доктрин, является одним из самых экстраординарных событий в анналах христианства. Такая мирная революция, затрагивающая самые священные интересы многочисленной секты, служит неопровержимым доказательством слабого влияния, которое имели в те времена какие-либо религиозные догмы на общественное сознание. Принятие афанасианского символа веры обязательно включало признание папского верховенства. Готские прелаты, однако, никогда не были подобострастными вассалами Святого Престола. Папа вскоре обнаружил, что, хотя он и мог просить, он не мог заставить их повиноваться. Его гневные высказывания не вызвали в Испании такого ужаса, какой они вызвали в других странах католической Европы. Там, где он не мог командовать, он был вынужден льстить, рекомендовать, тянуть время. Компактная и могущественная группа духовенства, в руках которой было управление их страной и избрание ее короля, естественно, не желала подчиняться высокомерному диктату иностранного монарха, которого их предшественники считали еретиком и веру которого они приняли скорее из политики, чем по искреннему убеждению.

Испанская церковь при вестготах была в высшей степени достойна внимания и благосклонности Святого Отца. Его организация была основательной; его богатство огромным; его духовенство многочисленным и превосходило своих современников в образованности и способностях; его национальное влияние не имело себе равных. Его храмы, расположенные в стране, общественные памятники которой в наименьшей степени испытали на себе разрушительное воздействие варварского насилия, демонстрировали в своих благородных пропорциях и гармоничном убранстве угадываемые усилия классического вкуса и гения. Великолепные здания императорской власти, видимые со всех сторон, были одновременно источником вдохновения и образцом для подражания церковного архитектора. Церкви и соборы седьмого и восьмого веков представляли собой лучшие образцы честолубия и богатства всемогущей иерархии. Их план обычно соответствовал плану базилики. Их стены были инкрустированы драгоценным мрамором. Полы были выложены мозаикой. В апсиде, где стоял алтарь, мастерство художника исчерпалось искусной резьбой, картинами и скульптурой. Священные сосуды были из чистого золота и серебра. Перед святилищем были подвешены подношения несказанной ценности - дань благодарных выздоравливающих. Восшествие на престол каждого монарха ознаменовывалось пожертвованием великолепной короны по обету кафедральному собору Толедо. пышность богослужений в вестготской метрополии превосходила пышность всех остальных, за исключением Константинополя и Рима. Его религиозные процессии не уступали по великолепию тем, которые пробуждали благочестивый энтузиазм верующих в столичных церквях этих двух знаменитых столиц. С величайшим почтением относились к священническому сану. Прихожане, если не преклоняли колени, стояли во время службы. Женщины, всегда в вуалях, занимали отдельные галереи. Ни к одному священству в христианском мире не относились с большим уважением, оно не пользовалось более обширными привилегиями и не жило в большей роскоши, чем готское духовенство Испании.

С арабской оккупацией эта внушительная структура духовного и мирского величия рухнула на землю. Власть иерархии, ранее неограниченная, исчезла в мгновение ока. Его священные сооружения были захвачены и использованы завоевателем для кощунственных целей. Драгоценное убранство его алтарей было передано в сокровищницу халифа. Его доходы были конфискованы. Многие из его членов стали жертвами гнева угнетенных и оскорбленных вассалов. Тысячи других бежали почти без гроша в христианские земли. Монахи были порабощены и обречены на выполнение самых тяжелых и изнурительных работ. Множество монахинь перешли от уединения и медитации монастыря к веселью и наслаждениям сераля. Принимая во внимание популярные мнения и предрассудки того времени, неудивительно, что эту внезапную и грандиозную революцию все приписали Божьему возмездию.

Когда прошел первый шок от завоевания, всепоглощающий ужас, вызванный присутствием захватчиков, улегся. Они оказались чем-то совершенно отличным от воплощенных демонов, какими их рисовало искаженное воображение. Они были признаны снисходительными, щедрыми, гуманными. Закон Мухаммеда конкретно определял привилегии победы и права побежденных. Последние не замедлили признать и принять преимущества, вытекающие из быстрого и безоговорочного подчинения, и таким образом получили возможность пользоваться благами цивилизации, почти с самого начала заложенной их правителями.

Гражданская организация христиан под мусульманским владычеством мало отличалась от той, при которой ими управляли принцы вестготской крови. Размер дани, который позволял свободно отправлять религиозные обряды, юрисдикция их собственных судов и условия, обеспечивающие сохранение их национальных обычаев и пользование ими, были определены законом. Каждое епископство ежегодно оценивалось в сто унций серебра, монастыри - в пятьдесят, церкви - в двадцать пять. Отдельные лица классифицировались в соответствии с их рангом и имуществом. Богатые платили сорок восемь дирхемов, или тридцать два доллара в год; средний класс - двадцать пять дирхемов; чернорабочие - двенадцать. С владельцев земли взимался налог на ее продукты в размере двадцати процентов, называемый харадж. Отступничество было вознаграждено освобождением от первого; последнее, однако, никогда не отменялось. Женщины, дети, калеки, нищие и монахи были освобождены от всех принудительных взносов. За исключением случаев упорного сопротивления, частная собственность не затрагивалась. Богатства церквей, за исключением тех, которые были прямо упомянуты в международных договорах, были законной добычей. При правлении вестготов право собственности на движимое имущество было лишь условным, и оно не могло быть отчуждено; при маврах это право собственности было абсолютным. Положение крепостных, обрабатывавших королевские владения, площадь которых была настолько велика, что они занимали пятую часть всей конфискованной территории, значительно улучшилось. Они по-прежнему сдавали тридцать три процента. посевов, как при их прежних хозяевах; но они были освобождены от частых и произвольных поборов, которые часто лишали их всех плодов их труда. Завоевание привело к разделению обширных поместий, принадлежавших привилегированным классам и полученных в результате столетий вымогательства и жестокости, на бесчисленные фермы, что способствовало возделыванию и увеличению сельскохозяйственного богатства. Многие из этих земель, ранее отведенных под пастбища и развлечения знати, теперь были улучшены и благодаря умелым усилиям мавританской промышленности приносили чрезвычайно прибыльную прибыль.

Каждая христианская община была жестко изолирована от своих мусульманских соседей. В крупных городах квартал, населенный притоками, обносился стеной, а на закате ворота закрывались. Граф по их собственному выбору, который, как правило, был благородных кровей, исполнял функции губернатора и собирал налоги, о которых он отчитывался перед Диваном. Судопроизводство в судебных инстанциях осуществлялось христианскими магистратами в соответствии с формами вестготского права. Там решались все споры между христианами, и преступники несли наказание за свои проступки, как предписано древними законами. Однако ни один смертный приговор не мог быть приведен в исполнение без одобрения мусульманских властей. Иски, стороной в которых выступал мусульманин, и судебные преследования, в которых он был либо участником, либо жертвой преступления, были выведены из-под юрисдикции христианских судов. Кодекс ислама предписывал определенные правила, которые должны были соблюдаться всеми данниками, и соблюдение которых было условием защиты, которой последние пользовались. Богохульство в отношении пророка или его религии, вход в мечеть и вероотступничество карались смертной казнью. В этих вопросах закон был неумолим. Нарушение целомудрия мусульманской женщины также каралось смертной казнью, наказания, которого, однако, мог избежать преступник, принявший мусульманскую веру. Повторение знакомой формулы ислама, даже в шутку, несло в себе отказ от всех прежних верований и принятие на себя обязанностей верующего, от которых впоследствии нельзя было отказаться. Эти законы, хотя и носили явно религиозный характер, были, благодаря мусульманской конституции, которая объединяла функции как духовного, так и светского суверенитета, жизненно необходимыми для достоинства и поддержания правительства. Христианские фанатики, ослепленные предрассудками и жаждущие мученичества, считали их неразумными и тираническими ограничениями, публичное нарушение которых было их долгом перед своей сектой; достойными уважения не только как проявление презрения к ненавистной религии, но и как предоставление возможностей для проявления самопожертвования, которые наверняка вызовут похвалу их товарищей и, вероятно, заслужат желанную честь канонизации. Поэтому все, что требовалось от христиан, живущих под мусульманской юрисдикцией, - это регулярно платить дань и подчиняться законам страны.

Чтобы обеспечить защиту, на которую они имели право, и обезопасить их от оскорблений и притеснений, при халифах был назначен специальный судья, который следил за их интересами и надзирал за их поведением. Этот чиновник, чей титул был катиб, или секретарь, был наделен чрезвычайными полномочиями и обычно был дворянином выдающегося ранга, а также пользовавшимся большим уважением в Диване.

Во времена Завоевания определенное количество церквей было отведено для христианского богослужения; но это число не могло быть увеличено, и даже нельзя было сделать пристройки к древним зданиям. В случае необходимости реконструкции или ремонта требовалось использовать идентичные старые материалы. Строгость этих правил, однако, часто смягчалась щедрым попустительством властей. Закон, запрещающий, чтобы здание, возведенное христианином, было большей высоты, чем здание мусульманина, также часто обходился стороной. В Испании и на Сицилии башни церквей и соборов часто возвышались над минаретом мечети, что являлось проявлением превосходства, которое в других странах мусульманского мира привело бы к их немедленному разрушению. Только в этих двух исламских королевствах допускалось использование колоколов. В других местах их место заняли доски, подвешенные на веревках и отбиваемые молотками, которые возвещали об открытии христианской службы. Наибольшая свобода допускалась при отправлении публичных

богослужений. Духовенство носило свои священные облачения. Они исполняли обязанности своего святого призвания в мире и безопасности, и те, кто осмеливался им мешать, подлежали суровому наказанию. Они отслужили мессу со всей pompой древнего вестготского церемониала. Священник пронес виатикум к умирающему в торжественной процессии по многолюдным улицам. Тела умерших, окутанные дымом свечей и благовоний, в сопровождении поющих певчих были перенесены в собор для совершения заключительного церковного обряда. Терпимость испанских мусульман дошла даже до того, что они разрешили использовать изображения, которые каждый последователь Пророка считал идолопоклонническими, в христианских храмах. Изображения святых отнюдь не были редкостью. В соборе Санта-Мария в Кордове находилась статуя Пресвятой Богородицы. Ее святилище славилось своей святостью и, будучи более доступным, чем святилище Сантьяго, ежегодно привлекало множество набожных паломников со всех концов Европы. В каждой церкви хранилось тело мученика, которому было посвящено священное здание и в честь которого оно получило свое название. В великом городе Кордова, помимо кафедрального собора, было шесть христианских молитвенных домов. Одиннадцать монастырей предлагали убежище тем, кто искал уединения в уединении. Из них три находились в городе, а восемь - на лесистых склонах Сьерра-Морены. Некоторые, учрежденные, вероятно, с целью приобретения дополнительных заслуг за счет сопротивления постоянным искушениям, были заняты обоими полами под руководством одного настоятеля. Монахи появлялись в рясах и тонзурах; монахини постоянно были в вуалях. Все члены монашеских орденов, а также представители светского духовенства беспрепятственно ходили по улицам столицы. Святой Евлогий, Киприан, Самсон и другие церковные писатели-современники неоднократно и добровольно свидетельствуют о снисходительной снисходительности, проявленной к христианам халифами Кордовы.

На Сицилии царили практически такие же условия. Поскольку, однако, коренное население в подавляющем большинстве превосходило по численности захватчиков, терпимость была необходима для поддержания общественного спокойствия и, по сути, являлась мерой целесообразности, а также справедливости. Гражданская организация Византийской империи была продолжена. Магистраты сохранили те же титулы и осуществляли ту же юрисдикцию, что и раньше, всегда под надзором должностных лиц Дивана. Процедура древних судов была лишь слегка изменена. Права личности и собственности были полностью признаны. Свобода вероисповедания была гарантирована всем законопослушным данникам. Налогообложение было единообразным и регулярным; юридические наложения были гораздо менее обременительными, чем те, которые требовала тираническая алчность греческой администрации. При маврах все лица, чье состояние или немощи не позволяли им добывать средства к существованию, были освобождены от уплаты налогов; византийские налоговые агенты проводили свои безжалостные расследования в обителях беспомощности, болезней и нищеты. Мусульманский закон, регулирующий распределение поместий и права наследников, был настолько превосходно приспособлен для этой цели, что норманны продолжили его действие, с незначительными изменениями, после того, как он просуществовал почти два столетия. Не было конфисковано ни одной земли, кроме тех, которые были брошены своими владельцами. Число их было настолько велико, что они предоставляли достаточно места для поселений сарацинских колонистов, которые занимали наиболее ценные части штатов Трапани, Палермо и Агриджент.

Ограничения, наложенные на сицилийских христиан, были более суровыми, чем требования, предъявляемые к их испанским братьям. Общие положения мусульманского кодекса,

касающиеся запрещенных действий неверующих, разумеется, строго соблюдались. Христианские священники Сицилии, как и испанские, были вынуждены совершать обряды своей религии за закрытыми дверями. Как и им самим, им было запрещено публично обсуждать достоинства своего вероучения или пытаться привлечь прозелитов. Законы этого острова, учитывая численную слабость доминирующей расы, были на удивление суровыми. В знак унижения на домах христиан были нанесены особые знаки отличия; они были ограничены одеждой, отличающейся по материалам и цвету, и носили пояса из шерстяной ткани или кожи. Им запрещалось садиться на лошадь, иметь седла, носить оружие. Они не могли использовать печати с арабскими надписями или давать своим детям арабские имена. На улицах они уступали дорогу своим сарацинским хозяевам и всегда стояли со склоненными головами в их присутствии. Распитие вина на глазах у мусульманина каралось примерным наказанием. Ни одной христианке не разрешалось оставаться в бане с мусульманином, даже если последний был одной из самых смиренных служанок гарема. Если кто-либо из секты данников впускал раба мусульманина в свой дом, он подлежал крупному штрафу. Был запрещен громкий звон церковных или монастырских колоколов, а также чтение Священных Писаний в присутствии последователей Пророка. Ни один христианин не мог перекреститься публично. Малейшее вмешательство в мусульманское богослужение каралось смертью.

Несмотря на эти произвольные и часто деспотические законы, положение христиан Сицилии при арабах было в целом гораздо более приятным и процветающим, чем при греках. Освобождение от произвольного налогообложения обеспечивало прибыль промышленности. Каждая отрасль торговли была открыта для предприимчивых. Система гильдий и корпораций, существовавшая среди торговцев со времен римского владычества, оставалась неизменной. Если христианин сомневался в честности или дееспособности своего собственного судьи, он был волен передать свое дело кади, который выносил решение в соответствии с принципами и прецедентами мусульманской юриспруденции.

На Испанском полуострове церковное управление представляло собой странную и зловещую аномалию. Как представитель ислама был членом семьи Оммеядов, которая с самого начала использовала все влияние могущественной касты, чтобы свергнуть своего основателя и сделать его учение одиозным, так и теперь интересы христианства были переданы на милость его наследственного и самого безжалостного врага. Вестготские монархи, избираемые церковными соборами, в силу своего избрания были облечены определенной степенью святости и обладали достаточной духовной властью. Монарх практически контролировал политику Церкви. Его решение было окончательным во всех вопросах, недостаточно важных, чтобы быть представленными собравшейся мудрости великих церковных сановников королевства. Он посвящал епископов. Он безоговорочно пользовался священническими правами представления, перевода, посвящения. Он созывал соборы. Судьба каждого члена иерархии, от послушника до архиепископа, была в его руках. Даже митрополия Толедо, примас Испании, не могла быть занята без его санкции. Он мог назначить самого недостойного кандидата на самое высокое положение в священстве. Он мог произвольно смещать служителей, чья жизнь демонстрировала практику всех христианских добродетелей. Он толковал и диктовал применение сложных положений церковного права. Несмотря на очевидное господство священнического ордена в мирских делах правительства, с одной стороны, оно было в

значительной степени нейтрализовано, с другой стороны, влиянием короны на судьбы Церкви, влиянием всегда весомым и часто преобладающим.

Эти прерогативы, опасные для религиозной свободы и способные к злоупотреблениям даже в руках ортодоксального монарха, были переданы во всей их силе арабским халифам как владыкам утраченного наследия вестготских королей. Принцип, на основании которого такая власть могла перейти к главе враждебной секты, чьей клятвенной целью было уничтожение той самой религии, которую он, как предполагалось, в силу своего служебного положения обязан защищать, не был и никогда не может быть объяснен никакими соображениями чести, последовательности или справедливости. Это была практически вопиющая узурпация привилегий, на которые мусульманский суверен не мог претендовать даже на тень права. Это не было даровано завоеванием. Это не могло быть отнесено на счет юридической фикции. Верховенство в церковном управлении, где практика общественного богослужения гарантировалась договором, а духовенство покупало данью управление своими делами и поддержание дисциплины, конечно, не подразумевалось из того факта, что им пользовался правящий князь побежденной веры. Его мирное осуществление на протяжении веков — поскольку его обоснованность, похоже, не подвергалась сомнению в трудах даже самых фанатичных церковников — является одной из самых необычных проблем религиозной истории.

Последствия этого аномального состояния были, как легко можно предположить, фатальными для достоинства и порядка католической иерархии. Халиф был, по сути, духовным главой двух враждебных религий, возвеличивать одну из которых было его долгом, а также его склонностью; уничтожить другую его побудили предрассудки расы, наследственности и веры. Было мало испано-арабских монархов, которые не внесли свою лепту в деградацию христианства. Высшие должности Церкви были выставлены на аукцион. Ортодоксальность и пригодность кандидата никогда не принимались во внимание; его квалификация игнорировалась; и его успех зависел от суммы, которую он был готов выложить за желанное достоинство. В этой скандальной торговле женщины из гаремов и евнухи были признанными агентами покупателя. Эти сделки не были секретными. Практика симонии была настолько повсеместной, что даже величайшие преступники не пытались ее скрыть. Распутный каноник по имени Савл взял на себя письменное обязательство выплатить этим коррумпированным посредникам четыреста унций серебра за епископство Кордовы. Некоторые из тех, кто вырос в самых богатых епархиях полуострова, были еретиками или неверными. Не было ничего необычного в том, что прелат, даже во время Страстной недели, отказывался от служения у алтаря и предавался самым бесстыдным проявлениям пьянства и разврата. Постановления Церкви толковались людьми, не знающими первых зачатков церковного права. Священники, чей атеизм был печально известен, совершали таинства с притворным смирением и лицемерно утешали набожных. Если кто-либо из его паствы ускользал от розыска сборщика налогов, епископ, более верный власти, которой он был обязан своей властью, чем интересам конгрегации, которой он руководил, был готов предоставить желаемую информацию из реестров епархии и помочь в наказании правонарушителей. Когда прелат игнорировал вызов на собор, вакансия заполнялась назначением мусульманина или еврея. Подобные обстоятельства не благоприятствовали ни благополучию священнослужителей, ни успешному обращению в свою веру.

Злоупотребления властью также не ограничивались церковной системой. Графское звание, самая выдающаяся должность христианской магистратуры, также было предметом переговоров

и обмена. Возможности, которые это предоставляло для вымогательства денег, сделали это занятие одним из самых прибыльных в "даре халифа". Обычно им удаивался представитель вестготской знати, но алчность евнухов зависела скорее от средств, чем от рождения претендента; и лица низкого происхождения и сомнительной честности нередко получали желанное отличие, которое использовалось в основном в интересах их покровителей — финансовых чиновников и низших слуг гарема. Граф Сервандус, сын рабыни, живший во времена правления халифа Мухаммеда, был предан проклятию всех добрых христиан как один из самых жестоких и позорных угнетателей. Однажды он вымогал у своих несчастных вассалов огромную сумму в сто тысяч солидов, равную в наше время более полумиллиону долларов.

Различные ступени иерархии сохранились, как и до арабской оккупации. Под юрисдикцией архиепископов находилось обычное количество суфражисток; низшие чины духовенства, их клерки, певчие, чтецы и другие подчиненные. Для занятия должности священника было необходимо, чтобы оба родителя исповедовали христианскую веру; если отец был мусульманином, закон завоевателя предъявлял свои права к кандидату, который, считаясь мусульманином по рождению, подлежал осуждению за отступничество. В отличие от канонической практики других католических стран, священнослужитель имел право на должности самого выдающегося ранга, даже на само первенство, без принуждения проходить промежуточные ступени священства. В совершении обрядов христианского богослужения не уменьшилось ни пышности, ни торжественности. Соборы по регулированию церковного управления и дисциплины были даже более частыми, чем при вестготах; в девятом веке только в Кордове менее чем за тридцать пять лет было проведено три. Во многих монастырях были созданы школы для передачи знаний как по священным, так и по мирским предметам тем, чья религиозная щепетильность не позволяла им воспользоваться великолепными возможностями, предоставляемыми великими арабскими учебными заведениями. В некоторых из этих религиозных домов были обширные библиотеки, состоящие, однако, по большей части из трактатов по святоотеческой науке, полемике и агиологии. Святому Евлогию, встревоженному растущим влиянием мусульманских академий, которые представляли непреодолимую привлекательность для христианской молодежи, принадлежит заслуга в том, что он ознакомил своих соотечественников с произведениями Горация, Вергилия, Ювенала и других латинских классиков, экземпляры которых он приобрел во время визита в Наварру.

В Испании, как и на Сицилии, влияние Святого Престола исчезло с приходом мусульманского господства. Духовенство халифата стало независимым от папства и даже не признавало власти астурийского духовенства, члены которого проводили соборы и провозглашали каноны, сохраняя номинальную верность Риму. В период приостановления папского представительства митрополит Толедский был верховным главой испанской иерархии. Христиане Сицилии признали юрисдикцию Константинопольского патриарха. Во время мавританской оккупации Юга Франции в существующую религию почти не вмешивались. Графы не назначались для управления или угнетения побежденных. Ни один недостойный прелат не был назначен в богатые епархии в результате интриг или коррупции. Несколько церквей были преобразованы в мечети. Единственной попыткой сдержать приток христиан было стремление изолировать, насколько это возможно, духовенство провинциальных поселений от духовенства более крупных городов. Терпимость к мусульманскому правлению проявляется в огромном преобладании подвластной расы в Нарбонне, которая всегда была скорее христианской, чем мусульманской столицей.

Длительная независимость испанской церкви оказала немалое влияние на ее последующую историю. Его изоляция позволила ему сохранить незагрязненными древние формы и дисциплину, переданные церковной традицией с апостольских времен. Авторитет его соборов или действительность их канонов никогда не подвергались сомнению самими требовательными сановниками римской иерархии после того, как он снова признал юрисдикцию Папского престола. Его ортодоксальность никогда не подвергалась сомнению. В то время как Европа была охвачена ересью, ни один смелый религиозный новатор не угрожал целостности и не оспаривал власть церковного правительства полуострова. Его политика была враждебна изменениям в организации, в церемониале, в доктрине. Из всех религиозных церемоний христианского мира его литургия претерпела наименьшие изменения, даже не исключая ту, что использовалась в соборе Святого Петра в Риме. Когда в 1067 году король Альфонсо Леонский подчинил соперничающие требования готских и римских ритуалов сначала сражению, а затем испытанию огнем, христиане Аравийской Испании решительно придерживались древней и освященной временем формулы. Единственными зарегистрированными расколами были те, которые проистекали из противоречивых амбиций соперничающих прелатов. При железном правлении халифов никакие нерегулярные соборы не собирались, чтобы нарушить гармонию или возбудить сомнения верующих. Основным существовавшим злоупотреблением было мошенническое изготовление хартий, и множество этих благочестивых подделок, фальшивый характер которых был разоблачен, сразу указывают на легкость, с которой могли быть выпущены такие документы, а также на прибыль, которая, должно быть, сопровождала их изготовление. В целом спокойное положение мосарабов под властью Дома Оммея является лучшим доказательством того, что они пользовались благами гражданской и религиозной свободы.

Их социальные обычаи и образ жизни во многих деталях свидетельствуют о тесной связи с их хозяевами. Они забыли грубые выражения своих отцов. Арабский был языком, широко используемым всеми классами населения-данников, как евреями, так и христианами. Обязательным условием официального положения было то, что занимающий его человек должен был хорошо владеть этим языком. Святой Евлогий неоднократно выражает сожаление по поводу того факта, что его распространение было повсеместным на полуострове. Со временем ее популярность возросла и была настолько велика во времена господства Альморавидов, что архиепископ Севильи приказал перевести Библию на арабский, чтобы она была понятна священникам его епархии. Характерные фразы мусульманского общения, такие как “Да хранит тебя Бог!”, “Да упокоишься ты на небесах!”, постоянно звучащие на устах благоговейного мусульманина, составляли часть ежедневных приветствий каждого христианина. Они давали своим детям арабские имена. Их одежда и убранство были похожи на одежду доминирующей расы. Бросающиеся в глаза признаки деградации, навязанные мосарабам Сицилии, были неизвестны в Испании даже при фанатиках Альморавидов. Уверенность, которую питали к их верности, и уважение, с которым относились к их храбрости, проявлялись в том, что их постоянно зачисляли в телохранители халифов. Отчасти из желания снискать благосклонность своих правителей, а возможно, из убежденности в их физиологической пользе, они воздержались от свинины и приняли обряд обрезания — уступки, которые, будучи однажды предоставлены, практически оставили повторение мусульманской формулы единственным оставшимся барьером между последователями Христа и сектантами Мухаммеда. Эти обычаи, ранее неизвестные христианским общинам Европы, вызвали удивление и отвращение у крепкого старого монаха Джона де Горза, посла германского

императора при дворе Абд-ар-Рахмана. Он безмерно осудил их архиепископу Кордовы, который извинил их соблюдение под предлогом необходимости и как обычай, давно одобряемые Церковью, - заявление, которое указывает на то, что в десятом веке они уже использовались на протяжении многих поколений. В духе милосердия, сильно расходящемся с нетерпимой ненавистью, проявлявшейся к маврам в последующие века, молитвы за халифа регулярно возносились в каждой христианской церкви Арабской Испании.

Каждое дошедшее до нас обстоятельство, касающееся привычек и общения двух рас, доказывает, что, по крайней мере открыто, они не считали друг друга врагами. Огромное количество христиан с готовностью восприняли необычайные образовательные преимущества, предоставляемые школами и академиями халифата. Университет Кордовы, открытый для людей любого ранга, вероисповедания и национальности, посещали студенты-христиане, не только проживающие на полуострове, но и привлеченные почти из всех стран Европы. Неверующие доктрины, преподаваемые в этом знаменитом учебном заведении, долгое время вызывали неприязнь мусульманских богословов; но предрассудки, которые они возбуждали среди ортодоксальных мусульман, были гораздо менее сильными и ожесточенными, чем отвращение, которое испытывало к исповедующим эти взгляды католическое духовенство. Смешанные браки были частым явлением, хотя общественные настроения, а также политика ислама не поощряли подобные союзы. Гораздо большее число женщин, чем мужчин, отказались от веры своих предков вследствие этих союзов, и большинство прозелитов были теми, кто принял религию Мухаммеда.

Важные гражданские должности неоднократно присваивались христианам, выдающимся своими талантами и честностью. Возражений факиев и объединенного влияния Дивана едва ли было достаточно, чтобы помешать Абд-ар-Рахману III назначить отступника, оба родителя которого были христианами, на должность великого кади Кордовы, высшую судебную должность империи. Последний монарх обычно нанимал христианских прелатов для выполнения миссий, требующих проявления величайшего такта и способностей. Раби, архиепископ Кордовы, неоднократно направлялся в качестве посланника при дворах Германии и Константинополя. Именно ему была доверена перевозка ценных подарков от императора Востока халифу, среди которых были фонтаны дворца Медина-аз-Захра. Епископ Гранады был выбран для того, чтобы добиться отзыва германским императором оскорбительного письма, которое было поручено доставить фанатику Джону де Горзе, - задача огромной ответственности, за которую мало кто был компетентен или хотел взяться. Другой прелат епископального ранга также был отправлен Абд-ар-Рахманом поздравить Отона с его победой над венграми. Пристрастие Али к членам номинально предписанной секты постоянно вызывало возмущение и тревогу фанатиков-альморавидов.

Христиане не были отстранены от наиболее ответственных должностей в мавританском налоговом управлении. Они умело и добросовестно выполняли обязанности, связанные со всеми видами использования доходов. Членам их секты неизменно поручался сбор дани, причитающейся с их единоверцев. Тысячи из них служили в мусульманских армиях. Когда Барселона была осаждена франками, христианские жители этого города сражались бок о бок с мусульманами против ортодоксального короля Аквитании. Из всех национальностей испанские христиане считались наиболее достойными охранять священную личность халифа. Ни в один период арабского господства они не были полностью исключены из двора. Под управлением альморавидского султана Али, который выделялся среди фанатичных принцев своего рода

строгостью своей ортодоксальности и аскетизмом манер, мосарабы пользовались большой популярностью и оказывали почти преобладающее влияние в правительстве.

Хотя теоретически данник принадлежал к низшей касте, на самом деле неопытный глаз не мог отличить его от приверженца ислама. Его жизнь, его привычки, его язык были такими же. Его дом был точной копией дома его соседа-мавританца; его одежда была скроена по восточному образцу. Его манеры больше не напоминали о грубости его готских предков. Когда позволяли его средства, он шел на многое в удовлетворении склонностей, порицаемых канонами его Церкви, — развлекал катамитов, предавался полигамным обычаям и наполнял свой гарем рабынями, охраняемыми свитой евнухов.

Но в то время как демаркационная линия между мусульманством и христианством была, таким образом, слабо очерчена и грозила со временем полностью исчезнуть из-за слияния двух рас, в умах не только фанатиков враждебных сект, но и широких масс все еще существовала глубокая и непримиримая антипатия. Этот предрассудок усердно и успешно поддерживался мусульманскими факи, а также христианским духовенством. Данники, хотя и были, по-видимому, на грани слияния с телом завоевателей, на самом деле были изолированы от них самыми сильными эмоциями, которые могут влиять на человеческое сердце. Никакие уступки не могли полностью искоренить предрассудки, проистекающие из различий в религиозных верованиях. Никакая фамильярность социальных отношений не могла изгнать унижительные воспоминания о завоеваниях. Никакие политические почести не могли компенсировать ущерб, нанесенный расовой враждой. Таким образом, фактическое положение испанских христиан было обратным тому, которое демонстрировала их повседневная жизнь. При наличии взаимного антагонизма, тем более жестокого из-за того, что он подавлялся, не могло быть полного слияния рас. Возвышенный дух религиозного энтузиазма, который мог добровольно прибегнуть к мукам мученичества, не способствовал национальному отступничеству.

И все же обстоятельства, которые кажутся наиболее заметными и жизненно важными при рассмотрении этого этнологического парадокса, по-видимому, указывают на противоположный вывод. В целом существовала общность обычаев, в которых всегда преобладали арабские. Мусульманские гаремы были наполнены христианскими девушками, которые без колебаний и компенсации отреклись от веры своих отцов. Искраженный латинский диалект вестготов, запрещенный Хишемом I., был почти вымершим. Закон запрещал это ни в письменной, ни в устной форме; и оно сохранилось только в массивных томах Отцов Церкви или в уединенных беседах обитателей монастырей. Тем же указом халифа образование в арабских школах было объявлено обязательным. Альварус, писавший примерно в середине девятого века, заявляет, что среди тысячи христиан нельзя было найти ни одного, кто мог бы составить письмо на латыни. С другой стороны, популярность арабских писателей и энтузиазм, с которым их сочинения читались людьми всех возрастов, были в глазах благочестивых священнослужителей национальным скандалом. Растущая склонность к отступничеству, естественный результат этих объединений, также была одной из главных проблем испанского духовенства. Как уже говорилось, это факт, хорошо установленный неохотными свидетельствами самих Отцов Церкви, что большая часть покоренной нации отпала от христианства.

Многие причины сговорились, чтобы создать такое плачевное положение дел. Географическая изоляция полуострова, который всегда имел тенденцию сохранять неизменными умственные и физические характеристики своего народа, также оказала немаловажное влияние на

национальную веру. Эта страна, даже во времена сарацинского нашествия, была христианской только по названию. Она никогда полностью не отказывалась от своих языческих форм или традиций. Это было последнее королевство Европы, номинально принявшее новую религию. Его вероучение долгое время было неортодоксальным, и от этого вероучения оно отказалось без возражений или сожаления по приказу своего суверена. Деспотическая власть иерархии никогда не была в состоянии отменить обряды языческой древности, которые были включены в церковный ритуал. Население, отпрыски десятков наций, каждая из которых поклонялась различным божествам и была знакома с мошенническими претензиями многих священнослужителей, претендующих на вдохновение, было склонно дискредитировать и высмеивать их всех. Для такого общества религиозные исповедания и формальности, естественно, были безразличны. Нация, которая могла спонтанно отказаться от ереси Ария, без колебаний приняла бы монотеистические доктрины Мухаммеда. Со стороны мусульман, что касается их приверженцев, не было никаких открытых стимулов к отступничеству. Практика ислама препятствовала активному обращению в свою веру, пропагандируемому другими сектами. Обращение данника-христианина, если только он не нарушил закон, должно быть добровольным, и обязательство, однажды принятое, никогда не может быть отменено.

Благосклонность, которой пользовался отступник, была, однако, гораздо более мощным стимулом, чем любые обещания служителей религии. Отступник сразу же был принят в полное социальное общение со своими бывшими хозяевами. Он имел право на высшие политические и военные почести. По крайней мере, теоретически, никакое клеймо не могло быть наложено на его прежнее состояние или прошлое. Равенство всех людей, исповедовавших его догматы, было, как хорошо известно, кардинальным принципом закона Пророка.

Для раба эти соображения взывали с особой силой. Десятки тысяч представителей этой угнетенной и деградировавшей касты были одним махом переданы военной удачей из рук одного хозяина в руки другого. Множество пленных было взято в бою. В умах лишь немногих из этих несчастных религиозные обязательства были глубоко укоренимы. Хотя эмансипация не всегда следовала за исповеданием ислама, обычно это происходило; и положение раба всегда значительно улучшалось благодаря этой уступке предрассудкам того, кто регулировал его поведение и контролировал его судьбу. Принимая во внимание эти факты, нет ничего удивительного в том, что множество рабов приняли мусульманские доктрины.

Религиозная свобода христиан при мусульманском правлении в основном зависела от предрассудков их собственного духовенства, характера доминирующей фракции и нрава монарха. Положения договоров, гарантировавших их привилегии, поначалу строго соблюдались. Однако общий приток иностранцев-фанатиков со временем вызвал сильное общественное мнение против запрещенных данников. Иногда их лишали их молитвенных домов. С них часто требовали произвольных пожертвований. Однажды христиане Кордовы были вынуждены внести в казну сумму в сто тысяч золотых монет, то есть почти миллион с четвертью долларов. Доходы Церкви были настолько подорваны этими тяжкими поборами, что священнослужители часто были вынуждены заниматься коммерческой деятельностью, чтобы обеспечить насущные потребности своего ордена. Некоторые везли изделия из Кордовы в Германию. Другие путешествовали в качестве коробейников по Франции. Торговый священник мавританской Испании был хорошо известен на рынках Генуи и Константинополя. Люди в церковных одеждах больше не были в безопасности в общественных местах. Во времена Альморавидов, когда по улицам проходил христианин, толпа шарахалась от него, как от

больного чумой. Религиозные процессии были забросаны толпами улюлюкающих детей, и тем, кто принимал в них участие, повезло, если они избежали серьезных травм. Звон церковных колоколов вызвал громкие угрозы и проклятия невоздержанных фанатиков. Распад общины на Страстной неделе часто был сигналом к беспорядкам. Когда труп христианина опускали в могилу, насмешливые прохожие призывали Аллаха отомстить идолопоклоннику.

Духовенство, против которого в основном были направлены эти оскорбления, естественно, было возмущено унижением, которому подвергались их вероучение и профессия. Их невежество, несмотря на пример и преимущества мусульманской цивилизации, которые всегда были у них перед глазами, было не менее глубоким, чем у их братьев из католической Европы. Имея любую возможность ознакомиться с догматами ислама и досконально владея арабским языком, они упорно отказывались удостоить предполагаемые откровения Пророка своим вниманием или прочтением. Свое мнение по этому вопросу они почерпнули из трудов монахов-фанатиков, таких же невежественных, как они сами, и даже более фанатичных, чем они сами. Мудрый вывод, к которому они пришли в результате этих исследований, заключался в том, что доктрины самых бескомпромиссных монотеистов и разрушителей образов были языческими и идолопоклонническими.

Опасаясь насилия, если они осмелятся показаться на людях, они почти постоянно оставались в уединении своих жилищ. Даже священный призыв долга оставался без ответа. Часто месса не служилась неделями. Кафедра и исповедальня были пусты. Умирающие уходили из жизни нераскаянными. Обезумевшие от ярости и ужаса, они были едва доступны даже сочувствующим им прихожанам, которые сами подвергались риску жестокого обращения со стороны населения во время своих визитов в епископский дворец и дом священника. Размышляя о своих грехах, воодушевленные обещаниями и увещеваниями Отцов Церкви, применяя тексты Священного Писания к своей цели, постясь много дней подряд, часами молясь, измученные покаянием, они достигли наивысшего накала энтузиазма. Из такого состояния легко перейти к мученичеству.

Гонения на христиан Испании были, по большей части, при правлениях Абд-ар-Рахмана II и Мухаммеда. Неприятности, которым они подвергались, ни в коем случае не были столь серьезными, какими они стали впоследствии, когда преобладало влияние африканцев. Слово "преследование", подразумевающее тираническое злоупотребление высшей властью, неприменимо к обстоятельствам, при которых мосарабы были отправлены на эшафот. Они были скорее преступниками, чем мучениками. Они добровольно принесли себя в жертву. Они осудили религию ислам как ложную и идолопоклонническую. Они поносили имя Пророка. Они ворвались в мечети. Когда с минарета раздался голос муэдзина, они перекрестились и воскликнули: "Спаси нас, о Господь, от призыва Лукавого, как сейчас, так и в вечности!" В своем стремлении добиться уничтожения они пробивались в суды и в присутствии судьи произнесли свои богохульства. Эти неистовые энтузиасты не уважали даже величие трона. Святой Пелаюс прямо в лицо назвал халифа собакой. Святой Исаак, не удовлетворившись тем, что осыпал Мухаммеда оскорблениями, грубо оскорбил великого кади Кордовы. Такие преступления карались смертной казнью по закону и не допускали ни смягчения, ни помилования.

Сначала магистраты, движимые удивлением и состраданием, отказались осуждать лиц, чьи действия, по-видимому, можно было объяснить только опьянением или безумием. Но

обманутые негодяи не принимали снисхождения. Брошенные в тюрьму, они продолжали свои оскорбления. Их ложное рвение, ошибочное постоянство и самоистязания породили множество подражателей. Их кельи стали местами паломничества. Из них каждый день выходили новые кандидаты на благочестивое рассмотрение, новые жертвы для палача. Некоторые были повешены, другие обезглавлены. Немало людей было сожжено на костре, а их пепел выброшен в реку. Горькие чувства, порожденные религиозными спорами, испытывали не только мусульмане. Кровные узы на какое-то время казались забытыми или игнорируемыми. Места, где скрывались обвиняемые, были раскрыты их собственными родственниками. Братья и сестры доносили друг на друга ради имущества, которое они могли унаследовать. Но наказание только усугубляло зло. Число мучеников постоянно умножалось. Великое множество из них были мирянами. Юноши нежного возраста вызывали удивление и восхищение набожных людей смелостью своих высказываний и непоколебимым мужеством, с которым они встречали свою судьбу. Хрупкие женщины проходили босиком целые лиги, номинально, чтобы разделить славу смерти за Веру, на самом деле, чтобы добиться сурового наказания за нарушение закона.

Зараза примера быстро распространилась по христианской общине Кордовы. Теперь ни одно отличие не было настолько почетным, чтобы стоять в первых рядах хулителей Пророка. В этом благочестивом и достойном уважения выступлении светское духовенство, однако, не бросалось в глаза. Их жизни были слишком драгоценны, чтобы подвергать их опасности, пока члены их паствы стремились продемонстрировать свою готовность умереть за извращенный религиозный принцип, включающий неспровоцированное нарушение контракта, от которого они получали безопасность богослужения, жизни и имущества. Втайне они способствовали росту безумия молитвами и яростными увещеваниями. Порыв к духу спонтанного мученичества в немалой степени стимулировался почестями, воздаваемыми жертвам. Независимо от римского и астурийского влияния, андалузская иерархия без промедления удостаивала отличия канонизации каждого стремящегося к небесной славе. Их останки были переданы церквям, где они сразу же начали проявлять свои сверхъестественные способности в ответ на молитву, в исцелении от болезней, в совершении зловещих и поразительных чудес.

Мусульманские власти были потрясены странным поведением своих данников, равнодушных как к призывам к милосердию, так и к страху наказания. В надежде пресечь зло быстрыми мерами Абд-ар-Рахман II разрешил публичным указом любому немедленно убить христианина, виновного в богохульстве. Этот указ, хотя и не достиг полностью своей цели, уменьшил число претендентов на мученическую смерть и привел к значительному увеличению числа отступников и беглецов.

Но мания, побуждавшая самых фанатичных к самопожертвованию, была далека от того, чтобы заразить все христианское население столицы. Многие с неодобрением смотрели на курс, который в конечном итоге должен был привести к угнетению их секты, увеличению ее бремени, ограничению ее привилегий. Они предвидели, что действия нескольких безответственных личностей вскоре будут рассматриваться мусульманским правительством как санкционированная политика Церкви. Многие христиане занимали должности в администрации. Если эти беспорядки продолжатся, то это был только вопрос времени, когда они будут уволены со своих должностей. Халифат был тогда на пике своего могущества. Если произойдет восстание, спровоцированное духовенством, что не казалось невероятным, то вся секта данников может быть истреблена; и действительно, нетерпимые африканские марабуты уже яростно настаивали на этой мере. В любом случае, имело бы место произвольное

налогообложение, конфискация, насилие, изгнание. Доведенные до крайности, наиболее трезвомыслящие христиане обратились к халифу с просьбой созвать совет, чье решение могло бы быть авторитетным и окончательным при определении долга народа в нынешней чрезвычайной ситуации.

Все прелаты, находящиеся под юрисдикцией халифата, были соответственно созваны. Абд-ар-Рахман назначил своим представителем чиновника по имени Гомес, видного деятеля администрации, номинально приверженца христианской общины, но подозрительной морали и более чем подозрительной ортодоксальности. Он был человеком с прекрасным образованием, заметными талантами, изысканными манерами, невыносимой гордыней и огромным богатством. Глава фракции, которая тщетно пыталась обуздать растущую склонность к мученичеству, угрожавшую уничтожением его секты, он навлек на себя безмерную ненависть духовенства. Полностью осознавая фатальные последствия безумных поступков своих единоверцев, если их не сдерживать, его интерес совпадал с его склонностью подавлять опасные проявления их невозддержанного рвения, пока не стало слишком поздно.

С большим умением и красноречием он изложил свои взгляды совету. Собравшиеся прелаты, благоговевшие перед правительством и не испытывавшие особого сочувствия к тем, кто подрывал авторитет их ордена, были не прочь осудить этих фанатичных самоубийц. Но здесь возникла серьезная трудность. Мученики были канонизированы. Их мощи уже продемонстрировали свою святость, совершив чудеса. Их тела хранились в тени алтаря; их деяния и их страдания теперь стали частью истории Церкви. Поэтому было явно невежливо, равно как и кощунственно пытаться лишить их ранга в небесной иерархии, который был дарован непогрешимой мудростью Бога. Средний путь был возможен. Совет, умолчав о прошлых мученических смертях, запретил их в будущем. Как и все меры выжидания, направленные на исправление глубоко укоренившихся злоупотреблений, это уклонение от решения вопроса сделало ситуацию хуже, чем раньше. Экстремисты, возглавляемые святым Евлогием, заявили, что истинное мнение собора явно противоречило тому, которое оно выражало, поскольку оно не признало заслуживающими порицания деяния тех, кто пострадал за Веру. Священники продолжали разжигать рвение своих введенных в заблуждение прихожан; энтузиасты продолжали возмущать святость мечетей и достоинство трибуналов, и казни безжалостно продолжались. Рекафред, архиепископ Кордовы, раздраженный презрением, с которым было воспринято постановление совета, искренне сотрудничал с мусульманами в наказании преступников, которые теперь были запрещены как правительством, так и церковью. Многие непокорные священники были схвачены и брошены в тюрьму. Другие с большим трудом избежали розыска властей. Среди последних был святой Евлогий, у которого, как и у многих его святых братьев, заслуги мученичества казались наиболее славными, когда приобретались за счет страданий других. Эти решительные меры наполнили души избранных ужасом. Нескольким удалось бежать в Астурию. Значительное число людей, включая тех, кто громче всех восхвалял святых и, по-видимому, больше всего стремился последовать их примеру, отступили.

Так называемые преследования, начатые при Абд-ар-Рахмане II и продолженные при Мухаммеде, продолжались восемь лет. Произведения современных церковных писателей убедительно устанавливают тот факт, что это было спровоцировано насилием самих христиан. Из тех же источников становится очевидным, что его последствия и важность были сильно преувеличены. Мемориал святых Евлогия, последней и самой выдающейся из предполагаемых

жертв мусульманской тирании, содержит имена сравнительно небольшого числа мучеников. Но сорок четыре человека упомянуты эрудированным историком Флоресом, чье прилежное усердие свело воедино обширные записи, относящиеся к агиологии того времени, как они были казнены в Кордове. Некоторые из них были женщинами, между которыми и их товарищами-мужчинами по страданиям и славе, как наивно заявляет благочестивый хронист, существовало “таинственное родство”.

С упадком империи, преобладанием анархии и господством берберов положение испанских христиан становилось все более и более удручающим. Приостановление действия законов предоставило все возможности для их угнетения. Их церкви были снесены. Их имущество было конфисковано. Потомки сторонников Ибн-Хафсуна поддерживали переписку с кастильским врагом. Альфонсо Арагонский пересек полуостров от Эбро до моря по приглашению мосарабов Гранады. Десять тысяч последних сопровождали его в отступлении. Месть, которую мавры этого королевства учинили своим вероломным вассалам, была ужасной. Экспедиция привела к не менее печальным результатам в Кордове. Почти все церкви были разрушены, христиан пытали, лишали их имущества и депортировали в Африку.

В начале двенадцатого века несчастья подвергшихся жестокому обращению сектантов достигли своей кульминации. Альмохады, когда над ними не доминировали марабуты, были склонны к терпимости. Арабские хроники, повествующие о мавританских княжествах, не упоминают тему преследований, и никаких христианских записей того времени не сохранилось. Мосарабы королевства Гранада пользовались наибольшей свободой. На Сицилии в течение всего периода мусульманского господства мученическая смерть была чрезвычайно редкой.

Учитывая широко распространенное отступничество, последовавшее за арабским завоеванием, примечательно, если смотреть только с мирской точки зрения, что все христианское население полуострова не стало мусульманином. Нет сомнений в том, что те, кто оставался неизменно непоколебимым в вере, составляли явное меньшинство. Немалое количество прозелитов было набрано из класса патрициев. Среди огромного числа крепостных и рабов было мало таких, кто не был готов отречься от своей религии ради определенного наслаждения свободой и лестной перспективы будущих удобств или отличий. Большинство притоков провинции Севилья рано отказались от христианского общения, и во время правления Абд-ар-Рахмана II. специально для их проживания была построена великолепная мечеть. Большинство пленных, взятых на войне, без колебаний приняли доктрины ислама. Оставляя в стороне влияние той Божественной Силы, которая должна была сохранять своих слуг в самых суровых испытаниях, можно сказать, что могли возникнуть обстоятельства политического или социального характера, препятствующие массовому отступничеству нации.

И это действительно было так. Обращение, которому подверглись ренегаты, является единственным примером из многих, наиболее важным для определения причин упадка прозелитизма. В этом классе вольноотпущенники в значительной степени преобладали численно. Несмотря на номинальное равенство ренегата, предоставленное его бывшими хозяевами в начале, это равенство теперь никогда не признавалось. Клеймо рабства, которое закреплялось за большинством, стало несправедливым упреком касты. В то время как многие были искренни в своей вере, другие прилагали небольшие усилия, чтобы скрыть заинтересованные мотивы, побудившие их к обращению. Осознание этого факта побудило мусульман относиться ко всем обращенным с величайшим пренебрежением. Они были

публично оскорблены. В их адрес посыпались оскорбительные эпитеты. Даже те, чьи предки принадлежали к числу самых выдающихся представителей готской аристократии, не были избавлены от насмешек мусульманского сброда. Обладание огромным богатством, репутацией гения, вкусом или образованности не давало иммунитета от возмущения со стороны самых подлых представителей человечества. Редко случалось, чтобы ренегат, какими бы выдающимися ни были его способности, получал ответственный пост в правительстве. Даже у христианина было гораздо больше шансов на официальное продвижение по службе последователями Пророка, чем у недавнего обращенного в ислам. Не в характере многочисленной и могущественной касты, страдающей от незаслуженного унижения и сознающей свою силу, было спокойно мириться с такой несправедливостью. Прошло совсем немного времени, прежде чем эта разрушительная политика, которая, как и многие другие пороки, поразившие мусульманское господство, коренилась в арабской гордыне, привела к важным политическим результатам. Это поощряло изменническую переписку с христианами Севера. Это подняло шпионов в каждой общине. Это спровоцировало кровавое восстание в южном пригороде Кордовы во время правления Аль-Хакема I. Он набрал армию Ибн-Хафсуна, который в течение тридцати лет бросал вызов власти халифата. Отступникам, численность которых превосходила все остальные классы вместе взятые, не хватало только организации и руководства, чтобы сбросить своих надменных угнетателей в море. Когда власть арабской фракции была уничтожена, их положение улучшилось, но пыл прозелитизма исчез. Такой опыт, как правило, скорее укреплял, чем ослаблял веру колеблющихся.

Распространенной апатии способствовали и другие причины. Политеократический характер мусульманской конституции подразумевал для всех верующих активное применение сверхъестественной силы. Глава правительства был одновременно Преемником и Представителем Пророка. Система, претендующая на божественное превосходство, должна быть во что бы то ни стало свободна от беспорядков, от пороков, от раскола; ее непогрешимость должна быть продемонстрирована исключительной мудростью ее постановлений; ее знамена никогда не должны быть приспущены. И все же ислам был раздираем фракциями и противоречиями. Соперничающие князья со всех сторон заявляли о своих противоречивых притязаниях. В неразберихе враждующих сект всегда было невозможно отличить еретика от ортодокса. Мусульманские армии часто с позором отступали перед полудикими и плохо экипированными астурийскими горцами. Испытанный стандартами средневекового невежества, стандартами, основанными на единстве целей и непобедимости в войне, ислаимзм был ничем не лучше верований, которые он вытеснил.

Опять же, результаты мусульманской цивилизации, преимущества которой были очевидны для наименее разборчивых, не были получены благодаря усилиям правоверных. Теологи, без исключения, были обструкционистами. Они осуждали ученость. Они осуждали философию. Для них изящные занятия литературой были мерзостью. Как правило, они не имели ничего общего с учеными Кордовы, известными своим остроумием, вежливостью, своей культурой. Их личностями пренебрегали, их манеры были неотесанны, язык груб, неграмотен и дерзок. По их мнению, безумец был вдохновлен, а научный инструмент - изобретением сатаны.

Однако не так обстояло дело с выдающимися наставниками, которые направляли общественное сознание нации, которые передавали знания нетерпеливым паломникам из чужих стран. Молодые христиане с удовольствием посещали их лекции. Не было предмета, по которому они не были бы компетентны рассуждать; не было темы, которую они не осветили бы

своей ученостью и не украсили своим красноречием. Почти все они были теми, кого в наши дни называли бы агностиками. Некоторые были признанными атеистами. Другие склонялись к индийскому пантеизму. Никто не упоминал без презрительной усмешки о небесном происхождении Корана или о притязаниях Пророка на божественное вдохновение.

Кордовский университет был резиденцией литературной фракции, влияние которой долгое время было первостепенным в империи. Хотя его упражнения иногда проводились в Большой мечети, он не испытывал симпатии ни к религии, ни к ее служителям. Его безбожные учения на протяжении поколений были предметом порицания благочестивых факиев и отвращения католического духовенства. Его двери были открыты для прилежных представителей всех рас; его почести воздавались заслуженному ученому, независимо от его веры или происхождения. В его огромной библиотеке мусульманин, христианин, буддист и еврей проводили свои исследования в великодушном соперничестве или дружеском сотрудничестве.

При таких неблагоприятных обстоятельствах неудивительно, что обращение христиан в исламизм было надолго приостановлено. Нападения на прозелитов, частые восстания, путаница в доктринах, вульгарность теологов, неверность тех, кто лучше всего способен определять ценность устоявшихся мнений, и неограниченное пользование образовательными учреждениями были серьезными препятствиями, а не стимулами к смене религиозных убеждений.

Жестокая враждебность, которая всегда проявлялась Апостольской Церковью ко всем видам нечестивого обучения, — результат огромной силы, успешно применявшейся на протяжении многих веков для деградации разума, извращения понимания, затмения благородной способности разума, — не внушала страха более просвещенной части христианского населения халифата. Там, в присутствии непревзойденных достижений мусульманского гения, суровая нетерпимость патристики не могла устоять перед либеральной политикой ислама и ежедневным применением возвышенного чувства его Пророка: “Кто следует путем знания, Бог направит его на дорогу в Рай. Воистину, превосходство ученого человека над простым верующим подобно превосходству полной луны над всеми звездами!” Демонстрация всеобщего милосердия, широкой филантропии, беспристрастно даруемых образовательных преимуществ в противовес узким принципам их собственной общины; подавляющее превосходство мусульманской цивилизации; мощное влияние повседневного общения и личного примера; поразительный рост коммерческого процветания и мирского величия; заманчивая перспектива плотских удовольствий, хотя они и не могли способствовать обращению в свою веру, тем не менее подрывали веру и постоянство христианской молодежи.

Учения кордовских философов не способствовали поддержанию ни устоявшихся догм, ни церковного превосходства; и духовенство с нескрываемым ужасом наблюдало растущее преобладание вялости и скептицизма. Преобладание испанских арабов во всех областях литературной культуры, их выдающиеся военные успехи, их интеллект, их доблесть, их вежливость, обольстительная сила их великолепия и богатства оказали гораздо большее влияние на умы подрастающего поколения христиан, чем обманчивые обещания и бессильные анафемы, еженедельно провозглашаемые с тысячи кафедр. И действительно, контраст, представляемый двумя соперничающими религиями, был наиболее поразителен для непредвзятого искателя истины. С одной стороны, церковь с ее гулками сводами и мрачным замогильным склепом; монастырь с его лишениями; реликварии с их отвратительными

запасами увядшей плоти и гниющих костей; несоответствия системы, которая насаждала милосердие и велела преследовать; неумолимая тирания духовенства; систематическое препятствование обучению; исповедь с ее принудительным раскрытием секретов; месса с ее монотонными службами и ритуалами на неизвестном языке; епитимья с ее страданиями и унижениями. С другой стороны возвышалась мечеть, легкая, воздушная, прекрасная; ее изящный минарет устремлялся к небесам; ее двор, затененный пальмами и апельсиновыми деревьями, благоухающий смешанным ароматом тысячи экзотических растений, мелодичный плеском кристально чистой воды; ее стены покрыты лабиринтом замысловатой и блестящей лепнины; ее потолок украшен золотыми текстами Корана; ее святилище сверкает мозаикой, чей изысканный узор соперничает с легендарными творениями гениев; проповедь, понятная самому скромному и неискушенному слушателю; храм, украшенный мозаикой. молитва, примечательная серьезностью, простотой, благоговением. С этой стороны были продемонстрированы искусственные добродетели и отвратительная распущенность, неотделимые от неестественных условий безбрачия; принесение в жертву любого развлечения, делающего здоровье достижимым, а существование привлекательным; угрюмый аскетизм монашеского уединения; плохо скрываемые излишества, которыми человеческая природа пытается компенсировать ограничения, налагаемые организованным лицемерием; напрашивающееся мученичество полусумасшедшего фанатика; жестокое преследование неверных и раскольников; освященный пример церковного невежества, морального унижения и физического насилия. примесь. С другой стороны, были прелести гарема; физическая и умственная энергия, получаемая от постоянных упражнений мускульной системы и интеллектуальных способностей; преимущества, вытекающие из практики частого омовения; дворцовое убранство общественных бань; бесчисленные удобства, изобретенные или принятые обществом, всегда готовым ухватить каждую новую идею, извлечь пользу из каждого прошлого опыта; преимущества метода образования, не имеющего себе равных по совершенству и недоступного даже мудрейшим учителям древности; обширные библиотеки, наполненные запасами древних знаний; лекции лица; лучшие учебные заведения. любопытные эксперименты научных наблюдателей; занимательные сцены общественных празднеств; оживленные диспуты ученых собраний.

Юриспруденция ортодоксального верующего была неизменно подчинена требованиям суеверия. Его дело определялось неопределенными результатами судебного разбирательства, клятвами предвзятых соперников, несерьезными испытаниями водой и огнем. Сектанта Мухаммеда судил кади, магистрат, руководствующийся установленными принципами права и связанный религиозными, а также светскими соображениями для беспристрастного отправления правосудия.

Когда христианин заболел, предпринимались попытки изгнать злого духа, которому приписывались его страдания, привязывая его к алтарю, призывая святых, прикладывая реликвии и освященные амулеты. Мусульманин был доставлен в больницу, предоставленную и поддерживаемую королевской милостью; причина его жалобы была установлена; и во время своего пребывания он безвозмездно получал усердное внимание медсестры и разумную заботу хирурга.

В то время как одержимые священниками крестьяне Пиренеев и Роны осуждали сарацин как врагов Божьих и бич человечества, христианин, который жил в безопасности под его властью, пользовался его расположением, разделял его гостеприимство, пользовался его

наставлениями, слишком хорошо понимал клевету этих утверждений и то, что объект их клеветы при случае проявлял все благородные качества верного друга и храброго и рыцарственного врага. Разногласия арабов и их недоброжелательное обращение с теми, кто добровольно принял их веру, в значительной степени способствовали предотвращению слияния рас, даже тогда находившегося далеко на пути к завершению. Если бы не вмешались эти причины, вероятно, прошло бы всего несколько столетий, прежде чем подчиненная нация, уже тесно связанная с господствующей кастой узами брака, кровного родства и интересов, тесными торговыми связями, мощным влиянием привычек, образования и языка, могла бы полностью стать мусульманской. Как бы то ни было, между христианскими вассалами испанских халифов и их владыками всегда существовало большее родство, чем между членами нескольких группировок самих арабов, чья неугасимая ненависть, плод вражды бесчисленных поколений, в конечном итоге привела к разрушению их империи.

ГЛАВА XXVI

МОРИСКО

1492-1609

Состояние королевства после завоевания—Превосходство мавров—Политика короны—Введение Священной канцелярии—Администрация Талаверы—Его популярность—Его место занимает Хименес—Два великих испанских кардинала—Их противоположные характеры—Влияние на их возраст—Жестокость Хименеса—Он сжигает арабские рукописи—Восстание Мориско—Разгром в Сьерра—Бермеха—Фанатизм Изабеллы—Мавры при Карле V.—Преследования духовенства и инквизиции при Филиппе II.—Война в Альпухаррас-Ибн—Оммея—Операции дона Иоанна Австрийского—Изгнание мавров из Гранады—Смерть Ибн—Оммеи—Ибн—Абу становится королем—Осада Галеры—Зверства кампании—Судьба Ибн—Абу—Положение Мориско в Испании—Они изгнаны Филиппом III.—Их страдания—Влияние их изгнания на процветание королевства.

Завершение Реконкисты привело испанскую монархию в состояние физического и финансового краха. Содержание огромной армии в течение десяти лет с вытекающими отсюда потерями в битвах, переохлаждении и болезнях значительно уменьшило население. Казна давно была истощена. Королева заложила свои драгоценности банкирам Валенсии и Барселоны. Богатые подданные были вынуждены переводить средства правительству методами, эквивалентными конфискации, что давало лишь слабые надежды на окончательное возмещение. Национальный кредит был практически уничтожен. Отсутствие наиболее трудолюбивых граждан на военной службе, неисправимая праздность тех, кто остался, подорвали развитие сельского хозяйства, от которого зависели ресурсы королевства. Если бы не налоги и чрезвычайные контрибуции, взимаемые с еврейских и мусульманских данников, война не могла бы завершиться успешно. Эти две секты, занимавшие аномальное положение в политической системе, насчитывали более двух миллионов человек. Несмотря на столь низкую численность, они занимались торговлей и контролировали личную собственность на полуострове. Еврей, который с огромной прибылью занимался близкой, но непопулярной профессией ростовщичества, превращал свои доходы в деньги и драгоценности. Мудехар,

которые после завоевания уступили место мориско, памятуя о заповеди Корана, которая провозглашает трудолюбие добродетелью и клеймит праздность как преступление, были самыми трудолюбивыми и успешными земледельцами, самыми искусными ремесленниками. Представители этих двух классов руководили деятельностью крупнейших торговых домов в главных городах, и торговля всей страны была практически в их руках. Кастильские хозяева недоброжелательно относились к их процветанию, и мусульмане были особенно объектом этой враждебной пропаганды. На протяжении поколений первые занимались славным, но жестоким призванием к оружию. У них каждое занятие, которое подразумевало или требовало выполнения ручного труда, считалось недостойным и унижающим достоинство. Столетия непрерывающихся войн сформировали у всей нации военный характер с его неизбежными сопутствующими факторами - гордыней, тиранией и высокомерием; и эти чувства были во сто крат усилены расовой ненавистью и сектантскими предрассудками. С древнейших времен мавры считались незваными гостями, едва ли имеющими обычные неоспоримые права завоевателя. Приобретение их владений благодаря испанской доблести всегда рассматривалось как восстановление прежнего неотъемлемого владения, а не как новая территория, отвоеванная у противника благодаря превосходящей силе и доблести. Установление католической веры было, по мнению искусных казуистов, дополнительным аргументом в пользу их титула, поскольку считалось, что освящение алтарей христианству дает права, которые никогда не могли быть отменены оккупацией неверными. С непоследовательностью невежества кастильцы отстаивали свой титул как по наследству, так и по давности. Они забыли, что Испания когда-либо была богатой добычей, за которую боролись почти все воинственные нации древнего мира. Вестготы захватили и разорили его в пятом веке, и их заселение, основанное исключительно на завоевании, продолжалось триста лет. Затем пришли сарацины, чье господство, достигнутое точно таким же образом, потребовало примерно столько же времени для завоевания, но продлилось более чем в два раза дольше. Таким образом, каждому уму, не затуманенному предрассудками, было очевидно, что титул мусульман, даже с точки зрения испанцев, был лучше, чем титул их завоевателей. Более чем в одном отношении последователи Мухаммеда действительно претендовали на страну, в которой они были усыновлены, а также на благодарность и восхищение человечества. Их промышленность и предприимчивость превзошли все ожидания, используя замечательные ресурсы полуострова. Его процветание никогда не было таким великим, его народ таким счастливым, его правители такими знаменитыми, как в период расцвета мусульманского могущества. В интеллектуальных достижениях и умелом применении научных принципов к практическим делам жизни подданные халифата намного превзошли всех своих современников. Цивилизация — если она достойна этого названия, — которую ниспровергли сарацины, была бесконечно ниже той, которую они создали. Вестготы едва вышли из состояния варварства. Их монархи пытались подражать в своем великолепии и роскоши блестящему двору Восточной империи и восполнять величием и богатством материалов вопиющие недостатки мастерства, которые характеризовали изделия их ремесленников. Они никогда не отказывались от диких обычаев, порожденных и увековеченных веками насилия и несправедливости. Оседлый образ жизни и промышленные занятия были противны гению народа, чьи национальные традиции с незапамятных времен были пропитаны духом жестокости и войны. И все же, даже в избранной ими области, они сразу же продемонстрировали свою неполноценность перед врагом, который едва завершил свое обучение оружию.

После завоевания у незначительного числа христиан, спасенных неприступными твердынями Астурии от мусульманского порабощения, мало что осталось, кроме их мечей и их независимости. Их прежние привычки сделали их непригодными к труду. Неблагоприятный характер почвы и суровый климат не давали особых стимулов для обработки почвы. Таким образом, у них не было другого ресурса, кроме войны, с помощью которой они могли бы поддерживать свое существование и восстанавливать свое разбитое состояние. Их дети воспитывались в невежестве и в условиях, благоприятных для развития высшей степени свирепости и фанатизма. Их учили относиться к своим врагам как к чудовищам, недостойным имени и атрибутов человечности и не имеющим ничего общего с остальным человечеством, кроме прямой формы и способности говорить. С течением времени более близкое знакомство со своими противниками незаметно привело к изменению чувств, и многие из этих абсурдных и несправедливых предрассудков были изменены или полностью отброшены. Многочисленные мусульманские обычаи были переняты, особенно знатью Кастилии, чья врожденная расточительность особенно склоняла их к запрещенной и неортодоксальной распущенности в серале. Мусульманские короли нередко назначались арбитрами в спорах между христианскими принцами крови. В оружии, манерах, костюмах, развлечениях презируемые неверные служили образцом для гордых и невоспитанных потомков Пелаюса и его горцев. Даже язык был осквернен. Тысячи терминов, знакомых читателю Корана, были включены без изменений в его обширный словарь, и благородный и звучный кастильский идиом остается сегодня почти на треть арабским. Система ведения войны, эволюция кавалерии, внедрение более легких доспехов - все это свидетельствовало о всепроникающем мавританском влиянии. Архитекторы из Гранады нанимались кастильскими монархами для строительства дворцов и даже православными прелатами для украшения соборов. В те беспокойные времена у многих монархов было принято вверять свою безопасность телохранителям из сарацинских наемников, которых нельзя было ни запугать, ни подкупить. Почести, воздаваемые мусульманами умершим членам кастильской королевской семьи, не уступали тем, с которыми отмечались похороны величайших эмиров. Гранадский двор объявил траур по Фердинанду III, и охрана из мавританской знати сопровождала его останки к гробнице. Генрих IV давал аудиенцию послам, сидевшим на диване и поддерживаемым подушками в традиционной сарацинской манере. Перетягивание тростника и бой быков, упражнения на большой арене, которые, требуя величайшего внимания и ловкости, были так популярны среди испанского рыцарства, вытеснили более грубые и опасные зрелища турнира. В бесчисленных примерах, на каждом этапе общественной и домашней жизни христиан, проявлялось влияние мусульманского общения. Любопытным фактом, как уже говорилось, является то, что, несмотря на это, глубоко укоренившиеся предрассудки двух рас, столь далекие от искоренения, едва ли даже заметно изменились. Несмотря на смешанные браки, формальное и тщательно продуманное проявление публичной вежливости, частоту обращений в королевский арбитраж, принятие официальных церемоний одним народом, добровольное обращение за защитой к другому, все видимости дружелюбия были ложными, и между двумя расами постоянно царило чувство непримиримой враждебности. Оба обращали своих пленников в рабство, что обычно подразумевало самое бесчеловечное обращение. У пленников, захваченных кастильцами, на лбу было клеймо унижения, которое никогда не могло быть стерто; мусульманские рабы были заключены в сырые и нездоровые подземелья и вынуждены ежедневно трудиться на строительстве мечетей и укреплений. Не было ничего необычного в том, что когда какое-либо место вызывало враждебность кого-либо из них упорным сопротивлением, все население, независимо от возраста или пола, безжалостно предавалось мечу. В разгар конфликта редко

можно было ожидать пощады. Несмотря на вездесущие и неопровержимые свидетельства превосходства в знаниях, утонченности и культуре, высокомерные и тщеславные кастильцы всегда клеймили своих противников как варваров. Для них безоговорочная вера в римско-католическую веру и привязанность к ней были непогрешимым пробным камнем цивилизации. Все, чего они не понимали, они приписывали магии. Таинственный акцент арабского языка и замысловатая манера сочетания его символов в надписях, украшавших общественные здания, пробудили в умах невежд подозрения в колдовстве, сопровождаемом талисманами, оберегами и заклинаниями. Великолепные архитектурные произведения арабского гения приписывались inferнальному воздействию, поскольку они были неподвластны человеческой силе без посторонней помощи; такого мнения до сих пор придерживаются испанские крестьяне, которые не только твердо верят, что мусульманские дворцы были построены злыми духами, но и приписывают происхождение гигантских и, по-видимому, вечных памятников классической древности рукам самого дьявола.

Помимо закоренелых предрассудков, возникших из-за антагонистических верований и затяжных войн, вмешались другие обстоятельства, препятствующие слиянию двух рас после Завоевания. Испанец со свойственной ему гордостью утверждал превосходство и преобладание своей расы и происхождения, и малейшее подозрение в мавританской крови представляло собой пятно, которое никакие политические или военные различия никогда не могли искоренить. Трудолюбие мудехарцев, их бережливость, клановость, замкнутость их женщин вызвали неблагоприятные отзывы среди людей, чьи предрассудки связывали эти обычаи с именем наследственного и непримиримого врага. Долгое время всеобщее недовольство тем, что большей частью богатств королевства владели эти непопулярные данники, было предметом всеобщих жалоб. Праздный кастилец, чьи предки в течение двадцати трех поколений существовали за счет грабежа, не мог равнодушно относиться к тяжелому труду, который давал поработенной и неверующей расе те существенные блага, которые его всегда учили считать неотъемлемым правом христианина. Было также публично заявлено, в ущерб маврам-данникам, что даже когда они отреклись от своей веры, они все еще придерживались своих прежних трудовых привычек; что никто из них никогда не посещал монастыри; и что их вклад в Церковь не имел той ценности, которую можно было ожидать от усердия и щедрости искренних прозелитов. Их обращение не принесло с собой той снисходительности и тех привилегий, на которые, как уверяли их призрачные наставники, они будут иметь право; оно даже не давало иммунитета от оскорблений. До правления Генриха II. Мудехарцы были освобождены от неудобства ношения отличительного знака, указывающего на их социальное положение, который задолго до этого был навязан евреям и справедливо считался знаком позора. Однако после этого они были обязаны носить на своих шапочках и тюрбанах синий полумесяц “размером с апельсин”, что постоянно навлекало на них оскорбления детей и нередко - насмешки и насилие фанатичного населения. Несмотря на серьезные ограничения, наложенные на мудехаров, и огромные контрибуции, взимаемые с их промышленности, они продолжали процветать, и на момент сдачи Гранады они были самыми ценными подданными испанской короны. Политика, основанная на чувстве слабости, долгое время подавляла алчность и зависть кастильских монархов в их отношениях с классом, мастерство и труд которого были главными источниками богатства королевства. Теперь пришло время, когда все ограничения могли быть отброшены без опасности, и королевская агрессия, не только санкционированная, но и предложенная и поощряемая церковной властью, могла нарушить все обязательства, человеческие и божественные, которые были заключены с

покоренным народом, чьим главным преступлением было их процветание, и чья независимость была добровольно передана в соответствии с торжественными договорами, которые абсолютно гарантировали их личную безопасность и беспрепятственное осуществление их гражданских и религиозных прав и привилегий. Один из самых пагубных принципов, но полностью согласующийся с преобладающими чувствами эпохи, был недавно принят и объявлен высшим церковным авторитетом, допускающим неограниченное применение. Это заключалось в том, что первоначальное завоевание полуострова маврами носило характер узурпации или, скорее, кражи, полученной насильственным путем, и все договоры или обязательства, заключенные с потомками захватчиков, были действительны только до тех пор, пока христиане предпочитали их соблюдать, поскольку они были продиктованы необходимостью и заключены с лицами, находящимися вне рамок закона. Своеобразная казуистика, которая выводила аналогии из библейского прецедента и истребительных войн евреев, применение которых вызвало такой хаос среди покоренных народов Испании и Нового Света, не встретила затруднений в принятии более широкого и, следовательно, еще более жестокого принципа, гласящего, что неверным нельзя хранить никакой веры. Церковная изобретательность никогда не изобретала более мощного оружия для достижения абсолютизма, чем эти две максимы, которые при строгом применении продемонстрировали свою временную и очевидную эффективность в полном истреблении миллионов номинальных врагов испанской монархии.

Союзом Кастилии и Арагона и завоеванием Гранады было обеспечено национальное единство; теперь оставалось поставить религиозный истеблишмент королевства на такую же выгодную основу. Инквизиция, машина огромной мощи, операции которой сопровождались самыми обнадеживающими результатами, на протяжении более двух столетий использовалась для умирения непокорных еретиков, обращения в веру и пополнения истощенной казны Церкви и государства. Впервые появившись в Арагоне из Франции, его усилия были в основном направлены против евреев, чье богатство навлекло на них удобное подозрение в ереси. Основные объекты инквизиции на самом деле были светскими и политическими. Это отвратительное учреждение, направленное на установление неоспоримого суверенитета с помощью инструментов преследования. Религиозные догмы, номинально имевшие жизненно важное значение в его процедуре, были всего лишь предлогами, с помощью которых духовенство, а косвенно и православный монарх, извлекали выгоду из приобретения и укрепления безответственной власти. Подавление человеческой мысли, подавление каждой отрасли знания, запрет на осуществление частного суждения, бесконечное умножение преступлений против религии, мельчайшая градация епитимий, многие из которых были варварскими и невероятно суровыми, - все это было средствами для достижения одной низкой и постыдной цели. Богословский аспект инквизиции привлек внимание историков к исключению ее подлинных, но скрытых объектов. То, что наказание за ересь не было реальной миссией его трибунала, доказывается тем фактом, что его приговоры часто приостанавливались, смягчались или отменялись сувереном при условии выплаты денег. Богатые были особыми объектами его враждебности; донос на богатого человека был равнозначен обвинительному приговору; и если это был еврей или мусульманин, он вряд ли мог избежать сурового наказания. Тайна его организации, неожиданные аресты, секретные процедуры, ужасные подземелья, дьявольская жестокость применяемых им пыток и зверства публичных выставок, которые имели характер религиозных праздников и, с шокирующей непоследовательностью, должны были быть посвящены массовому развлечению, вселяли ужас в каждую общину и каждую семью.

Успешное преследование ереси инквизицией, а также финансовые преимущества, которые это сулило, и усиление церковной и королевской власти, последовавшее за ее установлением, сильно взывали к фанатичному и деспотичному уму испанской королевы. Однако не так обстояло дело с Фердинандом, чей опыт общения с этим ужасным трибуналом заставил его относиться к его операциям с неприязнью, и который сделал свою ортодоксальность подозрительной, доверив еврейским банкирам управление финансами Арагонской короны. Однако его упрямая и деспотичная супруга не обратила внимания на его увещевания. Королевство Кастилия всегда пользовалось неоспоримым перевесом власти и престижа в делах полуострова. Договор, объединивший два великих королевства в единую империю, недвусмысленно предоставлял Изабелле исключительный контроль над всеми вопросами, относящимися к церковной юрисдикции. Право вручения бенефиций, которое кастильские принцы долгое время считали королевской прерогативой и осуществление которого, осуждаемое папством как узурпация, неоднократно навлекало на них порицание Святого Престола, наделяло королеву огромной и неопределимой властью над членами римско-католической иерархии, которые были обязаны своими должностями ее щедрости и чьи доходы в значительной степени распределялись в соответствии с ее советами. Поэтому ее политика и очевидный интерес побудили ее согласиться на учреждение Святой канцелярии; и ее трибунал был учрежден в Кордове под руководством Томаса де Торквемады, первого генерального инквизитора королевства, имени, занимавшего ужасную известность в истории испанских гонений.

Капитуляция Гранады была заключена со всеми признаками искренности и с самыми торжественными заверениями, какими только можно подкрепить положения и подтвердить верность договорам. Ничего не подозревавшие мусульмане недолго оставались в неведении относительно двуличия своих завоевателей. Бесчинства публично совершались распущенными кавалерами, которые, вместо того чтобы подвергнуться смертной казни, полагающейся за подобные проступки, отделывались мягким выговором и даже заметно отличались благосклонностью своей королевской особы. Уединение домашней жизни, столь ревностно охраняемое мусульманскими обычаями, было бесцеремонно нарушено грубыми и наглыми солдатами под самыми легкомысленными предложениями. Мечети, владение которыми было особо гарантировано статьями договора, были одна за другой захвачены и освящены для христианского богослужения. За это вопиющее злоупотребление доверием в значительной степени был ответственен глупый и безжалостный фанатизм Изабеллы. Едва город перешел в руки завоевателей, как вопрос о целесообразности насильственного обращения начал серьезно обсуждаться, и королева с удовольствием выслушала предложения о всеобщем и обязательном крещении. Алчность и нетерпимость священнослужителей, заручившихся поддержкой короля, начали все больше и больше посягать на признанные права этих несчастных жертв преследований, пока не вспыхнула революция, которая поставила под угрозу целостность недавно приобретенных владений и для ее подавления потребовались все ресурсы королевства. Правительство Гранады было оставлено в руках трех человек, чья превосходная квалификация, предыдущий опыт и врожденное чувство справедливости делали их в высшей степени пригодными для выполнения той трудной задачи, которая была им поручена. Знаменитый граф Тендилья был назначен генерал-капитаном провинции. Интересы Церкви были вверены Эрнандо де Талавера, архиепископу Гранады, прелату, в сознании которого фанатизм никогда не брал верх над благородными побуждениями, утверждающими достоинство человеческой натуры, и чья щедрость, редкая для его возраста и профессии,

никогда не отказывала в снисхождении и сострадании к людям другой крови или враждебной веры. К этим двум представителям королевской и церковной власти был добавлен в качестве советника и переводчика договора о капитуляции, который он сам составил, Эрнандо де Зафра, секретарь католических монархов, человек талантливый, интеллигентный и безупречно честный, пользовавшийся доверием своего начальства и который, хотя и был явно набожен, был гораздо менее подвержен предрассудкам того времени, чем, казалось бы, предполагают его теологическое образование и предыдущие связи.

Под управлением этих трех высокопоставленных лиц территория Гранады вновь приобрела видимость процветания. Их честность завоевала доверие мавров, которое было поколеблено произвольными и неоправданными действиями, последовавшими за капитуляцией. Столица, пришедшая в запустение за годы восстаний и войн, была отремонтирована; были открыты новые улицы, введены в действие санитарные правила, рынки снова были переполнены торговцами; Вега, долгое время являвшаяся местом запустения, снова начала расцветать под терпеливыми руками трудолюбивых тружеников. В то время как высокое чувство чести и необычный дипломатический такт снискали графу Тендилье уважение его приближенных, именно от расположения архиепископа в основном зависели безопасность правительства и умиротворение мусульман. Первая большая трудность была, в действительности, связана не с последними, а с христианскими колонистами, которые получили в награду за действительные или фиктивные услуги заведения в городе и чье распущенное поведение вызывало враждебность побежденных и делало улицы небезопасными по ночам для путников всех мастей.

Поведение архиепископа было выше всяких похвал. Он стремился всеми мыслимыми средствами улучшить состояние своей епархии, возродить пришедшую в упадок промышленность и способствовать дружеским отношениям двух рас, прежние традиции которых делали невозможным полное слияние. Он всегда раздавал самую безграничную и взыскательную благотворительность. Он положил начало общественным работам, благодаря которым нуждающиеся бедняки получили работу. Его апостольское рвение никогда не опускалось до жестокости преследований; он взывал только к разуму; и его подчиненные для эффективного выполнения своих обязанностей были вынуждены изучать арабский язык, которым он сам, хотя и был далеко преклонных лет, овладел достаточно хорошо, чтобы успешно использовать его для благородных целей религиозного обучения. Типографии, созданные благодаря его щедрости, выпустили роскошные тома, напечатанные на кастильском и арабском языках, прочтение которых могло не только пробудить интерес старообрядцев и недавних прозелитов, но и не могло не утвердить веру и облегчить общение как христиан, так и мусульман. Под его руководством были основаны школы; переведены ритуалы и произведения, воплощающие доктрины и дисциплину Церкви; и организованы регулярные конференции, на которых через определенные промежутки времени ученые богословы обеих религий публично обсуждали сравнительные достоинства христианского и мусульманского вероучений.

Этот превосходный прелат, чьи добродетели более бросаются в глаза и вызывают восхищение, когда они контрастируют с обычно распутным характером духовенства испанского двора, добровольно отказался от большей части вознаграждения, полагавшегося ему при исполнении служебных обязанностей, оставив себе только то, чего было достаточно для удовлетворения его насущных потребностей, и отказавшись от помпезности, которую сановники иерархии привыкли принимать при исполнении своих обязанностей. Двести пятьдесят человек

ежедневно пользовались его гостеприимством; его щедростью пользовались в равной степени чиновники самого высокого ранга, мавры всех степеней, паломники и путешественники, просящие милостыню. Посещая больных и обездоленных, он навсегда подорвал свое здоровье. Признавая важность последовательного примера, он провел обширные реформы среди духовенства. Их роскошь была пресечена, их невозддержанное рвение обуздано, систематическое соблюдение своих обязанностей стало обязательным, и те пороки, которые долгое время были предметом скандала среди благочестивых, были либо полностью пресечены, либо, будучи изгнаны с глаз общественности, были вынуждены уединиться за потворство им. Всеми возможными способами он пытался облегчить гнетущее бремя, налагаемое на его прихожан налоговыми правилами. Его нотариусам было запрещено собирать пошлины, которые составляли важную часть доходов архиепископского престола. Он воспользовался своей властью, чтобы предотвратить незаконные и деспотические поборы со стороны сборщиков налогов. В своих проповедях и используя свой авторитет, он не поощрял профессиональную нищету, бич и позор как католических, так и мусульманских стран.

Когда светская и церковная власть оказалась в руках таких людей, как граф Тендилья и Эрнандо де Талавера, величайшие результаты не могли не быть достигнуты. Нравы испанцев постепенно менялись. Общественное спокойствие было таким, что для гарнизона Альгамбры и гвардии генерал-капитана было достаточно всего лишь горстки солдат. Благочестивый и бескорыстный пример архиепископа вскоре принес свои плоды. Огромное количество мавров добровольно заявили о своем желании стать христианами. За один день были крещены три тысячи человек, ни один из которых впоследствии не отрекся. Эти обращения не были получены путем внушения временных преимуществ или влияния страха; также прозелиты не допускались к причастию без предварительного обучения доктринам, которые они должны были исповедовать, или обязанностям, которые от них требовалось выполнять. Привязанность и уважение мусульман к своему наставнику и другу были безграничны. Они называли его “Святым факи христиан”. Церкви оказались неспособными вместить растущее число обращенных, и на трех главных площадях города были воздвигнуты алтари и кафедры; ночные драки, устраиваемые буйными солдатами удачи, обосновавшимися после Завоевания в столице Мавров, становились все более и более редкими; в обществе начало преобладать чувство безопасности; отношения знати и вассалов изменились к решительной выгоде последних; древние предрассудки, подтвержденные многовековой враждой, были смягчены; и политический союз двух народов, который мог только быть осуществленным посредством справедливой и примирительной политики, от которой, по сути, зависело будущее процветание полуострова, казалось, в конце концов, предлагало лестную перспективу реализации.

Под этим благоприятным покровительством в течение нескольких лет в Гранаде царили порядок, спокойствие и довольство. Вежливое и справедливое, но твердое управление губернатора; безупречная жизнь, смиренное благочестие, сочувственный интерес архиепископа пробудили любовь и принудили к повиновению мусульман-данников, которые с удивлением и удовлетворением сравнивали действие системы доброты и справедливости с произвольными и насильственными мерами деспотизма, к которым они до сих пор всегда привыкли. За этот период произошло много важных и трагических событий. Аз-Загаль, подавленный годами и бедствиями и сломленный духом, отправился в добровольное изгнание. Боабдил с помощью низменного и вероломного плана, принятие которого было в равной степени недостойно монарха и христианина, был лишен княжества, на которое он обменял свою корону, и вынужден удалиться в Африку. Все важные положения капитуляции

неоднократно нарушались, и только такт тех, кто контролировал правительство Гранады, предотвратил самые серьезные последствия. Евреи при обстоятельствах невыразимой жестокости были изгнаны из королевства. В иерархии произошли изменения, которые не сулили ничего хорошего еретику и предполагаемому вероотступнику. Кардинал Мендоса, примас Испании, скончался, и Франсиско Хименес де Сиснерос, монах-францисканец и духовник королевы, был возведен в этот высокий сан, чья власть и вознаграждение соперничали с властью короны. Жизнь, связи, исследования этого человека развили ум, чувства которого полностью соответствовали узкому и нетерпимому духу того времени. Не потворствуя врожденной слабости человеческой природы, не проявляя терпения в ожидании эффекта от обдуманных и рациональных методов обсуждения, которые способствуют религиозному убеждению, абсолютно лишенный великодушия, нежности, сочувствия, он считал беспрекословное повиновение Церкви самым настоятельным из всех обязательств и умерщвление плоти самой достойной добродетелью. Недавно он добился назначения Диего де Дезы, одного из своих приближенных, на должность генерального инквизитора, что дало ему абсолютный контроль над деятельностью Святой Канцелярии.

Характеры двух великих церковников, которые последовательно диктовали политику короны, хотя и сильно различаются во многих отношениях, в целом верно отражают преобладающие идеи и чаяния каждого класса общества в королевстве. Целью обоих было религиозное единство, которое во время долгого крестового похода против неверных узурпировало это место и обесценило ценность патриотизма. Оба правили сувереном, а с сувереном - монархией. Оба занимали высшие церковные должности на полуострове, должность, уступающую по достоинству и власти только папству. Оба были ревностными покровителями инквизиции. Один рекомендовал изгнать евреев. Другой положил начало преследованию Мориско. Оба командовали армиями. Оба основали учебные заведения. Оба считались в Риме самыми ценными слугами Святого Престола. Однако на этом всякое сходство заканчивается. Мендоса принадлежал к самой надменной кастильской аристократии; он вел свою родословную по прямой линии от римских патрициев, с одной стороны, и от готских герцогов Кантабрии - с другой; Сид был его предком, как и лорды Бискайи; в его жилах текла королевская кровь; он был двоюродным братом Фердинанда и Изабеллы; он был близким родственником княжеского дома Инфантадо, чей герцог был выше всех испанских грандов; в его семье было более семидесяти дворянских титулов, в том числе и королевских. который был первым на полуострове и одним из самых знаменитых в Европе.

Хименес происходил из народа. Его предки, хотя и были респектабельными и заслуживающими признания как представители класса идальго, не были благородными. Он отказался от своего имени при крещении в пользу основателя своего ордена францисканцев. У него не было родственников, что впоследствии обеспечило ему регентство.

Звания Мендосы были самыми выдающимися в иерархии и королевстве, и все они были присвоены ему до того, как он достиг расцвета жизни. Он был епископом Калахорры и Сигуэнсы, архиепископом Севильи и Толедо, примасом Испании, князем Церкви, патриархом Александрийским, легатом папы Римского. Он стал канцлером Кастилии. Он был назначен генерал-капитаном как при Генрихе IV. , так и при Изабелле. Он был наиболее заметен во всех событиях гражданской и мавританской войн. Он выиграл битву при Ольмедо для Хуана II. Он победил короля Португалии на поле Торо. В двадцать четыре года он был практически государственным министром. В шестьдесят четыре года он планировал последнюю кампанию

перед Гранадой в качестве главнокомандующего осаждающей армией. Его руки подняли на башне Комареса архиепископский крест его епархии, символ христианского превосходства и церковной власти.

В привычках, вкусах, поведении и внешности существовал заметный контраст между двумя самыми известными прелатами пятнадцатого века. Мендоса был эпикурейцем, Хименес - аскетом. Стол Великого кардинала был обставлен со всей роскошью. Его одежда была самого высокого качества, как и подобало его сану. На его пальцах сверкали драгоценности. Его чистота вызывала удивление, а часто и неодобрение благочестивых людей, как отдающая ересью. В его дом не допускались никто, кроме юношей знатного происхождения. Его нравы соответствовали распущенности того времени. Дамы, удостоенные его внимания, были представительницами аристократии, дочерьми благородных домов, фрейлинами королевы. Трое его сыновей были узаконены папой Иннокентием VIII в 1486 году и Изабеллой в 1487 году. Благодаря их супружеским связям кровь этого знаменитого церковного вельможи смешалась с кровью многих гордейших семей Кастилии.

В то время как продвижение Мендосы на высшие посты Церкви и государства было частично обусловлено его выдающимся происхождением и частично выдающимися талантами, продвижение Хименеса было полностью обусловлено его репутацией благочестивого и мудрого человека. Ему буквально навязывали почести. С искренним или притворным смирением он пытался уклониться от обыска и ослушаться приказов тех, кто хотел возвести его к абсолютной власти. Он громко протестовал против своего недостойнства. Он заявил, что предпочитает обязанности и уединение частной жизни. Даже находясь на пике своего величия, он никогда не отказывался от монастырских привычек. Он перенес в великолепную архиепископскую кафедру Толедо, высший пост в церковной системе Европы, практику кающихся и отшельников. Под своей кардинальской мантией из алого и золотого он постоянно носил капюшон и завязанный пояс францисканских монахов. Рубашка из власяницы, которую никогда не меняли, раздражала его тело. Его рацион был скуден до крайности. "Он ел ровно столько, " говорит его биограф, - чтобы поддерживать ту маленькую жизнь, которую ему оставила епитимья". Его пища состояла в основном из трав, единственным напитком была вода. Его добродетель была неприступна, — даже святой Антоний мог бы позавидовать его стойкости перед искушениями. Ему никогда не вменялось в вину частое омовение, клеймо мусульманского еретика. Постоянное ношение нижнего белья с повязкой на голове, хотя и не способствует личной чистоте, легко приводит к тому физическому состоянию, которое в средние века было почти безошибочным признаком хорошего христианина.

Ранняя жизнь Мендосы прошла в атмосфере самого достойного и педантичного двора в Европе. Приобретенный с детства опыт готовил его к любой службе, на которую его могли назначить по приказу его короля. Он был досконально знаком с искусством дипломатии. Он вел своих вассалов во многих кровавых столкновениях. С мастерством успешного полководца он руководил передвижениями больших групп войск в действии. В каждом конфликте он бесстрашно подвергал себя опасности. Он был снисходителен к недостаткам своих духовных подчиненных. Во славу Церкви он построил и одарил колледж Вальядолида. Больница Санта-Крус в Толедо была великолепным памятником его щедрости. Он тратил огромные суммы на благотворительность. Унизительный порок фанатизма был далек от того, чтобы доминировать в его характере.

Мендоса был высок, строен и властен; черты его лица были красивыми; осанка - солдатской и джентльменской; манеры приветливыми и непринужденными; во всех отношениях он был образцом достоинства, мягкости и учтивости. Его влияние в правительстве было настолько велико, что он повсюду был известен как "Третий король Испании". О нем говорили, как о цезаре: "Quicquid volebat, valde volebat".

Хименес не привнес в управление великой империей ничего из того знакомства с общественными делами, которое так необходимо государственному деятелю. Его жизнь была ограничена узкими рамками монастыря. Его чтение ограничивалось проповедями и полемикой Отцов Церкви. При штурме Орана, вместо того чтобы возглавить свои войска, он удалился помолиться в свою палатку. Университет, который он основал в Алькале, как соперник университета Саламанки, был далек от реализации его надежд. Его внешность выдавала его темное происхождение и плебейские связи. Его фигура была сгорбленной, лицо истощенным, манеры застенчивыми и неуклюжими. Он не обладал ни каплей той обаятельной грации, которая является неотъемлемым правом его соотечественников. При исполнении своих обязанностей он был деспотичен и вспыльчив. Его упрямство превосходило только суровость, с которой он исполнял свои указы; его преследование ереси и монашеской распущенности - только энергию, с которой он встречал и сокрушал любое сопротивление. Его репутация за способности, образованность, святость, за все качества, вызывающие восхищенные аплодисменты человечества, намного превзошла репутацию его предшественника среди всех его современников.

Таковы были два церковника, оба получившие лучшее образование, данное их эпохой и страной; оба основатели великих колледжей; оба наделенные экстраординарными талантами; оба облеченные деспотической властью; чьему действию в основном следует приписать абсолютное уничтожение еврейской и мусульманской науки и литературы на испанском полуострове.

По прошествии времени мы не можем в полной мере оценить огромное влияние, которым обладал прелат, распределявший богатство и покровительство церковного истеблишмента испанской монархии. Его способности к добру или злу были практически безграничны. Он был хранителем королевской совести. Настроения каждого сообщества, решение важных вопросов дипломатии, принятие мер, жизненно важных для сохранения национального существования, ведение войны, переговоры о мире - все это зависело от мнений и советов, исходивших от престола митрополии Толедо. Когда к престижу и доходам первенства добавились таинственные процедуры и ужасающая энергия инквизиции, можно было предположить грозный характер власти, которой обладал Хименес. Его воля была законом в каждом приходе королевства. Благодаря страхам и ошибочной преданности суеверной королевы он уже был фактическим правителем Кастилии. Его рвение было тем более опасным, что оно было искренним; никакой элемент лицемерия не дискредитировал мотивы и не умалял превосходства этого бескомпромиссного фанатика. Радикальные реформы, которые он провел среди духовенства, и строгость, с которой каралось всякое неповиновение, пробудили негодование каждого священнослужителя, чья слабая мораль или религиозное безразличие сделали его объектом официального увещевания или дисциплины. Те, кто обращался к папе, были брошены в тюрьму. К прошениям о снисхождении относились с презрением. Протестующие наказывались отстранением от исполнения обязанностей и лишением пособий. Энергия его мер, грубость его манер, произвольное, почти жестокое пренебрежение

прецедентами и обычаями, с которыми он обращался со своими подчиненными, его хорошо известный контроль над печально известным трибуналом, публичные жертвы которого во имя религиозного единства уже терроризировали королевство, его неподкупность и умерщвление плоти над собой наделяли должность Хименеса более чем императорским авторитетом. Изабелла поздравила себя со своей проницательностью. Ее благочестивые амбиции были возбуждены. В руках этого деятельного прелата мавры Гранады могли быть быстро обращены в христианство. Медленные и миролюбивые методы Талаверы часто вызывали неудовольствие и порицания нетерпеливой королевы. Ее пристрастие к эксцентричному и решительному церковнику, чье соблюдение давно забытых монашеских правил и чье осуждение роскошных привычек своих подчиненных обеспечили ему открытое почитание и тайное презрение как епископа, так и монаха, чье непреклонное решение, чье пренебрежение к человечности и справедливости всякий раз, когда речь заходила об интересах Церкви, делало его столь оскорбительно заметным, сразу же представило его как в высшей степени подходящий инструмент для искоренения мусульманской ереси и быстрого распространения Веры. Поэтому ему было приказано отправиться в Гранаду номинально в качестве советника Талаверы в работе по духовному возрождению, однако в тайне понимая, что его более высокий ранг освобождает его даже от кажущегося исполнению официальных обязанностей в качестве подчиненного. Его первым шагом, о котором вряд ли могла не знать Изабелла, было получение официального разрешения от Святой Канцелярии на расследование преступления ереси и наказание за него.

Вооруженный этим документом и уверенный в поддержке королевы, Хименес прибыл в Гранаду в октябре 1499 года. Его поведение с самого начала отличалось непоколебимой дерзостью и решительностью. Престиж его сана и высокомерие его манер сразу же внушили благоговейный трепет кроткому архиепископу, который, отказавшись от средств, позволивших добиться такого большого успеха, с этого момента слепо подчинился безжалостным порывам своего выдающегося настоятеля. Последнему не пришлось долго извлекать выгоду из полученного им господства. Он претендовал на верховную и диктаторскую власть не только в церковных вопросах, но и в вопросах, часто затрагивающих юрисдикцию гражданской власти. Его первые меры не отличались безжалостной суровостью инквизитора; они были коррумпированными, политизированными, примиренческими. Факи и сантоны, чье влияние на своих соотечественников считалось наибольшим и чей корыстный характер пользовался дурной славой в злые дни, предшествовавшие капитуляции, были привлечены к служению обращению, получив великолепные подарки в виде шелковых одежд, драгоценностей и золота. Подогретые этими убедительными аргументами, новые миссионеры без труда привлекли множество прозелитов. Их пыл еще больше подогревался убедительными рассказами о неудобствах и испытаниях, которые неизбежно постигнут всех, кто упорствует в своей приверженности заблуждению. Великое соперничество было возбуждено этими необычайными стимулами к мусульманскому отступничеству; каждый факи с гордостью подсчитывал количество обращенных, которых он привел к алтарю; беспринципное население приветствовало с притворным энтузиазмом религиозную покорность, купленную за богатства несправедливости; Великая мечеть Альбайсина, в квартале, где мавры по крайне невежливому указу были сосредоточены после Завоевания, была посвящена в христианство, и в ее пределах более четырех тысяч мнимых кающихся приняли обряд о крещении. Эта церемония проводилась без предварительного экзамена или инструктажа; и кандидаты были в равной степени неосведомлены о своих обязанностях и об ужасных последствиях, связанных с грехом отречения. С этого момента была установлена их моральная ответственность. Нельзя было

найти оправдания бессознательному поддержанию еретических взглядов или даже невольным нарушениям церковной дисциплины; голос доносчика всегда был готов обличить, рука инквизитора - наказать.

Этот триумф Веры, хотя и доставлял огромное удовлетворение, обошелся пропорционально дорого. На его выполнение были потрачены все имеющиеся доходы Толедского престола, составлявшие семьдесят тысяч дукатов. Даже этой огромной суммы оказалось недостаточно, и Хименес был вынужден заложить свой личный кредит, чтобы удовлетворить требования толпы корыстолюбивых подхалимов и фальшиво обращенных, которые требовали вознаграждения в виде своего унижения и бесчестья. Среди искренних учеников Пророка, а их было много в Гранаде, к действиям их вероломных братьев относились с нескрываемым отвращением. Наиболее серьезные и набожные из них пытались противодействовать растущей склонности к религиозному отступничеству публичными увещеваниями. Не в властной натуре Предстоятеля было терпеть такое противодействие. Провинившиеся факи были брошены в тюрьму. История не раскрыла природу аргументов, использовавшихся для того, чтобы поколебать их постоянство, но преследуемые мусульмане, очевидно, были не из того материала, из которого делают мучеников и святых. Один за другим отрекались и крестились; многие из их собратьев по секте воспользовались их примером; сопротивление было на время эффективно подавлено; и Хименес без всяких домогательств применил свой любимый и неумолимый метод массового обращения. Его узкому и произвольному уму казалось, что применение самых радикальных мер сулит наибольшие гарантии успеха. В развитие этой идеи и с целью устранения очевидной причины зла он теперь планировал то, что считал мастерским политическим ходом. Без предварительного уведомления был проведен тщательный обыск в каждом доме по всему городу, и были изъяты все рукописи на арабском языке, которые удалось найти. Число похищенных таким образом составило почти миллион. Среди них были не только превосходные экземпляры Корана, но и реликвии великого собрания литературы оммеядов, которое было гордостью императорского двора Кордовы и хранилось как бесценное на протяжении многих поколений; содержимое публичных библиотек, сохранение и приумножение которых было особой заботой просвещенных Альхамаресов; трактаты по истории и науке, в которых описывались события и изображался интеллектуальный прогресс того, что было самой образованной и отточенной нацией; и литературные сокровища каждого ученого и философа в столице. Преобладали труды по химии, ботанике, астрономии и медицине - предметам, которые всегда вызвали прилежное любопытство испанского араба. Там же, несомненно, можно было найти множество переводов классиков, унаследованных от александрийской греческой школы, — отныне навсегда утраченных, — которые попали на полуостров с далеких берегов Нила. Эти тома демонстрировали в красоте своей каллиграфии и великолепии украшений всю помпезность, гордость, роскошь сарацинского искусства. Прекрасные арабески, выполненные золотом, серебром и многими другими цветами, украшали страницы, написанные с изяществом и регулярностью, сравнимыми с тончайшим шрифтом. Переплеты были из инкрустированной кожи; некоторые были расшиты; другие были инкрустированы панцирем черепахи, перламутром, слоновой костью и драгоценными камнями; застежки были из чистого золота. Все эти бесценные запасы знаний были свалены в одну огромную кучу в центре площади Бабаля-Рамбла, подожжены и сгорели дотла. Важность этой жертвы фанатизму можно понять из того факта, что, вероятно, во всем мире не было коллекции равного объема и ценности, уничтоженной Хименесом на этой исторической площади, где во времена эмиров отмечались национальные праздники и соревнование выдающихся воинов в боевых видах турнира

возбуждалось присутствием красоты и галантности мусульманского двора; где разногласия кастильских принцев разрешались рыцарским призывом к оружию; где образованная публика была свидетелем дружеского соперничества мавританских поэтов и трубадуров, и награда победителю была вручена рукой королевской особы, и все они мало подозревали, что однажды на сцене их удовольствий будет представлено такое печальное зрелище.

Материальный ущерб, причиненный этим вандализмом, был сам по себе огромен, но разрушительный эффект, который он произвел на общество, был неисчислимым. Из-за этого погибли уникальные литературные памятники, которые невозможно было заменить; это давало преимущество невежеству, ибо только такими поступками можно было добиться благосклонности всемогущего жреческого ордена; это препятствовало обучению до такой степени, что с тех пор ни один выдающийся мусульманский писатель не появлялся, чтобы иллюстрировать летописи или описывать нравы своей расы; и это за один час уничтожило драгоценное накопление веков, из которого современный историк мог бы почерпнуть сведения о мавританской цивилизации, недоступные в других местах мира литературы. Интеллектуальная деградация, возникшая в результате этого нетерпимого поступка Хименеса, была весьма прискорбной. После этого все знания были отфильтрованы по узким каналам церковного контроля и тщательно очищены от всякого подозрения в ереси; молитвенник и требник вытеснили труды арабских летописцев и философов; и непреходящие последствия этого преступления против образования и его пагубного примера до сих пор проявляются в удивительно неграмотном и фанатичном характере жителей Гранады. Триста томов по медицине были спасены от огня для библиотеки Университета Алькалы; но никакие мольбы или увещания со стороны его товарищей не могли заставить свирепого фанатика отказаться от принесенных в жертву томов, чьи украшенные драгоценными камнями обложки и золотые застёжки сами по себе представляли собой королевское состояние.

Уничтожение арабских рукописей было первым шагом к применению насилия. Со свойственной ему энергией примас воспользовался властью, которой его вооружила Святая Канцелярия. Лица, подозреваемые в ереси, были без промедления схвачены, заключены в тюрьму, подвергнуты пыткам; а те, кто на мгновение сбежал, испытали на себе все унижения, которые могли быть причинены руками церковной злобы, усиленной безграничной властью. Эти бесчинства и неоднократное нарушение прав, закрепленных в их договоре с короной, довели население до отчаяния, а арест вдовы, богатство которой привлекло алчность властей, послужил сигналом к опасному восстанию. Ворота Альбайсина были закрыты и охранялись. Улицы были забаррикадированы. Башни были заняты, и Хименес, которого возмущенные угрозы народа открыто обрекли на смерть, был осажден вооруженной толпой в своем дворце, из которого граф Тендилья с трудом освободил его. Известие о восстании навлекло на тиранического прелата гнев его монархов, но исключительный кредит, которым он пользовался, и огромное влияние, которым он мог обладать, вскоре вернули ему королевскую милость.

Теперь было решено довести дело до крайности, и маврам был предложен выбор между крещением или смертью, чье восстание, хотя и было спровоцировано притеснениями их хозяев, было объявлено, что оно привело к лишению их всех привилегий. Недовольство быстро распространилось по провинциям; в него были вовлечены горцы Альпухарраса и прилегающей суровой местности, которые были прибежищем банд отчаянных разбойников, поддерживавших тесные отношения с берберийскими корсарами; и католические монархи, столь далекие от религиозного триумфа, которого они ожидали, внезапно оказались втянутыми в войну, которая

обещала принять устрашающие масштабы. Место не позволит подробно описать неоднократные восстания и окончательное порабощение мориско, и здесь можно коснуться только наиболее важных событий той памятной борьбы. Горные хребты Южной Испании были превосходно приспособлены к беспорядочной тактике, в которой они преуспели, и затягивание борьбы было естественным следствием трудностей местности, смелости и активности повстанцев, неспособности кастильских командиров и вошедшего в поговорку отсутствия дисциплины и фатального безрассудства христианских солдат. Всеобщее разоружение мавров лишило их большей части оружия, но этот недостаток в конце концов был устранен за счет боевых трофеев и предприимчивости арагонских и кастильских торговцев, которые, не боясь быть обнаруженными и наказанными, всегда были готовы за непомерную компенсацию снабдить врагов своего короля оружием самого высокого образца и мастерства. Действия противоборствующих сил велись с жестокостью, доселе неизвестной даже в кровавых анналах полуострова; и окончательный триумф испанцев ознаменовался актами такой беспощадной мести, что иностранные солдаты удачи, нанятые для грабежа и давно закаленные в кровопролитии, были потрясены их ужасной жестокостью. Массовое убийство населения места, взятого штурмом, было правилом, а не исключением; раненые, оставшиеся на полях сражений, истреблялись; пленники подвергались ужасным пыткам; совершались все преступления, вызванные похотью, грабежом и наследственной неприязнью; и самой желанной участью пленника было пожизненное подчинение тирании бесчувственного хозяина, во власти всех пороков, недоступного милосердию и не сдерживаемого никакими законами ни Божьими, ни человеческими.

Армия численностью почти в сто тысяч человек собралась по призыву испанских государей для подавления восстания в Альендине, близ Гранады. Грозное только по численности, это великое войско состояло из материалов, сильно отличавшихся от солдат, добившихся Завоевания. Она была плохо оснащена, неорганизована и абсолютно лишена дисциплины. Цвет кастильской молодежи, вдохновленный открытиями Колумба, искал новых приключений на берегах таинственных земель за океаном. Коммерческие занятия ослабили воинский дух; многолетний мир подорвал энергию нации и сделал неспособным к опасной службе людей, которые были воспитаны среди звона оружия. Благословения внутреннего спокойствия, почти забытые в ходе многовековых конфликтов, вновь позволили беспрепятственно заниматься механическим искусством и сельскохозяйственной промышленностью. Лучший класс граждан, в полной мере наслаждавшийся безопасностью, не желал возобновлять ради религиозного принципа, соблюдение которого сулило много опасностей и ничтожную выгоду, рискованную игру в войну. Таким образом, армия состояла в основном из слуг и вассалов знати, чей долг требовал их присутствия, и неисчислимой орды авантюристов без гроша в кармане, которые искали в волнениях и превратностях кампании против неверных возможности улучшить свое отчаянное положение. С помощью меньшего по численности отряда, действовавшего из Альмерии, восстание было после нескольких боев и жестокого возмездия подавлено; повстанцы, побуждаемые обещанием неприкосновенности или угрозой смерти, согласились принять католическую веру; древние хронисты с подобающей гордостью сообщают, что в течение одного дня только в Сьерра-де-Филабрес были крещены десять тысяч прозелитов; и благодаря материальным побуждениям или под влиянием примера жители Базы и Гуадикса, Альпухарраса и горных районов к югу, насколько это возможно, были крещены. как и море, они считались одними из тех, кто признавал авторитет Церкви и принимал доктрины христианства.

С наступлением шестнадцатого века был обнародован королевский указ, устанавливающий в Гранаде ту же гражданскую юрисдикцию, что и в столицах других провинций королевства. Магистратура была номинально разделена между испанцами и маврами, но равенство было лишь кажущимся, и перевес власти фактически оставался за завоевателями. Соблазненные обманчивой перспективой иметь право голоса в делах правительства и отчаявшись в помощи своих братьев в Африке, добрых услуг которых они неоднократно, но тщетно просили, мавры Альбайсина в конце концов согласились на крещение. В качестве условия своего согласия они требовали разрешения носить свой национальный костюм и пользоваться арабским языком - привилегии, которые впоследствии стали предлогом для притеснения. Было также решено, что Святая канцелярия не должна учреждаться в Гранаде в течение сорока лет; положение, от которого церковная проникательность с готовностью уклонилась, передав этот город под юрисдикцию Инквизиционного трибунала Кордовы.

Все еще недовольная медленным прогрессом, которого добивались ее министры в деле возвращения упрямых мавров в пределы христианства, Изабелла во второй раз приказала Хименесу отправиться в Гранаду. Наученный своим предыдущим опытом, он вел себя более осмотрительно, чем раньше; но его прозелиты, сотнями приходившие в Церковь без предварительного обучения, оставались, как и их предшественники, в глубоком неведении о ее доктринах и об ответственности, налагаемой на них вынужденным обращением. На этот раз пребывание Примата было недолгим; его аскетические привычки подорвали конституцию, которая никогда не была особенно крепкой; и быстро развилось серьезное легочное заболевание, симптомы которого усугублялись постоянным возбуждением и тяжелым трудом. Доступные ресурсы медицинской науки были не в состоянии облегчить его болезнь, и, оставленный постоянными врачами как безнадежный, в час своей крайней необходимости он был вынужден подвергнуться лечению почтенной мавританки, которая соединила с арабской наукой таинственные и сверхъестественные обряды ведьмы и эмпирика. Под ее присмотром выдающемуся страдальцу стало лучше со скоростью, которая при других условиях была бы сочтена чудом; и вскоре он смог покинуть место своих трудов, обязанный своей жизнью мастерству представителя той расы, которую он безжалостно преследовал, — после карьеры, которая, какой бы короткой она ни была, произвела более глубокое и фатальное впечатление на политику испанской короны, чем у любого другого сановника его времени, и которой впоследствии было суждено оказать мощное влияние на политическую судьбу и будущую цивилизацию Европы.

Череда бедствий, связанных с королевским вероломством и церковной узурпацией, теперь вот-вот должна была обрушиться на испанскую монархию. Опасения жителей Серрании Ронда были вызваны сообщениями о несправедливости и насилии, которым подверглись их соотечественники из Гранады. Мавританские жители древней столицы и ее окрестностей теперь все номинально были христианами. Убедительные методы Талаверы и суровость Хименеса внесли в церковные списки более семидесяти тысяч прозелитов. В сложившихся обстоятельствах профессии подавляющего большинства из них неизбежно были неискренними. Это был пример организации лицемерия в гигантских масштабах, когда религиозный принцип был подчинен материальным интересам, а внешнее соблюдение суеверных обрядов принималось как эквивалент искренней набожности. Эти предполагаемые новообращенные, однако, ни в коем случае не отказались от веры своих предков. Они усердно совершали ее обряды в тайне. Их детей рано и в тайне обучали доктринам ислама. Вопреки королевским указам, они практиковали множество подозрительных церемоний, не

признаваемых даже ортодоксальными мусульманами, произносили заклинания, носили талисманы и амулеты. Между ними и их собратьями в провинциях была установлена скрытая система связи, и о каждом важном событии, происходившем в городе, в течение нескольких часов становилось известно каждому жителю сьерры. Мавры Серрании Ронды не приняли Евангелие с такой покорностью, как их родственники альпухарры, чьи сомнения были быстро рассеяны убедительными доводами ста тысяч вооруженных людей. Миссионеры, пытавшиеся вести дело с большим размахом, подверглись жестокому обращению и были изгнаны. Горцы восстали; страну захлестнули банды безжалостных разбойников; африканские корсары в большом количестве отправились на поиски добычи и приключений; перевалы были забаррикадированы, и местность в окрестностях Ронды приобрела вид укрепленного лагеря. Предложения об амнистии при условии крещения были встречены с презрением. Затем армия под командованием дона Алонсо де Агилара, графа Сифуэнтеса и графа Уреньи вошла в горы. Мавры, покидая свои деревни, медленно отступали в Сьерра-Бермеху, где дали последний отпор. Порывистость и недисциплинированность христиан завлекли их в невыгодное положение, из которого не было выхода. После целого дня боев они были окружены в темноте и разгромлены в результате ужасающей резни. Дон Алонсо де Агилар, Франсиско Рамирес де Мадрид, начальник артиллерии испанской армии, и многие другие кавалеры были убиты; склоны гор были усеяны телами солдат, которые были зарублены при бегстве. Победа при Сьерра-Бермехе была единственной важной победой, одержанной повстанцами в ходе длительных войн с Мориско. Это не принесло никакой существенной пользы; и его единственным постоянным результатом было раздражение королевы, которая, теперь считая себя потерпевшей стороной, отныне посвятила всю свою энергию угнетению расы еретиков, существование которой она считала пятном на своем благочестии и позором для своих владений.

Покорность мавров в ходе постепенного покорения полуострова привела к тому, что большое количество людей с различными условиями жизни было разбросано по провинциям различных королевств. Некоторые рано отступили; многие содержались в состоянии рабства; но гораздо большая часть пользовалась номинальной свободой и покупала иммунитет от рабства уплатой дани. Всем, кто соблюдал законы, регулирующие их обязанности перед правительством, разрешалось мирно совершать свои религиозные обряды. Основное богатство кастильской знати состояло в трудолюбии этих своих умных и трудолюбивых иждивенцев. На территориях Кастилии и Эстремадуры, известных сейчас как дехесас и деспобладос — “пастбища” и “пустыни”, мавританские земледельцы выращивали на неблагоприятной почве пшеницу, которая обеспечивала население всего полуострова. Эти бесценные притоки испанской короны никогда не проявляли ни малейшего беспокойства о судьбе своих собратьев по секте, боровшихся за свободу и религию на отдаленных берегах Джениля. Они не только не проявили своего сочувствия, но и чрезвычайные взносы на ведение войны, взимаемые с продуктов их бережливости, в значительной степени способствовали успешному завершению борьбы, в результате которой они, естественно, должны были испытывать нечто большее, чем мимолетный интерес. Если бы их чувства были достаточно пылкими, чтобы побудить к активному вооруженному сотрудничеству, трудности Отвоевания должны были бы значительно возрасти. Как бы то ни было, их апатичное и эгоистичное поведение было далеко от того, чтобы обеспечить им иммунитет от преследований. Злобный фанатизм королевы, отбросивший все чувства справедливости, благочестия и человечности, теперь узурпировал над ее лучшей натурой властную и неоспоримую власть; и двенадцатого

февраля 1502 года она издала эдикт, предписывающий изгнать всех мавров Леона и Кастилии. Чрезвычайное отсутствие политической проницательности, обнаруживаемое в результате такого шага, служит болезненным доказательством того, на какие бесчестные и пагубные уловки может быть побужден разум с более чем обычными способностями под влиянием ярости религиозной страсти. Эти объекты ее анимадверсии были, как класс, ее самыми верными, послушными и ценными подданными. Они всегда соблюдали законы со скрупулезной точностью. Те, кто был наиболее предубежден против их крови и их веры, никогда не вменяли им в вину святотатство, заговор, государственную измену. Под их терпеливыми и умелыми руками самые бесперспективные регионы, ранее покинутые местным невежеством и ленью как совершенно непродуктивные, теперь расцвели непревзойденным плодородием. Их трудолюбие заполнило житницы королевства; другого доступного источника снабжения не было, и с их изгнанием был неминуем голод; в будущем, как было продемонстрировано впоследствии, не было никого компетентного или желающего занять их место. Рабы ее могущественных вассалов, крепостные, которые олицетворяли бесконечную кровь и сокровища, потраченные на службе короне, изначально не были освобождены от действия этого радикального декрета, и нарушение частных прав в результате произвольной конфискации этой собственности без оправдания или компенсации сулило катастрофические политические осложнения. Однако эти соображения не имели никакого значения для упрямой Изабеллы. Тот факт, что среди христианского населения допускалось существование общины неверных, особенно после того, как мусульмане Гранады заявили о своей приверженности Вере, был противен ее нетерпимому характеру и являлся постоянным упреком религии, которую она исповедовала. В поддержку своей политики она выдвинула жестокую максиму, достойную изобретательной казуистики иезуита: «Лучше предотвратить, чем наказывать; и справедливо наказывать малых за преступления великих». Заместительные страдания кастильских арабов теперь должны были искупить преступления повстанцев Гранады, с которыми у них не было ничего общего, кроме схожего происхождения и унаследованной веры, и в защиту которых они никогда не проявляли ни малейшего признака поддержки или сочувствия. Исполнение этой меры, бесчеловечные положения которой подвергали несчастных объектов ее суровости обращению, подобающему преступникам вне закона, было соблюдено лишь частично. С самого начала было видно, что, если все будет выполнено в точности, значительная часть королевства превратится в бесплодное и необитаемое уединение. Поэтому указ был отменен. Компромисс, удовлетворивший деликатную щепетильность королевы, был достигнут — крещение было заменено изгнанием; сцены огульной и повальной клеветы повторились; многочисленное и трудолюбивое население обменяло свои религиозные убеждения на безопасность и силой королевского указа превратилось из уважающей себя группы колонистов в нацию лицемеров.

Со смертью Изабеллы, которая произошла в это время, Мориско были избавлены от преследований мстительного и настойчивого врага. Постоянное устранение ее влияния из политики полуострова, однако, не улучшило состояние недавних жертв ее пламенного и неумолимого рвения. Система, с помощью которой она управляла; печально известные принципы, которыми руководствовалось ее поведение в отношениях, существующих между сувереном и подданными; бесстыдное нарушение международных договоров; дерзкая узурпация духовенства; предрассудки, порожденные годами угнетения, были увековечены ее преемниками и приняты их министрами как неотъемлемая часть политики короны. Благоговение, с которым чтят ее память, следует приписать не столько величию ее способностей, какими бы выдающимися они ни были, но их неправильному применению; не

военным достижениям ее армий, а кровавой мести, которую они обрушили на побежденных врагов; не благословениям мудрого, справедливого и стабильного правительства — самого прочного фундамента, на котором может быть воздвигнута слава монарха, — но началу мер, которые в конечном итоге очистили королевство от неверующих, которые были источником его материального богатства, а также его коммерческого и политического влияния. процветание сельского хозяйства. Принцесса, которая могла сознательно отказаться от обязательств национальной чести, вряд ли может рассматриваться в свете общественного благодетеля. Покровительница инквизиции имеет лишь слабое право на восхищение потомков. Популярность Изабеллы основана на том факте, что она была представительницей народных настроений того времени. В пятнадцатом и шестнадцатом веках ни одно судебное разбирательство не было столь похвальным, как пытки еретиков. Все вопросы политической целесообразности были жестко подчинены требованиям того, что повсеместно считалось первостепенным религиозным долгом. Постепенный упадок испанского могущества берет начало с самого его основания и напрямую связан с непрекращающимся вмешательством церковной власти в гражданские дела и с ужасными последствиями, вытекающими из неограниченного применения жестокого принципа, согласно которому национальная вера и общественная честь всегда должны приноситься в жертву интересам римско-католической религии.

Примечательны различные аспекты, в которых одни и те же вещи представлялись в XVI веке людям одной национальности, живущим по одним и тем же законам и исповедующим одни и те же доктрины. Во время жестоких гонений в Кастилии арагонские мусульмане сохранили свои привилегии в неприкосновенности. Более того, в то время как дух фанатизма тысячами подталкивал приверженцев Изабеллы к симулированному обращению, Фердинанд издал указ, предоставляющий маврам Валенсии бессрочное пользование их религиозными и социальными правами. Таким образом, с одной стороны, это было самое радикальное подавление индивидуальных мыслей и действий; с другой стороны, терпимость, достойная самого просвещенного государственного деятеля, и, следует добавить, в данных обстоятельствах мало чего можно было ожидать. Но проникательность Фердинанда никогда добровольно не одобряла применение силы в вопросах религии. Его ревность к власти заставляла его возмущаться посягательствами духовенства; и он втайне не одобрял угнетение расы, которая, по его признанию, контролировала материальные ресурсы, от поддержания которых зависело сохранение его достоинства и престижа.

В течение двенадцати лет, прошедших между смертью Изабеллы и смертью Фердинанда, мавры наслаждались сравнительным миром и неприкосновенностью; и приход Карла V. поначалу не принес неблагоприятных изменений в их политические или социальные условия. Едва этот принц воссел на трон, который он унаследовал и принятие которого возложило на него важнейшие обязанности и управление народом, о нравах и характерах которого он был глубоко неосведомлен, как серьезные внутренние беспорядки начали угрожать его власти. В Кастилии возникли комунерос, заговор знати и муниципалитетов, призванный отстоять свои древние привилегии, ослабленные иностранным влиянием; и в то же время население Валенсии объединилось под названием Германия, или Братство, чтобы подавить растущую наглость аристократии. Посягательства последних долгое время были серьезной проблемой в королевстве Валенсия. Его члены с момента Завоевания сохраняли оскорбительное поведение по отношению к своим подчиненным, что выводило последних из себя до предела. Они занимали деньги у богатых купцов и возвращали их проклятиями и насмешками. Установление

регентства ослабило отправление законов; знать не замедлила заметить преимущества, которые фактическое междучарствие давало развитию личных амбиций; и при утверждении устаревших феодальных привилегий гражданам богатого и беззащитного сообщества было причинено всякое зло, какое только могло быть вызвано алчностью или ненавистью. Мавры, которые были вассалами валенсийской знати, нередко становились орудиями их злонамеренности и разделяли со своими хозяевами общее пренебрежение, которое было присуще их поведению. Организация Германии оказала важное и катастрофическое влияние на судьбу первой. Их судьба была разделена со своими лордами, и преобладание, временно приобретенное мятежниками из-за неспособности вице-короля, в конце концов оказалось фатальным для свобод вассала. Всенародный крик о неверности был поднят повстанцами, которые насчитывали в своих рядах много священнослужителей, и шестнадцать тысяч мусульман подчинились принудительному крещению. Император, который, по-видимому, унаследовал вместе со своими владениями склонность к преследованиям, не был удовлетворен, пока хоть один мусульманин оставался под юрисдикцией испанской короны. С большим трудом он вымогал у папы буллу, освобождавшую его от клятвы, которую он дал соблюдать древние законы и договоры королевства, и прямо разрешавшую обращение в рабство каждого мусульманина, чьи угрызения совести или упрямство могли помешать ему отречься от веры своих отцов. Получив санкцию папы, Карл издал прокламацию, требующую от мавров, под таинственным, но неуказанным наказанием, стать христианами в течение десяти дней. Последние, которые не проявляли духа покорности, присущего их братьям, сохраняли угрюмое поведение и, пожертвовав своими личными вещами ради того, что могли раздобыть, готовились отправиться в изгнание. Однако публичность их намерения помешала этому; власти запретили продажу их имущества, а также их отъезд, и им не оставалось ничего, кроме вероотступничества или вооруженного сопротивления. Гораздо большее число людей поддержало первую альтернативу. При таком множестве людей индивидуальная клевета была невозможна; водой возрождения были окроплены тысячи коленопреклоненных людей с помощью ветвей иссопа, и было слышно, как не один нераскаявшийся неверный, который с тайным отвращением подчинился отвратительной церемонии, бормотал: "Хвала Аллаху! Ни одна капля не осквернила меня!"

Сельские общины Валенсии относились к перспективе обращения в христианство с еще большей неприязнью, чем жители столицы. Церковные уполномоченные, посланные для обеспечения исполнения королевских эдиктов, были изгнаны из жилищ крестьян, которые отказывались слушать их увещевания. В некоторых местностях было проявлено открытое насилие; барон Кортес, призывавший к покорности, был убит своими слугами, а его тело оставлено на съедение свиньям. За сопротивлением королевской власти вскоре последовало организованное восстание, и Сьерра-де-Эспадан стала очагом мощного восстания. Включая бандитов, которые обычно наводняли горы, и африканских флибустьеров, которые приветствовали любое возмущение как источник грабежа и наживы, армия повстанцев насчитывала более четырех тысяч хорошо вооруженных людей. Их генералом был избран фермер по имени Селим Карбаик, чьи природные способности и доблесть последователей в течение нескольких месяцев поддерживали неравную борьбу с объединенными ресурсами монархии. В конце концов, побежденные, две тысячи повстанцев вместе со своим предводителем погибли в одном сражении; и была объявлена всеобщая амнистия при единственном условии, при котором любому мусульманину теперь разрешалось сохранить жизнь или свободу. Маврам Каталонии и Арагона была предложена такая же альтернатива. Без

колебаний они предпочли лицемерие мученичеству; и к 1526 году в пределах Испанского полуострова больше не оставалось ни одного человека, который осмелился бы открыто признать свою веру в символ веры Мухаммеда.

Когда этот лестный результат был наконец достигнут, теперь было сочтено целесообразным перевоспитать прозелитов. Почти во всех местностях, где преобладали мориско, они занимали аномальное положение с точки зрения своего духовного благополучия, поскольку практически жили без какой-либо религии. Они пренебрегали предписаниями или соблюдали каноны Церкви, на территорию которой они вступили по принуждению. Уклонению от исполнения своих обязанностей потворствовали священники, которые, пока их прихожане вели себя тихо и регулярно платили свои взносы, закрывали глаза на все формальные нарушения и никогда не утруждали себя инструкциями, которые входили в их обязанности. Эта индульгенция была дополнительно обеспечена пожертвованиями, которые освобождали невольных грешников от епитимьи, чье досадное поведение всегда могло быть заменено денежным вознаграждением. Таким образом, в глазах духовенства духовные обязанности были полностью затемнены более ощутимыми выгодами, которые можно было извлечь из мирских благ и содержания их паствы в невежестве, — политика, которая в то же время подтверждала их авторитет и увеличивала их доходы. Но мориско, хотя и избегали мессы, не могли безопасно прибегнуть ни к какому другому источнику религиозного утешения. Их более чем подозревали в тайном отправлении исламских обрядов, но ревность, с которой они охраняли неприкосновенность своей домашней жизни, не позволила подтвердить это подозрение. В глазах благочестивых христиан, которые не преминули заметить и порицали их недостатки, они считались чем-то худшим, чем язычники. Хотя они обладали всеми необходимыми качествами хорошего гражданина, а их общение с соседями было отмечено всеми признаками чести и неподкупности, эти качества были проигнорированы, когда их религиозная последовательность была поставлена под сомнение.

Визит Карла V. в Гранаду в 1526 году стал поводом для энергичного призыва к реформе Мориско. Бесчисленные петиции и увещевания, подкрепленные всем искусством священнического красноречия, были представлены императору, призывая принять радикальные меры для исправления зла, которое серьезно сказывалось на репутации и дисциплине Церкви. Таким образом, была назначена комиссия из тринадцати членов, большинство из которых были высшими церковными сановниками, под председательством дона Алонсо Манрике, Великого инквизитора Испании, которая начала расследование. Предвидеть решение такого трибунала было нетрудно. Чтобы его постановления могли быть должным образом исполнены, Священная канцелярия была привезена из Хаэна и официально учреждена в одном из дворцов города. Десяти заседаний было достаточно, чтобы решить вопрос, в котором были затронуты вопросы, имеющие наибольшее значение для благосостояния королевства, поддержания национальной чести, справедливости и неприкосновенности короны. Все обвинения против Мориско были получены и рассмотрены, но им не разрешили выступить в свою защиту. Решение комиссии было опубликовано в королевском указе, который запрещал Мориско использовать свои семейные имена, свою одежду, свой язык; который обязывал выставлять лица своих женщин напоказ оскорбительным взглядам бездельников на улицах; который требовал отказа от особых церемоний, используемых при забое животных для употребления в пищу; который санкционировал посещение по месту жительства как вторжение в частную жизнь их домов; и запрещал им

когда-либо терять из виду дворец инквизиции, чиновникам которого было приказано впредь осуществлять тщательный надзор за их поведением. , и наказывать с присущей им строгостью за все нарушения религиозной дисциплины.

Ужас, который испытали жертвы этого чудовищного указа, который не только нарушал условия, от которых зависело превосходство Испании, но и сознательно приносил в жертву все соображения справедливости, в защиту которых торжественно клялась национальная честь, трудно себе представить. Но Мориско, чей опыт общения со своими духовными наставниками научил их эффективности определенных методов предотвращения надвигающегося зла, прибегли к средству, которое в меньших масштабах неоднократно оказывалось успешным. Ни для кого не было секретом, что королевская казна была пуста; и было подозрение, что подавленное состояние национальных финансов было в значительной степени ответственно за прозелитическое рвение, столь неожиданно проявленное против мирного и безобидного класса. В связи с “подарком” в размере восьми тысяч дукатов исполнение возмутительного указа было приостановлено по воле императора, как только он был подписан; но эта индульгенция, как было прямо заявлено, не затрагивала юрисдикцию Священной канцелярии. Паразиты, окружавшие трон, требовали и получали равную сумму за влияние, которым, как они утверждали, обладали, но которое, вероятно, никогда не оказывалось. Таким образом, монарх, выдававший себя за светского представителя Римского католицизма, согласился пожертвовать религиозными интересами значительной части своих подданных и поступиться императорским достоинством за сумму, эквивалентную в наши дни девятьсот тысячам долларов золотом. Ни одно событие в истории Испании не раскрывает более ясно, чем это, истинные мотивы, побудившие к судебному преследованию за ересь, или необычайное богатство тех, кто был объектом официальной алчности и общественного недоброжелательства.

Мавры Гранады, которые до сих пор были почти свободны от тирании инквизиции, теперь впервые испытали на себе страшную власть Святой Канцелярии. Одним из первых деяний Изабеллы после Завоевания было основание бесчисленных монастырей. Излюбленными местами этих заведений были пригородные дворцы мусульманских князей, и считалось особенно похвальным воздвигнуть на руинах великолепной виллы, посвященной удовольствиям приверженца ислама, обитель святых людей, которые, согласно благочестивой выдумке, должны были проводить свой обильный досуг в молитвах о спасении еретиков. При строительстве этих сооружений бани были сначала снесены из-за скандала, который вызывал у каждого доброго христианина вид помещений, предназначенных для омовения и роскоши, а также по той причине, что их использование всегда считалось совершенно излишним в монастырском учреждении. В результате пристрастия, проявляемого сменявшими друг друга князьями к монашеским орденам, город кишел монахами всех мастей. Их предрассудки сделали их злейшими врагами мориско, в то время как их численность и дерзость сделали их влиятельными и грозными. Тот факт, что низшие должностные лица инквизиции были в основном набраны из их рядов, усиливал ужас, который внушали их наглость и алчность, и никогда не было известно, чтобы кто-либо из знакомых, носивших доминиканскую или францисканскую одежду, склонялся на сторону милосердия. В такие руки была теперь вверена судьба мавров Гранады. Соглашение с императором, по которому они на время пользовались своими обычаями, было нарушено. Их имущество было конфисковано. Они были подвергнуты дьявольским пыткам, применяемым самыми суровыми трибуналами для получения показаний и признания вины. На знаменитой площади Баб-аль-Рамбла, месте многих рыцарских поединков и уничтожения мусульманских знаний Хименесом, осужденные подвергались последней

епитимье, жертвоприношению аутодафе. Досадные ограничения, наложенные на них нетерпимостью священников, были наименее тяжким из многих зол, на которые были обречены Мориско. В частых спорах, возникавших по поводу толкования императорских эдиктов и канонических постановлений, авторитет последних всегда преобладал. Каждое должностное лицо, гражданское, религиозное или военное, заявляло о привилегии магистратуры и о праве усугублять правонарушение или налагать наказание. В искусстве вымогательства денег, как и в решении всех вопросов, относящихся к гражданской и церковной юрисдикции, служители Церкви проявили необычайные способности. Регулярные налоги, взимаемые с мориско, которые сами по себе были тяжким бременем, были увеличены во сто крат за счет сборов, не разрешенных законом и не имевших под собой иного основания, кроме требований алчности чиновников. Суммы, полученные от этих принудительных взносов, были огромными. Можно составить представление о вероятной сумме, которую они принесли, если вспомнить, что законный налог, ежегодно уплачиваемый шелковыми рынками Альмерии, Малаги и Гранады, пополнил королевскую казну более чем на миллион долларов. Применяемые незаконные средства давали гораздо более выгодные результаты, чем те, которые одобрялись законной властью; и было мало требований, какими бы несправедливыми они ни были, от которых мориско осмеливался отказаться, столкнувшись с угрожающей властью инквизиции.

В Валенсии Святая канцелярия, поддерживаемая папской санкцией и двуличием императора, также нашла богатое и наиболее плодотворное поле для своих гнусных операций. Именно в этом королевстве, столь замечательном своими природными преимуществами и трудолюбием своего народа, зародилась испанская пословица “Quien tiene Moro, тьене oro”. Вассальное отношение, которое мавры этого королевства в целом поддерживали к знати, было далеко не достаточным для защиты их от воздействия светских и церковных предрассудков. Неоспоримая ортодоксальность господина, его щедрость по отношению к Церкви, древность его семьи, престиж его имени, его заслуги перед короной были отброшены в сторону, когда встал вопрос о дисциплинировании его слуг. Малейшего подозрения, связанного с мусульманином, было достаточно, чтобы вызвать натиск орды фамильяров и альгвазилов, которые никогда не упускали случая обнаружить доказательства неправильности, достаточные для того, чтобы сделать их расследование полезным. Визиты этих чиновников были вдвойне оскорбительны из-за бесчувственной и наглой манеры, в которой они проводились. Они не оставляли незамеченным ни одного уголка в жилище; они уничтожали собственность, оскорбляли женщин и, не считаясь с законом или притворяясь, что скрывают, присваивали себе такие драгоценности и безделушки, которые поражали их воображение. Шпионы Святой Канцелярии кишели в мавританском квартале, постоянно насторожившись в поисках признаков ереси. За эти бесчинства не было никакой возможности возместить ущерб, и дрожащая жертва с радостью покупала конфискацией своего имущества временную защиту от больших несчастий, которым, если его мирского имущества было достаточно, чтобы оправдать дальнейшее вмешательство, он, несомненно, рано или поздно подвергался. Невыносимый характер этих преследований побудил тысячи мориско искать бегством единственного доступного спасения от угнетения. Святые отцы инквизиции были в ужасе от ответных мер, принятых друзьями тех, кто ради блага своих душ был подвергнут благотворным ограничениям церковной дисциплины. Каждый раз, когда мавры, осужденные этим трибуналом, искупали свою ересь аутодафе, информация немедленно отправлялась в Берберию, и такое же количество христианских пленников погибало в огне.

Африканские корсары под командованием безжалостного Барбароссы в то время удерживали средиземноморскую империю, и с их помощью множеству морисков удалось бежать в Марокко. Напрасно дворяне протестовали против политики, которая обесценивала ценность их поместий, обезлюдивала их деревни и ежедневно лишала их работников, без услуг которых нельзя было обойтись и потери которых нельзя было возместить; как королевская власть, так и народные настроения санкционировали курс Церкви, и материальное процветание одной провинции не заслуживало внимания, когда речь шла о гибнущих душах тысяч подозреваемых еретиков. Затем были пущены в ход денежные аргументы, и после нескольких лет переговоров деятельность Святой канцелярии была приостановлена после выплаты ежегодного пожертвования в размере двух с половиной тысяч дукатов. Вновь избавившись от опасностей, связанных с посещениями и наказаниями инквизиции, Мориско сразу же вернулись к своему прежнему религиозному безразличию; духовенство беззаботно смотрело на безошибочные свидетельства отступничества среди своих прихожан; знать с нескрываемым удовлетворением приветствовала облегчение положения своих вассалов, увеличение их доходов и признаки возвращения процветания; в то время как инквизиторы, чья казна была до отказа наполнена золотом, полученным в результате штрафов и конфискаций у богатейших подданных королевства, искали в других кругах новый материал для костра и темницы, чтобы быть приговоренным к настоящим пыткам и вечному позору во имя Всемилового Бога.

Отречение Карла V. принесло благодарную передышку измученным и страдающим маврам. Могушественные интересы империи, простиравшейся на два мира, привлекли внимание Филиппа II, и поначалу у него не было времени уделять преследованию горстки предполагаемых еретиков, затерянных в уголке его обширных владений. Римский понтифик, который, возможно, руководствовался гуманными побуждениями, но, конечно, не был абсолютно свободен от политических пристрастий или обиды за оскорбление, нанесенное императором Святому Престолу, всегда недооценивал его притеснения Мориско, теперь искренне сотрудничал с Филиппом в облегчении их тяжелого положения. Краткое постановление, изданное Ватиканом в 1556 году, уполномочивало исповедников отпускать грехи за ересь без наложения епитимьи и лишало инквизицию большей части ее юрисдикции и полномочий. Характер молодого короля еще не был испорчен абсолютной властью; и его действия теперь не контролировались тем угрюмым и безжалостным духом, который впоследствии развился в результате угрызений совести, болезней и фанатизма, которые, вдобавок к наследственному налету безумия, поразившему его семью, сделали его на протяжении большей части его жизни одним из самых бесчувственных монстров, когда-либо позоривших трон.

Благотворное воздействие снисхождения на семью Мориско в отличие от применения насильственных мер было вскоре раскрыто. Они с кажущейся готовностью подчинялись часто досадным правилам, налагаемым на их поведение. Они носили испанскую одежду; по крайней мере, во всех общественных делах они использовали кастильский язык. Набожные и предприимчивые прелаты основывали колледжи для их обучения. Их дети, мужчины и женщины, получали образование в школах и принимали церковные привычки различных монашеских орденов, в юрисдикцию которых они были зачислены. Миссионеры семинарий Мориско отправились наставлять и примирять своих сомневающихся соотечественников. Подражая своим покровителям, они основывали и поддерживали религиозные братства. Их исповедания были, по-видимому, искренними; они начали выполнять свои обязанности со скрупулезной регулярностью; и казалось, что наконец-то до сих пор обманчивая надежда на обращение в мусульманство вот-вот осуществится. Но дух свирепой нетерпимости, всегда

преобладавший в испанском характере и доходивший в шестнадцатом веке до исступления, относился ко всему, кроме самодовольства, снисходительно по отношению к несчастным объектам наследственного отвращения. Поскольку это чувство было широко распространено, легко изобретались новые предлоги для вторжения. В 1560 году христиане Гранады обратились за помощью к правительству, чтобы ограничить покупку рабов мориско, которые, как было заявлено, имели обыкновение тайно обучать своих слуг доктринам ислама и тем самым умножать число его приверженцев, к скандалу Церкви и нанесению ущерба королевской власти. Не было предпринято никаких попыток установить истинность или ложность этого обвинения, и королевским указом мориско были лишены права владения рабами, что серьезно повлияло на сельское хозяйство всего населения Гранады, которое зависело от обработки земли множеством негров, удерживаемых мавританскими фермерами в рабстве.

В дополнение к этой фактической конфискации имущества без уважительной причины и без возмещения ущерба мавры были вынуждены предъявить оружие, на владение которым уже была выдана лицензия, чтобы получить на нем печать правительства, и таким образом внести еще больший вклад в удовлетворение алчности чиновников. За хранение оружия без разрешения полагалось шесть лет каторги; за подделку королевской печати - смертная казнь. Приведение в исполнение этих постановлений, первое из которых угрожало парализовать сельскохозяйственный труд, основное занятие мориско и основную зависимость от доходов короны, привело в неопишное раздражение тех, кто пострадал от их принятия. Потеря рабов разорила многих. Некоторые сдали свое оружие и тайно добывали другое. Другие вступали в организованные банды преступников, которые под именем монфиса бродили по сьеррам и по своему желанию взымали контрибуции с богатых испанцев Веги. Многие из этих разбойников, при попустительстве своих сторонников, ночью силой вторглись в столицу, увозили жен и детей своих врагов и оставляли на площадях и больших дорогах изуродованные трупы каждого христианина, которого они встречали. Численность монфи увеличивалась с пугающей быстротой. Их вторжения стали напоминать операции организованной армии; тайно начались приготовления к восстанию, и правители Феса, Алжира и Константинополя искренне просили помощи у тех, кто представлял себя преследуемыми мусульманами, брошенными без каких-либо других ресурсов на произвол христианской алчности и власти.

Не наученные опытом и невзирая на последствия, должностные лица различных гражданских и церковных судов проводили свою грабительскую политику без жалости и ограничений. Конкуренция, существовавшая между ними, и постоянно возникавшие враждебные претензии, связанные с оспариваемой юрисдикцией и оспариваемым грабежом, часто вызывали серьезные конфликты властей, из которых представители Церкви и инквизиции, как правило, выходили победителями. Эти распри между этими двумя классами угнетателей озлобили их обоих против их общих жертв, и разногласия усилились, вместо того чтобы облегчить страдания последних. Чтобы сделать их положение еще более отчаянным, король ввел в действие указ Карла V., обнародованный в 1526 году. Мориско, неспособные больше терпеть жестокие поборы, которые, как они хорошо понимали, были лишь предварительным этапом к изгнанию их расы, теперь быстро вынашивали планы восстания. При выполнении этого они проявили необычайный такт и проницательность. Им было предоставлено значительное поместье в окрестностях Гранады для строительства больницы. Под предлогом сбора средств на его завершение в каждую мавританскую общину королевства были разосланы верные эмиссары восстания. Сборщики, занятые на этой опасной службе, посетили в своем путешествии сто десять тысяч семей. Неподкупная вера мавров и их верность своему народу были

беспрецедентны, ибо среди множества людей, которым была доверена тайна, за которую предатель получил бы целое состояние, ни один человек не злоупотребил доверием своих соотечественников. Вся сумма, полученная таким образом, неизвестна; она, однако, должна была быть вполне достаточной, поскольку взносы только тех, кто был пригоден к военной службе, составили сорок пять тысяч золотых монет.

Затем в Африку были отправлены гонцы для закупки оружия. Секретная и хорошо организованная связь была доведена до совершенства. Теперь выборы лидера стали насущной необходимостью. В старой мавританской столице жил молодой человек с дружелюбным нравом и превосходными умственными способностями, но расточительным поведением, по имени дон Фернандо де Валор, в жилах которого текла кровь знаменитой династии Оммеяде из Кордовы. Принц по происхождению, пользующийся наибольшей популярностью как гражданин, его выдающееся положение в обществе обеспечило ему место среди советников, которые, согласно конституции, предоставленной короной, помогали номинальному управлению городом. Хотя его распутные манеры и легкомысленные связи освобождали его от подозрений властей, а публичное соблюдение религиозных церемоний свидетельствовало о том, что он православный верующий, он не забыл славных традиций своего королевского рода и, несмотря на свою кажущуюся лень, был активным, храбрым, честолюбивым и беспринципным. В доме богатого жителя Альбайсина, в двух шагах от дворца инквизиции, руководители заговора возложили на этого юношу опасную честь возглавить безнадежное восстание. Со всеми церемониалами древнего халифата он был награжден королевскими знаками отличия; его новые подданные оказали ему почтение; он назвал сановников своего двора, и собравшиеся призвали благословение небес на Слугу Аллаха и Представителя Пророка Мулея Мухаммеда Ибн Оммеи, короля Гранады и Андалусии! Исполнение этой фарсовой церемонии не внушило доверия и не пробудило энтузиазма среди жителей Мориско города. Характер персонажа, избранного для восстановления славы мусульманского владычества, был слишком хорошо известен в Гранаде, чтобы вызывать какие-либо другие чувства, кроме насмешек и презрения. Каким бы невыносимым ни было их положение, богатые мавры не решались рисковать своими жизнями и имуществом в поддержку дела, в успех которого они мало верили; а население, хотя и было всегда склонно к бунтам, терпеливо ждало сигнала от своего начальства. По этой причине, хотя планировалось несколько восстаний и даже были назначены часы их проведения, народная нерешительность и апатия сделали все планы несостоятельными.

В Альпухаррах, где все уже было настроено враждебно, дело обстояло иначе, и дикие горцы с энтузиазмом приветствовали приход монарха и долгожданную перспективу войны и грабежей. Волна восстания разразилась сразу в каждом поселении сьерры. Бесчинства, совершенные повстанцами, невероятны по своей жестокости и достойны расы дикарей. Их враждебность была особенно направлена против священников, которых они считали подстрекателями и орудиями своих несчастий. У некоторых были набиты рты порохом, а головы разнесены на атомы. Других заставляли сидеть перед алтарем, в то время как их бывшие прихожане вырывали волосы у них на головах и бровях один за другим, а затем изрезали их до смерти ножами и бритвами. Другие, тем не менее, были подвергнуты изощренным пыткам и варварским увечьям; их заставляли глотать собственные глаза, вырванные из глазниц; их постепенно расчленяли; им вырезали языки и сердца и бросали собакам. Сотни монахов были сварены в кипящем масле. Монахини подвергались шокирующим унижениям, а затем замучены до смерти. Вопиющее лицемерие, в котором жили Мориско, проявилось в их поведении, как только они поверили, что

освободились от ограничений, под которыми они так долго скрывались. Они ликовали при любой форме святотатства. Одетые в священнические одеяния, они пародировали торжественные церемонии мессы. Они оскверняли и топтали Воинство. Церкви были заполнены смеющимися, глумящимися толпами, которые оскверняли каждую часть святилища. Священные изображения, подаренные благочестивыми монархами и благословленные знаменитыми прелатами, были разбиты на куски и сожжены. Церковная ненависть, как неперенный признак возрождения, вынудила всех новообращенных мусульман есть свинину - вид пищи, вдвойне оскорбительный из-за унаследованных предрассудков и запрета Корана. В отместку за это раздражающее требование повстанцы с притворной торжественностью, облаченные во все атрибуты католического богослужения, принесли в жертву свиней на христианских алтарях. Все формы насилия, все безобразия, какие только могли придумать новообращенные свободолюбцы, раздраженные воспоминаниями о давних обидах, были совершены разъяренными Мориско. Их ярость была настолько необузданной, что постоянно нарушались даже обычные военные обычаи; пленных, взятых в бою, предавали смерти без пощады, и публично заявлялось, что ни один христианин не должен быть оставлен в живых на территории повстанцев. Это постановление, обнародованное без его ведома, было отвергнуто Ибн-Омеейей, и он сместил командиров, которые своим произволом и невежливой жестокостью оскорбили честь его короны, но только после того, как была совершена непоправимая ошибка.

Известие о восстании, преувеличение его масштабов и последовавшие за ним ужасы вызвали всеобщую панику в Гранаде. Все христиане, которые могли это сделать, нашли убежище в Альгамбре. Мориско, тщетно доказывая свою невиновность, забаррикадировались в своих домах, и те, кто неосторожно выходил на улицы, погибали от рук разъяренной толпы. Соперничество за юрисдикцию, которое так долго существовало между гражданскими и военными властями, каждая из которых претендовала на верховенство, и ни одна из них не была готова поступиться своими притязаниями даже перед лицом хитрого и опасного врага, усугубляло запутанность ситуации. Хорошо осведомленные о раздорах своих хозяев, мориско, уже воодушевленные подвигами своих соотечественников, о которых они получили ранние и точные сведения, начали проявлять подозрительную активность. Перспектива войны призвала к оружию мятежных и распутных жителей королевства. Феодалные законы, которые все еще действовали на полуострове, из-за споров знати за первенство препятствовали тому, чтобы подчиняться власти, необходимой для успешных операций. В этих независимых бандах не было и речи о патриотизме; национальный штандарт был просто местом сбора для грабежей, и тот командир был самым популярным, чье пренебрежение дисциплиной предоставляло наибольшие возможности для неограниченной вольности. Этими войсками командовали маркиз де Мондехар, губернатор Гранады, и маркиз де лос Велес, оба они были обязаны известностью, которой они пользовались, скорее своим именам, чем своей квалификации, поскольку у одного не было благоразумия, а у другого - опыта.

В последовавшей кампании все соображения о воинской доблести, жалости, человечности были отброшены в сторону. Христиане сражались с энергией, продиктованной фанатизмом и алчностью, мавры - со всей безрассудной отвагой отчаяния. Кастильские офицеры, далекие от того, чтобы сдерживать бесчинства солдат, поощряли их, чтобы усилить их свирепость и сделать примирение невозможным до тех пор, пока не будет получена вся доступная добыча. Мавры Гранады дорого заплатили за безразличие, с которым они восприняли предложения своих более смелых соотечественников. Беззаконный сброд из испанского лагеря, не

признававший никаких ограничений, кроме применения превосходящей силы, был расквартирован среди богатых граждан Альбайсина. Общеизвестно, что даже красноречивые старые хронисты того времени краснели, описывая бесчинства, творимые этими дикими добровольцами, черствыми ко всякому призыву к порядочности или чести. На Альбайсин был наложен чрезвычайный налог в размере шести тысяч дукатов для снабжения армии продовольствием; а мавританские фермеры Веги были вынуждены под угрозой суровых наказаний ежедневно поставлять двадцать тысяч фунтов хлеба по цене, произвольно установленной властями. Таким образом, несчастные столичные мориско, слишком робкие, чтобы поддержать попытку восстановить свою независимость, были вынуждены способствовать замешательству своих друзей, претерпевать невыразимые оскорбления и ужасные страдания и, в конце концов, пожертвовать своим имуществом, а во многих случаях и жизнью из-за недоверия к делу, которое отсутствие разумного сотрудничества с самого начала делало безнадежным. Активность испанских генералов и численное превосходство их войск вскоре принесли им преимущество. Кампания превратилась в череду стычек и мародерских вылазок, монотонность которых время от времени нарушалась беспорядочной резней. В результате беспорядков, спровоцированных дерзким поведением испанского солдата, в замке Юбилес были убиты тысяча триста пленных, из которых тысячу составляли женщины. Планам королевского командования мешало неподчинение солдат; их ненасытная жадность ставила армию в безвыходное положение, из которого ее можно было вывести только по счастливой случайности, а частота дезертирства серьезно угрожала эффективности сил, не сдерживаемых ни чувством собственного достоинства, ни военным законом. Гонимая от пункта к пункту, армия Ибн-Оммеи была в конце концов разбита и рассеяна. Альпухарры были заняты линиями укрепленных постов, которые препятствовали скоплению сколько-нибудь значительного отряда повстанцев; горцы соседних съерр были постепенно приведены к покорности, и в конце концов восстание было представлено только беглым принцем и горсткой сторонников, чья верность подверглась серьезному испытанию из-за заманчивой награды, предложенной за голову их государя.

Мориско, напуганные постигшими их несчастьями, предложили, ради нынешней безопасности, подчиниться любым условиям, которые могут быть выдвинуты, — депортации, ссылке, конфискации, содержанию войск, которые могли быть выделены для их охраны от будущих враждебных действий. Среди чиновников короны преобладали разные и непримиримые мнения относительно политики, которую следовало принять; одна партия выступала за амнистию, другая — за истребление. Тем временем, пока их начальство препиралось, солдаты без перерыва занимались приятным развлечением — грабежом. Хотя военные действия прекратились, небольшие банды военных разбойников бесконтрольно бродили повсюду, грабя дома, уничтожая имущество, насилюя женщин. Безобидные крестьяне, никогда не носившие оружия, были схвачены, доставлены в Гранаду и публично проданы в рабство на городских рынках этими разбойниками с ведома и попустительства властей. Последние поссорились из-за раздела добычи и сомнительного различия, полученного в результате пожаров и резни. Побежденные не сохранили веры. Охранные грамоты, подписанные высшими должностными лицами, не соблюдались. Ни один Мориско не был застрахован от приставаний и насилия; ни один дом не был защищен от вторжения рыщущих и кровожадных головорезов. Когда часть христианских войск проходила через мавританскую общину, все, что можно было взять с собой, уносилось с собой, остальное сжигалось. В этом массовом уничтожении имущества был преднамеренный метод. Армия ничего так мало не желала, как мира. Война оказалась

прибыльной даже сверх всяких ожиданий. Уже захваченная добыча была огромной, но большая часть еще не ускользнула от алчности завоевателя. Генерал и простой солдат одинаково бросают тоскующие взгляды на богатство Альбайсина; на плодородные земли Веги, все еще обрабатываемые мавританской промышленностью; на несметные богатства в виде золота и драгоценных камней, которые, как известно, хранятся жителями Гуадикса, Базы и Альмерии. Не принимая во внимание все остальное, сами мориско, которых насчитывалось более полумиллиона, если бы их приговорили к рабству, получили бы огромную сумму. Таковы были зловещие мотивы, побудившие к бессрочному продолжению войны, и вскоре желаемая цель была достигнута. Мориско, доведенные до отчаяния двуличием своих врагов, насилию которых они не могли противостоять, снова бежали в горы и искали знамя Ибн-Оммеи. Испанская толпа Гранады, возбужденная слухами о заговоре, немедленно перебила беззащитных мавританских заключенных в тюрьмах числом в несколько сотен человек. Губернатор присвоил их личные вещи, их земли были конфискованы в пользу короны, а их вдовы и сироты были доведены до нищенства. Впоследствии полученное решение суда подтвердило этот произвольный акт, заявив, что его решение было основано на том факте, что, “хотя некоторые из заключенных были фактически виновны, все они были виновны намеренно”. Это событие было расценено как наводящее на размышления предупреждение, и в будущем повстанцы не получали и не ожидали помощи от своих друзей в Гранаде.

В сьеррах снова разгорелось пламя войны, и возобновились сцены беспорядочной резни. Власть Ибн-Оммеи, укрепленная тысячами отчаявшихся людей, спасающихся от преследований, монфи, корсарами и множеством диких авантюристов с северного побережья Африки, теперь стала более грозной, чем когда-либо. Этой властью он пользовался со свирепой суровостью. Дисциплина в его войсках была улучшена. Мародерствующие отряды христиан из главных городов были застигнуты врасплох и изрублены на куски. Видные чиновники, осмелившиеся выступить за капитуляцию, были немедленно казнены за государственную измену. Обескураживающая и до сих пор безнадежная задача заручиться сочувствием и помощью мусульманских князей Феса и Алжира была возобновлена, но с не лучшими перспективами на успех, чем раньше.

Филипп, полностью осведомленный о неспособности и взаимном недоверии тех, кто до сих пор входил в состав правительства Гранады, теперь решил подчинить повстанцев генералу, чей ранг и таланты потребовали бы повиновения и обуздали неповиновение плохо дисциплинированных банд, составляющих основную часть испанской армии. Дон Джон Австрийский, его сводный брат, внебрачный сын Карла V. Юноша, чьи возможности еще мало свидетельствовали о военном гении, которым он обладал, но в котором проницательные глаза уже заметили наличие тех блестящих качеств, впоследствии с таким блеском проявленных при Лепанто, был назначен командовать.

Это назначение вызвало величайший энтузиазм. Как дворяне, так и крестьяне, жаждавшие служить под началом принца крови, сотнями стекались под королевский штандарт. Новый командующий, хотя и неопытный, усовершенствовал свои действия со всей осторожностью и мастерством ветерана. Армия была тщательно реорганизована. Беспорядку был положен конец. Преступники и нищие были изгнаны из лагеря. Насколько позволяли досадные феодальные правила, дисциплина была усилена. Лицензированный разбой, который так много сделал для снижения боеспособности войск, карался с беспристрастной строгостью. В этих улучшенных условиях армия, которая до сих пор напоминала беспорядочную толпу, теперь

приобрела вид компактной и грозной силы. Между тем повстанцы не бездействовали. Наученный опытом и невзгодами, Ибн-Оммея провел множество необходимых реформ в своей гражданской и военной администрации; закупил оружие в Африке; пригласил корсаров; закупил припасы; и, разделив свою территорию на районы, расположение которых облегчало взаимную поддержку и оборону, решительно и уверенно ожидал приближения врага. Первые операции кампании были благоприятны для мориско, чьи успехи, хотя и не были ни материальными, ни решающими, тем не менее привели к существенному пополнению их рядов. Несмотря на то, что они могли вывести на поле боя несколько тысяч человек, недостаток артиллерии, незнание инженерных наук и традиционная зависимость от партизанской войны сделали их победы бесполезными. Последние были получены в перестрелках, в которых участвовало всего несколько сотен человек, причем характер местности и возможности для внезапности давали преимущество незамеченным нападавшим.

Раздраженное этими неудачами правительство теперь решилось на решительный шаг, который долго обдумывался и часто откладывался по политическим мотивам. Слух о готовящемся восстании старательно распространялся по всей Гранаде. Поскольку впоследствии не было обнаружено никаких доказательств, подтверждающих это сообщение, оно, вероятно, было полностью вымышленным, но оно достигло цели, ради которой было обнаружено. Возбужденное население охватила паника, и возникло всеобщее требование изгнания мориско. Власти быстро воспользовались суматохой и страхами, вызванными их собственным вероломством, и по согласованному сигналу двадцать тысяч аркебузирова с зажженными фитилями заняли подступы к Альбайсину. Мориско, когда им было приказано собраться в своих церквях, ожидая резни, предались отчаянию. Потребовалось все влияние муниципальных властей и королевское слово самого дона Иоанна Австрийского о том, что их жизни будут сохранены, чтобы успокоить охваченных ужасом узников. Столпившись в проходах, они провели мучительную и бессонную ночь. На следующее утро мужчин в возрасте от десяти до шестидесяти лет со связанными за спиной руками вывели за стены, где против них и их сородичей был объявлен указ о вечном изгнании. Этим несчастным было предоставлено несколько дней отсрочки, чтобы распорядиться или, вернее, пожертвовать своим личным имуществом; а затем, разделившись на несколько отрядов, каждый в сопровождении сильной охраны, они отправились в путь в центральную Андалусию, Эстремадуру и Кастилию, куда в целях безопасности было решено их направить.

Число изгнанников составляло около одиннадцати тысяч человек. Среди них были потомки самых богатых и благородных мавританских семей Гранады, да и всего полуострова. Многие из них вели свою родословную от княжеских семей халифата, выдающихся как интеллектуальными достижениями, так и военной славой. Они хранили древние традиции своей расы; редкие памятники мусульманского завоевания и господства; остатки арабской литературы, избежавшие разрушительного рвения Хименеса и изнурительных поисков любопытных альгвазилов и инквизиторов. Их дома по-прежнему украшались великолепными украшениями, характерными для расцвета эмирата: мраморными залами и алебастровыми фонтанами, драпировками из тисненой и позолоченной кожи, лепниной, которая по элегантности дизайна и изяществу исполнения не уступала Альгамбре. В Веге было много поместий, обрабатываемых их иждивенцами, которые каждый год приносили большой и прибыльный доход. Все эти земельные владения были бесцеремонно присвоены испанцами, а личные вещи, проданные изгнанниками, стоили едва ли десятую часть их стоимости. Изгнанные силой из своих домов и ограбленные со всех сторон, мориско продолжали свой печальный путь. Воспитанные в

комфорте и достатке и привыкшие к роскоши, они были плохо подготовлены к долгому и трудному путешествию. Немногие из множества отправившихся в путь прибыли к месту назначения. Трудности, связанные с путешествиями, и воздействие палящей жары оказались фатальными для сотен людей. Многие умерли от горя, голода, болезней. Другие были бессмысленно убиты своими стражниками, которые без колебаний и угрызений совести грабили как живых, так и мертвых. Когда этот источник прибыли был исчерпан, самые сильные мужчины и самые привлекательные женщины были проданы в рабство. Состояние немногих выживших, прибывших в Севилью, было настолько плачевным, что даже сострадание священнослужителей, чьи жизни прошли в условиях преследований и пыток, было возбуждено. Однако большая часть жителей относилась к этим жертвам тирании с безразличием или любопытством. Страдания нежной юности, дряхлого возраста, красоты в бедственном положении не вызывали сочувствия; и если какие-либо чувства проявляли толпы, выстроившиеся вдоль дорог, по которым, шатаясь, под палящим солнцем брели изнемогающие изгнанники, то это были чувства ожесточенной вражды и ликования по поводу несчастий еретиков, утративших всякое право на человечество из-за унаследованной крови презираемой и покоренной расы.

Эта мера, столь же жестокая, сколь и неразумная, не принесла никаких положительных последствий. Повстанцы продолжали свои грабежи. Каждый отставший был убит, и ни один отряд фуражиров, численность которого была меньше, чем у полка, не мог надеяться вернуться. Мориско постепенно становились все более смелыми, и отдельным людям уже было небезопасно выходить за пределы лагеря. Все эти столкновения были на руку повстанцам, и великий город Альмерия по чистой случайности избежал попадания в их руки. Последние, однако, были не только неспособны справиться со всей мощью испанской монархии, но даже не были обеспечены средствами, необходимыми для удержания своих ничтожных завоеваний. Даже в ситуации, когда единство было более чем когда-либо необходимо для самосохранения, начала проявляться неудержимая склонность арабского сознания к фракционным беспорядкам. Девяти столетий национальных бедствий было недостаточно для подавления межплеменной ненависти и жажды личной мести, которые подрывали жизненные силы и, в конце концов, разорвали на куски царство огромной и великолепной империи. Мавр был неспособен извлечь пользу из своего опыта. Закон возмездия, это проклятое наследие его бедуинских предков, никогда не упускался из виду, даже несмотря на всю культуру и мудрость его цивилизации. Это было самое мощное и эффективное оружие, которым обладали его враги, и оно вечно использовалось во вред ему. Его помощи Отвоевание было обязано гораздо больше, чем энергии Альфонсо VI. или ремеслу Фердинанда католика. Он выиграл больше сражений, чем все монархи-завоеватели от Пелаюса до Изабеллы. Ни один кастильский принц никогда не упускал случая признать его важность или извлечь выгоду из его использования. И теперь, в отдаленных Альпухаррах, последнем прибежище мавританской доблести и честолубия, им снова предстояло воспользоваться с еще более фатальным и деморализующим эффектом, чем когда-либо было отмечено его применение со времен смутной эпохи, последовавшей за падением господства оммеядов.

Популярность Ибн-Омейи в последнее время сильно пострадала из-за строгости дисциплины, которую он ввел, и деспотичных действий его советников, по большей части людей неясного происхождения и алчной алчности. Солдаты, привыкшие пользоваться величайшей свободой в своем поведении и обращении с врагом, с нескрываемым отвращением смотрели на ограничения, которым они подвергались. В советниках своего короля богатые мориско, которые

поплатились своими жизнями и потратили свои сокровища на поддержание его притязаний, видели шайку грабителей, злоупотребляющих своим положением ради собственной денежной выгоды. Особенно те, чье богатство делало их заметными, становились объектами эгоистичного неодобрения этих чиновников низкого происхождения. Ни один высокопоставленный человек, будь то гражданский или военный офицер, не был застрахован от доноса доносчиков. Опыт Ибн-Омейи и его частые побеги от преднамеренного предательства сделали его импульсивным, мстительным и жестоким. Постоянно подвергаясь опасности, он был слишком готов прислушаться к голосу подозрения, а при дворе деспота наказание быстро следует за обвинением. Помимо отчуждения многих своих главных приверженцев от вышеупомянутых причин, Ибн-Оммея недавно приобрел для себя вопиющим актом безрассудства враждебность одного из самых могущественных племен в королевстве.

Среди самых выдающихся семей Гранады была семья Бени-Альгуазиль-аль-Карими, которой по наследственному праву была присвоена должность визиря округа Уджиджар. Унаследованное соперничество, гордость сознательными заслугами и ревность к власти сделали Бени-Альгуазилей врагами дома Ибн-Оммеи. Их враждебность, проявлявшаяся неоднократно, внушала опасения мавританскому принцу, и убийство Мигеля де Рохаса, вождя племени, было, не без вероятности, приписано его подстрекательству. Вследствие этого бени-альгуазиль, хотя и не желал помогать врагу-христианину, сохранял подозрительный и угрюмый вид и со свойственной арабам мстительностью терпеливо ожидал момента возмездия. С присущим его характеру вероломством, от последствий которого ему в конечном счете было суждено погибнуть, Ибн-Оммея перенял обычай вызывать благосклонность и кажущееся доверие тех, кого он уже отметил для уничтожения. Среди тех, кто разделил эту опасную честь, был Диего Альгуасиль, член соперничающего клана, чья враждебность была смягчена подарками и вниманием, которые он получил из рук своего повелителя. В его гареме была прелестная рабыня, совершенство прелестей которой, неосмотрительно раскрытое ее хозяином, возбудило любопытство и распалило желания Ибн-Оммеи. Соображения политики или справедливости имели второстепенное значение там, где речь шла о неуправляемых страстях мавританского короля; раб был грубо присвоен без извинений или компенсации; и это произвольное посягательство на права подданного сделало Ибн-Оммею непримиримым врагом. Честолюбие прекрасной Захры, которая стремилась к положению султанши, было разочаровано тем, что она продолжала занимать более низкое положение, и, когда ее надежды были таким образом разбиты, она нашла в своем бывшем хозяине гибкое и полезное орудие мести. Поддержка других недовольных, недовольных жестокостью и высокомерием своего короля, была легко обеспечена; опасения королевской гвардии из шестисот турок были вызваны остроумной, но дискредитирующей военной хитростью; и Ибн-Омейя, вырванный из объятий своих женщин и брошенный в тюрьму, к утру погиб жалкой смертью от рук палача. Его смерть казалась не совсем неоправданной, поскольку своим последним вздохом он провозгласил свою тайную и непоколебимую веру в христианскую религию. Лицемерие, которое ради роскоши и власти могло симулировать приверженность к вероучению, которое по малейшему поводу было готово предать, не было недостойно наказано предательством раба. Ибн-Абу, двоюродный брат Ибн-Оммеи, унаследовал пустые почести и опасные обязанности шатающегося трона. Сокровища дворца и сераля были разделены между заговорщиками. Гвардейцы, чья верность новой администрации вызывала подозрения, были распущены; непопулярные чиновники, лишенные власти, которой они злоупотребляли, и богатств, накопленных путем вымогательства и вероломства, были ограблены и сосланы; а новый король, коронованный в Ланжаре со всей

пышностью, на которую были способны ограниченные ресурсы беглого двора и обедневшей казны, с видимой уверенностью взял на себя руководство правительством, разделившимся между собой и столкнувшимся с объединенной и непреодолимой мощью испанской монархии.

Ибн-Абу, когда его облекли царским саном, о ненадежном характере которого он прекрасно знал, но в принятии которого боялся отказаться, был далеко за пределами расцвета жизни. В ходе своей богатой событиями и романтической карьеры он пережил много захватывающих и опасных событий. С юности он был связан с партией, враждебной христианам, и его верность мусульманскому делу неоднократно подвергалась суровым испытаниям. Связанный с монфи, он подвергся пыткам и был отправлен на галеры, но не предал своих товарищей. И снова, за отказ раскрыть тайники своего государя, он был подвергнут шокирующему и неопишуемому увечью. Перенесенные страдания подтвердили его лояльность и усилили ненависть; благородные качества, которыми он был наделен, вызвали симпатию к нему соотечественников; но его нерешительность, недостаток энергии и неспособность воспользоваться имеющимися в его распоряжении средствами в случае какой-либо внезапной необходимости сделали его непригодным для ответственного поста, на который его так неожиданно повысили. Несмотря на неблагоприятные условия, в которых он работал, он, однако, вскоре поставил свои силы на более эффективную основу, и его положение значительно укрепилось из-за разногласий его врагов.

Реформы, начатые доном Джоном Австрийским, оказались невыполнимыми, когда солдатам стал известен весь их смысл и они начали испытывать неудобства, связанные с военной сдержанностью. Феодалные обычаи также препятствовали укреплению дисциплины, и лорды, опасаясь ограничения своих собственных привилегий, потворствовали своим вассалам в актах грабежа, наносящих ущерб благополучию всей армии. Ссоры и взаимные обвинения маркиза де Мондехара и маркиза де лос Велеса, которые не были прекращены назначением главнокомандующего, стали более ожесточенными, чем когда-либо. Власти последнего препятствовали противоречивые приказы из Мадрида, а осуществлению энергичных мер препятствовали непрекращающиеся и ожесточенные споры. Как только перспектива добычи уменьшилась, армия оказалась под угрозой роспуска. Дезертирство было настолько обычным явлением, а его эффект был настолько деморализующим, что все смотры были отменены, чтобы враг не мог ознакомиться с уменьшившимся числом своих противников. Десятки офицеров были уволены за казнокрадство, но их преемники, не испугавшись наказания, без колебаний последовали их позорному примеру. На рынках города государственные припасы были публично выставлены комиссарами на продажу. Лагерь был полон шпионов. Мало того, что многие мориско завербовались с целью предать своих товарищей, но и сами испанцы постоянно продавали повстанцам как государственные секреты, так и оружие. Целые гарнизоны взбунтовались из-за необходимых мер предосторожности, введенных их командирами; и не было ничего необычного в том, что группы, организованные для грабежа, покидали свои посты в нарушение прямых приказов генерала. Из этих мародеров мало кто возвращался, но их судьба не смогла удержать других; любовь к грабежу преобладала над всеми другими побуждениями; и безопасность войск часто подвергалась опасности из-за проступков беспринципных авантюристов, чью наглость и неподчинение, казалось, не могли обуздать даже высшие власти. Эти нарушения порядка и дисциплины никоим образом не ограничивались рядовыми; пострадали все звания вооруженных сил; и не кто иной, как сам маркиз де лос Велес, присвоил себе право действовать независимо от главнокомандующего и

игнорировать все приказы из штаб-квартиры, если они не отвечали его удобству или не способствовали его интересам.

Армия Ибн-Абу насчитывала двенадцать тысяч человек, из которых четыре тысячи были хорошо обученными аркебузирами. Эти силы, хотя по большей части и были хорошо оснащены, имели военный опыт, пользовались преимуществами ситуации и сражались за свободу на своей собственной территории, были неспособны добиться какого-либо важного результата, даже вступив в бой с деморализованным врагом. Достижения мориско, ограниченные блокадой нескольких крепостей и мародерскими экспедициями, преследовавшими земледельцев Веги, едва ли заслуживают внимания, а тем более подробного повествования. В окрестностях Оргибы и Базы их войска появились в полном составе, но сразу же отступили при приближении христиан. Мавританская тактика одержала верх только благодаря применению вероломных методов. Недостаток стабильности и решительности, который оказался фатальным для постоянства испано-арабской империи, проявился в заключительных операциях восстания Мориско. Превосходящая стойкость испанской пехоты неизменно приводила к победе, даже несмотря на превосходящие силы противника. Мавры легко впадали в уныние; после незначительного отпора их было невозможно сплотить; и, даже будучи защищены укреплениями, они не могли противостоять упорному упорству, которое было характерной чертой кастильцев.

С появлением на поле боя дона Иоанна Австрийского военные действия стали вестись с большей строгостью и жестокостью. Незначительные, но кровавые успехи мавров вселили в испанских солдат еще более безжалостный дух, чем прежде. Австрийский принц, поначалу склонный к снисхождению, вскоре из-за связей и предрассудков стал таким же бесчувственным, как самый подлый солдат в рядах. Осада и штурм Галеры, ставшие поворотным моментом войны, в поразительной степени продемонстрировали доминирующий принцип, который руководил умами тех, кто руководил кампанией. Этот город, расположенный на изолированной скале, был одним из самых сильно укрепленных мест в Испании. В дополнение к своему расположению, его возможности для обороны были превосходными. Его гарнизон состоял из трех тысяч ветеранов. Запасов у него было предостаточно, и предусмотрительность Ибн-Абу, который полностью оценил его ценность, задолго до этого полностью заполнила его склад и арсенал. Два фальконета, один из которых был захвачен у маркиза де лос Велеса, защищали замок, что было необычным преимуществом, поскольку мориско, как правило, не были обеспечены даже такой незначительной артиллерией. Скрытая галерея, прорезанная в горе и проходящая ниже русла реки у ее подножия, обеспечивала жителей водой, существование которой, неизвестное врагу, делало ее уничтожение невозможным. Помимо гарнизона, стены Галеры приютили население в пять тысяч человек, включая местных жителей и беженцев.

Все меры предосторожности, которые могли подсказать навыки и опыт, были приняты для усиления обороны места, считавшегося и без того неприступным. На улицах через частые промежутки времени возводились баррикады, а в домах между ними были проделаны отверстия, чтобы облегчить сообщение и обеспечить средства отступления. Город, построенный террасами на покатой скале, представлял собой восходящий ряд линий сопротивления. Те, кого обычно считали некомбатантами, были воодушевлены духом решимости, равным, если не превосходящим, духу гарнизона, и их присутствие обещало стать важным подспорьем, а не помехой в надвигающемся сражении.

Двенадцать тысяч человек под личным командованием дона Иоанна Австрийского осадили Галеру восемнадцатого января 1570 года. Подходы к городу оборонялись с упорной решимостью. Когда были отеснены за стены, стало очевидно, что позиции мориско настолько прочны, что обычные методы штурма должны оказаться бесполезными. Поэтому были прибегнуты к добыче полезных ископаемых, и проход, заканчивающийся под цитаделью, был с бесконечными трудностями прорублен в твердой породе. Как только все было завершено, для атаки был выделен штурмовой отряд, и взрыв сорока пяти бочек пороха возвестил о том, что мина сработала. Замку, однако, был нанесен небольшой ущерб; стены остались нетронутыми; и испанцы были отброшены с большими потерями. Были открыты и взорваны две другие мины, и одновременно было предпринято три штурма. Один взрыв нанес некоторый ущерб, но руины, поднятые другим взрывом, нейтрализовали его; потери повстанцев были незначительными, и снова испанцы выдержали кровавый и серьезный отпор.

Другая атака, в ходе которой осаждающим, взбешенным падением своего генерала, пораженного пулей, которую, к счастью, отразили его непробиваемые доспехи, удалось миновать крепостные валы, обеспечила им доступ на улицы. Здесь их встретили едва ли не менее серьезные препятствия, и их продвижение было затруднено, фут за футом. Посреди этих ужасных сцен жители Галеры соперничали в храбрости с солдатами гарнизона. Старики храбро сражались в первых рядах, защищая свои дома. Раненые и умирающие получали благодарную помощь нежных женщин, которые бесстрашно подставляли себя под огонь при исполнении обязанностей милосердия. Даже дети нежного возраста, которых не пугали дым и грохот битвы, носили с собой ракеты, чтобы отразить нападение врага. Вскоре состязание приобрело характер рукопашной схватки. Забаррикадированные улицы, дома с зубчатыми стенами, построенные из камня и с небольшим количеством проемов, на каждом шагу сдерживали продвижение нападавших. Девять часов с неослабевающей яростью бушевала битва. Наконец выживших загнали в угол укреплений, откуда не было выхода. Здесь, перед лицом безжалостного врага, Мориско дали свой последний отпор, не надеясь на милосердие и не боясь смерти. Молодые девушки умирали с ятаганами в руках, с решимостью, чуждой их возрасту и полу. Отцы намеренно убивали своих жен и детей, а затем бросались вперед, чтобы погибнуть от оружия испанцев. Даже ветераны Италии, привыкшие к зверствам, характерным для войн шестнадцатого века, были потрясены ужасной резней. Население было почти уничтожено. Из восьми тысяч человек, составлявших его, только полторы тысячи женщин и детей пережили последний штурм, который, не считая потерь осаждающих, стоил жизни тридцати шести сотням человек. Алчность победителей пощадила четыреста беспомощных пленников, которых дон Иоанн Австрийский, разгневанный потерями, понесенными его армией, приказал резать в его присутствии. В этой дьявольской бойне алебардчики королевской гвардии приняли заметное участие, воодушевленные одобрительными жестами своего командира, который с благочестивым самодовольством взирал на истребление этих непокорных неверных.

Осада Галеры запоминается не только доблестью защитников, но и тем фактом, что она указывает на истинное начало военной карьеры будущего героя Лепанто. Хотя на самом деле репутация этого принца не заслуживает особого доверия, популярность, которую он приобрел благодаря этому подвигу, раскрывает моральную извращенность общественного сознания в ту фанатичную эпоху. Не было произнесено ни слова порицания дикой мстительности, направленной против пожилых и беспомощных, класса, состояние которого отвечает самым великодушным побуждениям человечества, но чьей судьбе повсеместно аплодировали

фанатики всех степеней, как еще одному шагу к искоренению ереси. Дух врожденной дьявольщины, казалось, веками отличал принцев монархии, основанной Фердинандом и Изабеллой. Прогрессирующий упадок этой монархии со дня ее основания, поначалу незаметный и скрывающий неизлечимые пороки кастильского государственного устройства ложной славой бесплодных войн и разорительных триумфов и подлинным величием беспримерных открытий, доходы от которых использовались для угнетения и унижения бесчисленных миллионов людей, — одно из самых значительных и поучительных событий в истории человечества.

Взятие Галеры было дорогой победой. Характер сопротивления, оказанного ее защитниками, не позволял надеяться на успех подобных предприятий в будущем. Многие важные опорные пункты, столь же труднодоступные, не меньшей силы и с большим населением, все еще находились в руках повстанцев. Судьба этого места, хотя и была предупреждением, скорее укрепила упрямство, чем вызвала трепет у Мориско. Их бесстрашное мужество оставило на поле боя сотни их врагов. Тела мавров и христиан в равной степени устилали крепостные стены, а на улицах, по которым хлынула все нарастающая волна сражения, пали многие из самых выдающихся дворян на испанской службе. Понимая, с какими трудностями он может столкнуться, дон Джон потребовал от короля людей и денег. Подкрепление было легко получить, но средства на ведение войны могли быть получены только через духовенство, которое, как правило, всегда было готово извлечь выгоду из крестового похода, но которое обычно считало свою духовную помощь вполне достаточной и никогда не стремилось вносить существенные пожертвования. Это было достигнуто путем создания религиозных братств в каждой епархии, члены которых, покупая индульгенции, могли таким образом совершить важное служение Церкви и в то же время получить отпущение своих грехов. Схема оказалась на редкость успешной, и в конечном итоге были собраны более крупные суммы, чем те, которые были получены от продажи аналогичных концессий, выданных для этой цели непосредственно Святым Престолом.

Папское влияние, в то время преобладавшее в европейской политике, сразу после штурма Галеры предложило австрийскому принцу через Филиппа место генералиссимуса Священной лиги против турок. Обширными международными интересами, которые зависели от надлежащего исполнения этой должности, нельзя было пренебрегать или откладывать их защиту до тех пор, пока не пройдут многие месяцы, потраченные на подавление восстания нескольких тысяч повстанцев. К тому времени османский флот добился бы господства в Средиземном море, и неисчислимая орда кровожадных фанатиков обрушилась бы на европейский континент. Хотя военный престиж, по-видимому, был необходим для того, чтобы занять должность с такой ответственностью и властью, риск был слишком велик, а поле слишком узкое, чтобы стремиться к нему в кампании с такими сомнительными результатами, как кампания против Мориско. Дону Джону был отдан безапелляционный приказ ускорить дипломатическим путем то, чего, как было продемонстрировано, будет трудно и утомительно добиться с помощью оружия. Поэтому была предпринята попытка подорвать верность Фернандо аль-Хабаки, любимого советника Ибн Абу, чья мудрость и проницательность, как и у многих государственных деятелей его времени, были выше его патриотизма и честности. В ходе различных собеседований, номинально назначенных для целей, связанных с обменом пленными, было заручено сотрудничество этого влиятельного лица; ему было обещано безоговорочное помилование; и жизни тех, кто сдался добровольно, должны были быть сохранены. Как заместитель командующего, он получил возможность контролировать

значительную территорию для осуществления своего вероломного замысла; все отряды войск морисков за пределами Альпухаррас и в пределах его юрисдикции были внезапно выведены; встревоженные жители были брошены на произвол судьбы; многие из захваченных были обращены в рабство или отправлены на галеры; некоторым удалось бежать в горы; и весь район реки Альманзора, таким образом, доведенный до покорности, выдал такое множество пленников, что генерал, неспособный прокормить их или контролировать, был вынужден оставить их в покое до принятия соответствующих мер. могло быть изготовлено для их окончательной утилизации. Недавно обнародованный королевский указ предписывал переселить всех мориско из недавно завоеванных районов в Кастилию. Эта мера, номинально принятая в целях общественной безопасности, на самом деле имела своим источником более низменные мотивы; в стране восставших значительному числу мавританских собственников удалось среди общего смятения сохранить свои поместья; и эффективное средство избавления от назойливых соседей путем принудительного переселения продемонстрировало свою ценность, когда альбайсинские мориско прискорбно погибли на больших дорогах. Несчастные жертвы государственной политики и религиозных преследований были окружены и согнаны, как скот; их число не поддается учету, но оно, должно быть, исчислялось тысячами; то небольшое, что у них было, им великодушно разрешили продать за бесценок; и, лишенные крова и почти голые, они были распределены по пустыням Ламанчи, где дикие крестьяне, считая их незваными гостями, причиняли этим несчастным изгнанникам все безобразия, какие только могла придумать злоба или осуществить беззаконие. Присутствие Мориско в Кастилии, в то время недавнее событие, без сомнения, натолкнуло плодовитый ум Сервантеса на мысль об одном из самых занимательных эпизодов в венце шедевра испанской литературы.

Оставшиеся крепости мориско, вопреки общим ожиданиям, обескураженные изменой Аль-Хабаки, были далеки от подражания героическому примеру Галеры. Серон, Пурчена, Тийола, все хорошо укрепленные города, сдались без серьезного сопротивления. Переговоры, теперь санкционированные Ибн Абу, все еще продолжались с Аль-Хабаки, чье предательство, похоже, не разрушило гармонии, существующей между ним и его сувереном. Нетерпение дона Джона по поводу прекращения военных действий побудило его опубликовать прокламацию о частичной и условной амнистии. Его условия предоставляли жизнь всем без различия, кто в течение двадцати дней сдастся; обещали, что мужчины в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет, которые в течение указанного срока доставят соответствующим должностным лицам аркебузу или арбалет, не должны продаваться в рабство; и требовали, чтобы лидеры восстания и те, кто не пожелал воспользоваться прокламацией, были выданы в качестве необходимого предварительного условия для снисхождения к тем, кто подчинился. Двусмысленность, пронизывавшая документ, заставила отнестись к нему с подозрением, и Мориско, на собственном опыте убедившиеся в двуличии своих врагов, отказались принять условия, неопределенность которых давала повод для злоупотреблений и неправильного толкования, даже если они на самом деле не были составлены с этой целью.

Не имея больше возможности справляться со своими противниками в открытом поле, Ибн-Абу принял более эффективную политику партизанской войны. Его армия, разделенная на сильные отряды, была размещена в выгодных точках, откуда можно было наблюдать за действиями противника и легко поддерживать связь. Таким образом, захватчики оказались в крайне невыгодном положении. Мавры отступили перед их наступлением; города были эвакуированы; все имущество вывезено или спрятано; обозы были отрезаны, а армия герцога Сесского, командовавшего христианами, была почти доведена до крайности голодом. Стало абсолютно

необходимым создать базу снабжения, и маркиз Фавара был отправлен со значительными силами в Калаорру. Испанцы благополучно достигли места назначения; но их передвижения не ускользнули от бдительности горцев, и их обратный переход, предпринятый без мер предосторожности, принятых каждым мудрым командиром, наткнулся на засаду в долине Раваха. Здесь дорога, устроенная так, что четыре человека с трудом могли двигаться в ряд, была перегорожена навьюченными вьючными животными, намеренно оставленными там маврами; и солдаты, соблазненные надеждой на добычу, в беспорядке схватили их. Меры Ибн-Абу были приняты с непревзойденным мастерством. Испанцы, безнадежно запутавшиеся в узком ущелье и полностью окруженные, были безжалостно перебиты. Во время прежних атак горы всегда оглашались пронзительными боевыми кличами нападавших, но теперь ни один звук, кроме разрозненных выстрелов аркебуз и свиста стрел, не нарушал зловещей тишины этой сцены. Авангард и центр были уничтожены еще до того, как маркизу сообщили о присутствии врага. Ему удалось спастись только благодаря сверхчеловеческому усилию, и из шестнадцати сотен солдат, составлявших его команду, четырнадцать сотен искупили военные преступления, связанные со служебной халатностью и пренебрежением дисциплиной. На мавританской стороне не было убито ни одного человека, и менее двадцати были ранены. История проводит лишь несколько параллелей с битвой при Равахе, если учитывать как численность сражавшихся, так и неприкосновенность победителей.

Эта катастрофа вынудила их поспешно отступить, и, не потревоженные врагом, у которого было достаточно возможностей перехватить их, испанцы отступили к Адре. Их отчаянное положение от голода было таким, что в садах и огородах по соседству не осталось ничего съедобного, и хроники рассказывают, что не осталось даже листочка. Взятие незначительной крепости Кастиль-де-Ферро, гарнизон которой насчитывал менее сотни человек, было единственным подвигом, нарушившим катастрофическое однообразие кампании герцога Сесского. Альпухарры, хотя и были все еще заняты мориско, были практически неприступны. Каждая вражеская армия, вошедшая в их ущелья, оставила после себя следы полного опустошения на площади во много квадратных лиг. Поля были опустошены. Деревни сожжены. Информация из скрытых журналов жителей была продана их соотечественниками, а запасы, предназначенные на зиму, были унесены или уничтожены. Во многих местах крестьяне искали убежища в пещерах. Излюбленным развлечением испанцев было задушить этих несчастных дымом, подобно множеству диких животных в их норах. На выживших охотились в горах, как на дичь. Однажды дон Джон получил самый приемлемый подарок в виде четырехсот голов и тысячи ста пленников. Это было замечательное обстоятельство, когда были захвачены сколько-нибудь значительные группы повстанцев, поскольку беспорядочная резня была правилом каждой кампании. Выкуп пленников и передача их инквизиции считались особенно благочестивым и достойным поступком. Судьба, уготованная этим несчастным жертвам, заставляла самые шокирующие чудовищности открытой войны казаться тривиальными по сравнению с ними.

Отношения Аль-Хабаки с христианами были теперь общеизвестны; его соотечественники постоянно пользовались его влиянием; и его власть стала настолько велика, что даже сам Ибн Абу был вынужден заискивать перед своим министром и одобрять действия, которые он искренне не одобрял, чтобы не навлечь на себя враждебность фаворита, которому фактически была передана верховная власть. Последний счел, что наконец настало время для завершения его предательских переговоров. В лице Ибн-Абу и в сопровождении семнадцати

высокопоставленных мориско он встретил уполномоченных дона Джона в Андараксе. Из конференции ничего не вышло, но тайное соглашение между министром и испанцами было заключено в соответствии с предварительной договоренностью. Ловкая подмена документа, содержащего уступки испанцев, документом, содержащим требования мориско, довершила обман последних; высокомерие кастильцев заставило отозвать послов; и Аль-Хабаки с одним спутником предстал перед доном Джоном и от имени Ибн-Абу отдал свой собственный ятаган и ответил за капитуляцию повстанцев. Этот фарс возымел незначительный эффект и был быстро отвергнут королем морисков. Затем Аль-Хабаки получил от испанского генерала восемьсот золотых дукатов, на которые мог собрать отряд, особой задачей которого было доставить Ибн Абу живым или мертвым. Известность Аль-Хабаки вскружила ему голову. Его неосторожное хвастовство выдало его; он был схвачен турками, заключен в тюрьму и задушен. Договор, который он заключил, пожертвовав всеми принципами чести и патриотизма, умер вместе с ним. Ибн Абу использовал все средства, чтобы не допустить огласки казни своего вероломного министра. Все еще настроенный на сопротивление, он надеялся, потянув время с врагом, добиться лучших условий. Его ресурсы ни в коем случае не были исчерпаны. Под его командованием находилось пять тысяч хорошо экипированных ветеранов. Он лелеял надежду на помощь из Африки — это фатальное начало каждой мусульманской революции, которое так много обещало и всегда заканчивалось ничем. Тем временем в христианском лагере царила неопределенность. Хотя официальная капитуляция уполномоченного должностного лица была официально подписана, ни один повстанец не сдался. Местонахождение Аль-Хабаки было неизвестно, и, хотя о его смерти никто не подозревал, его отсутствие объяснить было невозможно. Под подпиской о невыезде к королю морисков был отправлен посланник; вскоре он выяснил правду и привез обратно послание с вызовом. Немедленно были сделаны приготовления к возобновлению военных действий; испанская армия в составе трех дивизий двинулась на Альпухаррас со стольких же различных направлений, и были приложены все усилия, чтобы завершить войну энергичным проведением кампании. Положение Ибн Абу стало критическим. Страна, в которой он был вынужден действовать, была лишена всего, что могло поддерживать жизнь. Большая его часть, которая несколько лет назад демонстрировала высокую степень возделывания, была превращена в первобытное уединение, где только обугленные остатки некогда цветущих поселений свидетельствовали о былом присутствии человека. Его армия была обескуражена безжалостным преследованием врага. Как обычно, честно обещанная поддержка из Африки оказалась иллюзией.

Мавританский принц послал своего брата Мухаммеда аль-Галипу, опытного военачальника, руководить восстанием в Серрания-де-Ронда. Преданный проводником-христианином, который провел его вглубь испанских позиций, он был убит, а его эскорт из двухсот отборных солдат уничтожен. В Валенсии заговор, созданный в сговоре с мориско из Альпухарраса, был раскрыт прежде, чем он успел созреть, и его зачинщики были наказаны с беспощадной жестокостью. Окруженный многочисленным и могущественным врагом, Ибн Абу осознал невозможность сопротивления и распустил свою армию. Несколько его приверженцев нашли убежище среди своих сородичей в Берберии. Большинство, однако, не имея возможности сбежать и презирая подчинение, которое подразумевало рабство худшее, чем смерть или пытки инквизиции, осталось со своим сувереном. Все они были рассеяны по горам и нашли убежище в пещерах этого региона, которые были известны только пастухам и тем, чьи жилища находились в самых диких и труднопроходимых частях сьерры. Марш испанцев совершался среди тишины опустошения. Время от времени вдалеке можно было видеть летящие отряды

разведчиков, но никакого сопротивления не встречалось. Все, что избежало разрушительного прогресса прежних экспедиций, теперь было уничтожено. Солдаты, бродившие в поисках добычи, иногда натыкались на обитаемую пещеру; ее обитатели были изгнаны огнем, а применение пыток вскоре выдало местонахождение других. В одном из них жена и дочери Ибн-Абу были задушены, в то время как он сам с двумя товарищами сбежал через потайной ход в горе. Ненасытная жажда крови и добычи, подстегивавшая захватчиков, делала длительное сокрытие невозможным. С каждым новым открытием в результате беспощадных и дьявольских пыток, изобретенных кастильцами, последовательно обнаруживались другие убежища. Женщин пощадили и приговорили к рабству. Пленников мужского пола моложе двадцати лет, как правило, постигала та же участь; все старше этого возраста были преданы смерти, некоторые в результате длительных и ужасных страданий. Высокое положение, невинность, беспомощность возраста, трогательная немощь болезни, важные услуги, ранее оказанные королевскому делу, перспектива будущей лояльности, которая могла бы возникнуть в результате разумно оказанного милосердия, соображения общественного благосостояния, зависящие от сохранения трудолюбивого народа, не освобождали от неумолимого указа об уничтожении, приводимого в исполнение при любых обстоятельствах с дикой злобой. Выслеживание беглых мориско было не менее захватывающим и гораздо более прибыльным занятием, чем охота на диких зверей. Не было ничего необычного в том, что группу этих перепуганных несчастных преследовали на расстоянии пятидесяти миль. Никаких препятствий не было достаточно, чтобы удержать испанцев в неустанных поисках своей добычи; чем тяжелее были перенесенные лишения, тем больше удовольствия доставляло, когда жертвы, тщетно молившие о пощаде, предавались мечу или сжигались на костре. На этот раз в Альпухаррах не осталось ни одного организованного врага, который мог бы в будущем нарушить покой монархии. В течение месяца было убито или обращено в рабство более десяти тысяч повстанцев. Везде, куда могли проникнуть солдаты, были одинаково сметены все признаки человеческой жизни и искусственной растительности. Террасированные склоны гор, превращенные бесконечным трудом в прибыльную культуру, некогда улыбающиеся и плодородные долины были возвращены в их исконную дикость. В этом бесконечном уединении не осталось ни единого голоса, который оспаривал бы догмы Церкви или оскорблял щепетильность ортодоксов празднованием нечестивых и ненавистных обрядов ислама.

В Серрания-де-Ронда повстанцы все еще продолжали действовать, но амбиции соперничающих вождей, стремящихся к верховной власти, расстроили планы друг друга и в конечном итоге привели к всеобщему замешательству. Доблестная репутация, которой добились горцы Ронды, была общенациональной; военные операции в этой местности велись не с такой энергией, как в других местах, но непримиримый дух фракционности, всегда столь губительный для прогресса и стабильности арабской расы, снова выступил мощным фактором дезорганизации. Резкая кампания, руководимая герцогом Аркос, рассеяла силы повстанцев, и Серрания-де-Ронда, хотя и не была фактически завоевана, больше не содержала сил, способных даже на временное сопротивление.

Теперь, когда война практически закончилась, королевской прокламацией было объявлено, что все мориско, без единого исключения, должны быть навсегда изгнаны из королевства Гранада. Приказ был выполнен в точности под наблюдением дона Иоанна Австрийского. Число изгнанников составляло от пятидесяти до ста тысяч. Превосходная дисциплина и личное внимание принца предотвратили ужасы, сопровождавшие изгнание жителей Альбайсина. Одних отправили в Севилью и Мурсию, других - в Эстремадуру, Ламанчу и Наварру.

Кастильские крестьяне были возмущены их появлением среди добрых христиан и оказали сопротивление солдатам, одно присутствие которых предотвратило резню. Как обычно, земли, которыми владели мориско, были конфискованы в пользу короны; их личная собственность была принесена в жертву за гораздо меньшую сумму, чем ее стоимость, и многие, до сих пор привыкшие к роскоши, лишены того немногого, что им удалось спасти от испанской алчности, добрались до своих новых домов в состоянии абсолютной нищеты. Отдаленные крепости Альпухаррас все еще скрывали множество беглецов, которые лелеяли ложную надежду, что среди ликования, сопутствующего победе, они смогут остаться незамеченными и забытыми. Среди них был Ибн Абу, чьи последователи, печально известные монфи, одинаково недоступны ни чести, ни жалости, были готовы на любой акт предательства, и некоторые из них уже обсуждали целесообразность получения прощения путем принесения в жертву царя. Эти бездомные бродяги вскоре поняли, что они по-прежнему являются объектами враждебности испанцев. Создание регулярных гарнизонов и расформирование остальной армии совпали по времени с формированием отрядов разведчиков, в обязанности которых входило прочесывать страну и захватывать каждого мориско, которого удавалось найти. Чтобы стимулировать их активность, за каждого повстанца была предложена награда в двадцать дукатов. Теперь преследование Мориско стало более прибыльным развлечением, чем когда-либо. Самый дикий участок сьерры был обследован фут за футом. Было схвачено большое количество беглецов, и тюрьмы вскоре стали слишком маленькими, чтобы вместить толпы, которые переполняли их до удушья. Величайшее усердие властей было недостаточным для обеспечения жильем вновь прибывших, даже путем массовой казни старых. Наиболее выдающиеся заключенные были повешены. Другие подверглись пыткам. Многие были переданы инквизиции, которая, хотя никогда не переставала иметь жертв, была рада возможности подать наглядный пример в отношении таких беспокойных еретиков. Большинство из них были приговорены к галерам, что, принимая во внимание все обстоятельства, было, пожалуй, самым суровым наказанием, которому мог подвергнуться заключенный. Считаться простой машиной, почти лишенной индивидуальности и чувств, на несколько дней прикованной к веслу, одинаково подверженной палящему солнцу и буре, ежечасно терзаемой бичом жестокого надсмотрщика, плохо питающейся и незащищенной от оружия врага - никакая судьба, уготованная несчастному человечеству, не показалась бы предпочтительнее участи галерного раба. Наконец, имевшихся в Гранаде средств оказалось совершенно недостаточно для расправы с пленными мориско; командирам крепостей и аванпостов были предоставлены чрезвычайные полномочия; сцены резни были перенесены из столицы во все доступные точки Альпухарраса, и объекты национальной ненависти и нетерпимости ежедневно сотнями людей несли суровую кару в виде несчастий и поражений.

Поимка или смерть Ибн-Абу теперь уже одного была необходима для полного удовлетворения христианской мести. С незначительным трудом Гонсало-аль-Сениза, пользовавшегося его доверием и делившего с ним палатку, убедили предать его. Вознаграждение за предательство было определенно оговорено заранее, главными поощрениями были пенсия в размере ста тысяч мараведи и обещание амнистии. Попытка захватить несчастного принца живым не увенчалась успехом; он был убит в борьбе; некоторые из его верных товарищей были изрублены на куски, некоторые умоляли сомнительных христиан о милосердии, а другим после многих опасных приключений удалось бежать в Африку. Тело короля морисков, привязанное, как тук с товаром, к вьючному животному, было перевезено в Гранаду и оставлено у дверей

муниципального дворца. Затем были сделаны приготовления к церемонии, не имеющей аналогов в истории цивилизованных народов, характер которой показывает, до какой глубины пали низменные потомки кастильского рыцарства. Прокламация была выпущена в ознаменование пародии на королевскую власть и публичного оскорбления мертвых. В назначенное время огромное множество людей, привлеченных новизной зрелища со всех уголков города и на расстоянии многих лиг вокруг, заполнили улицы и площади живописной старой мавританской столицы. Линия марша вела от площади Баб-аль-Рамбла к подножию холма Альгамбра, по маршруту, который в славные дни правления эмиров был ареной многих военных триумфов. Процессию возглавлял труп Ибн-Абу, удерживаемый в вертикальном положении скрытым деревянным каркасом, который был прикреплен к спине мула. Чтобы обеспечить его сохранность, тело было вскрыто, внутренности извлечены, а полость заполнена солью; он был одет в алые с золотом одеяния королевской особы; на голове у него был тюрбан халифов; лицо было непокрыто, и бледные, ужасные черты, казалось, с их неподвижным и скорбным выражением, с упреком взирали на глумящуюся толпу. Рядом с мулом шел предатель Гонсало-аль-Сениз, неся великолепное оружие короля, которого он предал, - арбалет и ятаган, украшенный золотой чеканкой. В арьергарде маршировал отряд мориско, освобожденный от общего запрета на участие в этой церемонии, нагруженный личными вещами и багажом мусульманского принца. Многочисленный эскорт аркебузирова сопровождал кортеж, который был принят с подобающей помпой генерал-капитаном и всеми военными и гражданскими чиновниками королевства. Передавая герцогу Аркос сверкающее оружие, которое у него было, Гонсало аль-Сениз заметил на образном языке Востока: "Пастух не смог привести овцу живой, но он принес руно". В присутствии собравшихся сановников королевства голова Ибн-Абу была отрублена, а затем помещена в железную клетку и укреплена на зубчатой стене ворот Баб-эль-Рача, обращенных к Альпухаррам. Сундук был оставлен толпе детей, которые забавлялись, взламывая и уродуя его, пока, устав от этого необычного времяпрепровождения, не сожгли его на костре.

Такова была недостойная судьба последнего представителя императорского рода Оммеядов. Восемьсот лет назад Абд-ар-Рахман, затравленный, как дикий зверь, в Ливийской пустыне, был призван из неизвестной и опасной жизни основать великую и могущественную империю. Хотя она быстро достигла своего расцвета, этой империи потребовалось много столетий для ее окончательного свержения. Гордая династия Западного халифата закончилась так же, как и началась, изгнанием, предательством, насилием. Причины, ускорившие ее зрелость, также в значительной степени способствовали ее упадку. Устремления ее правителей были, в основном, благородными и великодушными. Их заслуги перед человечеством имели неисчислимую ценность и далеко идущие последствия. Огонь и меч тирании и преследований не могли стереть неизгладимого впечатления, произведенного идеями, которые они пропагандировали, наукой, которую они развивали, литературой, которую они создавали. Они пережили пытки инквизиции, анафемы папы римского, потрясения революции, погребальные костры Хименеса. Примечательным фактом является то, что в то время как испано-арабы ввели в сферу своего влияния и культуры самые отдаленные народы, их ближайшие соседи были неспособны оценить их достижения или извлечь пользу из их знаний. Закоренелое предубеждение испанских христиан против всех сторон мавританской жизни и нравов было фатальным для их интеллектуального развития. Они считали незваных гостей варварами, как, впрочем, и большинство их потомков делают это даже по сей день. Они не вступали в тесный контакт ни с какой другой формой цивилизации, и вместо того, чтобы принять то, что их

невежество и фанатизм побуждали их ненавидеть, они предпочли полагаться на свои собственные ограниченные ресурсы. В результате их психическое и социальное состояние, которое пока не улучшалось, постепенно ухудшалось. Готы эпохи Родерика были более утонченными, более умными, движимыми лучшими мотивами, способными к более высоким устремлениям, восприимчивыми к более благородным импульсам, чем испанцы, управляемые Карлом и Филиппом. Продвигаясь от берегов Вислы к берегам Средиземного моря, они столкнулись со многими народами, долгое время находившимися под цивилизирующим влиянием Рима. Немало из них посетили сам Вечный город. Некоторые служили в армиях распадающейся империи; все были впечатлены величественными памятниками ее великолепия и мощи. При дворе последнего из готских королей были люди, знакомые с шедеврами классической литературы. Его публицисты составили свод законов, который является основой любой современной системы юриспруденции. В механическом искусстве готическое мастерство и трудолюбие достигли немалого прогресса. Хотя феодализм тормозил развитие общества, его привилегии, вопреки практике последующих времен, пока еще серьезно не посягали на достоинство и прерогативы трона. Институт соборов, находившийся под влиянием церкви, не был полностью подчинен интересам суеверий и часто оказывал благотворное влияние на произвольные замыслы тиранического монарха.

У испанцев шестнадцатого века все было подчинено единому принципу - возвеличиванию Церкви. Его слуги были избранными доверенными лицами монарха; его политика направляла его передвижения, контролировала его поступки, снабжала его идеями, разжигала его предрассудки. Все, что было достойно названия учености, духовенство монополизировало и извращало. Они усердно поощряли невежество масс, пока на всем европейском континенте в настоящее время не осталось более невежественного класса, чем крестьянство Испанского полуострова. Сокровища мира с несравненной расточительностью расточались на религиозные учреждения и сооружения. Десятой доли богатства, растраченного на эти обширные фонды, история которых запятнана скандалами, было бы достаточно под разумным руководством, чтобы превратить всю страну в сад и превратить Испанию в одну из богатейших наций. Церковность поощряла преступность и праздность, делая нищенство респектабельным и поощряя беспорядочное раздавание милостыни как главную добродетель. Изгнание евреев и мориско было действиями, полностью согласующимися с общей схемой их государственного устройства. Они были необходимы для реализации религиозного единства, которому без колебаний приносились в жертву все соображения национального благосостояния, общественной веры и личной порядочности. Зверства, сопровождавшие эти жестокие и катастрофические меры, считались особенно достойными и наиболее приемлемыми для Богомстителя. На таком ненадежном фундаменте была воздвигнута великолепная, но ненадежная основа испанского величия. Печальное наследие досталось потомству тех суровых воинов, которые основали империю на обломках цивилизации, отказе от международных договоров и стирании целых рас с лица земли.

Война, приведшая к завоеванию и порабощению мориско, продолжалась немногим более трех лет. Ни один период такой продолжительности в истории полуострова не был чреват более важными последствиями. Испанцы потеряли в боях, переохлаждении и болезнях шестьдесят тысяч человек. Потери мавров были намного больше; двадцать тысяч человек были убиты с оружием в руках, но не сохранилось сведений о тех, кто был хладнокровно убит. Расходы, связанные с уничтожением наиболее полезной части населения, привели в ужас коррумпированных и некомпетентных финансистов королевства. Экстраординарные и

неразумные финансовые методы, изобретенные для устранения зла, только усугубили его и привели к отчаянию. Повторяющиеся кампании опустошения превратили всю страну в пустыню. Было не только уничтожено материальное богатство, но и навсегда лишены средств к восстановлению сил. Под железной рукой безжалостных преследований промышленность исчезла. Напрасно правительство предлагало иммигрантам и колонистам заманчивые стимулы — плодородные земли, умеренную арендную плату, номинальное налогообложение. Немногие приняли эти предложения, и еще меньше осталось. Южные провинции продолжали оставаться добычей горных разбойников и берберийских корсаров. Жизнь и имущество были заведомо небезопасны. Кастильская гордость и леность были несравнимы с терпеливым трудом, благодаря которому склоны холмов и долины расцвели буйной растительностью; и люди, чьим любимым занятием на протяжении веков была война, были совершенно лишены сельскохозяйственного опыта и навыков, необходимых для воспроизведения этих чудесных результатов. Королевские владения в 1592 году ежегодно приносили сумму, равную пятнадцати тысячам долларов; в последние годы мусульманского правления, когда королевство было истощено непрекращающимися войнами и восстаниями, доходы из этого источника, приносимые территорией равной площади и плодородия, были более чем в десять раз больше. Разграбленные, замученные, изгнанные, мориско все еще подвергались бесчисленным притеснениям; проклятие их расы всегда было над ними. Но в конце концов они были сравнительно освобождены от отвратительного обвинения в ереси. После 1595 года самая строгая инквизиторская бдительность была неспособна или не желала обнаруживать какие-либо неортодоксальные мнения или нарушения церковной дисциплины среди этих бесперспективных прозелитов. И все же было печально известно, что они были невежественны в доктринах Церкви и что компетентные лица не были назначены для их наставления. Некоторые zeloty, действительно, утверждали, что им не следует разрешать общаться и что выставление Воинства в их церквях было осквернением; другие, с другой стороны, отказывали в отпущении грехов тем, кто не признавал отступничества. Их признания часто считались фальшивыми, и священники, принимавшие их, без колебаний нарушали обязательства своего ордена, разглашая магистрату конфиденциальные сведения. Мориско не мог сменить место жительства без разрешения; ему не разрешалось владеть оружием; приближение ближе чем на сорок миль к Гранадскому королевству каралось смертью. Несмотря на эти суровые правила, многим удалось ускользнуть от бдительности властей. Некоторые нашли убежище в Валенсии, где феодалы все еще защищали своих братьев; другие спрятались в Альпухаррах; многие бежали в Африку. В их новых домах к ним, как правило, относились с гораздо большим снисхождением, чем в старых. Прелаты и знать, наживавшиеся на своем трудолюбии, нередко использовали свое влияние, чтобы предотвратить преследование, заинтересованные чиновники потворствовали нарушениям закона, и для альгвасила, назначенного препятствовать проведению праздника Рамадан, было обычным делом проводить время, пьянствуя с теми, кого его обязанность заключалась в том, чтобы сдерживать. Положение Мориско также стало менее невыносимым благодаря тайному найму как гражданских, так и церковных сановников высокого ранга и широкого влияния за регулярное жалованье для защиты их прав и срыва злодейских замыслов их врагов.

Некогда цветущая земля Гранада была пустыней, но требования ортодоксального христианства наконец были удовлетворены. Правовверные с нескрываемым самодовольством взирали на плодородную территорию, некогда богатую всевозможными сельскохозяйственными продуктами, а теперь заброшенную в бесплодие, но которая больше не была осквернена

оскверняющим присутствием еретиков и неверных. Но в то время как Вера была подтверждена изгнанием этих объектов благочестивого отвращения, секрет процветания исчез вместе с ними. Привезенные колонисты были не в состоянии в новых и непривычных условиях и без учета бережливости и терпения, которые обеспечивают успех, сделать свои предприятия прибыльными; более того, большинство из них едва могли существовать. Их налоги, в нарушение контракта и из-за насущных потребностей государства, постепенно увеличивались; требования назойливых кредиторов и деспотичных чиновников довели их до отчаяния; и эти поборы, которые истощали скудные доходы от плохо организованного земледелия, держали несчастных иммигрантов в состоянии безнадежной нищеты. Они либо бросили свои фермы, либо были насильственно изгнаны, и в 1597 году королевские поместья были проданы, поскольку было признано невозможным управлять ими с прибылью.

В то время как в Гранаде царили такие удручающие условия, те части королевства, которые неохотно приняли изгнанных мориско, испытали на себе благотворные результаты их трудов. Доселе бесплодные районы Ламанчи и Эстремадуры начали проявлять признаки беспрецедентного плодородия. Новые поселенцы были миролюбивы, бережливы, трудолюбивы. В Кастилии они, как правило, были фермерами; в Арагоне - торговцами; в Валенсии - фабрикантами. Немало из них достигли больших успехов в медицинской практике и хирургии; и, подобно евреям прошлых веков, они часто нанимались ко двору и семье государя. Жизнь Филиппа III. когда ребенок был спасен благодаря мастерству мавританского врача, услуга, которая была плохо вознаграждена деяниями его зрелости. Изгнанники практически пожертвовали средства, которые поддерживали монархию. Ненасытная алчность авантюристов вскоре истощила имеющиеся богатства великолепной колониальной империи. Официальная коррупция постоянно истощала обычные источники доходов. При всех финансовых трудностях налогообложение мориско представляло собой надежное и прибыльное средство пополнения казны. Их бремя было сначала удвоено, затем увеличено вчетверо. К ним применялись всевозможные поборы. Их должники платили им фальшивой монетой, отчеканенной в их пользу. Фальшивые драгоценности были заложены у них в качестве ссуд. Хитроумие закона использовалось для того, чтобы безнаказанно обманывать их, в то время как самые суровые наказания налагались на них за незначительное злоупотребление доверием. Они систематически подвергались надувательству мошенников и ростовщиков. Всеми возможными способами им давали почувствовать незаслуженную деградацию их касты и полную безнадежность облегчения. И все же под гнетом злобы и несправедливости они процветали и сохраняли, по крайней мере, видимость невозмутимости. По правде говоря, ничто не могло быть направлено против их морали. Номинально они были добрыми христианами. Они посещали мессу. Они следовали обычаям своих правителей, носили их одежду, участвовали в их празднествах, говорили по-кастильски. Их размеренный образ жизни и жизнерадостный дух при несчастьях способствовали необычайному долголетию. Не было ничего необычного в том, что они встречали людей, чей возраст перевалил за столетний рубеж. Ранние браки и полигамные союзы привели к тому, что население увеличилось с поразительной быстротой. Перепись населения, регулярно проводимая семейством Мориско для определения доли налогов, которые должны были взиматься с них, и обеспечения их справедливого распределения, убедительно продемонстрировала, что этот рост происходил в прогрессивном соотношении, которое было феноменальным по своему характеру. Подсчет, проведенный в Валенсии в 1602 году, показал увеличение на десять тысяч за три года. Современные исследования установили тот факт, что население, существующее при наиболее благоприятных

экономических условиях, будет удваиваться каждые двадцать пять лет. Мориско намного превысили эту оценку, поскольку темпы их роста были втрое выше. Это чудесное увеличение, должно быть, совпало с высочайшей степенью процветания, иначе многочисленным детям не удалось бы обеспечить средства к существованию. Это состояние не было характерно для Валенсии: то же самое было в Арагоне, Кастилии, Эстремадуре, Андалусии. Мавры, которым не удалось победить своих врагов с помощью оружия, теперь угрожали сокрушить их одной лишь численностью. Испанцы, не будучи достаточно цивилизованными, чтобы регулярно и точно проводить перепись населения, не знали о численности своего собственного населения по сравнению с численностью своих мавританских подданных; но было очевидно, что огромный перевес был в пользу последних.

Чиновники были настолько встревожены, что незадолго до смерти Филиппа II. его попросили запретить любое дальнейшее перечисление Мориско, поскольку это знакомо их с их властью и в конечном итоге должно было нанести ущерб интересам монархии. Помимо их угрожающего роста, который никакой надзор, каким бы эффективным он ни был, не мог предотвратить, они обладали качествами, которые делали их крайне неприятными для своих хозяев. Их бережливость, проницательность и предприимчивость делали конкуренцию с ними невозможной. Не было прибыльного занятия, в котором они не преуспели бы. В сельском хозяйстве у них не было соперников. Они монополизировали все промышленные предприятия; все наиболее полезные отрасли находились под их контролем. Они недооценивали кастильских крестьян на своих собственных рынках. Даже самые состоятельные люди, наученные предыдущим опытом, старательно избегали всякой демонстрации роскоши; но мавританский ремесленник не утратил вкуса и ловкости своих предков, и великолепные изделия ткацкого станка и оружейной по-прежнему стоили дорого в крупных городах Европы. Было известно, что Мориско богаты, и общественное мнение, как это неизменно бывает, с удовольствием преувеличивало ценность их владений. Хотя они много продавали, потребляли сравнительно мало, а покупали еще меньше. Хотя преступление ереси больше не могло быть последовательно вменено им, благовидные соображения государственной политики, а также уважение к неискоренимым национальным предрассудкам требовали их пресечения. Их процветание, обеспеченное за счет соседей, и постоянный упрек в праздности и неспособности последних были показателем упадка Испании. При существующем состоянии общественного сознания и под руководством государственных деятелей, контролировавших действия короля, легко можно было найти предлог для совершения любой несправедливости. Мориско Валенсии, самая многочисленная, богатая и влиятельная группа своего народа, находившаяся под покровительством знати, всегда проявляла меньшее рвение в соблюдении обязанностей Церкви, чем их собратья, и таким образом навлекла на себя подозрение в вероотступничестве. Было объявлено, что после целого поколения шпионажа, молитв и религиозного обучения они все еще оставались тайными мусульманами. Это мнение, возможно, в некоторых случаях не лишнее оснований, было абсолютной уверенностью в ограниченном уме дона Хуана де Риберы, архиепископа Валенсии, прелата мстительного нрава, своевольного нрава, ограниченных способностей и жестоких предрассудков. Своей репутацией набожного человека он во многом был обязан тому факту, что донес инквизиции на более чем четыре тысячи предполагаемых мавританских вероотступников. Зная о его чувствах к ним, Мориско обычно оставались глухи к его увещаниям и угрозам и тем самым еще больше навлекали на себя его неудовольствие. Энергия Риберы постоянно направлялась на уничтожение этих предполагаемых еретиков либо путем изгнания, либо путем истребления. С этой целью он

обратился к Филиппу III, который теперь взошел на трон, с несколькими мемориалами, в которых объекты его гнева обвинялись во всех преступлениях против гражданского и нравственного закона — государственной измене, убийстве, похищении людей, богохульстве, святотатстве. В этих обращениях мориско были названы “губкой, впитавшей богатства Испании”. Он подкрепил свои аргументы экстраординарным заявлением о том, что уничтожение Армады было божественным судом за снисходительность, проявленную к этим врагам Веры, и что Филипп II. он знал об этом, поскольку сам сообщил ему об этом факте. Недавние землетрясения, бури и кометы также были мудро приписаны той же причине. Мориско были осведомлены о замыслах, которые архиепископ преследовал во вред им, и попытались заручиться помощью Франции и Англии, обе эти страны в то время были враждебны Испании. Они предложили королю Генриху IV. услуги ста тысяч хорошо вооруженных солдат, если он вторгнется на полуостров. Герцог Салли говорит, что они даже выразили свою готовность принять протестантизм в обмен на поддержку, поскольку это форма богослужения, не запятнанная идолопоклонством, как в Риме. Были начаты частные переговоры с дворами Парижа и Лондона, и последние даже назначили комиссии для проверки заявлений Мориско; но к какому-либо заключению прийти не удалось, и заговор в конце концов был предан теми самими монархами, чья честь обязывалась сохранять тайну. Мавры также отправили посольство к турецкому султану, прося его о помощи и присягая ему на верность. Ни один план, обещавший помощь, не был проигнорирован. Разъяренный Рибера снова обвинил короля в опасностях, которые таит в себе терпимость к такому многочисленному и вероломному народу; он назвал их процветание и высокий интеллект преступлениями против государства; и поскольку абсолютное истребление казалось невозможным, он предложил изгнание как более неудобное, но не менее эффективное средство. Дворяне снова вступились за своих вассалов, и пока король колебался, мориско попытались предвосхитить его решение, организовав обширный заговор. Снова они были преданы, на этот раз кем-то из их числа. Общественное мнение, возбужденное этими событиями и еще больше распаленное церковной злобой и пагубным влиянием герцога Лерма, всемогущего министра Филиппа III, теперь настоятельно требовало их изгнания. Этот дворянин с низким происхождением и беспринципным характером, доминирующей страстью которого была алчность, был вице-королем Валенсии. Его брат был великим инквизитором, и их влияние легко перевесило протесты папы римского, чей голос был на стороне милосердия.

Четвертого августа 1609 года в Сеговии был подписан королевский указ, объявлявший о судьбе валенсийских мориско. Ни одна мера предосторожности, которую могло подсказать благоразумие, не была проигнорирована, чтобы предотвратить катастрофу, последовавшую за ее применением. Большие количества войск были взяты под ружье. Границы королевства патрулировала кавалерия. Семьдесят семь военных кораблей, самых больших во флоте, были собраны на побережье. В каждом городе гарнизон был удвоен. Несколько тысяч ветеранов сошли с флота и были распределены по тем точкам, где население мориско было наиболее многочисленным. Такие приготовления не оставляли иного выхода, кроме подчинения, и валенсийцы, предвидя последнее движение, которое отдаст несчастных мавров в их руки, начали грабить и преследовать их без жалости. Даже после того, как все было улажено для смещения, знать убеждала Филиппа отменить приказ, который должен был нанести неисчислимый ущерб его королевству. Были даны самые торжественные и обязательные гарантии общественной безопасности и мирного поведения мориско. Было продемонстрировано, что речь идет о промышленных и сельскохозяйственных интересах всей

монархии; что население в миллион душ, промышленность которого сама по себе представляла источник богатства, который невозможно было заменить, будет практически уничтожено; что только образовательные и религиозные учреждения королевства получали от мавританских данников ежегодную сумму, превышающую миллион дублонов золота. Было также показано, что вассалы валенсийской знати ежегодно выплачивали им четыре миллиона дукатов, почти тридцать два миллиона долларов. Предполагаемые заговоры были приписаны злобе монахов, которые изобрели их в монастыре; ереси - невежеству духовенства, слишком праздного или небрежного, чтобы обучать своих прихожан. Пагубные последствия незаконного указа уже начали проявляться. Обработка земли почти прекратилась. Рынки опустели. Торговля пришла в упадок, и мориско, чтобы избежать оскорблений населения, которым они теперь подвергались, появлялись на улицах только тогда, когда к этому побуждала абсолютная необходимость. Архиепископский престол Валенсии, который получал свои доходы почти полностью от налогообложения мориско, оказался под угрозой банкротства, и дон Хуан де Рибера, слишком поздно осознав катастрофические последствия проекта, который он так усердно отстаивал, теперь тщетно пытался остановить волну общественного фанатизма и официального безумия. Когда он жаловался своим подчиненным-священнослужителям на свое несчастное положение, было слышно, как он жалобно заметил: "Братья мои, отныне мы будем вынуждены питаться травами и сами чинить свою обувь".

Филипп отказался пересмотреть свое решение, и знать проявила свою лояльность, непоколебимо поддержав меру, прямо противоречащую их интересам. Двадцать второго сентября 1609 года герольды провозгласили эдикт об изгнании по всему королевству Валенсия. В нем говорилось, что специальным актом королевского милосердия "еретики, вероотступники, предатели, преступники, виновные *воскорблении величества* человеческом и божественном", были наказаны изгнанием, а не смертью, к которой их приговаривали строгие законы. Это позволяло вывезти все, что можно было унести, и столько урожая, сколько было необходимо для пропитания во время путешествия; все остальное должно было быть конфисковано их сюзеренами. Им было запрещено продавать свои земли или дома. Было предоставлено три дня на подготовку; после этого они были объявлены законной добычей каждого нападавшего. Были объявлены суровые наказания для всех, кто должен был скрыть их или каким-либо образом способствовать уклонению от исполнения эдикта. Те, кто вступал в браки с христианами, могли остаться, если пожелают; и шесть процентов. некоторые из этих семей должны были быть сохранены лордами, чтобы садоводческое и механическое искусство, обогатившее страну, не было полностью уничтожено. Однако эти заинтересованные в милосердии люди отказались принять эту возмутительную уступку и поспешили присоединиться к своим соотечественникам за морем.

Несчастные мориско приняли известие о своем изгнании почти с таким отчаянием, с каким они выслушали бы смертный приговор. Удивление, вызванное внезапностью уведомления и недостаточным временем, отведенным им на подготовку, смешивалось с их тревогой. Многовековые традиции, сувениры национальной славы, память о предках способствовали тому, что они полюбили свою родину. Здесь были сосредоточены самые дорогие ассоциации многочисленной и культурной расы. Повсюду были видны признаки бережливости и богатства и их результаты, достигнутые благодаря кропотливому возделыванию почвы. Изуродованные, но все еще величественные памятники павших династий напоминали об ушедшей славе арабского гения и мусульманского могущества. Потеря их богатства, принесение в жертву их имущества предвещали перенесение бедствий, к которым они были плохо подготовлены и об

ужасном характере которых их самые мрачные предчувствия не могли дать адекватного представления. В каждой мавританской общине появились признаки невыразимой нищеты и горя. Воздух пронзали крики обезумевших женщин. Старики рыдали на камнях очага, где прошли счастливые дни детства и юности. Охваченные горем, друзья всей жизни встречались на улицах без предупреждения или приветствия. Даже маленькие дети, неспособные понять, но все же охваченные благоговейным страхом перед господствующей печалью, прекратили свои игры, чтобы смешать свои слезы с слезами своих родителей.

Когда безутешная и рыдающая толпа, побуждаемая свирепыми солдатами, которых их религия научила считать этих жертв национальных предрассудков врагами Христа, навсегда покинула свои дома, их испытания и страдание увеличивались по мере продвижения вперед. Правительство не предоставило им ни еды, ни крова, ни транспорта. Трудности марша усугублялись облаками пыли и безжалостной летней жарой. Многие родились на шоссе. Многие пали от истощения. Некоторые в отчаянии покончили с собой. Каждый отставший был добит вооруженным сбродом, который, одинаково жаждущий добычи или крови, постоянно находился по флангам медленно движущейся колонны. Многие были убиты старыми христианами, мужчинами мавританского происхождения, обращение которых в христианство датировалось до Завоевания, и которые перебирали четки и бормотали молитвы после каждого убийства, как будто они совершили поступок, угодный Богу. Вооруженные бандиты, составлявшие эскорт, соперничали с толпой в своих зверствах. Мужчин открыто убивали, женщин насиловали. Их имущество было присвоено силой. Некоторые умерли от голода. Родители, доведенные до крайности, настолько забыли о природных инстинктах, что выменивали своих детей на кусок хлеба. Когда они отправились в Африку, им пришлось еще хуже, чем на суше. На море возможности для бесчинств увеличились, средств для побега и обнаружения стало меньше. Никакое перо не в силах описать ужасы, обрушившиеся на несчастных мориско, беспомощных среди свирепых врагов, которые были нечувствительны к жалости, ожесточены жестокостью и одержимы неистовой жадой красоты и золота.

Указ не везде был встречен с такой покорностью, как в Валенсии. Там изгнанники, напуганные большими военными силами, сдались без помех. Наполовину обезумевшие от несчастья, они даже изображали ликование, маршировали по кораблям в праздничных костюмах под аккомпанемент музыкальных оркестров и в знак восторга предавались самым экстравагантным проявлениям радости. Одни целовали берег, другие ныряли в море, третьи снова пили соленую воду, как будто это был восхитительный напиток. Перед отплытием они продали большую часть своего имущества, а предметы необычайной элегантности и красоты — сосуды искусной работы из золота и эмали, шелковые вуали, расшитые серебром, великолепные одежды — были проданы за малую часть их стоимости. В ходе этих операций и при оплате своего проезда в Африку мориско удалось пустить в обращение огромное количество фальшивых денег, которые они раздобыли в Каталонии, таким образом, буквально расплатившись с испанцами их собственной монетой. Движимое богатство, которого королевство было лишено в результате их изгнания, невозможно оценить. Однако оно составило многие миллионы дукатов. Было известно, что некоторые из изгнанников владели сотнями тысяч золотых монет - огромным состоянием по тем временам. После их отъезда было установлено, что их лорды, вопреки закону, приобрели многие из их поместий и потворствовали продаже или сокрытию значительного количества их личной собственности. Те, кому удавалось добраться до городов, были приняты с учтивым гостеприимством, но племена пустыни не проявляли милосердия к множеству людей, которые попадали в их руки.

В других частях королевства мориско упорно сопротивлялись указу об эмиграции. Сьерра-де-Берния и Долина Алахуар были ареной самых серьезных беспорядков, и в одно время на поле боя находилось двадцать тысяч повстанцев. Вооруженные по большей части дубинками, их доблесть оказалась бессильной в присутствии солдат-ветеранов. Пощадили только женщин; мужчин зарезали; детям выбили мозги о стены. Гарнизон замка Поп, который в течение нескольких недель бросал вызов испанской армии, единственный добился выгодных условий. Из ста пятидесяти тысяч мавров, изгнанных из Валенсии, погибло по меньшей мере две трети. Большое число из них ранее подверглись преследованиям или сбежали, и в том числе это общее число жертв инаугурации безумной политики Филиппа III. было по меньшей мере двести тысяч. Продолжение этой политики до тех пор, пока ее цель не будет полностью достигнута, уже было определено королевскими советниками. Секретность, скрывавшая их замысел, не налагалась на тех, кто был его объектом. Они начали десятками тысяч тихо эмигрировать в Африку. Затем был опубликован декрет, подписанный месяцем ранее, с попыткой создать впечатление, что он был спровоцирован обстоятельством, причиной которого он действительно был, а именно волнением Мориско. Последним было категорически приказано покинуть королевство в течение восьми дней. Им было запрещено брать с собой деньги, золото, драгоценности, переводные векселя или товары. Им не разрешалось распоряжаться своим имуществом. В Каталонии их имущество было конфисковано “в счет погашения долгов, которые они могли задолжать христианам”, и им было предоставлено всего три дня на подготовку к отъезду. Их маленькие дети должны были быть оставлены на милость их угнетателей, чтобы обеспечить им спасение. Жителям северных провинций было запрещено двигаться на юг; жителям Андалусии было предписано эмигрировать морем. В течение отведенного времени все были в движении. Посадка изгнанников, направлявшихся в Африку, была осуществлена без затруднений. Но их братьям из Кастилии и Арагона было отказано во въезде во Францию по прямому приказу Генриха IV, чьему посредничеству в значительной степени было приписано их плачевное состояние. Его своевременная смерть несколько смягчила строгость властей, и большое количество людей вошло в Прованс. Хотя они были миролюбивы и безобидны, французы стремились избавиться от своих незваных гостей. Город Марсель предоставил им бесплатную перевозку, и они были распределены по Турции, Италии и Африке. Во время плавания по морю погибло так много людей, что их мертвые тела устилали пляж, и крестьяне долгое время отказывались есть рыбу, заявляя, что у нее вкус человеческого мяса. Продвижение несчастных, изгнанных на север, было отмечено ежедневными сценами преследований и агонии. Уполномоченные, назначенные для надзора за эмиграцией, потворствовали уклонению от исполнения указа ради собственной выгоды. Они вымогали огромные суммы за защиту, которую их долг требовал от них предоставить без компенсации, и в которой, даже после этих требований, им было нагло отказано. Те вещи, которые обычные люди с удовольствием дарят, были проданы незадачливым странникам по баснословным ценам. За тень деревьев на большой дороге алчный и беспринципный крестьянин требовал арендную плату, а вода, которую из ручьев черпали дрожащими руками страждущие, стоила дороже, чем обычно платят за местное вино. То немногое, что было упущено из виду комиссарами, было захвачено алчными французскими чиновниками, и положение Мориско еще более усугубилось из-за побега тех из них, кому был доверен общий кошелек.

В результате безжалостного запрета, наложенного таким образом на целый народ, незначительному числу людей временно удалось спастись. В число последних входили маленькие дети, оторванные от своих родителей, чтобы получить церковное образование, и

такие лица “хорошей жизни и религии”, которых духовенство из заинтересованных или великодушных побуждений решило рекомендовать королевскому снисхождению. В 1611 году льгота, которой пользовались эти классы, была отменена; по всему королевству было начато розыскное расследование, и каждый человек мавританской крови, которого удавалось обнаружить, был неумолимо приговорен к изгнанию или рабству. Из-за преследований Мориско и потеря в результате войн, убийств, добровольной эмиграции и вынужденного изгнания Испания была лишена услуг более миллиона самых умных, трудолюбивых и умелых подданных христианского мира. Те, кто был окончательно исключен, составляли, вероятно, не более половины всего мавританского населения. В наши дни нет доступных статистических данных, на основе которых можно было бы составить оценку огромного числа людей, погибших от голода, пыток, массовых убийств. Судебные процессы над ними не прекратились даже в Африке; их преследовали за сектантские разногласия, и некоторые из тех, кто был искренними христианами, вернулись в Испанию, где их сразу же приговорили к галерам. Мастерство и бережливость мориско, качества, которые должны были бы сделать их желанными, сделали их повсюду непопулярными; они монополизировали торговлю на берберийском побережье, даже изгнав евреев; в Алжире население восстало против них, все были изгнаны, и большое количество людей было безжалостно вырезано. Ненависть к своим угнетателям побудила многие доселе мирные племена заняться пиратством, и у южного побережья полуострова были причины надолго запомнить подвиги корсаров-морисков.

За безжалостным варварством, слепой и безрассудной глупостью этой меры последовало вечное проклятие бесплодия, невежества и нищеты. Внезапный вывоз огромного количества портативных ценностей повредил всем видам торговли. Обращение фальшивых денег подорвало общественное доверие. В Валенсии было покинуто четыреста пятьдесят деревень. Отсутствие самого трудолюбивого и процветающего класса ее жителей было очевидно в каждой общине Кастилии. Каталония потеряла три четверти своего населения. Районы Арагона, опустошенные изгнанием мавров, никогда не заселялись повторно. Сельскохозяйственная наука и механические навыки исчезли. Ненависть и презрение, которые испанцы питали к покоренной расе, никогда не позволяли им воспользоваться опытом и изобретательностью последней. Общение с мавром привело к моральному и социальному осквернению. Еще меньше мог допустить признания своей неполноценности, которое подразумевалось принятием его методов, надменный, тщеславный, безденежный идальго.

Последствия упадка всех форм искусства и промышленности, вызванного войной и преследованиями, ощущались задолго до изгнания мориско во всех частях полуострова. В течение многих лет после взятия Кордовы Фердинандом III было сочтено необходимым доставлять провизию с Севера не только для поддержки армии, но и для спасения от голода немногочисленного и небогатого населения провинции, которая при халифах Оммеядов с легкостью содержала великую столицу, а также двенадцать тысяч деревень и поселков.

Сокращение числа жителей под властью Испании указывает на полный застой торговли и сельского хозяйства. В 1492 году население Кастилии составляло шесть с тремя четвертями миллионов человек; в 1700 году во всем королевстве Испания насчитывалось всего шесть миллионов душ - таков был значительный спад за двести лет.

Совокупные доходы испанской короны в конце XV века составили сумму, равную трем сотням тысяч долларов, что составляло примерно тысячную часть ежегодных поступлений императорской казны на момент смерти Абд-ар-Рахмана III, семьсот лет назад.

Через пятьдесят лет после изгнания мавров совокупное население городов Кордова, Севилья, Толедо, Гранада сократилось более чем на четыре пятых; сейчас оно составляет примерно одну десятую от его численности во времена мусульманского господства. В 1788 году на полуострове насчитывалось полторы тысячи одиннадцать заброшенных городов. В Толедо, знаменитом своими шелковыми тканями, во второй половине XV века насчитывалось шестьдесят тысяч ткацких станков; в 1651 году их было пять тысяч; сегодня у них нет ни одного. Та же отрасль промышленности с большим успехом развивалась в Севилье; в семнадцатом веке количество ее ткацких станков сократилось с шестнадцати тысяч до шестнадцати. Все остальные отрасли промышленности сократились в той же пропорции. Даже большая часть королевства Валенсия, сада Европы, в течение многих лет была необитаемой дикой местностью. С изгнанием мусульман знания многих искусств, некогда приносявшие огромную прибыль, были безнадежно утрачены.

Для благочестивого испанца все эти жертвы были ничем по сравнению с торжеством Веры. Порты были пусты, набережные заросли травой, но армии Креста победили. Мануфактуры пришли в упадок, улицы были безмолвны, на больших дорогах не было никого, кроме робких путников и затаившихся грабителей, но во владениях Его Католического Величества нельзя было встретить ни одного мусульманина или иудейского еретика. В конце семнадцатого века на всем полуострове, который когда-то был центром образования в Европе, пристанищем ученых всех стран, резиденцией величайших образовательных учреждений Средневековья, не существовало ни одной академии, где можно было бы получить образование по астрономии, натурфилософии или какой-либо другой области математики. Сто лет спустя не удалось найти никого, кто понимал бы даже зачатки химии. Сегодня среди жителей Испании, согласно опубликованным статистическим таблицам, только один человек из каждых четырех умеет читать. Но какое значение имело разрушение торговли, упадок производства, недостаток интеллекта, если страна была очищена от ложных доктрин? Разве не было источником общенациональных поздравлений то, что церковная власть вновь стала первостепенной; что половина трудоспособного населения, мужчины и женщины, посвятили себя монашеской жизни; что повсюду возникли великолепные религиозные фонды, каких мир никогда прежде не видел; что, хотя королевская казна была разорена, годовой доход Церкви составлял почти пятьдесят три миллиона долларов? Конечно, эти многочисленные божественные благословения нельзя было сопоставлять с преходящими благами, полученными от трудов массы порочных и невозрожденных еретиков!

Таким образом, результаты, как непосредственные, так и отдаленные, этого преступления против цивилизации оказались фатальными для Испании. Лишившись основных источников существования, королевство было опустошено голодом. Стало необходимым оказать государственную помощь многим знатным семьям, когда-то богатым, но теперь разорившимся из-за самоубийственного курса короны. Народные настроения, возмущенные бедствием, в беспощадных выражениях осудили виновников национального бедствия. Архиепископ Валенсии, не в силах выносить ежедневные упреки, которым он подвергался, и подавленный страданиями, за которые он был ответствен, умер от угрызений совести. Тишина и мрак заполнили обширные пространства, ранее покрытые буйной растительностью. На месте

фермера и механика появились разбойник и преступник. Лишенная защиты, открытая местность была покинута; крестьянство искало безопасности в укрепленных местах, и все занятия, осуществление которых предполагало опасность насилия, были неизбежно приостановлены. Условия, управляющие всеми слоями общества, которые были созданы на полуострове слепыми и дикими предрассудками семнадцатого века, в значительной степени преобладают и сегодня. Ужасное возмездие последовало за трагедией, примером которой, к счастью, не отважилась подражать ни одна другая нация; и которая с момента своего возникновения обрушилась всеми несчастьями на последнее поколение людей, ответственных за ее отвратительные злодеяния.

ГЛАВА XXVII

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЕ С VIII. К XVI. ВЕК 700-1500

Влияние господства варваров на народы Европы—Возвышение Папской власти—Характер пап—Их пороки и преступления—Интердикт—Коррупцированная практика прелатов и деградация папства—Институт монашеских орденов—Их огромное влияние—Их окончательное вырождение—Богатство религиозных домов—Византийская система—Ее характеристики—Власть евнухов—Великолепие Константинополя—Уничтожение образования—Униженное положение греков—Народы Западной Европы—Кастовая тирания и ее последствия—Феодальный гнет—Жизнь дворянина—Его развлечения—Крепостной и его деградация—Его безнадежное существование—Обращение с евреями—Распространение эпидемий—Религиозные праздники—Всеобщее невежество—Нехватка и ценность книг—Преследование ученых—Империя Церкви—Ее Необычайная жизнеспособность.

Для того, чтобы читатель мог досконально понять и должным образом оценить моральное и интеллектуальное превосходство испанских арабов и их поразительные успехи в области науки и искусств, я счел целесообразным, в порядке контраста, представить ему краткий и поверхностный очерк религиозных, политических и бытовых условий, царивших в обществе современной Европы. Объем этой обширной и всеобъемлющей темы, которая исчерпала эрудицию многих великих историков, чьи работы сами по себе составили бы значительную библиотеку, должен, следовательно, извинять неполный и беглый характер этой главы; в то время как ее важность как эталона сравнения объясняет очевидное отклонение от общего плана, охватываемого этими томами.

Элегантная роскошь и утонченная цивилизация римлян исчезли во всеобщей анархии, последовавшей за распадом их империи. Границы великих государств и королевств были стерты. Провинции, некогда славившиеся своим плодородием, теперь стали пристанищем хищных зверей и свирепых варваров. Деспотическое, но в целом благотворное правление цезарей повсюду, за исключением ближайших окрестностей Византии, было заменено капризной и нерегулярной юрисдикцией мелких вождей, чьи неистовые страсти сдерживались только их слабостью, и князей-мародеров, честолюбивых уничтожить все остатки того архитектурного великолепия и духовной культуры, памятники которой они презирали и примеру

которых у них не было ни желания, ни возможности подражать. Вместо улыбающегося пейзажа, повсюду демонстрирующего следы сельскохозяйственного мастерства, кропотливого и терпеливого трудолюбия, взору встревоженного и спешащего путника предстала перспектива всеобщего запустения. Одни только поросшие мхом кучи мусора стояли на месте многих некогда цветущих и изобильных городов. Высокие акведуки — эти инженерные чудеса древнего мира, - величественные руины которых до сих пор вызывают восхищение всего человечества, были разрушены и пришли в упадок. Несравненные храмы и алтари богов были осквернены руками кощунственных готв, гуннов и ломбардцев. Шайки разбойников, нечувствительных к жалости, кишели на дорогах. В городах справедливые решения претора были вытеснены вымогательствами церковного мошенничества и варварской наглостью. Пороки, преобладавшие в период наибольшего упадка римской распущенности, сохранились и усугубились бесчувственной жестокостью завоевателей. Никакие человеческие угрызения совести или деликатность не предполагали сокрытия самых отвратительных оргий. Улицы Вечного города демонстрировали чудовищные явления, одного упоминания о которых современные правила приличия не допускают. Банкеты, на которых до предела потакались жестоким наклонностям буйных и неотесанных гостей, постоянно провоцировали кровопролитие и убийства. Знание литературы, понимание и оценка искусства уже полностью исчезли. Литературные шедевры классического гения остались неизвестными или забытыми в незначительных собраниях рассеянных библиотек или были погребены под дымящимися руинами тех учебных заведений, которые когда-то украшали столицы и провинциальные города Греции и Италии.

Благодаря удачному географическому положению, принятию известных политических принципов и включению в свой ритуал многих церемоний, издавна полюбившихся приверженцам язычества, Римская церковь обеспечила себе влияние на умы людей, которое при любых других обстоятельствах она вряд ли смогла бы приобрести. Почитаемое имя и достоинство Верховного понтифика придавали авторитет его указам и придавали престиж его решениям по вопросам доктрины. Пять христианских императоров, от Константина до Грациана, приняли без изменений атрибуты и носили знаки отличия священной должности, учрежденной Нумой и узурпированной Августом. О принятии императорской власти свидетельствует степень папской юрисдикции, долгое время четко определявшаяся древними пределами империи. Принятие латинской идиомы позволило Церкви тайно общаться со своими служителями в самых отдаленных странах; в то же время она окутала все богослужения тайной, которая внушала благоговейный трепет невежественному и фанатичному верующему. Великолепный церемониал, внушительные храмы, изысканные облачения, дорогое убранство алтаря, украшенное золотом и драгоценными камнями, благовония, торжественные песнопения, освящение Хозяина — все это производило сильное впечатление на суеверных детей рабов из древней мифологии, в чьих умах все еще сохранились следы тех традиций, которые были восприняты их отцами с безоговорочной верой в предсказания богов.

С течением веков примитивная простота Евангелия и чистота жизни, отличавшие первых христиан, были утрачены в сложной теологии, в непристойном соперничестве за первенство, в преступлениях и распущенности, которые приводили в смятение общество Вечного Города. Из простого священника, чей срок пребывания в должности зависел от желания его приближенных, епископ Рима превратился в могущественного монарха, ответственного только перед небесными силами. Ватиканский дворец демонстрировал все пороки самого коррумпированного из дворов. Предположение о непогрешимости — неизбежный результат

абсурдных притязаний папства — из-за противоречивых интерпретаций разных людей, чьи интересы противоречили друг другу, приводило к самым противоположным выводам, часто к результатам, фатальным для мира и чести Церкви. Вера населения была ослаблена. Неверие в духовенстве стало слишком распространенным явлением, чтобы вызывать замечания. Всеобщая порочность была невероятной и ужасающей. Общая деморализация, вызванная примером духовенства, чей атеизм и разврат вошли в поговорку, угрожала существованию общества, катастрофа, которую предотвратила только тщательная организация иерархии. Еще в пятнадцатом веке Макиавелли писал: “Чем ближе нация к Риму, тем нечестивее люди”. Когда немец Шопп назвал известного ученого Кейсобона атеистом, последний возразил: “Если бы я был атеистом, я бы сейчас был в Риме, куда меня часто приглашали”. Результаты этой превосходной церковной организации не заставили себя долго ждать. Законным ресурсам власти помогали все средства мошенничества, угнетения, самозванства, подделки документов. Череда способных и беспринципных понтификов наложила на христианский мир ярмо, которое интеллект и наука последующих поколений даже еще не смогли полностью сбросить. Светское господство цезарей было восстановлено над Европой; догмы католицизма проповедовались на отдаленных континентах, неизвестных древнему миру; и интеллектуальным устремлениям человечества была навязана тирания, гораздо более ужасная по своим последствиям, чем та, которую испытывало жестокое правление Нерона и Домициана.

Ни одна отрасль истории не дает такой яркой иллюстрации человеческого коварства и человеческой слабости, как история честолюбия, интриг и пороков пап. При рассмотрении этого вопроса никогда не следует упускать из виду тот факт, что Святой Отец был, как необходимое следствие его вероучения, земным воплощением духовного совершенства, наместником Всемогущего Бога. Либо признание единственной ошибки в суждении, либо спор, связанный с самым незначительным догматом, которого придерживался один папа и оспаривал его преемник, были фатальными для притязания на непогрешимость, которое было основой всей церковной системы. Всеведение, даруемое апостольской преемственностью, которая ведет свое начало от Самого Спасителя, никогда не могло быть ошибочным. Пример Верховного понтифика, отношения, которые он поддерживал с высокопоставленными чиновниками своего двора, его занятия, его развлечения, его вкусы, его привычки, его разговор имели гораздо большее значение в глазах самого захудалого крестьянина какого-нибудь отдаленного королевства, признавшего его миссию, чем самые славные достижения любого светского монарха. Возможности для достижения такого авторитета и влияния, какие предлагала римско-католическая иерархия, были неизвестны язычеству. Эти возможности позволили людям низкого происхождения, но необычайно талантливым достичь кафедры Святого Петра, людям, чьи недостатки были упущены из виду или смягчены снисходительным духом эпохи благодаря успешному осуществлению их планов и почитанию, которое было связано с их призванием.

Таким образом, среди земных держав наивысшим по рангу, величайшим по известности, высочайшим по влиянию, выдающимся по бесчестию было римское папство. Духовный властитель, воля которого была законом христианского мира, мало заботился о поддержании единого стандарта православия. Каждому изучающему историю Церкви хорошо известно, что еврейские доктрины преобладали на заре христианства и контролировали политику его духовенства. Языческие идеи и церемонии, унаследованные от римских понтификов, он никогда не отбрасывал в сторону. Все формы неортодоксальной веры в разные периоды исповедовались должностными лицами Святого Престола. Святой Климент был арианом;

Анастасий - несторианином; Гонорий - монофелитом; Иоанн XXII. нескрываемый атеист. Противоречивые догмы, ожесточенные споры, страшные анафемы, возникшие в результате принятия этих еретических принципов учения, были общественным поношением христианского мира. По мере того как власть папства возрастала, его обладание становилось все более и более объектом для амбициозных и беспринципных авантюристов. Его искали и получили с помощью искусства, которое одобряли только самые гнусные демагоги. Он был продан одним папой другому; и, подобно императорскому лавру, присвоенному преторианской гвардией, он был выставлен кардиналами на аукцион и стал собственностью самого богатого покупателя. Некоторые из Святых отцов не принимали сан; другие даже не принимали таинств крещения и причащения до того, как были облечены папским саном. В некоторых случаях тиары и Митры были размещены на лбах детей. Ни Иоанн XII. ни Бенедикт IX. достиг тринадцатилетнего возраста, когда ему было доверено руководство духовными делами христианского мира. Пятилетний младенец был рукоположен архиепископом Реймса. Другой, которому было всего десять лет, был возведен на епископский трон Нарбонны. Алонсо Арагонский, внебрачный сын Фердинанда Католика, был назначен архиепископом Сарагосы в возрасте шести лет. Происхождение наместников Христа иногда носило самый неясный, а часто и самый позорный характер. Стефан VII., Иоанн X., Иоанн XI., Иоанн XII., Бонифаций VII., Григорий VII. были сыновьями куртизанок. В некоторых случаях позор еще больше усугублялся дополнительным клеймом позора, связанным с преступлением кровосмешения. Знаменитой куртизанке Марозии, которая большую часть своей жизни распоряжалась папством по своему желанию, приписывают возведение на престол восьми пап, всех своих любовников или ее детей, один из которых был одновременно ее сыном и внуком. Империя, которую она приобрела благодаря своим талантам и красоте, просуществовала почти четверть века. К той эпохе относится событие, которое многие авторы называли невероятным, но которое подтверждается свидетельствами, гораздо более убедительными, чем многие события, успешно выдержавшие самые грозные атаки враждебной критики. Летописцы православной веры долгое время утверждали и повсеместно признавали, что в столице христианства, освященной славной смертью бесчисленных мучеников, связанной с гордыми ассоциациями возвышения и прогресса духовной власти папства и облагороженной самыми выдающимися победами Церкви, произошло чудовищное чудо. Говорили, что папа Иоанн VIII, о половой принадлежности которого до сих пор не подозревали никто, кроме тех, кто был с ней близок, возвращаясь с торжественного праздника, во главе процессии кардиналов и епископов, окруженный сверкающими эмблемами папской власти и величия, был схвачен родовыми муками на одной из самых людных улиц Рима.

Первоначальное принятие этой зловещей катастрофы и вера в нее, а также ее последующее отрицание образуют один из самых любопытных эпизодов в анналах Церкви. В течение пяти столетий это безоговорочно воспринималось как историческая истина. Жизнь папы Иоанна лонга занимала видное место в биографиях преемников Святого Петра, посвященных выдающимся прелатам, часто самим понтификам. Это событие— место которого было отмечено статуей женщины с папскими знаками отличия и ребенком на руках, было подробно описано в трудах ученых и уважаемых историков. Этот мемориал был сброшен в Тибр по приказу Сикста V. Ее бюст был уничтожен Карлом VIII. во время французского вторжения в Италию долгое время был украшением одной из церквей Сиенны. До времен Льва X. при избрании каждого папы публично проводились определенные церемонии, которые невозможно описать, для определения его пола. Им был вынужден подчиняться даже распущенный Борджиа. Ян Гус,

когда предстал перед Констанцским собором при непоколебимом молчании, упрекнул церковных сановников, собравшихся, чтобы осудить его, и которых малейшее еретическое утверждение приводило в неистовую ярость, в обмане, который так наглядно продемонстрировал слабость хваленного вдохновителя папства. Более пятисот писателей, чьи интересы совпадали с интересами Ватикана, — среди них хронисты, богословы—полемисты, авторитеты в области истории Церкви и ее дисциплины, все восторженные члены римско-католической общины - подтвердили существование женщины-папы.

Но, правда это или ложь, позор, последовавший за этим гигантским скандалом, был незначителен по сравнению с моральным эффектом длинной череды преступлений, которые уродуют анналы Папского Рима. Бесстыдная продажность Князей Церкви с самых отдаленных времен опозорила процедуру, посредством которой был возведен на апостольский престол непорочный Наместник Божий. Церковное общество столицы было настолько коррумпировано, что ни один понтифик, стремившийся жить нравственной жизнью, не был в безопасности ни на один час. Селестина была отравлена по просьбе кардиналов через восемнадцать дней после получения тиары. Адриан V. был отравлен на самом конклаве перед своим избранием. Сторонники враждебных претендентов на папство преследовали друг друга с мстительностью, едва ли сравнимой с самой острой ожесточенностью политических фракций. Каждый претендент на папский сан обличал своего оппонента как антипапу и исчерпывал богатый словарный запас клерикальных оскорблений, обрекая его на кару Небес. Победенный кандидат подвергался всевозможным пыткам: лишению носа, глаз, языка; страданиям от заключения в зловонных подземельях; мукам длительного голода. Мирским врагам Святого Отца пришлось даже хуже, чем его соперникам за духовное превосходство. Ни одно деяние не считалось слишком позорным для устранения опасного и упрямого противника. Иннокентий IV. нанял доверенного врача и друга императора Фридриха II. чтобы предотвратить его уничтожение. Император Генрих VII. был отравлен по приказу Климента V. Убийство Медичи при Сиксте IV. был спланирован этим папой и осуществлен перед алтарем, причем сигналом к атаке послужило возвышение Воинства священнослужителем, архиепископом. Половина населения Рима была принесена в жертву злобности Формоза, чьи распри надолго пережили его и опустошили прекраснейшие провинции Италии. Прошло три года после учреждения инквизиции в Испании Григорием IX. ее жертвы уже исчислялись десятками тысяч.

По разнообразию и хитроумности схем добывания денег государственные деятели ни одного правительства никогда не могли сравниться с пронырливыми финансистами Апостольского престола. В дополнение к бесконечному числу досадных и жестоких уловок, предполагаемых обладанием и осуществлением безответственной власти, папы использовали средства, которые нарушали все нормы морали, но успешный результат которых демонстрировал практическую мудрость, вдохновлявшую их. Симония неизменно практиковалась и нередко защищалась даже теми, чьим очевидным долгом было ее подавлять. Самый богатый кандидат на папский престол, чьи физические недостатки указывали на скорую кончину, имел наилучшие перспективы для реализации своих амбиций. Кардинальская шапка стоила от тысячи до десяти тысяч флоринов; паллия архиепископа ценилась еще выше на церковном рынке, символом достоинства которого она была, и обычно стоила тридцать тысяч дукатов золотом. Чтобы уплатить этот налог, взимаемый после смерти каждого митрополита, новому должностному лицу иногда приходилось отдавать в залог убранство алтаря еврейским

ростовщикам, которые одни могли собрать такие непомерные суммы; и среди набожных людей были жалобы на то, что еврейские дети развлекались с посудой, предназначенной для благочестивых целей, и что во время неосвященных оргий их отцов обычно осквернялись священные сосуды, которые изначально были предназначены для принятия тела и крови Христа. Когда того требовали потребности понтифика, принесение в жертву нескольких кардиналов предоставляло безопасный и легкий способ пополнения папской казны за счет продажи вакантных должностей и возвращения поместий жертв во владения Святого Престола. Хорошо известно, что Александр VI. умер, выпив отравленное вино, предназначенное для определенных князей Церкви, которых он пригласил разделить его вероломное гостеприимство. Огромное состояние было получено за счет продажи отпущений грехов, дарованных одним папой римским от анафем его предшественника. Этот прием предполагал торговлю индульгенциями, обещая иммунитет от любого наказания за преступления. Алчность Иоанна XXII побудила его составить и обнародовать график штрафов, так что, выплачивая незначительные суммы, виновный был полностью освобожден от моральных и светских последствий самых ужасных преступлений в уголовном календаре.

В своих отношениях с иностранными дворами папы использовали все источники коррупции и насилия для достижения своих целей. Они пользовались престижем своей священной должности для поощрения восстаний и отцеубийств. Они открыто продавали инвестиции далеким королевствам. Они вооружали слугу против его господина, вассала против его господина, подданного против его короля. Они запретили образование детей как противоречащее интересам духовенства, которое единственное было объявлено достойным пользоваться преимуществами обучения. Когда требовалось устранить несносного врага, они не гнушались выбирать инструменты, при использовании которых честь и благочестие одинаково восстают, — отравленный кинжал, элементы таинства, смешанные со смертельными ядами и все же благословленные церемониями исполняющего обязанности прелата, чьи инструкции внушали ничего не подозревающей жертве веру в то, что она преклоняет колени в самом присутствии Бога. Согласно Монтень, Святой отец имел обыкновение использовать во время папской мессы приспособление, нейтрализующее действие освященного напитка, который в противном случае мог бы стать вестником смерти. Папы, бывшие вассалами императора, данниками сарацинских эмиров и орудиями королей Франции, со временем присвоили себе императорские prerogatives; и его право на корону не считалось принадлежащим суверену до тех пор, пока оно не было возложено на его чело духовным лицом, должным образом уполномоченным Преемником Святого Петра. Из-за коварного влияния суеверия, порожденного невежеством того времени, власть могущественных монархов оспаривалась в их столицах. На них были наложены унижительные епитимьи, которые они исполняли без возражений. Унижение князя в глазах его народа в соответствующей степени увеличивало значение духовного правителя, который мог налагать такие наказания.

Посредством отлучения и интердикта — один из которых исключал отдельного человека из сообщества верующих, другой был направлен против целой общины или королевства и вовлекал невиновных вместе с виновными — месть Церкви обрушилась на всех, независимо от ранга, кто нарушил ее каноны или вмешался в ее честлюбивые проекты. В наш век трудно оценить серьезные последствия церковных разгромов, которые прогресс разума и развитие цивилизации уже давно избавили от их ужасов. Отлучению от церкви может подвергаться все, что угодно, кроме человека, от кометы до крыс, червей и всевозможных паразитов. Запрет был эквивалентен ужасному проклятию, наложенному заместителем Бога. С помощью внушающих

благоговейный трепет церемоний, обычно совершаемых в полночь для усиления их впечатляющего эффекта, был торжественно провозглашен указ Святого Престола. В мрачном молчании, изредка прерываемом рыданиями и полузадушенными причитаниями, охваченная ужасом толпа слушала приговор, который, по их мнению, по своим ужасным последствиям превосходил самое суровое наказание, какое только мог вынести какой-либо земной суд. Церкви были закрыты. Колокола молчали. Свечи, горевшие на алтарях, были погашены. Мощи были спрятаны. Перед каждым молитвенным домом, где проводилась церемония поминовения Хозяина, освященная облатка публично предавалась огню. Распятая как в часовнях, так и в соборах, окутанные складками черной ткани, были скрыты от благоговейных взоров тех, на чьи головы пало осуждение Всевышнего. Все религиозные церемонии были приостановлены, за исключением клеветы, которая давала Церкви надежду на другого приверженца, церемонии бракосочетания и заключительных обрядов, которые отпускали уходящую душу на пороге вечности. Нежные слова супружеской привязанности, последнее благословение родителей, развлечения юности, фамильярные приветствия дружбы и уважения - все это было запрещено. Окруженный священниками в черных одеждах, несущими факелы, исполняющий обязанности кардинала, облаченный в фиолетовые одежды — траур своего ордена - зачитал роковой эдикт, который полностью отрезал единственное средство общения между грешником и его Богом. С этого момента люди были лишены той долгожданной помощи, которая была их радостью и утешением с младенчества; которая направляла их шаги; которая укрепляла их шаткую решимость во многих чрезвычайных ситуациях; которая облегчала их страдания; которая приумножала их счастье и была почти их единственным развлечением. Не упускалась ни одна возможность поразить провинившихся римских детей ужасными последствиями проклятия, которому подвергли их порочные правители. Подданные были освобождены от присяги. Торговые каналы были закрыты. Торговля любого рода была приостановлена. Верующие, чье благочестие побуждало их, несмотря на церковную угрозу, часто подходить к дверям церкви, были грубо оттеснены. Употребление мяса было запрещено, как во время Великого поста; привычные предметы, связанные с религиозным служением, исчезли; колокола, лишенные колоколен, были сняты со шпилей; священные изображения святых были положены на землю и тщательно скрыты от нечестивых взглядов проклятого народа; богатые убранства святилищ, утварь для мессы, облачения священников были собраны и унесены. Празднества, возбуждавшие набожность и развлекавшие досуг веселой и беспечной толпы, были прекращены; процессия, поражавшая все классы своей торжественностью и великолепием, больше не двигалась с варварской помпой по многолюдным улицам, вдоль которых длинными рядами стояли коленопреклоненные прихожане; голоса молящихся были неслышимы; браки совершались на церковных дворах; тела умерших, лишенных места упокоения в освященной земле и даже обычных обрядов погребения, бесцеремонно выбрасывались за стены городов на съедение нечистым зверям и на растерзание другим. отравлять воздух вредными запахами.

Когда запрет был снят, очищение каждого здания, алтаря и сосуда, повторное освящение каждой реликвии и изображения — обряды, требовавшие больших пожертвований, — свидетельствовали о дальновидности и бережливости священнослужителей.

Таковы были ужасные методы, с помощью которых папство в эпоху невежества наказывало нацию за проступки монарха, который сорвал его планы, бросил вызов его власти или навлек на себя его вражду. По мнению легковых — а в те дни все были легковы — интердикт был не только всеобщим проклятием, навязываемым любыми обстоятельствами, которые могли апеллировать к предрассудкам набожных людей; это был внезапный перехват средств

спасения, достижимых только с помощью служителей Церкви. Средневековые писатели оставили нам трогательные рассказы о всеобщем несчастье, к которому привело использование этого инструмента церковной тирании. Она редко терпела неудачу, поскольку ни один монарх, каким бы смелым или деспотичным он ни был, не мог долго противостоять ее власти; и простой угрозы ее применения часто было достаточно, чтобы вселить ужас в целый народ и безапелляционно пресечь хорошо продуманные планы честолюбивых членов королевской семьи. Интердикт вышел из употребления только после основания инквизиции, самого эффективного и грозного оружия, когда-либо изобретенного безжалостным духом папского деспотизма.

В условиях финансового истощения, вызванного чрезмерными тратами на всевозможные виды роскоши и порока, были изобретены новые и остроумные средства для удовлетворения насущных потребностей Ватикана. Учреждение и частое проведение Юбилея с его сборищем миллионов фанатиков, каждый из которых приносил свои подношения ненасытному гению Рима; крестовые походы, которые приобрели для папства неисчислимы богатства за счет передачи земель за номинальное вознаграждение и щедрых пожертвований паломников; Конституции Льва, которые объявляли неотчуждаемой реальную собственность церковных фондов; инквизиция, происхождение которой было скорее политическим, чем моральным, и по правилам которой половина имущества осужденных передавалась суверену, а половина - Церкви, - все это привело к тому, что папский престол был полностью уничтожен. являются яркими примерами финансовых способностей пап.

Личные качества непогрешимых и вдохновенных наставников христианского мира невозможно описать во всей полноте их нечестивой порочности. Предполагалось, что моральное превосходство, которое они принимали на себя как представители небесной власти, оправдывало открытое потворство порокам, которые даже самые распущенные мирские властители старательно скрывали от глаз человечества. Более двух столетий папский двор представлял собой почти непрерывную демонстрацию распутства, что шокировало набожных верующих, чье воображение наделило Святого Отца атрибутами божественности, и вызывало ужас у немногих выдающихся и последовательных христианских прелатов, которые оставались чистыми среди всеобщего осквернения. Некоторые священники служили мессе в состоянии алкогольного опьянения. Другие шествовали по улицам со свитой вакханок, распевая непристойные песни. Они подарили своим верным спутникам священные сосуды с алтаря. Архиепископы назначали женщин с печально известным прошлым управляющими монастырями. Ватикан кишел монахинями и куртизанками. Колонии монахинь, членов сералей кардиналов и папы римского, занимали дома, примыкающие к святилищу Святого Петра. Сателлиты папства добивались самых прибыльных должностей посредством неестественного обольщения и служения невыразимой мерзости. Придерживались самых низменных представлений о церковных функциях, возложенных на главу христианского сообщества. Священнослужители посвящались в конюшнях. Соборы превратились в театр ряженных и непристойных танцев. Девственниц вырывали из пределов святилища и тащили в папский гарем. Во времена Иоанна XII. ни одна женщина не была застрахована от унижения и поругания в самом храме Божьем. Бонифаций IX продал кардинальскую шапку распутному авантюристу по имени Баталзар Косса, который впоследствии силой завладел тиарой и перешел с палубы пиратской галеры на апостольский трон. Последний, под именем Иоанна XXIII, за несколько лет приобрел репутацию, замечательную даже в анналах папской деградации. Он был низложен Констанцским собором после осуждения за все преступления, которые только могло

вообразить развращенное воображение. Таким образом, непогрешимость его миссии была поставлена под сомнение как из-за его незаконного назначения, так и из-за вмешательства его духовных подчиненных, которые произвели его низложение. Это была аксиома канонического права, неизбежно вытекающая из первоначального ложного предоставления папской власти, что никакая вина или ересь папы не могли лишить его его духовных сил или святости, которая окутывала его личность как Наместника Бога. Только крайняя необходимость могла заставить собор нарушить этот фундаментальный принцип, от которого зависел престиж папства. Нечестие Святых отцов было не менее заметным, чем их пренебрежение правилами морали. Бонифаций VIII. открыто хулил имя Христа. Иоанн XXII. высмеивал таинства. На пирах Иоанна XII шумные гуляки обоего пола, любимые сподвижники этого понтифика, по очереди поднимали тосты за Венеру и Бахуса.

Признания Пия II в его переписке, сохранившейся в Ватикане, без утайки указывают на практику самого грубого распутства. От оргий Бенедикта XII восходит знаменитая пословица “Бибере папалитер”, “Пить, как папа римский”. Сикст IV, который ввел обычай выдавать лицензии публичным домам Рима, ежегодно получал от этой ужасной торговли огромную сумму в тридцать тысяч дукатов. Иннокентий X. продал голодающему крестьянству с авансом в сто процентов зерно, которое он купил по цене, установленной им самим. Сикст IV торжественно постановил, что незаконнорожденные дети пап должны быть приравнены к потомкам княжеских домов Италии только по причине их рождения. Скандалы авиньонского двора при Клименте VI. и его преемниках превзошли даже те, которые на протяжении веков превращали Вечный город в поношение цивилизации и христианству. Из последних - Бенедикт XII. был явно привлечен к проклятию потомков как насильник сестры Петрарки, за попустительство которой он пытался купить кардинальскую шапку и кошелек с тысячей флоринов золотом. Булла Александра VI, которой одобрялось убийство пятнадцати миллионов безобидных уроженцев Нового Света, является подходящей кульминацией этой отвратительной хроники преступлений и позора. Возмущенный кардинал Барониус вполне мог бы воскликнуть, что “папы были чудовищами, которые воссели на трон христианского мира с помощью симонии и убийств”. Действительно, мало кто из Святых Отцов терпел даже подозрение в нечестивом обучении в пределах своей юрисдикции. Большинство из них были непримиримыми врагами всякого рода знаний. Григорий I. сжег все экземпляры Ливия, которые мог обнаружить самый тщательный поиск. Григорий VIII, возмущенный “суеверными рассказами”, содержащимися в труде великого римского историка, завершил, насколько позволяли человеческая энергия и злобность, разрушительную задачу своего предшественника. В результате из ста сорока двух книг, которые, как известно, существовали во время правления этих двух понтификов, сохранилось только тридцать пять. Sylvester II. по словам Петрарки, это был “Негромант, и ди ди дотрина эчелленте”, качества, которые кажутся довольно несовместимыми с обязанностями и традициями папства. Знаменитый Герберт не был единственным папой, посвятившим себя неканоническим и запрещенным исследованиям ложной науки того времени. Иоанн XIX. был искусен в гидромантии; Иоанн XX. был экспертом в составлении гороскопов и гадании; Бенедикт IX консультировался со знакомыми гениями лесов и гор; Григорий VII. обладал руководством по колдовству и стряхивал с рукавов тучи искр, когда произносил папское благословение; Александр VI. имел репутацию по всей Италии “отвратительного колдуна”.

Дух неверия и богохульства, царивший в высших слоях священства, заразил и тех, кто занимал трон. Жизни некоторых из самых набожных монархов представляли собой невероятные примеры жестокости, лицемерия и обмана. Церковный пример и возможность отпущения

грехов, очевидно, уничтожили всякое почтение к евангельским заповедям, всякое опасение Божественного гнева. Презрение, часто проявляемое членами королевской семьи к указам Всемогущего, раскрывается в нечестивой речи Альфонсо X., Самого католического короля: “Если бы Бог посоветовался со мной, когда создавал мир, я бы дал Ему какой-нибудь хороший совет”.

Поддельное пожертвование Константина, посредством которого первый христианский монарх якобы передал папе Сильвестру I. титул на Западную империю, а вместе с ним и унаследованную власть цезарей, было дополнено в восьмом веке поддельными Декреталиями, серией посланий, которые, как было объявлено, были обнародованы первыми епископами Рима, чьи имена и порядок апостольской преемственности сами по себе либо апокрифичны, либо полностью основаны на неопределенной традиции. Непоследовательность, противоречия и абсурдность Декреталий, которые дают множество внутренних свидетельств невежества тех, кто их составлял, и полного отсутствия согласия по важным пунктам доктрины, неопровержимо продемонстрировали их мошенническое происхождение. Но в век суеверий их авторитета было вполне достаточно, чтобы достичь цели, для которой они были изобретены, — автократии пап. Общий дефицит критических знаний, которому способствовало благоговение, питаемое массами к решениям Преемника святого Петра, привел к тому, что эти вопиющие подделки были приняты с той же верой, с которой относились к заповедям Евангелия. Они наделили папство самыми обширными и опасными прерогативами. Они подчинили притязания каждого светского монарха экстравагантным притязаниям римско-католической иерархии. Согласно их принципам, право на королевскую инвеституру было объявлено неотъемлемым для членов священного ордена, а титул монарха считался несовершенным до тех пор, пока он не был коронован слугой Церкви. Включив их в гражданский процесс Европы, где веками господствовало каноническое право, они утвердили на постоянной основе идеи и принципы папского верховенства. Ни одна мера государственного управления никогда не продвигала интересы Святого Престола в такой степени, как публикация Декреталей, и ни один подлинный ряд законов не оказывал на общество более мощного влияния, чем то, которое эти мошеннические послания оказали на последующее законодательство.

Обширная церковная система, разветвления которой простирались до самых незначительных деревушек каждой страны Европы и юрисдикция которой была первостепенной во владениях самых могущественных монархов, несла с собой злоупотребления и пороки центральной и безответственной власти. Духовные суды провинциальных митрополитов и епископов в уменьшенном масштабе демонстрировали жадность и чувственность Ватикана. Та же организованная симония регулировала представление и продвижение по службе клерков и прелатов. Те же самые незаконные меры были приняты для увеличения церковных доходов. Священники и епископы жили в откровенном и бесстыдном сожительстве. В серале настоятеля Сан-Пелайо-де-Антеалтария содержалось семьдесят наложниц. Генрих III, епископ Льежский, признал отцовство шестидесяти пяти незаконнорожденных детей. В Испании митрополиты, как и их подчиненные, содержали гаремы, охраняемые евнухами. В Германии священнослужители самого высокого ранга пытались свергнуть империю с помощью идолопоклонников и вербовали банды разбойников, которые грабили города и вымогали огромные выкупы у богатых купцов и незащищенных путешественников. Во Франции духовенство Вердена регулярно снабжало еврейских торговцев детьми-христианами, которые были кастрированы для невольничьих рынков Кордовы и Севильи. В Италии продажа молодых и красивых девушек

маврам Сицилии и Мавритании, вызвавшая возмущенный протест Карла Великого, на протяжении многих лет была одним из самых прибыльных занятий духовенства.

Распушенность нравов, преобладавшая в иерархии, была фатальной для сохранения церковной дисциплины. Священники и монахи, лишив себя своего священного облика, который, как предполагалось, должен был служить назидательным примером для мирян, боролись друг с другом за позорное превосходство беспорядочной распушенности. Пожертвования благочестивых людей были растрчены на пьяные оргии и полуночные банкеты. В некоторых швейцарских кантонах новый священник по прибытии был вынужден выбрать наложницу в качестве теоретической гарантии чести своих прихожанок. Эти связи были разрешены законами некоторых стран, в том числе фуэрос Кастилии, которые разрешали сыновьям человека, соблюдающего целибат, наследовать половину его имущества. Продажа лицензий на развлечения так называемых “субпредставленных женщин” на протяжении веков была прибыльным источником дохода для епископов Англии, и ни один священник не был освобожден от этого налога, хотел он воспользоваться его привилегиями или нет. Достоинство священной профессии во Франции было унижено святотатством карловингов, которые назначали своих любимых офицеров в богатейшие бенефиции; и прошлое и манеры этих грубых ветеранов были, как можно предположить, плохо приспособлены к торжественным церемониям у алтаря и исповедальни. Следуя этому достойному примеру, церковники самого высокого ранга отдавали лучшие средства к существованию, имевшиеся в их распоряжении, сводникам, лакеям и цирюльникам. Грубая и бесчувственная натура немецких священнослужителей без колебаний побуждала к попранию всякого чувства чести в угоду своим зверским инстинктам. Установление множественности в Англии стало злом национального значения. Многие иностранные прелаты никогда даже не посещали епархии, доходами от которых они пользовались. Обладание от двадцати до тридцати бенефициями не было редкостью, и упоминаются некоторые счастливицы, у которых было от трех до четырех сотен. Плачевное состояние священства было в значительной степени вызвано принуждением к безбрачию, с одной стороны, и продажей разрешений на его нарушение - с другой.

Поэмы, сатиры и сказки, дошедшие до нас из средневековья, раскрывают распутные нравы духовенства, а также всеобщее презрение, с которым к ним относились те, чья совесть номинально находилась в их ведении. В этих забавных литературных произведениях священник, монах и кардинал почти неизменно становятся объектами насмешек. Их своеобразная одежда, их неотесанные манеры, их похотливость, их обжорство, их алчность становятся мишенью для непристойных и вульгарных острот. Они попадают в нелепые и компрометирующие ситуации. Они становятся жертвами жестоких розыгрышей. Язык, вкладываемый в их уста, представляет собой смесь непристойности и богохульства. Общество, которое могло мириться с такими скандальными разоблачениями, должно было испытывать мало уважения к священнослужителям и их служителям. Соборам выдающихся епископальных сановников живется немногим лучше, чем отдельным людям в руках непочтительного рассказчика. Мы также не можем удивляться, что это так, когда вспоминаем условия и аксессуары, ассоциирующиеся в общественном сознании с церковными соборами. При отъезде папского двора из Лиона в XIII веке кардинал Гуго, выдающийся прелат, в присутствии огромной толпы сделал предметом приятной шутки возросшую развращенность этого города, в чем, по общему признанию, были повинны его достопочтенные посетители. Святые Отцы знаменитого Констанцкого собора, созданного для реформирования священства, наказания ереси и установления более высоких стандартов моральной дисциплины в

назидание нечестивым, воспользовались минутами, вырванными из трудов благочестивых дискуссий и религиозных споров в обществе толп шутов, танцовщиц и семисот куртизанок. Учреждение монашеских орденов не только внесло значительный вклад в укрепление власти папства, но и оказало прямое и, как правило, самое пагубное влияние на общество. Огромное количество фанатиков, слепо преданных Римскому престолу, было предоставлено в полное распоряжение папы - бесценных союзников в ожесточенной борьбе между Алтарем и Троном. Взаимная зависть и вражда светского и обычного духовенства делала обоих еще более зависимыми от благосклонности Верховного понтифика. Каждый член религиозного дома давал клятву хранить в неприкосновенности все, что происходило в его стенах, - правило, которое в последующие времена стало удобной мерой предосторожности для сокрытия оргий, скрывавшихся от дневного света. Принятие обетов бедности, целомудрия и послушания придавало монаху и нищенствующему монаху особую святость в глазах доверчивой толпы. Они умерщвляли плоть и подавляли плотские позывы частым кровоточением и длительным воздержанием от пищи. Они отвергали аристократические вкусы, которые были порицанием роскошествующим членам светского духовенства. Они отказались от всех соблазнов и даже от всех удобств жизни. Их физические потребности удовлетворялись за счет милостыни. Их пылкое красноречие, не ограниченное сводами церквей с колоннами, но выступавшее на открытом воздухе и вызывавшее к воображению и предрассудкам невежественных людей, их добровольный отказ от мирских удовольствий, показное самопожертвование их жизней сделали их всеобщими любимцами народа. Мужчины всех сословий осыпали их подарками. Женщины охотно искали их услуг в качестве исповедниц. Их визиты в изолированные деревни простого крестьянства приветствовались как предвестники удачи. Их жилища предлагали запоздалому путешественнику безвозмездный отдых и подкрепление сил. Их благословение сопровождало рождение и крестины младенцев в беднейшей хижине. Их молитвы приносили утешение и облегчение как искреннему христианину, так и кающемуся грешнику. У каждого очага их временное и случайное присутствие считалось благословением.

Но вскоре в монашеских орденах произошли перемены. Испытания богатства, роскоши и личных удовольствий оказались слишком сильными, чтобы им можно было сопротивляться. Одевание из грубой ткани превратилось в мантию из тончайшей ткани, отороченную дорогими мехами. Приор больше не путешествовал один и пешком, а ехал на неторопливой лошади, сопровождаемый вереницей подобострастных слуг. Скит превратился в величественный дворец, назначение и обстановка которого не уступали, а нередко и затмевали по великолепию резиденции принцев. Монах стал крупным землевладельцем. Путем покупки, дарения, наследования, конфискации он приобрел в каждой стране большие и доходные поместья. Одно время в его владении находилась половина земель Франции. Немецкая знать жаловалась на то, что монастыри поглотили большую часть недвижимого имущества империи. Визит Генриха VIII, приведший к подавлению религиозных домов Англии, выявил тот факт, что обычное духовенство на протяжении веков пользовалось плодами наиболее продуктивной и ценной части общественного достояния. Особый характер его владения делал церковную собственность еще более деспотичной. Его титул сохранялся после смерти, а его владения были неотчуждаемы. Она всегда могла приобрести территориальные права, но никогда не отказывалась от них. Передача земли, которая представляет собой столь важный стимул к коммерческой деятельности в каждом сообществе, не просто не учитывалась, но была абсолютно запрещена его эгоистичными и несправедливыми правилами.

Монашеская жизнь, хотя и была номинально аскетичной, в более богатых общинах представляла картину сибаритского потворства своим желаниям. В монастыре облагораживающее влияние литературы, даже наряду с удовлетворением чувственных влечений, смягчило в монахе деградирующие наклонности и свирепый нрав, которыми руководствовался его товарищ, феодальный барон. Блюда были более разнообразными и деликатными; отборные вина заменили грубые продукты пивоварни; а беседа, хотя и не менее непочтительная и распущенная, чем та, которой развлекали гостей "аристократа", была лишена большей части своей отталкивающейности благодаря внешнему соблюдению приличий. Одолеваемый чрезмерным гостеприимством, добродушный приверженец Бахуса, вместо того чтобы остаться под столом, подвергаясь насмешкам своих товарищей или ударам мечей драчунов, был тихо препровожден в свою камеру своими более трезвыми собратьями. Обычаи того времени настоятельно требовали, чтобы глава религиозного дома обладал всеми атрибутами аристократического происхождения и благородного воспитания. Особенно в глазах кельтов симметрия форм и достоинство осанки были незаменимыми характеристиками правителя монашеской общины. И аббат, и настоятельница были выбраны скорее по телесным, чем по моральным или интеллектуальным качествам, — за красивые черты лица, властную осанку и элегантные манеры. Общественное мнение незаметно связывало умственное превосходство и благочестивые наклонности с физическим совершенством; а личное уродство считалось, особенно невежественной толпой, признаком склонности к преступлениям. Эта вера, без сомнения, бессознательно проистекающая из впечатлений, оставленных языческими божествами древности, в статуях которых, образцах красоты, были воплощены непревзойденные концепции древнего скульптора, демонстрирует стойкое сохранение освященных веками традиций и религиозных предрассудков в человеческом сознании.

Имея неограниченные возможности для их удовлетворения, неканоническим практикам сначала тайно потворствовали, а затем открыто терпели. Трапезная, некогда славившаяся бережливостью и благочестивыми наставлениями, теперь стала ареной обжорства и безудержных шуток. На столе ежедневно появлялись заморские деликатесы и вина изысканного вкуса. Монахи и монахини поддерживали нечестивые отношения под одной крышей. Многие настоятели признавали наличие наложниц, и тот, кто ограничивался одной любовницей, считался образцом церковной добродетели. В нарушение всех правил своего ордена монахи переодевались и странствовали по стране в поисках любовных приключений. С их помощью несносных родственников похищали и принуждали к вечному заключению или, если предлагались достаточные денежные стимулы, заставляли навсегда исчезнуть из поля зрения людей. В Англии они часто фигурировали в позорных драках с другими распущенными посетителями лупанаров и таверн. Монастыри Испании, Франции и Италии представляли собой еще более позорную картину пьянства, распущенности и беспорядка.

Репутация монастыря за распутство ни в чем не уступала репутации самого монастыря. Монахини, как известно, демонстрировали весь вид и грацию самого утонченного кокетства. Они облачились в богатые одежды, покрытые красивой вышивкой, работой их собственных умелых рук. Их сорочки из фиолетового шелка, алые туфельки, вуали из серебристой ткани вызывали восторг у их поклонников и отвращение у благочестивых. Они носили золотые цепи и браслеты и кольца, украшенные драгоценными камнями. Они разрисовывали свои лица. Король Эдгар публично упрекнул монахинь своего королевства за их пурпурные одежды и драгоценности. Обительницы Фонтевро носили головной убор с рогами, который нравился модным дамам того времени. Супруги Христа прибегали к любому искусству, чтобы привлечь

внимание грешного прохожего. В оргиях, осквернявших даже дома, посвященные богослужению, их бесстыдство вошло в поговорку. Они купались в совершенной наготе с монахами и дьяконами. Они пели вакхические песни. Их беседа была приправлена богохульством. Повсеместное распространение зла подтверждается частотой, с которой оно осуждается Церковными Соборами. Кельнский собор, состоявшийся в 1307 году, был особенно суров в своем осуждении обычая, по которому монахи на время оставляли монастырскую жизнь ради карьеры разврата, а затем возобновляли свои прежние отношения с Церковью без покаяния и, что было еще хуже, без увещаний со стороны своего начальства.

Для предавания этим удовольствиям, запрещенным законами Бога и человека, доходы религиозных домов, хотя и были во многих случаях огромными, были совершенно недостаточны. Экстравагантные требования Святого Престола, который собирал свою дань с частыми и нерегулярными интервалами, еще больше сократили финансовые ресурсы монастырской казны. Однако изобретательность аббатов не замедлила найти способы пополнить свою истощенную казну. Благородные леса, многие из которых были построены одновременно с правлением друидического жречества, были вырублены и проданы. Чаши, патены, cibории и распятия были заложены еврейскими ювелирами и торговцами. Драгоценности извлекались из жертвоприношений по обету и алтарных украшений и утилизировались за малую часть их реальной стоимости. Эти кражи священных предметов были настолько серьезными, что инвентаризация мебели и утвари соборов часто производилась по приказу примасов и государей, скорее с целью обнаружения потерь, чем для того, чтобы положить конец практике, которая при существующей системе была неизлечимой. Отпущения грехов, некоторые поддельные, но многие подлинные, с папской печатью и готовые к заполнению именем покупателя и описанием преступления, в котором он был виновен или которое собирался совершить, были в распоряжении каждого преступника. Официальные посетители английских аббатств обнаружили в кельях отшельников, которые, как считалось в народе, копили сокровища на небесах, орудия фальшивомонетчика и большое количество фальшивых монет. Проницательный исповедник неустанно внушал страдальцу долг перед Церковью при оказании помощи умирающим, пока отказ завещать значительную часть своего состояния слугам Божиим не стал считаться актом нечестия, приравненным к святотатству и самоубийству.

Количество, богатство и влияние этих церковных учреждений были огромны. В конце тринадцатого века в Англии насчитывалось шестьсот монастырей, во Франции - две тысячи триста тридцать семь, а в остальных странах Европы - полторы тысячи. Многие из этих общин насчитывали более тысячи монахов; большое аббатство Бангор - самое большое в Великобритании — насчитывало три тысячи. Города, деревни и огромные участки пахотной земли, пастбищ и лесов были включены в их владения. Множество арендаторов и вассалов обрабатывали эти земли, львиная доля продукции которых попадала на склады и закрома процветающих Отцов. Религиозные обязанности последних не мешали им извлекать выгоду из преимуществ внутренней и внешней торговли. Они покупали и продавали почти все виды товаров. Ростовщические проценты, которые они получали от нуждающихся заемщиков, вызывали восхищение проницательного и опытного еврейского брокера. Они управляли кожевенными заводами, широко торговали тканями и кожей и импортировали много предметов роскоши с Востока. Рынок шерсти Англии был полностью под их контролем. Народный шум, вызванный этой монополией, которая лишала собственности и разоряла арендаторов, превращая пахотные земли в пастбища и лишая большое количество трудолюбивых людей

средств к существованию, в немалой степени способствовал подавлению английских монастырей. Неисчерпаемый источник богатства стал доступен благодаря торговле реликвиями, развлечениям и обиранию паломников. Методы Святого Престола по продаже священных предметов более чем сомнительной подлинности были усовершенствованы хитростью и дерзостью монашеских шарлатанов. Огромное количество костей было привезено из Италии и продано набожным по баснословным ценам. Большая часть этих священных сокровищ была извлечена из катакомб, где хранился практически неограниченный запас языческих и варварских скелетов, первоначальные владельцы которых и не мечтали о том поклонении, которое им суждено было однажды получить на берегах Темзы, Сены, Рейна и Дуная. Когда строилась церковь, никогда не возникало трудностей с приобретением мощей святого, которому она была посвящена, и истлевшие останки какого-нибудь жреца Юпитера или Венеры, вероятно, нередко клали со всеми знаками почтения под алтарь великолепного собора, чьи идолопоклоннические церемонии во многом поразительно напоминали языческие обряды завсегдатаев древних храмов. Другие священные предметы, не менее ценные, часто представляли собой странную смесь абсурда и богохульства. Репродукций тернового венца и гвоздей Распятия было бесконечное количество. Список включал угли, на которых жарился Святой Лаврентий, ткань, использовавшуюся на Вечере Господней, перст Святого Духа и немного молока Божьей Матери. Хвост Валаамовой ослицы в течение столетия был одним из самых ценных сокровищ святого Иоанна Латеранского в Риме. Когда рвение благочестивых ослабевало, гений монахов прибегал к экстраординарным средствам, чтобы стимулировать эту бесполезную апатию. К сочувствию и фанатизму суеверных взывали изображения процессий, которые могли плакать и истекать кровью. Были выставлены Письма, якобы написанные божественными руками Всемогущего и Спасителя. Можно отметить, что композиция и стиль этих постановок указывают на чрезвычайную степень безграмотности возвышенных личностей, которым было непристойно приписано их исполнение. Предполагалось, что многие реликвии обладают чудесными целебными свойствами, и это мнение усердно пропагандировалось теми, в чьих интересах было, чтобы они пользовались всеобщим вниманием. Паломники в огромном количестве стекались к этим святыням, чья репутация обещала быстрое и верное избавление от всех физических недугов. Поскольку немногие приходили с пустыми руками, содержимое одного реликвария часто было более важным источником дохода, чем все королевские владения королевства. В средние века церковь Святого Фомы Кентерберийского была, безусловно, самой богатой в христианском мире. На протяжении трехсот лет она получала дань от паломников со всех стран. Короли возлагали на его алтарь короны и бесценные драгоценности. Великая гробница святого была полностью покрыта золотыми пластинами, но драгоценный металл был едва виден из-за обилия драгоценных камней, которыми она была инкрустирована. Стоимость золота и серебра, полученных в результате их конфискации при Генрихе VIII. составила почти миллион фунтов стерлингов, и эта оценка не включала драгоценные камни, оценка которых не производилась. Большая часть этого богатства была накоплена бережливыми монахами за счет продажи воды, якобы содержащей часть крови святого Фомы, пролитой во время его мученической кончины, запасы которой благодаря чудесной силе умножения, которой обладают некоторые реликвии, никогда не иссякали, и которая, благодаря безоговорочной вере и религиозному энтузиазму, возможно, действительно сыграла важную роль во временном облегчении болезней, вызванных нарушениями функций нервной системы.

Власть правителей этих густонаселенных общин была очень обширной. В большинстве случаев аббат пользовался немалыми привилегиями знати. В дополнение к своим духовным функциям, он выполнял обязанности гражданского и уголовного судьи и в крайних случаях мог назначить смертную казнь. Ожидалось, что он будет опекуном детей королевского происхождения. Хотя он был обязан соблюдать правила своего ордена, его интерпретация этих правил была окончательной, а его решение абсолютным. В Англии, если он имел право носить митру, он заседал в Верхней палате парламента рядом с епископами. Обычно он был настоящим эпикурейцем, больше любившим спортивные состязания, чем свой требник, веселым собеседником, знатоком вин, обожателем женщин. Его стол, его одежда и привычки демонстрировали всю утонченность сибарита. Многочисленные блюда, приготовленные искусными поварами, пришлись по вкусу его изнеженному вкусу. Вина из его погреба были самыми отборными и дорогими на рынке. Его одежда иногда была из яркого шелка с вышивкой, иногда из алой ткани с подкладкой из белого атласа. Сапоги из мягчайшей кожи без единой морщинки облегали его крепкие конечности. На белоснежных пальцах сверкали драгоценности. Слуги его дома были одеты в безвкусные ливреи. Он содержал шутов и скоморохов. Благородному занятию соколиной охотой он был так предан, а его соколы были настолько превосходны, что по этим причинам он часто вызывал зависть своих компаньонов-аристократов и суровое порицание своих более строгих церковных начальников. Отряды бродячих актеров всегда находили радушный прием и щедрость на своих выставках в большом зале аббатства. Помимо монахинь, которым он был особым покровителем, высокородные дамы были в восторге от его любовных комплиментов и пользовались его опасным, но великолепным гостеприимством.

Обитатели религиозных домов поддерживали гораздо более тесные отношения с основной массой населения, чем светское духовенство. Первоначальная простота их жизни, кажущийся пыл их набожности приобрели для них особую святость, которую их последующие нарушения правил никогда не могли полностью отменить. В отличие от светского духовенства, чьи традиции носили аристократический характер, их потребности и служение привели их к тесному контакту с низшими слоями населения, которые отплачивали за их услуги яростным идолопоклонством. Из двух подразделений обычного духовенства монахи, которые отличались от монахов только тем, что питались подаянием, пользовались большим уважением. Путник на большой дороге искренне просил у них благословения. Дамы носили свои веревочные пояса во время Великого поста, частично в качестве покаяния, частично как амулеты высшей добродетели против происков злых духов. Предполагалось, что поддельные реликвии, которыми они торговали, были наделены более чудесными свойствами, чем те, о которых рассказывал епископ в соборе. Их красноречие, с его патетическими призывами и простыми иллюстрациями, несло в себе убежденность, которой не хватало самому опытному и популярному проповеднику.

Человеческой природе было не под силу долго противостоять соблазну, который предоставляли такие возможности для роскошного потворства своим желаниям. Менее чем за полвека с момента своего основания нищенствующие монахи Святого Франциска могли похвастаться богатством, равным богатству любого из монашеских орденов. Их общее название Cordelier, происходящее от их пенькового пояса, стало синонимом распутства и пьянства. Как монахи, так и монахини соблазняли жен у их мужей и нередко доводили последних до нищенства. Они давали монахиням наркотики и афродизиаки и указывали на их искажения и бессвязный бред как на следствие божественного вдохновения. Для молодых девушек было обычным делом

надевать мужскую одежду и жить в монастыре; это был памятник временам Генриха VII. сохранилась история Англии, в которой фермеры и дворянство Карнарвоншира просят королевской защиты от развратных действий обычного духовенства. Ненормативная лексика монахов во время совершения мессы и их оскорбительные высказывания в исповедальне иногда приводили к временному отстранению от выполнения этих священнических функций. Азартные игры были обычным развлечением, которому, как было известно, предавались даже настоятельницы. Всякий раз, когда умирал настоятель, казна подвергалась разграблению, а ее содержимое распределялось между братьями, которым посчастливилось присутствовать при этом.

Эти эксцессы поощрялись незначительными наказаниями, наложенными за их совершение. Некоторые отделались выговором, особенно когда было известно, что приор виновен в равной степени. Среди английского духовенства смертный грех мог быть прощен за ничтожную сумму в шесть шиллингов и восемь пенсов. Пронесение распятия по церковным проходам и штраф в размере трех шиллингов и четырех пенсов давали преступнику право на отпущение грехов за кровосмешение. Блуд искупался подношением свечей и повторением нескольких молитв. Как и в случае с мирянами, существовал регулярный график, точно определяющий наказания, которые должны быть применены за каждую степень церковного проступка.

Обычные уголовные суды, пользуясь привилегиями, вырванными у глупых и фанатичных монархов хитростью коварных церковников и предрассудками суеверного века, не имели власти над клерком до тех пор, пока он не был осужден религиозным трибуналом. Процесс судебного преследования, в ходе которого симпатии судей были заручены поддержкой виновного в силу общей профессии и часто по причине участия в аналогичных преступлениях, всегда был медленным, а иногда и нескончаемым. Из-за этих задержек и намеренно усложненного процесса в духовных судах гражданские законы были практически аннулированы. Взаимный антагонизм мирян и священнослужителей косвенно способствовал совершению самых отвратительных преступлений. Поскольку образование в Европе было монополизировано духовенством, каждый, кто умел читать, считался "клерком" и мог потребовать вмешательства и защиты церковных властей в случае ареста. Постриг также считался первостепенным доказательством принадлежности к ордену и равной эффективности в получении иммунитета, поскольку многие представители духовенства не знали грамоты. Пользуясь этими привилегиями, столь опасными для благосостояния общества, отчаянные злоумышленники постоянно избегали последствий своих деяний; и официальные мстители за поруганные законы тщетно требовали привлечения преступника, чья скудная образованность или выбритая макушка указывали на связь со всемогущей иерархией. Защита интересов духовенства была доведена в Англии до таких крайностей, что парламент однажды счел необходимым возбудить дело по обвинительному акту против повара епископа Рочестерского, который, приняв тонзуру и пользуясь влиянием своего хозяина, бросил вызов уголовной магистратуре и трибуналам королевства. Оказание пустяковой услуги, выплата суммы денег, пропорциональной средствам просителя, которая часто представляла собой доходы от преступления, за которое требовалось отпущение грехов, освобождали разбойника с большой дороги и убийцу от всяких опасений наказания светским правосудием.

Таким образом, монашеские ордена фатально отошли от простоты и чистоты своего первоначального учреждения. Как и другие представители церковной профессии, они были заражены всеми пороками и погрязли во всех грехах. Они были особенно известны своей склонностью к самым позорным преступлениям в календаре человеческих немощей — к пьянству, блуду, изнасилованию и кровосмешению. Люди, которые обычно бросали вызов канонам морали, потворствуя подобным практикам, неизбежно должны были испытывать лишь небольшое уважение к системе, которая, как было известно, не только не ограничивала, но и тайно поощряла их. Как следствие, лицемерие царило повсюду среди служителей Церкви, от Святого отца, окруженного красотами своего серала, до нищенствующего монаха, который отплатил за услуги подбострастного крестьянина разграблением его имущества и развращением его семьи. Нравственность священнослужителя была, как правило, намного хуже, чем у мирянина. На Юге Франции существовал обычай, который прецедент почти приобрел силу закона, согласно которому священник после отслужения своей первой мессы приглашал своих друзей-священнослужителей на пирушку в ближайшую таверну. Епископы читали службу в постели. Низшее духовенство разделило торжественное совершение Евхаристии на несколько частей и, требуя плату за каждую, вчетверо увеличило свое вознаграждение. Французский собор в 1317 году пригрозил отлучением от церкви любому магистрату, который при звуке трубы выставит священников напоказ с оружием на шее — обычное наказание за драки и буйное поведение. Политика Церкви считала самую вопиющую несправедливость, самое чудовищное преступление ничтожным по сравнению с пренебрежением внешним послушанием ее правилам и соблюдением формальностей ее ритуала, таких как редкое посещение мессы, поругание реликвий, удержание десятины, употребление мяса в Великий пост, труд по праздникам. В судебном преследовании тамплиеров обвинительные статьи не рассматривали обвинение в невоздержанности как важное по сравнению с обвинениями в атеизме и идолопоклонстве, хотя было печально известно, что более тринадцати тысяч наложниц содержались за счет приоратов этого ордена в Европе.

Нарушение обета целомудрия было настолько распространенным явлением, что только самая возмутительная непристойность могла вызвать комментарии, и духовные власти, которых Церковь назначила осуществлять цензуру общественной морали, не решались выполнять свои обязанности, опасаясь, что таким образом могут быть разоблачены их собственные проступки. Иметь в любовниках священнослужителя считалось не только похвальным, но и удобным из-за легкости сокрытия и уверенности в немедленном отпущении грехов. Присутствие любовниц епископов, священников и каноников оскорбляло жен честных дворян и бюргеров на коронациях и турнирах. Окрестности аббатств и женских монастырей кишели незаконнорожденными детьми священнослужителей. Эти члены семей священнослужителей щедро обеспечивались за счет доходов, якобы собираемых на благочестивые цели и распространение религиозной истины. Некоторые монахи настолько деградировали, что использовали даже Дом Божий для самых низменных целей. Гийо де Провен, писатель XIII века и сам член монашеского братства, рассказывает, что он видел, как цистерцианцы превращали церковные дворы в свинарники и привязывали ослов в часовнях. В дополнение к неумеренному пристрастию к крепчайшим винам преемники Пахомия и Антония устраивали кулинарные состязания, в которых пальма первенства присуждалась брату, обладавшему наибольшим объемом брюшной полости. Среди них были мессы Обжор в Англии, проводимые пять раз в год в честь Пресвятой Девы, когда приходская церковь становилась аренной ненасытных подвигов священника и клерков, которые боролись за это завидное отличие с пылом, который часто

заканчивался бунтом. Все попытки реформировать эти развращенные общины оказались тщетными. Настоятеля, пытавшегося исправить пороки своей паствы, преследовали до тех пор, пока он не был рад отказаться от своей бесперспективной задачи или оставить свою подопечную. Если бы он смело попытался утвердить свою власть, у него был отличный шанс быть отравленным. Знаменитый Абеляр чудом избежал этой участи, и явная мстительная враждебность, проявленная обитателями его аббатства, в конце концов вынудила его обеспечить свою безопасность бегством. Даже решительный характер кардинала Хименеса был вынужден уступить упрямству его братьев-францисканцев, чьи поборы и неуставная жизнь вызывали у него ужас и отвращение. В течение семи лет Уильям, епископ Падерборна, тщетно использовал полномочия, возложенные на его высокий пост, чтобы избавить монастыри своей епархии от скандала, вызванного пороками их обитателей.

Большая часть коррупции среди обычного духовенства была приписана самозванцам и злоумышленникам, которые находили приют и безопасность в их рядах. Одного принятия пострига было достаточно, чтобы обеспечить неприкосновенность самому отъявленному преступнику. Раб, потерявший терпение под ударами жестокого хозяина или опасющийся последствий непростительных проступков, обретал безопасность и свободу в тени башен аббатства. Личность преступника и беглеца, замыслы лицемера и плута были эффективно замаскированы рясой монаха. Гуманной и благотворной привилегией убежища злоупотребляли, принимая и укрывая все категории опасных и пользующихся дурной репутацией нарушителей общественного порядка. Общение с людьми такого отрешенного характера не могло не деморализовать даже тех членов братства, которые соблюдали свои обеты, и, должно быть, еще больше развратило праздных и распутных людей, которые уже привыкли к заманчивой и роскошной рутине монастырской жизни.

Неспособность, высокомерие и распутство духовенства в конце концов стали невыносимыми даже для фанатичного и одержимого священниками народа. Перевод Библии Виклифом, учения Иоанна Гуса и Иеронима Пражского проложили путь к осуществлению частного суждения и привилегии независимого мышления. По всей Европе прошла реакция. Меньше всего это ощущалось в Италии, где массы испокон веков были знакомы с самозванством и преступлениями папства. Это было наиболее заметно в Англии, где обиды, налагаемые на мирян их религиозными наставниками, стали невыносимыми, а богатства королевства были поглощены приспешниками Рима. Ереси Франции на какое-то время угрожали существованию иерархии и были подавлены только крестовым походом и дьявольской энергией инквизиции. Почитание любой формы веры было поколеблено повсеместным распространением беззакония среди священнослужителей. В Провансе и Лангедоке толпа оскорбляла священников, а менестрели высмеивали их. Их услуги отвергались с презрением, их жесты высмеивались, их пороки высмеивались с безжалостной суровостью. Английское население, безмерно раздраженное своими обидами, время от времени прибегало к актам насилия. В некоторых городах священнослужитель вряд ли чувствовал себя в безопасности на улицах. Ни один чиновник не осмеливался доверить себя или свое дело вердикту присяжных. Горстка верующих затерялась в нефе собора, где когда-то собирались тысячи людей. Женщины предпочитали оставаться нераскрытыми, чтобы не доверять себе в исповедальне, окрестности которой из обители религиозных советов и утешения превратились в опасность для сохранения женской чести. В 1746 году примасу Англии было сделано замечание против участия женщин в паломничествах, поскольку города Франции, Ломбардии и на Рейне были заполнены куртизанками, которые злоупотребляли этими возможностями для проявления религиозного

рвления. Авторитету церковных трибуналов открыто бросался вызов, их процедуры высмеивались, их судей оскорбляли, с подчиненными офицерами жестоко обращались. В Лондоне, ближе к концу пятнадцатого века, попытка провести процесс в Суда Консistorии была серьезным делом. Сила зла этого некогда грозного механизма преследования, который осуществлял агрессивную цензуру в отношении каждого сообщества, безнадежно ослабла.

Такого характера были религиозные наставники народов Западного христианского мира на протяжении пятисот лет. Первоначальная строгость монашеских орденов исчезла. Ни в одном случае он не пережил первого столетия, начиная с учреждения какого-либо церковного братства. Вместе с ним исчезла гораздо большая часть его полезности. Повседневная жизнь светского духовенства представляла собой отвратительные примеры человеческой порочности. Среди мирян богатые, по крайней мере, были застрахованы от проклятия; ибо благодаря разумному и щедрому пожертвованию и помещению списка своих грехов под алтарное покрывало сострадательного святого, через несколько часов лист оказывался чистым, и великодушный кающийся, благодаря немедленному заступничеству своего покровителя, был освобожден от последствий своих прегрешений без промедления или разоблачения на исповеди. Основание религиозного дома часто основывалось на страхах или раскаянии богатого и суеверного грешника. Огромный участок невозделанной земли был передан колонии монахов. В самом уединенном месте, вдали от суеты и соблазнов мира, было построено непритязательное сооружение, сложенное из плетеных ветвей и покрытое соломой или тростником. Окружающий лес изобилует дичью. Соседнее озеро или ручей давали запас рыбы. Однако во многих братствах такая пища была запрещена, поскольку строгая дисциплина иногда не допускала ничего, кроме скудного рациона из трав и бобовых, запиваемых водой. Обязанности их профессии, а также необходимость пропитания требовали, чтобы часть их времени тратилась на возделывание почвы. Некоторые братья трудились в полях, в то время как другие выполняли домашние и священные обязанности, предписанные их монашескими обетами. В некоторых монашеских обителях голос хвалы никогда не умолкал. Смены певчих находились в часовне без перерыва ни днем, ни ночью. Призывы к богослужению были частыми. Для соблюдения приличий были назначены шпионы, которые сообщали о нарушениях поведения в монастыре. Ни одному монаху не разрешалось покидать его пределы без спутника, чтобы каждый мог удерживать другого от предавания греховным мыслям и плотским развлечениям. В монастыре отшельнику постоянно напоминали о требованиях и обязанностях его профессии горячие увещевания настоятеля и принудительное соблюдение тишины, медитации и молитвы. Посредством наложения на себя тяжких покаяний - бичевания, поста, ношения рубах из власяницы или кольчуги, погружения в ледяную воду — мирские искушения и чувственные желания были эффективно подавлены, а разум и тело были посвящены очевидным и изначальным целям монашеской жизни — служению и прославлению Бога.

Со временем их скромные жилища стали слишком тесными, чтобы вместить растущее число людей или удовлетворить честолюбивое рвение благочестивых братьев. Богатство, полученное от усердной обработки их земель, прибыль от торговли, пожертвования королевских гостей и щедрость их основателей позволили им возводить здания, чьи внушительные пропорции и изысканный орнамент вызывают восторг и отчаяние современных архитекторов. Церковь, посвященная определенному святому, была основана в день, сохраненный традицией как дата его рождения. Было организовано бдение, и когда первые лучи солнца окрасили горизонт в красный цвет, работа была начата. Поскольку точка, где появилось это светило, была принята за восток, из-за постоянно меняющегося положения солнца на небе, существует лишь несколько

церковных зданий, построенных в средние века, стены которых соответствуют четырем сторонам света компаса. В рядах религиозных братств можно было встретить ремесленников всех мастей, чьи профессиональные усилия были вдохновлены вдохновляющим духом религиозной набожности. Размеры этих великолепных сооружений были таковы, что часовни многих аббатств, таких как Сент—Олбанс, Саутвелл, Сент-Уэн, Дарем, Кентерберн, в настоящее время являются кафедральными церквями некоторых из богатейших епархий Франции и Англии. Архитектурное великолепие Вестминстера знакомо каждому путешественнику. Здания, входящие в состав великого цистерцианского аббатства Тинтерн, которые были обнесены стеной, занимали площадь в тридцать четыре акра. Симметрия и красота готических храмов Нормандии не претерпели изменений и не имеют себе равных после революций, длившихся более семи столетий. Церковная юрисдикция некоторых епархий простиралась на целых семь тысяч манси, или домов крепостных; те, кто получал дань только в размере двух тысяч, были настолько многочисленны, что были сравнительно незначительны.

Все имущество духовенства было освобождено от налогообложения. Десятина, поначалу ограниченная десятой частью продуктов почвы, была, благодаря церковной хитрости и папской жадности, расширена и стала включать в себя весь урожай каждой культуры, прирост каждой травы, труд каждого ремесленника. Без учета территориальной территории, находившейся в руках Римского престола в период Реформации, монашеские гильдии и корпорации поглотили половину населения Великобритании. Доходы некоторых религиозных фондов в этой стране составляли не менее пятидесяти тысяч фунтов стерлингов, считая только добровольные пожертвования. В тринадцатом веке английское духовенство по численности уступало мирянам в соотношении один к четыремстам, а их земли составляли тридцать три процента от всей недвижимой собственности королевства. В Испании в тот же период доля священнослужителей составляла один к семи, то есть пятьдесят процентов. Им принадлежали земельные владения, находившиеся под контролем христиан. Насущные потребности алчных и непочтительных князей, которые без колебаний присваивали под различными предлогами богатства церковного ордена, сами по себе предотвратили возможное исключение мирян Европы из любого владения землей или юрисдикции над ней.

Ни одно религиозное богослужение не могло быть более торжественным, ни одно зрелище - более внушающим благоговейный трепет, чем празднование церковного праздника в одной из величественных часовен старого аббатства в средневековые времена. Само здание было идеалом архитектурной красоты. Сквозь элегантные узоры расписных окон свет в переливчатых тонах умеренным сиянием освещал богато украшенные скульптурами гробницы прелатов и крестоносцев, а также клетчатый тротуар, сверкающий изящными узорами плитки и мраморной мозаики. Стены нефа и трансепта были увешаны гобеленами, на которых иногда были вышиты изображения библейских событий, иногда фигуры усопших настоятелей или портреты ряда знаменитых королей. Алтарь, перед святым присутствием которого постоянно горели ряды восковых свечей, блистал украшениями, созданными рукой богатого благочестия, и массивными реликвариями, украшенными бесценными драгоценными камнями. Звучные ноты григорианского пения наполнили воздух; совершающие богослужение монахи в великолепных облачениях, пышность распятия и благовоний усиливали впечатляющую церемониальность и придавали сцене поразительное представление о божественном богослужении, которому вряд

ли можно было найти аналог в самом Риме. Поистине, в дни своего расцвета монастырь был важным дополнением к папской власти и величию!

При рассмотрении разнообразных пороков и вопиющей коррупции, которыми была запятнана жизнь монашеских учреждений, становится приятно перечислять преимущества, которые эти учреждения приносили человечеству. Во-первых, по важности это тот факт, что они были хранилищами знаний в Темные века. Требования священного исповедания, догмы которого они были призваны поддерживать и распространять, требовали обладания определенной степенью знаний. Уровень интеллекта в монастыре был намного выше, чем в капитуле кафедрального собора или в епископальном дворце. Многие из светского духовенства не умели ни читать, ни писать; их изложение таинств было произнесено на бессвязном жаргоне, и каноник, понимавший грамматику, вызывал всеобщее удивление и уважение. Непристойный и богохульный характер речей с кафедры часто был таков, что утонченная современная аудитория ни на мгновение не потерпела бы этого. Наслаждение богатым досугом, похвальный импульс к накоплению информации, которая могла оказаться полезной как для распространения истин Евангелия, так и для увеличения важности их порядка, побудили определенное количество обитателей каждого монастыря к переписыванию книг, изучению авторов, составлению молитвенников. Некоторые писали стихи на латыни. Другие, как Хроцвита, немецкая монахиня из Гандерсхайма, сочиняли драмы в подражание классике. Эти литературные усилия, хотя и часто грубые по чувству, безнравственные по тенденции и грубые по исполнению, кажутся чудом учености, когда мы вспоминаем плотную атмосферу невежества, в которой они создавались. В аббатстве сохранились записи того времени не только обо всех сделках, в которых участвовало это учреждение, но и о многих деталях дел, представляющих национальный интерес, которые спустя века предоставили историку бесценные сведения. Во многих монастырях существовали школы, где послушницы, а также дети крестьян могли получить элементарное образование. Книги, среди которых упоминаются Басни Эзопа, были прикованы цепями к столам в залах в пользу этих учеников. О великом импульсе, который дал интеллектуальному прогрессу неполный перевод Библии Уиклифом в четырнадцатом веке, свидетельствует смехотворная жалоба старого монашеского хрониста, который сетовал, что “Женщины теперь стали более сведущими в Новом Завете, чем ученые клерки”. Одновременно с этим благоприятным событием монополии на письма, которой так долго пользовалось и извращало духовенство, пришел конец. В тех случаях, когда считалось, что интересы религии находятся под угрозой, монахи без колебаний преграждали путь познания. Под их влиянием в двенадцатом веке студентам Университета Монпелье было запрещено изучать физику и юриспруденцию. В противовес этому духу наступательного фанатизма не следует забывать, что первые печатные станки, использовавшиеся в Европе, были установлены в монастырях.

Монашеское уединение в значительной степени поощряло любовь к искусству. По красоте дизайна и завершенности отделки усилия готического архитектора никогда не были превзойдены. Букмекерство было доведено до продвинутого уровня совершенства. Из громоздких томов с деревянными листами, переплетенных в свинцовые переплеты, рукописи превратились в изысканные образцы каллиграфической и декоративной элегантности, столь ценимые современными коллекционерами. Некоторые из них были написаны золотыми и серебряными буквами на фиолетовом пергаменте. Иллюминации, откуда черпалось первое вдохновение для современной живописи, часто были работой многих лет. Переплеты были из резной слоновой кости или драгоценных металлов, нередко украшенных драгоценными камнями. Эти тома, предназначенные для алтарного служения, иногда помещались в

реликварий и становились вдвойне ценными как из-за содержащегося в них священного воспоминания, так и из-за дорогостоящих материалов и труда, затраченного на их изготовление. Искусство скульптора во многом обязано усердию и мастерству, проявленным средневековым резчиком по дереву, чьи работы можно увидеть в партере и алтарных ширмах готических соборов. Вышитые облачения, созданные монахинями в двенадцатом и тринадцатом веках, представляют собой чудеса орнаментации, терпения и ловкости. Постоянные занятия в хоре привели к значительному прогрессу в знании поэзии и музыки. Не были полностью забыты и философские занятия, несмотря на их признанный антагонизм к Церкви. Имя и достижения папы Сильвестра II. его современникам, а также потомкам долгое время казалось, что он заключил договор с дьяволом и занимается магией. Современная наука, огульно осуждающая монашество, не должна забывать, что великие натурфилософы средневековья, Альбертус Магнус и Роджер Бэкон, принадлежали к орденам нищенствующих монахов, поскольку один был францисканцем, а другой доминиканцем.

В монастыре оказывалась не только медицинская помощь, насколько позволяли грубость и невежество суеверного практикующего, но и безграничное и безвозмездное гостеприимство. Монастырское заведение было одновременно больницей и гостиницей средневекового общества. В малонаселенных районах, обычно выбираемых его основателями, не было сделано никаких государственных мер для облегчения страданий инвалидов или удовлетворения потребностей путешественников, и то и другое находило в его стенах щедрый и сердечный прием. Его святилище укрывало трепещущую жертву феодального гнета мантией своего комфорта и защиты. Его башни, сохранявшие свой священный характер, невредимыми пережили крушение династий и опасности революционного насилия. Крепкие стены донжона и барбакана пали под натиском норманнов, саксов, датчан и ломбардцев, но аббатство, беззащитное, если не считать неприкосновенности, обеспечиваемой святым призванием его обитателей, оставалось неизменным среди этих сцен всеобщего беспорядка и разрухи, хранилище древней учености, прибежище остатков тех изысканных светских приличий, которые пережили падение императорского величия, убежище гонимых, дом искусств, хранитель цивилизации в воинственный и непросвещенный век.

В то время как Рим был центром церковной и светской власти, Константинополь был бесспорным средоточием утонченности и культуры христианской Европы. Перенос правительства Империи за пределы Азии, однако, не разрушил престиж, который Вечный город приобрел благодаря своим славным достижениям в искусстве, военном деле, литературе, политике на протяжении стольких веков. Новую столицу Цезарей нельзя было по праву назвать римским городом. Его население по прошествии первых пятидесяти лет после основания было скорее греческим, чем латинским, но наиболее отличительными чертами всегда были азиаты. Обычным языком его граждан был язык Ионии и Аттики. Деспотизм его двора, манеры его народа носили ярко выраженный отпечаток Востока. Его общество было космополитичным, и связи, которые оно поддерживало по каналам торговли с отдаленными странами, постоянно заполняли его улицы живописными и варварскими костюмами. Жестокость Запада, пороки Востока, суеверия Африки, жестокость Италии нашли себе приют на берегах Босфора. Преемники Константина претендовали на прерогативы, совершенно несовместимые с безопасностью общества или принципами справедливости, и осуществляли их. Они использовали свои полномочия для отмены приговоров судебных инстанций. Они применяли ужасные пытки без санкции закона или прецедента. Они ввели налоги, которые разорили даже самых богатых из их подданных. Они позволяли своим льстецам вымогать выкупы, торговать

правосудием и распоряжаться должностями, не прибегая даже к благопристойному предлогу сокрытия. Взаимная ненависть, существовавшая между кровожадными группировками столицы, древняя вражда знати, ревность князей-соперников, которая не раз вызывала катастрофические беспорядки, буйная ярость черни, побудили императоров привычно не доверять верности тех государственных деятелей, чье происхождение и образование лучше всего подходили для руководства политикой великой империи. Поэтому по необходимости евнухам было поручено управление делами государства, и они занимали ответственные должности в императорском доме. Окруженные толпой иждивенцев и льстецов, эти чудовища были источником всяческих почестей и получателями всякого почтения; в то время как суверен Востока, лишенный своей реальной власти, был предоставлен обществу монахов и паразитов. Чрезмерная любовь к пышности и великолепным нарядам была характерной чертой византийского характера. Императорская свита часто включала более двадцати тысяч слуг, большинство из которых были евнухами. Евнух был самой заметной фигурой в правительстве, в иерархии, в коммерческих авантюрах, в общественных развлечениях, в политических интригах. Он выполнял функции генерала часто с достоинством, иногда с непревзойденным мастерством. Его скрытные привычки и поведение превосходно подходили ему для извилистых путей и коварных методов дипломатических сношений. Он был влиятельным лицом в византийской иерархии. Члены его касты занимали высокие посты в церковном ордене. Некоторые достигли высшего сана патриарха, должность, которая на протяжении веков была более важной, чем должность епископа Рима. Другие контролировали самые богатые епархии Восточной Церкви. Монашеская жизнь, казалось, обладала для них особой привлекательностью, и многие монастыри в Константинополе были населены исключительно жертвами преднамеренной жестокости человека. В некоторых из этих учреждений содержалось около тысячи заключенных. Выдающаяся роль, которую этот одиозный класс сыграл в установлении стандарта современного православия, благодаря своему влиянию на дам императорского двора на заре христианства, знакома каждому читателю церковной истории. Ненасытная скупость и ненасытность евнуха побудили его к накоплению богатства через законные каналы внешней торговли и внутреннего предпринимательства, а также более сомнительными средствами работорговли и коррупции. Его корабли были известны в каждом порту Средиземноморья. Его связывали с крупнейшими торговыми заведениями столицы. На каждом общественном собрании он был замечен, в каждом заговоре чувствовалась его скрытая, но могущественная рука. Его экипировка была самой яркой, а шлейф - самым импозантным на улицах. В цирке он превосходил надменных патрициев, которых намного затмевал великолепием костюмов. Всегда стремясь к собственному возвеличиванию, он нашептывал измену в уши знати и подстрекал чернь к восстанию. Чувства благодарности, сочувствия, милосердия были ему незнакомы. Ужасные наказания, которым суд подвергал политических преступников, были общеизвестно предложены его злобным гением. С потерей его детородной силы, казалось, исчезли все следы чести, справедливости, человечности, верности, преданности. Византийское население ненавидело его, чьи чувства выражались в распространенной поговорке: "Если у вас есть евнух, убейте его; если у вас его нет, купите одного и убейте его!"

Правительство Византийской империи демонстрировало любопытную смесь безответственной власти и крайней зависимости. Императоры демонстрировали все знаки отличия и все высокомерие деспотизма, в то время как на самом деле они были рабами своих паразитов. Карьера суверена, несомненно, была бы короткой, если бы он проявлял склонность к

независимости и утверждению своих юридических прерогатив. При константинопольском дворе отравление было сведено к науке, а евнухи, астрологи, священники и шарлатаны были готовыми орудиями честолюбия и мести. Формальности, сопровождавшие общение членов королевской семьи и аристократии, были настолько сложными, что требовали длительного курса обучения, чтобы овладеть ими. Они были сведены к кодексу, знакомство с правилами которого считалось величайшим достижением придворного. В то время как этот легкомысленный церемониал усердно совершенствовался, постоянно удаляющиеся границы империи были предоставлены вторжениям варваров с Балтики и Каспия. Государственные доходы были растрочены церковниками и ненасытными фаворитами. Алчные сборщики налогов проявили характер и переняли обычаи лицензированных разбойников. Их поборы стали настолько чрезмерными, а бедственное положение народа было настолько велико, что три четверти жителей монархии были официально внесены в государственные реестры как нищенствующие.

С восьмого по двенадцатый век Константинополь, по всей вероятности, был самым богатым и густонаселенным городом в мире. Он унаследовал традиции древнеримской столицы, в то время как в значительной степени отказался от политики, которая сделала эти традиции знаменитыми. Самые изысканные произведения искусства, избежавшие ярости варварских орд Скифии и Галлии, были перенесены в его стены. Вдоль его улиц стояли великолепные особняки, колоннады, храмы. Повсюду возвышались памятные знаки той великой державы, чье имя было известно и внушало страх от Высокогорий Шотландии до берегов Окса. На форуме и в саду мрачные лики святых монахов и отшельников стояли бок о бок с благородными бюстами и статуями самых прославленных героев и граждан классического Рима. Королевские дворцы были построены по образцу прекрасных вилл, которые когда-то украшали Кампанию, другие - по планам, предложенным сарацинскими архитекторами Багдада. Церкви также свидетельствовали о подражательном характере византийского искусства, которое черпало вдохновение из Греции и Востока. Говорят, что в 1403 году в городе их было три тысячи. Монолитные колонны из разноцветного мрамора поддерживали их купола, которых иногда было до пяти, покрытые черепицей из позолоченной бронзы. Их стены были инкрустированы лазуритом и яшмой. Рельефная скульптура была покрыта золотом. Сложные узоры арабесок в мозаике украшали стены и образовывали тротуары. Фонтаны были серебряными, а их чаши наполнялись вином, а не водой, на благо византийской черни, чьи драки часто отвлекали праздный досуг монарха и его роскошного двора. Каждое время года император пользовался отдельным жилищем, и назначение и мебель каждого из них были приспособлены к атмосферным превращениям климата Константинополя. Во всех украшениях этих роскошных зданий драгоценности были разбавлены в показном и полуварварском изобилии. Извращенная изобретательность византийского изобретателя была потрачена на создание любопытных игрушек, которые могли бы восхитить простоту детства, но от которых вряд ли можно было ожидать привлечения внимания членов королевской семьи, даже в эпоху упадка. Одним из шедевров этих искусных мастеров было дерево из драгоценных металлов, в листе которого гнездились золотые птицы, чьи пронзительные крики наполняли залы дворца. Несмотря на огромные траты сокровищ, ресурсы византийской монархии были таковы, что даже после того, как ее территория сократилась почти до стен столицы, она по-прежнему охватывала самую богатую общину христианского мира. Непревзойденные коммерческие возможности, которыми пользовался Константинополь, на протяжении веков с лихвой компенсировали недостатки политической недееспособности, национальной праздности и коррупции чиновников. Убытки,

понесенные в результате церковных распрей, кровавых переворотов политических группировок, опустошительных действий крестоносцев и эпидемии, быстро доставлялись из городов Греции и колоний Малой Азии. Разнородные элементы ее населения, набранные таким образом из стольких источников, рано привели к тому, что она приобрела вид и характер самого космополитичного из городов; а поскольку столица была прообразом всего региона, подвластного суверену, было замечено, и не без оснований, что Византийская империя была государством без нации.

Однако религиозное и интеллектуальное падение современной Европы было настолько заметным, что слабость и преступления греческих императоров остались незамеченными среди признанного превосходства цивилизации, которую оскверняла их беспричинная расточительность. Масштабы их торговли, великолепие их посольств, щедрость, с которой они награждали своих союзников, порождали самые преувеличенные представления об их важности и могуществе. Пышность, которой было обставлено их присутствие, скрывала плачевные условия, в которых они были вынуждены управлять делами своей империи. Следовательно, политическая слабость греков не было заметно их соседям. Они наблюдали только великолепные театральные эффекты, которые поддерживали престиж приходящей в упадок монархии, и союза константинопольских князей одинаково добивались халифы Багдада, Каира и Кордовы, императоры Запада и короли Англии. В общественном устройстве греков двор был всем, а народ - ничем. Естественный закон прогресса, согласно которому человека побуждает к накоплению богатства знание того, что он может беспрепятственно пользоваться им, и побуждает к интеллектуальным занятиям надежда на политическое продвижение, — закон, практически отмененный римскими цезарями, — был полностью отменен при императорах Византии. Мало чего можно было ожидать от правительства, которое пыталось вымогать у несчастного крестьянина, чьи урожаи были уничтожены варварами, тот же налог, который требовал от преуспевающего торговца, и не принимало во внимание нищету, причиной которой были его собственная неспособность и коррупция.

Самые пагубные идеи относительно обязанностей и привилегий гражданства были импортированы из Италии. Люди были разделены на касты. Аристократия считала все занятия, осуществляемые с целью получения прибыли, позорными для патриция. Среди населения существовал принцип, оспаривать который было бы опасно, что государство обязано обеспечивать его средствами к существованию и развлечениями. Поддерживая такой принцип, низшие классы не могли иметь мотива для труда, а чернь Константинополя не забывала, что римский гражданин, который настолько пренебрегал своим достоинством, что становился ремесленником, был с позором изгнан из своего племени. Единственная карьера, открытая для честолюбивого плебея, была через Церковь. Чтобы получить руководящее положение в иерархии, благосклонность и помощь евнуха или принцессы королевской семьи были необходимы. Обязанности священника требовали от человека небольшого ума и еще меньшего образования. Делами дворца и собора обычно управляли выхоленные монахи, получившие свои места благодаря показной набожности или удобному раболепию, с помощью которых они демонстрировали свою полезность в продвижении замыслов честолюбивых покровителей. В то время как общая распущенность, шокировавшая папский двор, не преобладала в равной степени среди константинопольского духовенства, жизнь многих патриархов была запятана пороками, равными по низости и нечестию любым, которые оскверняли характер худшего из понтификов. Солдаты, евнухи, паразиты и орудия интригующих государственных деятелей, в свою очередь, были возведены в самое высокое достоинство Восточной Церкви. Некоторые

принесли с собой в епископский дворец нравы и вседозволенность лагеря. Другие, прибегнув к услугам монахов и населения, разжигали кровавые и катастрофические революции. Другие же, чудовищной экстравагантностью своего поведения и непочтительностью, которую они проявляли при исполнении своих священных функций, вызвали негодование и навлекли на себя порицание набожных людей. Яркий пример последнего - Феофилакт. Продажа церковных принадлежностей регулярно доставляла ему средства для удовлетворения его нечестивых страстей. Он был возведен на патриарший престол Константинополя в возрасте двенадцати лет. Он ввел в греческий ритуал абсурдные церемонии и распущенные гимны, которые, как ни странно, пережили его почти на два столетия. С этой практикой связаны буйные и непристойные празднества средневековья, когда религия была пародирована, а церковные обряды осквернялись распущенностью, столь же грубой, как та, что характеризовала эксцессы приходящей в упадок империи Цезарей. Он осуждал гнев дьявола языческими жертвоприношениями. В его конюшне содержались две тысячи лошадей, которых кормили миндалем и инжиром, вымоченными в вине, угощали дорогими напитками и окропляли самыми изысканными благовониями. Нередко в разгар мессы он покидал свою паству, чтобы посетить прилавков какого-нибудь любимого скакуна. Можно ли ожидать благочестия или добродетели от народа, духовным потребностям которого служил такой прелат?

С моральным вырождением пришла и интеллектуальная дряхлость. Скудный, но бесценный остаток обширных запасов знаний, которые наставляли языческий мир и приводили его в восторг, был спасен из рук безжалостного варвара и сохранен на берегах Босфора. Но нехватка письменных принадлежностей, невежество и предрассудки неграмотных священнослужителей, в руки которых попали многие из этих сокровищ, привели к их уничтожению. Огромное количество произведений классических авторов было стерто с драгоценного пергамента, чтобы освободить место для легендарных чудес вымышленных святых. Другие погибли от плесени в сырых подвалах монастырей и церквей. Рядом с собором Святой Софии в восьмом веке стояла великая базилика уникального и элегантного дизайна, получившая название Восьмиугольник. К нему вели восемь великолепных портиков, поддерживаемых колоннами из белого мрамора. Само здание демонстрировало вкус и мастерство греческого архитектора, чей тип, хотя и наводил на мысль об упадке искусства, некогда доведенного до непревзойденного совершенства, даже в своем упадке превосходил шедевры всех других народов. Возведенный Константином Великим для целей религиозного поклонения, Юлиан посвятил его литературе, поместил в его залах свою обширную библиотеку и основал там академию в подражание знаменитому музею, основанному Птолемеем в Александрии. Здесь преподавательский состав, содержащийся за счет государства, безвозмездно преподавал все отрасли теологии и искусств. Библиотека была открыта для каждого студента независимо от вероисповедания или национальности. Ряд опытных каллиграфов и ученых постоянно работали над пополнением коллекции или воспроизведением рукописей, поврежденных в результате жестокого обращения или небрежного отношения. Профессора этого университета — единственного учебного заведения, достойного этого названия во всей империи, — пользовались высочайшим уважением. Иногда к их мнению прислушивались по важным вопросам права и дипломатии. Часто к их посредничеству обращались главы противоборствующих фракций. Благодаря превосходству своих знаний и весомости, придаваемой их решениям, они предотвратили множество национальных катастроф. Люди, занимавшие самые высокие места в Церкви, часто выбывали из их рядов. В период своего расцвета ни одно учебное заведение за пределами владений халифов не обладало таким благотворным влиянием и не воспринималось с таким

уважением всеми классами человечества, как Константинопольский Восьмиугольник. Во времена правления Зенона, когда оно было сожжено пожаром, в этом знаменитом здании находилась библиотека из ста двадцати тысяч томов. Среди сокровищ, погибших во время пожара, была чудесная рукопись сочинений Гомера длиной более ста футов, сделанная из змеиной кожи, исписанной золотыми буквами. Восстановленный императорами в некоторой степени в своем былом великолепии, Лев Исавриец, которому после неоднократных допросов не удалось склонить преподавателей Университета к своим иконоборческим взглядам, решил заставить замолчать тех, кто столь явно опровергал его аргументы. Тайно и в течение ночи по зданию было разбросано огромное количество горючих материалов, были подожжены факелы, отряды войск предотвратили все попытки спасения, и собранная мудрость и образованность Византийской империи погибли в одном беспорядочном разрушении. С этого непростительного акта вандализма связано исчезновение многих величайших произведений поэтов, философов и историков древности. То, что начал иконоборец, завершил крестоносец. Штурм столицы латинянами нанес литературе еще один разрушительный удар. Воинственный фанатизм Запада не видел ничего достойного восхищения и многого, что можно было бы отрицать, в бессмертных произведениях языческого гения. Невежественные монахи, следовавшие в свите графа Фландрского и маркиза Монферратского, проявляли мало внимания к тем классическим произведениям, которые попадали к ним в руки. Драгоценные останки, пережившие этот век насилия, суеверий и интеллектуальной апатии, оставались забытыми в уединении частных библиотек и священных нишах монастыря, пока не были воскрешены ненасытной потребностью в знаниях, которая отличала народы Европы в пятнадцатом и шестнадцатом веках.

Национальная неполноценность византийцев проявлялась на всех этапах социальной и интеллектуальной жизни. Он мог копировать с достаточной степенью мастерства, но не мог создавать сам. Он мало впитывал и почти ничего не создавал. Произведения искусства, которыми он больше всего гордился, были скорее обязаны своей ценностью природе используемых материалов, чем труду и изобретательности, с помощью которых они были созданы. В стиле орнаментации, особенно в том, что касается рисунка текстильных тканей и оправы драгоценных камней, преобладал сирийский вкус, которому нравились цветочные узоры и формы гротескных животных. В творчестве византийского скульптора было мало такого, что вызывало бы в памяти простоту и изящество, которые в высшей степени отличали изысканные изделия аттического резца. И все же склонность к подражанию побудила гений Восточной империи заимствовать у всех своих соседей, и особенно у Греции, искусство которой сильно отстало еще до восшествия на престол Константина. Принятие христианства в качестве государственной религии самым неблагоприятным образом сказалось на скульптуре, которая у невежд ассоциировалась с изображением богов древности и поклонением им. Термин “византийский” применительно к оформлению является наиболее всеобъемлющим и, используемый писателями по своему желанию, стал неопределенным. Однако, когда образцы этого стиля обладают ярко выраженными характеристиками и их можно легко идентифицировать, они ясно демонстрируют отпечаток иностранного влияния, возникающей в результате коммерческой деятельности и тесных дипломатических отношений греческой империи с народами с наиболее противоречивыми обычаями и религиозными традициями. Характерные для Константинополя мозаичные росписи были воспроизведены в храмах, посвященных церемониалу самых разных вероисповеданий, таких как Кордовская мечеть, церковь Святого Марка в Венеции и кафедральный собор Св. Исаакий в Санкт-Петербурге.

Разделение общества на касты было самым серьезным и непреодолимым препятствием на пути прогресса, с которым сталкивался народ Греческой империи. Общественное мнение было озвучено двором по наущению духовенства. Существовал один закон для членов императорского дома и другой для всех, кто не пользовался этой дополнительной привилегией. То, что было преступлением для гражданина, едва ли считалось ошибкой для патриция. Торговцы, которые в какой-то степени составляли средний класс, не были достаточно богаты или влиятельны, чтобы владеть рабами, — критерий социальной значимости, — и в девяти случаях из десяти сочувствовали, если на самом деле не поддерживали, требованиям черни. Земледелец, не уверенный, будет ли ему позволено наслаждаться плодами своих трудов, из-за алчности императорских чиновников или безжалостной ярости варваров, занимался своим полезным делом без особой цели. В регионе, вошедшем в поговорку благодаря плодородию, под небом, необычайно благоприятствующим земледельцу, не было единообразия в размерах урожая, не было уверенности даже в умеренном урожае. При тех же атмосферных условиях год голода часто сменялся годом величайшего изобилия. Самой прибыльной отраслью торговли была работорговля. Сарацинские пираты, кишевшие в Средиземном море, обменивали своих пленников на рынках Византии на балтийский янтарь, китайские шелка, арабские специи и индийские драгоценности. Эти рабы, как мужчины, так и женщины, были проданы евреям, которые продали их мусульманам Персии, Египта, Мавритании и Испании. Изготовление евнухов было не только прибыльной отраслью, к ним часто прибегали с целью будущего политического или церковного продвижения несчастного субъекта. Родители калечили своих детей в надежде, что те смогут занять важные посты во дворце или церкви. Неудачливых претендентов на трон заставляли подвергаться этой болезненной и опасной операции, а затем пожизненно заключали в какой-нибудь уединенный монастырь. Полное вырождение нации еще больше проявилось в применении еще более бесчеловечных и отвратительных наказаний. С политических заговорщиков заживо сдирали кожу. Вивисекция практиковалась в отношении преступников, недостаточно ловких или богатых, чтобы ускользнуть от бдительности магистрата. Преступников, виновных в публичном святотатстве, бичевали, распинали или сжигали. К интеллектуальному упадку, на который указывало наслаждение человеческими страданиями, примешивались самые ребяческие суеверия. Каждый класс общества, от императора до крестьянина, твердо верил в видения, предзнаменования, прорицания. Наблюдали за полетом птиц, исследовали внутренности забитого животного с рвением, никогда не превзойденным рвением приверженцев язычества. Неблагоприятное событие, необычный сон, явное чудо повергли несчастного византийца в смятение. Все еще пропитанный идолопоклонническим суеверием своих отцов, он тайно возлагал дары на оскверненные алтари разрушенных храмов, советовался с безмолвными оракулами, пытался умиловить забытых богов ночными жертвоприношениями. Вера в сглаз была повсеместной, это заблуждение не исчезло даже в наши дни среди наиболее невежественных крестьян Италии, которые думают, что обладание и применение этой таинственной силы является одной из прерогатив папы римского. В таком сообществе не было недостатка в шарлатанах, которые процветали за счет слабости человечества. Астрологи считались необходимыми придатками к величию императорского двора. Они изобиловали в каждом квартале города, и население относилось к ним со смешанным чувством страха и благоговения. Даже члены духовенства, напуганные каким-то незнакомым природным явлением, которое, по их невежеству, могло предвещать неминуемое бедствие, не колеблясь открыто посещали этих самозванцев.

В руки этих двух великих держав, Римского папства и Греческой империи, были фактически вверены судьбы огромного и постоянно увеличивающегося населения Европы. Их пагубное влияние на умы людей было неисчислимым. То, чего не смогли добиться беспринципные методы и наглые претензии первых, было обеспечено политическим двуличием вторых. Часто внешне расходясь во мнениях, на самом деле они, хотя и неосознанно, стремились достичь общей цели — моральной, социальной и интеллектуальной деградации человечества. Никакие понятия о чести, последовательности, великодушии или патриотизме не влияли ни на ту, ни на другую политику. Удивительно ли, что при таких обстоятельствах и с такими учителями общество христианского мира на протяжении многих веков оставалось в абсолютном застое, без развития искусств, без стимулов к литературным трудам, без усилий в увлекательной области науки, почти без утешительной надежды на загробный мир? Когда мы рассматриваем безграничные возможности для добра, предоставляемые этими двумя великими врагами человеческого прогресса, и энергию и способности, используемые одним из них, особенно для подавления всякого исследования и всякого стремления к умственному совершенствованию, мы можем осознать масштабы тьмы, которая окутывала европейское общество почти тысячу лет, и оценить усилия мусульманских народов, чей самообразованный гений озарил таким ярким светом путь цивилизации и знаний.

Самые пагубные и унижительные условия византийского общества в еще большей степени преобладали в подвергшихся жестокому обращению сообществах Центральной и Западной Европы. Ни в одной стране этого континента не существовало прочно устоявшегося или законно оформленного правительства. Власть суверена была номинальной и комплиментарной, ей подчинялись, когда это было удобнее, чем оспаривать ее, и практически признавали в случае протеста. Порядок наследования постоянно нарушался. Амбициозные вассалы свергали троны, завоеванные доблестью великих вождей, или правили с деспотической властью от имени своего слабого потомства. Анархия царила во всех тех провинциях, население которых не было запугано непосредственным присутствием суда. Собственность и жизнь находились во власти бандитов, получавших жалованье и находившихся под защитой могущественной знати, которая самодовольно делила добычу и позор этих грабителей с большой дороги. Дикие и абсурдные обычаи, завезенные варварами из лесов Германии и Британии, узурпировали власть законов, одобренных мудростью и практикой римской юриспруденции. Упадок этой науки при более поздних императорах, и особенно при системе, установленной Константином, следует объяснить растущим интересом к религиозным доктринам и теологическим спорам, которые игнорировали таланты и амбиции, некогда проявлявшиеся в профессии гражданского юриста. Священник стал успешным соперником адвоката, и образованные люди ценили церковные привилегии выше, чем успехи судебной науки и судебного красноречия. Рука сильнейшего определяла справедливость дела без формальностей, связанных с доказательствами и аргументацией. Существовал дифференцированный тариф компенсации за телесные повреждения, и любое правонарушение могло быть искуплено выплатой оговоренной суммы. Введение и сбор налогов не регулировались никакими установленными принципами, и очевидные правила политической экономии были нарушены при применении и обеспечении соблюдения фискальных правил. Посреди всеобщего беспорядка Церковь не упускала возможности увеличить свои приобретения и укрепить свою власть. Она поощряла сохранение невероятного невежества и бесчеловечности того времени. Она решительно противостояла любым попыткам мирян сбросить с себя оковы, наложенные на них насилием и суевериями.

Она с чудовищной суровостью наказывала за малейшее проявление сомнения в искренности ее притязаний или обоснованности ее канонов.

Воинственный и драчливый дух эпохи, когда правили силой, затронул даже профессию, обычно ассоциируемую со служением милосердию и миру. Веками у саксов звание рыцаря присваивалось епископом, а не королем. На военных собраниях не существовало различий во внешности прелата и воина. Полевые доспехи и вооружение часто были также характерной чертой церковных собраний. Годфри, архиепископ Нарбонны, в полном вооружении председательствовал на советах, созванных для определения пунктов религиозной доктрины. Епископ Каора в Провансе отказался служить мессе, если его меч и латные перчатки предварительно не будут положены на алтарь. Казначей Неверского собора появился на хорах вооруженный до зубов и со своим ястребом на запястье. В Лангедоке в XIII веке священники обычно решали спорные вопросы с помощью кулачных боев.

После разрушения Римской империи первая попытка реорганизовать общество была предпринята институтом феодальной системы. Это был пример выбора меньшего из двух зол. Принимая во внимание защиту, вассал выражал почтение своему господину и обещал ему военные и другие услуги на определенных, нечетко определенных условиях. Каким бы ущербным и подверженным огромным злоупотреблениям ни было это соглашение, оно в некоторой степени облегчало страдания низших слоев общества. Его юрисдикция была такой же обширной, как владения, ранее принадлежавшие империи Карла Великого. Соблазн угнетения, который оно создавало, более чем нейтрализовал выгоды, которые оно иногда давало. Оно организовало и увековечило самое досадное из рабовладений - кастовую тиранию. Оно присваивало всю собственность на земле, и человек не благородного происхождения или не занимающий церковного положения был обречен на унижительную зависимость вассалитета или крепостничества. Номинальная свобода, которой первоначально пользовались потомки древнеримских колонистов, была легко утрачена из-за неуплаты налогов, размер которых регулировался капризом сеньора; неисполнения военной службы или даже пренебрежения обязательствами, не имеющими для них самих никакого значения, было достаточно, чтобы превратить нарушителя в раба.

Крепостные были разделены на два основных класса, известных на техническом жаргоне закона как негодяи в целом и негодяи без учета. Власть лорда над обоими из них была абсолютной и безответственной; первые были привязаны к его личности и, подобно другому движимому имуществу, могли быть проданы или иным образом отчуждены; последнее принадлежало земле и ни при каких обстоятельствах не могло быть отчуждено. В каждом случае злодеи подвергались инвентаризации и ценились как вьючные животные. Они испытывали все трудности, которые могли изобрести жадность и злоба или причинить жестокость. Они не только подвергались насилию и алчности своих начальников, но и подвергались лишению определенных привилегий, которые могли быть терпимы только в эпоху, полностью лишенную принципов чести, справедливости и порядочности. В документе о передаче феода едва ли упоминались жалкие создания, которые в глазах закона составляли часть глеба и от которых последний получал свою главную ценность. Алчность бесчувственных лордов вынуждала крестьян трудиться всю ночь напролет и делить ночлег со скотом. На его шее был припаян металлический ошейник, иногда из меди, часто из серебра, на котором были выгравированы его имя и фамилия его хозяина. Его мужественность была полностью уничтожена; он не обладал никакими правами, не пользовался никакими свободами, не участвовал ни в каких

развлечениях. Его личность была утрачена, само его существо растворилось в почве, на поверхности которой он трудился с раннего детства, пока не был освобожден смертью. Не существует более жалкого и унылого примера прискорбных последствий человеческой тирании и человеческих страданий, чем жизнь злодея Средневековья.

Кодекс сеньориальных прав, которым руководствовался сеньор в отношениях, которые он поддерживал со своими вассалами, является одним из самых любопытных и примечательных сборников во всей системе юриспруденции. О нем были написаны объемистые трактаты. Были составлены словари, объясняющие непонятные технические термины, которыми обозначаются его обычаи. Злоупотребление его прерогативами привело не к одному событию, последствия которого проявились в падении империй, установлении анархии, ослаблении религиозных чувств, разрушении общественного порядка.

Согласно положениям этого кодекса, авторитет которого обычно предполагался основанным на хартиях или капитуляриях, пожалованных правящими монархами, сюзерен, всегда лицо благородного происхождения или занимающее важное духовное положение, был наделен всеми деспотическими полномочиями в той мере, в какой это касалось юрисдикции его поместий. Вынесение смертного приговора оставалось на его усмотрение. Он мог взимать налоги по своему желанию, и его алчность можно было обуздать только исходя из соображений личного интереса. Права на узаконенный грабеж были увеличены до поразительной степени — для каждого важного действия в жизни, для выполнения каждого труда, для каждого изменения условий, для рождения, смерти, брака, для сбора урожая, для строительства зданий, для содержания животных требовалось разрешение и взнос. Добродетель крепостной женщины была полностью во власти ее господина. Она была предметом самого низкого и унижающего достоинства раздела в этом кодексе позора. Хартии или предписывающие положения многих феодальных владений предоставляли сеньору определенные преимущественные права в отношении невесты вассала. Там, где такая привилегия существовала, никто из лиц любого ранга, выражавших почтение принцу или дворянину, не был освобожден от ее применения. Известный в разных странах под разными названиями — во Франции как *Cuissage*; в Италии, как *Cazzagio*; во Фландрии, как *Bednood*; в Германии, как *Reit-Schot*; в Англии, как *Maidenrent*, — это был один из наиболее широко распространенных феодальных поборов. Представители духовенства практиковали его наиболее усердно; они были одними из первых, кто перенял его, и последними, кто отказался от него. Эта одиозная привилегия закреплена за поместьями большинства великих аббатств и престолов католической Европы. Его усилие могло быть заменено определенной суммой денег, но это полностью зависело от прихоти того, кто получал от этого удовольствие. В разных местностях толкование общего закона, санкционировавшего его применение, было, по общему согласию, расширено, и его неизбирательное применение нередко налагалось на крепостных соседей в качестве наказания за незаконное проникновение на чужую территорию и другие проступки. Современные правила приличия не потерпят перечисления любопытных и отвратительных подробностей, касающихся “Права прелиберации”, которыми наполнены древние хартии средневековья. Зло, проистекающее из этого обычая, часто вызывало негодование даже у кроткого и трудолюбивого злодея и подстрекало его к убийствам и мятешам. Однако экстраординарным обстоятельством является то, что жертва, наиболее пострадавшая от действия этого незаконного закона, который имел прямую тенденцию постоянно подрывать семейное счастье и бросать клеймо позора на отпрысков каждой семьи, никогда не жаловалась на его тяготы. Среди всех сохранившихся увещаний и мемориалов, представленных в средние века монархам и законодательным

органам, многие из которых подписаны женщинами, нельзя найти ни одного случая, когда женщина-вассал требовала отмены обычая, продолжение которого было постоянной угрозой ее скромности и добродетели.

Основными принципами феодализма были территориальный и военный. Право на получение почестей подразумевало владение недвижимой собственностью и привилегию ведения частной войны. Солдат был управляющей силой в государстве. Вопросы, затрагивающие неприкосновенность или лояльность личности, ответственность за гражданско-правовую конфискацию или уголовное наказание, установление границ, защита личной чести, были переданы не судебному трибуналу, который должен был определяться применением устоявшихся правил и прецедентов, а на рассмотрение сражения. В случаях, когда подозревалась ересь, применялись другие, еще более абсурдные испытания, такие как испытания огнем и водой. Не существовало рациональных идей для установления истины или отправления правосудия. Каждая нация подчинялась надменной и жестокой аристократии, чья тирания иногда смягчалась, а иногда усугублялась влиянием клерикального ордена, в зависимости от того, что могли диктовать ее интересы или страсти в то время. Всякий раз, когда крестьянство проявляло мятежный дух, а власть баронов была недостаточно сильна, чтобы подавить его, привлекались банды иностранных наемников и разбойников, которым платили имуществом крепостных, спасшихся от алчности сюзерена. Сохранение системы, которая поощряла урегулирование частных распри мечом и признавала фактическую независимость знати, было, конечно, враждебно достоинству и власти суверена. Во Франции сеньориальных поместий, пожалованных хартиями, насчитывалось пять тысяч, и их сеньоры осуществляли юрисдикцию над тридцатью тысячами деревень. Были аббатства, владения которых обрабатывали до двадцати тысяч крепостных, прикрепленных к земле. Это перечисление не включало крупных злодеев, которые иногда превосходили по численности всех остальных слуг и издженцев лордов. Большая часть обширной территории, управляемой иерархией в соответствии с обычаями феодализма, была получена от богатых паломников и крестоносцев, которые жертвовали свои земные владения бережливому духовенству за сущие гроши в тщетной надежде получить небесное наследство. Из-за этого безумия, а также из-за церковных притеснений и пыток Франция потеряла тридцать три процента своего населения в тринадцатом веке. В саксонской Англии у крестьян не было абсолютно никаких гарантий защиты. Их имущество было присвоено, а люди поработены мелкими королями и пиратскими вождями, которые вели непрекращающуюся войну за контроль над делами Британии. Завоевание норманнами привело к незначительным улучшениям. Возникла расовая и кастовая тирания, усугубленная худшими чертами феодальной системы, и презираемый и униженный саксонец деградировал почти до уровня животного. В эту несчастливую эпоху закон силы имел первостепенное значение по всей Европе. Моральное влияние, оказываемое духовенством посредством суеверного страха, было единственным примером, когда послушание не зависело от меча. Там, где привилегии феодализма сочетались с требованиями жреческой алчности и нетерпимости, участь крепостного была действительно тяжелой. Но в случаях, которые не ставили под угрозу престиж или не влияли на доходы иерархии, Церковь нередко вмешивалась, чтобы защитить жертву аристократических преследований и несправедливости. Свирепый барон, почти всемогущий в других местах, не осмеливался вторгаться в священные пределы ее святилища. Под благодатной сенью ее алтаря беглый крестьянин был в безопасности от мести своего угнетателя. Благодаря ее нежному посредничеству в ссорах могущественных вождей был восстановлен мир в обширных провинциях, где долгое время царили анархия и непримиримая

ненависть. И именно с ее помощью, в сочетании с усилиями возмущенного Третьего сословия и при поддержке монархов, чьи прерогативы были узурпированы, оскорбительные и жестокие права феодализма были окончательно отменены. Крестовые походы нанесли смертельный удар по системе, обнищав лордов из-за отчуждения их поместий и последующего свержения их власти. За это служение, если ни за какое другое, потомки в неоплатном долгу перед священством. Многие из обычаев феодальной системы настолько прочно укоренились, что и по сей день они не были полностью искоренены. Церемонии, несомненно, вытекающие из сеньориальных привилегий, до сих пор соблюдаются в отдаленных районах Франции и Италии. Статуты Англии и ее колоний еще не были очищены от положений и терминов, которые наводят знатока юриспруденции на мысль о взаимных обязательствах вассала и сюзерена.

Относительное положение наций на шкале варварства или цивилизации в значительной степени определяется характером их вкусов и любимых занятий, их развлечениями, средствами, которые они изобретают или перенимают для повышения комфорта повседневной жизни. На протяжении большей части периода, рассматриваемого в этой главе, существование народов Европы, без различия ранга или ресурсов, было чисто животным. Все необходимое для крепости, лагеря и лачуги было легко доставлено. Предметы простейшей конструкции и из самых недорогих материалов, использование которых, должно быть, пришло в голову спонтанно самому лишенному воображения человеку и которые теперь считаются незаменимыми в каждом доме, были неизвестны. Замок благородных обладал всеми отталкивающими чертами тюрьмы. Его угрюмый донжон, непроходимый ров, укрепленные стены, ревниво охраняемые порталы наводили на мысль о тирании и беспорядке. Интерьер не был более привлекательным. Залы были холодными и унылыми; мрачные покои, в сырые глубины которых солнечные лучи с трудом пробивались сквозь узкие, незастекленные окна, каменные сиденья, массивная мебель и покрытые плесенью гобелены были типичны для грубой простоты и неустроенного состояния общества той эпохи. Банкетный зал, где по торжественным случаям с грубым великолепием оказывалось гостеприимство, почти на каждом приеме пищи становился ареной обжорства и безудержного пьянства.

Украшения и их окружение демонстрировали максимально возможное несоответствие. На побеленных стенах висели драпировки из шелка и бархата, расшитые золотом. Блюда из драгоценных металлов подавались на столах из грубых и неровных досок. Нога рыцаря в кольчуге и изящная туфелька хозяйки покоились на расстеленных флагах, холодность которых несколько смягчалась покрывалом из соломы или душистых трав. В яствах учитывалось скорее изобилие, чем превосходство вкуса, которое, однако, в исключительных случаях предполагалось обеспечить за счет использования розовой воды, обильно поливаемой каждым блюдом. Трапеза, на которой было съедено невероятное количество еды, характеризовалась грубыми шутками и варварским разгулом. Любимым напитком было пиво, которое часто варили в замке и которым предавались в отвратительном избытке; ибо благодаря его силе празднества стали фатальной причиной неопишуемого распутства и кровопролитных стычек. Гостям прислуживали оруженосцы и пажи, знатные юноши, которые, будучи обитателями замка, приобретали там знания об оружии, а также знакомились с более сомнительными достижениями в виде азартных игр и любовных интриг. Тесные связи и домашний характер средневекового общества, возникшие из-за малочисленности населения, снимали всякое подозрение в черной службе с этой обязанности, которая считалась в высшей степени

почетной и с радостью выполнялась самым гордым дворянином при правлении его королевского сюзерена.

Развлечения феодала ограничивались войной или ее заменой - охотой. В мирное время турнир давал необходимую практику владения оружием, а также военную помпу и возбуждение на поле боя. Одним из любимых развлечений как знати, так и более состоятельного духовенства были полеты на соколе. Обладанию и использованию этих хищных птиц придавалось необычайное значение. Собственность на них была неприкосновенна. Они были неразрывно связаны с аристократическими или личными привилегиями владельца и не могли быть отчуждены, даже с его согласия, за выкуп их хозяина. Лицам плебейского происхождения не разрешалось покупать или хранить их. Они были общепризнанными символами сюзеренитета. Короли, епископы, аббаты, дамы никогда не выезжали за границу без этих птиц на кулаке. Воины носили их в битве. Прелаты оставляли их в алтаре, пока совершали службу у алтаря. Правила соколиной охоты представляли собой науку, которой можно было овладеть только после месяцев усердного изучения. Воспитание этих птиц требовало большого мастерства и безграничного терпения. Каждого сокола носили на перчатке, которую нельзя было использовать ни для какой другой. На нем был герб мастера, и он часто был расшит золотом и украшен драгоценными камнями. Во многих королевствах должность великого сокольничего была одной из самых почетных и важных. Во Франции жалованье этого сановника составляло восемьдесят тысяч франков в год, и знатные люди охотно соревновались за второстепенные должности, имевшиеся в его распоряжении.

Высшей целью баронской жизни была слава, связанная с воинскими подвигами и романтическими приключениями. Первой заботой дворянина было обезопасить себя от предательства и насилия соседей. Его замок, расположенный на высоком холме, был оснащен всеми приспособлениями, делающими его неприступным. Была принята самая непрестанная бдительность, чтобы предотвратить внезапность. Перед воротами или выступающей из вершины крепости и нависающей надо рвом виселицей служило злоумышленникам важным напоминанием о последствиях нарушения закона или сопротивления угнетению. Чрезмерно щепетильные люди покупали неприкосновенность у Церкви на средства, вырученные от грабежа беспомощных. Со всех сторон — в кровавых традициях крепости, окруженной рвом, с ее подземными темницами и орудиями пыток; в беззастенчивости бронированных войск, которые уничтожали созревающий урожай и шантажировали торговцев и паломников; в непрестанном труде безропотных крепостных; в оскорбленной скромности плачущих женщин; в суммарной казни подозреваемых в нарушении феодальных привилегий — повсюду были видны озверевшие последствия безудержной жестокости и безответственной власти.

Но при всех своих недостатках баронские институты средневековья давали обществу преимущества, которые в какой-то мере компенсировали зло, которое они слишком часто причиняли. Военные вкусы той эпохи породили рыцарские законы и институт рыцарства, откуда, в свою очередь, были заимствованы изящество и удобства социального общения, доселе не применявшиеся дикими воинами галльской и саксонской Европы.

Турнир был, как можно себе представить, самым популярным развлечением средневековья. Отовсюду стекались толпы людей, чтобы продемонстрировать боевое мастерство и великолепие. Город, где он проходил, представлял собой огромную ярмарку. На многие лиги вокруг страна была усеяна палатками и павильонами, увенчанными вымпелами рыцарства

многих стран. Свиты принцев и знати нередко принимали размеры армии. Сторонники Готфрида, герцога фон Левена, в Тразиньи в 1169 году насчитывали три тысячи человек. На турнире близ Суассона в 1175 году граф Болдуин фон Хеннегау появился с эскортом из ста рыцарей и тысячи двухсот оруженосцев. Гербы самых древних и знаменитых домов Европы бросались в глаза в огромном лагере. Короли часто проводили свои суды в его пределах. Все сословия были в праздничных нарядах. Великолепие зрелища усиливали великолепно убранные лошади, украшенные дамаской сбруей, развевающиеся плюмажи, множество разноцветных шелков, сверкающие драгоценности, парад латников, помпезность марширующих эскадронов, блистательное очарование женской красоты. Многократное, но безуспешное состязание, запрещенное эдиктами папы и Собора, велось со всей яростью сражения. Жажда крови преобладала над всеми другими чувствами. Не было ничего необычного в том, что десятки рыцарей были унесены бездыханными с ристалища после одной из таких ожесточенных схваток.

Вопрос чести, вдохновлявший средневекового защитника пострадавшей невинности и мстителя за угнетение привилегированных, не существовал среди наиболее цивилизованных рас древности. Индивидуальность, подразумеваемая ее проявлением, не могла быть понята сообществами, члены которых, хотя и были способны отказаться от всех родственных уз во имя интересов государства и претерпевать самые суровые лишения ради поддержания национального превосходства, особые обстоятельства их окружения не позволяли оценить качества, которые облагораживали даже пороки средневекового рыцаря. Без этой выдающейся и компенсирующей черты состояние общества в течение десятого, одиннадцатого и двенадцатого веков было бы состоянием неискупленного и однозначного варварства.

Грубая, хотя и обильная пища замкового пансиона, более изысканные, но все еще далекие от изысканности яства монастырской трапезной, шумные развлечения, занимавшие досуг и угрожавшие безопасности участников, пьяные разгулы обжорных банкетов, непрекращающиеся опасности домашних войн, которым одинаково подвергались и бароны, и монахи, наводили на мысль об абсолютном счастье и роскоши по сравнению с условиями, в которых поддерживалось жалкое существование крепостного. Его жилище разделяли выючные животные, товарищи по его ежедневному и ночному труду. Сложенное из необтесанных бревен или палок, обмотанных тростником, покрытое соломой и обмазанное глиной, это примитивное и несовершенное сооружение не обеспечивало достаточной защиты от превратностей климата или смены времен года. Через дыру в центре крыши выходил дым, и налетала буря; стены были почерневшими от сажи; земляной пол был покрыт примятой подстилкой из сена вперемешку с костями и гниющими остатками многих яств, которые жильцы так и не потрудились убрать. Мебели там почти не было; разве что скамья и стол из неструганых досок отвечали простым требованиям незадачливого злодея. Он лежал на куче соломы, подложив под голову кусок дерева; те немногие кухонные принадлежности, которые у него были, были самого примитивного вида и сделаны рукой владельца. Не принималось никаких мер для соблюдения жизненных приличий или гарантий добродетели, которые действительно были неизвестны; семья занимала общую квартиру, а часто и единственную кровать, в то время как хрюканье свиней и мычание быков, которых животные по своему желанию разгуливали по дому, были звуками слишком знакомыми, чтобы нарушать сон спящих домочадцев. Накопленная за годы грязь в сочетании с неопишущим личным пренебрежением и отвратительными обычаями привлекала и умножала кишасящие толпы всех видов паразитов. Одежда крестьянина, обычно из шкур, передавалась нечистой и неизменной от отца к сыну на протяжении многих поколений,

неся в своих загрязненных складках зародыши мора и смерти. Там, где положение крепостного было недостаточно благополучным, чтобы обеспечить даже такую защиту от непогоды, его дрожащие конечности обматывали соломенными веревками. Голова его была непокрыта, часто даже в разгар зимы. Самыми очевидными мерами предосторожности в области гигиены пренебрегали; простейшие предписания медицинской науки еще не проникли в изолированные сообщества Западной Европы или старательно игнорировались интересами суеверий; и чума, которой способствовали благоприятные климатические условия, а также физическое истощение и страхи людей, при каждом посещении исчисляла свои жертвы мириадами. Поскольку в каждой роще водилась дичь, а в каждом ручье - рыба, голодающий крестьянин часто был вынужден утолять свой голод нездоровыми кореньями и корой, когда не хватало каштанов и желудей, его самого роскошного угощения. Суровость лесных законов обрушивалась на браконьера, даже когда муки голода вынуждали его вторгаться на территорию сеньориальных владений, - самое варварское из наказаний. Вокруг монастыря и замка были видны признаки неумелого возделывания земли; но невдалеке простиралась дикая местность, разнообразная обширными лесами, величественными реками и зловонными болотами. Связь была нерегулярной и ограничивалась густонаселенными районами; многие деревни немалых размеров были так же полностью отделены от внешнего мира, как если бы они стояли на островах посреди океана. Товарообмен неизбежно преобладал при почти полном отсутствии денег; не было возможности для налаживания торговли; не было стимулов для развития сельскохозяйственной промышленности; не было работы для ремесленника. Накоплению собственности фактически препятствовала неспособность рабочего сохранить ее или наслаждаться ею, когда его надежды постоянно рушились из-за вкрадчивых ухищрений священника или серьезных угроз знати. Побои неумолимых сборщиков налогов, бесчеловечность лицензированных наемников, чудовищность баронской тирании вселяли ужас в каждую деревню. Эпидемии возникали без предупреждения и распространялись с таинственной и ужасающей быстротой; смертность была ужасающей; смертельные симптомы проявлялись почти при первом приступе, в то время как при незнании рационального лечения применение реликвий и ряженных священнослужителей оказалось явно неэффективным для предотвращения того, что считалось местью Небес.

Заклученный в лазарет вместе с сотнями своих товарищей по несчастью или сосланный в уединенную хижину, вдали от людских пристанищ, несчастный прокаженный влачил свое унылое существование в боли, позоре, нужде. Закон объявил его мирно скончавшимся. С церемонией, не менее торжественной, чем та, что совершается над останками действительно умершего христианина, священник объявил о своем окончательном отделении от общества человечества. Его тело было завернуто в саван. Его положили на носилки. После повторения юридической формулы, обрекавшей его на жизнь, полную ненависти и скорби, в его руки было передано несколько предметов одежды и необходимая утварь. Ему было запрещено есть с кем бы то ни было, кроме прокаженных; мыть руки в проточной воде; отдавать любой предмет, к которому он прикасался; часто посещать общественные места; даже входить в дом родственника или друга. С плечами, покрытыми изодранной алой мантией — сигналом опасности, видимым издали, - отвратительный на вид, исхудавший до скелета и ужасно изуродованный болезнью, он присел на корточки на обочине дороги, звеня своей погремушкой, чтобы вызвать сострадание и попросить милостыню у прохожих. Лишенный гражданских прав и лишенный возможности обращаться за защитой к закону, он, однако, не был полностью изгоем, поскольку, лишенный этих привилегий, он стал подопечным и вассалом

Церкви. Его болезнь вызывала такое отвращение и ужас, что ее часто считали божественным наказанием за преступление или святотатство, что ни одного врача нельзя было убедить использовать скудные знания медицины того времени для облегчения его страданий; и, даже будучи богатым, он был оставлен на подозрительную помощь колдунов, цирюльников и шарлатанов. При жизни его избегали как проклятого и отталкивающего, а после смерти он был бесцеремонно похоронен под полом своей лачуги.

Сегрегация прокаженных в средние века как мера общественной безопасности привела к необычным результатам в последующие времена. Болезнь, которая в разные периоды, по-видимому, была как заразной, так и контагиозной, постепенно исчезла. Но предубеждение, связанное с потомством несчастных отверженных, ранее отрезанных от всякого общения со своими собратьями и образовавших изолированные сообщества, все еще сохранялось. Происхождение этого предубеждения было полностью забыто. Люди в своем невежестве приписывали причину своей вражды религиозным различиям. Считалось, что объекты их необоснованного отвращения происходили от готов, евреев, сарацин, альбигойцев. Современные исследования, однако, определенно установили тот факт, что бывшие парии Юго-Западной Европы, известные в Лангедоке и Гаскони как *Capots* и *Gahets*, в Бретани как *Casous*, в Пиренеях как *Cagots*, в Испании как *Agotes*, были потомками средневековых прокаженных. Едва ли прошло столетие с тех пор, как эти жертвы народной антипатии были избавлены от подозрений в нечистоплотности, которые были их древним и несчастливым наследием.

В неорганизованном состоянии общества, которое повсюду преобладало, не могло существовать условий для выгодных и дружественных отношений, способствующих развитию интеллекта и временному благосостоянию наций. Даже в провинциях одной и той же страны профессиональный грабитель и знатный бандит объединялись, чтобы подвергнуть опасности жизнь и завладеть товарами торговца. Руслу старых римских дорог, веками неиспользуемых, скрытых мусором и иногда заросших лесами, были полностью утрачены. Государством не было принято никаких мер по защите торговли, а всеобщая незащищенность не поощряла схемы частного предпринимательства. Смертность, возникающая в результате обычного нарушения наиболее очевидных санитарных законов, употребления недостаточной и непитательной пищи, тягот непрестанного труда и ежедневного воздействия непогоды, эффективно замедляла рост населения. Этому району действительно повезло, что сохранился даже единый стандарт. Во многих населенных пунктах королевств, где современная цивилизация достигла своих самых ярких успехов, одинокий пастух, пасущий свое стадо, или ветхая лачуга, стоящая посреди унылой пустоши, сами по себе возвещали о присутствии человека.

Состояние городов, где можно было разумно ожидать улучшения образа жизни, лишь в немногих отношениях превосходило состояние разбросанных деревень и изолированных поселений по стране. Даже главные магистрали были узкими, извилистыми и грязными. Без дренажа или надлежащего муниципального надзора они служили мусорниками для бытовых отходов и отвратительных туш мертвых и разлагающихся животных. Даже во времена правления Франциска I. свиньи, принадлежащие монахам Святого Антония, которые отстаивали и осуществляли особые привилегии для животных, посвященных их покровителю, вольно бродили по фешенебельным кварталам столичного города Парижа. С нависающих балконов на голову неосторожного прохожего без предупреждения выливались грязные помои. По ночам дерзкие преступники, не опасаясь наказания, совершали свои незаконные поступки в этих мрачных и неосвещенных переулках. Тот, кто отваживался без присмотра бродить по лабиринту

переулков, которые пронизывали даже самые оживленные кварталы больших городов, делал это с опасностью для своей жизни. Каждый угол служил удобным логовом для притаившегося убийцы. Выступающие фронтоны домов помогали скрывать мрачные пешеходные дорожки. Поскольку горожанин пребывал в постоянном страхе перед грабителями, в его жилище всегда было заперто на засов и тихо. Нигде не было видно ни огонька, кроме мерцающего отблеска фонаря, который нес дрожащий пешеход, всегда настороже, опасаясь какого-нибудь крадущегося злоумышленника. Иногда грязь была настолько глубокой, что носильщики седанов не могли передвигаться, и женщин переносили с места на место на спинах носильщиков, поскольку узкие и кривые улочки не позволяли пользоваться повозками, запряженными лошадьми. В жилищах даже тех, кто считался богатым, царил атмосфера дискомфорта. В квартирах было темно, плохо проветривалось и нечисто. В окнах роговые пластины и листы промасленной бумаги заменяли стекла, которые были практически неизвестны. Полы, устланные тростником, не покрывал ковер. Грязное окружение существенно способствовало распространению лихорадки и инфекционных заболеваний. Обеспечение частого омовения, столь способствующего личному комфорту, а также иммунитету от болезней, было неслыханным делом. Во многих самых густонаселенных столицах Европы нельзя было найти ни одной общественной бани. Одежда преуспевающего бюргера и купца предписывалась законами роскоши, продиктованными ревнивым духом аристократии, которая не могла мириться с демонстрацией плебейского великолепия, которого их собственные ресурсы были неспособны достичь. Их одежда ограничивалась грубыми шерстяными тканями, покрой и мода которых регулировались в соответствии с капризными решениями суда. Использование золотых украшений и драгоценностей, столь необходимых для удовлетворения женского тщеславия, было запрещено женам и дочерям их домочадцев, которые также были ограничены мрачной и непривлекательной одеждой. В некоторых случаях это презренное проявление власти заходило еще дальше. Это диктовало количество и качество еды и напитков, которые должны были подаваться на стол гражданина, описание и цену света, который освещал его дом, и топлива, которое согревало его. Если у него было что продать, его начальство платило ему изделиями испорченной чеканки или фальшивыми деньгами, изготовление которых повсеместно преследовалось сравнительно безнаказанно.

Пьянство было настолько распространено в Англии во времена правления Эдгара, что были введены ограничения на количество выпиваемого алкоголя — количество, разрешенное каждому гостю, обозначалось пометкой на боку чашки или рога для питья. Соблюдение этих тиранических и бессмысленных постановлений обеспечивалось изматывающей системой шпионажа и доносчиков, а их нарушение каралось разорительными штрафами и приговором к колодкам или позорному столбу. Публикация и приведение в исполнение законов о роскоши неизбежно препятствовали развитию торговли, и без того сильно заторможенной господствовавшими в ту эпоху варварством и нищетой. Страны, обладавшие неограниченными природными ресурсами почвы, минералов, древесины и водных ресурсов, и чьи благородные ручьи требовали лишь части энергии и предприимчивости человека, чтобы привести плодородные регионы, которые они пересекали, в тесный контакт с гуманизирующими влияниями и изысканными продуктами высшей цивилизации, были такими же отсталыми, как сегодня дикие королевства Центральной Африки.

Хорошим показателем силы фанатичных предрассудков и общественной нетерпимости того времени является всеобщее отношение к евреям. Он был финансистом, врачом, торговцем, брокером, ученым средневековья. Он с выдающимся успехом руководил финансовыми

ведомствами огромных империй и королевств. В великих катастрофах, которые обрушивались на целые народы, — среди нужды и отчаяния, вызванных землетрясениями, войнами, голодом, мором, — его проницательность и его ресурсы всегда облегчали страдания, вызванные преобладающим злом, хотя, следует признать, редко обходились без непомерной компенсации. Его медицинские таланты и хирургическое мастерство привели к тому, что духовенство запретило ему торговать магией; но ни статуты парламента, ни анафемы священников не могли лишить его защиты и дружбы ортодоксальных монархов или даже самого Верховного понтифика. Верный авантюрному и жадному характеру своей расы, он привнес знания и использование иностранных товаров в земли, по которым редко ступала нога чужеземца, бросил вызов морским штормам, в равной степени отваживаясь на беспринципную алчность дворян, насилие разбойников с большой дороги, опасности отдаленных и неизведанных пустынь. В приморских городах он основал склады для ввоза и обмена всевозможных товаров. Его кредит и такт позволяли ему вести переговоры о займах для расточительных принцев, что не раз спасало попавшие в беду страны от банкротства. Среди многообразия своих занятий он находил время для отдыха, получаемого от занятий литературой. В этой сфере, как и во всех других, которым он посвящал свои таланты, он достиг высочайшего совершенства. В философии, астрономии, химии, математике к его мнениям современники относились с таким же почтением, с каким относятся к оракулам. Его поэзия и красноречие восхищали такие дворы, как Кордовский и Багдадский; его эрудиция давала наставления, а его гений озарял такие школы, как Салерно, Монпелье и Нарбонна.

Как же тогда общество вознаградило за такие неоценимые блага? Увы! к чести человечества, следует признать, что нетерпимость, взращенная веками ненависти, уничтожила всякий великодушный порыв, всякое чувство благодарности. Воспоминание о решении Синедриона, история о жертве на Голгофе погасили в умах фанатичного населения чувство каких-либо последующих обязательств. Годовщина этого грандиозного события стала сигналом для оскорблений и возмущения. Самые отвратительные обвинения, многие из которых были экстравагантны и невероятны по самой своей природе, были выдвинуты народным шумом, спровоцированным церковной злобой, против беззащитного еврея. Его торговые связи с Востоком привели к распространению проказы. Чума была вызвана ядом, который он бросил в колодцы. Иногда поговаривали, что мясо, которое он продавал, было человеческим мясом, а молоко, которым он торговал, давала не корова, а женщины из груди его домочадцев. Он похищал детей, чью кровь использовал для приготовления волшебных зелий. В Страстную пятницу с помощью своих родственников он воспроизвел трагедию Голгофы, жертвой которой стал христианский юноша, волей-неволей сыгравший роль Спасителя и который с напрасной борьбой и стенаниями перенес унижение и агонию Распятия. Короли простым провозглашением присваивали евреям свои владения как абсолютную собственность короны. Затем, в силу этого произвольного судебного разбирательства, они конфисковали имущество этих жертв королевской алчности под предлогом штрафов или выкупа. При этих важных обстоятельствах не требуется особой проницательности, чтобы понять, что богатство евреев было главной причиной их преследований. Благодаря своим талантам и трудолюбию они достигли высших постов в ученых профессиях; монополизировали торговлю; в большей или меньшей степени контролировали политику каждого правительства христианского мира. При Карле Великом и Людовике Благородном их положение было более благополучным, чем при последующих монархах в течение восьмисот лет. Во всех сферах жизни они получали уважение, которого заслуживали их командирские способности. Их влияние не имело себе равных. Они

поддерживали королевское государство. Были сделаны большие уступки их удобству и религиозным предрассудкам. Их процветание вызывало зависть черни. Их влияние на монарха приводило придворных в ярость. Духовенство, чьи прибыли уменьшались из-за их предприимчивости и чьим монополиям они противодействовали своим вкрадчивым искусством, относилось к ним с двойной ненавистью, порожденной поставленными под угрозу мирскими интересами и свирепым фанатизмом. Считалось, что среди представителей всех классов и рангов их высокий интеллект объясняется кощунственными сделками с силами тьмы. Предубеждение, связанное с их именем и религией, всегда служило благовидным предлогом для преследований. В каждом христианском королевстве они были объектами народного проклятия. Они были бесцеремонно ограблены правительством. Они были изгнаны без предупреждения. Их должников поощряли расторгать заключенные с ними контракты. Чиновники инквизиции получали изысканное удовольствие от сожжения евреев, всегда выбирая в качестве жертв самых богатых. Из ста шестидесяти тысяч человек, сожженных или привлеченных к дисциплинарной ответственности за двадцать восемь лет правления Торквемады и Хименеса в качестве генеральных инквизиторов, большинство принадлежало к этой несчастной расе. Дело еврея рассматривалось заранее в каждом суде, и ему часто было трудно добиться слушания и, тем более, заручиться защитой, на которую он имел законное право. В условиях такого невыносимого гнета нет ничего странного в том, что он, применяя беспринципные методы и прибегая к огромному ростовщичеству, пытался в какой-то степени компенсировать себе деградацию и лишения, которым он был вынужден подвергнуться. Этот курс, однако, только усилил народную ненависть, пока термин "еврей" не стал считаться воплощением всего бесчестия, обмана и беспринципного злодейства. Эти порочащие предрассудки, продиктованные всеобщим невежеством и жреческой злобой средневековья, все еще, как хорошо известно, далеки от искоренения даже высшим пониманием и либеральными взглядами двадцатого века.

Всеобщее бедствие, охватившее крестьянство, а также беднейшие классы городов, проявляется в бесчеловечности, с которой они привыкли обращаться со своими отпрысками. Ограбленные и угнетенные как священником, так и бароном, едва способные в одиночку влачить жалкое существование, они рассматривали рождение младенца как домашнее бедствие. Родители намеренно бросали своих детей в безлюдных местах, чтобы они погибли от голода или были растерзаны хищными птицами. Многие утонули, как щенки. Некоторых похоронили заживо. Других оставляли у дверей церквей и монастырей, где их часто убивали собаки. О масштабах зла, а также о преобладающей безнравственности, существующей в отдельно взятой стране, можно судить из того факта, что больница Санта-Крус, основанная кардиналом Мендосой Испанским в шестнадцатом веке, приняла и приютила за двадцать лет более тринадцати тысяч подкидышей.

Великие эпидемии, которые время от времени свирепствовали по всей Европе, позволяют получить представление о жизни и характере людей, которые нелегко получить из других источников. Медицинская наука признает сегодня, что основными причинами таких посещений являются личная нечистоплотность и скопление нечистот в общественных местах. В средние века правила санитарной полиции были совершенно неизвестны. Со всех сторон в глаза бросались кучи мусора и гниющих отбросов, которые раздражали ноздри. Никто не подозревал о необходимости тщательной вентиляции и осушения жилищ. Существовавшее повсеместно

предубеждение против купания было отчасти вызвано примером духовенства, у которого, как предполагалось, не было свободного времени от своих священных обязанностей по уходу за собой, а отчасти презрением к мусульманам, люстрация которых была непреложным религиозным долгом. По мере распространения христианства практика омовения постепенно приходила в упадок. Римские термы, одно из чудес столицы, сначала были заброшены, а затем использовались как каменоломни для строительства дворца и собора. Преобладало общее представление о том, что церемония крещения устраняла всякую необходимость в последующем нанесении воды на тело. Грязь стала проверкой преданности, и, следуя примеру своих духовных наставников, толпа в конце концов, по естественному закону ассоциации, стала рассматривать отвратительные проявления личного пренебрежения как *очевидное* доказательство христианской ортодоксальности. Таким образом, санкционированный общественным мнением и подтвержденный церковным авторитетом, на чистоту было наложено клеймо, а за телесную нечистоплотность и оскорбительное окружение была предложена награда. Тем, кто нарушал установленный обычай, грозила опасность быть объявленными еретиками. Одним из самых серьезных обвинений против императора Фридриха II было пристрастие к частому посещению бани. Среди высших слоев общества неприятные последствия неопрятных привычек были в какой-то мере нейтрализованы чрезмерным использованием сильных духов, таких как мускус, циветта и амбра. Среди низших слоев населения многие физические условия жизни были неопишуты. В окрестностях городов, так же как и в изолированных жилищах, преобладало равное пренебрежение законами здравоохранения. От рва со стоячей водой, воняющей отбросами замка, до обширных болот, чьи испарения отравляли воздух вокруг хижины пастуха, атмосфера была пропитана миазмами смерти. Когда к эффектам такого окружения добавились угнетающие эффекты заражения и террора, результаты были ужасающими. Чума шестого века, беспрепятственно распространившаяся от Босфора до Атлантики, опустошила целые страны; Черная смерть четырнадцатого века унесла семьдесят пять миллионов человек, половину жителей христианского мира. Климатические условия страны и личные привычки жителей Англии были настолько благоприятны для распространения чумы, что большинство из них погибло в течение нескольких месяцев от одного посещения этой ужасной эпидемии. Это уменьшило численность населения, что серьезно и надолго сказалось на занятиях механической промышленностью. Заработная плата стала выше, чем когда-либо прежде, и было введено в действие законодательство, касающееся щекотливого вопроса о взаимных правах работодателя и нанятого, вопроса, который не решен по сей день. Близость к умирающим и мертвецам несла с собой почти несомненную инфекцию. Предполагалось, что даже необычайный блеск глаз пациентов, страдающих бредом, в соответствии с преобладающим суеверием, оказывает пагубное влияние на все, что находится в пределах досягаемости их взгляда. Воздух был настолько отравлен, что домашние животные, крупный рогатый скот, лошади, овцы, даже птицы, умирали сотнями от странных и смертельных болезней. Смертность в некоторых районах была настолько велика, что беспомощные выздоравливающие не могли совершить погребальные обряды для своих друзей и соседей. Корабли, заваленные трупами своих экипажей, дрейфовали в океане без матросов и рулевого. Люди сошли с ума от страха, и тысячи покончили с собой. Богатые стекались в церкви и осыпали алтари своим золотом; но на этот раз церковная скупость была забыта, и робкие священники из страха перед бичом часто отказывались от предложенных сокровищ. В результате всеобщего ужаса, вызванного этим бедствием, небрежное и поспешное погребение во многих случаях было причиной быстрого распространения чумы. Множество трупов, покрытых лишь тонким слоем земли, были уложены

в неглубокие траншеи. Другие были брошены в реки, чтобы со временем оказаться прижатыми к их берегам, новым источникам заразы и смерти. Во время всех этих сцен физической и психической агонии никакая научная медицинская помощь была недоступна. На немногих искусных еврейских практиков, которые, окончив мусульманские школы, отважились проникнуть в опасные пределы христианских дворов, смотрели с подозрением как на профессоров колдовства и представителей запрещенной и проклятой расы. На юге Франции было незаконно консультироваться с ними или получать их рецепты. Никаких правильных теорий относительно причин и профилактики заболеваний не существовало даже у умных и образованных людей. Болезнь приписывалась активному вмешательству дьявола или его агентов, и больных связывали и десятками за раз приносили в церковь как наиболее подходящее место для экзорцизма, где, как правило, их страдания быстро прекращались из-за агонии и пренебрежения. Для охваченных ужасом не было утешения, кроме шепота исповеди; для пораженного чумой страдальца не было другого ресурса, кроме Воинства и реликвария. Действительно, было вполне естественно, что к ним следовало обращаться за помощью, поскольку долгое время их усердно учили, что Божественный гнев является непосредственной причиной всех физических несчастий. Эпидемия теперь считалась страшным наказанием за бесчинства человечества. Было объявлено, что приступы безумия и бреда вызваны одержимостью демонами, но их облегчали колокольчики, книги, свечи и все многообразные уловки священнического ряженья. Во время чумы Церковь удивительно процветала, как она всегда процветает за счет бед и невзгод человечества. Ее достижения были намного больше, чем во время Крестовых походов. Усердие набожных, суеверный страх и раскаяние нечестивых одинаково воздавали огромную дань ее алчности. Умиравшие кающиеся раздавали ее министрам ценные поместья. Роскошные соборы были возведены и одарены благодарным благочестием тех, кто приписывал их восстановление заступничеству ее святых. Монастыри и часовни были основаны теми, кого ее молитвы, как предполагалось, спасли из самых пасти смерти. Портативные богатства империй ежедневно пополняли ее казну. Но все эти жертвы, вся эта щедрость, все это религиозное проявление не приносили заметного облегчения. Если они что-то и доказывали, то эффективно демонстрировали бесполезность лечения обращением к святыням и применением реликвий. Эпидемия прекратила свои опустошительные действия из-за нехватки материалов, а не потому, что ее распространение было остановлено заступничеством священников. Но в то время как его насилие утихло и характерные симптомы исчезли, его последствия остались, и оно оставило потомкам ужасное наследие. Хотя уважаемый медицинский авторитет настаивал на ином происхождении заболевания, у тех, кто досконально ознакомился с предметом, может быть мало сомнений в том, что сифилис является либо результатом рецидивирующей формы проказы, либо модифицированным болезненным состоянием, развившимся после чумы. Такова часть грязного наследия, которым двадцатый век обязан невежеству, грязи и суевериям Средневековья.

Каким бы плачевным ни было физическое состояние народов Европы, их моральное состояние было еще более плачевным. Отвратительные черты и манеры духовенства уже рассматривались на этих страницах. При таких наставниках, чьи наставления так ощутимо расходились с их нечестивой жизнью, неудивительно, что общество было пропитано предательством и лицемерием. Это одно из самых замечательных ментальных явлений, когда человек должен искренне просить Небеса о заступничестве представителей священной профессии, в то время как в то же время он недвусмысленно демонстрирует своими действиями, что он не уважает их призвание и не верит в их молитвы. Во многом так было с римскими католиками Темных веков.

Они безудержно расточали свое богатство Церкви. Они приветствовали ее служителей подобострастными знаками уважения. Они искали ее совета в мирских делах; они повиновались ее деспотическим указам; они добровольно отказались от своих естественных прав по ее деспотическому приказу. Но когда представилась возможность, неискренность этих профессий стала безошибочно очевидной. Среди очевидного слепого и преданного подчинения принципам униженной религии постоянно проявляли себя древние языческие идеи. Поклонение феям, часто едва скрываемое, было широко распространено по всему христианскому миру. Рыцарь гораздо больше доверял своим доспехам, освященным языческими церемониями, чем реликвию, прикрепленную к луке его седла, или Агнусу Деи, висевшему у него на шее. Озабоченная домохозяйка накануне праздника предпочитала обращаться со своими просьбами к какому-нибудь популярному и благодетельному языческому духу, привыкшему к хорошей жизни и роскоши, чем к святой женщине, для которой воздержание было долгом и чья жизнь прошла среди лишений монастыря или отшельничества.

Смерть папы Римского была встречена с неприличной радостью в каждом квартале Рима. Избрание нового понтифика стало сигналом к беспорядкам, бунту, резне. Оружие толпы заполнили улицы, распевая нечестивые и непристойные песни. Самые непристойные действия совершались в день открытых дверей. Папский дворец неоднократно подвергался разграблению, а его драгоценное содержимое уничтожалось. Особняки кардиналов и знати были разграблены. Для этих высокопоставленных лиц было небезопасно появляться на публике, пока не утихло народное волнение, и смерть духовного властелина христианского мира часто скрывалась до тех пор, пока не был выбран его преемник, чтобы предотвратить сцены анархии, которые неизбежно могли возникнуть, если не принять эту предосторожность. Римское население было так далеко от признания божественных атрибутов папского характера, что привычно и открыто высмеивало его претензии на непогрешимость. Это нередко вмешивалось в свободу конклава и, запугивая кардиналов, диктовало выбор папы. Если таково было неуважение, проявляемое жителями папской столицы по отношению к главе Церкви, то от его церковных подчиненных где бы то ни было мало вежливости можно было ожидать. Почитание, на которое они претендовали в силу своего призвания, было оказано только более невежественными представителями мужского пола и женщинами. Последние, более слабые и легковверные по своей природе, были оплотом суеверий, как, впрочем, и всегда, во все века. Но с образованными людьми дело обстояло совсем по-другому. Как уже было отмечено, священнослужитель был представлен в самых популярных произведениях того времени как глупый, распущенный и деградировавший лицемер. Общественное мнение не потерпело бы такого выставления священнослужителей на посмеище, если бы не было достаточных поводов для такого курса. Есть веские основания полагать, что неловкие и позорные ситуации расточительных клерков, описанные на занимательных страницах "Cent Nouvelles Nouvelles", "Боккаччо", "Поджио", "Королевы Наварры" и подобных коллекций, были реальными событиями. Бесспорно, что многие из этих историй были почерпнуты из архивов религиозных домов и юмористических традиций монашеской жизни. Существование всеобщей коррупции среди рядового духовенства, на которое указывают эти авторы-сатирики, получает наглядную иллюстрацию из того факта, что они неизменно включают женский монастырь и публичный дом в одну категорию и без разбора обозначают глав этих заведений титулом "настоятельницы".

В религиозных празднествах и драматических представлениях также появились явные признаки распространенного в ту эпоху непочтения и насмешек. Самые торжественные и ужасные события священной истории были нелепо разыграны под насмешки насмехающейся и восхищенной толпы. Гротескные черты этих церемоний были пережитком римских сатурналий, которые еще не исчезли среди менее просвещенного крестьянства Европы. Самые святые тайны Церкви пародировались в непристойных и кощунственных сценических представлениях. Актеры в этих нечестивых представлениях были выбраны из низших чинов священства. Они принимали облик пап, кардиналов, епископов. Иногда они были одеты в облачение и снабжены знаками отличия своего ранга — тиарой, митрой, посохом, распятием; но часто они надевали разноцветные одежды профессиональных шу-ков и шутов и носили его дубинку. Месса была отслужена по всем правилам, но сопровождалась тысячью экстравагантных и часто неприличных жестов со стороны этих привилегированных шутов. Полностью обнаженных мужчин приводили в церкви и обливали ведрами святой воды. Старая обувь, сожженная в кадилъницах, наполняла атмосферу тошнотворным зловонием. На алтаре была накрыта трапеза, и все желающие угощались, пока представитель празднующего читал впечатляющую церковную службу. Тем временем проходы кишели маскарадистами, чьи грубые шутки и похотливые ужимки вызывали аплодисменты и смех публики. Мужчины играли в азартные игры за оградой алтаря. Во время этих праздников предавались всякому излишеству без ограничений и увещеваний. Разврат бушевал даже в самых святых местах. Священники, лишенные своих священнических облачений, полуголыми танцевали на улицах. Колокола были сняты с церковных башен и спрятаны. Во время Праздника ослов в хор ввели осла с его наездником, и ответы прихожан были сделаны в подражание немелодичному голосу этого полезного, но, как говорится, глупого животного. В данном случае сосиски, приправленные чесноком, заменили ладан. Во время празднования другого праздника лису, одетую в одеяния папства, торжественно нес эскорт из фальшивых кардиналов. По улицам, по которым должна была пройти эта необычная процессия, через определенные промежутки времени было роздано некоторое количество домашней птицы, и когда лис, уронив свою тиару и волоча по пыли свои пурпурные одежды, время от времени пытался схватить курицу, восхищенная толпа буквально сотрясала воздух одобрительными криками.

Драмы, известные под названием "чудо" и моральные пьесы, часто были такими же развратными по тону и деморализующими по эффекту, как и фестивали. Своим происхождением они были обязаны живому воображению и любви к зрелищам, характерным для константинопольских греков. В некоторых случаях актеры изображали персонажей Священных Писаний, в других - достоинства и пороки аллегории. Величайшие несоответствия местности, времени и характерам были представлены без вопросов или критики. К абсурдности сюжета примешивались нечестивые чувства и вульгарные остроты. Несмотря на грубость и ненормативную лексику этих драм, иерархия полностью признала их ценность для контроля над умами впечатлительных людей. Как правило, проводимые представителями духовенства, средства на их празднование выделялись из церковной казны, а также предоставлялись индульгенции, чтобы побудить паломников посетить их.

Драматические представления средневековья, однако, не ограничивались представлениями номинально религиозного характера. Еще в десятом веке пьесы монахини Хроцвиты разыгрывались в монастырях для развлечения их обитательниц. Эти постановки, имитирующие комедии Терренса, намного превосходили последние по свободе языка и действия. Их грубость такова, что они не выдерживают перевода. Стихи того же автора, чья жизнь якобы была

посвящена благочестивым мыслям и общению со святыми, еще более необычны. Чувства, которые они выражают, и сцены, которые они изображают, - это последнее, что читатель обычно ожидал бы найти в произведениях, исходящих из такого источника, и, должно быть, были подсказаны обширным и разнообразным опытом.

Эти вещи, неизбежно преходящие по своему характеру, исчезли вместе с грубым невежеством и доверчивостью средневековой жизни. Но более постоянные памятники, вырезанные на карнизах, капителях и архитравах зданий, посвященных богослужению, более убедительно, если это возможно, демонстрируют отсутствие почтения к церковным обрядам и черствое безразличие духовенства к тому, что не может быть истолковано иначе, как преднамеренное оскорбление религии. Монахи, священники и епископы в полном каноническом облачении изображены с атрибутами хитрых и грязных животных, таких как лисы, волки, ослы и павианы. Свинья - любимый предмет, и, по-видимому, средневековый скульптор считал ее обладающей чертами, особенно применимыми к описанию монашеской жизни и характера. Эти гротескные карикатуры часто перемежаются неопишуемыми непристойностями. Частичное объяснение их появления можно найти в том факте, что они были изваяны самими монахами. Последние были единственным классом своего времени, сведущим в практике механических искусств. В их орденах были сосредоточены архитектурные, а также литературные знания того времени. Они строили и украшали свои собственные церкви и аббатства. Трудно примирить дух, который мог задумать и осуществить такие представления, с духом, который мог вынести их огласку, особенно в храмах Божьих. Ибо слишком хорошо установлен тот факт, что средневековые церковники отнюдь не отличались терпимостью. Тем не менее, господствующие настроения в обществе в те дни сильно отличались от тех, что царят в наши дни. Его уровень морали был ниже, но в то же время он явно не был расположен скрывать свои излюбленные пороки. Одно, однако, несомненно: недостатки духовенства были настолько очевидны и печально известны, что стали обычной шуткой, в веселье которой не стыдились участвовать даже сами подданные. То, что его учителя не только стали нечувствительными к презрению за нарушение ими человеческих и божественных законов, но и поощряли и даже вознаграждали сохранение своих чудовищных пороков в нетленных материалах для изумления и отвращения потомков, не является приятным отражением состояния общественной морали.

С падением Римской империи знание букв, как и все другие достижения, ушло в прошлое. Со времен Карла Великого не было доступно ни одно наставление, кроме того, которое передавалось через сомнительные церковные учреждения. Этот монарх придал огромный импульс обучению, основав академии; привлекая к своему двору мудрость других стран; назначая монашеских летописцев; и поощряя евреев. Поскольку политика Церкви заключалась в том, чтобы держать массы в невежестве, скудная и общая информация, которую можно было получить из этого источника, была доступна только представителям привилегированных классов. Общие и невероятное унижение народа в те времена, может быть выведено из того факта, что так поздно в 1590, когда мышь сожрала сакраментальный вафли в одной из церквей Италии, она была серьезно обсуждена Церковного Совета созывается с этой целью в присутствии благочестивого и интересно аудитории, то ли Святой Дух вошел в животное или нет, и если требования религия требует его надо убить или быть объектом поклонения!

Многие представители духовенства не умели ни читать, ни писать и, выучив службу наизусть, служили мессу, как множество попугаев, столь же неосведомленных в том, что они говорят, как и их флегматичные прихожане. Епископы ставили свои пометки на важных документах

пальцами, обмакнутыми в священное вино. Книги, использовавшиеся при богослужении, ценились больше из-за их денежной ценности, чем из-за содержащихся в них предписаний. Их золотые, усыпанные драгоценными камнями переплеты часто привлекали алчность братьев, которые портили, закладывали или забирали книги по мере возможности или из-за своих плотских потребностей. Распространение знаний сопровождалось почти невероятными трудностями. В дополнение к враждебности, небрежности и неспособности духовенства, которое было их привилегированными хранителями, изготовление книг было сопряжено с большими расходами. Пергамент, как правило, был низкого качества и стоил непомерно дорого. Ресурсы, которые можно было получить путем стирания древних рукописей, были ограничены, и во время всеобщего упадка искусств знания о его приготовлении были утрачены. Кожи, которые приносились в монастыри, должны были быть очищены и разглажены самими авторами, прежде чем они могли быть предоставлены в продажу. Время, необходимое для завершения книги, было серьезным препятствием для ученого. Расшифровка и освещение рукописи часто отнимали годы напряженного труда. У евреев копирование Священных Писаний было процессом не менее торжественным, чем призывание священного имени Иеговы. Материалы были подготовлены со всеми предосторожностями ортодоксами иудейского вероисповедания. Были наняты самые искусные и благочестивые каллиграфы. Все остальные занятия были оставлены до тех пор, пока не была завершена эта святая задача, выполнение которой считалось не менее важным, чем совершение синагогальных обрядов.

Как правило, произведения писца и просветителя считались слишком ценными, чтобы их можно было использовать в каких-либо иных целях, кроме религиозных. Пожертвование сопровождалось музыкальной церемонией и молитвой, когда молитвенник, часто заключенный в изысканную золотую шкатулку, возлагался на алтарь.

Только по политической или финансовой необходимости или для того, чтобы заручиться благосклонностью королевской семьи, этим образцам искусства было позволено, пусть и временно, покинуть руки их владельцев. В 1190 году епископ Элийский заложил у евреев Кембриджа тринадцать томов, чтобы помочь в получении выкупа за Ричарда Львиного Кера. Чтобы обеспечить ссуду одного-единственного молитвенника, король Франции был вынужден предоставить облигацию со своими дворянами в качестве поручителей и передать на хранение капитулу кафедрального собора некоторое количество посуды огромной ценности. Один из королей Нортумберленда отдал производительное поместье за экземпляр Евангелий. Курфюрст Баварии предложил город в обмен на рукопись, но получил отказ. Прославленный рыцарский роман, ценящийся больше, чем на вес золота, был самым ценным достоянием богатого барона. На самом деле эти сокровища были настолько ценными, что те, которые предназначались для всеобщего обозрения, были прикованы к стенам массивными цепями, а для переворачивания листов были назначены стражи. Питер де Немур, епископ Парижа, отправляясь в крестовый поход, подарил аббатству Сен-Виктор “свою огромную библиотеку, состоящую из восемнадцати томов”; по тем временам этот дар стоил выкупа принца. Из этих примеров видно, что в средние века книги не всегда были в распоряжении величайших князей, и собрание из нескольких сотен томов было чудом; собрание королевы Изабеллы содержало двести один, из которых шестьдесят семь были трактатами по теологии. Другие обстоятельства способствовали их дефициту. Написанные обычно на изученном языке, требовалось специальное образование, чтобы прочитать их, не говоря уже об их композиции. Дороговизна письменных принадлежностей помешала многим освоиться с использованием пера. Размеры листов, предназначенных для различных целей, были установлены законом, но первоначальные

размеры, в которые можно было сложить овчину, сохранились в кварто, октаво и двенадцатиперстной кишке современного книготорговца. В качестве угрозы непочтительным и нечестным людям автор часто добавлял к своей рукописи проклятие любому, кто украдет или изуродует продукт его промышленности. Даритель также произносил свои проклятия над головой заемщика, когда книга была подарена церкви или монастырю. Поскольку современные языки Европы еще не сформировались, общение между необразованными людьми, кроме устных, было невозможно, а искусство письма в некоторых местностях было полностью утрачено. Для огромной массы людей слово “библиотека” понималось как означающее Священное Писание; они не знали о существовании каких-либо других книг. Огромные преимущества, получаемые духовенством от привычного использования идиомы, незнакомой простолюдным, а также от монополии на простейшие зачатки знаний, не ускользнули от внимания этих проницательных наблюдателей человеческой природы. Церковь стала местом, откуда издавались королевские указы и где заключались коммерческие сделки. У ее дверей раздавались прокламации. Контракты заключались перед ее алтарем. Клятвы приносились на Священных Писаниях и распятии. Воинство использовалось для обнаружения преступников и торжественного заключения договоров. Земля передавалась простым перебрасыванием веточки или комочка земли в присутствии официальных свидетелей. Крест, который до сих пор ставится на юридических документах руками неграмотных вместо подписи, является наводящим на размышления воспоминанием о той эпохе, когда сила церковного влияния признавалась в каждой важной жизненной операции.

Преследование ученых систематизировалось и поддерживалось, во-первых, созданием теологической одиозности, а впоследствии учреждением таких трибуналов, как Святая канцелярия; не из-за желания сохранить подобающее почтение к религиозному богослужению, а из-за сознания неспособности существующей системы противостоять проверке разумом. Ересь была удобным и всегда доступным предлогом для подавления той независимости мышления, которая угрожала целостности доктрины или незыблемости жреческого превосходства. Инквизиция, если рассматривать ее реальную цель, как уже говорилось, была скорее мирским, чем церковным средством. Ее невыразимые зверства и их последствия слишком хорошо известны, чтобы требовать описания. В опровержение его притязаний на средство морального очищения может быть приведен неоспоримый факт, что в период его наибольшего могущества в Европе можно было встретить худших атеистов, богохульников и преступников, маскировавшихся под капюшоны и стихари. Бесчинства, совершенные им над человечеством, следует рассматривать как законные результаты папской системы, которая, унаследовав в значительной степени организацию, престиж и традиции императорской власти, поощряла, благодаря иммунитету, приобретенному коррупцией, и расточительному примеру Святого Престола, пренебрежение всеми обязанностями и совершение всех преступлений.

Проявление способностей человеческого разума в Темные века, когда им разрешалось развиваться и использоваться на благо Церкви — их единственного прибыльного покровителя, — в высшей степени свидетельствует о способностях, которыми он обладал, когда его поощряли. Соборы, резьба и молитвенники, которые в своих соответствующих областях искусства намного превосходят достижения современности, являются подходящими примерами размаха и плодovitости средневекового гения.

Теперь я попытался описать общие и наиболее поразительные черты, отличавшие общество в средние века, совпадающие с периодом испано-арабского господства. Описание, учитывая

ограниченное пространство, отведенное предмету, неизбежно несовершенно. Еще можно было бы составить тома о событиях и обычаях того мрачного периода, наиболее яркой характеристикой которого является интеллектуальная деградация человечества. Читатель не мог не заметить, что в каждом случае — независимо от того, затрагивались ли просто незначительные инциденты частной жизни или затрагивались интересы обширных королевств, — непрекращающееся вмешательство, а также неоспоримое преобладание церковной власти. Он не может не уважать, если не способен восхищаться, командирский гений организации, которая смогла перенять и успешно использовать глубокую политику, непревзойденное мастерство, несравненные административные таланты, бессердечный эгоизм ее политического образца и религиозного прототипа - Римской империи. Он может с отвращением отвернуться от ее преступлений и ужасов; от папского величия, построенного на подлоге и поддерживаемого мошенничеством и пытками; от бесстыдства монашеской жизни; от двуличия системы, которая могла воспользоваться неопределенными капризами и отвратительной жестокостью варварских королей; от отталкивающих хроник известных церковников с их длинным перечнем ужасающих жестокостей, их непристойных и зловещих легенд. Но, не одобряя его методы, он должен признать его выдающуюся приспособляемость для достижения цели, к которой он стремился, и признать, что со времен создания общества ни одно правительство никогда не оказывало такого мощного влияния на тела и умы людей, как папство. От этого влияния не был свободен ни один властитель, каким бы великим он ни был. Репутация многих средневековых монархов и государственных деятелей у потомков основана, в действительности, не на талантах и заслугах, а на положении и отношениях, которые он поддерживал при жизни со священническим орденом.

Во всеобщем невежестве человечества знакомые явления природы способствовали господству беспринципных шарлатанов, которые основывали свои надежды на успех и необходимые для этого события, богатство, власть и славу на изобретении и усердном распространении лжи. Олицетворение всего материального и нематериального, земной шар, сверкающие сферы видимых небес, внезапные и часто неожиданные последствия действия невесомых факторов, самое обычное действие законов природы были отнесены к категории сверхъестественных проявлений, привились к религии и получили подобострастное почитание страха и суеверия. Хитрый священнослужитель никогда не забывал этого

“Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind.”

Гномы, ведьмы, гоблины, эти воображаемые обитатели духовного мира, чьи странные и озорные выходки были настолько достоверны, что повергали простые массы в ужас и заставляли содрогаться даже образованных людей, когда их грехи не были устранены божественным утешением в виде исповеди и отпущения грехов, были привлечены в качестве союзников политической Церкви. С помощью таких вспомогательных сил и способности извлекать выгоду из любой человеческой слабости и любого подстрекательства к человеческим амбициям, она сохраняла свою власть даже при самых обескураживающих обстоятельствах, пока ее достижения вопреки закону и прогрессу, какими бы трудными они ни казались, не стали даже менее примечательными, чем кажущаяся вечной продолжительность ее империи.

ГЛАВА XXVIII

ИСПАНО-АРАБСКАЯ ЭПОХА ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ 760-1450

Интеллектуальный застой Европы в период мусульманского величия—Высокое положение ученых в Испании—Достижения халифов—Характер арабской литературы—Прогресс науки—Александрийский музей—Его замечательные открытия—Его вклад в образование—Его влияние на карьеру мусульман—Арабский язык—Поэзия арабов—Ее общие характеристики—Теология и Jurisprudence—History—Geography—Philosophy—Libraries—Rationalism—Averroes—Mathematics—Astronomy—Al-Hazen—Gerbert—Botany—Alchemy—Chemistry—Pharmacy—Альбертус Магнус, Роберт Гроссетете и Роджер Бэкон—Медицина и хирургия—Незнание их теорий и научного применения в Средневековой Европе—Распространенность самозванства—Смертность от эпидемий—Большой прогресс арабов в медицинских знаниях—Больницы—Лечение различных заболеваний—Знаменитые мусульманские практики—Контраст между христианской и мусульманской системами—Непреходящие последствия арабской науки—Ее пример и польза для созидательного влияния современной цивилизации.

В то время как христианский мир был погружен во тьму и все знания, кроме никчемной метафизики и полемической теологии, были изгнаны из умов людей; в то время как Англия была отвлечена вторжением датчан и норманнов, а монахи-варвары бросали вызов власти ее королей в самом присутствии трона; в то время как Карл Великий опустошал провинции Германии широкими и беспощадными запретами; в то время как вселенские соборы провозглашали добродетели безбрачия и святость изображений; в то время как население Рима забавлялось скандалом в этот период интеллектуального застоя мавританские принцы Испании и Сицилии, единственные среди правителей Запада, поддерживали священный огонь искусства, науки и философии. Жажда империи, подстегиваемая пылом религиозного энтузиазма, подчинила мусульманскому скипетру территорию, превосходящую по размаху и богатству обширную и плодородную область, которая в свою самую процветающую эпоху признавала власть цезарей. Арабские столицы Кордова, Каир, Дамаск и Багдад не уступали ни в великолепии архитектуры, ни в пышности церемоний, ни в умелом применении механических искусств, ни в накоплении несметных богатств, ни в возможностях для роскоши потворства своим желаниям традиционному превосходству императорского Рима. В научных достижениях не существовало никакого сравнения между туманными и бесплодными спекуляциями, почерпнутыми из школ греческой и латинской философии, и результатами, полученными в результате практического применения принципов, способствующих развитию человеческого разума и повышению благосостояния человечества. Как в интеллектуальном, так и в физическом мире успех арабов был беспрецедентным. В самый блестящий период испано-мусульманской империи невежество считалось настолько постыдным, что люди, которые в молодости не имели возможности получить образование, скрывали этот факт, насколько это было возможно, точно так же, как они скрыли бы совершение преступления. С другой стороны, ученые, которым доверял государь, оракулы школ, хранители влияния и власти, никогда не ослабляли своих усилий по развитию своих талантов и приумножению своих знаний; и таковы были их пыл и настойчивость, что они породили популярную пословицу: “Есть два ненасытных существа — человек денег и человек науки”. Тщательное обучение, проводимое испано-арабскими учебными заведениями, было высоко оценено зарубежными странами, и студенты из самых фанатичных сообществ Европы поступали в университеты Кордовы и Севильи. Во всех

областях светской литературы неутомимый мусульманин проявлял свой гений и трудолюбие. Его разносторонние таланты и многословие вызывают одновременно удивление и отчаяние у самого терпеливого и прилежного читателя. Одному замечательному деятелю, Ибн-аль-Хатибу из Кордовы, умершему в десятом веке, приписывают почти тысячу сто работ по метафизике, истории и медицине. Ибн-Хасен написал четыреста пятьдесят книг по философии и юриспруденции. Другой писатель оставил после себя восемьдесят тысяч страниц тщательно исписанной рукописи. Не было ничего необычного в том, что словарь или энциклопедия насчитывали пятьдесят томов. Комментарии по теологии, религиозной традиции и праву были почти бесконечными по объему и разнообразию своих тем. Исторические произведения испанских арабов были, вероятно, самыми подробными и объемными из когда-либо опубликованных каким-либо народом, и их скрупулезная верность истине неоднократно подтверждалась сравнением их описаний с дошедшими до нас архитектурными памятниками и подтверждающими свидетельствами далеких и часто враждебных авторов. Однако авторам обычно не хватает применения, а часто даже знания канонов исторической критики; их любовь к чудесному иногда мешает их суждениям, а их описания, перегруженные витиеватой риторикой, принадлежат скорее оратору, чем точному и разборчивому историку. Более тысячи хронистов проиллюстрировали летописи Мавританской Испании. Их стиль, одновременно напыщенный и неясный, часто делает их смысл непонятным, в то время как их текст перегружен ребяческими анекдотами, аллюзиями на Коран и запутанными восточными метафорами. Поколения, прошедшие в другой стране в условиях необычайной политической и промышленной активности, казались бессильными искоренить или даже существенно изменить ментальные характеристики расы, выросшей в уединении и подверженной влиянию предрассудков и суеверий Азиатской пустыни. Упорное сохранение этих черт является одним из самых необычных этапов его жизни и истории. Его государственное устройство и религиозные верования были чужды и несовместимы с теми, которые преобладали в других странах Европы. Его обычаи, его язык, его литература - все было экзотическим. В произведениях воображения изящные вымыслы Востока, увлекательные в высшей степени и лучше приспособленные к расширяющемуся интеллекту человека, чем грубые и варварские сказки готического происхождения, вскоре вытеснили последние, поскольку легкий и остро заточенный ятаган уже вытеснил неуклюжий палаш последователей Родерика. Практические методы мышления, основанные на системе Аристотеля, повсеместно получили преимущество над необоснованными и призрачными теориями платоновской школы. На публичных собраниях, где мужчины и женщины в равной степени соревновались за литературное превосходство; в общественных отношениях, где прекрасному полу предоставлялось гораздо больше свободы, чем когда-либо было предоставлено матронам и девственницам древности или чем сейчас пользуются в гаремах Востока, развивались и практиковались те удобства и грации, которые, поощряемые песнями о любви и галантности, в конечном итоге, при посредстве барда и менестреля, были распространены далеко по всему европейскому континенту. Стремление к знаниям и понимание их преимуществ были настолько универсальными, что считались национальными особенностями. Халиф был разборчивым и щедрым покровителем гениев. Его любимыми служителями были те, чьи произведения возвысили их до заслуженного положения в мире литературы. В мусульманской системе компетентное знакомство с принципами юриспруденции было необходимым условием получения любого законченного образования. Удивительная хватка арабского ума, который, казалось, с одинаковой легкостью приспосабливался к самым противоположным условиям, была особенно приспособлена к суровым требованиям дипломатии — профессии, для которой

умение учиться в более поздние времена стало рассматриваться скорее как недостаток, чем как преимущество. Таким образом, величайшие ученые занимали самые важные должности и пользовались шатким расположением мусульманских князей Европы. Их литературные произведения были вознаграждены даже большей щедростью, чем их заслуги перед государством. Они почти составляли касту, настолько заметными были их гордость и исключительность. На них были расточены несметные богатства. Они имели преимущество перед знатью, которая вела свою родословную до периода, затерянного в лабиринтах арабской традиции. Их дочери, обитательницы императорских гаремов, нередко становились матерями монархов. Их показное величие вызывало зависть у самых богатых подданных империи. Их резиденции не уступали по размаху и величии жилищам членов королевской семьи. Огромные свиты рабов сопровождали их продвижение по улицам. Солдаты в шелковых и золотых мундирах охраняли их дворцы, предшествовали их маршу и защищали их самих от последствий народного насилия. Их серали заполняли самые красивые женщины, которых можно было раздобыть на невольничьих рынках Европы и Азии.

Поэт, астроном и историк, занимавшие высокие политические посты, пользовались доверием и близким знакомством монарха, в присутствии которого трепетали самые выдающиеся солдаты. Такова была благодарная дань, воздаваемая имперской властью интеллектуальному превосходству. То, что этой необычайной милостью не следует злоупотреблять, вряд ли можно было ожидать даже от самых сильных людей, подвергшихся искушениям лести и честолюбия. Уроков философии было недостаточно для исправления низменных пороков, неотъемлемо присущих человеческой природе и которые во все века оказывали деспотическое влияние на разум человека. Наглость и жадность этих министров сделали их оскорбительными для народа; их опасные устремления в конечном итоге возбудили опасения монарха. Ни один класс людей не вызывал такой всеобщей ненависти. Древние хроники полны рассказов об их жестокости, несправедливости и несчастьях. Некоторые были принесены в жертву ревности своего хозяина, другие пали жертвами беспричинной ярости населения. Мало кто сохранил среди величия те добродетели и ту скромность, которые всегда должны были характеризовать благородное занятие литературой, успех в котором возвысил этих государственных деятелей до такого высокого положения и авторитета. В то время как Коран в толковании наиболее строгих мусульманских богословов препятствует научным исследованиям и изучению естественной философии, халифы Кордовы не в одном случае навлекли на себя упрек в неортодоксальности из-за потворства исследованиям, запрещенным законом для их подданных, и, поощряемые таким образом, интеллигентное общество столицы не побрезговало перенять благородную максиму главы конкурирующей секты, который провозглашает, что “чернила ученых столь же драгоценны, как и кровь мучеников”, в то время как последовательный верующий постоянно помнит высказывание Пророка о том, что в Судный день потребуются строгий отчет о литературных возможностях, улучшенных или злоупотребленных Верующими. Эти великие князья не только поощряли литературу, оказывая ей значительные почести и награды, но и сами снискали на этом поприще лавры более прибыльные и долговечные, чем те, которые были завоеваны в ходе самой успешной кампании против неверных. Абд-ар-Рахман I. был астрономом и поэтом необычных способностей. Хишем I. и Аль-Хакем I. были одними из наиболее информированных ученых и критиков своего времени. Таланты и ученость, которые прославили жизнь и характер Абд-ар-Рахмана II, его знакомство с юридическими науками и натурфилософией, его покровительство литераторам, привели к тому, что его сравнивали с Аль-Мамумом, самым известным из халифов Багдада. Эрудиция и достижения Аль-Хакема II. были

огромны; тома огромной библиотеки Кордовы пополнились заметками и комментариями, сделанными его собственной рукой, и его рвение было так велико, что в конечном счете его зрение было принесено в жертву усердию, с которым он изучал каждую отрасль знания. Императорское достоинство, каким бы великим оно ни казалось в момент своей кульминации, во время его правления было наименее важным из его титулов возвышения. В золотой век арабской литературы он выделялся среди тысяч выдающихся писателей, юристов, летописцев, биографов. Написанная им критическая история Андалусии славилась своей точностью и обширным запасом содержащейся в ней информации, и, будучи широко прочитанной, она долгое время оставалась памятником замечательной эрудиции и трудолюбия своего автора. Ни один ученый его времени не превосходил его по глубине и разнообразию интеллектуальных достижений. Он владел многими языками и диалектами. Он писал с одинаковой беглостью и элегантностью почти по каждому предмету. Ничто так не радовало его, как прочтение нового и ценного труда, и накопление книг было для него страстью, которая вытесняла долг прозелитизма и жажду власти. Его библиотека была настолько обширна, что переполняла огромное здание, которое было возведено для ее приема, и сокровища которого, шедевры всех народов — греческого, римского, византийского, египетского, персидского, древнееврейского и арабского — были предметом восхищения ученых и чудом неграмотного и суеверного века.

Абдаллах прославился своими жалобными элегиями, в которых он прославлял несчастья своего дома; Сулеймана боялись за резкие стихи, в которых он высмеивал предательство и лицемерие города и двора.

Дух литературного вкуса и соперничества, который вдохновлял образованное общество халифата, не был утрачен с расчленением империи. Столица каждого княжества стала центром культуры, образования, искусства. Правители этих мелких государств, население которых среди бурных сцен гражданских раздоров и иностранного вторжения все еще сохраняло немалую долю того ума и вкуса, которые в высшей степени отличали их отцов, соперничали друг с другом в поощрении науки и покровительстве образованным людям. В этом благородном соревновании, а также в своих собственных схоластических познаниях мавританские принцы поддерживали славу своих предков и традиции монархии. Профессорам экспериментальной науки были предоставлены все возможности. Политические почести, жалованье, пенсии привлекали ученых из далеких стран. Религиозной нетерпимости не было места в обществе, главным принципом которого была абсолютная свобода мысли и которое давно привыкло рассматривать беспрепятственное применение разума как неотъемлемое право. Аль-Моктадир, король Сарагосы, был известен своей эрудицией; его знания философии, геометрии и астрономии превосходили знания любого из мудрецов его двора. Аль-Модхаффер, король Бадахоса, составил большую энциклопедию. Правители Альмерии, Валенсии и Севильи не менее отличались глубокой ученостью и покровительством, которое они оказывали литераторам. Монархи династии Аббадидов, и особенно Мотамид II, были известны гармонией и пафосом своих стихов. Правитель Альмохадов Абд-аль-Мумен, номинальный представитель разрушительного принципа фанатизма, был почитаемым покровителем Ибн-Тофейля, Ибн-Зора и Аверроэса, трех величайших писателей, которые когда-либо украшали своим талантом литературу любого века. Достижения гранадских Альхамаресов в мире искусства и науки, а также культура их двора — последнего прибежища учености в средневековой Европе — составляют наиболее привлекательный эпизод в летописях тринадцатого и четырнадцатого веков.

Воодушевляемое примером и покровительством королевской семьи, умственное развитие масс продвигалось гигантскими шагами. Дух прогресса, стимулы высокого честолюбия одушевляли все порядки и состояния людей. Жажда знаний была настолько всеобщей, что даже слепые, хотя им и мешала недоброжелательность природы, все же были способны в тот век интеллектуального соперничества достичь высокого положения на шкале литературного мастерства. Словари рифм, наводящие на размышления памятники извращенной и трудоемкой изобретательности; страстные стихи, рожденные тропическим климатом и чувственной религией; беспрецедентный и быстрый прогресс, достигнутый в точных науках; объемистые труды по теологии и истории и невероятная эрудиция их авторов, многочисленные университеты, великолепные библиотеки, конкурсные экзамены, публичные состязания за литературное превосходство и королевскую милость, свидетельствуют о степени просвещенности, которую вряд ли можно ожидать от народа, происходящего от варварских и идолопоклоннических предков, и это тем более примечательно, что контрастирует с деградацией современной Европы. Фанатизм и предрассудки закрыли для пытливого ума мусульманина некоторые из важнейших хранилищ классической мудрости. Ибо, в то время как натурфилософы и историки Афин изучались с величайшим усердием, мусульманское благочестие с отвращением отвергало возвышенные творения греческой поэзии из-за грубых вымыслов ее мифологии, столь противоречащих возвышенным идеям о единстве и совершенстве Бога. Пылкая и страстная натура араба также не была способна оценить достоинство героического стиха или размеренную интонацию и величественную пышность аттической драмы. Он восхищал трогательной лирикой, сатирическими эпиграммами, любовными песнями и трогательными элегическими стихотворениями. Заметное влияние арабской поэзии на цивилизацию Европы уже упоминалось на этих страницах. Его содержание часто перегружено причудливыми замыслами и неясными аллюзиями, его ясность обычно приносится в жертву сложным приемам рифмы, его стиль обезображен экстравагантными метафорами и гиперболами. Любовь ко всему прекрасному, изумительному, сверхъестественному была наиболее характерными чертами арабских писателей, и от влияния этих национальных пристрастий не были полностью свободны даже достойные произведения на научные темы.

Какими бы учеными и объемными ни были чисто литературные произведения испано-арабских ученых, они имели второстепенное значение по сравнению с практическими достижениями экспериментаторов в мире науки. Сарацины принесли в Западную Европу индийские цифры, сведенные в таблицы наблюдения за Вавилоном и открытия астрономов Александрийской школы. Эти мудрые исследователи изучали действие силы тяжести и едва не выяснили ее принципов; они сконструировали часы с маятником и весы; они прозорливо и точно объяснили происхождение многих до сих пор загадочных физических явлений, которые народное невежество привыкло приписывать сверхъестественному вмешательству, а не неумолимому и необходимому действию законов Природы. Они были первыми, кто продемонстрировал, что аэролит был космическим фрагментом, а не ракетой Божественного гнева, и подвергли вещества, из которых он состоял, химическому анализу. Они составили таблицу удельных весов, и, по словам Тиндаля, установленные ими плотности тел существенно не отличаются от принятых в наши дни. Они поняли силу капиллярного притяжения; они приблизились к истинной высоте атмосферы и заметили, что ее вес уменьшается по мере удаления от земли. Уже в десятом веке они сформировали исключительно правильные представления о природе и причинах многих геологических явлений, таких как различная эрозия пластов под действием

стихий, присутствие ископаемых останков на вершинах горных хребтов и различные характеристики, которые они проявляли в зависимости от того, было ли их происхождение наземным или водным, возвышение и впадина поверхности земного шара, продолжающиеся в течение невообразимо длительных периодов времени. Как химией, так и фармацией с замечательным успехом занимались в лабораториях мавританской Испании. Медицина и хирургия особенно привлекли внимание амбициозного студента, который нашел увлеченного и опасного конкурента в борьбе за отличия в иврите, чьи достижения и мастерство нередко ставили его во главе своей профессии. Вскрытие не было чем-то необычным, но почтение к мертвым предохраняло человеческую форму от скальпеля, и анатомические исследования арабского хирурга, по крайней мере публично, ограничивались животными низших порядков, множество которых ежегодно приносились в жертву требованиям науки. В этом благородном стремлении, целью которого является определение движений небесных тел и установление их взаимоотношений друг с другом и со вселенной, испано-арабы, как и в исследовании других природных явлений и в решении сложных философских проблем, проявили редкие и своеобразные способности. В Мавританской Испании, как и в Халдее, Вавилонии и древнем Египте, где все астрономы были священниками, святилище Бога было частично посвящено изучению самого возвышенного и чудесного из Его творений - видимого неба. Гномы, астролябии, диоптры, гербы солнцестояния и равноденствия были установлены на минаретах самых священных храмов. Расчеты наблюдателя были завершены в академическом учреждении, которое по мусульманским традициям и практике было пристроено к каждому зданию, посвященному поклонению Аллаху. Ни одна профессия не занимала более высокого положения, чем профессия астронома. Государь осыпал его богатством и почестями. В мечети его приняли с уважением, не уступающим тому, которого требовали самые почитаемые толкователи мусульманского закона. Народ, узнав в нем таинственную личность, тайно поддерживавшую связь с другими мирами, и слишком часто путая его с астрологом, уступал ему дорогу, когда он шел по улицам, и шепотом говорил о нем как о наследнике мудрости Соломона и как о смертном, наделенном сверхъестественными способностями. Изучению неба в значительной степени способствовал прогресс, достигнутый в науке оптики, и ясное объяснение иллюзий, вызванных атмосферной рефракцией. Таким образом, было объяснено мерцание звезд, очевидное неравенство горизонтального и вертикального диаметров планет и удлинение дня после захода солнца. Изобретение телескопа, сравнение наблюдений, сделанных на удаленных станциях во всех частях земного шара, совершенствование аппаратуры, которая измеряет, взвешивает и разделяет составляющие элементы нашей атмосферы, разумное применение принципов физики и прогрессивный опыт девятисот лет не повлияли на определенность и научную точность этих выводов.

Испанские мусульмане владели как земными, так и небесными глобусами; некоторые из них были сделаны из меди, другие - из массивного серебра. Их астрономические инструменты были прекрасно сделаны и откалиброваны с величайшей тщательностью и точностью. У них было десять различных видов квадрантов, один из самых хитроумных и совершенных был изобретен Аль-Заркалем из Толедо. Они использовали часы, приводимые в движение водой, песком и гириями. Арабские армиллярные сферы и астролябии, хранящиеся в музеях Европы, не превзойдены самыми кропотливыми усилиями современной изобретательности по совершенству отделки и точности подгонки, которая подразумевает владение мастером компетентными знаниями тонких операций, для которых они были предназначены. Не следует забывать, что эти приборы, с помощью которых были достигнуты такие замечательные

результаты, по элегантности конструкции будут выгодно отличаться от оптических приборов самой оснащенной обсерватории современности.

Для облегчения исследований историка-естествоиспытателя были созданы многочисленные зоологические коллекции, где можно было наблюдать повадки и характеристики животных и птиц любого описания и отмечать их для нынешнего развлечения и будущей выгоды человечества. Королевские ботанические сады содержали бесконечное разнообразие растений, как местных, так и экзотических, выращиваемых за их блестящую листву, приятный аромат или кулинарные и лекарственные достоинства.

Впечатляющее развитие арабской интеллектуальной деятельности представляет собой один из самых интересных и поучительных примеров прогресса в истории человеческого разума. Бедуин был типичным варваром и флибустьером. У него не было организованного правительства, и он не признавал никакой постоянной власти. Не имея постоянного жилья, он презирал всех, кто стремился к миру. Он жил грабежом. Его религия была униженной, жестокой, идолопоклоннической. За исключением нескольких стихотворений и нескольких сборников сказок, повествующих о подвигах духов и волшебников, у него не было ничего, что можно было бы назвать литературой. Это правда, что его язык был одним из самых обильных и гибких, когда-либо созданных человеком, но его сила никогда не подвергалась испытанию и была практически неизвестна. Даже храбрость араба не была освобождена от подозрений, и он, как известно, предпочитал преимущества засады и внезапности более опасному столкновению в открытом поле. Едва ли не единственной и, несомненно, самой заметной его добродетелью было гостеприимство; но все соображения дружбы и учтивости были забыты, как только ночной гость покинул пределы его лагеря. Следует признать, что преобладание таких условий было в высшей степени неблагоприятным для развития науки и литературы. Таким образом, арабский завоеватель, продолжая свою литературную карьеру, ничем не был обязан обычно мощному влиянию национальной традиции и примера. Его первым важным деянием было разрушение великой Александрийской библиотеки, вторым - разграбление памятников фараонов и снос — с целью получения материалов для его собственных низших построек — огромных сооружений греческой и римской древности, украшавших эту знаменитую столицу. Тщательность, с которой была выполнена эта работа, подтверждается полным отсутствием каких-либо остатков тех великолепных сооружений, которые были одновременно гордостью македонской династии и предметом гордости эпохи Августа и Адриана. В этих актах насилия он всего лишь следовал присущим его расе разрушительным и хищническим инстинктам. Однако соприкосновение с цивилизацией и познание ее благ, вскоре произвели изменение в его натуре, изменение, важное по своим результатам и не имеющее аналогов в анналах развития человечества. Спустя столетие после Хиджры потомок бродячего бедуина добился заметного преобладания во всех областях светской литературы и научных знаний. Импульс, вызвавший эту мощную интеллектуальную трансформацию, был заложен Египтом и проистекал из исторических и философских реминисценций Александрийского музея. Это знаменитое учебное заведение было уникальным и практичным воплощением страсти к инновациям, изобретательского таланта, утилитарного духа древнего мира. Доктрины глубокой древности были, как хорошо известно, в значительной степени теоретическими и умозрительными. Случайное появление таких гениальных людей, как Гиппократ и Аристотель, только подчеркивало никчемный характер многословных и бесполезных изысканий греческих философских школ. До четвертого века до нашей эры наука мало чем была обязана эксперименту, и все знания, имеющие какую-либо ценность, были эмпирическими или результатом чисто случайных открытий. Разумного

метода исследования не существовало. Ни одна система, целью которой было физическое улучшение человечества, не считалась достойной внимания. Такие практические цели были мелочами и ниже достоинства мудрого человека того века. Его время было занято попытками объяснить природу души, определить высшее благо, раскрыть изначальную сущность всех сотворенных вещей, продемонстрировать воображаемую гармонию или диссонанс чисел. В этих абсурдных и бесплодных занятиях были растрачены интеллектуальные способности, которые при правильном направлении могли бы изменить облик природы и состояние общества за много столетий до того, как современному изобретательскому гению была предоставлена возможность проявить свои чудесные способности. Проницательный солдат, который при разделе империи получил в качестве своей доли древнее владычество Египта, придерживался диаметрально противоположного курса в политике, которую он проводил для развития образования и литературы. Он объединил культуру Македонии и почтенные традиции персидской цивилизации с опытом, накопленным во многих кампаниях. Его скептический и деспотичный характер не вызывал сочувствия к низменным суевериям его египетских подданных и еще меньше - к деспотическим притязаниям их жречества. Его положение правителя наделило его почти теократической властью. Едва он сел на трон, как было принято решение о радикальных переменах. Гений Птолемея побудил его попытаться видоизменить систему, освященную практикой незапамятной древности, таким образом, чтобы ее внешнее соблюдение не было противно греческому уму и чтобы нарушение устоявшихся предрассудков не ставило под угрозу стабильность вновь созданного правительства. Для достижения этой цели было введено поклонение Серапису, представителю восточного пантеизма. Это странное сочетание скептицизма и идолопоклонства привело к замечательным последствиям. Египтяне с энтузиазмом приняли нового бога в свой Пантеон. Династия Птолемеев опиралась на прочную основу. В великолепном храме, где хранился образ божества, номинальное поклонение которому приобрело такое значение для будущей цивилизации, было создано грандиозное учебное заведение, совершенно не похожее ни на одно из тех, что до сих пор давали наставления человеку. Соображения практической полезности были признаны единственными и законными целями его создания. Наблюдения, эксперименты, дебаты занимали досуг его профессоров. В его залах излагались принципы всех известных наук, применение которых могло принести пользу человечеству, — медицины, хирургии, астрономии, ботаники, физики. Его библиотека, впоследствии уничтоженная Амру, была величайшим собранием книг, когда-либо собранных в древние времена. Слава этого великого университета вскоре распространилась по всему миру. Количество студентов, посещавших его лекции, было невероятным, нередко достигая огромной цифры в тринадцать тысяч. Их честолюбие возбуждалось присутствием государя, который часто помогал в экспериментах и участвовал в дискуссиях.

Наиболее характерной чертой этого уникального учебного заведения был католический дух, который оно проявляло по отношению к представителям враждебных религиозных систем. Язычество было признанным государственным культом. Его храмы были многочисленны, церемонии жертвоприношений, гаданий и авгурства совершались со всеми удобствами, которые могли быть предоставлены неограниченным богатством и расточительной щедростью. И все же философские доктрины, освященные седой древностью и изучение которых дало начало современному агностицизму, высоко ценились образованными классами Египта. Именно для того, чтобы облегчить их знакомство и признание, насмешливые греки с притворной торжественностью согласились пасть ниц перед алтарем Сераписа. Еврей,

которого повсюду презирали, легко нашел уважительную аудиторию за свои монотеистические принципы в космополитическом обществе Александрии и, что было для него гораздо важнее, возможность извлекать огромную прибыль из коммерческих преимуществ, предлагаемых самой процветающей метрополией в мире. Легендарные генеалогии олимпийских божеств изучались еврейскими учеными с таким же вниманием, если не с таким же уважением, как и священные легенды еврейской расы. Поэмы Гомера сохранились, чтобы радовать потомков в изданиях Александрийского музея; греческая версия Ветхого Завета, известная как Септуагинта, опубликованная Птолемеем Филадельфом, до сих пор пользуется авторитетом у эрудированных теологов. Дух исследования был доминирующим фактором образовательных и философских систем Птолемеев. Отвергались все гипотезы, которые не выдерживали проверки практическими экспериментами и демонстрациями. Ни один факт не считался слишком незначительным, чтобы стать предметом разумного и исчерпывающего изучения. Самые сложные проблемы математики и физики, самые неясные и трудные вопросы, касающиеся жизни — ее происхождения, ее развития, ее распада, — ежедневно предлагались для исследования и решения. Изучение биологии было одним из любимых занятий Александрийской школы, и не исключено, что темы, которые в последние годы так глубоко привлекли внимание ученых, могли быть предметом ее глубоких и кропотливых исследований. Среди них была, возможно, доктрина о выживании наиболее приспособленных, которая не была незнакома грекам, поскольку за ее принятие ратует Платон в своей "Республике", а ее практическое применение долгое время было ведущим принципом Лакедемонянского кодекса. Рациональная процедура, используемая при изучении медицины и хирургии, была наиболее благоприятной для проведения биологических и физиологических исследований. Эти науки были основаны на прочном фундаменте анатомических демонстраций. Вскрытия и вивисекции были обычным делом. Активное участие королей в работе клиники, без сомнения, объяснялось желанием раскрыть секрет долголетия и оправдать с их помощью процедуры, которые предрассудки всех народов древности клеймили как осквернение, действия, противоречащие благоговению и порядочности. Многие выдающиеся открытия были результатом этих просвещенных методов. Функции внутренних органов, разветвления венозной системы, форма и извилины мозга, феномены дыхания, пищеварения и продолжения рода были описаны в терминах, отличающихся точностью и доходчивостью. Примечательно, что среди всех этих анатомических исследований, многие из которых проводились на телах живых животных, особая функция артерий оставалась неизвестной. Александрийские академики предположили, что в их нормальном состоянии они предназначены для циркуляции воздуха, и огромному периоду в тринадцать столетий было суждено пройти, прежде чем гений Гарвея определил их истинное место в экономике человечества. Герофил объяснил взаимосвязь мозга и нервной системы. Эразистрат установил различие между нервами ощущения и движения. Александрия изобиловала специалистами всех мастей — окулистами, литотомами, хирургами, которые лечили женские болезни. Практике медицины косвенно способствовало занятие совершенно иного характера - культивирование алхимии. Как и впоследствии, при арабах, хотя и не с такими заметными результатами, это заблуждение, благодаря открытиям, вызванным его изучением, оказало существенную услугу опытному врачу. Отдел *Materia Medica* обогатился за счет импорта лекарств и выращивания в ботанических садах иностранных растений, имеющих большую лекарственную ценность. Школа Птолемеев была настолько известна, что посещение ее лекций, пусть даже на короткий период, давало практикующему большое профессиональное отличие. Все знаменитые врачи древности, за единственным исключением Гиппократ, черпали информацию и были обязаны своим успехом Александрийскому музею. Необычайный

импульс, приданный всем отраслям науки этим великолепным учреждением, не подвергался существенному сдерживанию на протяжении веков. До своего основания астрономия долгое время находилась в стационарном состоянии, но благодаря тем возможностям, которые она предоставляла, был достигнут гигантский прогресс. Были нанесены на карту небеса и определены созвездия. Звезды были занесены в каталог. Наблюдалось и сравнивалось движение планет, и была изобретена ошибочная, но правдоподобная система эксцентриситетов и эпициклов для учета различных фаз, которые они представляли в разное время. Шаровидная форма земли была продемонстрирована к удовлетворению каждого разумного человека. Были объяснены механизм и циклы затмений, прецессия равноденствий, первое и второе неравенство Луны. Были сделаны оценки, более или менее приближенные к корректным, размеров земного шара. Была очерчена его поверхность, описан климат, выдвинуты гипотезы для объяснения явлений атмосферных изменений. Помимо уже упомянутых, всем наукам практического направления — геометрии, ботанике, естественной истории — было отведено место в экспозиции музея; не были исключены даже запрещенные обычно занятия астрологией и гаданием. Имена таких математиков, как Евклид, Архимед и Конон; таких астрономов, как Птолемей и Гиппарх; таких географов, как Эратосфен; таких геометров, как Аполлоний Пергей; таких орнитологов, как Каллимах; таких поэтов, как Феокрит и Ликофрон, свидетельствуют о бесконечных обязательствах потомков перед благородным учреждением, созданным Птолемеем Филадельфом в устье Нила. Из такого источника черпалось вдохновение арабского интеллектуального прогресса, которое сохранило и приумножило драгоценные литературные сокровища, в которых были воплощены мудрость и достижения древности. Однако этому вдохновению было суждено долго оставаться бездействующим. Печальный период одиннадцати веков фанатизма, свирепости и невежества отделяет Александрийский музей от Кордовского университета.

Непревзойденным возможностям арабского языка в первую очередь был обязан успех тех, кто использовал его во всех областях литературы. Этот богатый и звучный идиом, веками изолированный в Пустыне, был сформирован и усовершенствован без загромождения посторонними влияниями. Особенности его алфавита, бесконечное множество терминов, сложность спряжений и неясность стиля, который его авторы считают совершенством, достойным усердного совершенствования, делают овладение им для человека, не родившегося на этой земле, задачей почти непреодолимой трудности. Совершенство его грамматики и элегантность построения предполагают многовековое использование и обширную литературную практику для их создания. Каждое племя внесло свой вклад в его обширный словарный запас. Количество синонимов, с помощью которых обозначаются предметы повседневного употребления, огромно. В нем содержится восемьдесят названий меда, двести - змеи, пятьсот - льва, тысяча - меча. Он оказал заметное и постоянное влияние на идиомы и литературу Европы. Многие из наших самых знакомых английских терминов дошли до нас из него без изменений. Французский изобилует словами и выражениями, заимствованными из того же источника. Испанский называют искаженным арабским диалектом, и его богатство пословицами связано с использованием этого языка на полуострове в течение девяти столетий. Влияние сицилийских мусульман на итальянский язык очень очевидно. Романскими языками были в основном арабский и иврит. Это изобилие дало поэту огромное преимущество в реализации своих талантов. Периодические литературные собрания, популярные в Аравии, улучшили дикцию участников и внесли большой вклад в приукрашивание языка, на котором были написаны их стихи. Способность к стихосложению была настолько распространена, что

владение ею не считалось достижением, за исключением тех случаев, когда она давала результаты, свидетельствующие о необычных способностях. В арабском языке так много слов имеют схожее окончание, что в стихотворениях значительной длины одна и та же рифма попеременно используется от начала до конца. Мастерство импровизации, столь высоко ценимое маврами, было скорее механическим, чем результатом поэтического вдохновения, и ему в огромной степени способствовало обилие терминов в распоряжении поэта, чей ум был приучен к этому умственному упражнению с детства. Арабское стихосложение легко приспосабливается к любому количеству и вариациям чисел, требуемым практикой искусства поэтического сочинения. Оно щедро использует метафоры, сравнения, антитезы. По эlegantности стиля, яркости выражения и богатству фантазии он представляет собой образцы, не уступающие лучшим образцам классической древности. Его характерная экстравагантность была результатом национального вкуса, вкуса, часто извращенного страстью ко всему странному и сверхъестественному. Он наслаждается представлением абстракций как материальных существ; он дарует жизнь и речь зефиру и розе. Игра слов, которой он изобилует, сложные и причудливые замыслы, зависящие от произношения, и фразы, имеющие различное значение, хотя они и могут затемнять дикцию, никогда не нарушают гармонии. Живость арабской поэзии - одно из ее величайших очарования. Его образы рождены пламенным воображением Востока; его мастерство в описании человеческих страстей - плод столетий изучения, размышлений и ревнивого соперничества. Совершенное знакомство с поэзией доисламских бедуинов, которую каждое поколение их потомков считало образцом для подражания, считалось необходимым качеством каждого хорошо информированного ученого. Мощное влияние поэтического гения произвело на арабов такое глубокое впечатление, что они отвели ему место среди каббалы магической науки. Рифмы использовались при самых торжественных обсуждениях. Удачно произнесенный импровизированный куплет часто был самой верной рекомендацией в пользу принца. Поэтическое чувство было настолько существенной характеристикой арабского интеллекта, что даже серьезные метафизические и исторические трактаты носили самые романтические и причудливые названия.

При мусульманских династиях Испании остроумие и мастерство преуспевающего поэта пользовались высочайшим уважением. Было метко замечено, что поэзия была центральным моментом, вокруг которого вращалась интеллектуальная жизнь андалузских мавров. Его влияние на захватчиков скорее усилилось, чем уменьшилось, благодаря перенесению лирики и сатиры Пустыни на почву Южной Европы. Универсальность его выращивания, а также почести и вознаграждения, которыми была вознаграждена популярность, расширили его производство до огромных объемов. В конце правления Аль-Хакема II потребовались сотни рукописей для составления каталогов поэтических произведений, которыми были заполнены полки императорских библиотек. Стихи использовались как в самых важных, так и в самых незначительных жизненных делах, при поздравлении членов королевской семьи, при праздновании триумфов, в дружеском общении соседей и друзей, в легкомыслии и сплетнях сераля. Его власть над природой чувствительного и импульсивного азиата неизмерима. Это уменьшало агонию страдающих. Это ускоряло излечение выздоравливающих. Его голос приносил временное забвение в темницу пленника, его картины рая освещали темный путь к могиле. Рифмованная проза использовалась в частной переписке всеми лицами, претендовавшими на хорошее воспитание. Испано-арабские истории полны стихов. Они часто использовались для смягчения остроты научных работ, авторы которых были одинаково известны как философы и как поэты. Дипломаты вставляли в свои государственные документы

двустопишия и строфы, более или менее достойные внимания. Паспорт, выданный великому ученому Ибн-Халдуну Мухаммедом V, королем Гранады, был написан в рифму.

В классификации сюжетов любовные стихи, как и во всех странах, признающих силу лирической музыки, претендуют на приоритет. Очевидно, несправедливо судить об испано-арабской поэзии по общепринятым правилам современной критики. Совершенно иные условия жизни общества, воспитание аудитории, чьи представления о литературном совершенстве и правильности выражения сильно расходились с нашими; сравнения, ныне неясные, но тогда полные смысла для ценящего слушателя, идиомы богатого и чрезвычайно сложного языка, которые не до конца поняты самыми опытными учеными наших дней, незнание физического окружения автора, расстояния и превратности девяти столетий - все это делает формирование точного и беспристрастного мнения о достоинствах арабской поэзии трудной, фактически почти безнадежной задачей.

Высокое положение, занимаемое женщинами при арабском господстве в Испании, придавало им влияние и придавало им значение, ранее неизвестное в мусульманском мире. Это своеобразное социальное положение имело тенденцию сдерживать чувственные инстинкты барда, еще не полностью освободившегося от грубых традиций Пустыни, и в то же время поощряло развитие щедрых и возвышенных чувств. Восхищение качествами и достижениями ума постепенно вытеснило гиперболическое восхваление телесного совершенства, которое до сих пор преобладало в произведениях арабского поэта. Стихи более поздней эпохи халифата намекают на совершенства и грацию пола с точки зрения чести и почитания, достойного благороднейшего рыцарского паладина. Это восхищение было усилено выдающимся положением, которого достигли многие женщины в литературной профессии. Родственницы халифов и придворные соперничали друг с другом в покровительстве и распространении писем. Айша, дочь принца Ахмеда, преуспевала в рифмах и ораторском искусстве; ее речи вызвали бурный энтузиазм серьезных философов Кордовы; ее библиотека была одной из лучших и наиболее полных в королевстве. Валада, принцесса Альмохадов, чье личное обаяние не уступало ее талантам, была известна своим знанием поэзии и риторики; ее речь отличалась глубиной и блеском; и на академических состязаниях в столице, которые привлекали ученых и красноречивых со всех концов полуострова, ей никогда не удавалось, будь то в прозе или в поэтическом сочинении, вывести из себя всех соперников. Альгасания и Сафия, обе из Севильи, также отличались поэтическим и ораторским гением; последняя была непревзойденной по красоте и совершенству своей каллиграфии; великолепные иллюстрации к ее рукописям приводили в отчаяние самых выдающихся художников того времени. Литературные достижения Мириам, одаренной дочери Аль-Файзули, были известны на всем полуострове; говорили, что едкому остроумию и сатире ее эпиграмм не было равных. Умм-аль-Саад была известна своим знакомством с мусульманскими традициями. Лабана из Кордовы была досконально сведуща в точных науках; ее таланты были равны решению самых сложных геометрических и алгебраических задач, а обширное знакомство с общей литературой обеспечило ей важную должность личного секретаря халифа Аль-Хакема II. Унаследованный талант к поэтическому сочинительству в сочетании с постоянным знакомством с его упражнениями, склонность к раннему образованию, влияние интеллектуальных ассоциаций и примера, высокая оценка мастерства в нем, необычайная легкость, предоставляемая арабским языком для формирования рифмы, врожденная склонность азиатов к использованию эпиграмм, гипербол и аллегорий, вызвали к жизни расу юных поэтов, количество и способности которых кажутся в наш практичный и лишенный воображения век совершенно невероятными. В

готовности к импровизации и быстроте остроумия эти юные рифмоплеты проявили таланты, которых едва ли можно было ожидать от самого не по годам развитого интеллекта. Некоторые из дошедших до нас рифмованных двустиший, сочиненных детьми Мавританской Испании, по правильности выражения и возвышенности чувств, по меткости сравнения и элегантности стиля не уступают классическим произведениям зрелого образования.

Вкус к искусству импровизированного сочинения и наслаждение имелись не только у выдающихся и образованных людей; им занимались все классы, и говорили, что в одном только округе Силвеш едва ли можно было встретить рабочего, который не мог бы с легкостью импровизировать похвальные стихи. Были опубликованы тома, посвященные жизни и творчеству принцев и благородных поэтов Андалусии; дворцы королевской семьи и особняки великих людей буквально кишели гениальными людьми и поэтами, жадными до богатства и жаждущими славы. Древние и почитаемые модели Пустыни никогда не упускались из виду в постановках мусульманской Европы. Их поразительные особенности, их возвышенные чувства, их туманные метафоры, их экстравагантные панегирики, их фантастические образы считались достоинствами, которые, хотя и могли провоцировать, никогда не поддавались подражанию. Однако в Андалусии расширенные и гуманизирующие идеи развитой цивилизации, неуклонное продвижение материального и интеллектуального совершенствования, знакомство с литературными шедеврами древности и общение с иностранными народами в некоторой степени изменили характер тем, которые рассматривал мавританский поэт, хотя его стиль остался прежним. Сравнения, выведенные из кочевой жизни бедуинов — жизни, оставленной столетия назад ради монотонных занятий торговлей и сельским хозяйством, — тем не менее, в условиях, несовместимых с существованием хищнических привычек, и бок о бок с межплеменной ненавистью, интенсивность которой никогда не уменьшалась, сохраняли свое повсеместное влияние. Искусность в метрическом искусстве; дар комбинировать бесконечные ресурсы арабской идиомы в сложных фразах и рифмах, которые только энтузиазм и проникательность просвещенных могли понять и разгадать; введение таинственных аллегорий, отдаленных и неясных аналогий, смелых и поразительных антитез, — таковы были искусственные достоинства испано-арабской поэзии. Совершенное понимание его произведений подразумевает знакомство с языком, практически недоступным иностранцу. Первоначальная форма семитской поэзии, будь то иврит или арабский, была импровизаторской; она была вдохновлена мимолетными событиями; она была веселой или жалобной, дидактической или сатирической, но никогда не была торжественной и величественно-впечатляющей, подобной возвышенным полетам греческой музыки. Арабскому поэту не хватало драматических способностей. Его разносторонность, замечательная в других местах, была недостаточна для создания эпоса. Его невежество было настолько глубоким, что он даже не мог дать правильного определения трагедии или комедии. Величайшим ученым мусульманской Испании, людям, знавшим Аристотеля наизусть и способным мгновенно решать сложнейшие уравнения Конона и Евклида, были неизвестны труды Софокла, Эсхила и Еврипида. Таким образом, ментальный склад араба не был приспособлен к созданию пьес - формы литературы, которая также не поощрялась его традициями; в то время как его предрассудки запрещали изучение классических образцов, которые его религия клеймила как идолопоклоннические и непристойные. Поэтическое повествование не было ему незнакомо, но пространная историческая или аллегорическая композиция, написанная либо чистым стихом, либо в рифму, требующая постоянного и затяжного действия, была ему противна и превышала его возможности.

В то время как любовные песенки были любимыми произведениями испано-арабов, воинственная лирика о битвах и триумфах, сонеты, изображающие наслаждение вином с более чем римской свободой, и скорбные элегии, навеянные событиями приходящей в упадок империи, потребовали значительной доли усилий его поэтического гения. Среди бесчисленного множества поэтов, чьи произведения украсили мавританское господство в Испании, трудно выделить нескольких, обладающих высшими достоинствами; и все же следующие могут быть названы мастерами этого искусства, обладание которыми было в равной степени пропуском к политическому возвышению и народному почитанию. Ибн-Хасан, Ибн-Зейдун из Кордовы, Аббас-Ибн-Анаф были известны сладостью и красотой своих любовных песен; воинственные напевы Ибн-Шафадши из Валенсии, распеваемые мусульманами на передовой, помогли переломить ход многих сомнительных дней; вакхические стихи Ибн-Саида из Севильи вызывали восторг в развращенной и сладострастной андалузской столице, их даже распевали дети на улицах; увлеченные сатиры Ибн-Аммара из Сильвеша, печальные воспоминания о юности которого, проведенной в нищете, придавали горечи его произведениям, даже когда он благодаря своим талантам достиг высших постов в королевстве, не щадили ни принца, ни придворного в своем неразборчивом и игривом остроумии; Абуль—Бека из Ронды, Ибн—аль-Лебберн из Мурвиедро и Ибн-аль-Хатиб из Гранады языком невыразимой красоты и пафоса описывали национальные бедствия, причиняемые христианским господством., - распад империи, осквернение святилища, распад семей, изгнание побежденных, ужасы рабства.

Обычные тексты песен испанских мусульман были технически известны как касида и Газаль, и в составе обоих текстов рифмовались только альтернативные стихи. Сонеты Петрарки написаны по образцу этого своеобразного метода стихосложения, или, скорее, по образцу его имитаций, распространенных среди бродячих поэтов Южной Европы. Именно благодаря примеру мавританского королевства Сицилия основоположникам итальянской средневековой литературы был передан интеллектуальный импульс. Мусульманские принцы, правившие этим плодородным островом, были щедрыми и восторженными покровителями литературы. Норманны, чей просвещенный дух сохранил с небольшими изменениями законы и обычаи цивилизации, преимущества которой были столь очевидны, с особой благосклонностью поощряли труды арабской музыки. Сочинения сицилийских поэтов воплощали принципы и руководствовались канонами, идентичными тем, что были в моде за пределами Пиренеев. В стране, изобилующей классическими ассоциациями, на сцене военных и морских событий, от исхода которых зависела судьба империй; чьи поразительные природные особенности породили самые очаровательные вымыслы, украшающие произведения античности, и где архитектурные памятники греческой элегантности и величия напоминают о великолепии прошлых эпох; араб, окутанный исключительностью своей собственной личности, скованный влиянием унаследованных традиций, никогда не сходил с проторенной дороги своих предков. Физическое окружение, необычайно сильно влиявшее на формирование вкуса, изменение национального импульса и индивидуальных особенностей, не оказало видимого влияния на психическое строение мавританского поэта. Все остальное — физиологические особенности, общая тенденция мышления, природа объектов интеллектуального исследования, мнения о пользе, которую можно получить от занятий наукой, занятия повседневной жизни — претерпело радикальные изменения, но методы поэта оставались до последнего неизменными. О стойкости этого духа неподвижности далее свидетельствуют популярные баллады о

завоевателях, которым мусульмане завещали его. Поразительное сходство песен трубадуров с песнями арабов ясно указывает на источник, из которого первые черпали вдохновение. Другие обстоятельства, основанные на национальных обычаях, во многом подтверждают это мнение. Мусульманский полуостров изобилует странствующими рифмоплетами и сочинителями сонетов. Они путешествовали от особняка к особняку, везде их встречали с радостью и гостеприимством. Они сопровождали особу принца. Они составляли неотъемлемую часть свиты каждого знатного дома. Их стихи обычно были импровизациями, навеянными событиями текущего момента или предложениями местности. Их компенсация была безвозмездной и полностью зависела от каприза покровителя или щедрости слушателей. Привилегированный характер их профессии позволял им использовать смелость речи и свободу критики, на которые обычный человек не осмелился бы прибегнуть. В их черед часто следовал рассказчик, прототип жонглера, прямой потомок которого до сих пор забавляет своим грубым шутовством праздные толпы Танжера и Каира.

Изящная учтивость и почтение к полу, которые были неперенными атрибутами каждого галантного кавалера, короче говоря, сам гений рыцарства, зародились среди испанских мусульман. Женщины христианской Европы — за исключением стран, находящихся под влиянием мусульманской культуры, — с десятого по пятнадцатый век не пользовались таким общественным уважением и не имели таких образовательных преимуществ, как их неверные сестры с полуострова. На Юге Франции и Италии дух терпимости, воспитанный легкой и приятной литературой, наделил женщину выдающимся, даже деспотическим авторитетом. В других местах все было совсем по-другому. Осужденная на невыразимые лишения; униженная грубыми связями; если она высокого ранга, то всего лишь игрушка в руках деспотичного хозяина; если она родилась в низшем положении, ее приравнивают к вьючным животным; в любой жизненной ситуации ее держали в невежестве; подверженная оскорблениям, угнетению, всем страданиям, связанным с состоянием унижительной зависимости, мало отличающимся от рабства, — таков был удел женщины в ортодоксальном христианском мире. Это состояние моральной и физической деградации долгое время преобладало, за исключением тех случаев, когда тесный контакт с арабской цивилизацией приводил к существенному и постоянному улучшению социальных и интеллектуальных условий. Самым важным фактором этой метаморфозы была поэзия, выразителем которой был трубадур. Это беспорядочное призвание привлекало своих членов из всех слоев общества: сюда входили монархи, принцессы, дворяне, крестьяне, нищие. Поскольку инстинкт рифмоплета не является врожденным и почти повсеместен как в Европе, так и в Азии, зачастую неграмотный трубадур пользовался большим уважением в Лангедоке и Калабрии, чем странствующий поэт среди гиперкритичных литературных дилетантов Севильи и Гранады.

В дополнение к предположению, основанному на сходстве тематики, стиля и размера, тот факт, что только страны, соседствующие с мавританской цивилизацией или находящиеся под ее непосредственным влиянием, в средние века развили вкус к поэзии, сходный с арабским, является убедительным доказательством того, что наука *гау*, как называлось искусство импровизации стихов, имела арабское происхождение. Естественным пристанищем трубадура был романтический полутропический регион, омываемый волнами северо-западного Средиземноморья. Гений его поэзии — пылкий, экстравагантный, сладострастный — не имел ничего общего с холодным и вялым духом Севера. Франция и Италия были единственными европейскими странами, чьи границы совпадали с границами мусульман. В обеих странах впервые после столетий тьмы началось возрождение науки. Франция была обителью гугенотов

и камизаров, родиной Генриха IV. и Колиньи; место Великого раскола, расколовшего Церковь надвое; выгодный плацдарм философов, ускоривших ужасную борьбу за гражданскую и религиозную свободу в восемнадцатом веке. Италия была страной Галилея, Бруно, Савонаролы, Медичи; родиной флорентийских академиков, чьи труды и эксперименты так много сделали для развития науки; ареной самой широкой реакции против средневекового невежества — движения, начавшегося в непосредственной близости от Рима вопреки яростному протесту Папского престола. Величайшие имена итальянской литературы незаметно признали свои обязательства перед арабской поэзией, переняв стиль и ритм ее европейских подражателей, трубадуров. Сам несравненный Данте не брезговал следовать его правилам и ратовал за их соблюдение. Канцони Петрарки имеют бесчисленное сходство с произведениями мусульманской Сицилии. Ариосто в большом долгу перед Эльмасином. В мелодичных и очаровательных песнях Лоренцо видны те же источники вдохновения и используется та же рифма. В Англии Кентерберийские рассказы Чосера безошибочно соотносятся по форме и размеру со средневековыми произведениями Южной Франции. Это мощное и всепроникающее влияние не ограничивалось поэзией. Рассказы Боккаччо имеют восточный оттенок. Сама манера их изложения напоминает обычаи пустыни. Это воспоминания о популярном призвании провансальского жонглера и арабского рассказчика. По вольности их выражений, по остроумию их реплик, по забавному характеру событий, которые они описывают, их можно отнести к реалистичным экранизациям "Тысячи и одной ночи". Покровительство и пример императора Фридриха II перенесли развитие литературы за пределы Альп, а вместе с ним и традиции сицилийской цивилизации. От этого литературного переселения произошли миннезингеры, немецкие аналоги трубадуров, чьи элегантные стихи разумно смягчили врожденную грубость тевтонского характера и привнесли дух утонченности, приятно контрастирующий с пьяными оргиями банкетов и фестивалей. Два их главных произведения, "Миннесонга" и "Миннелай", были образцами элегантности дикции, красоты чувства и совершенства рифмы. На протяжении более чем столетия они были предметом восхищения всех классов немецкого общества, и до эпохи Гете и Шиллера им не удавалось создать ни одного произведения равного достоинства. Под влиянием императора в Германию также был привнесен дух исследования, основа всякого истинного знания, а также философские и неортодоксальные идеи, которых придерживались образованные мусульмане его сицилийских владений. Конечным результатом воздействия этой просвещенной политики на национальное сознание, незаметного в то время, но усиливающегося с течением веков, стал вызывающий курс Лютера, который установил право частного толкования Священного Писания и потряс основы папского престола. Тот факт, что эти три страны, которые единственные подверглись непосредственному воздействию духа арабской учености и примера мавританской цивилизации, были ареной возрождения письменности, когда остальной христианский мир был погружен в глубочайшее невежество, имеет глубокое значение для выяснения причин, которые, способствуя интеллектуальному развитию Европы, достигли кульминации в великих научных достижениях современности.

В Мавританской Испании большое внимание уделялось изучению родственных предметов - теологии и права. Комментарии к обрядам различных сект, на которые разделен ислам; систематизация и обзор огромного массива традиций, которые стремятся разъяснить или подтвердить двусмысленные тексты Корана; сборники решений, авторитет которых считается безупречным, образуют колоссальный объем литературы, примечательный главным образом терпением, ученостью и трудом, обязательно затраченным на его составление. Муфтии

и факи были авторитетами, в обязанности которых входило разъяснять запутанные вопросы мусульманской юриспруденции. В системе последнего, системе, в целом замечательной своей простотой и эффективностью, Коран был руководством для каждого магистрата. Правила были дополнены предписаниями и предложениями Сунны, совокупности традиций, почерпнутых из более или менее авторитетных источников и передаваемых из поколения в поколение. Противоречивое толкование древних обычаев, освященных предписаниями, и оспариваемая подлинность многих из них породили множество сект, чьи ожесточенные споры часто заканчивались кровопролитием. В мусульманской судебной системе суверен был единственным источником правосудия. Наследник патриархальных обычаев Востока, он часто заседал в суде у ворот своего дворца, выслушивал жалобы своих подданных, улаживал их ссоры, порицал их ошибки, осуждал их вражду и решал по существу все споры между достойными сторонами в судебном процессе. Под его началом находился кади, на которого была возложена гражданская и уголовная юрисдикция, чьи решения выносились и чьи приговоры — от бичевания и жестоких увечий, предписанных законом, до высшей меры наказания в виде обезглавливания — приводились в исполнение с безжалостной быстротой, мало соответствующей современным представлениям об уголовном судопроизводстве. При этих дворах не было возможности для ораторского искусства; обычаи не поощряли подобных проявлений; а арабское красноречие, в отличие от красноречия других народов, было наиболее кратким и лаконичным. Доктора права и комментаторы Корана пользовались большим уважением, чем любой другой класс мусульманских литераторов. Их занятие наделяло их определенной долей почтения, которым пользовались работы, которым были посвящены их труды; оно предполагало обладание высшими знаниями, возможно, вдохновением; обычно они были личностями почтенной внешности и безукоризненного характера; и от их мнений, провозглашаемых со всем авторитетом возраста, мудрости и опыта, зависело отправление правосудия и сохранение порядка на огромной территории империи.

Обширный и разносторонний характер произведений арабов - одно из чудес литературы. Это необычайное плодородие достигло в Испании большего развития, чем в любой другой части мусульманской империи. Аль-Модхаффер, король Бадахоса, написал пятьдесят томов; Ибн-Хайян - шестьдесят; Хонейн - сто; Абдаллатиф и Ахмед-Ибн-Ибан - столько же; Ибн-аль-Хайтам - двести; Абу-Мухаммед-Ибн-Хан - четыреста; Ибн-Хабиб-ас-Солами и Абу-Мерван-Абд-аль-Мелик - по тысяче каждый.

В области истории и биографии гений испаноараба был наиболее плодовитым. Рассматриваемые темы очень разнообразны и обычно раскрываются в огромном количестве книг. Какой бы утомительной и малопонятной ни была большая часть их повествования, скрупулезность деталей и необычайная верность истине делают сохранившиеся сборники, которые, какими бы обширными они ни были, составляют лишь фрагмент некогда существовавшей исторической литературы, бесценными для изучающего. Биографический словарь Хаджи Халфы содержит упоминания о двадцати тысячах произведений, из которых тысяча двести являются историческими. Арабские критические, богословские и географические циклопедии были едва ли менее объемными.

План этой работы предполагает не более чем мимолетный намек на основных авторов-историков, чьи знания и таланты были заметны во времена мавританского господства в Испании. Среди них можно упомянуть Ибн-аль-Афттаса, принца Бадахоса, составившего ценный трактат о политических и литературных событиях полуострова; Ибн-Ахмеда аль-

Толейтоли из Толедо, написавшего Всеобщую историю народов; Аль-Хазраджи из Кордовы, которому приписывается История халифов; Аль-Газзали и Аль-Хиджари, опубликовавших, один - историю рифм, другой - топографическое описание Андалусии; Ибн-Башкувала из Кордовы и Мухаммед Аль-Зулуид, известный своими биографическими словарями; Ибн-аль-Хатиб из Гранады, чья изумительная эрудиция проявилась в величайшем из его произведений "Универсальная библиотека", огромном собрании литературных и исторических фактов, доступных в его время. Рассуждения на общие темы, однако, не были любимым занятием мавританских авторов; их тонкий ум предпочитал повествование о важных событиях, прослеживание отдаленных причин, решение неясных исторических проблем. В рассмотрении специальных вопросов они проявляли удивительную, часто утомительную растянность. Каждый халиф и принц принимал при своем дворе историка, которому было поручено описать основные события его правления. В каждом городе был свой летописец, в каждой провинции - свой хронист. Не было ни искусства, ни науки, ни профессии, ни призвания, происхождение и влияние которых не были бы описаны каким-нибудь выдающимся писателем и не перечислили бы его выдающихся учителей. Мухаммед Абу-Абдаллах из Гранады составил исторический словарь наук; Аль-Аскакеру приписывают любопытную и поучительную историю изобретателей. Даже животным, известным своими превосходными качествами, было отведено почетное место в биографических произведениях испанских мусульман. Абу-аль-Мондер из Валенсии и Ибн-Заид аль-Араби из Кордовы сочинили мемуары, в которых рассказывается о генеалогии, выносливости, скорости и красоте некоторых лошадей, выделяющихся на скачках, вошедших в поговорку своим совершенством. Абд-аль-Малик написал рассказ о знаменитых верблюдах. Названия, данные книгам, даже серьезными и набожными, отражают причудливые и образные образы Востока и наводят на мысль о самых драгоценных предметах, которыми восхищается и к которым стремится человек, таких как "Шелковый жилет", "Нити жемчуга", "Звенья из драгоценных камней", "Золотые прерии". С глубокой древности были приняты подобные названия, поскольку, как уже отмечалось, самые ранние арабские поэмы, "Моаллакат", получили свое собирательное название не потому, что были подвешены в Каабе Мекки, а из-за их образного сходства с подвесками ожерелья.

Арабский язык, который мусульмане считают самым совершенным из всех идиом, привлек большое внимание грамматистов. Их работы по этому предмету бесконечны, исчерпывающи, сбивают с толку. В одном трактате, состоящем из ста частей, говорится исключительно о полах. Знание этого персонажа ценилось выше всего. Абу-Галиб из Мурсии отказался от тысячи золотых динаров от султана этого королевства, который просил в качестве чести посвятить ему труд по грамматике, составленный этим знаменитым ученым, чьи труды были посвящены наставлению народа, а не льстецам власти. Европейские мусульмане очень подробно рассматривали естественную историю, хронологию, нумизматику. Зверинцы и вольеры, которые содержались в главных городах, давали необычайные преимущества изучающему зоологию. Хронологические вычисления были основаны на выводах Александрийского музея. Мавританские ученые Испании и Сицилии внесли неоценимый вклад в общий запас географических знаний. Произведенное ими измерение степени очень близко к тому, которое принято современной наукой. Абульфедя перечисляет шестьдесят арабских географов, живших до тринадцатого века. Многие из их карт были настоящими произведениями искусства, на которых на шелковой основе золотом и серебром были вышиты рельефно изображенные континенты, горы, озера и ручьи. Их исследованиям помогали исторические памятники древности, рассказы купцов и мореплавателей, а также отчеты путешественников,

отправленных их суверенами для сбора информации в самые отдаленные уголки земли. Ибн-Хамид проник в самые труднодоступные районы Центральной Азии. Ибн-Джобайр посетил и описал Сицилию и страны Востока. Путешествия Ибн-Батутаха продолжались двадцать четыре года. Обейд аль-Бекри из Онобы был автором географического словаря, в котором было описано огромное количество городов, княжеств и королевств. Репутация всех средневековых географов, какими бы выдающимися они ни были, была омрачена славой великого Эдриси. Уроженец Малаги, королевской крови и прямой потомок Мухаммеда, он объединил с гордостью за свое происхождение и преимуществами фортуны всю ученость и все достижения, которые можно приобрести в просвещенный век. Его родство с Пророком придавало ему достоинство и значимость, не имеющую себе равных в глазах каждого правоверного мусульманина. Его образование в Кордове было лучшим, что могла позволить себе древняя столица халифов, все еще являющаяся интеллектуальным центром мира. Его ум, усовершенствованный путешествиями, был знаком со многими странами, физические особенности которых он впоследствии изобразил с таким мастерством. Приглашенный в Палермо Рожером, королем Сицилии, он быстро занял высокое положение среди ученых при этом блестящем дворе. География, которую он составил, частично на основе своих собственных сведений, частично на основе данных, предоставленных королем, который давно изучал эту науку, представляла собой труд пятнадцати лет. По яркости описания, точности деталей, правильной оценке расстояний это одно из самых замечательных литературных произведений средневековья. Незавершенный труд Птолемея на протяжении веков был признанным, по сути, единственным авторитетом. Конфигурация земной поверхности, ее климат, расположение континентов и морей, городов и империй были фактами, малоизвестными даже людям с самым высоким образованием. В христианских странах Церковь усердно препятствовала любым подобным исследованиям, поскольку они противоречили откровению Священного Писания. Географические труды уже появлялись на арабском языке, но они были крайне неточными и в значительной степени основывались на баснях, романах и традициях. Сборник Эдриси знаменует собой эпоху в истории науки. Мало того, что его исторические сведения наиболее интересны и ценны, но и его описания многих частей земли по-прежнему пользуются авторитетом. В течение трех столетий географы копировали его карты без изменений. Относительное положение озер, образующих Нил, описанное в его работе, не сильно отличается от того, которое установили Бейкер и Стэнли более семисот лет спустя, и их количество то же самое. Механический гений автора не уступал его эрудиции. Небесная и земная планисфера из серебра, которую он соорудил для своего царственного покровителя, была почти шести футов в диаметре и весила четыреста пятьдесят фунтов; на одной стороне были выгравированы зодиак и созвездия, на другой — разделенные для удобства на сегменты - тела суши и воды, с соответствующим расположением различных стран. В награду за свое мастерство Эдриси получил от короля Рожера остаток драгоценного материала, составляющий две трети, сто тысяч серебряных монет и корабль, груженный ценными товарами. Такова была щедрость, с которой сын нормандского флибустьера, воспитанный на оружии и грабежах и не знающий грамоты, вознаграждал гений ученого, раса которого была заклеимена всеми христианскими державами Европы как варварская и неверная.

В философских занятиях араб-европеец проявлял тот же любознательный дух, который характеризовал его исследования природных явлений. Многочисленность сект, на которые была разделена религия Мухаммеда, и непрекращающиеся религиозные споры, возникшие из-за спорных текстов Корана и противоречивых толкований сомнительных традиций, не

благоприятствовали ни прозелитизму, ни поддержанию ортодоксальности. Умусульман были свои номиналисты и свои реалисты, свои мистики и свои эпикурейцы. Они понимали эзотерические доктрины самых известных школ древности. Они читали и комментировали Пифагора, Гераклита, Сократа, Эмпедокла, Платона. Они были знакомы с атомной теорией Демокрита. Они признавали аргументативные способности стоиков. С произведениями Александрийской школы— через посредство которой они получили свои знания о догматах Портика и Академии, они были хорошо знакомы. Длительное и внимательное рассмотрение этих пустых и бесполезных мнений, однако, не понравилось изобретательному и практичному уму араба. Он не предавался абстрактным рассуждениям о происхождении, природе и предназначении человека. Он не терял времени даром в попытках решить щекотливый и легкомысленный вопрос о высшем благе. Он с безграничной благосклонностью относился к трудам Аристотеля, и этому пристрастию суждено было с годами перерасти в неискоренимое восхищение, сродни идолопоклонству. Образованное мавританское население Испании было особенно восприимчиво к влиянию этого мудреца древности. Доктрины Аль-Газзали из Багдада, жившего в одиннадцатом веке, также получили всеобщее признание. Его учение предполагало абсолютное отделение философии от суеверий. Он верил в более высокую сферу, чем сфера человеческого разума, где проявлялось проявление Божественной Сущности, пронизывающей все пространство, всю материю, - форма индийского пантеизма.

Полуостров на протяжении веков переживал господство различных рас людей, последовательное преобладание и упадок многих форм религиозных верований. Передача национальных особенностей; сохранение различных, часто враждебных, политических и социальных мнений; сопоставление ряда вероучений, каждое из которых претендовало на божественное происхождение и богодухновенность, но каждое, в свою очередь, вытеснялось более могущественным противником, расположили умы людей к исследованию и рассуждению. Однако такое настроение преобладало только среди интеллектуалов. Ни в одном классе фанатиков нетерпимость не проявлялась с большей силой, чем среди ортодоксальных масс мусульманской Испании. Их антипатия ко всем, кто ставил под сомнение откровение Корана или подлинность общепринятой традиции, была непримиримой. В беспричинной ярости, порожденной предрассудками, они забыли о чудесах цивилизации, которая их окружала; о поощрении, которое их величайшие правители оказывали учености; о заявлении Пророка о том, что первое, что создал Бог, был Разум. В то время как они любили материальную пышность, которая тонко маскировала формы деспотизма, в то время как они пресмыкались перед гордостью своим положением и богатством, они находили невыносимым тихое и непритязательное превосходство, проистекающее из высшей мудрости и глубокого знакомства с литературой. Эти узкие идеи, столь пагубные для умственного развития, усердно поощрялись докторами права, которые усмотрели в повсеместном распространении философских мнений серьезную угрозу их важности и достоинству. Натурфилософия была предметом их особого отвращения. Система, которая претендовала на объяснение знакомых явлений, ежедневно проявляющихся на земле и на небесах, действием естественных причин и неумолимой необходимости и которая абсолютно обходилась без божественного откровения, вполне могла пробудить подозрительность и тревогу класса, чьи мирские интересы полностью зависели от подавления знаний и поддержания ортодоксальности. Население, как обычно, встало на сторону своих учителей. В результате философ вызывал отвращение, часто ужас, у добросовестных мусульман. В глазах иррационального фанатика занятие наукой было определенным признаком сделки с дьяволом. Никакое звание, каким бы высоким оно ни было,

не служило доказательством против этого отвратительного обвинения. Величайшие из халифов Оммеядов и Аббасидов, чьим высшим достижением к славе было поощрение письмами, были заклеены как волшебники. Только объединение сил Церкви и государства в одном человеке, а также количество и важность институтов для распространения знаний предотвратили исчезновение образования в результате народного насилия. Большинство испано-арабских принцев были людьми необычных интеллектуальных достижений — историками, поэтами, химиками, философами. Покровительство, которое они оказывали науке, оказывало сдерживающее воздействие на тех, кто жаждал восстановления чистоты доктрины, которая исчезла, как это неизменно происходит, перед поступательным движением цивилизации. Подражая примерам халифов, губернаторы провинций соперничали со своими царственными хозяевами в распространении знаний. Они основали школы и академии. Они предлагали призы за новые и полезные открытия. По их приглашению крупнейшие ученые в пределах их юрисдикции собирались раз в год в резиденции правительства для публичного обсуждения вопросов, представляющих интерес для представителей образованных профессий, или таких, которые можно было бы с помощью практических изобретений использовать на благо общества.

О высокой оценке, которой пользовались письма, свидетельствовали почести, воздаваемые писателям, и уважение, связанное с должностью общественного библиотекаря. В каталогах указывалось не только название произведения, но и имя, происхождение, даты рождения и кончины автора; и нередко к и без того обширному списку прилагались интересные биографические заметки. В провинциях хранение собранных рукописей было доверено знатному вельможе; но в столице забота о великолепной библиотеке Аль-Хакема считалась занятием, достойным самой королевской семьи, и была поручена Абд-аль-Азизу, брату халифа. Общее руководство всеми учебными заведениями осуществлял Аль-Мондир, другой брат Аль-Хакема, который в отсутствие государя руководил конкурсами знаменитого литературного института, в которых демонстрировались таланты и ученость начинающих ученых империи.

Неутомимая энергия арабов исчерпала все источники знаний. Они не только переводили шедевры греческой и римской литературы, но и знакомились с персидскими, халдейскими, древнееврейскими, китайскими, индуистскими и санскритскими произведениями. Хонейн перевел Септуагинту на арабский. Абульфед был первым, кто обратил внимание на так называемые несоответствия Пятикнижия и ярко выраженный материалистический характер, пронизывающий его; на отсутствие в нем связности; на его очевидные однозначности; заявить, что в нем нет упоминания о будущей жизни, о рае или аде, о бессмертии души; и предположить, что его легенды указывают на персидское, а не еврейское происхождение. Аверроэс овладел философскими идеями Индии и принял их; он верил во Вселенский Интеллект; к популярным религиозным выдумкам, пробуждающим надежды и страхи вульгарных людей, он относился с презрением. В не по годам развитый ум великих ученых ислама почти невозможно поверить. Авиценна в шестнадцать лет достиг такого возвышения, что образованные и опытные врачи приезжали из отдаленных стран, чтобы воспользоваться его мудростью; в двадцать два года он был великим визирем. У Абуль-Хаида аль-Исфараини была привычка каждый день читать лекции на новую тему классу из семисот студентов-юристов. Езид Ибн Харун из Багдада знал наизусть тридцать тысяч преданий. Все они были пантеистами или агностиками. В целом

непочтительный дух эпохи раскрывается в эпиграмме Абу-Ала-Темуки: “Мир разделен на два класса людей: одни остроумны и не религиозны, другие религиозны и мало остроумны”.

Обучение, проводимое провинциальными академиями империи и Кордовским университетом — центром интеллектуальной деятельности Европы, — было по сути своей безбожным по характеру и направленности. Влияние этих институтов на общественное сознание было огромным и далеко идущим. Их лекции посещали тысячи студентов. Их профессора были первыми учеными того времени, чей гений и способности не ограничивались обязанностями по их призванию, но которые порой с равной ловкостью и успехом выполняли самые важные судебные и дипломатические функции. Образование было в определенной степени обязательным, и для придания дополнительной силы предписаниям закона была задействована санкция религии, и школа стала незаменимым придатком к мечети. Различные учреждения, относящиеся к академической системе полуострова, кульминацией которой стал Университет, оценивались во многом так же, как и в наше время. В Кордове было восемьсот государственных школ, одинаково посещаемых мусульманами, христианами и евреями, где обучение проводилось с помощью лекций. Природная быстрота, отличавшая интеллектуальные способности араба, и его феноменально цепкая память позволили ему достичь результатов, имеющих неисчислимое значение для развития его цивилизации. Этому удивительному прогрессу способствовали все стимулы, которые могли пробудить энергию честолюбивых или алчных людей, — ожидаемая благосклонность монарха, перспектива высоких и почетных почестей, уверенность в великолепных наградах, надежда на социальное отличие, честолюбивое стремление к литературной славе. В пределах империи не было ни одной деревни, где дети самых неимущих крестьян не могли бы воспользоваться благами образования, а университеты Гранады, Севильи и Кордовы пользовались высочайшей оценкой ученых Азии, Африки и Европы. На различных факультетах этих великих учебных заведений преподавались, помимо доктрин Корана и принципов мусульманского права, классические произведения, точные науки, медицина, музыка, поэзия и изобразительное искусство. В руководстве академий и колледжей исповедание ислама не считалось необходимой предпосылкой либерального и просвещенного общественного мнения; научные познания и преданность учебе были общепринятыми критериями пригодности для направления молодежи; и как евреи, так и христиане достигли признанных успехов в качестве профессоров в большом столичном университете. В девятом веке только на богословском факультете было обучено четыре тысячи студентов, а общее число учащихся в университете достигло почти одиннадцати тысяч. Эти бесценные образовательные привилегии также не ограничивались одним народом или приверженцами одной веры. Двери колледжа были открыты для студентов любой национальности, и андалузский мавр получал зачатки знаний в то же время и на тех же условиях, что и литературные паломники из Малой Азии и Египта, из Германии, Франции и Великобритании. Существует замечательное соответствие между процедурой, установленной этими учреждениями, и методами сегодняшнего дня. У них были свои университетские курсы, свои призы за выдающиеся научные достижения, свои ораторские и поэтические конкурсы, свои начинания, свои степени. На медицинском факультете строгий и длительный экзамен, проводимый самыми выдающимися врачами столицы, требовался от всех кандидатов, желающих заниматься своей профессией, и те, кто не выдерживал испытания, официально объявлялись некомпетентными. Большой и неоценимый вклад в фонд исторической и научной информации внесли члены различных академий и школ. Они написали объемистые трактаты по хирургии и медицине. Они присвоили звездам арабские названия, которые до сих пор

покрывают карту небес. Над высоким постом муэдзина, призывавшего правоверных к молитве, на фоне неба были изображены орудия науки, для использования которых религия не отказывала в укрытии своих храмов, — гномон, астролябия, часы с маятником и армиллярная сфера.

Торговые экспедиции предприимчивого араба задолго до этого познакомили его с относительным расположением, территориями и природными продуктами основных стран земного шара. Но князья Западного халифата, не удовлетворенные случайно полученными результатами, часто отправляли в самые отдаленные регионы опытных ученых с целью внесения нового вклада в искусство, литературу и географию. В результате этих обширных путешествий мавританские учителя не усвоили науку лучше, чем изучение земной поверхности; и ее практическое применение было продемонстрировано посредством точных изображений ее основных особенностей, рельефно вырезанных на медных и серебряных глобусах.

При развитии этих двух наук география рассматривалась как зависимая от истории и часто рассматривалась в связи с ней и в подчиненном качестве. Халдейские пастухи уже на равнинах Малой Азии путем измерения градуса большой окружности определили форму и размеры земли; их наблюдения были подтверждены экспериментами халифа Аль-Мамуна; и эти важные данные были доставлены в Испанию вместе со многими другими сокровищами восточной мудрости. Земля была причудливо разделена на семь зон, или климатических поясов, в соответствии с семью планетами и семью металлами, известными арабам, и это число имело у них, как и у других ветвей семитской расы, особое мистическое значение. Однако у араба изучение земли было скорее топографическим, чем геометрическим; его измерения ограничивались расчетными расстояниями между важными точками; и его цифры были приблизительно рассчитаны в соответствии с распространенным, но ненадежным представлением о продолжительности дневного путешествия, которое обычно составляло двадцать пять миль по суше и сто миль по морю. Географ в своем описании провинций страны уделял много места расположению источников, колодцев и речушек, что имело большее значение для путешественника, чье происхождение прослеживалось в непроходимых и засушливых просторах Аравии, чем даже лесистые берега и спокойные гавани гостеприимного побережья для моряка, потерпевшего кораблекрушение.

Нельзя также исключать библиотеки из этого списка тех факторов прогресса, которые внесли столь значительный вклад в общественное просвещение и формирование национального характера. Не было ни одного важного города, где не было бы хотя бы одной из этих литературных сокровищниц. Их полки были открыты для каждого желающего. Каталоги облегчали изучение коллекций и классификацию различных предметов. Многие тома были украшены иллюстрациями удивительной красоты; наиболее ценные были переплетены в тисненую кожу и благоухающее дерево; некоторые были инкрустированы золотом и серебром. Здесь можно было найти все знания прошлого и все открытия настоящего века — философию Афин, астрономию Вавилона, александрийскую науку, результаты длительных наблюдений и экспериментов на башнях и в лабораториях Кордовы и Севильи. Здесь также были представлены таинственные трактаты индийских преданий, чье происхождение простирается за пределы исторических записей, чьи доктрины, веками излагавшиеся на мертвом языке, прошли через греческие и арабские версии от Инда до Гвадалquivира, и в конечном итоге им было суждено лечь в основу пантеистических идей, популярных среди образованных людей в наши дни. Эти мнения задолго до вторжения Тарика вызвали любопытство и привлекали

внимание прилежных мусульман. Во времена халифата и впоследствии они преподавались в школах полуострова, фигурировали в сложных рассуждениях философов, были предметом научных дискуссий в лицеях и литературных собраниях. Их жизненные принципы были основаны на вечности материи, единстве интеллекта, окончательном поглощении духа индивидуума Душой Мира. Они объясняли последовательность природных явлений законами, вытекающими из неизбежной необходимости. Они отказывались признавать возможность сверхъестественного и отвергали освященную веками и популярную идею о непрекращающемся вмешательстве провидения. Они высмеивали явления ангелов и демонов как фантазии, вызванные доверчивостью и страхами невежественных людей. Догматы и церемониал религии рассматривались как удобные предлоги и аппарат обмана. Происхождение жизни объяснялось развитием зародыша через его скрытую силу. Закон прогрессивной эволюции считался пригодным для универсального применения, поскольку охватывал животные, растительные и даже минеральные формы. Теория лорда Монбоддо, обнародованная в восемнадцатом веке и с такой изобретательностью разработанная Дарвином в наше время, была, очевидно, далека от оригинальности ни в том, ни в другом; ибо мавританские философы много веков назад разъяснили ее ведущие принципы. Таким образом, в конце концов, они даже дошли до того, что включили в его операции все описания материи — ход мыслей, очевидно, подсказанный передовыми индуистскими концепциями и подтверждаемый воображаемой аналогией между превращением металлов и переселением душ, доктринами, также импортированными с крайнего Востока. Эти идеи, столь противоположные догмам религии, долгое время вынашивавшиеся втайне, впервые были публично отстаены Соломоном бен-Габиroleм, еврейским философом из Малаги, в одиннадцатом веке. Мавританская школа рационализма вскоре включала в себя множество выдающихся имен. Развитие умственных способностей человечества было объявлено проявлением непрерывной деятельности всемогущего интеллектуального принципа, который пронизывает всю Природу. Высшей целью человеческого существования было овладение ощущениями более чистыми и благородными частями души.

Исходя из этих общепринятых предположений, мнения многих испано-арабских философов со временем сильно и радикально разошлись. Некоторые, это правда, придерживались перипатетического пантеизма в его целостности. Другие колебались между крайностями мистицизма и материализма. Против всех, без исключения, врачи и население питали смертельную ненависть, влиянию которой не всегда могла противостоять даже королевская милость. Те, кто достиг политического возвышения, были вынуждены оставить свои должности. Многие были изгнаны. Интенсивность народной ненависти вынудила тех, кто все еще продолжал свои исследования, погрузиться в безвестность, иногда в нищету. Сознание ущербного права на корону часто побуждало принца прибегать к неблагородному средству преследования науки ради обретения популярности. Именно таким образом Аль-Мансур, величайший из мавританских завоевателей, сам энтузиаст и адепт тех самых наук, которые, по его словам, осуждал, в качестве политической меры по укреплению своей власти препятствовал развитию литературы и угнетал философию.

Несмотря на чрезвычайные литературные привилегии, имевшиеся в их распоряжении, массы мавританской Испании, в которой в значительной степени преобладало африканское влияние, так и не продвинулись дальше начальной стадии обучения. Верно, что они в какой-то мере

ценили выгоды, вытекающие из применения научных методов в их различных профессиях механического или сельскохозяйственного характера. Но это неохотное признание преимуществ науки не простиралось дальше. Непобедимые предрассудки семитской расы сохранялись за ними на протяжении всех этапов развития их цивилизации. Они никогда не отвергали мнения, порожденные пастырской жизнью, из всех наиболее способствующих увековечиванию невежества. Их антипатия к инновациям превосходила только отвращение, которое они испытывали ко всем, кто ставил под сомнение подлинность их религиозных верований. К греческой философии они относились с нескрываемым отвращением. Для своих соотечественников, посвятивших себя его изучению, они вызвали отвращение даже большее, чем то, с которым они относились к отступничеству.

Самым известным из натурфилософов мусульманской Испании, чьи трансцендентные способности позволили ему считаться образцом для всех, был Ибн-Рошид, широко известный как Аверроэс. Его жизнь охватывала большую часть двенадцатого века; его объемистые труды по теологии, юриспруденции, философии и медицине обозначают важную эпоху в арабской литературе; и его влияние, которое преобладало над влиянием любого писателя его эпохи, пережило свержение его правительства, рассеяние его народа, забвение его языка и многочисленные катастрофы, длившиеся более семисот лет. Его трудолюбие было неутомимым. Говорят, что за большую часть его жизни было всего две ночи, которые он не проводил за учебой, — ночь его женитьбы и ночь смерти его отца. Гениальность, которую он проявлял в других профессиях, была омрачена репутацией, которую он приобрел как философ. Он занимал ответственную должность первого врача эмира Альмохадов Якуба Аль-Мансура Биллаха. Некоторое время он управлял офисом великого кади Кордовы. Его необъятная эрудиция была чудом Европы. Его комментарии к Аристотелю ценились его учениками и почитателями более высоко, чем даже оригиналы, шедевры великого основателя перипатетики. Его популярность у евреев была настолько велика, что рукописей его произведений на иврите больше, чем любой другой книги, за исключением Пятикнижия. Его современники-мусульмане считали, что он заключил договор с сатаной; для христианских теологов его имя всегда было синонимом зла. Смелость его мнений была действительно рассчитана на то, чтобы вызвать церковное негодование. Он старательно внедрял индийскую догму об эманации и Поглощении. Он рассматривал все откровения как обман. Религии он называл удобными инструментами государственного управления, замечательными изобретениями для сохранения порядка и поощрения нравственности. К трем господствовавшим в то время в мире религиям он относился с равным презрением— христианство, которое он объявлял невозможным; иудаизм, который он характеризовал как вероучение, приспособленное только для детей; магометанство как доктрину для свиней. Он позволял себе сарказмы, в высшей степени уничижающие святость Евхаристии. Его популярности среди священнослужителей не способствовало приписываемое ему высказывание: “Тиран - это тот, кто правит для себя, а не для людей, и худшая из тираний - это тирания священника”.

Сила общественного мнения, стимулируемая усилиями ортодоксальных мусульман, навлекла на Аверроэса немилость. Он был лишен должности судьи. У него отняли почетную должность придворного врача. Он был вынужден искать убежища в Африке; его имущество было конфисковано; и в старости и немощи он подвергался оскорблениям фанатичной толпы, которая плевала ему в лицо, когда он беспомощно сидел у дверей мечети в Фесе. С его смертью в 1198 году с полуострова исчезли все внешние следы доктрин, сторонником и представителем которых он был. Потомство, из-за разнообразия и совершенства его интеллектуальных

дарований, степени его эрудиции и смелости, с которой он отстаивал свои мнения, сочло нужным отделить его от других ученых людей его эпохи, его наставников, его сотрудников, его учеников. Однако было много других философов, таких как Соломон бен Габироль, Ибн Баджа, Ибн Тофейль, Ибн Зохр, которые были равны ему в учености и едва ли уступали ему в природной смелости, изобретательности в споре и красноречии.

Очевидное исчезновение его теорий, одинаково неприятных муфтиям и населению, было иллюзорным. Познакомленные евреями с другими отраслями мусульманской науки по удобным каналам Франции и Италии, они в конечном итоге проникли в интеллектуальную жизнь Европы. Университеты Парижа и Падуи, литературные центры той эпохи, с четырнадцатого по шестнадцатый век были очагами неверности. Нечестивость положений, открыто провозглашаемых преподавателями этих двух великих институтов, сегодня шокировала бы любого, кроме самого отважного агностика. Посеянное таким образом семя принесло обильные плоды. Вся Италия была заражена ересью. Латеранский собор, созванный для того, чтобы наложить официальную печать церковного осуждения на запрещенные доктрины, не смог остановить их распространение. Евреи несли эти идеи повсюду; схоласты переняли их; они даже распространялись членами монашеских орденов. Александр де Хейлз, францисканец, был одним из их ярых защитников. Роберт Гроссетет, епископ Линкольнский, уступавший по достижениям и репутации только своему великому современнику Роджеру Бэкону, верил во Вселенский интеллект. Именно Савонарола написал: "Божественный замысел человека философского Аверроэса". Из распространения этих теорий была выведена идея мифической книги под названием "De Tribus Impostoribus", предполагаемой сатиры, направленной против Моисея, Христа и Мухаммеда, по-разному приписываемой множеству авторов; предполагалось, что она наполнена богохульством; само название которой было мощным оружием в руках духовенства, но публикация которой была апокрифической, а содержание - обязательно чисто вымышленным.

Всеобщее признание и увековечение мнений Аверроэса, осуждаемых со всех кафедр, преследуемых светской властью и предаваемых анафеме соборами, является поразительным доказательством всеобщего упадка церковной власти. Самые популярные поэтические произведения несли на себе отпечаток господствующего духа недоверия и пантеизма, который действительно в большей или меньшей степени пронизывал все направления литературы. Напрасно те, кто был наиболее глубоко обеспокоен, яростно протестовали против тревожного роста этой ненавистой ереси. Ни один чин духовенства не был застрахован от его воздействия; ходили слухи, что его коварное влияние проникло даже в священные пределы Ватикана. Это влияние беспрепятственно передалось потомкам, и современная наука во многом обязана своим пытливым и беспристрастным духом доктринам великого арабского философа двенадцатого века.

В изучении и применении точных наук, и особенно в развитии высших разделов математики, испанские мусульмане проявили выдающиеся способности. Арабы были первыми, кто с точностью установил продолжительность года. Они составили таблицу движения звезд. Они обнаружили третье лунное неравенство 45 за шестьсот пятьдесят лет до Тихо Браге. Они определили эксцентриситет орбиты солнца; движение его апогея; постепенное уменьшение наклона эклиптики; величину прецессии равноденствий. Им принадлежит заслуга в том, что они познакомили Европу со многими хитроумными устройствами и процессами расчетов, которые сократили трудозатраты и, в то же время, открыли новые области исследований,

которые в противном случае могли бы остаться неизвестными и неисследованными. Великий труд Птолемея "Синтаксис" под названием "Альмагест" был переведен до IX века и был переработан Исааком бен-Хонейном в 827 году. В десятом веке знаменитый Абуль-Вефа из Багдада написал астрономический трактат, которому дал то же название, из-за чего ученые долгое время путали их. Оба этих сочинения, одинаково замечательные по своей учености, рано были известны испанским арабам. Цифры Индии, которые они переняли, сразу же заменили громоздкие римские символы, использовавшиеся до сих пор. Они также ввели десятичную систему счисления. Они значительно продвинулись в изучении алгебры, масштабы и возможности которой ранее были недостаточно поняты, и применили ее к геометрии. Они заменили хорды синусами, изобрели современную тригонометрию, предложили формулу для решения кубических уравнений. Они понимали принципы математического анализа. Гебер из Севильи опубликовал правила для одной из самых важных демонстраций сферической тригонометрии. Аль-Заркаль из Толедо был первым, кто предложил заменить эллиптическую орбиту, чтобы исправить ошибки общепринятой системы Птолемея, таким образом предвосхитив Коперника и Кеплера. В своих попытках определить движение одного только апогея солнца он сделал четыреста два наблюдения; и полученный им результат был с точностью до доли секунды меньше того, который современные астрономы объявили правильным. Абул-Хасан-Али путем серии наблюдений, проведенных на расстоянии девяти сот лье, чтобы установить высоту полюса, с точностью оценил размеры Средиземного моря. Каталог, составленный Ибн Синой, содержит тысячу двадцать две звезды. Ибн Аби-Тальта изучал движения небесных тел без перерыва в течение тридцати лет. Аверроэс, вычисляя движение планеты Меркурий, обнаружил пятна на солнце. Гораздо большая часть результатов трудов мавританских астрономических наблюдателей полуострова, разделивших общую судьбу памятников мусульманской науки, утрачена. Известно, что не существует полной копии работ ни одного арабского астронома, жившего с девятого века. О масштабах этого бедствия можно судить по тому факту, что в королевской библиотеке Каира насчитывалось шесть тысяч работ по математике, копии многих из которых, должно быть, находились в руках мусульман Испании, и ни одна из них не сохранилась. Они постоянно пользовались формулами Ибн-Джуниса для касательных и секущих, о существовании которых Европа не знала в течение шестисот лет после их публикации. Как обязанность паломничества способствовала изучению географии, так и знакомство с астрономией стало необходимым для мусульман в силу требований их религии. Для того чтобы определить направление на Мекку, необходимо было точное знание стрелок компаса. Не менее важно было безошибочно установить часы молитвы и ежедневного омовения, а также даты праздников, которые начинались с восходом луны. Эти соображения, придавшие астрономическим занятиям полурелигиозный характер, значительно способствовали их популярности. Изучение математики, независимо от этого влияния, было занятием, особенно близким арабскому уму. Во всех школах были глобусы, как земные, так и небесные, из дерева и металла, планисферы и астролябии. Конструкция этих последних инструментов, предшественников секстанта, усовершенствованного арабами, была очень сложной и требовала проявления высочайшей степени научной изобретательности. Они использовались для измерения углов и для определения часа дня или ночи. Некоторые имели целых пять таблиц, были выгравированы с обеих сторон, а внизу были снабжены одиннадцатью различными выступами для такого же количества горизонтов. На них были изображены движение небесной сферы, знаки зодиака и положение главных звезд и созвездий. Сменные пластины, рассчитанные для разных широт, облегчали наблюдения, где бы они ни проводились. Для астролябии не было ничего необычного в том, что она показывала широты

почти сотни городов. Изобретение Ибн-Джунисом пронзенного гномона значительно упростило наблюдения, проводимые для определения высоты солнца. Ход времени обычно отмечался солнечными часами и клепсидрами со сложным механизмом. Колебательное свойство подвешенных тел, представленное изохронностью маятника, было знакомо арабам, которые приспособили его к устройству, конструкция которого напоминала конструкцию современных часов, изобретение, которое обычно приписывают Галилею. Многие инструменты, которыми они пользовались в своих астрономических наблюдениях, были огромных размеров. Некоторые из их армиллярных сфер достигали двадцати пяти футов в диаметре, а квадранты радиусом пятнадцать футов не были редкостью. Бронзовый секстант, использовавшийся в десятом веке для определения наклона эклиптики и описанный Абул-Хассаном из Марокко, имел радиус пятьдесят восемь футов, а его дуга делилась на секунды. В то время астрономия, особенно среди испанских мусульман, продвинулась настолько далеко, насколько это было возможно без использования телескопа. Именно под влиянием арабов знания об этой науке, как и обо всех других разделах математики, распространились повсеместно. Современный календарь, как следует из его названия, является их изобретением, и знаки, которыми он обозначает семь планет, были переданы через их посредничество. Как и у всех скотоводческих народов, их внимание с самого начала было направлено на небесные явления. Они отмечали восход и заход определенных звезд, которые, по-видимому, должны были отмечать смену времен года; они разделили наиболее заметные группы на созвездия и присвоили им, как это делали греки, причудливое и легендарное происхождение и номенклатуру. С практикой астрального поклонения, свойственной каждой расе на определенной стадии ее интеллектуального прогресса, было связано изучение астрологии, принципы которой, основанные на воображаемом эффекте благотворного или пагубного планетарного влияния, до сих пор имеют как в образованных, так и в невежественных сообществах своих восторженных приверженцев. Однако практика этой ложной, но привлекательной науки ни в коем случае не ограничивалась самозванцами. Некоторые из величайших умов средневековья или нового времени верили в этот бред, который был особенно популярен среди самых выдающихся астрономов средневековья. Тихо Браге, который серьезно толковал сны, составил гороскоп императора Рудольфа. Даже способности Кеплера не спасли его от распространенного суеверия; он также составлял гороскопы и публиковал пророческие альманахи. Стремление к ней привело к культивированию других, более извращенных суеверий — химерического безумия геомантии и онейромантии, мирских обрядов гадания и магии, веры в оккультные свойства талисманов и амулетов. Сохранение этих практик на протяжении бесчисленных веков и до настоящего времени является своеобразным комментарием к человеческой доверчивости как в просвещенные, так и в неграмотные века. Во многих частях Германии гороскоп младенца составляется при его рождении и свято сохраняется вместе со свидетельством о крещении до момента его смерти. Наши фермеры сеют, собирают урожай и выполняют различные обязанности, связанные с сельским хозяйством, прилежно соблюдая фазы Луны. Уверенность в эффективности талисманов даже в нашем поколении далека от угасания. Это бессознательно проявляется в крестообразном плане наших величественных соборов; в позолоченной эмблеме, обращенной к небу на вершинах их самых высоких башен; в изгибах их расписных окон, переливающихся всеми оттенками радуги; в гербах некоторых из самых гордых королевских домов Европы; в резьбе нашей мебели; в подкове, подвешенной над дверными проемами; в терафимах и филактериях евреев; в священных символах, вышитых на облачениях католического духовенства; в значки наших тайных обществ; в оправе драгоценных камней, которые вздымаются и опускаются на чувственной груди Красавицы. Суеверие о сглазе,

повсеместно распространенное на Востоке, в значительной степени ответственно за использование чар. Не исключено, что это убеждение могло первоначально возникнуть в результате особого влияния, оказываемого каким-либо человеком, наделенным необычайной степенью гипнотической силы. Животному магнетизму — как таинственной силе - несомненно, обязана большая часть магических чар древних времен; и власть змеи над птицами и животными, вероятно, дала начало популярной басне о василиске. Достоинства амулетов, согласно распространенному мнению, зависели не от вещества, из которого они состояли, а от той части Вселенского Разума, с помощью которой они, как предполагалось, содержались.

Таким образом, желание проникнуть в тайны будущего и предотвратить надвигающееся несчастье породило ложную науку астрологию, которая сама по себе является прародительницей астрономии. Европейские арабы культивировали и то, и другое с почти равным усердием. Разум философа, дисциплинированный ежедневной привычкой к математическим расчетам, все же был неспособен отбросить иллюзии гороскопа или забыть о призрачных и вымышленных свойствах талисманов. В ментальном строении наиболее способных арабских ученых увлечение оккультным и запретным преобладало над опытом веков, влиянием литературы и велениями разума.

Открытия Аль-Хазена в области оптики, доведенные до сведения Европы испанскими и сицилийскими мусульманами, оказали заметное влияние на развитие этой науки и являются основой всего, что мы знаем по этому предмету. Он понял причину сумерек; оценил плотность и вычислил высоту атмосферы. Он объяснил принципом преломления, почему небесные тела видны, когда они на самом деле находятся ниже горизонта. Он обсуждал влияние изменяющейся прозрачности воздуха на зрение и предположил, что за пределами нашей атмосферы нет ничего, кроме эфира, - предположение, которое принимает современная астрономия. Первым из всех исследователей он исправил распространенное заблуждение о том, что лучи света исходят от глаза к видимому объекту, - ошибку, которая до сих пор вводила в заблуждение всех, кто писал об оптике. Труды Аль-Хазена использовались в качестве учебников в андалузских колледжах, и впервые христианский мир узнал о них от иностранцев, которые приезжали изучать арабский язык в школах Толедо. Среди таких литературных паломников двенадцатого века были англичане Аделард из Бата, Роберт из Рединга, Дэниел Морли, Уильям Шелли и итальянец Джерард из Кремоны. Переводов арабских трудов на латынь, созданных трудами этих и последующих ученых только на медицинском факультете, насчитывается почти четыреста.

Какой бы высокой ни была репутация этих амбициозных священнослужителей среди невежественных масс их соотечественников, она не могла сравниться с репутацией знаменитого Герберта, чей гений безуспешно пытался просветить Европу почти двести лет назад. Достижения этого опытного ученого, уважаемого в любую эпоху, были настолько выше достижений его современников, что, как уже говорилось ранее, они обеспечили ему незавидный и опасный титул мага. Уроженец Аквитании, неизвестного происхождения и без средств, его таланты рано привлекли внимание графа Барселоны, который обеспечил его образование в этом городе. Оттуда, спустя некоторое время, он посетил главные мавританские города Андалусии. Это был десятый век, эпоха наивысшего процветания и великолепия халифата Омейядов. Повсюду были видны последствия той цивилизации, которой не было

равных в мире. Всестороннее сельскохозяйственное развитие страны; оживленные морские порты; роскошные дворцы; густонаселенные города; хорошо вымощенные улицы, днем заполненные толпами людей, а ночью освещаемые десятками тысяч мерцающих ламп; бескрайнее зеленое пространство, отмечавшее окрестности великой мавританской столицы, нарушаемое лишь редкими сторожевыми башнями и позолоченными минаретами; великолепное убранство двора; огромные библиотеки; бесчисленные школы и колледжи, оснащенные всеми научными приборами, известными мусульманской культуре, - все это окрашено в яркие цвета. карты, гербы, солнечные часы, клепсидры, гидрометры, параллактические правила, квадранты, астролэбии, планисферы, глобусы; мечеть с ее толпами паломников, пестрящих костюмами всех стран, признающих символ веры ислама, - эти сцены не преминули произвести глубокое впечатление на молодого французского священнослужителя, уже проникнутого запрещенными идеями и свежего от нетерпимости, варварства, легковерия и интеллектуальной деградации христианской Европы. Ум Герберта быстро распознал многочисленные преимущества, которые можно извлечь из знакомства с мусульманскими учреждениями и эрудиции. Он стал студентом Университета Кордовы. За те несколько лет, что он оставался в этом городе, его таланты и настойчивость обеспечили ему беспрецедентный для того периода фонд научной информации. По возвращении он основал школы как в Италии, так и во Франции. Он импортировал книги со всех концов света, и особенно из Испании. Его ученики, которых насчитывались тысячи, разнесли по всей Европе славу своего учителя и заповеди его произведений. Наставления, которые он давал, воплощали в себе запретные знания, которым учили за пределами Пиренеев. Он был первым, кто объяснил европейцам абак, индийские цифры, науку арифметики. Он преподавал географию и астрономию по глобусам, изготовленным в Кордове. Он наблюдал за движением планет и определял высоту полюса с помощью диоптрий. Результаты изобретательности механиков, которые развлекали его в минуты досуга, вызывали ужас у его невежественных и набожных современников. Он изобрел паровой или гидравлический орган; часы, механизм которых в основном состоял из колес и шестерен; и автоматы, чьи таинственные движения наводили обывателей на мысль о дьявольской силе. Он усовершенствовал науку о музыке. Его система передачи знаний, основанная на эксперименте и демонстрации, радикально отличалась от распространенных методов эпохи, когда обучение ограничивалось текстами Священного Писания и церковными наставлениями. Слава великого ученого возбудила зависть монахов, которым популярное обвинение в адском причастии послужило предлогом для преследований. Они подстрекали мародеров разграбить его аббатство в Боббио, в Италии. Его библиотека была сожжена, инструменты уничтожены, ученики рассеяны. Это жестокое обращение, столь далекое от того, чтобы, как предполагалось, нанести ущерб судьбе Герберта, в конечном счете способствовало их развитию. Его репутация была известна повсюду, и благоговейный трепет, который вызывала его мудрость, усиливался сверхъестественными средствами, которые, как считалось, он использовал. Ему покровительствовали король Франции и император Германии; он стал последовательно епископом Реймса и Равенны; и, благодаря влиянию последнего монарха, в 999 году он был возведен в папский сан под именем Сильвестра II. Даже в этом возвышенном положении неумолимый дух церковной злобы не давал ему покоя. Его попытки исправить церковные злоупотребления навлекли на него месть коррумпированных и жадных министров папского двора. Для объяснения результатов его научных экспериментов были придуманы самые абсурдные басни, которые иначе были бы непонятны средневековому невежеству. Его обвинили в грубой безнравственности, богохульстве, магических заклинаниях, призывании демонов. Ходили слухи, что гоблины в фантастических одеждах и отталкивающего

вида посещали его в полночь во время празднования нечестивых оргий и нечестивых жертвоприношений. Усердное распространение этих скандалов подготовило почву для наказания, которому в ту эпоху подвергались все смелые реформаторы, и особенно те, кто осмеливался вмешиваться в прерогативы и вознаграждения духовенства. Жертва медленного яда, Сильвестр II. пережил свое восшествие на папский престол менее чем на четыре года. Его имя было предано анафеме, его доктрины осуждены как еретические, а прочтение его трудов запрещено как противоречащее канонам Церкви и наносящее ущерб интересам религии. После его кончины длительный период тьмы снова омрачил христианский мир. Подавив таким образом зарождающийся дух исследования, люди снова обратились к священнику за советом, за помощью, за объяснением природных явлений, за исцелением от болезней. Таков был неблагоприятный и, по-видимому, бесполезный результат первого внедрения арабского языка в римско-католическую Европу.

Непревзойденное совершенство методов ведения сельского хозяйства, применявшихся испанскими мусульманами, было в значительной степени обусловлено их глубокими ботаническими знаниями. Этой наукой, практически неизвестной в пустынях Аравии, которой природа завидовала богатству своего растительного царства, мусульмане-завоеватели с большой энергией и успехом занимались в ранние времена. Однако ни в одной другой части их империи не был достигнут такой прогресс в его изучении и не были получены такие полезные результаты от выращивания растений, как в Андалусии. Правительство усердно поощряло их анализ и классификацию, а также определение их свойств. Научные экспедиции халифов собирали образцы и семена со всех уголков мира. Сады для размножения как местных, так и экзотических растений были разбиты в окрестностях всех крупных городов, а результаты разумных наблюдений и экспериментов регулярно сводились в таблицы для общественного блага. В оазисах пустыни, по берегам Нила, на плодородных равнинах Месопотамии, на засушливых плато Центральной Азии, в чумной дельте Ганга ботаники Кордовы пополнили запас идей и принципов, которые впоследствии будут развиты и успешно применены в долине далекого Гвадалquivира. Их усилия также не ограничивались простым сбором и исследованием продуктов растительного царства. Каждое новое приспособление, каждое полезное изобретение, которое могло бы принести пользу садоводству, ирригации, различным отраслям сельской экономики, тщательно регистрировалось и бережно сохранялось. В результате этих кропотливых исследований андалузские арабы стали более сведущими в родственных науках ботанике и сельском хозяйстве, чем любой из когда-либо существовавших народов. В их стране были сосредоточены все плоды знаний и опыта столетий, существовавших тогда в мире. Говорят, что они добавили к травам древних более двух тысяч разновидностей растений. Они описали циркуляцию сока; они поняли функции коры и листьев. Каждый источник информации был тщательно изучен. Уже в десятом веке трактат Диоскорида был переведен на арабский язык константинопольским монахом, присланным императором по особой просьбе халифа, поскольку подданные последнего не знали греческого. Ботанические работы испано-арабов были обогащены рисунками с натуры, прекрасно выполненными в красках. Когда Ибн-Бейтар из Малаги, самый известный из мусульманских ботаников, путешествовал по Востоку, его сопровождал отряд художников, чье мастерство сохранило форму и оттенки незнакомой флоры во всей их красоте и совершенстве. Его имя - величайшее в анналах этой важной отрасли науки от Диоскорида до Линнея с интервалом в полторы тысячи лет.

Однако среди широкого спектра философских и экспериментальных исследований ни один предмет не был так близок вкусу араба и так сильно не привлекал его воображение, как

изучение ложной науки алхимии. Эта наука зародилась в Египте, стране изоляции, очарования, чудес. Ее исследования, ограниченные привилегированным классом, были защищены двойной гарантией религии и секретности. На протяжении бесчисленных веков египетское жречество, единственные хранители знаний, в лабораториях, скрытых в храмах или вырытых в скалистых склонах гор, страстно посвящало себя открытию универсальной панацеи, эликсира жизни, превращению низших металлов в золото. Династия Птолемеев, наследница этих заблуждений, столь приемлемых для человеческого эгоизма и алчности, способствовала их повсеместному распространению по Европе и Азии. Арабы с первого часа своего интеллектуального освобождения с готовностью приступили к изучению, особенно приспособленному к их национальным склонностям и гению. Тот факт, что Коран запрещает подобные занятия, делал их связь с религией, вопреки обычаям Египта, невозможной. В Толедо и Кордове алхимия не считалась, как в Мемфисе и Фивах, "Священным искусством", культивируемым на территории храмов, доступным только членам королевской семьи, защищенным от профанации вульгарными церемониями и жертвоприношениями. Его тесные связи с тауматургией и гаданием, с астрологией и магией были неизбежными последствиями неопределенности его результатов и таинственности, которая окутывала его профессоров. Древнееврейская традиция, раскрытая в апокрифических книгах Библии, утверждает, что оккультные искусства и науки были даром злых духов детям человеческим. Римляне карали подобные действия смертью, вероятно, по той причине, что они вступали в конкуренцию с оракулами, которые были плодотворным источником дохода и престижа государства. Таким образом, в определенной степени находящееся под запретом религии и закона, вызывающее подозрение и страх у масс, изучение алхимии было сопряжено с опасностью даже среди языческих объединений древности. В средние века интересы жречества, находящиеся под угрозой, усилили юридические запреты и предубеждение общественного мнения непреодолимой силой их осуждения.

Испанские арабы, страстно любившие эксперименты и новизну, были в высшей степени сведущи в технических тонкостях герметического искусства. Они придерживались идеи, что одни и те же элементы в различных пропорциях присутствуют во всех металлах и что с помощью определенных процессов удаления можно получить любой металл, как, например, золото. Подобно своим учителям, александрийским грекам, они скрывали свои открытия за туманностью ученого жаргона. Принципы их призвания обозначались таинственными символами, загадочными фразами, искаженными формулами, которые могли быть истолкованы только ими самими. С развитием обучения операции алхимика стали выполняться с меньшей скрытностью и таинственностью. Его труды поощрялись халифами, некоторые из которых сами были адептами, и проводили свои исследования в хорошо оборудованных лабораториях. Преобладание одного заблуждения привело к распространению других, и первоначальные объекты алхимических исследований стали смешиваться с астрологией, мистицизмом и всеми их химерическими связями и происшествиями — теориями, включающими семь планет и семь металлов, церемонии изгнания нечистой силы, обретение счастья путем отождествления души с Универсальным Интеллектом. Привлеченные прибылью, которую можно было получить от человеческой доверчивости, в каждом сообществе появился рой шарлатанов — прототипов самозванцев, наводнивших европейское общество в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Среди них евреи приобрели незавидную известность, репутации, которой суждено было в последующие века привести к самым плачевным последствиям. Даже при фараонах еврейская проницательность преуспела в проникновении в хорошо охраняемые тайны египетского

жречества. Главным образом благодаря их традиционной скупости предписания и формулы Священного Искусства, переданные грекам, а затем арабам, стали достоянием средневековой Европы. В мусульманской Испании евреи преуспели в этой непопулярной, но прибыльной профессии, как и в любом деле, требующем ума, энергии, мастерства. Из этой запутанной смеси философии, магии и обмана бессознательно были получены результаты высшей ценности для человеческой расы. Адепт, корпевший над своими ретортами и тиглями в сводчатых помещениях, удаленных от любопытных глаз, наткнулся на открытия более важные, чем открытие философского камня. В попытках осуществить трансмутацию металлов были изобретены процессы, с помощью которых спустя сотни лет были упрощены анализ, разделение и плавка руд, и дальновидная цель алхимика в какой-то мере была достигнута. В результате этих секретных экспериментов были получены знания об обработке металлов, о составе сплавов, о плавлении стекла, о нанесении эмалей. Таким образом, алхимия была предшественницей химии, и их принципы и отношения настолько тесно связаны, что невозможно определить, где заканчивается ложная наука и где начинается истинная наука. Испано-арабы довели действие обоих методов до уровня, доселе не достигнутого экспериментаторами древнего мира. Хотя они в значительной степени воспользовались знаниями Востока, было бы несправедливо отказывать им в достоинстве бросающейся в глаза оригинальности. Они практически изобрели современную химию. Их авторы ясно и точно описывают процессы кристаллизации, сублимации, дистилляции, фильтрации, растворения. Они ввели азотную и серную кислоты, эти мощные растворители, без участия которых химические соединения были бы невозможны. Им принадлежит открытие спирта, соляной кислоты аммиака, калия, двуххлористой ртути, нитрата серебра и фосфора. Приспособление этих веществ к разнообразным целям повседневного существования дало изобретателю почти безграничные ресурсы для развития промышленного искусства и снабдило хирурга эффективными средствами облегчения человеческих страданий. Использование едких веществ и кислот произвело революцию в медицине, и мастерство врача, даже в христианском мире, больше не приравнивалось к экзорцизму некроманта и не подчинялось ряженым священникам. Мусульмане полуострова знали, что прокаленный металл набирает, а не теряет вес, факт, знание которого предвещает знакомство с газами и открытие кислорода; не были они невежественны и о существовании и свойствах водорода. Процессы окисления металлов и образования газов впервые упоминаются Джабаром аль-Куфи, или Гебером, личная история которого неизвестна, и которого часто путают с математиком Джабаром Ибн Афлахом из Испании. Величайший арабский химик всех времен, его способности были признаны, и его имя с уважением упоминалось каждым исследователем точных и экспериментальных наук вплоть до наших дней. Хорошо сказано, что он имеет такое же отношение к химии, как Гиппократ к медицине. Его труды — спокойные, рассудительные, в высшей степени логичные - не затемнены и не обезображены абсурдом и шарлатанством той эпохи. Помимо его упоминания о выделении газов при нагревании и радикальных изменениях, которым подвергаются вещества, из которых они получаются, его известность была бы надолго закреплена его открытием азотной кислоты и царской водки, продуктов лаборатории, ранее не описанных ни одним автором. Таким образом, философские методы испанских мусульман постепенно превратили визионерские операции алхимии в химическую науку. К последнему, однако, все еще цеплялись многочисленные указания на происхождение, чреватое обманом. Важные эксперименты были отложены до тех пор, пока планетарные влияния не были объявлены благоприятными. Эликсир жизни искали с неослабевающим рвением. Монархов все еще вводили в заблуждение и грабили посредством ложных обещаний богатства, которое можно было получить путем трансмутации металлов. Но

во многих отношениях были заметны заметные изменения, предвещавшие неисчислимую пользу как для физического, так и для интеллектуального состояния человечества. Тогда впервые произошло окончательное разделение между экспериментальной наукой и религиозным мистицизмом, союз, губительный для умственного развития и искусства цивилизации. С древнейших времен каждому важному начинанию придавался священный характер и дополнялся церемониями, принятыми во избежание огласки и для усиления его таинственного значения. Объяснение тайн природы больше не считалось святотатством или необходимостью прикрывать открытия философа терминами аллегорического жаргона. Научные лекции мавританских университетов Испании были открыты для всех студентов; лабораторные анализы ежедневно проводились в присутствии тысяч людей. Знакомство с ее действием, опыт ее выгодного применения со временем уменьшили подозрительность, с которой население относилось к химии. Эта наука, неизбежно медленная в своем развитии, изначально основанная на ошибочных принципах, использующая возможности случайных открытий, задержанная бесчисленными неудачами, ненавидимая духовенством, внушающая страх невеждам, классифицируемая суеверными как дьявольская, была далека от способности к прогрессивному развитию и постоянству, которым была подвержена математика. Будучи практически его изобретателями, арабы уделяли больше внимания адаптации своего открытия к медицине, чем усовершенствованию ее процессов или очистке ее продуктов. Это пристрастие побудило их отделить фармацию как от химии, так и от медицины, создав таким образом новую и наиболее важную отрасль науки, имеющую универсальное применение и практическую пользу.

Европа в долгу перед мусульманами Испании и Сицилии за введение таких лекарств, как пих vomica, кассия, кротон, тамаринд, мирра, сандал, кубебс, спорынья, сenna, ревень и камфара; за такие специи, как гвоздика, мускатный орех, имбирь и корица; за такие составы, как джулеп, эликсиры, сиропы и электуарии, которые до сих пор известны в торговле под их арабскими названиями. При халифах были открыты аптеки во всех главных городах империи, подчинявшиеся крупным центральным складам в Толедо и Кордове. Они были переданы под надзор правительства, их посещали инспекторы, а их владельцы несли ответственность за чистоту своих товаров и методы их приготовления. На Сицилии законы были еще более строгими: каждый продавец лекарств подвергался строгой проверке на предмет своей квалификации, а профессиональная клятва врача требовала от него сообщать соответствующим властям о любом фармацевте, чей товар уступал по качеству обычному стандарту. В дополнение к этим спасительным мерам предосторожности против нечестности и мошенничества, выставленная на всеобщее обозрение шкала цен предотвращала вымогательство, а нарушение закона влекло за собой серьезные наказания. Эти правила, принятые в XIII веке императором Фридрихом II, внесли большой вклад в успех, достигнутый медицинскими школами Салерно и Неаполя, и сделали Сицилию самым известным рынком сбыта лекарств в мире.

Примечательно, что сарацинская наука в значительной степени распространилась среди народов Северной Европы при посредничестве церковного ордена, к вере, организации и традициям которого она всегда проявляла непримиримую враждебность. Общая нехватка образовательных учреждений в Средние века, монополия духовенства на те знания, которые существовали, и тот факт, что среди последнего рано или поздно нашлись бы выдающиеся умы, недовольные невежеством и нелепостями Отцов Церкви, были условиями, которые неизбежно вели к такому результату, несмотря на анафемы понтификов и постановления синодов. Многие

из этих новаторов происходили из монашеских орденов. Не следует забывать, что и Савонарола, и Бруно были доминиканцами. На протяжении более чем столетия из Толедо исходили переводы на латынь классических произведений, которые задолго до этого были переведены с греческого на арабский. Пионером этого интеллектуального движения был архиепископ Раймонд, француз. Его примеру последовали Герман Далматинский, Майкл Скотт и Иоанн Севильский. Однако тремя величайшими христианскими распространителями науки, полученной от мавров, были Альбертус Магнус, епископ Ратисбонский; Роберт Гроссетет, епископ Линкольнский; и Роджер Бэкон, профессор Оксфордского университета, живший в XIII веке. Первый широко известен потомкам как алхимик и волшебник. Кроме того, он был человеком обширных знаний и автором объемистых трактатов по теологии, философии, алхимии и химии. Он успешно описал действие кислот, характер щелочей, формы и сплавы металлов. Метод, используемый сегодня при производстве едкого поташа, идентичен тому, который он рекомендует. Он был первым, кто методом возгонки доказал, что киноварь представляет собой соединение серы и ртути. Он прекрасно понимал, как получают ацетат меди, мышьяк, оксид свинца. Процесс рафинирования металлов также был ему знаком. Он приводит состав пороха — изобретение, также приписываемое монаху Бэкону, но, несомненно, принадлежащее арабам. Досужие легенды, связанные с его именем, которые приписывали ему сверхъестественные способности, полученные в результате общения с демонами, являются частью уважения, которое средневековая доверчивость привыкла оказывать высшему разуму. Его жизнь, посвященная науке, была столь же образцовой по своему характеру в эпоху церковной коррупции, сколь велики были его таланты и достойны подвиги. Его математические познания и механическое мастерство восхищали современников. Сконструированный им любопытный автомат, который мог открывать двери и издавать гортанные звуки, был разбит на куски святым Фомой Аквинским, который ранее убедился в его магическом происхождении и дьявольском характере.

Роберт Гроссетет, епископ Линкольнский, выдающийся как научными достижениями, так и богословскими спорами, является одним из выдающихся и интересных персонажей английской средневековой истории. Опытный ученый, он был глубоко сведущ во всех науках своего времени. Опередив Уиклифа более чем на столетие, он не побоялся публично критиковать злоупотребления папства, бросать вызов его мандатам и выступать за осуществление индивидуального суждения в церковных вопросах. В этих смелых нововведениях мы получаем первое представление о дерзком духе, который вдохновлял основателей английской реформации. Он успешно сопротивлялся представлению итальянских прелатов на вакантные бенефиции Англии - прерогативе, которой до сих пор пользовался Римский престол, почти без возражений. Он повысил уровень образования в Оксфорде, внедрив методы экзаменов, полученные в Парижском университете, в то время первом учебном заведении в христианской Европе. Несмотря на выдающийся ранг в римско-католической иерархии, нескрываемое ликование папы по поводу его кончины красноречиво свидетельствует о широте его взглядов и об опасности для дела церковного превосходства, навлекаемой обширностью его знаний, смелостью его чувств и бесконтрольным распространением его еретических доктрин.

Но величайшим из этой троицы прославленных имен, как по известности, так и по влиянию, является имя Роджера Бэкона. Родившийся в 1214 году, он рано отличился своими экстраординарными способностями. Он учился в Оксфорде и Париже, без труда овладел науками, преподаваемыми в этих двух университетах, и, к несчастью для себя, принял обычаи францисканского ордена. Его склонности, мало соответствующие принципам его профессии,

подтолкнули его к исследованию природных явлений. Похоже, у него были четко определенные представления о многих практических приемах, которые в значительной степени способствовали триумфу современной цивилизации. Он рассматривал эксперимент и демонстрацию как единственный рациональный метод достижения философской истины. Ум, наделенный замечательной разносторонностью, дух неукротимого упорства, позволили ему познакомиться с языками, не имевшими аналогов в его эпоху. Помимо глубокого знакомства с классикой, иврит и арабский, обычно неизвестные в XIII веке разве что евреям и сарацинам, были Бэкону так же знакомы, как акценты его родного языка. Говорят, что он посвятил сорок лет подряд изучению науки. Он потратил на редкие книги и аппаратуру, необходимую для его исследований, сумму в две тысячи фунтов стерлингов, что соответствует семидесяти пяти тысячам долларов наших денег. В своих трудах он особенно рекомендует изучать математику как самый мощный инструмент развития ментальной культуры, единственный ключ, который может открыть тайны Природы. Его эрудиция охватывала самые малоизвестные области науки, и некоторые из его предложений, рассматриваемых в связи с последующими открытиями, кажутся почти вызванными сверхъестественным вдохновением. Он признал необходимость реформы календаря и обратился к папе Клименту IV. за разрешением исправить его ошибки, но последний отказал. Он заявил, что доскональное знание оптики необходимо для изготовления астрономических инструментов. После прочтения его трудов вряд ли можно усомниться в том, что он был изобретателем очков, идею которых он почерпнул у Аль-Хазена, и что он также разбирался в регулировке линз в телескопе. Он объяснил явление радуги преломлением света. Сила действия увеличительных стекол, как он правильно утверждает, зависит от величины угла, под которым виден объект. Он называет ингредиенты и описывает действие пороха, открытие, в котором его, однако, предвосхитил Альбертус Магнус. Он рассуждает о возможностях изобретений, подобных паровой машине, воздушному шару и применению электричества, правда, неясных, но с точностью восприятия, которая кажется невероятной и которую нельзя подвергнуть сомнению, не отрицая подлинности его работ. Очевидно, он понял теорию подвешенного моста. Он ссылается на легко воспламеняющийся продукт, получаемый при возгонке органического вещества, вероятно, намекая на водород. Свойства углекислого газа, неблагоприятные для горения и смертельные для жизни животных, он упоминает в терминах, значение которых невозможно понять неправильно. Он придерживался древней идеи о сложной природе металлов и заявляет, что для осуществления их трансмутации необходимым условием успеха является сведение их к первичным элементам. Он объясняет их искусственную окраску - трюк, очень популярный у шарлатанов, которые выдавали некачественные металлы, подвергнутые процессам, изменившим их внешний вид, за серебро и золото. Последний металл, по его утверждению, совершенен, потому что при его формировании были завершены операции бесчисленных веков, и подобные процессы должны быть изобретены человеком, прежде чем он сможет надеяться вступить в конкуренцию с Природой. В дополнение к своим познаниям в математике и химии, Бэкон был образованным астрономом и врачом. Он также сконструировал автоматы, которые обрушили на его голову осуждение Церкви и вражду невежд. Обвиненный в магии, хотя он написал трактат против нее, фанатизм и ненависть приговорили его к тюремному заключению и предали анафеме его работы. После десяти лет заключения в темнице, он был освобожден только для того, чтобы умереть с первым возвращением благословений свободы. Нетерпимый дух эпохи, осудившей его, воплощен в предложении, взятом из главы, в которой он осуждает иррациональный фанатизм, препятствующий прогрессу научных исследований: "Animus ignorans veritatem sustinere non potest". Многогранность его талантов была превзойдена только смелостью, с которой он

атаковал, и успехом, с которым он оспаривал абсурдные предрассудки своей эпохи. Его имя, синонимичное прогрессу, резко контрастирует с интеллектуальным унижением и беспрекословной доверчивостью, которыми он был окружен. Его пророческое предвидение, хотя и вызвало насмешки в XIII веке, вызывает в равной степени уважение и удивление у нас. Как и всякий новатор, он испытал на себе кары высшего гения — преследования, оскорбления, лишение свободы. Среди представительных ученых Средневековья он заслуживает выдающейся известности как смелый и оригинальный представитель экспериментальной философии и научной мысли.

Хотя Роджер Бэкон и не был оценен своими современниками, в течение следующих трех столетий он нашел множество подражателей. Представители всех рангов и профессий увлекались изучением алхимии. Клерикальный орден включал в себя большее число людей; секретность монастыря была поставлена в зависимость от целей магии; и формулы лаборатории требовали гораздо большего внимания, чем наложение епитимьи или церемонии посвящения. Утверждалось даже, что папа Иоанн XXII. нашел время в Авиньоне, чтобы заняться бесплодными поисками философского камня. Из этих иллюзорных занятий, как уже отмечалось, время от времени проистекали открытия большой практической ценности. Выгоды, проистекающие из проявления духа исследования и энергичного использования интеллектуальных способностей, имели еще большее значение для роста цивилизации и будущего благосостояния человечества.

Ни в одной области научных исследований гений арабской культуры не проявился так ярко, как в благородной профессии врача. В древней Аравии считалось, что болезнь является признаком Божьего гнева, устранить который было особой обязанностью колдуна. Ошибочные представления о болезненных состояниях, общих для народов в период их интеллектуального младенчества, у примитивных арабов, отличавшихся своим невежеством, были даже более выражены, чем это было характерно для других рас, не менее варварских. От фетишизма Пустыни до церемоний жертвоприношений Рима и Асклепиадов Греции был долгий шаг, однако все они носили сходный характер, хотя последние представляли собой истоки медицинской науки древности. Воздержание было одновременно и предосторожностью, и лекарством для воздержанного бедуина. Мухаммед усердно насаждал учение о том, что желудок является очагом всех болезней, а голодание их излечивает.

Благотворное искусство, имеющее своей целью облегчение человеческих страданий, было в седьмом веке низведено до самых низменных целей священника и шарлатана. Труды знаменитых греческих практиков, утерянные во всеобщем уничтожении образования вследствие господства варваров или спрятанные в уединении монастыря, были забыты. Репутация александрийской медицинской школы, методы которой сотворили такие чудеса в развитии науки, была в умах более образованных людей всего лишь расплывчатой и сомнительной традицией; невеждам она была совершенно неизвестна. Тогда и на протяжении столетий после этого, по всему христианскому миру, медицина была тесно связана с колдовством и обманом, частично астрологическими, частично мистическими, но никогда научными. Сверхъестественный характер, который придали ей церковная проницательность и коварство, общепринятый принцип, согласно которому болезнь была наказанием за совершение греха, — принцип, который, как ни странно, все еще имеет своих сторонников даже в наш просвещенный век, — сделал невозможным любой прогресс. Болезни в основном приписывались влиянию духов или одержимости бесами, которые изгонялись молитвой, святой

водой, прикладыванием реликвий, обращением к святым. Суеверия, унаследованные от языческой древности и обладающие неисчислимой силой воздействия на умы толпы, были источником больших доходов духовенства. Среди огромного числа святых мужей, чьи имена заполняют страницы римско-католического календаря, было много людей, чье заступничество считалось особенно эффективным при лечении определенных болезней. Политика Церкви, которая не упускала возможности поразить воображение своих приверженцев, зашла даже так далеко, что изгнала из зодиакальных созвездий знакомые формы древних и заменила их изображениями кенобитов и мучеников, благочестие жизни которых, часто сомнительной подлинности, снискало им честь канонизации. Отождествление лечения болезней с религиозным церемониалом и косвенно с небесным вмешательством дало священству новое и грозное оружие духовной власти. Их влияние, и без того огромное у постели больных и умирающих, вскоре стало первостепенным. К весу, который налагали их церковные функции, они добавили диктаторские манеры, необходимые для успешной работы врача. Они собирали огромные гонорары. Они распоряжались поместьями. Часто, в самом присутствии смерти, они вступали в неприличные споры по поводу раздела добычи. Они принуждали пострадавших к самым унижительным уступкам. Будучи глубоко несведущими в природе болезней и их лечении, они восполняли свои вопиющие недостатки, используя все средства обмана, известные в их профессии. С помощью клеветы и демонстрации Воинства они изгоняли демонов. Они устраняли боль с помощью суверенных достоинств реликвий. Хронические заболевания лечились длительной молитвой и заместительной епитимьей. Паломничества в священные места, дополняемые частыми и щедрыми пожертвованиями, также имели заметную эффективность. Вода из определенных колодцев и источников, находящихся под покровительством святого и ставших местом хорошо засвидетельствованных чудес, была отнесена к числу самых популярных лечебных средств. Дар исцеления, особенно эффективный в случаях зоба и золотухи, которым, как предполагалось, были наделены королевские особы, был еще одним заблуждением, в котором средневековые были так удивительно распространены. Эта необычная идея, вероятно, британского происхождения, восходит ко времени правления Эдуарда Исповедника и не была отброшена до восшествия на престол Брауншвейгского дома. Его учреждение, несомненно, было церковным; повторение религиозной формулы сопровождало прикосновение монарха; и практика церемонии в день Пятидесятницы всегда была источником большого назидания для толпы и существенной прибылью для религиозного истеблишмента, под эгидой которого она проводилась.

Бок о бок с клерикальными самозванцами другой класс практиков, столь же невежественный и едва ли менее опасный, охотился на суеверных и легковверных представителей средневекового общества. Это были шарлатаны, выдававшие себя за астрологов, алхимиков, магов. Их посягательства на территорию Церкви и подозрительные методы, которые они применяли, требовали определенной степени скрытности, но их притоны были хорошо известны их жертвам. Они утверждали, что консультировались с внешним видом небес, движением планет, повторением затмений, появлением комет и метеоров при приготовлении лекарств и лечении хворей. Таким образом, небесные явления считались чрезвычайно важными для определения симптомов и назначения лекарственных средств. Целебные свойства растений полностью зависели от положения звезды, под которой они были собраны. Предполагалось, что соответствие качеств существует между объектами, имеющими одинаковый цвет или форму, - идея, возможно, столь же древняя, как и сам человек. Отсюда были выведены воображаемые афродизиакальные свойства мандрагоры и предполагаемые свойства красных и белых веществ

как калорий и хладагентов. Занятия этих притворщиков, обычно ограничивавшиеся обиранием своих одураченных, были, однако, не всегда столь безобидны. Они были в высшей степени искусны в составлении любовных снадобий и ядов, тайное применение которых, как полагают, не раз меняло преемственность некоторых королевских домов Европы. Криминальная история Средневековья примечательна не столько гнусными деяниями этих мошенников, сколько иммунитетом, которым обладание опасными секретами позволяло им пользоваться.

Заботам этих двух классов — церковников и шарлатанов — было, таким образом, вверено здоровье христианской Европы на многие столетия. Поразительное сходство характеризовало действия обоих. Каждый использовал ряженых, экзорцизм, заклинания. Каждый заявлял, что верит в действенность амулетов. Один взывал к заступничеству святых; другому приписывали ночные сношения с духами адского мира. Оба, якобы используя свою сверхъестественную принадлежность, обладали огромной властью и жили в роскоши за счет тех, кого они обычно вводили в заблуждение. Хотя каждый считал другого вторгающимся в его особые владения и объектом подозрений, общность чувств между ними, как правило, предотвращала любую серьезную вспышку враждебности. Благосклонность и защита принца в равной степени предоставлялись этим двум придаткам двора. Один был хранителем королевской совести; другой ценился как беспринципный и всегда доступный инструмент тайной мести. Оба иногда выполняли важные функции врача. Действительно, к несчастью, инвалид зависел от таких неадекватных ресурсов. Для него не было перспективы существенного облегчения; не было системы разумного лечения; не было лекарств, кроме благовоний, реликвий и таинственных формул обмана; не было профилактического средства, кроме талисмана; не было диагноза, кроме консультации со звездами; не было рецепта, кроме "Отца" и "Аве". По мнению населения, призвание врача было идентично призванию некроманта. Совету священника он доверял больше, его связь с Церковью придавала его мнениям божественную, даже непогрешимую санкцию. Когда в результате происходила неудача, как это часто случалось, это объяснялось не неопытностью и невежеством, а пренебрежением к умиловлению святых и Девы Марии. Самые распространенные правила гигиены, от которых полностью зависит здоровье населения, обычно игнорировались. На улицах были открыты коллекторы. Дворы были пропитаны миазматическими испарениями, порожденными разлагающимся мусором. В большинство домов очищающие лучи солнца никогда не проникали. Полы и стены были покрыты грязью. Льняная и хлопчатобумажная одежда, которую носят поверх кожи и которая так способствует личному комфорту и чистоте, была неизвестна; арабы, которые их изобрели, еще не познакомили с ними Европу. Повсеместно загрязненная вода стала распространенным источником инфекции. Общественных бань не существовало; это была нечестивая роскошь язычников и сарацин, их использование противоречило традициям христианства; Евангелия не содержат общих предписаний относительно омовения; и его практика противоречила медитативной простоте церковной и монашеской жизни. Повсеместного существования этих патогенных состояний само по себе достаточно, чтобы объяснить быстрое распространение и ужасающую смертность от инфекционных заболеваний. Проказа под влиянием грязных привычек и беспорядочных половых сношений населения Средневековья приобрела характер необычайной заразности. Франция, в то время, безусловно, не самая цивилизованная страна Европы, представляет собой наводящий на размышления пример распространенности и катастрофических последствий этого неизлечимого заболевания. С одиннадцатого по четырнадцатый век не было ни одной деревни — едва ли даже деревушки — без лазарета; улицы больших городов кишели прокаженными нищими на всех стадиях отвратительного

уродства; а в 1250 году, как известно, в этом королевстве насчитывалось две тысячи приютов для прокаженных, тогда как в Европе их было девятнадцать тысяч. Результатом пренебрежения санитарными мерами предосторожности и прискорбного недостатка медицинских знаний являются также упомянутые ранее случаи гибели людей в результате крупных эпидемий. Таково было ужасное наказание, влекущее за собой ненависть к учености, личное пренебрежение и общественное безразличие к законам здравоохранения, условиям, усердно поддерживаемым политикой папской системы, министры которой собирали огромные доходы от святынь, реликвий, амулетов и бесконечных атрибутов суеверий и всеми коварными приемами своей профессии препятствовали любым рациональным методам профилактики и лечения болезней.

С другой стороны, на Востоке рано был достигнут большой прогресс в различных областях искусства врачевания. Число арабских врачей было огромным. Их именам посвящен целый том биографического труда Абу-Осайбы. В городе Багдад в одно время, в одиннадцатом веке, их было почти девятьсот. Несторианская школа Джондисабура уже в шестом веке выдвинула многих выдающихся практиков. Некоторые из них в поисках более обширных знаний путешествовали по Индии; по крайней мере, один из них, араб Харетс Ибн Келада, обосновался в Мекке. От него Мухаммед, который был его другом, получил нечто большее, чем основы медицины, достижение, которое в значительной степени способствовало его успеху. Пророк посещал больных, давал консультации и делился своими знаниями со своими женами. Он признавал первостепенную важность гигиены и прививал ее принципы при каждом удобном случае. “Бог не навлек на людей ни одной болезни, не предоставив лекарства”, “Диета - это принцип лечения, а невоздержанность - источник всех физических недугов”, - вот некоторые из афористических высказываний, истинность которых он постоянно внушал своим последователям. Знаменитый Халиф Аль-Мамун был первым мусульманским принцем, придавшим решительный импульс изучению научной медицины. В Багдад, свою столицу, которую он назвал Городом Мира, он привлек, пообещав великолепные награды, ведущих профессоров медицинской школы Джондисабура. Тот факт, что они были христианами, не был в глазах этого великого монарха препятствием для их трудоустройства или продвижения по службе. Под их разумным руководством были созданы колледжи и диспансеры. Первая больница, о которой упоминается в истории, была основана в Багдаде. Мир был тщательно исследован в поисках медицинских трактатов любого описания. Греческие авторы были переведены на арабский язык группой переводчиков, специально нанятых для этой цели. Огромное значение этого интеллектуального движения, руководствующегося духом научного исследования, выводы которого основывались на результатах, полученных в результате наблюдений и экспериментов, раскрывается великими умами, которых оно породило, и влиянием, которое оно оказало на другие нации.

В медицине, как и во всех других науках, испанские арабы пользовались особыми преимуществами. Накопленная мудрость Александрийской школы принадлежала им по праву завоевания. Знания, изобретения и методы великих колледжей Джондисабура, Багдада, Каира, Дамаска перешли к ним по праву присвоения или наследования. Многие из наиболее выдающихся ученых этих институтов обосновались на полуострове и обогатили своими знаниями и без того гигантский запас научных фактов, ставший результатом многолетних исследований и экспериментов самых ярких умов самого высокоинтеллектуального и культурного общества Европы. Ни национальные, ни религиозные предрассудки не препятствовали получению плодов трудов философствующего наблюдателя. Вклады скептика, христианина, еврея и поклоняющегося Огню были восприняты с таким же уважением и

вознаграждены с такой же щедростью, как и вклады ортодоксального мусульманина. Предприимчивые хирурги и фармацевты Мавританской Испании путешествовали, изучали и проводили свои исследования в каждой стране, которая обещала прибыльную отдачу от их промышленности или исследований. Академии полуострова были озарены гением и эрудицией таких великих писателей и операторов, как Бахтичус, Масуэс и Серапионы, несторианские пионеры медицины и хирургии; Хонин Ибн Исхак, Альбатегниус, Абу Юсуф аль-Кенди, Цабит Ибн Корра, Ибн Ботан, Ибн Сина, Абу Бекр Мухаммед из Персии; Ибн аль-Хайтам, Аль-Хазен, Абуль-Мена - Ибн-Насо из Египта; Ибн-аль-Матран, Ибн-ад-Дахнар, Ибн-Халифа, Абд-аль-Атиф, Джимал-аль-Дире из Сирии; Ибн-аль-Джеззар, Константин Африканский и Эдриси из Берберии. Эти имена, прославленные в летописях профессии и собранные со всех концов мусульманского мира, равны, если не превосходят по известности имена мавританской Испании. Школы в исламской империи, и без того прославленные, также стали вдвойне прославленными благодаря множеству других выдающихся ученых, едва ли уступавших им по способностям, чьи таланты и открытия произвели революцию в практике каждого раздела медицинской науки. Все учреждения, где этому обучали, не были государственными. Многие были основаны практикующими врачами, у которых были также свои частные больницы. Сыновья перенимали профессию своих отцов на протяжении многих поколений подряд и добавляли к знаниям, полученным на примере и опыте, естественные преимущества, вытекающие из наследственной передачи гениальности и мастерства.

Халифы часто посещали лекции выдающихся практиков и всегда оказывали им самые существенные знаки своего расположения. Способный выполнять любую общественную работу, придворный врач часто повышался до поста визиря. Многие накопили огромные состояния. Джабриль Ибн Бахтичу оставил девяносто миллионов драхм; Аль-Мамум платил Хонейну за каждый том, который он перевел с греческого, на вес золота.

Разносторонность многих из этих ученых людей - одно из чудес системы образования, в рамках которой развивались их таланты. Их медицинские познания часто были наименее заметными из их интеллектуальных достижений. Они были известными математиками, астрономами, метафизиками, грамматиками, ботаниками. Некоторые оставили сотни работ по различным наукам. Даже в ту далекую эпоху были специалисты, которые с большим мастерством описывали патологическую анатомию различных частей тела. Было проведено исчерпывающее лечение глазных заболеваний, акушерства, сыпных лихорадок. Книга Разеса о детских болезнях является первой из известных на эту тему. Медицинские энциклопедии были обычным явлением. Число переводчиков, подготовленных одной только Багдадской школой, превысило сотню. Умножение копий греческих медицинских и философских трудов с помощью этого средства и их последующее широкое распространение уберегли их от участи, постигшей столь многие другие памятники аттического гения. Благотворный пример аббасидских халифов не остался незамеченным для мусульманских князей Сирии и Египта. В изысканных столицах Дамаске и Каире возникло множество великолепно оборудованных медицинских учреждений — колледжей, больниц, диспансеров, лабораторий. Услуги самых выдающихся врачей оказывались пациентам больниц безвозмездно. Гигиенические условия последних во многих отношениях превосходили даже те, которые диктовались духом современного научного прогресса. Они были больше, лучше обустроены и более удобны. Чистота воздуха обеспечивалась системой тщательной вентиляции. Фонтаны были повсюду — во дворах, в

залах, в садах. Палаты, находящиеся под руководством компетентных специалистов, были предназначены для лечения и изучения каждой болезни. Душевнобольным пациентам назначались такие же процедуры, как и остальным, у них были свои сопровождающие, свои ванны и свои развлечения. Для них, так же как для несчастной жертвы бессонницы и выздоравливающих, были веселый рассказчик и успокаивающая сила музыки. Когда пациент выписывался как выздоровевший из каирского Мористана, основанного в десятом веке, и самой роскошно оборудованной больницы древности или современности, где у постели больных журчала прохладная вода, а их чувства освежались видом и запахами цветов, — он получал пять золотых монет на все необходимое, пока его силы полностью не восстановятся. Эти учреждения поддерживались правительством и находились под наблюдением придворного врача, главы своей профессии, который нес строгую ответственность за их надлежащее управление. Для этой важной и ответственной работы вера в исламизм ни в коей мере не была существенной; честность, мастерство и трудолюбие были единственными рекомендациями к императорской благосклонности, а медицинскими консультантами преемников Пророка часто были христиане и евреи. Во всех больницах были заведены и сохранялись реестры случаев, и гораздо большее значение придавалось наблюдениям, сделанным у постели пациента, чем информации, полученной при чтении книг.

Слава медицинских колледжей Востока быстро распространилась по всему миру и привлекла честолюбивых людей всех вероисповеданий — христиан, евреев, мусульман. В одиннадцатом веке в школах Багдада обучалось более шести тысяч студентов-медиков. Методы профессоров и писателей, которые руководили политикой этих учреждений, были обязаны своей эффективностью и успехом их строго практическому характеру. Ни один курс лечения не утверждался до тех пор, пока он не был многократно протестирован. Разес хвастался, что его знания были приобретены в больницах, а не в библиотеках. Ведущим принципом практики Ибн-Зора было то, что природных ресурсов, при правильном их использовании, как правило, достаточно для лечения болезней. Абулкасис настаивал на том, что доскональное знание анатомии необходимо для успеха в хирургической практике, и это утверждение в его время отличалось новизной. Первоначальные принципы науки, унаследованные от великих греческих врачей, были вновь провозглашены на благо человечества после того, как были избавлены от массы суеверий и обмана, которыми они долгое время были обременены. Почти все болезни, с которыми сталкивалось человечество, лечились арабским врачом. Офтальмии, эндемичной в странах, подверженных непрекращающемуся палящему тропическому солнцу, уделялось особое внимание. Мавританские хирурги описывают одиннадцать различных операций по поводу катаракты. Оспа и проказа были предметом длительного и исчерпывающего исследования. Были специалисты по поражениям нервов, мозга и грудных органов; по жалобам, возникающим в результате физических излишеств; по различным формам безумия. Соображения деликатности и ревнивые предрассудки, порожденные жизнью в гареме, не позволяли врачу применять принципы гинекологии, и акушерская практика была передана женщинам. Хирургия, практика которой в настоящее время предполагает владение высочайшей степенью профессионального мастерства, веками считалась у арабов второстепенной и была оставлена цирюльникам и шарлатанам. Мусульманское учение о том, что душа остается с телом в течение определенного времени после распада, было серьезным препятствием для приобретения анатомических знаний, жизненно важных для успеха оператора. Это чувство усиливалось распространенной среди толпы идеей, что обращение с трупом является источником ужасного, более того, даже неизлечимого осквернения. Те же

препятствия для изучения анатомии существовали и в христианской Европе по правилам Церкви. Одно из самых тяжких преступлений императора Фридриха II. заключалось в том, что он поощрял вскрытие, практику, которая, поскольку она нарушала священную обитель души и, согласно церковным предписаниям, могла вызвать серьезные затруднения в день Всеобщего Воскресения, была строго запрещена политикой Рима.

Арабы придавали огромное значение гигиеническим мерам предосторожности как для профилактики, так и для лечения болезней. Кардинальным принципом их патологии было то, что чрезмерная нагрузка на органы пищеварения была причиной множества расстройств. Привычки к воздержанию, которые характеризовали жизнь в Пустыне, были впечатляюще привиты Кораном и всей мусульманской традицией. Об их соблюдении постоянно свидетельствовало привычное использование забавных и уместных афоризмов и вошедших в поговорку фраз, таких, например, как “Худшее, что может быть у старика, - это молодая жена и хороший повар”.

Медицинская наука, как и другие уже перечисленные отрасли практического знания, была введена в христианский мир через мусульманские королевства Южной Европы. Испанские и сицилийские арабы были распространителями накопленной мудрости Востока. Щедрое покровительство их правителей, предприимчивость их торговцев, честолюбие их ученых позволяли им извлекать выгоду из литературных источников и бесценных наблюдений великих медицинских школ Багдада, Каира и Дамаска. "Континент Разес", "Канон Авиценны", "Мелики" Али Ибн Аббаса, каждый из которых представляет собой обширный сборник научной информации, принципы которого составляют основу всей современной практики, были рано знакомы мавританским врачам полуострова. Работы Аль-Хазена и Али Ибн Иссы, незаменимые для окулистов, использовались студентами Кордовы еще до того, как их приняли колледжи Тегерана и Каира. Все важные медицинские трактаты можно было найти в библиотеках халифата. Усилия испано-арабских практиков также не ограничивались сбором литературных произведений их профессиональных братьев с Востока. Они переводили древнегреческих мастеров. Они составили объемистые комментарии к известным авторам, мнения которых считались пророческими. Нет имен в длинном списке мусульманских гениев, которые стоят выше имен Абулкасиса, основоположника современной хирургии; Авензоара, чья семья на протяжении трехсот лет занимала видное место в медицинских анналах мавританской Испании; Аверроэса, чьи выдающиеся профессиональные достижения были затемнены его выдающейся репутацией натурфилософа. Ариб Ибн Саид аль-Хатиб, число трудов которого превысило тысячу, составил трактаты по гинекологии и акушерству и был автором Кордовского календаря, замечательного сборника медицинских истин, хирургических максим, астрономических и сельскохозяйственных знаний. Ибн-Вафед из Толедо, живший в десятом веке и чьи экстраординарные способности выделяли его среди сотен выдающихся современников, потратил двадцать лет на подготовку своего труда по общей медицинской практике. Ибн-Зор из Севильи был первым, кто обнаружил, что чесотка вызывается миниатюрными паразитами, и прописал sulphur в качестве лекарственного средства. Трактат Мухаммеда Ибн Квассума о болезнях глаз занимал шестьсот страниц; трактат Мухаммеда аль-Темини о грыжах и опухолях - почти четыреста. Дауд аль-Агреби писал о фумигациях, коллириях, кровоостанавливающих средствах; он рекомендует применять наркотики при литотомии, при вскрытии абсцессов и при кастрации для производства евнухов. Саладин Ибн Юсуф опубликовал книгу об анатомии глаза и теориях зрения. Научные и логические методы, введенные в действие халифами Востока, были доведены до совершенства в медицинских колледжах мусульманской Испании. Изучение

анатомии достигло уровня, ранее неизвестного традициям и опыту этой профессии. От созерцания груды костей на кладбищах студент перешел к проведению вскрытий; к определению путем фактического обследования расположения и функций внутренних органов; к вивисекции четвероногих и преступников. Существенный прогресс в общей разведывательной деятельности вытекает из того факта, что эти расследования, до сих пор столь противоречащие народным чувствам и религиозным традициям, могут быть расследованы мирным путем. Был достигнут большой прогресс в этиологии, патологии, терапии. Хирургия, практика которой вызывала скорее порицание, чем уважение у ее профессоров, была устранена благодаря предубеждению, связанному с анатомическими демонстрациями, избавлена от того пренебрежения, с которым к ней обычно относились. Слепое почтение к прецеденту и авторитету не было признано последователями испано-арабской школы. Они внушали первостепенную важность компетентного знания функций органов человеческого тела, которое, как они хорошо знали, могло быть получено только в результате практики вскрытия, отвратительной как для мусульманина, так и для еврея. Они рекомендовали соблюдать большую осторожность при проведении любых операций. Каждая новая теория подвергалась суровым и исчерпывающим испытаниям. Героическое лечение применялось только там, где более мягкие средства оказывались безуспешными. Там, где это было возможно, целебным силам природы давалось полное применение, и смена климата, особенно при легочных заболеваниях, была одним из главных средств, которыми пользовались мавританские врачи. Их работы были проиллюстрированы введением в текст рисунков инструментов, приспособленных для устранения описанных болезненных состояний; и наука обязана испанским мусульманам за это нововведение, которое в настоящее время является неотъемлемой частью всех трактатов по хирургии. Лечению глаз арабы уделяли больше внимания, чем любой другой отрасли этой профессии. Их окулисты были самыми опытными операторами; жара и сухость климата благоприятствовали офтальмологическим заболеваниям и предоставляли хирургу разнообразную и непрерывную практику. Они перечисляют девять различных форм катаракты, которые они лечили с помощью кушетки и пункции. Их иглы были круглыми и треугольными; некоторые из них были полыми и сделаны из стекла. Арабы были первыми, кто выполнил важную операцию литотомии и вправил старые вывихи. Они знали, как перевязывать артерии, за четыре столетия до Амброза Паре. Они использовали крючки для извлечения полипов. Они часто и разумно использовали противовоспалительные средства. Сетон - их изобретение. Применение пиявок при апоплексии было обычным случаем в их практике. Они были знакомы с действием едких веществ и кислот как эшаротиков. Они заменили тонизирующие средства хладагентами при определенных поражениях нервных центров. Они поняли ценность холодной воды для остановки кровотечения. Они изобрели современный метод перевязки. Они часто применяли лечение вялотекущих лихорадок, таких как брюшной тиф, ваннами низкой температуры; это было рекомендовано Разесом за девятьсот лет до того, как нынешнему поколению было объявлено о нем как о новом и замечательном открытии. Ибн-Зохру медицинская наука обязана операцией трахеотомии и оригинальным описанием перикардита. Объясняя литотомию, Абулкасис рекомендует раздел, используемый хирургами с тех пор, как он написал эту книгу, в десятом веке. Преимущества, получаемые от анестезии, также не ускользнули от внимания этих глубоких и изобретательных наблюдателей. Они предлагают принимать в виде отваров дурмануху — *Lolium Temulentum* - и другие растения, обладающие наркотическими свойствами, до полной потери сознания и чувствительности, чтобы облегчить выполнение тяжелых операций. Даже результаты микробной инфекции, по-видимому, были ими распознаны, хотя ее причина оставалась неизвестной. Когда в десятом

веке халиф приказал Разесу выбрать место для больницы в городе Багдад, он приказал развесить куски мяса в разных местах, и здание было возведено в том месте, где по истечении определенного времени было заметно наименьшее разложение. В те далекие времена также не пренебрегали заботой о животных, и имя Абу-Бекра Ибн Бедра дошло до потомков как имя знаменитого ветеринарного врача.

Своим вкладом в фармакопею испанские мусульмане оказали неоценимые услуги медицине. Абуль-Аббас из Севильи был первым, кто применил принципы ботанической науки, до сих пор в основном занимавшейся сельским хозяйством, к целям аптекаря и врача. В труде Ибн-аль-Авама перечислено шестьсот растений, обладающих лечебными свойствами; в труде Ибн-Бейтара упоминается и описывается более трехсот растений, доселе не классифицированных или неизвестных. Ибн-Эссури в своей работе "Materia Medica" изобразил травы, которые были предметом его исследований, не только в том виде, в каком они росли, но и в том, как они появлялись в высушенном виде на полках аптеки; это первый образец арабской книги, иллюстрированной красками. Методы мавританских практиков были консервативны. Они не ставили сомнительных или опасных экспериментов. Они отказались от радикальных средств древних. Глубоко сведущие в науке садоводства, они поливали корни растений и деревьям сильнодействующими настоями слабительных средств, а затем давали им их плоды. Их личное внимание к правилам гигиены часто свидетельствовало об их замечательном долголетии. Разес активно практиковал в Багдаде более полувека; Абулкасис достиг преклонного возраста в сто один год.

Высочайшее мастерство испано-арабской школы объясняется тем фактом, что ее члены посвятили свои таланты одной профессии. По большей части они избегали примера жителей Востока, чьи медицинские исследования были затруднены философскими спекуляциями, и которые перешли от диагностики болезней и применения лекарственных средств к увлечению алхимией и причудам, касающимся воображаемых отношений человечества к таинственному влиянию звезд. Тем не менее, они не были полностью свободны от этих заблуждений, поскольку они измельчали драгоценные камни, которые, как предполагалось, были эффективны при определенных болезнях, и покрывали свои лекарства золотыми и серебряными листьями, процесс, который для адепта имел глубокое алхимическое значение. От этого обычая произошло наше выражение "позолотить пилюлю". Однако они обычно ограничивали свои наблюдения законной сферой деятельности врача — предметами медицины, хирургии, фармации, гигиены.

Различные средства для местного применения, используемые в настоящее время профессионалами, такие как мази, пластыри, противовоспалительные средства и помады, возникли в мусульманской Испании. Больничная служба в этой стране привлекала мало внимания историков, но крайне маловероятно, чтобы в условиях общего развития цивилизации этим важным вспомогательным средством медицины вообще пренебрегали. Примечательно, что единственным подробным упоминанием о мавританской больнице на полуострове является больница в Альхезирасе, основанная в двенадцатом веке. Однако традиция сообщает, что в Кордове когда-то существовало пятьдесят государственных учреждений такого рода. Испано-арабские практикующие врачи проводили консультации у постели больного; некоторые из них, нанятые правительством, регулярно посещали больных в отдаленных населенных пунктах; для бедных предоставлялся бесплатный уход и лечение. Открытия арабской медицины были в основном сохранены и распространены благодаря переводам Жерара Кремонского, чей

неутомимый трудолюбие наложило столь длительные обязательства на современную науку. В течение пятидесяти лет он работал в Толедо, пока число его переводов не достигло огромного числа в семьдесят шесть. Если бы не его усилия и усилия его терпеливых коллег, труды мавританских врачей разделили бы судьбу объемистых собраний разнообразной арабской литературы. Из миллионов томов, олицетворявших интеллектуальную славу халифата, в Испании едва ли сохранился хоть один экземпляр. То, что избежало злобной бдительности Хименеса, погибло от рук инквизиции. Не всем известно, что основная масса рукописей библиотеки Эскориала не является частью литературного наследия мусульманского владычества. Они представляют собой добычу с судов, захваченных у берегов Марокко в начале семнадцатого века. Почти во всех из них обращение к Аллаху и Мухаммеду, с которого начинается каждое важное арабское произведение, было тщательно стерто.

Такого характера были литературные и научные достижения арабов, наивысшее умственное развитие которых было достигнуто под влиянием мусульманских династий полуострова. В ожесточенной и безжалостной борьбе, которая велась веками между папским беззаконием и нетерпимостью и мусульманской ученостью, первое в конечном счете восторжествовало. Возможно, будет уместно в конце этой главы рассказать о последствиях этого триумфа; раскрыть цели победителя; перечислить жертвы побежденных; сопоставить влияние превосходства того и другого на благосостояние человечества и поступательное развитие цивилизации. От Арабского Пророка, выросшего среди пасторальной простоты и варварского невежества Пустыни, пришли такие высказывания, подобные этим, — высказывания, которые, если и не вдохновлены, то, несомненно, имеют бесценную ценность для человечества: “Преподавайте науку: тот, кто преподает ее, боится Бога; тот, кто желает ее, поклоняется Богу; тот, кто говорит о ней, восхваляет Бога; тот, кто распространяет ее, раздает милостыню; тот, кто обладает ею, становится объектом почитания. Наука оберегает нас от ошибок и грехов; она освещает дорогу в Рай; она - наш защитник в путешествиях, наше доверенное лицо в пустыне, наш спутник в одиночестве. Она ведет нас через радости и горести жизни; она служит нам в равной степени украшением среди наших друзей и щитом против наших врагов; именно с ее помощью Всемогущий возвышает тех, кого он назначил определять добро и истину. Воспоминания о таких людях - единственные, которые сохраняются, ибо их благородные поступки послужат образцом для подражания великим умам, которые придут после них. Наука - это мощное средство от немощей невежества, яркий маяк в ночи несправедливости. Изучение литературы столь же похвально, как и пост; их общение не уступает по эффективности молитве; в великодушном сердце они пробуждают самые возвышенные чувства; нечестивым они передают исправляющие и очеловечивающие заповеди добродетели”. Эти слова, сказанные Мухаммедом в седьмом веке, были восприняты приверженцами ислама с уважением, подобающим откровению, которому суждено было направлять их политику в отношении литературных занятий на протяжении всех последующих веков.

Совершенно иной была позиция церковной власти, чьи деспотические мандаты на протяжении тысячи лет признавались и исполнялись самыми гордыми монархами христианского мира. Она рано осознала несовместимость своих притязаний с беспрепятственным использованием способностей человеческого интеллекта. Основанная на принципах, принятие которых как максимум божественного происхождения неизбежно исключало все идеи улучшения и прогресса, она не имела иного ресурса, кроме покоя; она не могла допустить никаких условий, кроме неподвижности. Оно ставило во главу угла невежество и предписывало использовать преследование как добродетель. Оно разрушало каждое благородное устремление, которое

попадало в сферу его разрушительной энергии. Устами Отцов Церкви она осудила всю философию как “пустую и ложную”. В своей Конституции веры, обнародованной в девятнадцатом веке Ватиканским Собором, многие статьи которого признаны обоснованными каждым последовательным членом Евангелической общины, он предал анафеме всех, “кто скажет, что науками о человеке следует заниматься в таком духе свободы, чтобы можно было считать истинными их утверждения, даже если они противоречат богооткровенному учению”.

Таковы были различные аспекты, под которыми научная мысль рассматривалась соответственно Основателем ислама и непогрешимыми представителями христианства. Воздействие таких духовных наставлений на физическое состояние тех, кто подвергается их влиянию, проявляется в материальном и интеллектуальном процветании или унижении наций. Ни в каких примерах политической и экономической жизни Средневековья или последующих времен не проявляются такие разительные, такие невероятные контрасты, как в летописях мусульманской Испании и католической Европы. В десятом веке Андалусию во всех направлениях пересекали великолепные акведуки; Кордова была городом фонтанов; ее улицы на протяжении многих миль были ярко освещены, основательно заасфальтированы, содержались в отличном состоянии, их регулярно патрулировали стражи порядка. В Париже не было тротуаров до тринадцатого века; в Лондоне их не было до четырнадцатого; улицы обеих столиц были вмещением грязи и часто непроходимы; ночью они были окутаны чернильной тьмой; во все времена здесь властвовали преступники; пристанище разбойников, рассадник чумы, источник всех болезней, место каждого преступления. Это произошло только в конце правления Карла II. что была принята даже неисправная система уличного освещения; в Лондоне смертность от чумы является убедительным доказательством царившей повсюду антисанитарии; воду брали из загрязненной реки или из колодцев, источавших запах заразы. Время и опыт также не привели к осознанию общественностью важности улучшений, жизненно влияющих на здоровье и удобство каждого сообщества. Еще в 1825 году в Нью-Йорке воду сомнительной чистоты разливали от двери к двери; одинокого деревянного насоса на Чатем-стрит хватало для удовлетворения повседневных потребностей бедняков; нечистоты носили в бадьях на головах негров и сбрасывали в реку; и только триста ламп и газовых рожков рассеивали свой неуверенный и мерцающий свет по площадям и проспектам столицы западного мира.

Ежегодные поступления государства из всех источников при Абд-ар-Рахмане III. в первой половине десятого века доход превысил триста миллионов долларов; доходы английской короны в конце семнадцатого века составляли пятнадцать миллионов; доходы Соединенных провинций - менее восемнадцати миллионов; доходы Франции - шестьдесят миллионов, оцениваемых по современной стоимости денег. После смерти этого мавританского монарха в 961 году в королевской казне было найдено пять миллионов золотых монет, что равнялось ста миллионам долларов. Когда Людовик XIV, величайший властитель своего времени, умер в 1715 году, казначейство Франции было разорено. Население Англии на момент смерти Елизаветы составляло около четырех миллионов человек; население Мавританской Испании за шесть столетий до этой даты составляло не менее тридцати миллионов и, вероятно, приближалось к пятидесяти. В 1700 году Лондон, самый густонаселенный город христианской Европы, был лишь вдвое меньше Кордовы в 900 году, когда население Альмерии и Севильи было таким же многочисленным, как столицы Британской империи восемьсот лет спустя. На заре XI века мусульманские владения Сицилии и Испании представляли собой картину всеобщего земледелия и последующего процветания, где поощрялась трудолюбие и наказывалась

праздность; где просвещенный дух гуманности обеспечивал приюты, в стенах которых немощные и престарелые могли провести свои оставшиеся дни в комфорте и покое. Шестьсот лет спустя то, что сейчас является богатейшими и ценнейшими сельскохозяйственными районами Великобритании, было не востребуемыми и непригодными для жизни болотами и перелесками, заброшенными для охоты и часто посещаемыми грабителями; и одна четвертая часть жителей Англии, неспособных самостоятельно обеспечивать себя, большую часть года зависела от общественной благотворительности, на цели которой ежегодно выделялась сумма, равная половине доходов короны. В середине десятого века в столице Мавританской Испании насчитывалось девятьсот общественных бань; в восемнадцатом веке их было не так много во всех странах христианской Европы. В восьмом веке хижины, занимаемые низшими слоями испанских мусульман, были увиты розами, окружены полями колосающегося зерна и фруктовыми садами, полными сочных фруктов, были обставлены всеми удобствами и многими предметами роскоши; в шестнадцатом веке крестьяне Франции и Германии, плохо одетые, перепачканные грязью и не знающие вкуса хлеба, жили в убогих хижинах, спали на вонючих кучах соломы, пили воду из прудов и болот, питались морковью и овощами. желуды. Спустя семь столетий после того, как города полуострова были осушены системой огромных канализационных стоков, а их улицы очищены от мусора и подвергались ежедневной уборке, Париж все еще был достоин своего древнего названия Лютеции, “Грязной”; путь пешеходам преграждали кучи дымящихся отходов и отходов; и стада свиней, единственных падальщиков, беспрепятственно бродили по дворам и магистралям.

В условиях интеллектуальной культуры, характерных для мусульманского и христианского обществ, преобладало еще большее неравенство. Библиотека Мостандира, султана Египта, содержала восемьдесят тысяч томов; библиотека фатимитов Каира - миллион; библиотека Триполи - двести тысяч; в тринадцатом веке, когда Багдад был разграблен монголами, книги, брошенные в Тигр, полностью покрыли его поверхность, а чернила окрасили его воды в черный цвет, в то время как гораздо большее количество было уничтожено пожаром; общественные собрания мавританского халифата Испании насчитывали семьдесят томов, а великая библиотека Аль-Хакема II. один только он включал шестьсот тысяч томов. Коллекции многих частных лиц были пропорционально велики. В книге Ибн-аль-Матрана, врача Саладина, было десять тысяч рукописей; на полках Дунаша-бен-Тамина, великого еврейского хирурга из Каира, их было более двадцати тысяч. Четыре столетия спустя в христианской Европе существовало мало книг, за исключением тех, что хранились в монастырях; королевская библиотека Франции состояла из девяти сот томов, две трети из которых составляли богословские труды; их тематика ограничивалась благочестивыми проповедями, чудесами святых, обязанностями повиновения церковному начальству, — их единственное достоинство заключалось в изяществе их хирографии и красоте иллюстраций. Во времена испано-арабского господства трудно было встретить даже мавританского крестьянина, который не умел бы читать и писать; в тот же период в Европе многие великие личности не могли похвастаться этими достижениями. С девятого по тринадцатый век испано-арабы обладали системой образования, не уступающей наиболее усовершенствованной системе нового времени; они преподавали астрономию по глобусам и планисферам; они измеряли окружность земли; они наблюдали за движением планет; они вычисляли плотность атмосферы; они были знакомы с естественными и искусственными условиями, при которых образуются пары и газы. Для европейца той эпохи не существовало школ, ибо народное образование отвергалось как способствующее ереси; образование ограничивалось монастырем; звезды были всего лишь небесными светильниками,

единственной функцией которых было ночное освещение земли; последняя была плоской, и над ней возвышались, в правильной градации, семь областей небес; кипение и выброс газов приписывались демоническому влиянию и содействию озорных бесов и гоблинов. Пять столетий спустя после того, как мавританские врачи Испании научились лечить болезни с помощью рациональных принципов медицины, хирургии и гигиены, Европа все еще придерживалась архаичных представлений о варварском невежестве; веры в то, что любая болезнь является проявлением божественного неудовольствия; одержимости злыми духами; обманчивых приемов жреческих ухищрений — выставления напоказ реликвий, бормотания текстов, проведения экзорцизмов. Шестьсот лет спустя после того, как знаменитый астроном Ибн Джунис, сконструировавший Таблицу Хакемита, выдвинувший доказательства эксцентриситета земной орбиты и использовавший маятник для целей хронометрии, был удостоен чести и дружбы халифа Египта, Галилей в унижительном одеянии кающегося грешника, ужасном, с нарисованными языками пламени и дьяволами, был вынужден, преклонив колени перед служителями Священной Канцелярии, отречься, как от опасной ереси, от научных истин, которые он продемонстрировал математически и визуально, — великих открытий, которые он совершил в течение многих лет. которые сделали его имя бессмертным; и Бруно был отправлен на костер за признание философского учения о всепроникающей Божественной Сущности, за проповедование ереси о множественности миров и за то, что настаивал на том, что земля вращается вокруг своей оси и вокруг солнца. Семьсот лет спустя после того, как во владениях Оммеядского халифата была введена всеобщая терпимость, — где даже население научилось уважать слабости старческой эксцентричности, а вера в одержимость демонами была презрительно оставлена самым невежественным представителям провинциального сброда, — герцог Йоркский подвергал несчастных участников Ковена Шотландии беспорядочной резне и мучительным пыткам сапогом, а Коттон Мэзер сжигал ведьм на Салем-Коммон. Более двадцати поколений прошло с тех пор, как арабский географ впервые был признан своими соотечественниками общественным благодетелем, его король — достойным высочайших почестей, которыми может наградить королевская власть, ученые — с уважением, присущим обладателю необычных достижений; когда Кальвин пытал Сервета в Женеве за публикацию небиблейского утверждения о том, что Палестина, столь далекая от того, чтобы быть землей, где течет молоко и мед, на самом деле была бесплодной пустошью вулканического опустошения, — Сервет, великий анатом, который был на волосок от того, чтобы предвосхитить Харви в своем открытии циркуляции крови. С незапамятных времен среди непросвещенных рас безумие приписывалось влиянию злобных духов, изгнать которых можно было только беспощадным применением плети или вмешательством священника. Арабы были первыми из народов, которые отказались от этой идеи, стали использовать доброту и применение лекарственных средств при лечении умалишенных и основывать приюты.

Эти условия раскрывают сравнительную ценность двух великих политико-религиозных систем, обе претендующие на божественный авторитет, каждая из которых объединяет в себе функции Церкви и государства, — одна является выразителем и ревностным пропагандистом каждого научного импульса, другая всегда последовательным представителем интеллектуального подавления. Влияние мусульманского гения ощущается и сегодня в многочисленных изобретениях, ненасытной жажде знаний, удивительном развитии искусства, науки и литературы, которые сделали последние годы девятнадцатого века навсегда запоминающимися в анналах цивилизации. По-видимому, потушенная ядовитыми парами суеверия, омрачавшими христианский мир на протяжении стольких веков, все еще оставалась

живая искра учености, которой, возродившись в эпоху, более благоприятную для духовной культуры, было суждено в еще более заметной степени продвинуть материальные интересы, а также самые благородные устремления человечества. Закон человеческого прогресса даже при самых неблагоприятных условиях постоянен, неизменен, вечен. Его проявления различаются только степенью своего продвижения. Последнее можно остановить, но его замедление носит лишь временный характер. То, что научная истина потеряла в одном столетии, она, несомненно, наверстает в следующем, и, несмотря на враждебные силы, которые могут плести заговоры с целью ее подавления, ей суждено в конечном итоге восторжествовать.

Рассмотрение арабской интеллектуальной жизни, и особенно ее кульминации на Испанском полуострове, удивительной энергии, любознательности и настойчивости, которые характеризовали каждый этап ее развития от самого зарождения до исчезновения, феноменальной скорости ее развития, сверхчеловеческого величия ее деяний, наводят на мысль о бесконечных возможностях, которые в конечном итоге может открыть ее возрождение, влияющее на судьбы наций.

В наши дни, когда каждый год, нет, почти каждый месяц, приносит какое-нибудь новое и удивительное открытие; когда голосовая связь между отдаленными пунктами поддерживается исключительно с помощью атмосферы; когда химия расщепляет на многочисленные составляющие вещества, веками считавшиеся элементарными; когда с помощью огромных линз небесные тела приближаются к земле почти осязаемо; когда даже самые скромные функции домашнего хозяйства выполняются таинственным действием электрических аппаратов; когда изобретение чрезвычайно мощных средств разрушения ежедневно делает войну более трудной, а мир более желанным; когда газы атмосферы искусственно разложенные и отдельно изготовленные предметы коммерческого оборота; когда мастерство врача практически искоренило болезни, долгое время считавшиеся неизлечимыми; в эту эпоху научного прогресса и беспрецедентных интеллектуальных достижений кто наберется смелости утверждать, что даже мечты алхимиков, лелеемые фантомы мавританского воображения, могут не скоро осуществиться? В десятках лабораторий Европы и Америки сегодня работают химики, усердно и спокойно, с терпением, если не с энтузиазмом древних адептов, пытающиеся с помощью огромных ресурсов современной науки разрешить вечно вызывающий сомнения вопрос о превращении металлов. Со всех концов цивилизованного мира приходят достоверные сообщения о том, что некоторые из величайших умов столетия, умы, каждое высказывание которых требует внимания и уважения, заняты исследованиями, результаты которых могут превзойти результаты воображаемой универсальной панацеи, и которые придадут вялым энергичным людям, нарушенной симметрии и седому и дряхлому возрасту силу давно ушедшей мужественности;

“Lumenque Juventæ

Purpureum.”

Не будет ли преувеличением предположить, что наш век, столь изобилующий чудесами, что то, что вызывает изумление сегодня, завтра наверняка станет обычным явлением, достигнет этих и даже более значительных результатов; век, гениальный в теории, богатый на изобретения, феноменальный в универсальности, искусный на практике; век эксцентричных и поразительных предложений; век, который с дерзкой уверенностью смотрит вперед на решение даже самой

трудноразрешимой проблемы биологии - искусственного создания органической жизни? Неразумно ли ожидать, что те тайны природы, которые до сих пор ускользали от исследований философского эксперимента и научного исследования, вскоре будут раскрыты?

Поскольку это входит в число предполагаемых возможностей науки, давайте обратимся к тому, что она на самом деле сделала для человечества. В каком отношении эти исследования предпочтительнее той абсолютной покорности церковному авторитету, которая так широко преобладала, когда благочестие было возвышенным, а разум скованным? Какую пользу принесло это изучение рукописей, это собирание растений, это копанье в земле, это созерцание звезд, это смешивание кислот, это изучение скелетов? *Cui bono?*

Ответ приходит из каждой фазы развивающейся цивилизации, из шума тысячи мастерских и грохота миллиона ткацких станков; из свистка локомотива в пустыне и колокольного звона парохода, застрявшего среди полярных льдов; из сети железных дорог, пронизывающих каждый континент от центра до периферии; из каналов и акведуков, из туннелей и мостов, из всех величественных памятников гражданского строительства; из защитных ламп, мерцающих сквозь ядовитые пары шахтерской пещеры; из торговых центров, заставленных предметами наслаждения и роскоши. от гаваней с их лесами стройных мачт; от бесчисленных триумфов изобретательского гения, которые одинаково увеличивают удовольствия богатых и облегчают бремя бедных, и которые с благодарностью воспринимаются за столом философа-спекулянта и на верстаке ремесленника. Но наука достигла даже большего. Она исследовала новые области в безграничной области человеческих знаний. Он открыл и применил законы движения планет; определил расстояния до небесных тел; оценил их массы; установил вещества, из которых они состоят; и описал сложные отношения, в которых они находятся друг с другом. Он измерил время с точностью до невероятно малой доли миллионной доли секунды. Он просканировал границы Вселенной и вывел в поле зрения звезды, находящиеся на таком расстоянии, что изображение, формирующееся сегодня на сетчатке глаза наблюдателя, создано светом, испущенным пять миллионов лет назад. С помощью микроскопа он открыл сказочный мир, изобилующий мириадами видов животной и растительной жизни, более любопытный, чем легендарные регионы Востока, более удивительный, чем заколдованный сад Армиды. Он поместил на фотографический негатив лица, цветы, пейзажи, изображенные в изысканных и гармоничных красках Природы. Благодаря открытию радиоактивных солей — полония, радия, тория, актиния, титана — оно открыло химикам новую и очаровательную область исследований, масштабы и возможности которой пока не могут быть даже предметом разумных предположений; и положило начало изучению веществ, удивительные свойства которых имеют тенденцию опровергать до сих пор хорошо обоснованные теории различных соотношений материи и, в некоторых случаях, настоятельно требовать их модификации или радикальной реконструкции; исследование которых установило в качестве трюизмов наиболее вопиющие очевидные физические парадоксы; при наличии которых чудесные эффекты - свойства плотности, когезии и непрозрачности, кажется, исчезают; которые демонстрируют такое разделение материи на бесконечно малые частицы, что наводят на мысль об их практической диссоциации, и по сравнению с размерами которых непостижимо мельчайшие первичные атомы Демокрита абсолютно колоссальны; происхождение таинственной силы которых до сих пор не удалось удовлетворительно определить ни одной гипотезе, ни одному анализу, ни одному аппарату; которые, что не маловероятно, могут дать разгадки космических явлений, одни проявления которых были замечены; и которые, благодаря их применению к анатомии, медицине, физиологии. , а механическая наука, в конечном счете, может послужить

объяснению происхождения жизни и принести человечеству неоценимые материальные блага. Из этих металлических радиоактивных тел радий, самое важное и удивительное, обладает в высшей степени интересными и необъяснимыми особенностями; вещество, обладающее замечательными качествами самосветимости, термогенеза и актинизма; которое наделено исключительной восстанавливающей способностью, посредством которой его недавно уменьшившаяся сила восстанавливается без видимой помощи какого-либо внешнего фактора; чьим основным и, по-видимому, неисчерпаемым источником энергии, как по-разному и неубедительно утверждалось, являются солнце, земля, атмосфера; чьи эманации, заряженные отрицательным электричеством, восстанавливают энергию. придают последнее твердой, жидкой или газообразной среде, через которую они проходят, и сообщают временное свечение и постоянную окраску объектам, подвергающимся их воздействию; лучи которых распространяются с такой невообразимой скоростью, что за одну секунду они преодолели бы расстояние, равное пятикратной окружности земли; которые обладают массой, а также энергией; которые, несмотря на огромную скорость, с которой они движутся, могут быть мгновенно отклонены с прямой траектории на криволинейную при помощи магнита; и с помощью которых фотографии могут быть легко сделаны через толстые пластины из свинца и железа. Наука изобрела взрывчатые вещества, которые разрывают горы на части; благодаря применению углеродного стержня самая твердая сталь превратилась в жидкость в мгновение ока. Из черных и клейких отходов производства газа были извлечены пигменты, по яркости оттенки которых соперничают с радужными, и лечебные средства, которые в определенных областях произвели революцию в медицинской практике. Он усовершенствовал передачу света, так что простым нажатием кнопки большие города мгновенно освещаются. С немалой степенью вероятности было высказано предположение, что непрерывная и универсальная молекулярная активность, пронизывающая всю материю, как органическую, так и неорганическую, может быть управляющим принципом таинственного состояния, которое мы называем жизнью, и что вес каждого вещества обратно пропорционален его атомной энергии. Это сделало непрозрачные до сих пор предметы прозрачными и открыло взгляду хирурга самые сокровенные уголки человеческого тела. Он удалил без видимых повреждений органы, функции которых долгое время считались необходимыми для существования животных. С помощью простых манипуляций он вылечил врожденные уродства, которые ранее считались безнадежными, и вернул искривленным конечностям их нормальную силу и симметрию. Он обнаружил специфические патогенные бактерии, вызывающие многие заболевания, и сделал их безвредными с помощью их собственных культур. Посредством инъекции экстракта, полученного из секрета желез, он продлевал пульсацию сердца животного в течение нескольких часов после обезглавливания; путем ритмического сжатия он восстанавливал работу этого органа после его полной остановки — когда жизнь практически угасла.

Наука сказала нам, что ясная голубизна небосвода, кажущаяся безупречно чистой, вызвана парящими частицами атмосферной пыли; что каждая веточка, лист и травинка — даже каждая недавно упавшая капля дождя - являются источником электрической энергии; что движение — это правило, а покой — исключение, влияющее на составные атомы Вселенной, - если, конечно, покой вообще существует; что паразит, вселяющийся в тело мельчайшего насекомого, сам по себе является обиталищем мельчайших организмов; что сам воздух, которым мы дышим, является источником энергии. он кишит микробами страдания, болезней и смерти. Оно заставило служить себе невесомых агентов и продемонстрировало их взаимообменяемость; даровало бесценные благословения живущим; утетило изнывающее

человечество и распространило свои долгожданные услуги даже на могилу. Это дало нам представление о продолжительности нашего земного шара и установило систему хронологии, необъятность которой мы тщетно пытаемся постичь, где столетия - ничто, а циклы - всего лишь мимолетные периоды времени. По единственной ископаемой кости он воспроизвел форму и описал повадки чудовища, которому в доисторические времена принадлежал. Он измерил движение мысли, которое, несмотря на свою вошедшую в поговорку скорость, как было доказано, составляло всего около ста футов в секунду. Исследуя ментальные феномены гипноза и телепатии, она добавила доказательств, которые, как правило, подтверждают существование Мировой Души. Она научила всех пользоваться самыми гордыми прерогативами интеллекта — думать, сомневаться, рассуждать здраво - и спасла человеческий разум, долгое время погребенный под накопившимися нелепостями почтенной традиции. Этих великих результатов оно достигло в детстве, под неблагоприятным влиянием, с противодействием фанатиков и невежд, с его приверженцами, которым угрожали темница, эшафот и костры инквизиции; но которые с той суровой, непоколебимой настойчивостью, которая в конце концов пожинает свою награду в запоздалых почестях потомства, продолжали свой путь, сознавая благородство своего призвания и укрепляясь размышлениями о той возвышенной философии, которая “смотрит сквозь природу на Бога Природы”.

Общество далеко продвинулось вперед по сравнению с той интеллектуальной стадией, когда кометы боялись как предвестницы вселенского несчастья; когда появление эпидемии считалось проявлением гнева Всевышнего; когда суеверный страх превращал каждый плывущий туман в плащ для гоблинов; рассматривал каждый шелест листы как свидетельство сверхъестественного присутствия; видел в каждом кипении газообразной воды таинственное явление, в каждом подземном грохоте - зловещее предзнаменование. Это освобождение человеческого интеллекта, этот импульс ко всякому проявлению материального прогресса нельзя приписать церковному вдохновению. Они не были продуктом крестовых походов. Они не были результатом Реформации. Они не являются работой христианства, политика которого действительно постоянно была враждебна их терпимости или поощрению. Они являются законным следствием либеральной политики, принятой и увековеченной халифами Омейядов по всей их великолепной империи, цивилизация которой была чудом средневековой Европы, поскольку ее мощь внушала ужас.

Современная наука, несомненно, всем обязана арабскому гению. Из массы низменных суеверий, ряженых и фетишизма, которые лелеяли и культивировали бедуины, возникло, как мы видели, доскональное знание взаимных связей различных частей Вселенной и знакомство с удивительными явлениями Природы. Из изучения астрологии развилась астрономия; из алхимии - химия; из геомантии - география; из магии - натурфилософия. Были установлены принципы правового правления. Антропоморфизм был отброшен. Больше не предпринималось попыток контролировать неумолимое действие физических сил с помощью молитв и заклинаний. В одном особенно важном отношении мусульмане отличались от своих европейских предшественников. Римская система и готское государство были полностью основаны на силе; арабское могущество в значительной степени контролировалось интеллектуальными условиями.

У этого великого народа любовь к научным исследованиям была всепоглощающей страстью. Она проникла во все правительственные учреждения, во все сферы жизни, в каждую отрасль науки; она даже вторглась в святилища религии. Развитие письменности, проведение экспериментов были на протяжении восьми столетий наиболее выдающимися чертами арабской расы, высшим отличием мусульманских монархов. Далеко не похвально для современной цивилизации, обязанной своим существованием этим занятиям, игнорировать подобные претензии на благодарность и известность из-за предубеждения против религиозных принципов тех, кто ими занимается. Несомненно, во всей литературе нет более благородного и возвышенного чувства, чем то, которое выражено в высказывании Мухаммеда: “Ум без культуры подобен телу без души, и слава заключается не в богатстве, а в знаниях”.

ГЛАВА XXIX

МАВРИТАНСКОЕ ИСКУССТВО ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

786-1476

Абсолютное незнание искусства среди коренных арабов — Их долг перед древностью—Их Ранняя архитектура—Материалы—Массивный характер первых зданий мусульман—Подковообразная арка —Ее Фаллическое происхождение—Прогресс художественного украшения—Ее удивительное разнообразие—Византийское влияние—Использование энкаустических плиток—Мозаики Кордовской мечети—Лепнина—Их состав и бесконечное разнообразие форм—Сталактитовые подвески—Изделия из дерева—Их красивые и замысловатые узоры—Исчезновение арабских архитектурных памятников на Сицилии—Военные сооружения Мусульманской Испании— Типичная форма мечети—Ее еврейское происхождение—Многообразное происхождение испано-арабской архитектуры—Развитие искусства в мавританской Испании—Его Три эпохи—Кульминация Альгамбры—Изображение форм животных—Живопись и скульптура—Настенное оформление—Промышленное искусство—Обработка металлов—Оружие—Драгоценные камни с гравировкой—Керамика—Кожаный гобелен изКордовы—Текстильные ткани—Каллиграфия и иллюминация—Уничтожение художественных остатков мавров.

Происхождение, развитие и упадок искусства у арабов представляют собой один из самых замечательных аспектов средневековой истории. Как в архитектурных памятниках каждого народа можно прочесть хронику его религии, его правления и его нравов, так и скудные памятники испанских и сицилийских мусульман, которым разрушительные последствия внешнего и внутреннего насилия и неумеренное рвение суеверий позволили сохраниться потомкам, представляют собой бесценную летопись канонов их веры, обычаев их социальной и интеллектуальной жизни, роста и укрепления их замечательной империи. С древнейших времен до прихода Мухаммеда в седьмом веке на Аравийском полуострове не существовало ничего, достойного названия архитектуры. Само название этого искусства, подразумевающее оседлое и постоянное жилище, противоречило привычкам и традициям кочевого существования. Как правило, природа страны, характер почвы, нехватка воды, трудности сообщения были непреодолимыми препятствиями для основания городов и развития торговой и обрабатывающей промышленности. Бродячие бедуины относились с отвращением и

презрением ко всем тем, чьи занятия требовали постоянного места жительства и чья безопасность зависела от стен и башен. Его ревность к власти, которая основывала авторитет его шейха на номинальной преданности, которую можно было свергнуть или возобновить по желанию, была противна и полностью несовместима с принципами, которые обеспечивают сохранение установленного правительства или поддержание регулярных общин, организованных для общей защиты и блага. Это правда, что в королевствах Хира и Йемен, которые образовывали соответственно северную и южную оконечности Аравии, существовали города значительного размера. Мекка, почитаемый центр широко распространенной системы идолопоклонства, могла похвастаться многочисленным населением; и торговля на Красном море и в Персидском заливе поддерживала на этих водах несколько незначительных и жалких морских портов; но ни в одном из этих поселений, которые едва ли заслуживали названия городов, нельзя было найти ни единого примера архитектурной симметрии или великолепия. Повсюду на бескрайней территории полуострова царило монотонное одиночество бесплодных скал иzybучих песков, лишенных растительности, не населенных людьми, за исключением свирепых обитателей бедуинского лагеря или торговцев, охранявших отставший караван. Сельское хозяйство, существенная основа процветания каждой нации, было явно невозможно в Пустыне. Механическая изобретательность при таком ограниченном поле ее применения неизбежно сводилась к простейшему устройству, которое могло давать самые обычные и примитивные результаты.

Через длительные и нерегулярные промежутки времени купцы и паломники приносили в Мекку и Медину неопределенные и романтические рассказы о великолепии далеких империй. По сравнению со зданиями населявших их народов жилище самого богатого араба — убогого вида, наводящее на мысль о малом комфорте, совершенно лишенное вкуса и без малейших попыток украшения — едва ли превосходило лачугу. Знаменитая Кааба сама по себе была незначительным сооружением, получившим свое значение исключительно благодаря своим священным традициям, простым варварским хранилищем идолов.

Как было естественно и, действительно, неизбежно, араб на своем победоносном пути впитал и незаметно присвоил идеи и знания покоренных рас, которые были его превосходителями в искусстве цивилизации. Этому процессу в значительной степени способствовал массовый прозелитизм, который был одним из основных эпизодов мусульманского завоевания и который нередко приводил к практическому отступничеству целых народов и их вступлению под знамена ислама. В Египте, Сирии, Персии архитектурные памятники арабов вобрали в себя черты расы, влияние которой преобладало в регионах, подвластных их власти, точно так же, как это было со всеми предшествовавшими им народами-победителями. Однако в Испании, а также на Сицилии, насколько мы можем предположить, работы завоевателей отличались большей оригинальностью, чем это можно наблюдать в других странах. В великолепных остатках вкуса и элегантности, которые пережили свое господство почти на пятьсот лет, нельзя обнаружить четко выраженной связи с восточной архитектурой. В стране, озаренной его гением и обогащенной его трудолюбием, испанский мусульманин забыт или абсолютно неизвестен большинству людей; память о нем презирается как о неверном; его работы осуждаются как варварские; результаты и влияние его цивилизации оспариваются или принижаются; его храмы изуродованы или полностью разрушены; его дворцы превращены в убогие пристанища нищенства и порока; в то время как одетый в кожу пастух наблюдает за своим стадом на некогда знаменитом месте садов, украшенных великолепными виллами и прекрасных всей роскошью и причудливостью окружающей среды. садоводство Востока.

Испано-арабская эпоха архитектуры охватывает период в шестьсот девяносто лет от основания Кордовской мечети в восьмом веке до завершения строительства Альгамбры в пятнадцатом. За это время он прошел через множество фаз, на особенности которых ясно указывают сохранившиеся памятники, но порядок развития которых несовершенен и границы которых точно не определены. Хотя великий храм ислама, возведенный Абд-ар-Рахманом, был в значительной степени сложен из материалов, взятых из остатков классической древности, арабская архитектура ничего не заимствовала в дизайне от колоссальных римских руин полуострова. Восхищение их пропорциями и красотой пробудило желание не столько подражать им, сколько создать нечто, с чем их можно было бы достойно сравнить; здания, которые соответствовали бы вкусам и потребностям стремительной, высокоорганизованной и страстной расы, неумеренно любящей разнообразие и украшения, легко опьяняющейся религиозным энтузиазмом, преданной искусствам и прихотям буйной чувственности. Гигантская масса пирамиды, искусно украшенный скульптурой фасад персидского дворца, элегантные формы греческого храма и римской триумфальной арки могли бы вызвать благоговейный трепет у араба; но они лишь в малой степени отвечали его пылкой чувствительности и его восторженной натуре, которая стремилась к созданию тысячи экстравагантных и фантастических видений. Идеи, навеянные шедеврами древности, однако, открыли новые и заманчивые перспективы для его талантов и честолюбия, и вскоре он стал таким же искусным в самом прочном из искусств мира, каким был в стремлении к завоеваниям и расширению владычества.

Ни один народ никогда не использовал в такой степени, как арабы, материалы, усовершенствованные мастерством и трудом их предшественников; и, можно добавить, никто ни в древние, ни в современные времена не пользовался такими возможностями и не извлекал таких выгод из позорного дела грабежа. От Бискайского залива до Гималаев мусульманский завоеватель построил роскошные дворцы и храмы из великолепных реликвий египетской, греческой, римской, сасанидской и индийской цивилизаций. Великие столицы возвышались рядом с местами расположения городов, происхождение которых было затеряно в древности, чья история восходила к началу мира. Эти работы, хотя и демонстрировали скорее сознание силы, чем признаки вкуса, были в высшей степени полезны при закладке фундамента новых форм архитектуры, украшения которой должны были демонстрировать формы несравненного великолепия и красоты. Планы этих сооружений поначалу носили простейший характер, их орнаментация была грубой и варварской. Только когда запасы материалов, какими бы великими они ни были, истощились и арабский архитектор был ограничен усилиями своего собственного гения без посторонней помощи, был разработан тот особый стиль, который, различаясь по своему устройству в каждой стране, все же сохранял общее сходство во всех, тип, наводящий на мысль о поэтических рапсодиях Корана и требованиях системы домашнего уединения и таинственности; роскошь которого напоминала, по контрасту, жару и лишения пустыни; легенды о котором дышали духом благочестивого смирения и благодарности; украшения которого поражали глаз своей сложностью форм и разнообразием цветов; апартаменты которых были превосходно приспособлены для удовлетворения всех капризов необузданного потворства своим желаниям. Тесные связи и общая вера различных частей великой мусульманской империи распространили повсюду различные знания и опыт, приобретенные каждым из них; принципы каждой отрасли искусства стали более глубоко поняты, и их применение облегчалось и поощрялось благодаря поощрению, обеспечиваемому растущим

богатством и королевской щедростью. Раннее пристрастие арабского студента к точным наукам во многом способствовало развитию и совершенствованию архитектурного мастерства.

Сначала строительное искусство было просто конструктивным, без прикрас, достоинств или оригинальности; материалы - награбленное древностью; стиль - слабая и уничиженная имитация простейших частей тех благородных свай, которые вызывали восхищение и славу древнего мира. Знакомство с этими моделями, знакомство с принципами математической науки, дух соперничества, возбуждаемый надеждой на существенное вознаграждение, вскоре породили расу строителей, чьи творения знаменуют новую и великолепную эпоху в истории архитектуры. Как и вначале, никакие условия не могли быть более неблагоприятными для развития этого искусства; в конце концов, напротив, ни один народ никогда не достигал большего совершенства в изящных очертаниях, изысканной красоте, искусном убранстве своих зданий. Важность этих результатов очевидна из того обстоятельства, что они обычно достигались за счет использования самых обычных материалов и применения простейших правил геометрии.

Арабы Африки и Испании обычно использовали в своих более массивных сооружениях конгломератный материал, состоящий из извести, глины и гальки, называемый "табби" или "тапия", который был хорошо известен римлянам и упоминается Плинием. Эта смесь, составлявшая основу здания и со временем приобретшая необычайную прочность, часто облицовывалась обработанным камнем или цементным покрытием, которое плотно соединялось с центральной массой и превосходное качество которого подтверждается образцами каменной кладки, сохранившимися практически в первозданном виде на протяжении длительного периода в одиннадцать столетий. В некоторых случаях вместо тапии использовались большие кирпичи, часто с глубокими бороздками для пропитки раствором; в других вся стена была сложена из тесаного камня; мечеть Кордовы представляет примеры всех трех этих методов строительства. Там, где глина материала содержала оксид железа, что иногда имело место, это придавало зданию нежный оттенок, подобный оттенку лепестков розы, как в Альгамбре, которая получила свое название из-за цвета своих стен.

Превосходная сохранность, характеризующая мавританские памятники полуострова после столетий разграбления и забвения, свидетельствует о прочной природе их фундаментов, а также о тщательности и мастерстве, которые, должно быть, были применены при их возведении. Многие из этих сооружений, судя по их массивным пропорциям, выступающим контрфорсам, высоким башням и оштетинившимся валам, скорее напоминали оборонительную крепость, чем обитель княжеской роскоши или храм, посвященный Богу милосердия и мира. Хотя ни одно вероучение не вызывало у арабов такого отвращения, как вероучение магов, тем не менее он не побрезговал увенчать вершины своих мечетей и минаретов зубчатыми стенами Персии в форме пламени, символизирующими поклонение Огню. Кордовская мечеть, севильская Хиральда и многие здания Северной Африки украшены этим поразительным и любимым орнаментом, который сохранялся на протяжении всего мусульманского господства на полуострове и одинаково сверкает в мозаиках Альгамбры, в золотом шитье текстильных тканей и среди богатых и великолепных иллюстраций Корана.

Как в усилении, так и в украшении своей работы ни один художник никогда не использовал арку с большим эффектом, чем мусульманин. Вариации его изгиба последовательно указывают на различные фазы испано-арабской архитектуры с восьмого по пятнадцатый век. Некоторые из

его модификаций, например, *аджимес*, или двойное окно, разделенное тонкими колоннами, вероятно, возникли в мавританской Испании, здания которой представляют собой изысканные примеры его использования в сочетании утилитарности и декора. Самой ранней аркой, наиболее часто применявшейся во времена халифата Оммеядов, была форма подковы, символическое происхождение которой восходит к примитивным эпохам фаллицизма и напоминает о почитании некогда животворящих принципов Природы. Символы этого культа, впечатления от которого христианство могло изменить, но не могло искоренить, с самых ранних времен считались мощными талисманами против любого вида пагубного или демонического влияния. В средние века европейские христиане носили эти эмблемы в качестве амулетов; они вырезали их на алтарях своих святынь; они увековечивали их на своих шпилях и башенках своих соборов; они почитали их в священных формах креста и распятия. С незапамятных времен в Северной Африке существовал обычай размещать у входов в дома в качестве защиты от сглаза символ, известный индуистским суевериям как Йони. От этой древней практики произошел стремительный изгиб ультраполукруглой арки, которая занимает такое важное место в арабской архитектуре и появление которой считалось предзнаменованием удачи для всех, кто проходил мимо порталов мусульманского дворца, мечети или частной резиденции. Легкость модификации, которую предоставляет этот предмет, привела к тому, что он был представлен в самых разнообразных формах; а о живучести обычая, происхождения которого в народе неизвестно и особое значение которого давно забыто, свидетельствует практика прикрепления подковы над дверями жилищ в знак благоприятного приветствия, все еще распространенная во многих частях мира.

Другой индийский символ, лингам, изваянный на вечных скальных храмах Индостана, который египетские жрецы носили в торжественной процессии во время праздников Осириса, вырезанный на римских оконечностях и вделанный в гребень шапки венецианских дождей, можно добавить, что сегодня он изображен с поразительной точностью перед природой на монетах самой практичной и прогрессивной из современных наций - Соединенных Штатов Америки.

Сохранение эмблем и церемоний фаллицизма как в христианской, так и в мусульманской системах демонстрирует неискоренимое влияние, которое культ всегда оказывал на суеверных любого класса, члены которого, как правило, наиболее ревностно соблюдают те обряды, которых они не понимают; и представляет собой один из самых любопытных и занимательных эпизодов в анналах человеческой непоследовательности и беспрекословной преданности.

Использование арки, поначалу исключительно утилитарное, с прогрессивным развитием художественных концепций, в конце концов стало просто средством архитектурного украшения. Эффект изящных филигранных аркад Альгамбры, чьи хрупкие материалы кажутся неадекватными для поддержки карнизов и антаблементов, очевидно опирающихся на них, иллюзорен; это всего лишь структурная выдумка мавританского дизайнера. Прослеживается регулярная серия изменений, начиная с смелого подковообразного изгиба раннего халифата, через гравированные, слегка заостренные, в виде многогранника, оживальные арки и заканчивая богато украшенными и грациозными изгибами дворца Альхамаресов. Однако, несмотря на все его модификации, некоторые характеристики сохранились; среди них пружина одной или нескольких арок от кронштейна, образованного лепниной капителя, устройство, характерное для арабской архитектуры, и сохранявшееся долгое время после того, как арка

перестала быть важным элементом его конструкции. Каждая вариация сегмента круга, которую могла изобрести человеческая изобретательность, давала арабу новые ресурсы. Форма подковы была более или менее выраженной; римлянин получал свежие украшения своими руками; оживаль был простым, украшенным гирляндами или зубчатым. Колонны были необычайно тонкими после того, как был определенно установлен их тип; в сооружениях, возведенных первыми, они обязательно отличались друг от друга размерами, материалом, формой, цветом и орнаментом, составляя, как они и делали, добычу из сотен зданий, собранных во многих и далеко отстоящих друг от друга странах. В мечети Кордовы, наиболее поразительном примере такого неразборчивого использования античных ценностей, колонны не имели оснований и были расположены произвольно, без учета правил архитектурной симметрии.

Весомость свидетельств, по-видимому, полностью подтверждает мнение о том, что оживаль, или стрельчатая арка, адаптация которой является столь характерной чертой готического строительства, была завезена в Европу либо через Сицилию, либо через Испанию. Его изобретение нельзя приписать арабам. Он был известен в Азии задолго до времен Мухаммеда. Он находится в разрушенном дворце персидских царей в Ктесифоне. Ни в коем случае нельзя быть уверенным, что он не использовался на Сицилии до вторжения арабов. Последние были знакомы с его формой еще до девятого века, поскольку он широко использовался в мечети Тулун в Каире.

Капитель отличается таким же разнообразием форм и убранства, как и арка; в одних преобладал коринфский, в других - композиционный порядок; во многих снова были представлены самые витиеватые и фантастические узоры, образцы витиеватого и декадентского вкуса Константинополя; в последний период ионическую спираль и классический акант заменили золотые надписи из Корана изящным арабским шрифтом.

В искусстве настенного декора араб стоит особняком и ему нет равных. Снаружи его здания, как правило, были голыми и мрачными, но внутри пылкое воображение художника наслаждалось мириадами форм изысканного вкуса и красоты. Религиозная система, простые доктрины которой взывали скорее к сердцу, чем к чувствам; общественные обычаи, ревностное соблюдение которых запрещало даже видимость публичности, скрывали от глаз любопытных совершение религиозных церемоний и поучительную демонстрацию домашней жизни и нравов. По этим причинам в мусульманских жилищах было мало проемов; гаремные традиции не поощряли использование окон; обычно считалось достаточным иметь одну дверь; и даже подходы к мечетям, толпы молящихся в которых требовали множества входов, были настолько искусственными, что внутренние помещения не были видны с улицы.

В некоторых случаях, когда особая святость сооружения, казалось, оправдывала расточительность украшений, испанский араб отступал от правила, которое он обычно соблюдал. Двадцать один портал великого храма Кордовы был увенчан декоративными панелями, сложенными из кирпича и штукатурки, расположенными в виде арабесок, одной из самых ранних форм этого очаровательного метода настенного декора. Здесь также представлены первые образцы мраморной решетки, щели в которой пропускают воздух, но не пропускают свет; и аджимеза, или окна в форме ниши, с широким бордюром и миниатюрными колоннами из верде-антика и алебаstra. На решетках и вперемешку с персидскими орнаментами дверных проемов можно увидеть древнюю суастику, или санскритский крест,

символизирующий счастье и нравственное возрождение и почитавшийся арийской расой как драгоценный талисман более чем за тысячу лет до христианской эры. Повторение этой эмблемы на стенах семитского храма, ныне посвященного богослужению, которому одинаково отвратительны догматы как мусульман, так и индуистов, по иронии судьбы наводит на мысль о нестабильности религиозных институтов. Другим необычным обстоятельством является появление латинского креста на некоторых капителях, несомненно, изваянного там до возведения здания. Когда вспоминается антипатия мусульман к христианской эмблеме спасения, этот факт становится не только экстраординарным, но и необъяснимым. Севильская Хиральда, которая, как теперь считается, была возведена как памятник завоевания и служила двойному назначению минарета и обсерватории, в глазах андалузских мусульман уступает по святости только кордовской Джальме, в замечательной степени демонстрирует талант мавританского художника в украшении фресок. Его величественные пропорции, уникальный и пышный характер орнамента распространили его известность до самых отдаленных регионов Востока и сделали его архитектурной гордостью и прославлением мусульманской Испании. Известно, что и она, и мечеть Кордовы были расписаны; говорят, что промежутки между изящным узором кирпичных арабесок, покрывающих ее бока, были окрашены в яркие оттенки алого и лазурного, в то время как выступающие конструкции были позолочены, в целом образуя сверкающую массу цветов, сочетания которых, должно быть, производили невообразимо великолепный эффект.

Византийское происхождение многих характеристик ранней испано-арабской архитектуры подчеркивается в Хиральде, конструкция которой, если не считать украшений, является почти аналогом Венецианской Кампанилы, с которой она была практически одновременной. Наклонные плоскости, или пандусы, вместо лестниц, обеспечивают доступ к вершине в обоих случаях; и, хотя Хиральда намного красивее, их общее сходство в плане, размерах и внешнем виде не может не произвести впечатления на самого невнимательного наблюдателя.

В двух главных сооружениях мавританской Испании, посвященных служению религии, в первую очередь следует отметить использование эмалированных плиток в качестве элемента внешнего убранства - искусства, новейшие модификации которого также были свойственны арабам и которое впоследствии было доведено до такой степени совершенства. В мечети сохранилось лишь несколько грубых и плохо скомпонованных образцов; образцы Хиральды сделаны из гораздо лучшего материала и отделки, и по сравнительно небольшому количеству сохранившихся мы можем составить некоторое представление о внешнем виде этой великолепной башни, когда ее вершина была опоясана этими блестящими украшениями, чьи полированные поверхности сверкали, как драгоценные камни, в лучах андалузского солнца.

Улучшение производства и расположения энкаустических плиток является показателем прогресса испанских мусульман в механическом искусстве, а также в применении принципов архитектурного орнамента. В последний период их владычества на полуострове использование облицовки плиткой было практически ограничено внутренними помещениями, и именно в Альгамбре оно достигло своего наивысшего развития. По ошеломляющей сложности узоров, по точности, с которой соединены их мельчайшие детали, по разнообразию цветов и по изысканному вкусу, с которым они сочетаются, мозаики этого дворца абсолютно недостижимы для любой подобной работы, когда-либо созданной человеческим мастерством. Их поверхности обладают блеском и полировкой тончайшего фарфора. На краях отделенных фрагментов видны следы от напильника, свидетельствующие о кропотливом и добросовестном

труде мавританского ремесленника. Эти эмали замечательны не только своей элегантностью, но и тем радикальным отличием, которое они представляют от мозаик, использовавшихся во времена существования Кордовского халифата. Последние не были керамическими, их готовили путем нанесения красок на стену, а затем покрывали их крошечными кубиками стекла, погруженными в прозрачный цемент.

Михраб Великой мечети показывает, каких результатов можно достичь с помощью этого простого процесса. В его богатых панелях, арках и куполах, в поясах надписей, переливающихся множеством ярких оттенков, в изящных переплетающихся арабесках хрустальная мозаика, сама по себе нетленная, сияет неизменным блеском по прошествии более чем девяти столетий. Самые знаменитые произведения этого описания, сохранившиеся в церквях и мечетях Константинополя, а также в соборах Венеции и Равенны, не идут ни в какое сравнение, за исключением характера используемых материалов, с теми, которые украшают святилище знаменитого мусульманского храма. Рисунки, несомненно, были выполнены арабскими художниками, чья многогранность раскрывается их необычайным мастерством в искусстве, с которым они, должно быть, были до сих пор незнакомы, и в чьих успешных манипуляциях они превзошли шедевры византийского гения. Не было дано никаких объяснений, объясняющих внезапное прекращение использования метода архитектурного украшения в момент его кульминации, в примере, который вызвал похвалу тридцати поколений; но это хорошо установленный факт, что после разрушения халифата в десятом веке использование византийской мозаики, самого изысканного из орнаментальных процессов, известных испанским арабам, навсегда исчезло с полуострова. Возможно, его экзотическое происхождение было в какой-то степени ответственно за его внезапное и абсолютное исчезновение. Сосейфеса, от греческого ψήφοις, "сделанная из маленьких камешков", как эту мозаику называли мавры, была отличительным продуктом византийской изобретательности. Материал, предназначенный для строительства мечети, а также рабочие, искусные в его использовании, были отправлены халифу Аль-Хакему II. греческим императором Константинополя; и именно от этих иностранцев мавры научились ведущим принципам искусства, которое, долгое время практиковавшееся на берегах Босфора, теперь стало знакомым многим городам средиземноморского побережья. Ревнивая гордость араба, который был не прочь заимствовать архитектурные идеи у разных народов, которые были его мастерами в строительной науке, и многие из которых склонились под его игом в качестве данников, возмутилась, возможно, открытому присвоению целой системы врагом его религии, и особенно признанию интеллектуальной неполноценности, которое мог подразумевать такой поступок.

Однако в совершенстве эмалированной мозаики его оригинальность не вызвала сомнений; его художественные замыслы были безграничны; и доказательства его творческого гения написаны на стенах и колоннах, которые вызвали восхищение архитектурных критиков из стран, неизвестных как Европе, так и Азии на момент их завершения. Даво Альгамбры, ее тротуар и крыши до того, как систематическое пренебрежение и вандализм сделали свое разрушительное дело, несомненно, представляли собой зрелище уникального и ослепительного великолепия. Полное исчезновение по меньшей мере трети дворца и бесстыдное уродство остальной части, к сожалению, лишили архитектора эталонов для сравнения в разные эпохи, по которым можно было бы определенно проследить различные этапы прогрессивного развития применения энкаустической плитки.

Однако наиболее отличительной чертой арабского настенного орнамента является лепнина, которая, по-видимому, возникла одновременно с самыми ранними памятниками халифата. Его поразительное усовершенствование было настолько значительным, что образцы грубого орнамента, выполненного в восьмом веке на стенах Кордовской Джальмы, и изящные, похожие на кружево украшения, созданные в четырнадцатом году строителями Альгамбры, имеют друг с другом едва ли хоть малейшее сходство. Секрет состава этого материала, который со временем стал таким же твердым и долговечным, как камень, утерян. Предполагается, что он был сделан из измельченного мрамора, извести и гипса, смешанных в определенных пропорциях с яичными белками, а затем, находясь в почти жидком состоянии, разлит в формы. В нем содержалось какое-то вещество, ядовитое для всех насекомых, поскольку ни мух, ни пауков никогда не замечали на стенах мавританского дворца. Это необычное свойство, которое в не меньшей степени, чем любая другая причина, способствовало сохранению этого драгоценного памятника арабского искусства, народная традиция приписывает присутствию чеснока в ступке; но запах этого растения, каким бы резким он ни был, несомненно, должен был выветриться с течением лет; и ни одно вещество, известное современной химии, при воздействии атмосферных воздействий на протяжении веков не сохраняет своих свойств в неизменном виде. Лепка лепных орнаментов способствовала их воспроизведению и умножению бесконечного разнообразия узоров. Из последних Контрерас насчитал сто пятьдесят два, все разные, в одной квартире - Зале Комарес в Альгамбре. Их эффект напоминал богатейший вышитый гобелен, иллюзия усиливалась за счет драпировок из тисненой и раскрашенной кожи, часто подвешенных под ними. Своеобразное текстильное сходство арабских фресок возникло благодаря драпировке палатки и является напоминанием о кочевой жизни в пустыне.

При наличии этой великолепной вышивки камнем, которая теперь напоминает ткани из шелка и золотой парчи и снова приобретает нежную текстуру кружева, чьи тонкие сетки, кажется, колышутся при каждом дуновении ветерка, теряется всякая видимость солидности. Этот приятный художественный обман распространяется даже на конструкцию арок, которые, по-видимому, выдерживают тяжести, лежащие на их изгибах, под влиянием какого-то таинственного принципа, неизвестного законам механики. Однако объяснение очевидного явления раскрыло метод, столь же простой, сколь и гениальный. На капители были положены легкие, но прочные деревянные балки, которые, покрытые штукатуркой, терялись в лабиринте орнамента, в то время как они служили реальной опорой аркадам, солидный характер которых демонстрируется их успешной устойчивостью к насилию стихий и вандализму человека на протяжении многих веков. Интерьеры квартир государственных учреждений и королевских резиденций были покрыты такого рода орнаментом, выполненным в виде горельефа, в котором наиболее привлекательной и заметной чертой был сталактитовый или подвесной свод, созданный мавританским архитектором.

Было бы невозможно перечислить удивительное разнообразие форм, которые этот пластический материал был вынужден принимать под умелыми манипуляциями художника. Миниатюрные колоннады, увенчанные изящно выгравированными арками, медальонами, фестонами и венками, гербы и девизы Альхамаров, арабские тексты и легенды, которые можно с одинаковой легкостью прочитать справа или слева, и геометрические узоры, элементы которых подвержены бесконечному количеству изменений и комбинаций, - вот основные моменты, которые бросаются в глаза и вызывают к воображению в этих роскошных залах, которые в их

первоначальном состоянии, должно быть, демонстрировали великолепие, не поддающееся никакому описанию.

Сталактитовые узоры, изящное расположение и удивительное разнообразие которых особенно восхищали конструктивный гений мавра, были нанесены не только на купола, но и в углах вдоль фриза и на плоской поверхности стен. Купола главных покоев Альгамбры полностью состоят из этих подвесок, число деталей которых, представляющих собой самые изысканные образцы художественного вкуса, исчисляется многими тысячами. Прочность материала была значительно увеличена за счет использования сучьев и тростника, засыпанных в свежий и податливый строительный раствор, который крепился к деревянному каркасу гвоздями, покрытыми оловом, на которых даже сейчас, под воздействием воздуха, нет следов коррозии.

За исключением колонн, столь заметной особенности арабской постройки, мрамор использовался редко, хотя каменоломни Испании с глубокой древности славились количеством и качеством производимой продукции. Хотя среди антикваров по этому вопросу преобладают разные мнения, вполне вероятно, что колонны, поддерживающие аркады Альгамбры, изначально были позолочены. В Зале правосудия некоторые из них покрыты мозаикой, что создает уникальный, если не сказать приятный эффект.

Столь же оригинальными и великолепными были потолки и двери величественных мавританских зданий. Искусство маркетри открыло арабскому мастеру область, в которой его характерная любовь к деталям и замысловатым сочетаниям, подкрепленная неослабевающим трудолюбием, нашла полное выражение. В зданиях халифата потолки, вместо того чтобы быть плоскими или сводчатыми, обычно соответствовали по количеству и наклону крышам, которых в мечети было девятнадцать, по одной на каждый неф. Стропила, вырезанные с трех сторон, ограждали пространство, образуя правильный ряд панелей, выкрашенных яркими красками, лепнина и другие выступающие части которых были покрыты золотом. Изделия из дерева нередко инкрустировались редкими и драгоценными материалами, такими как черное дерево и слоновая кость, перламутр, панцирь черепахи, лазурит и различные драгоценные камни. В более поздние периоды мусульманского господства использовались те же материалы, но их расположение определялось более правильными представлениями об архитектурном строительстве. Примитивные угловые потолки были заменены полусферическим куполом, поверхность которого, покрытая великолепным геометрическим узором, сверкающим киноварью, голубизной и золотом, демонстрировала во всем своем совершенстве высочайшее мастерство мавританских ремесленников. Двери и решетки гарема соответствовали по стилю и мастерству исполнения украшенным интерьерам зданий, и не было ничего необычного в том, что одна решетка, закрывавшая проем площадью всего в несколько квадратных футов, содержала полторы тысячи деталей, объединенных во множество сложных и изящных геометрических узоров. Мимбар и аналой Кордовской мечети, уже описанные на этих страницах, изделия из пахучего и драгоценного дерева, скрепленные золотыми гвоздями и украшенные драгоценными камнями, — долгое время гордость правоверных, а теперь предмет бесплодных спекуляций историков, — также были примерами арабского маркетри, созданного в самом зачаточном состоянии этого искусства. Совершенство, достигнутое впоследствии в резьбе по твердым породам дерева, которые часто украшались арабесками из золота, серебра и меди, никогда не было превзойдено.

Известно, что на Сицилии, менее удачливой в этом отношении, чем Испания, не существует ни одного достоверно подтвержденного здания времен мусульманского владычества. Два великих сооружения — Зиза и Куба — в окрестностях Палермо, отнесенные сомнительными властями к десятому веку и, несомненно, перестроенные, если не полностью реконструированные, норманнами, являются единственными примерами, по которым мы можем составить какое-либо представление об архитектуре королевства, не уступающего Кордовскому халифату во всем, что подразумевает высокоразвитый уровень интеллектуальной культуры и цивилизации. Их пропорции смелы и массивны; их экстерьеры, хотя и ни в коем случае не богато украшены, украшены серией высоких углубленных арок, простирающихся от фундамента до фриза, последний образован арабской надписью гигантских размеров, которую сейчас невозможно расшифровать. Эти здания, за исключением нескольких мозаик и некоторых сталактитовых украшений, очевидно, времен норманнов, не обладают ни одной из отличительных черт современной сарацинской архитектуры, что наводит на вполне обоснованные подозрения в их предполагаемом арабском происхождении. Незащищенное положение Сицилии, которое подвергало ее набегам всевозможных мародеров, череда полуварварских правителей, длительные и кровопролитные гражданские войны, неослабевающая враждебность Римского престола ко всему, что связано с мусульманством, могут объяснить полное исчезновение великолепных архитектурных памятников, которыми, как сообщает нам история, изобиловало время мусульманского правления. Та же участь постигла произведения механического и промышленного искусства, ни одно из которых, представляющее какую-либо важность или, действительно, имеющее установленную подлинность, не сохранилось ни в национальных музеях, ни в частных коллекциях. Памятники мусульманской цивилизации на Сицилии, о которых такие многочисленные и интересные подробности сохранились в произведениях современных местных авторов, были, таким образом, практически уничтожены. Абсолютная нехватка этих объектов архитектурной и художественной изобретательности становится еще более удивительной, если принять во внимание масштабы производственных и коммерческих интересов средневековой Сицилии, защиту и поощрение, оказанные мусульманам их завоевателями, и тесные отношения, которые они поддерживали с соседними странами.

Военные сооружения мусульманской Испании обладают теми же общими характеристиками, что и другие сохранившиеся образцы оборонительной архитектуры средневековья. Как можно было бы предположить, исходя из целей, для которых они предназначались, и из того, что они подвергались непрерывным войнам на протяжении многих веков, они претерпели радикальные изменения, и на таком расстоянии во времени обычно невозможно определить, какие части имеют арабское, а какие кастильское происхождение. Единственным совершенным сохранившимся образцом мавританской фортификации на полуострове являются Ворота Солнца в Толедо. Оборонительные сооружения испанских арабов, как правило, были огромного масштаба, и их строительство осуществлялось в строгом соответствии с наиболее известными принципами военной инженерии. Стены были большой толщины и прочности, башни квадратные и располагались через частые промежутки, как, например, в Гранаде, чьи линии обхода, хотя и не отличались чрезвычайной протяженностью, насчитывали более тысячи трехсот. Крытые пути и барбаканы, снабженные зубчатыми стенами, защищали подходы и саму крепость от внезапного нападения. Цитадель, которая часто занимала значительную территорию и чьи окрестности производили впечатление миниатюрного города, была одновременно резиденцией двора с его многочисленной свитой, штаб-квартирой армии и хранилищем продукции монетного двора и арсенала. Он сообщался посредством подземных

ходов, известных только определенным должностным лицам правительства, с другими оборонительными сооружениями и всегда с внешней стеной города, предоставляя таким образом быстрый и неожиданный способ побега во время заговора или восстания. За исключением Ворот Солнца в Толедо, мавританские цитадели демонстрируют мало попыток декорирования; серьезное и важное предназначение этих гигантских сооружений проявляется в их хмуром виде и массивных стенах, которые не представляли ни соблазна, ни возможности для проявления декоративного мастерства. Вода обеспечивалась гарнизону не только огромными цистернами, но и галереями, прорубленными на большие расстояния в твердой скале под руслом ручья, который обычно огибал возвышенности, на которых были возведены эти крепости. Иногда, когда расположение башни обеспечивало необычную безопасность, ее интерьер отделывался со всей помпезностью и красотой королевской резиденции.

Мечеть, один из наиболее характерных типов арабской архитектуры, до последнего сохранила в своем плане и принципах строительства поразительные особенности своего происхождения. Хотя предполагалось, что его дизайн был заимствован из базилики, не может быть никаких сомнений в том, что он был создан по образцу еврейского храма. Его прямоугольная форма, ряды колоннад, михраб, соответствующий святым святым, фонтаны для церемониального очищения - все это наводит на мысль о многочисленных чертах сходства, существующих между мусульманской и иудейской верой. Несмотря на унаследованные предрассудки, эти две большие части семитской расы, которые ведут свое общее происхождение от Авраама, всегда разделяла расплывчатая и плохо очерченная граница. Простая роскошь Пустыни напоминала не только о приятном журчании воды, но и о благоухании и тени придворных апельсиновых деревьев, которые освежали чувства верующего и наводили его живое воображение на мечты о материальном и сладострастном рае. Умеренная высота здания преувеличивала его и без того огромные размеры; глаз, сбивый с толку лесом колонн, тщетно пытался проникнуть в его бесконечные глубины; впечатление бесконечности усиливалось наложенными друг на друга ярусами переплетающихся арок, сочетания которых напоминали изящную листву их прототипа - аравийской пальмовой рощи.

Мавританская архитектура полуострова, как читатель, без сомнения, уже заметил, отличается скорее элегантностью, чем величиим. Это не было похоже на Египет, влияние которого зависело от возвышенного, внушительного, колоссального. Дух греческого искусства, нашедший выражение в сооружениях, совершенная симметрия форм и правильность деталей которых никогда не имели себе равных, не дал арабскому архитектору ни одной из тех художественных концепций, которые вдохновляли художников, скульпторов и строителей последующих эпох. Гений араба был в целом скорее адаптивным, чем творческим, скорее подражательным, чем оригинальным. Но хотя многие из его идей можно проследить по примерам прежних цивилизаций, вряд ли можно сказать, что люди, которые извлекли выгоду из предложений десятков рас и усовершенствовали их, позаимствовали у какой-либо из них. Хотя искусство, особенно применительно к архитектуре, является безошибочным показателем чувств и ментальных особенностей людей, которыми оно создано, ни один из них не может претендовать на абсолютную оригинальность своих произведений; все они неизбежно зависят от своих предшественников в значительной части творческого влияния, под влиянием которого они приводятся в действие. Это особенно верно в отношении арабов Запада. Все нации древности, так же как и современного мира, отдавали интеллектуальную дань великой Мусульманской империи Запада. Его мечети были еврейскими, укрепления - римскими, минареты - византийскими. Лучшее украшение экстерьера его великолепного храма было

заимствовано из Ктесифона, а интерьера - из Константинополя. Его лепнина была привезена из Сирии, а эмали - из древней Ниневии. Бесконечные комбинации его геометрических узоров и метод навешивания дверей были знакомы египтянам за три тысячи лет до того, как они начали использоваться в Испании. Капители самых ранних колонн представляют собой неуклюжую имитацию греческих моделей. Исследования антикваров выявили зародыш подвесного свода в Персии, а резной и расписной потолок из дерева использовался на Востоке задолго до появления Мухаммеда. Даже обработка щебня, основа любого вида арабской архитектуры, была процессом, который использовался при строительстве зданий с глубокой древности.

Испано-арабскую архитектуру обычно для удобства разделяют на три произвольных и нечетко определенных периода: эпоха ее зарождения, охватывающая работы, приписываемые халифату Оммеядов; эпоха ее перехода, которая включает в себя все сооружения, возведенные княжествами, возникшими после распада мусульманской империи; и эпоха ее кульминации, которая началась с возвышения независимого королевства Гранада в тринадцатом веке и завершилась непревзойденным совершенством Альгамбры. Памятники первого периода, из которых Кордовская мечеть является наиболее ярким и фактически единственным совершенным образцом, широко разбросаны и неполны.

Роскошные здания, которыми изобилует каждый город, исчезли или были изуродованы почти до неузнаваемости. Варварское насилие уничтожило дворцы, выстроившиеся вдоль Гвадалквивира, богатством и красотой которых восхищался весь мир. Церковная злоба разрушила до основания или старательно стерла характерные черты бесчисленных храмов, возведенных для распространения враждебной религии, и о масштабах этой систематической вражды можно судить по наводящему на размышления факту, что из семисот мечетей, необходимых для богослужения в мусульманской столице, уцелела только одна. Тщательные антикварные исследования не смогли установить даже местонахождения всех, кроме трех или четырех из оставшихся, о существовании и великолепии которых история и традиции предоставляют многочисленные и неоспоримые свидетельства. Невежество и предрассудки последующих поколений, в дополнение к вышеназванным разрушительным факторам, внесли свою лепту, и немалую, в уничтожение этих памятников арабского вкуса и изобретательности.

Кордовская мечеть представляет все этапы арабского конструктивного и декоративного искусства в течение двух столетий, прошедших между ее основанием и завершением строительства. Таким образом, в той степени это архитектурное воплощение развития мусульманской цивилизации, в котором в определенной степени может быть расшифрована история расы, под покровительством которой он был возведен и украшен. Хотя технически независимый характер мавританской архитектуры на полуострове установился давно, ее оригинальность, как уже говорилось, по большей части зависит от хитроумных сочетаний элементов, заимствованных из опыта бывших цивилизованных народов. Этот факт становится очевидным при детальном рассмотрении различных частей Великой мечети, и особенно это заметно по великолепному убранству святыни. Здесь, хотя план и узоры были явно арабского происхождения, материалы и метод их нанесения, и, более того, даже некоторые мастера были византийскими. Но эти драгоценные мозаики имеют лишь малое сходство с мозаиками современных христианских церквей, которые были идентичны им по композиции и способу прикрепления к стенам. То, что в одном случае кажется совершенством художественной красоты и совершенства, в других кажется вопиющим, резким и гротескным; возвышенный художественный гений, единственный, способный создать эти чудеса, отсутствует. Михраб

Кордовской мечети не имел прототипа ни в исламе, ни где-либо еще, и как его план, так и детали не поддавались никакому подражанию.

Эволюция арабского искусства в Испании - одна из самых любопытных проблем в анналах ее экзотической цивилизации. Его происхождение и импульс, который впервые побудил к его разработке, а также основные модели, из которых он почерпнул свои идеи, похоронены в неизвестности. Ни в одной стране Европы нет такого разнообразия гигантских и хорошо сохранившихся памятников римского имперского величия, как на полуострове. Но, за исключением городских стен и замков, нет никаких свидетельств того, что арабы когда-либо были настолько впечатлены их величием, чтобы предпринять хотя бы безуспешную попытку подражать им. Изоляция мусульманской Испании, господствующая секта которой была дискредитирована, а династия изгнана правящими домами Сирии и Персии, долгое время была неблагоприятна для поддержания тех отношений, посредством которых обычно осуществляется обмен идеями и быстрый прогресс нации в искусстве мира. Таким образом, этапы, благодаря которым архитектурные концепции многих восточных народов стали источником вдохновения для строителей Западного халифата, неразличимы. Возможно, однако, что эти идеи, по-видимому, заимствованные, но разработанные в сходных условиях в рамках одного и того же направления мысли, в конце концов, являются оригинальными. Огромное значение, придаваемое арабами математике, в изучении которой они достигли такого непревзойденного мастерства, должно быть, как уже предполагалось, больше способствовало архитектурному совершенствованию, чем какой-либо другой причине. Применение алгебры к геометрии — изобретение, приписываемое со значительной степенью уверенности испанским мусульманам, — неизмеримо облегчило развитие всех искусств, зависящих от механических и математических условий, и ни одно из них в этом отношении не является более обязанным ему, чем искусство строительства. Задолго до десятого века, эпохи расцвета самой развитой цивилизации халифата, в школах Кордовы, Севильи, Валенсии, Малаги и Толедо преподавались геометрия, рисование и другие разделы математики, имеющие отношение к архитектуре, причем уроки дополнялись практическими демонстрациями применения их принципов под руководством опытных мастеров. При таких обстоятельствах сформировался стандарт мавританского вкуса, и его идеи конструктивного совершенства определенно утвердились на первом и самом важном этапе его развития. Гений, вдохновлявший его ранние творения, мечты, подстегивавшие его юношеские амбиции, никогда не были утрачены до тех пор, пока венец его достижений не пал перед завоевателем, а его ремесленники и их продукция не были растоптаны в пыль безжалостным рыцарством Кастилии.

Переходная эпоха не оставила никаких памятников, из которых можно было бы получить разумное представление о ее прогрессе. Севильская Хиральда - единственная, сохранившаяся в сносном виде, и она представляет собой пример одного только внешнего украшения. В Алькасаре можно наблюдать работы, которые, очевидно, были завершены в разные эпохи; но нет никакой информации о датах, когда они были выполнены, и сейчас невозможно установить, сколько в них арабского происхождения, а сколько следует отнести к влиянию мудахаров. Ущерб, нанесенный этому дворцу, и материальные изменения, которым он подвергся от рук монархов, лишенных вкуса и понимания благородных произведений мавров, практически уничтожили его самобытность и привели в отчаяние как археолога, так и архитектора из-за его абсурдных и неуместных дополнений и репараций. Особенности арабского искусства лучше сохранились и их легче проследить в зданиях Гранады, возведенных династией Альхамаресов и представляющих собой заключительный период ее развития.

Альгамбра - сооружение, в роскошной элегантности которого воплощены результаты семивекового прогресса, — является образцом и венцом триумфа этой эпохи. В его роскошных покоях нет ни одной из характерных черт, которые можно было бы наблюдать в зданиях первой эпохи мусульманского господства; ничего от сурового достоинства, мрачного величия, фаталистических концепций, тенденции исключить все, кроме простейших форм орнамента, которые отличают самые ранние части кордовской Джальмы. Подковообразная арка исчезла или была радикально изменена; ее значение как талисмана, по-видимому, больше не признается; и она уступила место другим символам менее неясного происхождения и значения. Здесь нарушается одна из важнейших заповедей Корана; формы животных представлены как на картинах, так и в скульптуре; и любопытство художника удовлетворяется уникальным в своем роде изображением физиономии, костюма и манер, которое до сих пор вызывает отвращение у ортодоксальных фанатиков мусульманского мира как идолопоклонническое. Условия домашней жизни, установленные традициями гарема и зависящие от них, соблюдаются повсюду — в хмуром внешнем виде; в изолированных дворах; в охраняемых коммуникациях; в массивных дверях; в таинственных решетках; в изысканных украшениях; в распределении приспособлений для физического наслаждения, которые исчерпали ресурсы восточной роскоши. Арабская любовь к разнообразию и великолепию, столь характерная для импульсивной, разносторонней, в высшей степени романтической расы, видна со всех сторон; в расположении колонн, то одиночных, то сгруппированных; одни гладкие, другие опоясаны кольцами, большинство когда-то покрыто позолотой, некоторые все еще покрыты эмалью из сверкающей мозаики; в сложных изгибах арок, каждая из которых раскрывает отличительные черты своего первоначального типа — подковообразную, оживальную, полукруглую, — одни украшены гравировкой, другие сталактитовыми, все они отличаются несравненным изяществом и симметрией; в архитектуре. шпандрели, на близком расстоянии кажущиеся идентичными, но при ближайшем рассмотрении сформованные в виде множества фантастических узоров, сквозь кружевные промежутки которых солнечные лучи рассеивают мягкое сияние; в лабиринте полированной плитки, чьи сбивающие с толку комбинации представляют собой всего лишь разорванные участки девяти геометрических многоугольников, расположенных с помощью алгебраической науки; в резных стенах с их великолепными арабесками; в переплетенных девизах, вдвойне разборчивых; в куполах, лазурные, алые и золотые украшения которых сверкают в полумраке. полумрак интерьера подобен оправе из драгоценных камней. Глаз гиперкритичного архитектора видит в Альгамбре лишь беспорядочное нагромождение несочетаемых идей; сооружение, не имеющее признанного прецедента; памятник, не принадлежащий ни к одному из видов архитектуры и нарушающий установленные правила этой науки так же радикально, как произведения многих авторов, чей гений вызывает восхищение миллионов, нарушают единство времени и места, некогда повсеместно считавшиеся основой поэтического совершенства. Но именно в этой неправильности, в этой независимости от произвольных и негибких принципов искусства для непрофессионального наблюдателя заключается его величайшее очарование. Оригинальность его составных частей при анализе может быть оспорена, но не может возникнуть никаких вопросов относительно непревзойденного мастерства, с помощью которого они были организованы и объединены в единое целое, которое, хотя и может нарушать каноны художественной критики, при строгом толковании все же красиво, гармонично, чарующе. Знаменитый арабский дворец - шедевр мавританских архитекторов Испании; венец трудов двадцати поколений; воплощение самых элегантных концепций искусства, промышленности и интеллектуальной культуры того утонченного века. Пока сохранилась хоть малейшая его часть,

он будет служить поучительным уроком для студента и антиквара и вызовет воспоминания об этой великой империи, чьи литературные остатки, чьи научные открытия, чья большая терпимость, чей пытливый дух были одновременно предвестниками и стимулами современной цивилизованной жизни. Все ценное в экономических институтах общества, в его многочисленных изобретениях, в его возможностях взаимодействия, в превосходстве его тканей, в совершенстве его сельскохозяйственных операций уже давно признано зависящим от практического и разумного применения принципов науки. Из этих соображений особенно показательна Альгамбра, которая была центром наиболее образованного и прогрессивного сообщества средневековья. Это памятник национального гения. Это символ национального прогресса. Он смотрел сверху вниз на библиотеки, которые приютили осколки той цивилизации, знания которой просветили средневековый мир. В его залах расточительной роскоши мавританских принцев ежедневно выставлялись изысканные образцы опыта и ловкости ремесленников королевства — шедевры ткача, огранщика, оружейника, ювелира, эмалиера. Его расписные зубчатые стены возвышались над ристалищем, где мусульманские и христианские рыцари соревновались за приз рыцарства и отваги, дарованный эмиром, окруженным великолепием оружия и красотой сераля. Таким образом, Альгамбра стала эмблемой величия и великолепия Гранады, предметом гордости ее монархов, удивления чужеземцев, гордости народа. Его слава прошла, его блеск потускнел, но скорбные традиции, которыми поэзия и романтика облекли его историю, никогда не исчезнут; и его судьба подчеркнута девизами монархов, соответственно основавших и искалечивших его, которые до сих пор красуются на его стенах: высокомерное хвастовство испанца “Plus Ultra”; благочестивый девиз мавра “Нет победителя, кроме Бога”.

Предписание Мухаммеда относительно изображения животных игнорировалось почти с самых первых дней мусульманского владычества. Еще до десятого века мусульманские художники, изображавшие живых существ, по-видимому, были в изобилии в странах, подвластных исламу. Макрис приводит их биографию, в которой египтянам приписываются великие таланты. Их работы были выполнены не только из дерева и камня, но и из шелка, бархата и золотой ткани. В сокровищнице фатимитского халифа Мостансира хранились павлины и газели в натуральную величину, сделанные из драгоценных металлов, украшенных великолепными драгоценными камнями. Аль-Амин, сын и преемник Харун-аль-Рашида, владел несколькими великолепными баржами, выполненными в виде птиц и животных и раскрашенными в подражание их живым моделям, гребцы которых были скрыты от посторонних глаз. Поскольку эти чудовища, очевидно, обладающие инстинктом жизни, таинственным образом перемещались по Тигру, они вызывали изумление толпы как изобретения гениев. По утверждению великого историка Ибн-Халдуна, посетившего Гранаду в 1363 году, изображение хорошо известных событий, а также черт выдающихся личностей на стенах домов в этом городе, должно было быть обычным делом. Он был сильно возмущен этим неортодоксальным обычаем, который, хотя и происходил от кастильцев, постоянно практиковался теми, кто называл себя добрыми мусульманами, среди которых было много художников, получивших наставления от жителей византийской и персидской столицы.

Мусульмане также не пренебрегали скульптурой, искусством, предполагающим еще более вопиющее нарушение заповедей Корана, чем то, которое демонстрируют менее заметные предметы, созданные кистью и карандашом. Арабские истории полны упоминаний об этих произведениях. У Хумаруйи, султана Египта, в девятом веке был большой зал в его дворце, заполненный статуями женщин его гарема. Дверные молотки на дверях многих особняков

Багдада были вырезаны в виде гротескных животных. Существующие примеры скульптуры испано-арабского периода, какими бы немногочисленными они ни были, показывают, до какой степени мусульмане Испании пренебрегали религиозными предрассудками.

Доктора права разошлись во мнениях относительно толкования заповеди Корана, которая исключила из сферы искусства одну из его наиболее полезных и наводящих на размышления черт. Некоторые рассматривали это в свете абсолютного запрета толковать в самом широком смысле; другим казалось, что это относится только к изготовлению идолов и поклонению им. Испанские арабы, отличавшиеся большей либеральностью и большей долей философского безразличия, чем их восточные собратья, очевидно, придерживались последнего мнения. Во всяком случае, предостережение, обычно почитаемое как кардинальный принцип ортодоксального верующего, игнорировалось с самого основания халифата, и даже святилище ислама было осквернено присутствием скульптурных форм животных; в Великой мечети Абд-ар-Рахмана на капителях высечены Семь Спящих и ворон, отправленные Ноем с ковчега; над порталом Медина-аз-Захры стояло изображение прекрасной фаворитки, чье тщеславие подсказало возведение этого великолепного здания; ее главный фонтан был украшен резьбой с фигурами двенадцати различных четвероногих из золота, инкрустированных драгоценными камнями; в узоры его богатых драпировок были вплетены дикие звери и птицы с блестящим оперением, чьи формы, очерченные с удивительным мастерством, казалось, двигались вместе с покачиванием шелкового гобелена; на одной из площадей столицы стоял лев, отлитый из бронзы и покрытый золотом, глаза которого были рубинами, а из пасти лилась освежающая вода, приносимая из источников далекой сьерры. В сказочном дворце Русафа, равном своему сопернику по великолепию убранства и уступающем только размерами, серебряные лебеди плавали по блестящей поверхности озер, а в фонтанах были изображены люди и животные, вырезанные искусной рукой из мрамора и яшмы. Всадник-талисман короля Хабуса, описанный в истории и увековеченный художественной литературой, является еще одним примером такого пренебрежения предписаниями Корана, что снова подтверждается двумя мраморными львами мавританского монетного двора и знаменитыми двенадцатью львами Альгамбры.

Но самым любопытным из этих примеров нарушения закона являются росписи на потолке Зала правосудия в этом дворце, которые, как предполагается, были выполнены в четырнадцатом веке. Две из них изображают сцены войны и погони, но не сохранилось никаких данных, по которым можно было бы определить, являются ли они историческими или легендарными. Третья содержит портреты десяти королей Гранады, чей ранг обозначен королевскими гербами, представленными на центральной картине. Лица, трезвые, полные достоинства, величественные, явно взяты с натуры, и существует предание, что черты некоторых из них были узнаваемы старыми мусульманами Гранады, когда после отвоевания они впервые были выставлены на всеобщее обозрение; в то время как тюрбаны, ниспадающие разноцветные одежды, мечи с причудливыми рукоятями и ножнами из золота и серебра, желтые туфли сразу наводят на мысль о Востоке; и перед взором предстают точные костюмы и, возможно, черты тех князей, которые долгое время поддерживали в уголке враждебной Европы легенды, вера и цивилизация мусульманского мира. Эти уникальные работы имеют арабское происхождение, что подтверждается нанесенными на них монограммами, которые безошибочно указывают на национальность художника. Во многих деталях они указывают на недостаток опыта и культуры. Фигуры грубо очерчены, позы напряженные и неуклюжие. Ни в одном из них нет ни малейшего изящества; некоторые абсолютно гротескны; цвета распределены не гармонично; не уделяется внимания правилам перспективы; линии резко и неприятно очерчены; нет симметрии

пропорций, нет искусной имитации тех природных черт, которые придают картине жизнь и энергию. Механическая компоновка столь же груба, как и живописное исполнение. На деревянную раму были натянуты и закреплены свиные шкуры, а поверх них нанесен слой гипса, образующий основу для красок. Плоскостность последнего и золотой фон портретов свидетельствуют о византийском вкусе и влиянии.

Среди архитектурных украшений, использованных мавританскими художниками, ни одно не было более популярным или более восприимчивым к разнообразию расположения и гармонии эффекта, чем те, которые образованы буквами арабского алфавита. Надписи на стенах мавританских зданий составляют немалую часть их изысканного орнамента. Те, что расположены на полуострове, в основном посвящены девизам религиозного характера или легендам, иллюстрирующим величие и щедрость государя. В некоторых случаях стихотворение, очевидно, сочиненное сцелью и прославляющее добродетели принца или красоту здания, которое оно украшало, сверкало на обшитых панелями стенах или окружало квартиру символами живого огня. Квадратные куфические буквы, использовавшиеся в первых зданиях халифата, со временем были заменены изящными изгибами африканского шрифта нешки, который во всем своем совершенстве виден в Альгамбре. Эти иероглифы настолько превосходно приспособлены для декоративных целей, что испанские и итальянские мастера, не зная об их значении и принимая их за арабески, часто вставляли коранические надписи среди резьбы христианских церквей; и говорят, что их можно увидеть даже на гордом фасаде собора Святого Петра в Риме. Какой изысканной иронией было бы, как уместно предположил один французский писатель, если бы над порталом величайшего храма христианского мира, источника ортодоксальной троицы, оплота католицизма, резиденции непогрешимого наместника Христа, была обнаружена надпись "Мусульманская декларация веры", провозглашающая миссию арабского Пророка и единство Бога!

Цвета, которые испано-мусульманин больше всего использовал в своих внутренних украшениях, были киноварь и ультрамарин, которые художники ценили как за долговечность, так и за блеск; а постоянство тех, которые использовали мавры Гранады, чьи яркие оттенки прекрасно сохранились на протяжении веков, свидетельствуют об их необычайной чистоте и совершенстве. В то время как они оставались основой художественного колорита, другие — такие как зеленый, черный, желтый и фиолетовый — использовались редко, за исключением мозаик, которые переливаются массой великолепных оттенков.

Ни одна черта мусульманской цивилизации не сохранилась на полуострове так прочно, как его архитектура. Скучные знания вестготского строителя были сметены завоеванием. Гордость кастильца, воспитанного на оружии и некомпетентного по образованию и опыту, возмущалась ограничениями и тяжелой работой, присущими такому занятию. В результате арабские ремесленники построили большинство зданий, возводившихся в течение многих лет после падения сарацинской державы, и преобладание их художественных идей породило новый стиль под названием мудехар, творения которого часто трудно отличить от произведений первоначального мавританского ордена. Нельзя воздать их достижениям более лестной дани, чем то обстоятельство, что ни одно сооружение не извлекло такой пользы из их талантов, как те, что были возведены под покровительством Церкви. После захвата Кордовы кастильцами мавританские каменщики и плотники были вынуждены каждый год в течение определенного периода времени работать на этих священных сооружениях, в связи с чем они были освобождены от уплаты налогов. Мастера в тюрбанах, вассалы духовенства, помогали в

возведении некоторых из самых благородных сооружений полуострова; стены великих монастырей, окна высоких шпилей украшены гравировкой и подковообразными арками мавров; его мастерство проявлялось в высекании сложных узоров, покрывающих фасады великолепных соборов; часовня в великой столичной церкви Толедо, резиденции примаса Испании, которая датируется тринадцатым веком, является прекрасным образцом искусства мудехар. Это влияние также очевидно во многих лучших церковных сооружениях Франции — в церквях Магуэллона, в соборе Пюи и в древних аббатствах Прованса и Лангедока. Дюлор в своей “Истории Парижа” говорит, что мавританские архитекторы помогали в строительстве Собора Парижской Богоматери.

Отсутствие всех остатков погребальной архитектуры, относящихся к мусульманскому периоду, лишает потомков одного из самых надежных стандартов, по которому можно определить обычаи, чувства и характеристики нации. Как и всесемитские расы, арабы редко воздвигали внушительные памятники умершим. Не было обнаружено никаких следов гробницы, в которой находилось тело кого-либо из оммеядских халифов; само место их возведения было утеряно в буре разрушений, сопровождавшей завоевание Альморавидов. Те немногие, что существовали в Альгамбре, представляли собой простые мраморные саркофаги без орнамента, на крышках которых были вырезаны длинные надписи золотыми буквами на синем фоне. От этих плит осталась только одна, ибо гробницы, оставленные на растерзание черни после взятия Гранады, погибли, а кости принцев, озарявших всю Европу своим гением и ученостью, были бесцеремонно выброшены за стены.

Будучи в значительной степени лишен художественных средств, которые можно получить от изображения форм животной жизни, мусульманин с непревзойденным мастерством использовал сегменты геометрических фигур и изящную листву растительного мира для разнообразных декоративных целей. Каждая линия в сложных узорах мозаики представляет собой грань или изгиб многоугольника, круга или эллипса; необычайно красивые купола из дерева и штукатурки были созданы симметричными творениями природы — полусферические были созданы по образцу сечения апельсина, под этим названием они были известны арабам; сталактиты были поразительной адаптацией граната, очищенного от косточек. Арабески представляют собой всего лишь репродукции виноградных лоз и усиков, соединенных в чудесные лабиринты узора; лотос, эта священная эмблема Индии и Египта, таинственное значение которой долгое время оставалось тайной для священнослужителей, изваян на панелях, карнизах и капителях; роза уютно устроилась среди переплетенного орнамента стен; листву пальмы имитируют широкие арки, которые пересекаются, подобно поникшим ветвям финиковых деревьев на Ниле. Другие классы природных и неодушевленных объектов, драгоценные камни небесного свода и обитатели моря внесли свой вклад в вдохновение, придавшее архитектурным украшениям их отборные формы элегантности и красоты. Огромная мраморная раковина диаметром пятнадцать футов, вырезанная из цельного куска, которая покрывает святилище Кордовской мечети, является одним из самых любопытных и законченных произведений, когда-либо созданных резцом мусульманского скульптора. Его верность природе, идеальные пропорции, поразительное положение, которое он занимает, делают его одним из самых интересных объектов в древнем храме, святая святых которого он украшает. Звезды в бесконечном изобилии разбросаны по всей Альгамбре; в центре мозаичных узоров; в поясах цветочных узоров, окружающих залы; на высоких потолках, где в неверном свете их золотой блеск напоминает блеск их оригиналов на безупречном фоне южных небес.

Расписные окна, скупо расставленные в зданиях, возведенных ревнивыми мусульманами, все же были одной из их самых очаровательных и характерных черт. Никаких следов их нет в постройках халифата; их существование в переходный период является предметом догадок; и только во второй половине заключительного периода испано-арабской архитектуры это искусство достигло своего наивысшего развития. Работы готического художника с незапамятных времен прославлялись как самые совершенные в своем роде; а украшенные драгоценными камнями узоры, оттенками которых украшены нефы средневековых соборов, кажутся ни с чем не сравнимыми по яркости цвета и гармонии эффекта. И все же компетентные судьи заявили, что эти великолепные работы соперничали, если не превосходили, с богатыми и элегантными сочетаниями арабского гения. Нет никаких оснований полагать, что оформление окон уступало по красоте отделке стен; в обоих случаях, должно быть, преобладали одна и та же ловкость рук, меткость глаза и безукоризненный вкус; и вопиющий недостаток в какой-либо заметной части, должно быть, наносил ущерб всем. Терпение, не истощенное годами тяжелого труда над предметом, предназначенным для использования гаремом и предназначенным для того, чтобы его видели сравнительно немногие, вряд ли могло пренебречь узорами, великолепные оттенки которых были главной достопримечательностью дворца, украшением и славой столицы. Используемые витражи были всех цветов и соответствовали по рисунку арабескам интерьеров; а гербы и знаки королевской власти, расположенные через равные промежутки в массе орнамента, напоминали наблюдателю о величии монарха, под покровительством которого была завершена работа. Необходимо представить изысканное очарование этих эффектов в сочетании со стенами и куполами, поскольку никакое описание не может передать адекватного представления об их непревзойденном совершенстве.

Таков был подъем, прогресс, кульминация архитектурного строительства и украшения в государствах мусульманской Испании. Изменения, произошедшие с этой отраслью искусства в зависимости от экономических условий, от широкого и разнообразного знакомства с шедеврами других рас, от развития более правильных представлений о гармоничном и прекрасном, более заметны, чем это обычно заметно в материальном и интеллектуальном прогрессе народа от состояния варварства до высшей точки на шкале цивилизации. Характер араба, однако, аномален, не зависит от прецедента и, по-видимому, подчиняется лишь немногим из тех законов, действие которых определяет карьеру и конечную судьбу наций. Простота форм и сравнительное отсутствие украшений, характерных для кочевой расы, бросаются в глаза в его первом великом архитектурном достижении — храме, посвященном единству Бога. Вопиющим контрастом предстает кульминация его трудов - дворец, возведенный в целях сладострастия, где даже принципы долговечного строительства, по-видимому, были принесены в жертву пышности и расточительности чрезмерных украшений, что является предвестником надвигающегося разрушения, безошибочным признаком упадка. Таким образом, арабы, как и все предшествующие им расы, запечатлели свои деяния в формах и надписях на своих архитектурных памятниках; постоянных регистрах величия и глубины религиозных чувств; наводящих на размышления памятниках мастерства в искусстве мира; мощных проявлениях национального гения, энергии и культуры.

Художественные вкусы мусульман, всегда в значительной степени руководствующиеся благочестивыми соображениями, проявлялись не только в строительстве великолепных зданий, но и в украшении их самых обычных принадлежностей. Бордюры колодцев, цилиндры из мрамора или эмалированной керамики, украшенные рельефными надписями золотом и первоначально размещенные во дворах, являются примерами стойкости восточной традиции, а

также того благоговения, с которым арабы относились к этому элементу, который был самым ценным сокровищем пустыни.

Использование воды для церемониального очищения - обычай неизвестной древности. Он постоянно использовался в жреческих мистериях Египта, Индии, Персии. Жители этих стран почитали его как олицетворяющую активную силу в своих космогонических системах. Египтяне поклонялись Нилу; индусы до сих пор приносят жертвы Гангу. Первые относились к редкому геологическому образованию кристаллов воды с особым почтением, поскольку считалось, что капли, таким образом таинственным образом заключенные в свою прозрачную оболочку, являются духами, заключенными в тюрьму божественной волей. В традициях Финикии постоянно упоминалась священность источников; греки отводили каждой стихии место на Олимпе; суеверный римлянин украшал бордюры своих колодцев мифологическими сценами или изящными гирляндами цветов. Однако ни один народ древности не придавал такого исключительного значения божественным свойствам воды, как евреи. Во времена Авраама колодцы считались особой святыней. Их местоположение подтверждало святость и обязательность клятвы; это был знак союза, место примирения врагов, символ, который подтверждал действительность контрактов. Единственной постоянной чертой, признаваемой израильянином-кочевником, было владение колодцем, который определял место жительства и стоянку его племени.

Священный характер, который придавали источникам воды, усиливался климатическими условиями, которые увеличивали ее важность и ценность. Неудивительно, что жара и засуха пустыни должны были придать этой незаменимой жидкости некоторые благотворные свойства Божественной Силы. Неустроенное состояние племенного существования объясняется исключительно ее нехваткой. Его изобилие было синонимом плодородия, процветания, изобилия. Его значимость, фактическая и символическая, в еврейской религиозной системе постоянно повторяется в Библии. Евреи использовали его по каждому важному случаю, в каждой церемонии, которая требовала применения его таинственных свойств. Они окропляли им жертвоприношения. Они очищали себя им, прежде чем войти в пределы Храма. Почитание, с которым они относились к его церемониальному использованию, передалось христианству, которое освятило его применение как обряд, необходимый для спасения. Рассеяние евреев римлянами ознакомило каждый принимавший их народ с их обычаями, и немало людей переняли последние после более или менее видоизменения. Многие из беглецов осели в Йемене и других частях Аравии, где их влияние впоследствии сыграло важную роль в формировании вероучения Мухаммеда, доктрины которого в значительной степени имеют еврейское и христианское происхождение. От них арабы переняли многие многовековые традиции, которые были переданы через множество народов доверчивым евреям, которые, таким образом, стали хранителями всего.

В обширной и разнообразной области промышленного и полезного искусства испано-арабский гений проявил не меньше изящества и ловкости, чем в выдающихся и постоянных творениях архитектора. Действие коранических ограничений заключалось в том, что они препятствовали всякому продвижению вперед до тех пор, пока ремесленник не уклонялся от них или открыто пренебрегал ими. Однако до последнего момента всеобщее преобладание этого религиозного чувства, которое было одновременно стимулом и силой исламизма и вдохновляло на создание

даже самых невзрачных предметов домашнего обихода, а также изысканных украшений дворца, проявлялось во всех продуктах арабской промышленности. Тексты из Корана были вырезаны на деревянных печатях, которыми пользовался пекарь. Они служили частью ключа, отпиравшего большую дверь замка. На мечях и ножах, на вазах и наперстках, на одежде и знаменах, на массивных браслетах богатых, на грубо сделанных, но высоко ценимых амулетах бедняков были выгравированы или вышиты легенды благочестивого происхождения и значения. Эти объекты по большей части исчезли. Предрассудки, взращенные веками неослабевающей вражды, отвращение, питаемое служителями антагонистической и торжествующей веры, уничтожили, насколько это было возможно при человеческом усердии, все более мелкие и неприметные свидетельства мавританской цивилизации. Долговечность материалов, высокое качество изготовления и разнообразие применений, для которых предназначались эти изделия, означали, что их все еще можно было встретить в огромном количестве, особенно в старых мусульманских провинциях Испании. Но это не тот случай. Ненависть испанца ко всему мусульманскому распространялась даже на неодушевленные предметы, на которых его побежденные враги упражняли свое мастерство и которые одновременно наводили на мысль о ереси и, косвенно, о его собственном невежестве и механической неспособности. Именно христианские хранители Кордовской мечети разломали на куски ее великолепную кафедру и аналой из-за находившихся в них драгоценных камней и слоновой кости; именно Хименес, один из величайших ученых своего времени, разжег на площади Гранады погребальный костер арабской литературы; именно Филипп II, самый могущественный из европейских государей и достойный представитель своей нации и своего времени, приказал уничтожить в Толедо каждый камень с арабской надписью. Многие погибли в результате африканских вторжений и последовавших за ними кровавых мятежей. Многие изделия из золота и серебра, гораздо более ценные из-за их изготовления, чем из-за их внутренней ценности, были отправлены невежественными и скупыми в паяльную трубку и тигель. Перед лицом такого неизбирательного и систематического разрушения, духу которого не смогли противостоять даже массивные здания, неудивительно, что уцелело так мало второстепенных объектов общего назначения. Действительно, работа по разрушению была настолько тщательной, что сейчас в Испании есть много образованных людей, которые отказываются верить художественным способностям сарацин из-за недостатка свидетельств, полученных с помощью их собственных предков.

Главной из отраслей машиностроения, в которых преуспели испанские мавры, была обработка металлов. Литье бронзы, особенно крупных изделий, — искусство, требующее величайшего мастерства даже в наши дни, — они освоили в совершенстве. Сохранившиеся образцы демонстрируют гладкость, необычную для работ подобного рода, и не обнаруживают последующей обработки резцом или напильником. С помощью этого удобного процесса изготавливались не только скульптуры, но и утварь для богослужения, а также для домашнего использования — лампы, кадилницы, вазы, ножи, кубки и сотни других изделий. Их орнамент, особенно когда они предназначались для служения мечети, был богатым и изящным; арабски перемежались благочестивыми девизами и надписями; в некоторых местах рельефы были позолочены. Изысканная арабская ваза, которую традиция относил к крестовым походам, но которая, скорее всего, произошла от испанских мусульман, на протяжении нескольких столетий использовалась в церемонии крещения малолетних принцев Франции.

О полном уничтожении переносных предметов мусульманского периода в течение столетий невежества и фанатизма, последовавших за Отвоеванием, можно сделать вывод из отсутствия

мавританских ламп, которые, несомненно, были одной из самых распространенных утвари как в храме, так и в жилище. Историческим фактом является то, что в Великой мечети Кордовы было подвешено почти две тысячи; и, поскольку в сарацинской столице насчитывалось семьсот других зданий, посвященных поклонению исламу, их количество в этом городе, очевидно, было огромным, а общее количество по всей империи, должно быть, не поддавалось исчислению. И все же из всех них, как известно, ни один не выжил невредимым. Так называемая лампа Альгамбры, которая была захвачена при взятии Орана и, как предполагается, принадлежала мечети этого дворца, является единственным сохранившимся примером этой отрасли арабского искусства, некогда столь процветавшей, но которая, как и бесчисленное множество других, навсегда исчезла с кастильской оккупацией. Их связь с ненавистным культом Мухаммеда, без сомнения, послужила мотивом для этого полного уничтожения.

Арабские светильники изготавливались из различных металлов: золота, серебра, меди или бронзы. Они содержали два или более светильника, расположенных один над другим, их лучи смягчались многоугольным экраном, на сторонах которого были изображены различные узоры в виде арабесок, отлитых или вырезанных в металле, создавая очаровательный эффект внутреннего освещения. С основания обычно свисали четыре сферы ажурной работы, сделанные из листьев лотоса или пальмы и гранатов, на которых были изображены стихи поэзии или коранические легенды - воспоминания о “шишках и цветах”, которые были подвешены к каждой ветке священного подсвечника в еврейской скинии. В дополнение к металлам, в этих произведениях искусства часто использовалось стекло различных цветов, изысканная отделка которого составляла их самую большую ценность. Материалы почти всегда добывались из награбленного в христианских церквях — из золотых и серебряных сосудов алтаря, из канделябров и колоколов, — трофеев, которые удовлетворяли благочестию мусульман и в немалой степени способствовали гордости и ликованию от победы.

Случайность или удача сохранили для изучения потомками несколько из многочисленных изображений, отлитых арабскими художниками из бронзы. Среди них лев и газель, историю которых невозможно проследить, но археологические исследования отнесли их к одному из роскошных дворцов, украшавших пригород Кордовы. Эти редкие и интересные свидетельства мусульманского мастерства, без сомнения, изначально были частью фонтана; они относятся к самому продвинутому периоду халифата; формы несколько гротескны, но механическое исполнение не уступает по изяществу лучшим образцам современности. На них начертаны куфические легенды, и есть указания на то, что их глаза были сделаны из драгоценных камней, как это было принято в мавританской Испании.

Частое изображение льва среди скульптур мусульманской цивилизации свидетельствует о символическом значении, с которым это животное рассматривалось теми, чья религия запрещала изображение всех видов животных. В арабской традиции это царственное животное приобрело важное, почти священное значение. Вместе с орлом ему было отведено место на восьмом небе мусульманской веры. С самых ранних веков его сила и свирепость вызывали благоговейный страх у суеверных и плохо защищенных племен Пустыни. Он был признан представителем власти; эмблемой энергии, благородства и мужества. У испанских арабов эти чувства страха и уважения усиливались соображениями политики, обычаев и традиции. В очаровательных садах дворцов, возведенных величайшими халифами, стояли бронзовые статуи львов с глазами из рубинов и изумрудов. Они поддерживали герб назеритских царей. Их мраморные изваяния охраняли вход в королевский монетный двор. В знаменитом дворе

Альгамбры они заменили двенадцать быков, которые поддерживали медный умывальник Соломона, имитацией которого является фонтан этого дворца. Мусульманские князья полуострова славились титулом “Боевой лев”. Арабская традиция со временем была подтверждена и укреплена притоком персидских идей благодаря постоянному общению с Востоком, где лев был символом Принципа Добра.

Искусство нанесения дамаска на металлы было, как следует из самого названия, сирийского происхождения и практиковалось еще в двенадцатом веке. В применении к оружию и доспехам мавританские мастера Испании не имели себе равных. Изысканные образцы их мастерства дошли до нашего времени не только в шлемах и кирасах — трофеях многих кровавых сражений, — но и в доспехах, которые рыцари христианской Европы охотно носят в периоды мира. Оружие, выкованное на реке Тахо, воды которой, как предполагалось, обладали каким-то особым свойством, придававшим стальным клинкам непревзойденный характер, было известно еще во времена господства вестготов. Однако при маврах оружие, выпущенное из оружейных складов этого древнего города, достигло своего наивысшего совершенства и репутации. Толедо ни в коем случае не пользовался монополией на это производство, которое с большим успехом производилось во многих других городах; особенно широкой и заслуженной известностью пользовались севильские мечи. Это избранное арабами оружие берегли с особой гордостью и нежностью. На его рукояти и ножнах были использованы лучшие образцы эмалировочного и ювелирного искусства. Характер его лезвия был настолько совершенен, что железный прут можно было легко разрубить, не оставляя на его лезвии ни малейшего изъема. Широкое и тяжелое, как того требовало грубое использование, которому им было суждено подвергнуться, это оружие было украшено причудливыми золотыми и серебряными узорами, чередующимися с причудливыми или благочестивыми надписями. Ни одна нация не превосходила испанских мусульман в дорогих и изысканных украшениях своего оружия. Рукояти нередко были из массивного золота, украшенного множеством цветных эмалей и инкрустированного драгоценными камнями. Ножны из пурпурного или алого бархата сверкали филигранью и драгоценными камнями. Самыми причудливыми формами были щитки, иногда представлявшие головы слонов или драконов, иногда вырезанные в виде овалов, шаров и крестов; всегда инкрустированные арабесками из драгоценных металлов, представляющими цветочные узоры и замысловатые геометрические фигуры, с вездесущей легендой, наводящей на мысль о неугасимом рвении мусульманской веры.

Особое почитание, с которым испано-араб относился к своему любимому оружию, таким образом, раскрывается красотой и совершенством его формы и материалов, а также священными текстами, начертанными на его клинке. Многие соображения способствовали приданию мечу религиозного характера и усилению его морального влияния, а также его материальной ценности. Его принятие было тесно связано с самыми дорогими ассоциациями арабской расы. Его использование пошло от евреев, этого народа с общим происхождением, образом жизни и историческими традициями. Его носили херувимы, охранявшие врата Рая. Халиф Али, зять Мухаммеда, чья доблесть вошла в поговорку, радовался прозвищу “Меч Божий”. Хотя это оружие и не было приспособлено для беспорядочной войны кочевого народа, оно принесло победы исламу от Пиренеев до Гималаев, от Оксуса до экватора. Это доказывало доблесть чемпиона племени во многих рыцарских поединках перед шатрами из верблюжьей шерсти, разбитыми в нерушимом уединении пустыни. Его изготовление, доведенное до совершенства в Дамаске, прибыло на испанский полуостров в сопровождении сторонников Оммеяде, которые искали защиты и почестей под благодетельным правлением этой

знаменитой династии; и именно в Сирии библейская и кораническая традиция поместила кузницу Тубал-Каина, первого из кузнецов и оружейников. Народное суеверие приписывало ему множество таинственных и талисманических атрибутов, таких как испускание специфических запахов и издавание стога при смерти владельца. В арабском языке, как уже говорилось, для обозначения меча используются тысячи различных названий, что указывает на значение, придаваемое этому оружию, всегда находящемуся в руке воина, а также на бесконечную емкость идиомы, в которой выражаются его разновидности и качества.

Последняя эпоха мусульманской цивилизации была особенно примечательна хитроумными процессами и тонким мастерством изготовления стеклянной мозаики и филигранных украшений. Мавританские мастера владели сложным искусством инкрустации металлов различными кристаллами и искусственными камнями; их эмали были всех цветов и необычайной тонкости; их ювелиры достигли такой ловкости, что могли из одной крупинки этого металла, отчеканенного в лист, покрыть пространство в пятьдесят шесть квадратных дюймов. Их изделия, изначально византийские по стилю, шли в ногу с прогрессом других отраслей художественной промышленности и до конца их господства ни в чем не уступали тем, что производились в Италии и Германии четыре столетия спустя.

В глиптическом искусстве, развитом испанскими арабами, нашла полное выражение склонность к таинственному и сверхъестественному, общая для всех представителей семитской расы. Традиционная печать Соломона, чудесная сила которой делала силы природы и духов мира духов одинаково подвластными его воле, подтверждала наследственную веру мусульман в амулеты, обереги и талисманы. По-разному предполагается, что изображение этого знаменитого кольца было невыразимым именем Бога или звездой, образованной сочетанием двух равносторонних треугольников. Как бы то ни было, его магические свойства были частью верования каждого необразованного араба, в сознании которого идолопоклоннические и суеверные обычаи язычества казались неискоренимыми. Воображаемые талисманические свойства некоторых камней, таких как сердолик, гранат и онис, имели гораздо большую связь с их популярным использованием, чем какая-либо страсть к украшениям или любовь к показухе. Многие из них считались специфическими для лечения различных недугов, другие были эффективны в предотвращении пагубного влияния колдовства. Гравировка драгоценных камней соответствовала общим принципам и характеристикам искусства, которым придерживались арабы. Процесс создания камеи, по-видимому, не был ими перенят, но само слово, которого нет в словаре древности, по-видимому, происходит от арабского *kaṁḥ*, что означает “горб” или “выступ”. Имя или монограмма владельца, стих из Корана, венок из переплетенных листьев, сложный узор из геометрических линий и изгибов - вот единственные объекты, на которых мог законно проявиться талант художника. Как и в древнем Египте, когда имя Божества появлялось в надписи, его помещали на самой высокой части камня; и эта уступка небесному достоинству наблюдалась даже в печатках самых гордых монархов. Здесь художественному мастерству также сильно мешал запрет, касающийся изображения жизни животных, но, как известно, не существует ни одного примера его нарушения в этом отделе искусств. Гравированные камни испано-мусульманского периода отличаются четкостью линий, гармонией узоров, изяществом и утонченностью орнамента. Печатки составляли большую часть, но амулеты составляли немалую часть изделий мавританского гранильщика. Рука, символизирующая пять основных заповедей ислама, и сердце, мистическое влияние которого до сих пор молчаливо признается даже христианскими народами, были излюбленными формами, в которых вырезались предметы такого рода. Эти двое считались особенно эффективными в противодействии страшной силе

сглаза. Надпись на печатке была не только знаком индивидуальности владельца, но и указывала на его набожность с помощью формул из Корана, любовь к показухе, слишком часто являющуюся чертой арабского характера и с трудом совместимую с постоянно насаждаемым духом религиозного смирения. С другой стороны, наиболее набожные мусульмане всегда снимали свои кольца во время молитвы.

Ни в одной из стран Европы керамическое искусство не достигло такого совершенства в материалах, дизайне и исполнении, как в мусульманской Испании. Завоевание Африки стало первым сигналом к ее развитию, и с этого времени ее прогресс был устойчивым и быстрым. Фрагменты фарфора времен халифата, хотя и демонстрируют византийские черты, раскрывают зачатки того совершенства формы и стиля, которые характеризуют вазы позднейшего периода, когда изделия гончарных мастерских Валенсии и Малаги экспортировались до самых пределов коммерческого мира. Даже дошедшие до нас осколки неглазурованной глины замечательны симметрией своих линий и наводят на мысль о лучших моделях греческого и римского происхождения. Влияние Персии, чьи колонисты обосновались в Гранаде и чьи традиции оказали столь заметное влияние на цивилизацию полуострова, отчетливо прослеживается во всех самых изощренных произведениях гончарного мастерства. Помимо острова Майорка, города которого славились своими керамическими изделиями, восемь городов Мавританской Испании были заняты в этой прибыльной и художественной отрасли промышленности. Среди них Малага занимала первое место; необычайный блеск, которым отличалась ее керамика, не поддавался подражанию. Особенность этой керамики заключалась в блеске эмалей, в которые был добавлен один или несколько металлов таким образом, чтобы не нарушать ее прозрачность и в то же время сохранять все прекрасное отражение, которое можно получить от металлической поверхности. Некоторые авторы предполагали, что этот уникальный внешний вид был получен из сплавов различных видов, нанесенных слоем почти невообразимой толщины на суп. Таким образом, была получена игра цветов, переливающаяся по своему характеру, блеск или мягкость которой зависели от преобладания того или иного используемого металла. Глазурь была получена путем нанесения силикатов. В этом методе украшения чаще всего использовались серебро и медь, а также те великолепные цвета, гармоничная адаптация которых к любому орнаменту была так тщательно понята мавританским художником. Когда медь соединялась с серебром, последнее уменьшало интенсивность блеска и производило самые великолепные эффекты. Сочетания различных металлов демонстрировали бесконечное разнообразие красивых оттенков, изысканную нежность которых можно было сравнить только с радужным преломлением перламутра. Этот необычный процесс придавал двойное качество прозрачности и отчетливости окраски в очень высокой степени, поскольку при рассмотрении под углом и при ярком освещении можно было легко различить блеск металлических компонентов, в то время как оттенки, составлявшие основу орнамента, с неизменным блеском проступали сквозь сияющую и прозрачную эмаль. Едва ли нужно напоминать, что операции по отделке этих произведений искусства требовали величайшего мастерства и опыта.

Формы испано-арабских ваз наводили на мысль о формах классических амфор. Самые большие над центром и быстро сужающиеся к основанию, они предназначались для размещения на металлических подставках или на полых деревянных пьедесталах. Их изгибы были чрезвычайно изящными, а украшения - самыми обильными и замысловатыми. Ручки были большими и массивными; в некоторых экземплярах они были покрыты арабесками, в других изображали руки, хватающиеся за человеческие глаза, — талисманы против демонического влияния. Узоры последних часто радикально отличались в одной и той же вазе, но они настолько идеально

гармонировали с работой в целом, что требовался самый пристальный осмотр, чтобы обнаружить малейшее сходство. Цвета, на которые больше всего повлиял арабский гончар, были синий, белый, черный, коричневый и желтый, и их искусные и изысканные сочетания являются убедительным доказательством его выдающегося мастерства.

Хотя эта отрасль промышленности — вероятно, первоначально заимствованная из Ассирии и Египта — была усовершенствована этрусками и доведена до совершенства Грецией и Римом, она исчезла с наплывом варваров, которые втоптали в пыль все признаки европейской цивилизации. Возрожденный в первые годы существования халифата, он является свидетельством постоянного совершенствования.

Традиции Востока, образцы античности, всепоглощающая страсть персов к цветам - все это было воспринято и увековечено в мусульманской Испании. Красоту розы и тюльпана одинаково воспевали поэты Андалусии и Кашемира; о национальном пристрастии к цветку последнего напоминает его появление в великолепной и уникальной вазе Альгамбры. Мавританские гончары не ограничивались более яркими красками; они обладали также нейтральными оттенками, и благодаря умелому смешиванию того и другого им удалось добиться той совершенной гармонии рисунка и тона, которая, возможно, является величайшим очарованием их художественных работ. Они на триста лет предвосхитили методы, заново открытые Палисси, которые произвели такую революцию в производстве фарфора. Мавританский секрет нанесения металлической эмали в настоящее время полностью утрачен, как и превосходство, которым когда-то пользовалась Испания во всех областях керамического искусства, и сохранилось лишь несколько образцов керамики несомненного арабского происхождения. Королевские указы, опубликованные Фердинандом IV. а Карл V по настоянию инквизиции запретил владение предметами мавританского производства и, без сомнения, непосредственно способствовал уничтожению бесчисленных бесценных предметов, обнаружение которых могло привести к конфискации имущества и мучительной смерти от пыток.

Мозаики, которые были таким заметным фактором архитектурного убранства мусульманского периода, представляли собой заметную отрасль этой важной промышленности. Использование остекленных материалов в строительстве - искусство глубокой древности. Оно было знакомо Индии, Китаю, Ассирии задолго до зарождения исторического повествования. Глазурованные плитки использовались во дворцах Халдеи за две тысячи триста лет до христианской эры. Ими были покрыты внутренние стены пирамиды Саккара, старейшей в Египте. Фрагментарные образцы, найденные в руинах ассирийских городов, идентичны по цвету тем, которые предпочитали арабы. Греки использовали их для украшения храма Тесея. Они были переняты арабами при строительстве гробницы Мухаммеда. Среди мавров Испании этот процесс достиг наибольшего развития, и постоянный характер, который отличает его, сохранил для восхищения современности некоторые из самых оригинальных художественных эффектов, созданных плодовитым гением испано-арабской цивилизации. Предложенная византийскими мозаиками, от которых, однако, она существенно отличалась по материалу и дизайну, она никогда не могла соперничать с ними по великолепию, хотя по долговечности намного превосходила эти богатые и блестящие творения константинопольских художников. Узоры на последних были цветочными, на первых - геометрическими. В одном случае эффект создавался цветами, видимыми через крошечные кубики стекла; в другом - сложными комбинациями непрозрачных кусочков фарфора.

Как и все изделия, изготовленные в мавританских гончарных мастерских Испании, мозаика подвергалась длительной и утомительной обработке. Они подвергались тройному обжигу до и после покраски, а также при покрытии глазурью. В их составе использовались металлы, а в редких случаях применялся своеобразный переливчатый декор, которым славилась Малага. Очевидная дороговизна этого, должно быть, помешала его внедрению, за исключением зданий величайшей важности, поскольку такого примера нет даже в Альгамбре.

Изготовление кожаных портьер, поверхность которых переливалась множеством оттенков, переливающихся золотом и серебром, рано стало одной из специализаций кордовской промышленности, от имени которой город и получил свое название. Великолепный эффект, должно быть, производил этот любопытный гобелен, тисненый и позолоченный, украшенный изящными арабесками и подвешенный между богатыми и причудливыми карнизами из лепнины и дадо, сверкающими множеством цветов мозаики. Этим элегантным драпировкам нет аналогов в современном декоративно-прикладном искусстве, за исключением, возможно, тончайшего переплета книги. Материалом служили козы шкуры, но процесс, с помощью которого их готовили и украшали, исчез с полуострова с изгнанием мориско, и память о нем осталась только в сафьяновой коже, самой ценной из известных в торговле.

В совершенстве своих текстильных изделий испанские мавры продемонстрировали свое бесконечное превосходство над всеми современными нациями. В других королевствах Европы шелк предназначался для королевских особ. Только Константинополь, в силу своих связей с Востоком, был в состоянии обеспечить ограниченный запас этого драгоценного материала. С Сицилии мануфактура была завезена в Испанию и, как уже упоминалось, была самой прибыльной отраслью Гранады в дни ее наивысшего расцвета. После одиннадцатого века в обеих этих странах все классы использовали эту ткань, которая в других местах считалась столь ценной; из нее шили одежду мужчин и женщин среднего класса Гранады, а также униформу королевской гвардии нормандского Палермо. Легкость и прочность этих шелков были замечательными, а их красивый орнамент в максимальной степени демонстрировал законченные усилия дизайнера и ремесленника. Большое мусульманское знамя, захваченное в битве при Лас-Навас-де-Толоса и хранящееся в аббатстве Лас-Уэльгас близ Бургоса, является элегантным образцом ткацкого искусства. На основе малинового шелка проступают надписи, медальоны и переплетающиеся изгибы, выполненные синими, белыми, зелеными и желтыми красками. Гармоничное сочетание этих цветов указывает на проявление высочайшего вкуса и ловкости. В лабиринте изящных узоров имя Бога встречается тысячи раз, украшенное золотом. В узорах плащей и мантий царственных особ, смешанных с ярко раскрашенными арабесками, богатой цветочной вышивкой и формулами из Корана, появлялись портреты владельцев, выполненные в красках природы, изображенные с непревзойденным мастерством. Тирас, или туника Хишема II, хранящаяся в Музее Исторической академии в Мадриде, является единственным в мире образцом этой отрасли текстильных изделий, которыми так прославился испанский халифат.

Современная наука со всеми ее усовершенствованиями никогда не могла сравниться по прочности и тонкости текстуры с изделиями мавританских ткацких станков полуострова. Необычайная стойкость красителей, используемых в этих тканях, является одной из их наиболее обоснованных претензий на высочайшее качество. Из немногих примеров, переживших многовековые революции, заметно незначительное, если вообще заметное, уменьшение яркости цвета. В этой отрасли промышленности азиатское влияние,

последовательно передававшееся по византийским и сицилийским каналам, также проявилось в мануфактурах мусульманской Испании, страны, жизнь и традиции которой оставили в наследство нашему времени так много впечатляющих воспоминаний о роскоши Востока. Художественный и изобретательный дух испано-арабских ремесленников был развит во многих других областях промышленности: в украшенных дамаском сундуках с сокровищами из железа и стали, сложная конструкция замков которых является чудом современной механики; в мебели, инкрустированной драгоценными и ароматными породами дерева и украшенной эбеновым деревом, панцирем черепахи и жемчугом; в инкрустированных драгоценными камнями шкатулках из слоновой кости и оникса, которые христианское суеверие не сочло недостойными хранить мощи своих святых; в рукописях, на переплеты которых были потрачены целые состояния; в украшенный драгоценными камнями, сверкающий серебром, лазуритом, малахитом и золотом.

Искусство каллиграфии, которое арабы ценили так высоко, что оно получило название Золотой профессии, и в котором испанские мусульмане достигли необычайного мастерства, было развито при халифатах как Востока, так и Запада до состояния почти абсолютного совершенства. До изобретения бумаги их пергаменты отличались роскошью, которая намного превосходила роскошь византийцев, до того времени самых известных каллиграфов в мире. Шкуры, которыми они пользовались, были покрыты золотом или серебром или окрашены в различные цвета — алый, зеленый, фиолетовый, синий и черный; их блеск был настолько велик, что они отражали свет, как полированная поверхность зеркала. Их чернила также были самых разных видов; их блеск и долговечность превосходили чернила любого известного современного производства; четкость письма, точность выравнивания и элегантность — достижения, в которых мусульмане Испании, писавшие особенно изящным почерком, превосходили все другие народы ислама, — соперничали с самыми совершенными работами наборщика; в посланиях и документах, предназначенных для членов королевской семьи, иероглифы были написаны жидким золотом. Рукописи были обогащены иллюстрациями — искусством, которое, перенесенное во Францию и Италию, впоследствии было заимствовано средневековыми монахами, чьи молитвенники представляют собой высшие и, по сути, почти единственные художественные проявления своего времени. Рисунки арабов были не только геометрическими, цветочными и гротескными, они включали портреты на медальонах и изображения людей и животных, выполненные с поразительным мастерством. Эти произведения мавританского таланта и изобретательности, насколько известно в настоящее время, полностью исчезли; одного их причудливо выделанных бордюров без таинственной и непонятной надписи, которая, как предполагалось, содержала формулы для вызова злых духов, было достаточно, чтобы объявить их запрещенными.

Знание различных механических процессов, упомянутых в этой главе, — методов, с помощью которых художественные концепции арабского гения были приданы форме и стабильности, — абсолютно исчезло. Мало того, что это факт, но даже все материальные свидетельства, от существования которых зависела репутация вошедшего в поговорку мастерства мавританских ремесленников, были уничтожены, и мы вынуждены полагаться при их перечислении и описании характера на расплывчатые и несовершенные отчеты плохо информированных и часто недружелюбных историков. В глазах кастильского фанатика все, почерпнутое из мусульманских источников, неизбежно было запятнано ересью. Предметы роскоши, в таком изобилии демонстрируемые побежденным, были неоспоримыми доказательствами умственного превосходства и, как таковые, оскорбляли его гордость. Он назвал тома библиотек

в великолепных переплетах и тиснениях волшебными свитками, к содержанию которых добрые христиане должны относиться со всяческой неприязнью и презрением. Таинственные и незнакомые символы арабского алфавита казались в его суеверных глазах символами колдовства, волшебства и заклинаний. Он поспешил запретить использование или сохранение сувениров мусульманской культуры и власти с помощью роскошных законов, положения которых применялись с использованием всех средств оригинальной и изобретательной жестокости. По мнению духовенства, магометанство, богохульство и научное знание были, по сути, синонимичными терминами. Не имея вкуса восхищаться или способности подражать достижениям арабского мастерства, одинаково неоценимым за их разнообразие и совершенство, они могли, по крайней мере, уничтожить материальные свидетельства этой цивилизации, памятники которой были одновременно открытым вызовом и тайным упреком. Насколько тщательно была выполнена эта близкая по духу задача, описано на этих страницах. Ни один из упомянутых в истории людей, достигших высот в различных искусствах, способствующих национальной славе или семейному счастью, не оставил после себя так мало памятников, на которых можно было бы основать их право на превосходство. Но в то время как архитектурные руины были изуродованы и уничтожены, библиотеки преданы огню, механические процессы, которые дали миру художественные результаты, не имеющие себе равных в ту эпоху и недоступные в нынешнюю, были заброшены и преданы забвению, бесценные сокровища, представляющие собой годы труда, были разбиты на куски ради материалов, из которых они были составлены, десятки тысяч искусных ремесленников были сосланы, разграблены, убиты, в общественном сознании все еще оставалось впечатление, незаметно произведенное контактом с расой высших достижений, которой, в свою очередь, было суждено сформировать зародыш цивилизации. новая и гораздо более широко распространенная цивилизация.

Африка, несмотря на свое врожденное варварство, оказала некоторое влияние на искусство Испании. Поскольку в этой стране планировалось мусульманское завоевание, впоследствии она стала каналом, по которому архитектурные и художественные идеи передавались жителям полуострова, многие из которых были уроженцами его земли. Последними, все еще находящимися под влиянием культуры и традиций оммейядов, грубые, прочные и полуварварские представления Мавритании были, однако, вскоре усовершенствованы до неузнаваемости. Дверь мечети Альджаферия в Сарагосе и арка в кафедральном соборе Таррагоны - почти единственные сохранившиеся образцы примитивного африканского стиля. Принцы Альмохады произвели более отчетливое и постоянное впечатление на архитектуру, чем любые правители, которые им предшествовали. Они привнесли много новых и поразительных черт во внешний фресковой орнамент. Они были первыми, кто использовал рельефную терракотовую отделку, изящные фестоны, разноцветный глазурованный кирпич, которые делают севильскую Хиральду самой сложной и величественной башней, когда-либо возведенной рукой архитектора. Будучи самым большим и величественным, этот великолепный минарет имел множество аналогов во всех провинциях Мавританской Испании, кроме размера. Те, что были пристроены к мечетям Толедо, Валенсии и Альмерии, лишь немногим уступали им в элегантности. Их известность и предназначение были достаточными, чтобы обеспечить их скорейший снос. Модифицированный африканский стиль отличался от стиля халифата тем, что был скорее цветистым, чем изящным, и демонстрировал варварскую любовь к пышности, а не склонность соблюдать принципы хорошего вкуса и точных архитектурных пропорций.

Художественные реликвии народа являются самым верным критерием его ловкости рук, его материального прогресса, его интеллектуальной культуры. Скучность сувениров, относящихся к испано-арабскому периоду, в определенных кругах, как уже упоминалось, вызвала серьезные сомнения относительно притязаний этой расы на средневековое превосходство.

Тот же скептицизм относительно влияния литературных и философских принципов, принятых и пропагандируемых мусульманами Испании, господствовал на протяжении веков. После более близкого знакомства с учебными заведениями, которыми они обладали, научными методами, которые они использовали, тесными коммерческими отношениями, которые они установили со всеми государствами, доступными для торговли, масштабы этого влияния становятся поразительно очевидными. Даже среди потомков завоевателя, связанных верой и традициями с вечной враждой, это проявлялось и до сих пор проявляется в тысячах форм. В сегодняшнем испанце гораздо больше романтического и артистичного темперамента сарацина, чья кровь является порицанием, чем угрюмой свирепости гота, чья родословная является славой кастильских предков. Воспоминания о том господстве, для свержения которого потребовались семь столетий войн, сохранились в формах и украшениях одежды; в терминах, конструкции и произношении языка; в грубой имитации мозаичных эффектов; в витиеватой скульптуре великолепных соборов. В других странах Южной Европы их следы, хотя и не столь заметные или общие, тем не менее, не менее различимы; мавританские обычаи и традиции, в высшей степени соответствующие национальным особенностям галлии и латыни, оказали сильное влияние на литературную и общественную жизнь Франции и Италии. В последней стране яркие художественные концепции арабов быстро уступили место вездесущим образцам классического гения; во Франции они были несколько более стойкими; в обеих странах они оказали немалое влияние на подавление варварства, на поощрение усилий, направленных на материальное улучшение общества, на культивирование вежливости, на возрождение литературы.

ГЛАВА XXX

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, МАНУФАКТУРЫ И ТОРГОВЛЯ ЕВРОПЕЙСКИХ МУСУЛЬМАН. ИХ МАНЕРЫ, ОБЫЧАИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

750-1609

Исчезновение памятников арабской цивилизации—Сельскохозяйственная система испанских мавров — Ее удивительное совершенство—Ирригационный аппарат—Трибунал вод—Труды Ибн-аль-Авама—Повсеместное возделывание почвы—Минеральные ресурсы полуострова—Мануфактуры—Великие мусульманские торговые центры Средиземноморья—Торговля—Ее обширные разветвления—Предметы торговли—Коммерческое процветание Сицилии—Магнитная стрелка—Порох и артиллерия—Война—Чеканка монет—Характеристики халифов—Деморализация народа—Баня—Повсеместное распространение суеверий—Социальные Жизнь мусульман Европы—Привилегии женщин—Полигамия и мораль—Рабство—Развлечения—Игра в шахматы—Другие развлечения—Танцы—Музыка—Конный спорт—Бой

быков-Наклон тростника—Ход колец—Соколиная охота—Особенности испано—арабской цивилизации-Крестовые походы—Их влияние на христианский мир—Непревзойденные достижения мавров в Европе—Заключение.

Во всей обширной области исторических исследований, вероятно, нет предмета, к которому относились бы с таким нарочитым пренебрежением, с такой вопиющей несправедливостью, как цивилизация арабов на Испанском полуострове. Его история была написана в большинстве случаев непримиримыми врагами тех, кто его основал и продвигал. Теологическая ненависть оказала мощную помощь расовым предрассудкам и зависти, возникающей из сознательной неполноценности, из-за отрицания или умаления их достижений. Величайшие мавританские князья были представлены ревностными, но злобными церковниками как варвары, гонители, идолопоклонники. Накопленная веками мудрость и труд, проявленные в редких экземплярах литературных сокровищ древности, хрониках, описывающих эпохи, ныне покрытые безнадежной неизвестностью, изящных произведениях самых выдающихся поэтов Кордовы и Севильи, бесчисленных трактатах по математике и физике, были преданы огню невежественными прелатами, которые считали эти драгоценные произведения копиями Корана или трудами по магии и некромантии. Другие, которым небрежность клерикальной вражды позволила на время уцелеть, впоследствии были уничтожены сыростью, насекомыми или случайным пожаром. Беспечность неблагодарных правительств, которым способствовали глупость масс и врожденные нивелирующие тенденции необразованных людей, вторжения иностранных армий и превратности революций привели к частичному или полному разрушению многих из самых благородных памятников архитектурного гения, которые когда-либо иллюстрировали историю какого-либо народа. Оскверненные руины мечети и дворца, изуродованные фрагменты изделий промышленного искусства, форма и материалы которых указывают на высочайшую степень механических знаний и классической культуры, остатки той замечательной системы орошения, совершенство которой было секретом процветания и роскоши мавров, составляют почти все оставшиеся данные, с помощью которых мы можем попытаться представить великолепие и славу могущественного халифата Запада. Неправильное представление о величии и мощи полуострова при правителях Оммеядов нельзя составить из нынешнего состояния даже тех государств, жители которых в физическом облике, умственном расположении, манерах, привычках и трудолюбии в поразительной степени сохранили черты своих мусульманских предков.

Было с радостью замечено, что “факты - это всего лишь отбросы истории”. Взлет и падение династий, эволюция армий, описание сражений, осад и стычек, перечисление пленных и добычи, ликование победителей, горе побежденных, преступления и эксцессы, порожденные мятежом, действительно, во все периоды мира считались наиболее важными, часто единственными темами, достойными исторического повествования. Однако это всего лишь проявления условий, от которых зависит все ценное и поучительное в благородной науке, описывающей события прошлых веков. Истинный интерес и полезность этой науки, польза, которую можно извлечь из уроков, которые она преподает, предупреждения, произносимые триумфами или позором ее героев, применение принципов, с помощью которых может быть достигнуто всеобщее процветание и уменьшено или полностью предотвращено национальное бедствие, обычно не очевидны поверхностному и неосторожному наблюдателю. Они должны быть тщательно прослежены в анализе стимулов человеческих действий; в постепенном

развитии амбициозных планов; в борьбе религиозных сект за политическое превосходство; в проявлении предрассудков, слабостей, суеверий человечества; в непрекращающихся изменениях социальной жизни; в определении нравов. Нет слишком тривиального события, нет слишком незначительного обычая, чтобы на него не обратили внимания, которые даже по своим самым отдаленным последствиям могли бы раскрыть мотивы правительства или проиллюстрировать политику нации. Распространенность определенных привычек, наличие определенных склонностей часто имеют большее значение для определения карьеры народа, чем удачный исход кампании или катастрофический результат революции. Именно в хронике прозаического, повседневного существования мы должны искать истоки важнейших событий, именно мы должны изучать философию истории.

Одной из главных причин феноменально быстрого утверждения ислама было многоженство, которое полностью лишило средств распространения расы. Мухаммед, подобно Моисею и всем другим древним законодателям, признавал и насаждал высшую важность увеличения численности человечества — принцип, на котором было основано фаллическое поклонение, а также широко распространенная практика Общинного брака. Огромная мощь его империи зависела от культуры почвы и сбыта продуктов труда, в которых ни один народ не добивался большего успеха, чем арабы. Его упадок объясняется многими врожденными недостатками его политической и религиозной организации; неопределенным ходом наследования королевской власти; неумолимым духом межплеменной вражды, который выжил и доминировал над всеми другими чувствами; неизбежным отсутствием гармоничного сотрудничества, существующего между многочисленными и конфликтующими элементами, представляющими десятки наций, управляемых силой; предательскими планами фанатиков, завидующих литературным достоинствам; социальной коррупцией, присущей обществу, преданному безграничной расточительности, пороку и роскоши.

Сельскохозяйственная система испанских мусульман, которые разбирались в почве и ресурсах своей страны лучше, чем любая нация, когда-либо населявшая ее, была самой сложной, самой научной, самой совершенной, когда-либо изобретенной изобретательностью человека. Его принципы были заимствованы с далекого Востока, с равнин Месопотамии и из долины Нила — из тех садов древнего мира, где за столетия до начала подлинной истории возделывание земли было доведено до состояния необычайного совершенства. К полученным таким образом знаниям были добавлены результаты, полученные в результате исследований и экспериментов; от интродукции чужеродных растений; от применения удобрительных веществ; от тщательного и разумного наблюдения за последствиями географического распространения и климатического влияния.

Государственная политика, проводимая халифами, принесла неисчислимые выгоды каждой отрасли сельского хозяйства. Как говорилось ранее, опытных ботаников, обеспеченных неограниченными средствами, регулярно отправляли в самые плодородные регионы Востока — в Египет, Месопотамию, Индостан, — по заданию собирать семена полезных растений и фруктов для экспериментального выращивания в королевских владениях. В наши дни в умеренном поясе едва ли найдется страна, достигшая хотя бы умеренного уровня цивилизации, жители которой не пользовались бы этим рвением к совершенствованию сельского хозяйства, постоянно проявляемым монархами Мавританской Испании, и, к сожалению, ни одна страна,

которая готова хотя бы неохотно уступить тем, кто заслуживает благодарности народов, заслуги в том прогрессивном духе, который внес столь существенный вклад в физическое благополучие и прогресс человечества.

Божественное происхождение, приписываемое сельскому хозяйству как арабской, так и персидской традицией, имело почти такое же отношение к его развитию, как и настоящая необходимость, требовавшая его применения. Мавры полуострова тщательно изучали сельскую экономику каждого народа в поисках выгодных предложений. Их вкусы, хотя занятия их предков были скотоводческими, а любой физический труд неприятен кочевой и хищнической расе, казалось, сразу приспособились к обстоятельствам их нового окружения. Их успехи в этой науке не менее поразительны, чем быстрая череда их военных триумфов. Ни одна нация за столь короткий период не добивалась таких обширных и важных завоеваний. Ни один народ так спокойно не отказывался от волнений, связанных с профессией военного, и не принимал тяготы оседлого образа жизни, как арабы полуострова. Как только они изменили свой образ существования, они начали преуспевать в новых занятиях, которым посвятили себя. Многие стимулы давала обработка почвы, результаты которой, несмотря на связанные с ней трудности, казалось, более чем уравнивали выгоды, которые можно было извлечь из жизни в больших сообществах. Коран провозгласил это особенно достойным. Воздух страны, как и атмосфера пустыни, казался благоприятным для обретения независимости. Обширные поместья, приобретенные последователями Мусы, их богатство и социальное превосходство, которое они предполагали, во многом побудили других последовать их примеру. В деревнях и на плантациях можно было содержать более крупные гаремы и растить более многочисленные семьи, чем в городах, — соображения, имеющие большой вес в сознании роскошного и амбициозного мусульманина. Череда мудрых и щедрых правителей всячески поощряла тех, кто вел сельскохозяйственный образ жизни. Значительная часть страны, которая никогда не подвергалась обработке почвы из-за своей засушливости, внезапно преобразилась, словно по мановению волшебной палочки. Бесплодные долины превратились в цветущие сады олив, апельсинов, инжира и гранатов. Скалистые склоны были покрыты зелеными террасами. В районах, где, согласно древней традиции, никогда не видели воды, теперь текли шумные речушки и широкие каналы. Там, где существовали болота, богатые земли, которые они скрывали, были осушены, мелиорированы и подвергнуты тщательной обработке. Со всех сторон были видны работы инженера-гидротехника, который снабжал поля необходимой влагой с помощью всех устройств, известных тогда человеческому мастерству, — водохранилища, колодца, шлюза, туннеля, сифона, акведука. Изобретательность мавров улучшила методы земной культуры, которые на протяжении веков считались совершенными многими высокоцивилизованными народами. Они переняли и расширили ирригационную систему Египта. Они присвоили персидское колесо, которое, с рядами кувшинов по периферии и приводимое в движение скотом, служило насосом; или, приводимое в движение быстрым течением ручьев, распределяло воды последних по землям более высокого уровня. Некоторые из этих колес были очень большими, нередко достигая в диаметре семидесяти футов; одно из них в Толедо было высотой в девяносто локтей. Их число было огромным; на площади в несколько квадратных лиг часто можно было насчитать пятьсот. Поля обследовались, и с помощью астролябии определялись их градусы. Общественные сооружения, построенные для целей орошения, были гигантского масштаба. Искусственный бассейн близ Аликанте, эллиптической формы, имеет три мили в окружности и пятьдесят футов в глубину; плотина в Эльче имеет двести шестьдесят четыре фута в длину, пятьдесят два фута в высоту и сто

пятьдесят футов в ширину у дна; плотина над Сегурой, близ Мурсии, имеет семьсот шестьдесят футов в длину и тридцать шесть футов в высоту. Акведук в Манесисе, в Валенсии, имеет семьсот двадцать футов в длину и поддерживается двадцатью восемью арками. Принцип сифона, знакомый арабам за восемьсот лет до того, как он был известен во Франции, в значительной степени использовался в мавританской гидравлической системе. Длина изгиба большого сифона в Альманзоре составляет пятьсот семь футов; диаметр последнего составляет шесть футов, и он проходит на девяносто футов под руслом горного ручья. Подземный акведук в Маравилле, который орошает равнину Уржель, имеет милю в длину и тридцать футов в диаметре; акведук в Кревилленте, к северу от Ориуэлы, имеет пятьдесят пятьсот шестьдесят пять футов в длину и тридцать шесть футов в диаметре. Все эти подземные трубопроводы прорублены в твердой породе. Кладка резервуаров отличается высочайшим качеством, а используемый цемент стал тверже, чем сам камень. Непредвиденные обстоятельства предусмотрены с таким мастерством и предусмотрительностью, что не происходит перелива и никогда не наносится никакого ущерба, даже во время самых сильных наводнений. Совершенство конструкции, характеризующее эти массивные творения арабского инженерного гения, подтверждается тем фактом, что они практически не нуждались в ремонте на протяжении тысячи лет.

Поскольку это было необходимо в условиях, царивших в регионе, где вода была столь ценной, при ее распределении проявлялась величайшая осторожность. Ирригационная система халифата регулировалась особым сводом законов, совершенное знакомство с положениями которого можно было приобрести только на протяжении всей жизни. Соблюдались строжайшая экономия. Все отходы были запрещены. Вода, перекачиваемая из одного канала в другой, использовалась снова и снова. Шлюзы открывались в определенное время, количество подаваемой воды было точно отмерено в соответствии с требованиями культиватора. Воровство каралось с образцовой суровостью. В некоторых провинциях те, чьи посевы на время не нуждались в орошении, могли передать свои суточные запасы своим соседям; в других эта привилегия не предоставлялась. Никто не мог быть обслужен вне своей очереди. О сложности системы можно судить по разнообразию распределительных отверстий, зависящих от объема и характера поливаемой почвы. Их было двести двадцать четыре, все разные, и каждый обозначался отдельным именем. Под особой опекой имперских властей бдительная полиция патрулировала каналы и охраняла водохранилища в каждом округе. Все споры и нарушения закона рассматривались судом, судей которого выбирали сами фермеры, — так называемым Трибуналом Вод, который заседал по четвергам у дверей главной мечети. Место, где проводились его заседания, придавало ему полурелигиозный характер. Ему была неизвестна сложная и дорогостоящая организация современной судебной системы, и, будучи уверенным в здравом смысле и неподкупности своих магистратов, он был в равной степени свободен от королевского вмешательства, политических интересов, судебной коррупции, абсурдных технических нюансов и юридических махинаций. Его работе не мешали досадные задержки. От должностных лиц не требовалось поддерживать порядок. Никаких записей о его заседаниях не велось. Никаких расходов понесено не было. Не присутствовал ни один адвокат, который мог бы запутать тонкими аргументами и несерьезными различиями простое толкование закона. Каждая сторона изложила свою собственную позицию. Обвиняемый самостоятельно осуществлял свою защиту. Решение было вынесено после краткой консультации, и оно не подлежало обжалованию. Самый высокий ранг, самое большое богатство, самая выдающаяся государственная служба не освобождали от юрисдикции суда и не влияли на

беспристрастность его постановлений. Дворянина вызывали в суд с не большими церемониями, чем раба. Нарушения различных постановлений, защищавших каналы и их снабжение, карались штрафами. В тех случаях, когда преступление повторялось, виновный лишался права пользоваться привилегиями, от которых зависело существование его урожая.

Мудрость этих правил подтверждается их долговечностью. Сохраненные традицией, они дошли до наших дней почти в неизменном виде, и Трибунал Вод по-прежнему заседает каждый четверг, в последний день мусульманской недели, у дверей кафедрального собора Валенсии, как это было перед порталами Великой мечети при правлении знаменитых монархов Оммеаде десять веков назад.

При распределении воды измерение производилось по объему, определенное количество выделялось на указанную площадь в течение определенного периода дня или ночи с интервалом в десять-пятнадцать дней. Стороны каналов были снабжены шлюзами, которые держались на замке и ключе, с помощью которых прилегающие поля могли быть затоплены в нужное время. Дренажные системы отводили излишки обратно в исходные каналы, так что потери были минимально возможными.

Такая же тщательность и экономия наблюдались при удобрении почвы, которую требования плотного населения никогда не позволяли оставить в покое. В отличие от политики, принятой при римском и готском владычестве, крупных поместий было немного. Земля была разделена на небольшие участки, и по этой причине обрабатывалась гораздо тщательнее. С дорог собирали навоз и пыль. Содержимое канализационных коллекторов и хранилищ консервировалось, высушивалось и, смешанное с менее сильнодействующими веществами, использовалось для устранения повреждений, возникающих в результате непрерывного культивирования. Зола, сожженные и измельченные семена фруктов, кровь и кости убитых животных - все это сыграло важную роль в разумной и систематической обработке богатых и плодородных долин Юга, поверхность которых, покаясь на непроницаемом глинистом грунте, требовала постоянного обновления. Любопытные и тщательные исследования опытного агронома позволили определить лучшие компосты, наиболее выгодные способы их применения, вид растительности, к которому они были специально приспособлены.

Навоз складывали в каменные резервуары, приспособленные для предотвращения испарения или утечки. Ничто не было потрачено впустую; каждое вещество, доступное для удобрения сельскохозяйственных культур, было тщательно сохранено, различные сорта были разделены и применены к таким почвам, которые, как показал опыт, были наиболее продуктивными при их использовании. Ни одно естественное препятствие не было настолько серьезным, чтобы остановить предприимчивость и трудолюбие мавританского земледельца. Он прокладывал туннели в горах. Его акведуки пересекали глубокие ущелья. С бесконечным терпением и трудом он выровнял скалистые склоны сьерры. Там, где можно было использовать обширные общественные работы римского гения, они были отремонтированы и расширены. В Андалусию доставлялись растительные продукты из самых отдаленных стран земного шара — зерновые из Азии, орехи и ягоды из Европы, сочные фрукты с африканского побережья.

Глубокие ботанические знания, которые шли рука об руку с арабским садоводством, чудесным образом способствовали этим исследованиям. Испанские мусульмане были прекрасно знакомы с циркуляцией сока, с различием полов у растений, с процессом искусственного оплодотворения. Они создали для них условия активности и покоя, движения и сна. Они

использовали восемь различных методов прививки; а вредное воздействие солнца устранялось использованием перфорированного сосуда, из которого вода капля за каплей падала на привой, который без этой меры предосторожности засох бы от высокой температуры. Мавританские садоводы изобрели множество способов улучшения своей продукции, многие из которых современное невежество относит к более позднему времени. Примером этого было удаление с дерева части плода до наступления зрелости, чтобы гарантировать превосходный размер и превосходство того, что осталось. Они выращивали такие красители, как марена и индиго, продукты Индии. Они ввели в уменьшенном масштабе висячие сады Вавилона. В цветочном орнаменте у них не было превосходства. Они изобретали лабиринты, искусственные гроты, скрытые фонтаны. Они выводили тексты и надписи с помощью великолепных цветов на фоне живого изумруда. Замысловатым узорам гобеленов подражало бесконечное разнообразие цветущих растений, оттенки которых сливались в совершенной гармонии, как и цвета материала, который они должны были представлять. Они приобрели такое мастерство в выращивании роз, что в любое время года они в изобилии цвели в каждом саду. Подобно нашим современным флористам, они пытались создать их необычных оттенков и потерпели соответствующие неудачи. Они знали, как извлекать опиум из мака, но применяемый ими процесс до нас не дошел. Они успешно лечили болезни всех известных видов растительного царства. Они были чрезвычайно искусны в дистилляции и очищении эссенций, и огромные плантации цветов были выращены ради изысканных ароматов, которые они давали. Упоминается двадцать пять различных их видов, и они были настолько многочисленны и дешевы, что едва ли считались роскошью. Мавританский садовод обладал обширными знаниями во всех сферах своей деятельности. Он мог сохранять фрукты на неопределенный срок; изгонять вредных насекомых; выводить ядовитые газы из колодцев и раскопок. Он был сведущ в метеорологии и мог предвидеть атмосферные изменения с точностью, непостижимой для тех, чьи повседневные занятия не требовали знакомства с различными аспектами времен года и ежегодной повторяемостью природных явлений. В главных городах полуострова были школы, где давалось практическое обучение различным отраслям земледелия.

Поскольку Коран недвусмысленно запрещал вывоз зерна, излишки урожая хранились в подземных зернохранилищах, вырубленных в скале. Когда ребенок достиг совершеннолетия, ему подарили один из этих журналов, и сосуды были настолько сухими, что в некоторых из них близ Гранады была найдена пшеница в идеальной сохранности, где она пролежала два столетия после взятия этого города. Мудрость такого устройства стала очевидной во время голода, который, несмотря на трудолюбие народа, время от времени охватывал полуостров. Однако иногда полагались на менее вкусную пищу, и вблизи Педроче с незапамятных времен тщательно сохранялись леса из гигантских дубов ради их желудей, которые составляли грубую, но питательную пищу, когда заканчивались все другие ресурсы.

Великий труд Ибн-аль-Авама из Севильи, обширный памятник трудолюбия и эрудиции, охватывающий все мыслимые области науки, показывает, до какого необычайного совершенства наука земледелия была доведена испанскими мусульманами в двенадцатом веке. В ней всесторонне и исчерпывающе рассматриваются не только методы, которые, как было установлено опытом веков, наилучшим образом подходят для посева и сбора урожая зерновых, для посадки и возделывания садов, для размножения съедобных и ароматических растений; но также с бесконечной скрупулезностью деталей описываются разведение и уход за каждым видом домашних животных, их качества, их относительное превосходство, их дефекты, их привычки, их болезни. В ней подробно рассказывается о различных породах лошадей и о

выращивании этого полезного животного, столь ценимого арабами. В ней объясняются детали искусственного выведения, процесса, заимствованного из Египта. В нем рассказывается, как вызвать у гусей патологические заболевания печени, которые приводят к *фуа-гра*, искусственному деликатесу, столь дорогому для гастрономов, и тысячу лет назад, как и сегодня, бесценному дополнению к модному обжорству. В нем рассказывается о различных методах приготовления различных кондитерских изделий, желе, сиропов и сладостей любого вида. Производство вина, столь строго запрещенного мусульманам и огромное потребление которого уже во времена халифата шокировало благочестивых, подробно описано на всех этапах в этой замечательной книге. В нем даны рецепты многих видов ликеров, охлаждающих напитков и гидромеля. Он также предписывает правила, по которым должно управляться домашнее хозяйство фермера, и определяет взаимные обязанности работодателя и работника. В каждой операции сельской жизни и домашнего хозяйства он путем неоднократных увещаний подчеркивает необходимость чистоты, систематичности и порядка.

Из трактата Ибн-аль-Авама мы узнаем, что большая часть его информации была почерпнута из сицилийских источников, где сельское хозяйство и зависимые от него занятия были столь же развиты, как и на полуострове. На этом богатом острове выращивали шафран и множество других трав, а оттуда вместе со многими овощами и фруктами ввозили в Испанию. Виноградники и вина Сицилии, знаменитые в древности, сохранили свою репутацию во времена мусульманского и нормандского владычества, но во время соперничества империи с папством культура винограда пришла в упадок и практически вымерла более века назад.

Мавританской предприимчивости Европа обязана такими фруктами, как клубника, лимон, айва, финик, инжир, шелковица, банан, гранат; такими орехами, как фисташки и миндаль; такими злаками, как рис, кунжут, гречиха; такими овощами, как шпинат и спаржа; такими специями, как мускатный орех и перец; такими приправами, как каперсы и шафран. Кофе и хлопчатник, которые в диком виде произрастали в Аравии; сахарный тростник, продукт производства которого почти без изменений носит название, данное теми, кто был первым, кто его добывал, также были завезены арабами. Только оливковые плантации в окрестностях Севильи, насчитывающие миллионы деревьев, свидетельствуют о том, насколько высоко ценилась их культура и какие огромные прибыли она, должно быть, приносила владельцам. Виноград был в таком изобилии в Убеде, что для него не было рынка сбыта; в Малаге, по словам Ибн-Батуты, восемь фунтов продавались за дирхем. Аль-Маккари ссылается на огромные дыни в Цинтре. Груши, выращенные в Дароке, не имеющие себе равных по богатству вкуса, весили три фунта. Яблоки Сантарена достигали тридцати дюймов в окружности. Апельсины были не меньших размеров; и сегодня на Юго-востоке Испании нередко можно увидеть их восемь дюймов в диаметре. В настоящее время невозможно осознать масштабы и основательность возделывания почвы, которое произошло при мусульманском господстве на полуострове. Южная часть, своим буйным плодородием вызывающая восхищение путешественников, была под Вересковыми пустошами несравненно более плодородной. Ламанча, Кастилия и Эстремадура, которые в настоящее время являют собой печальную картину бесплодия и нужды, еще в XII веке были покрыты обильными урожаями, перемежались рощами и фруктовыми садами, среди которых приютились бесчисленные деревни, фермерские дома, башни и хуторки.

Эти пейзажи сельской бережливости и красоты были пересечены тысячами каналов и канализационных труб, разливающих во все стороны свои освежающие и оплодотворяющие

воды. Сады были окружены решетками из сплетенного вместе тростника, увитыми вьющимися розами и виноградными лозами, смешанные ароматы цветов которых наполняли воздух. Саламанка, ныне центр одного из самых бедных и заброшенных районов Испании, в десятом веке была густонаселенной и процветающей провинциальной столицей со ста двадцатью пятью городами, многие из которых были значительных размеров и находились под ее юрисдикцией. Сеговия, нынешнее состояние которой еще более плачевно, во времена халифата была центром шерстяной мануфактуры страны, источником огромного богатства для всех, кто там работал. Садоводство в Арагоне, где в изобилии произрастали все продукты растительного мира, не запрещенные суровостью климата, достигло своего апогея в изысканных пейзажах долины Эбро, называемой Фруктовой рекой, благодаря бесконечным фруктовым садам, раскинувшимся по ее берегам. Все королевство раньше было покрыто лесами, а в его пустынях можно различить глинистые русла многих озер и речек, влага которых когда-то приносила процветание многочисленному мавританскому населению. Столица, Сарагоса, долгое время являвшаяся резиденцией просвещенной династии, прославилась повсюду достижениями своих принцев, ученостью своих ученых, мастерством своих ремесленников, богатством своих евреев и великолепным убранством своих мечетей. Ни один город халифата не обладал лучшим классом населения, большим богатством или более высоким уровнем цивилизации. Его стены имели почти две лиги в окружности. Его сады простирались на расстояние восьми миль во всех направлениях. Его атмосфера была наполнена ароматом цветов, покрывавших его равнину. Территория огромной протяженности, включающая множество деревень и замков, признавала власть бени-Худов, своих правителей. Весь этот регион был раем, который иностранцы сравнивали с Халдеей из-за его плодородия, многочисленных рощ и изобилия вод. В здешнем климате древесина не гниет и не покрывается плесенью, и провизия может храниться годами без порчи. Королевский дворец, называемый Обителью удовольствий, содержал великолепный парадный зал, мрамор и арабески которого были одним из чудес полуострова. Абульфедя называет мавританскую столицу Арагон "Серебряным городом, окруженным изумрудами, смешанными с золотом". Нынешний унылый вид Толедо не дает и намек на его бывшее величие при арабском правлении, когда его население насчитывало двести тысяч человек, а с башен его цитадели можно было разглядеть череду ферм и плантаций, простиравшихся до самого горизонта. Однако именно на тропическом Юге неисчерпаемые ресурсы мавританских земледельцев проявили свою удивительную мощь. Средиземноморское побережье от Гибралтара до Барселоны представляло собой сплошной зеленый пояс. На протяжении пятнадцати миль ниже Севильи Гвадалквивир был затенен чередой фруктовых садов. Недалеко от этого города, в районе Аксарафе, занимавшем пятьдесят квадратных лиг и густо засаженном оливковыми и фиговыми деревьями, в двенадцатом веке, через двести двадцать пять лет после распада империи Оммеядов, насчитывалась тысяча процветающих деревень. Здесь в непосредственной близости процветали представители растительного царства, собранные из самых отдаленных частей земного шара. Здесь можно было увидеть сотни разновидностей растений, одни из которых были собраны на склонах Гималаев, другие - в лесах Германии; третьи снова были пересажены с бесконечным трудом из Эфиопии и истоков Нила. Здесь выращивались сирийские апельсин и гранат, египетская пальма, берберийский тамаринд, ароматный бальзам Аравии. Обширные заросли шелковицы указывали на важность, придаваемую производству шелка.

В разнообразных занятиях, связанных с сельским хозяйством или зависящих от него, — в разведении крупного рогатого скота и лошадей, в разведении овец, в разведении пчел — мавры

полуострова достигли высочайшей степени мастерства. Арабский скакун не утратил ни одного из своих несравненных качеств в климате Андалусии, и его быстроте и выносливости следует приписать многие из самых выдающихся побед, сопровождавших прогресс мусульманского оружия. Шелковистая и роскошная шерсть овец-мериносов обязана своей тонкости, а также своему названию особому методу ухода за стадами и их размножения в соответствии с законами Западного халифата. Огромные поголовья проводились дважды в год между склонами Пиренеев и равнинами Эстремадуры, обеспечивая таким образом свежие и постоянные пастбища и в равной степени избегая летней засухи и зимних штормов. Организация, контролировавшая эти миграции, защищенная авторитетом правительства, в конечном итоге приобрела важность и мощь политического института. Он был назван Mesta, и, будучи перенят кастильцами, его привилегии, ставшие угнетающими из-за безнаказанных злоупотреблений, долгое время были до середины прошлого века, когда они были в значительной степени урезаны, одной из самых невыносимых обид, с которыми сталкивалось испанское крестьянство.

Богатство полуострова ценными минералами не только способствовало развитию искусств, но и существенно способствовало налаживанию торговли с иностранными государствами. Серебряные рудники Иберии были известны с незапамятных времен, и после столетий забвения из-за жестокого правления варваров их сокровища снова стали доступны под энергичным управлением халифов Кордовы. В окрестностях Линареса до сих пор можно проследить квадратные ямы арабов бок о бок с круглыми раскопками римлян; и их количество, превышающее пятьсот в этой единственной местности, указывает на масштабы горных работ, разумное ведение которых и экономное управление вносят столь значительный вклад в материальное благосостояние общины. Из песков Дарро и Тежу было добыто значительное количество золота. В Испании, центре крупнейших месторождений киновари в древнем мире, производство ртути было одним из самых прибыльных занятий мавританской промышленности. В Абале, в дне пути от столицы, находились шахты, где постоянно были заняты тысячи рабочих. Превосходное качество медной посуды, непревзойденный характер стальных лезвий, которыми особенно славилась Андалусия, свидетельствуют не только о превосходстве соответствующих руд, из которых были получены эти металлы, но и о мастерстве, необходимом для изготовления из последних полезных и красивых предметов в мастерских и оружейных мастерских Альмерии, Севильи, Гранады и Толедо.

За много лиг до приближения к великим андалузским городам путешественник проезжал по дорогам, покрытым изогнутой листвой, по районам, настолько густо заселенным, что они напоминали череду смежных деревушек. Воздух был напоен ароматом цветов; повсюду слышалось журчание воды; вдоль каждого ручья тянулся ряд живописных мельниц; с одной стороны возвышались башни и купола какого-то дворца, богатого позолотой и сверкающей черепицей; с другой - ряд коттеджей, утопающих в жасмине и розах. Ничто так не впечатляло его, как бережливость, которая, казалось, преобладала повсюду. Каждый фут пригодной для обработки земли был тщательно обработан. Использовалась каждая капля воды. Огромные толпы заполнили узкие улочки. Нищие не занимались своим надоедливым ремеслом на улицах и не заполнили входы мечетей. Многочисленное население страны было лучшим показателем общего процветания. В 910 году в любой из испано-арабских провинций, граничащих со Средиземным морем, проживало больше людей, чем во всей Великобритании в начале шестнадцатого века.

Законы предоставляли мавританскому земледельцу всяческие поблажки и поощрение. Независимостью, столь необходимой для успешного ведения сельского хозяйства, он пользовался в максимальной степени, совместимой с поддержанием общественного порядка. По большей части, он сам установил правила ведения сельского хозяйства, которые обеспечивались магистратами, взятыми из его класса и по его собственному выбору. Его налоги не были репрессивными. Плодородие почвы, ровный климат никогда не позволяли его трудам оставаться без вознаграждения. В Валенсии, где каждая неделя приносила фермеру новый урожай, остальная земля, необходимая для сохранения плодородия в других местах, была неизвестна. В Мурсии чудесная растительность дала стране название, подсказанное ее сходством с пышной долиной Нила. Ежегодный урожай масла на заводе Ахагафе в Севилье составлял два миллиона сто восемьдесят семь тысяч пятьсот галлонов; каждый день во время сбора урожая оливок в город доставлялось сто двадцать пять тысяч галлонов. Вся Африка, Азия и Европа получали этот полезный продукт питания с плантаций Южной Испании. Недаром оливковое дерево — источник такого богатства, эмблема мира — должно было считаться благословенным как мусульманином, так и евреем. Розы росли в Кордове в такой изобилии, что двадцать пять фунтов листьев приносили всего два дирхема, и каждый мог сорвать все цветы, какие пожелал, с живой изгороди, окаймлявшей шоссе, или на частных участках, привилегией, которой никогда не злоупотребляли. В местностях, неблагоприятных для возделывания, недостаток почвы восполнялся неутомимой промышленностью. Стены из массивной каменной кладки поддерживали террасы, где сами скалы были сделаны продуктивными, и там, где можно было посадить только куст или виноградную лозу, использовалось узкое пространство. Не только воду, но и суглинок и удобряющие материалы привозили с больших расстояний.

Размеры, великолепие, роскошь главных городов поразили иностранца, привыкшего к многолюдным кварталам и убогой убогости европейских столиц. Все они были окружены пригородами, сами по себе имевшими огромную протяженность, простиравшимися так далеко, насколько хватало глаз. Горные склоны Альмерии и Малаги были покрыты виноградниками; на равнинах простирались тысячи акров сахарного тростника; на болотах — рисовые плантации. Сады Альмерии простирались в радиусе двадцати миль к северу, востоку и западу от гавани. Высочайшая важность сельскохозяйственных интересов как влияющих на общее благосостояние общины никогда не была продемонстрирована более убедительно, чем катастрофическими результатами, последовавшими за изгнанием евреев и мориско. Об этих результатах уже упоминалось на этих страницах. Разрушительная политика, уничтожившая великую цивилизацию, принесла с собой свое собственное наказание. Обширные регионы, которые при мусульманах приносили огромные доходы, в настоящее время бесплодны и необитаемы. Единственные следы бывшего процветания в районах, ныне уступленных бандитам и контрабандистам, видны по курганам, обозначающим места бывших деревень. Там, где когда-то были бесконечные плантации ценных деревьев, теперь унылые пустоши, лишённые всякой растительности, неспособные поддерживать животную жизнь, проклятые вечной засухой и безнадежной стерильностью. Города потеряли гораздо большую часть своих жителей; деревни превратились в деревушки; древние хутора исчезли. На полуострове при арабах не было неводеланных участков, кроме тех, что были покрыты лесами; в середине прошлого века в Эстремадуре — не считая горных районов, занимавших треть площади провинции — было заброшено двести тысяч акров; в Ламанче — сорок пять тысяч; в районе Утрера тридцать одна тысяча. Единственные местности, где сельское хозяйство все еще процветает, — это те, где природа щедро одарила его; где необходимость тяжелого труда не истощает способности

коренных жителей к лености; где продукты земли произрастают в спонтанном изобилии; где системы орошения и обработки почвы, введенные маврами, все еще преобладают без существенных изменений, демонстрируя их непревзойденную приспособленность к целям сельского хозяйства.

Высокая продуктивность почвы и близость Средиземноморья, естественно, предполагали освоение природных ресурсов и расширение торговли в мавританской Испании. У древних арабов хищнический инстинкт сам по себе преобладал над склонностью к торговле. Эта склонность получила огромный импульс с момента основания ислама. Воодушевленный наставлениями и примером Пророка, который, как фактор Хадиджи, посетил города Сирии, профессия торговца вскоре стала рассматриваться каждым мусульманином как профессия чести, а также приносящая прибыль. Жители пустыни по большей части делились на два класса: тех, кто организовывал караваны, и тех, кто их грабил. За столетия до Хиджры прибыльная торговля велась между районами Мекки и Йемена и богатыми городами Индии, Ассирии и Египта. Поэтому не потребовалось особых усилий для установления выгодных торговых связей между морскими портами Испанского полуострова и теми, которые через равные промежутки времени были разбросаны по берегам Средиземного моря. Почти одновременно с завоеванием было положено начало обширной торговле. Контроль над морем военно-морским флотом халифов неизмеримо расширил возможности торгового взаимодействия. Крупные рынки христианского мира поддерживали самые тесные отношения с богатыми домами Альмерии и Малаги; товары Константинополя, Венеции и Генуи находили готовых покупателей на базарах Кордовы, а также в столицах провинций Андалусии и Аль-Магриба. Но бесстрашный дух мавританского мусульманина не ограничивался морской торговлей; его фактории можно было найти в каждой стране, доступной влияниям и предприимчивости цивилизации; его караваны с одинаковой быстротой и упорством пересекали леса Европы, пустыни Эфиопии, бескрайние равнины Центральной Азии, болота и джунгли Индостана. Таинственные опасности неисследованных морей, свирепый вид и дикие нравы диких племен, грозные препятствия, которые представляли собой непроходимые пустоши и чумные болота, - все это было забыто в жажде наживы и азарте приключений. Память об экспедициях, периодически отправляемых их предками из городов Аравии, вид огромных прибылей, накопленных евреями, одновременно их наставниками, союзниками и конкурентами, стимулировали честолубие испанских арабов, уже предрасположенных к коммерческим занятиям, и чья необычайная энергия, казалось, обещала успех в любом предприятии. Мусульманское законодательство, столь в высшей степени благоприятствующее потребностям внутренней и внешней торговли, предлагало последователям Пророка помощь более эффективным образом, чем когда-либо предлагалось основателями других религий. Обязанности, налагаемые паломничеством в Мекку и Медину, были тесно связаны с условиями дорожного движения. Задолго до Мухаммеда проникательные и бережливые торговцы Йемена поставили алтарь и базар во взаимную зависимость. Идолопоклонническая святыня Мекки искала поддержки у паломников, которые, привлеченные отчасти суевериями, отчасти алчностью, через равные промежутки времени толпились в стенах Священного Города. Коран предписывает при любых обстоятельствах строго соблюдать контракты и практиковать честность, а также угрожает небесным правосудием тем, кто нарушает принципы справедливого ведения бизнеса в сделках. В дополнение к общим принципам мусульманского права, которые способствовали общению народов, халифы Омейядов Испании освободили от налогообложения многие промышленные товары и предметы роскоши, в том числе оружие,

доспехи и драгоценности, осознавая, что увеличение богатства, которое должно произойти в результате этой привилегии, в конечном итоге принесет народу гораздо больше пользы, чем временное преимущество, получаемое в результате введения налогов или пошлин.

Море, так же как и суша, стало данником предприимчивости сарацин. Янтарь в значительных количествах добывался в окрестностях Лиссабона. Промысел жемчуга был важным занятием уроженцев Валенсии и Аликанте. В окрестностях Альмерии было найдено большое количество изысканных ониксов и агатов. Каменная соль была в изобилии — большой холм из нее возвышался недалеко от Сарагосы. Горы Альхама были сложены из гипса, который обеспечивал высочайшее качество штукатурки. В Лорке имелись залежи лазурита. В Макаэле были неисчерпаемые залежи белого мрамора, который по блеску и красоте соперничал с продуктом греческих каменоломен Пентелика. Горы Андалусии изобиловали яшмой. В Картахене добывали аметисты. Рубины добывали недалеко от Малаги.

Перевозкам внутри страны способствовали ярмарки — эти популярные торговые средства, которые способствуют развитию торговли и в то же время развивают социальные инстинкты человечества, — институты, особенно приемлемые для полуварварских народов и давно знакомые народу Аравии. Легкость общения, самое мощное из цивилизующих влияний, способствовала этому национальному обмену как товарами, так и идеями. Продажа товаров, какой бы выгодной она ни была, хотя и являлась очевидным мотивом, ни в коем случае не была самой важной целью этих народных собраний. Знакомство с отдаленными общинами, разговоры незнакомцев, разнообразная панорама новых и интересных сцен, возбуждение и суэта, сопровождающие собрание огромного множества людей, являются прекрасными стимуляторами интеллектуальных способностей. Литературные состязания за поэтическое превосходство, которые, как говорили, были отличительной чертой могучего сборища Охад, возродились на ярмарках Андалусии. Хотя последние были рассчитаны на провинциальную выгоду, на самом деле они носили в основном космополитический характер. Их слава привлекала коммерческих спекулянтов из самых отдаленных стран. В их киосках были выставлены на продажу предметы большой редкости и ценности. Сделки, заключенные в их рамках, не уступали по важности тем, которые привели к коммерческому процветанию Малаги и Альмерии. Обстоятельства, связанные с их учреждением и окружением, создавали представление о тропической жизни, странной для глаз христианского мира. Бесконечные вереницы бредущих верблюдов, нагруженных драгоценными припасами; лошади в великолепных пополах; роскошные носилки с красавицами гарема; угрюмые и свирепые евнухи; свиты знати, сверкающие сталью и золотом; бурлящие толпы в белых одеждах Востока; чарующий пейзаж с его пальмовыми, апельсиновыми и гранатовыми рощами, журчащими водами, благоухающей экзотикой; узкие улочки, покрытые навесами, защищающими от солнца; веселые павильоны; странные пейзажи. костюмы роскошной Азии и варварской Африки; смешанный акцент множества идиом, проявляющийся на шоссе, проезжей части и просторах - иностранное влияние, которое, по-видимому, установилось навсегда и стерло римские и готические традиции полуострова. Подобное зрелище нельзя было увидеть нигде, кроме как в странах, где восточные обычаи господствовали с незапамятных времен. Влияние этих периодических собраний на коммерческую, литературную и общественную жизнь мусульманской Испании имело первостепенное значение.

Как ни велик был ее внутренний товарооборот, мавританская империя неизбежно обращалась к своим иностранным торговым связям за наиболее прибыльной прибылью. Его географическое

положение было необычайно благоприятным для ведения морской деятельности. Средиземноморье предоставляло своим торговцам беспрепятственный доступ во все наиболее цивилизованные страны мира. Но несколько часов плавания отделяли их от портов Северной Африки, где были собраны богатые товары этого огромного континента. Бискайский залив обеспечивал проход их судам в гавани Франции и Великобритании. По словам Эдриси, они исследовали Мадейру, Канарские и Азорские острова за четыреста лет до того, как эти острова были заняты европейцами. Через Пиренейские перевалы они могли попасть на рынки Северной Европы. Вступив таким образом в контакт с отдаленными народами, у которых не было других средств сообщения, европейские мавры пользовались особыми коммерческими преимуществами, которые они не замедлили использовать. Внешняя торговля полуострова была в значительной степени в руках евреев. Последние были прибыльным источником дохода для готов, как впоследствии и для преследующих их испанцев. Они были банкирами, импортерами, перевозчиками империи. Они передали большую долю своей энергии и предприимчивости мусульманам, которые и без того завидовали их успеху и богатству. В девятом веке необычный импульс был придан сношениям с Востоком; в десятом купцы Испании и Сицилии практически захватили торговлю в Средиземноморье. Было сделано все возможное как для безопасности, так и для получения прибыли. Вооруженные галеры патрулировали побережья и сопровождали торговые флотилии, пересекавшие моря. Внутренние торговые операции испанских мусульман, вероятно, не уступали по важности их морским предприятиям. Обнаружение бесчисленных монет и ювелирных изделий на побережье Скандинавии и вдоль рек Германии и Польши указывает более определенно, чем это могли бы сделать какие-либо исторические записи, на прежнее присутствие предприимчивых торговцев полуострова. У халифов были консульские агенты в Индии, Китае и Персии. Они посылали великолепные подарки восточным властителям. Они вели переговоры с варварскими князьями Центральной Африки. Племенная вражда была забыта благодаря взаимным выгодам, получаемым от торговли с мусульманскими городами Египта, Сирии и Аравии, а также с поселениями Индийского архипелага. Политика, а также интерес подтвердили дружбу, рано установившуюся между мусульманскими монархами Испании и греческими императорами Константинополя. Они обменивались подарками, отправляли специальные посольства, принимали представителей императорского достоинства и враждебной веры со всяческой демонстрацией почета и уважения. Исключительные коммерческие привилегии, которыми пользовались купцы двух империй, давали им огромное превосходство над всеми конкурентами. Колонии христиан-иностранцев, которые занимали отдельные кварталы и управлялись по своим собственным законам, были основаны во всех морских портах и во многих городах внутри страны. Число их в Гранаде на момент завоевания составляло двадцать пять тысяч, большинство из которых были итальянцами. Торговцев с Босфора часто видели на ярмарках Кастилии; знатные дома Альмерии и Барселоны имели в византийской столице свои представительства, которые контролировали богатую торговлю на Эвксинском и Балтийском островах.

На больших рынках Востока и Запада самые изысканные предметы роскоши проходили через руки проницательных и предприимчивых торговцев мусульманской Испании. С границ Полярного круга поступали драгоценные меха рыси, лисицы и горностая, наименее ценные из которых стоили сто динаров; из Норвегии и Сибири - запасы ископаемой слоновой кости; из Аравии - бальзамы и ароматические вещества; из Германии - мед и воск; из стран Балтики - мастика, сторакс и янтарь; из Китая - чай и фарфор; из Эфиопии - золотая пыль и асбест; из

Персии - духи; из Индии - специи и сандаловое дерево; из Швеции и Финляндии - рабыни с безупречным цветом лица и льняными локонами, обычные цена на базарах Каира и Кордовы составляла тысячу золотых монет. Евреи и монахи Франции, adeпты отвратительного занятия, снабжали гаремы белыми евнухами. Тимбукту и районы Нигера предоставляли чернокожих гигантских размеров и свирепого вида для зачисления в личную гвардию халифов. Ястребы, столь широко используемые в средневековом спорте, по большей части были выведены или снабжены мусульманскими купцами. Они также импортировали из Африки диких животных, таких как львы, жирафы и леопарды, для зоологических коллекций и продажи в дальних странах. Лев на рынках Китая оценивался в тридцать тысяч рулонов шелка. Верблюд, легко приручаемый в Андалусии, всегда ценился как вьючное животное. Главными торговыми центрами средневековой торговли и международного обмена, где были собраны самые ценные товары из ста королевств, все из которых отдавали дань мавританской предприимчивости и богатству, были Константинополь, Александрия, Малага и Палермо.

Крупные центры производственной и торговой деятельности располагались на Средиземноморье. Из них Альмерия была самым важным. С крайнего Востока, из нубийских пустынь, с побережья Гвинеи, из далекой Британии, из замерзших регионов Севера торговцы заполнили ее улицы и рынки. В ее гавани можно было встретить корабли всех морских держав. Ее восемьсот шелковых фабрик, на которых работало более восьми тысяч ткацких станков, производили золотые и серебряные ткани, ковры, занавеси, халаты, чья тонкая текстура и изысканный узор превосходили лучшие изделия Востока. Железная и медная посуда, изготовленная ее мастерами, пользовалась широкой репутацией за долговечность и отделку. О притоке незнакомцев, которые внесли свой вклад в ее богатство и разделили ее гостеприимство, можно догадаться из того факта, что в ее стенах было зарегистрировано девятьсот семьдесят караван-сараев для уплаты акциза на вино.

В Малаге, другом крупном морском порту, располагались крупнейшие в Андалусии гончарные мастерские, где производился фарфор, поверхность которого покрывалась эмалью из золота, серебра и меди с помощью процесса, известного только арабам Испании. Глина, найденная в окрестностях, была специально приспособлена для нужд гончара и столетия назад приняла симметричные формы классической элегантности под умелыми руками римлянина. Усилия древности, однако, были превзойдены маврами, которые со временем довели это производство до доселе неизвестного совершенства. В других городах, таких как Валенсия, Мурсия, Мурвиедро и Калатаюд, это также проводилось с большим успехом. Тщетно были потрачены ресурсы современной изобретательности на раскрытие секрета, который мог бы придать фарфоровой вазе особую отделку, которая, сохраняя неизменными цвета металлов, усиливала блеск ее блестящей поверхности гораздо сильнее, чем любая полировка. Ни в одном городе мира, за исключением Китая, изготовление фарфора не производилось с таким мастерством и прибылью, как в Малаге. Его экспорт был одним из самых прибыльных источников богатства королевства Гранада. Для людей это промышленное занятие было не просто вульгарным ремеслом, осуществляемым из корыстных побуждений, но занятием, которое позволяло и поощряло развитие высших научных и художественных инстинктов человечества. Вазы изящной формы и изысканного декора, произведенные в малаганских гончарных мастерских, пользовались большим спросом у богатых людей всех стран. Совершенство этой отрасли керамического искусства с секретом металлической эмали исчезло с окончательным завоеванием города. Этот факт сам по себе не примечателен, поскольку наступление испанского господства ознаменовалось уничтожением многих форм полезной

промышленности; но совершенно беспрецедентно, что мануфактура такого масштаба, масштабы и совершенство которой были установлены столькими неоспоримыми доказательствами, не оставила нетронутым для потомства ни одного образца своего превосходства. Достоверно известно, что в Малаге не существует ни одного подлинного изделия из знаменитой металлической керамики. В этом городе были найдены некоторые фрагменты, чья стеклянная поверхность обладала ослепительным блеском, который вызывал удивление у народов того времени; но ни один европейский музей или частная коллекция, почти наверняка, в настоящее время не располагает предметом, демонстрирующим эту заметную особенность или происхождение которого, с какой-либо степенью вероятности, может быть отнесено к величайшему центру керамического искусства средневековья.

Малага славилась не только изготовлением шелка и керамики. Ее стекло и бумага, посуда из железа и меди, сложный и изящный труд столяров также пользовались широкой и заслуженной известностью.

Использование металлов в качестве средства украшения также часто применялось к коже. По большей части это было сделано в Кордове, продукция которой считалась высочайшего качества и имела самую высокую цену на каждом рынке. Некоторые дубильные чаны, огромные сосуды из терракоты, в которых готовился этот материал, до сих пор можно увидеть в Испании. Кожаные портьеры, производимые в столице, по праву считались одними из важнейших в ее многочисленных производствах. С помощью какого-то хитроумного процесса кожи стали мягкими и податливыми, как самая тонкая ткань, а затем были декорированы в соответствии с канонами арабского вкуса, которые, не оскорбляя глаз резкими контрастами, могли гармонично сочетать самые богатые оттенки и блеск самых ярких металлов. Золото и серебро наносились штампами, краски наносились кистью, и великолепные узоры производили почти магический эффект среди разнообразного великолепия мавританского дворца. Это искусство, как и искусство нанесения металлической глазури на фарфор, также, по-видимому, безвозвратно утрачено. Дошедшие до нас порванные и выцветшие фрагменты кожи с орнаментом доказывают не только долговечность и превосходство материала, но и свидетельствуют о мастерстве, по сравнению с которым усилия самых опытных современных переплетчиков кажутся неуклюжими. На нем часто наносились цветные рельефные рисунки, которые значительно подчеркивали его красоту, придавая ему вид парчи. Более изысканные сорта благоухали янтарем. Ремесленники Кордовы также преуспели в резьбе и гравировке сосудов из серебра и золота.

Производство шелка в Севилье давало работу ста шестидесяти тысячам ткачей, многие из которых были заняты изготовлением материала под названием тирас, использование которого было королевской привилегией. Долгое время в Хативе находилась первая в Европе бумажная фабрика — вещество, изобретение которого внесло столь значительный вклад в распространение знаний и прогресс цивилизации. На протяжении веков, известных китайцам, арабы заменяли шелк, который использовался в Поднебесной империи, льном и, наконец, хлопком. Его привнесение испанскими маврами в Европу неоспоримо, поскольку в библиотеке Эскориала был обнаружен манускрипт из хлопчатобумажной бумаги, датированный одиннадцатым веком. Хотя он использовался в Мекке в 710 году, в Европе он был практически неизвестен до пятнадцатого века, а в Лондоне его производили только в 1690 году. Необычайный импульс, придаваемый письмам халифов, бесчисленные тома, хранящиеся в императорских библиотеках, переводы редких рукописей, и постоянная публикация новых

произведений, за сочинение которых, если они были достойны внимания, выплачивались невероятные премии, должно быть, вызвали огромный расход бумаги. Профессия, пользующаяся таким почетом, и труды которой вознаграждались с такой щедростью, естественно, привлекала в свои ряды благородных и образованных представителей каждой мусульманской нации; и особенно это касалось полуострова, где высочайшими литературными преимуществами пользовались даже семьи скромного положения; и где образование среди всех классов было не только религиозной обязанностью, но и клеймом пренебрежения к нему. Вследствие этого литературные занятия стали не только модой, но и удовольствием; сформировался правильный вкус; возникло народное соперничество; увеличилось производство книг; и дворцы богачей, независимо от их национальности, наполнились коллекциями, которые вызвали бы изумление ученого “клерка” Франции или Великобритании, чье превосходство над своими прихожанами состояло в его способности писать неразборчивыми каракулями и интонировать службу — смысла которой он часто не понимал, а применение учения которого было предметом догадок — на варварском жаргоне. из монашеской латыни. Забота о сохранении и средствах для приобретения этих литературных сокровищ шла в ногу с их первоначальным производством. Кожаные переплеты были прекрасно поняты, а искусно украшенные футляры, в которые часто были заключены тома, стояли на полках из ароматических и ценных пород дерева, таких как кедр, алоэ, черное дерево и сандал.

Переход от древних свитков к используемой сейчас квадратной форме книг относится к середине пятого века. Искусство достигло высокой степени совершенства еще до установления исламизма. Первоначально, как можно предположить, его лучшие достижения были ограничены работами на священные темы. Переплеты, украшенные слоновой костью, драгоценными камнями, камнями, медальонами и застежками из драгоценных металлов, были украшены с высочайшим мастерством ювелира и гранильщика. Арабы, и особенно испанцы, — средоточие величайшей культуры расы, — преуспели в этом искусстве, как и во всех других, в которых они усердно применяли свои таланты и трудолюбие. Превосходство их материалов, красота узоров, яркость цветов и обилие орнаментов вошли в поговорку. Ценность их обложек привела к исчезновению и искажению огромного количества работ, которые в настоящее время либо полностью утрачены, либо существуют лишь в фрагментарном состоянии. При разграблении Кордовы берберы использовали кожу бесценных томов вместо сандалий. Кастильский захватчик отобрал у других золото и драгоценности и с презрением выбросил рукописи. Великолепие тех, кто был принесен в жертву злобной энергии Хименеса при уничтожении мусульманской образованности в Гранаде, только усилило предубеждение, существовавшее против арабской литературы в умах каждого невежественного и разъяренного фанатика того времени.

Торговля книгами занимала высокое положение в коммерческом мире; ее прибыль соответствовала ее торговому значению; и во времена Аль-Хакема II. только книготорговцев в Кордове насчитывалось более двадцати тысяч.

Различные виды текстильных изделий, производимых испанскими арабами, включали в себя все виды тканей и все стили рисунка. Помимо шелка, тонкая мериносовая шерсть Лузитании, а также хлопок и лен, которыми издавна славилась Андалусия, поставляли ткачам сырье, непревзойденное по прочности и деликатности волокон. Шелк, завезенный в Испанию маврами, веками был известен жителям Йемена, которые познакомились с ним благодаря

торговле с Китаем. Его использование было запрещено мужчинам Мухаммедом, во времена которого это было признаком изнеженности; но этот запрет постоянно и систематически обходили, добавляя несколько нитей шерсти или хлопка в ткань. По сути, это предмет роскоши, количество потребляемого на полуострове товара указывало на процветающее состояние общества, которое могло позволить себе покупать в таких количествах материал, цены на который во многих странах были завышены. В качестве статьи экспорта ни одна из них не была более востребованной или прибыльной. Широкое и проницательное правительство халифов, которое в соответствии с истинными принципами политической экономии поощряло каждую важную отрасль торговли, относилось к ее культуре и мануфактуре с особой благосклонностью. Особым положением закона это было освобождено от налогообложения. Щедротами они поощряли посадку тутовых деревьев. В дополнение к невероятному их количеству, встречающемуся в долинах Гранады, Валенсии и Альмерии, город Хаэн, климат и местоположение которого были удивительно благоприятны для разведения шелкопряда, был центром трех тысяч деревень, занимающихся этим прибыльным производством. В то время как в Испании шелк был обычным материалом для одежды богатых, в других странах Европы он был одним из самых редких товаров и коммерческой диковинкой. Он составлял часть самой ценной добычи крестоносцев. В его складки были вложены реликвии, как в самую дорогую ткань. Его раскладывали на алтарях благородных соборов. Монархи были в восторге от обладания небольшим изделием, которое на протяжении поколений наполняло магазины и украшало гардеробы богатых граждан Гранады, Кордовы и Севильи.

Развивая единственную отрасль производства в определенной местности, подданные халифа, пользуясь опытом, передавая наследственный талант последующим поколениям, совершенствуя механические процессы, которые время от времени возникали сами собой, достигли во многих отраслях промышленности почти беспрецедентной степени ловкости. Энергия воды использовалась для привода механизмов во всех производственных центрах Андалусии; во времена Фердинанда и Изабеллы с ее помощью все еще приводились в действие ткацкие станки в Кордове. Почти каждый город был известен своей специальностью, в изготовлении которой он преуспел. Оружейники Севильи славились своими кольчугами и доспехами, инкрустированными золотом. Толедские мечи считались неприступными из-за элегантности их чеканки, остроты лезвия и тонкости характера. В Альмерии изготавливались изделия из позолоченного и декорированного стекла, методом изготовления которого, принесенным маврами в Италию, в совершенстве владеют теперь только венецианцы. Превосходство шерсти из Куэнки и хлопка из Бежи было неоспоримым. Компания Васауренте производила льняную ткань легкой, как паутинка, прочности и изящества напоминающую сетки паутины. Мурсийским коврам не было равных за исключением Персии. Шелковые ткани и роскошные наряды Гранады отправлялись в качестве подарков королям. На ее Алькаисерии, или Шелковом рынке, было двести магазинов для эксклюзивной продажи этого основного продукта. Говорят, что в этом прекрасном городе здания, построенные для ведения бизнеса, по своему великолепию напоминали дворцы. Его гобелены и парча были замечательными образцами ткацкого мастерства, и их рисунки впоследствии использовались в качестве образцов ремесленниками Италии и Франции. Здесь также изготавливались изысканные эмали и вазы из горного хрусталя. Мавританские ювелиры Гранады были самыми знаменитыми в Европе. Среди образцов их ручной работы упоминается ожерелье, содержащее четыреста жемчужин, каждая стоимостью в сто пятьдесят динаров. Аликанте пользовался монополией на производство циновки и корзин из эспарто, этой жесткой африканской травы, использование

которой восходит к временам оккупации Иберии карфагенянами и разнообразное применение которой так превосходно приспособлено к требованиям тропического климата. Мельницы Сарагосы и Мурсии, построенные на лодках, пришвартованных к быстрым течениям Эбро и Гвадалавиары, славились превосходным качеством производимой ими муки. Врачи повсеместно обращались к аптечному рынку Лорки, понимая, что их репутация зависит от чистоты назначаемых ими лекарств, и полагаясь на официальный надзор правительства как на достаточную гарантию их высокого качества. Ни одна другая страна в мире в то время не применяла такой организованной и кооперативной системы производства товаров и тканей. Искусство основателя, особенно ярко проявляющееся в отливке тяжелых кусков металла, практиковалось с удивительной степенью мастерства. В Кордове находилось по крайней мере одно заведение такого типа, где были изготовлены фигуры для украшения фонтанов в Медина-аз-Захра. Обычные трудности, связанные с равномерным распределением расплавленного металла во время процесса литья, по-видимому, были полностью преодолены в примерах, которые можно увидеть в музеях Европы, и результаты, по-видимому, были такими же полными и удовлетворительными, как и в усовершенствованных процессах наших дней.

Во всех областях научного труда, во всех практических операциях жизни, требующих высокой степени механического мастерства, испанский мавр во всех случаях проявлял не по годам развитую и замечательную изобретательность. Не было слишком обширной области, не было слишком незначительной детали, которую мог бы исследовать его предприимчивый гений. Удивительный размах его способностей был величайшим фактором его успеха. Подобно знаменитому английскому философу, он, казалось, “считал все знания своей сферой деятельности”. Его интеллектуальные способности мгновенно схватывали и использовали концепции, которые люди других наций имели бы, и, фактически, часто так и делали, отбрасывая с презрением. Пионер современного прогресса, неизгладимые следы, которые он оставил в цивилизации, и его благотворные обычаи, перенятые потомками вопреки народной ненависти и традиционным предрассудкам, являются невольной данью национальной и церковной враждебности талантам и величию образованного народа, которому история обязана единственным светлым пятном на мрачной карте средневековой Европы.

На предметы европейского удобства и восточной роскоши обменивались бесчисленные продукты мавританского земледелия, горнодобывающей промышленности и производственного мастерства: масла, фрукты, сахар, рис, хлопок из Андалусии и Валенсии; кошениль, которой изобиловали во многих частях полуострова; сурьма и ртуть из Эстремадуры; рубины, аметисты и жемчуг из Аликанте и Картахены; полотна из Саламанки; шерсть из Сеговии; шелка из Гранады; дамаск из Альмерия; клинки и доспехи Севильи и Толедо. Продукция бумажных фабрик Сативы, известных на весь Восток, ежегодно экспортировалась в больших количествах. Малага разместила большинство своих изысканных керамических производств в Сирии и Константинополе. Из Кордовы поступала эмалированная кожа, издавна известная по названию столицы Оммеядов. Лошадей испано-арабской породы в огромных количествах перевозили даже в Персию. В королевстве Гранада сто тысяч человек регулярно содержались в интересах короны. Андалусия пользовалась печально известной известностью как основной рынок сбыта евнухов в мире. Поставки поступали из Франции, Галиции и Берберии через христианских и еврейских торговцев, с помощью которых эти несчастные также были подготовлены к унижительной службе в серале. Время от времени избавлялись и от огромного количества других рабов, добытых в набегах и завоеваниях; одна экспедиция Аль-Мансура доставила в Кордову девять тысяч христианских пленников. Таким образом, за

исключением другой добычи, военнопленные были источником постоянного и огромного дохода для государства.

Природные ресурсы Сицилии и ее удачное положение как перевалочного пункта Восточного и Западного Средиземноморья были средством обогащения ее населения за пределы любой территории равной площади, известной в любую эпоху. Гавани Палермо и Сиракуз были постоянно переполнены кораблями. Сицилийских купцов можно было встретить в каждом европейском порту; они привозили грузы рабов, слоновой кости и золотого песка с берегов Гвинеи; они пересекли Суэцкий канал, вновь открытый египетскими халифами, и, преодолевая бури Красного моря и Индийского океана, добрались до островов пряностей на далеком Востоке. Тесные отношения мавританских принцев Сицилии с халифами Кордовы и византийскими императорами сделали доступными для их торговцев все предметы, представляющие научно-популярную и коммерческую ценность. В обмен на них они экспортировали растительные и минеральные продукты острова — хлопок, пеньку, виноград, апельсины, сахар, вино и масло; медь, свинец, железо и ртуть; каменную соль, нашатырный спирт и купорос; крупный рогатый скот и лошадей; и моллюсков, из которых добывали тирский пурпур. Доходы от этой обширной торговли, естественно, приносили огромные богатства; склады сицилийских городов были переполнены ценными товарами всех мыслимых видов; дома палермитских купцов соперничали с дворцами монархов; а люди в изнеженности и сладострастии, ни в чем не уступавшие жителям древнего Сибариса, вошли в поговорку своим богатством, утонченностью, расточительностью и роскошью.

Из приведенных выше наблюдений следует, что энергия, проявляемая европейскими мусульманами в коммерческих целях, была полностью равна их промышленной и литературной деятельности. Ни в древнем, ни в средневековом мире ни один народ — за исключением финикийцев — не мог сравниться с испанцами и сицилийскими арабами в хитрости, дальновидности, предприимчивости, точности суждений, в той целеустремленности, которая необходима для успеха. Их прикосновение Мидаса превращало все в золото. Они были знакомы с восточными странами в тот период, когда само существование последних было неизвестно Европе или считалось сказкой. Количество лавок для продажи товаров, существовавших в крупных городах, указывало на необъятность движения, центрами которого они были; из них в Кордове насчитывалось более восьмидесяти тысяч. Правила, регулировавшие торговые сношения на рынках полуострова, были настолько простыми, удобными и справедливыми, что впоследствии они были приняты многими другими странами. Ученый французский писатель Седийо является авторитетом в утверждении, что Европа позаимствовала у арабов некоторые из своих важнейших финансовых принципов, а также свой нынешний кодекс морского права.

Мусульманам мы обязаны приспособлением магнитной стрелки для целей навигации — изобретением, которое долгое время ошибочно приписывали морякам Амальфи. Его особые свойства, испокон веков знакомые китайцам, вероятно, были переданы ими арабам. Первоначально вставленный в пробку, которой позволялось плавать по поверхности воды, мавры были первыми, кто установил его на ось, тем самым значительно повысив его полезность и точность. Очевидно, они были знакомы с ним еще до XII века, поскольку арабские писатели той эпохи без комментариев упоминают компас как инструмент, прекрасно знакомый морякам Средиземноморья. Для мусульманина магнит обладал тройственным значением. Он вел его судно по непроходимым водам независимо от появления звезд. Он безошибочно указывал путь

каравана по пустыне, постоянно подвергавшейся опасностям жажды и сума. И это позволяло благочестивому верующему, как бы далеко он ни находился от мечети Мекки, мгновенно определять точку, к которой он должен обращать свое лицо в часы молитвы.

Кропотливые и исчерпывающие исследования Рейнана, Фаве, Лебона и Виардо неоспоримо продемонстрировали, что арабы были изобретателями пороха и артиллерии. Хотя было признано, что эти разрушительные вещества были завезены в Европу маврами Испании, их открытие долгое время повсеместно приписывалось китайцам. На самом деле, они впервые были использованы в Сирии и Египте, вероятно, еще в начале XIII века. Примитивные лангобарды султана Египта, которые бросали огромные каменные шары, наводили ужас на армию Людовика Святого в 1249 году. Артиллерия использовалась маврами, осажденными в Нибле Альфонсо X. в 1257 году. Согласно Ибн-Халдуну, он использовался Абу-Юсуфом, эмиром Марокко, при осаде Сиджилмеса в 1273 году. Ибн-аль-Хатиб говорит, что пушки изготавливались в Гранаде до 1300 года, и упоминает Ибн-аль-Хаджа как известного своим мастерством в их изготовлении. С тех пор они часто упоминаются испанскими историками Реконкисты. Их первое появление в войнах Франции произошло в 1338 году. Графы Солсбери и Дерби, служившие в армии Альфонсо XI до Альгезира в 1342 году, донесли информацию об этом изобретении до Англии за четыре года до битвы при Креси, эпохи, которая знаменует его повсеместное внедрение в Европе. Принимая во внимание огромное военное превосходство, которое мы, естественно, должны приписывать народу, исключительно знакомому с рецептурой изготовления пороха и опытному в его применении к огнестрельному оружию, примечательно, что испанские арабы не использовали эту огромную мощь с большей пользой, поскольку владели ею за столетие до того, как зловещий секрет стал известен народам христианского мира.

У мусульман военные операции редко проводились по определенному плану. Военная служба была не просто вопросом патриотизма или лояльности, это был религиозный долг, налагаемый его верой на каждого мусульманина, и от которого освобождались только немощные и престарелые. Как и в старые времена в Пустыне, каждый клан маршировал под командованием своего наследственного командира. В важных кампаниях армия строилась в пять больших дивизий, символизирующих пять основных заповедей ислама, - расположение, благодаря которому доблесть воина укреплялась за счет фанатичного рвения. Коран всегда был на виду, его либо несли как штандарт на острие копья, либо держали в руке генерала, когда он руководил полевыми маневрами. Не было никаких регулярных попыток организации. Средства к существованию войск в значительной степени зависели от противника. Кавалерия, как правило, была облачена в кольчуги; пехота, как правило, была немногим лучше полуоружного сброда. В случае отражения первого натиска было почти невозможно собрать мусульманскую армию.

Одним из самых замечательных учреждений арабов Испании был Рибат, или станция на границе с врагом, которая послужила образцом для средневековых монашеских орденов. Эти заведения представляли собой сильно укрепленные замки, в которых находились гарнизоны набожных солдат, ожидавших вознаграждения, обещанного Кораном за постоянную службу против неверных. Свободное время их обитателей проводилось в религиозных упражнениях. Многие благочестивые добровольцы искали славы и святости в опасной жизни, которую

обеспечивало открытое положение этих аванпостов. Последние охраняли перевалы во всех враждебных странах; они были обнаружены на границах Италии, Лангедока, Кастилии, Арагона, Португалии. Их правила дисциплины, их обеты и епитимьи представляли собой поразительную аналогию с правилами орденов Сантьяго, Алькантары и Калатравы, организацию которых они, очевидно, предполагали. Их основание предшествовало строительству Больницы и Храма более чем на двести пятьдесят лет.

Чеканка испанских монет Оммеядес была самой чистой, самой художественной по дизайну, самой элегантной по исполнению, которая к тому времени была известна в Европе. Он состоял из динара из золота, равного двум долларам; дирхема из серебра, равного двенадцати центам; и различных мелких кусочков меди различной ценности.

Весы, ценность которых для торговца не была бы полностью очевидна, если бы он не был лишен их, также являются изобретением арабов. Мавританская единица линейной меры была представлена конским волосом. Шесть из них, сложенных вместе, были равны ячменному зерну; шесть зерен ячменя составляли ширину пальца; четыре пальца - ладонь; шесть ладоней - локоть. Из современных весов, используемых в обиходе, зерно, представленное ячменем, и карат, полученный из горохового семени, без изменений перешли от арабов к нашим ювелирам.

Политические, религиозные и домашние институты арабов, которые в определенной степени объясняют поразительную скорость их прогресса в Европе, как и везде, также были в значительной степени ответственны за падение их могущества. Их правление, основанное на патриархальной организации Пустыни и подтвержденное почитаемыми заповедями ислама, передало абсолютно неограниченную власть в руки суверена. Халиф, как следует из этого слова, был Преемником Пророка. Фортуна долгое время была в высшей степени благосклонна к династии Оммеяде, подарив ей династию королей, еще более выдающихся в искусстве мира, чем в трудных и ненадежных завоеваниях. Но очевидно, что эти таланты к управлению и войне не могли передаваться бесконечно. С первым проявлением королевской неадекватности скипетр перешел в руки амбициозных государственных деятелей, готовых пожертвовать религиозными притязаниями и наследственным происхождением ради личного заработка и отличия. Эпоха, включенная в правление Хишема II. является самой славной в мусульманских летописях. Но этой славы добился не халиф лично и даже не под его руководством, а Аль-Мансур, его премьер-министр, который, хотя и был неизвестного происхождения, руководил, как и франкские мэры Дворца, своим трансцендентным гением без посторонней помощи, судьбами империи. Пример его успеха и попытка передать своему сыну власть, которой он один мог владеть, были фатальными для мусульманского господства и наряду с другими причинами не меньшей тяжести способствовали его окончательному свержению.

В гражданской и военной организации правительства патриархальные традиции бедуинов сохранялись при обстоятельствах, мало напоминающих о его происхождении и крайне неуместных среди результатов развитой цивилизации. Власть и должность шейха воспроизводились под другими именами, которые даже для несведущего иностранца не служили для сокрытия их личности. Основанные в равной степени на законодательстве Корана, администрации султанов Багдада и халифов Кордовы различались лишь в самых незначительных деталях. В обоих случаях принц был ежедневно доступен для рассмотрения жалоб и лично устранял недовольства своих подданных. В обоих случаях кади, чья должность

была облечена определенной степенью святости, а также светской властью, вершил правосудие у ворот мечети. Его должность была скорее священнической, чем судебной. Он был одним из толкователей Корана, первоисточника всей мусульманской юриспруденции. При его назначении была проявлена величайшая осторожность. Только люди, отличающиеся образованностью, опытом и честностью, считались подходящими для такой ответственной работы. Даже халиф подчинился его призыву. Главный кади, надзиравший за всеми остальными, был самым могущественным сановником империи.

Арабы не оставили после себя обширного свода законов, подобного вестготскому, в котором систематически перечислялись бы права личности и наказания за преступления. Поскольку их правительство считалось теократическим, его принципы были неизбежно неизменными. О законодательстве в современном понимании этого термина они ничего не знали. Постановления халифов, основанные на построении Корана и традиционных взглядах Пророка, воплощенных в Сунне, сформировали весь свод правовых принципов и прецедентов, доступных для обучения и руководства магистратами.

Среди других должностных лиц администрации были хаджиб, или премьер-министр; визири, составлявшие Диван, или Совет; и катибы, или Секретари. Все они были простыми советниками государя, и их власть, за исключением чрезвычайных обстоятельств, была лишь номинальной.

Самой важной подчиненной должностью был мохтесиб, или Смотритель рынков, который вершил суд у ворот мечети. Его эмиссары часто посещали всех торговцев провизией и аптекарей, предотвращали использование фальшивых мер веса, продажу испорченных продуктов питания и фальсифицированных лекарств, завышение цен и обман покупателей. Их обязанности также распространялись на защиту вьючных животных от бесчеловечности их погонщиков и детей от жестокого наказания со стороны родителей и школьных учителей. Они разгоняли уличные толпы. Они устанавливали санитарные правила. Авторитет мохтесиба подкреплялся штрафами и бичеванием, и, как и у большинства арабских судебных чиновников, его решение обжалованию не подлежало.

В поведении испанских халифов было мало той надменной сдержанности, которую мы привыкли ассоциировать с проявлением императорского достоинства. На протяжении поколений монарха не окружала атмосфера отчуждения. Как правило, он был легко доступен даже самым ничтожным из своих подданных. С патриархальной снисходительностью своих предков он часто вершил суд у ворот своего дворца. Ему нравилось переодеваться и посещать по ночам самые скромные кварталы своей столицы. Он лично руководил строительством крупных общественных сооружений; при возведении религиозных сооружений для него не было ничего необычного в том, что он каждый день в течение определенного времени трудился собственными руками. Его милосердие, долг, предписанный верой, национальным представителем которой он был, было безграничным, и им сильно злоупотребляли. При исполнении законов его приговоры часто были жестоки, даже свирепы; но меткая цитата или хорошо написанное двестишье часто отводили в сторону топор палача. Счастливые события — рождение наследника, выздоровление от болезни, известие о важной победе — давало повод для благородного проявления благодарности и милосердия, прощения преступников, освобождения христианских пленников, щедрой раздачи милостыни. Высокие и великодушные качества, отличавшие принцев из рода Оммеяде, — качества, подтвержденные и развитые образованностью, — препятствовали осуществлению тех актов тирании, которые часто

проистекают из обладания неограниченной и безответственной властью. Но при всем их величии, милосердии, великодушии халифов ненавидели все. Подобострастное подчинение, которого требовала их должность, было в высшей степени противно исконной независимости арабов, чьи бережно хранимые традиции требовали повиновения только вождю своего племени. Доктора права, считавшие всякое учение, несовместимое с Кораном, еретическим или подозрительным, не испытывали восхищения к правителю, который собирал огромные библиотеки, переводил неверные произведения древности и покровительствовал исследованиям, результаты которых отдавали магией и колдовством. Среди аристократии дух неподчинения, всегда сильный, усиливался бдительностью и суровостью, с которыми он подавлялся, памятью о прошлой славе и надеждой на будущую революцию, которая могла бы открыть путь к трону. Несовместимые элементы, составляющие массы, удерживаемые вместе исключительно страхом, неспособные к слиянию, ненавидящие друг друга неутолимой ненавистью, но разделяющие всеобщее отвращение к своим правителям, были готовы к любой чрезвычайной ситуации, которая могла предоставить возможность для кровопролития и грабежа. Именно нетерпимые факи были ответственны за наводнение африканских варваров, захлестнувшее империю. Именно население отказалось от своей верности правительству в час национальной опасности. Честолюбие соперничающей знати породило множество мелких королевств, чьи раздоры и слабость сделали возможным успех общего врага.

Характер халифов не всегда внушал уважение. Соображения политической целесообразности, если не безусловная религиозная вера, заставляли их строго соблюдать церемонии общественного богослужения. Но с этой уступкой народным предрассудкам очевидные религиозные обязательства Преемников Пророка нередко прекращались. Некоторые из них действительно были людьми выдающегося благочестия и рвения. Другие, однако, считались подозрительно ортодоксальными. Предпочтение евреев и неверных на ответственные должности рассматривалось как несовместимое с профессиями набожного мусульманина. К занятиям философией, таинственным исследованиям в лаборатории, терпимости к пантеистическим доктринам относились с равным недоверием и немилостью. Было известно, что в библиотеках империи хранятся тысячи произведений запрещенной тематики. Более чем подозревалось, что некоторые Военачальники Правоверных были пристрастны к обычному употреблению вина и иногда переходили границы умеренности в его употреблении. Были и другие наставления Корана, имевшие еще более серьезное значение, которым грубо пренебрегали. Из безошибочных намеков арабских историков очевидно, что многие из мудрейших и наиболее выдающихся принцев мусульманской Испании были преданы практике невыразимых пороков восточного происхождения и что эти преступления против порядочности происходили так часто, что едва ли привлекали мимолетное внимание. Величайшие тираны среди них были рабами глупых причуд женщин. Одного примера будет достаточно, чтобы показать это нежное подчинение женскому капризу. Ромекия, жена Мотамида, принца Севильского, который славился своей образованностью и мудростью, однажды увидев из своих окон, как несколько детей барахтаются в грязи, выразила желание развлечься таким же образом. Вслед за этим Мотамид приказал густо покрыть пол главного двора дворца пастой из мускуса, камфары, амбры и пряностей, смешанных с розовой водой; и фаворитка со своими приближенными несколько часов развлекалась в этой драгоценной грязи, потратив на это десятки тысяч золотых монет.

Сдерживаемые в своих публичных высказываниях чувства, выраженные халифом в уединении дворца и не выражавшие возвышенного представления о его искренности как почитаемого

главы великой религиозной системы, часто доходили до внешнего мира. Музыка, осуждаемая Кораном как стимул к праздности и пороку, была одним из самых популярных развлечений императорского двора. Распущенные танцы Востока, которые принесли Испании дурную славу со времен финикийцев, ежедневно исполнялись в присутствии аристократических собраний. Дворец кишел артистами и шутами. Астрология и гадание, особенно осуждаемые Мухаммедом как реминисценции язычества и оскорбительные для Бога, практиковались повсеместно, почти не скрываясь. Хотя эти нарушения мусульманского закона его представителем приводили в ужас правоверных, это служило пагубным примером для людей, всегда готовых воспользоваться слабостями своих начальников. При более поздних халифах мавританское общество на полуострове стало ужасно коррумпированным. Тайное презрение к религии только усиливалось очевидным уважением, проявляемым к ее внешним обрядам. Неверность была распространена среди всех классов. Люди, от знати до нищих, предавались жестокой чувственности. В своих излишествах они еще раз продемонстрировали истинность принципа, согласно которому как высочайшая цивилизация, так и самое деградировавшее невежество одинаково неблагоприятны для развития принципов морали; что трудности, испытываемые расами, наименее удаленными от грубого творения, и расточительность, порождаемая великолепием самых утонченных обществ, одинаково разрушительны для благороднейших инстинктов человечества; или, говоря языком великого голландского историка, “что существует странная аналогия между пороками упадка и пороками варварства”. Бессердечная, циничная и развратная атмосфера, которая окутывала двор Хишема II и чье пагубное воздействие на нацию великие способности Аль-Мансура были недостаточны, чтобы искупить, не давала никаких намеков на благочестивый дух, под влиянием которого был основан халифат. Огромное богатство страны позволяло проявлять распущенность и роскошь, параллель которым могут привести только анналы вырождающегося Рима. Рынки были переполнены рабынями, собранными из таких отдаленных регионов, как Финляндия, Эфиопия, Индостан и Кавказ. Значительную часть из них поглотил гарем халифа; гарем Аль-Нассира насчитывал почти семь тысяч человек. В эпоху, когда интеллектуальные достижения ценились почти так же высоко, как обаяние личности и манер, не было ничего необычного в том, что образованный раб принес четыре тысячи золотых. Наряды даже обычных служанок гарема превосходили по богатству наряды современных состоятельных дам; наряды фавориток принца демонстрировали расточительное великолепие самой богатой и могущественной из империй.

Во время публичных празднеств пышность знати и купцов - великолепное убранство их домов, внушительное количество рабов и евнухов, красота их сералей, сверкающие дамасские доспехи, шелка, расшитые золотом, блеск бесценных драгоценных камней — вызывали изумление незнакомца и угрюмый и бессильный гнев населения. В домах богатых людей самые редкие духи — эссенции розы, жасмина и апельсина, благовония мускуса и амбры — распространяли по роскошным покоям ароматы, столь приятные чувствам чувственного араба. Баня, одновременно религиозная необходимость, гигиеническое учреждение и инструмент роскошного наслаждения, соперничала по великолепию своего оборудования и мебели с самыми роскошными заведениями императорского Рима. Общественные бани использовались — как и до сих пор во всех мусульманских странах — не только для отдыха и омовения, но и для сплетен, развлечений и интриг. Для женщин было обычным делом проводить много часов в своих владениях в сопровождении своих рабынь, угощаться изысканными сладостями и успокаиваться под музыку странствующих музыкантов. Пагубные последствия присутствия злых духов, которые, согласно древнему суеверию, как считалось, обитают в этих местах,

предотвращались повторением благочестивых текстов и ношением амулетов. Мусульманские предрассудки, не без основания, с подозрением относились к общественной бане как к удобному средству морального разложения; и те, кому обстоятельства позволяли это, окружали этот институт личного наслаждения и религиозной необходимости уединением домашней жизни. В жилищах богачей он был обставлен со всем великолепием, которое могло обеспечить обладание неограниченными средствами. Мозаичный пол был выложен из редчайшего мрамора. Стены были инкрустированы мозаикой. Через окна причудливой работы из цветного стекла умеренный свет разбивался на тысячи разнообразных оттенков. Трубки были из массивного серебра, сосуды нередко - из золота. Во внешних покоях полы были устланы шелковыми коврами, а свечи, от которых исходили самые изысканные и дорогие ароматы, медленно горели в сверкающих отсветах горного хрусталя и алебаstra. Кульминацией мусульманской роскоши была баня. Последняя, позаимствованная у римлян, была наделена великолепием, неизвестным даже роскошным термам цезарей. Древние, при всей их цивилизации, не были знакомы с мылом, которое является изобретением арабов. Незаменимым дополнением к богослужению ислама было первое здание, возведенное в городе, оккупированном мусульманским вооружением, предназначенное для общественных омовений. В некоторых отношениях она даже превосходила мечеть, поскольку христианская церковь могла быть очищена и освящена для богослужений, но никакая соответствующая замена бани не была возможной среди неверных, которые считали признаки грязных привычек непогрешимым критерием ортодоксальности; и без полной люстрации по пятницам ни один мусульманин не был достоин входить в храм Божий. Эта обязанность считалась настолько важной, что люди из самых скромных слоев общества нередко жертвовали даже своими физическими потребностями ради чистоты и тратили свой последний дирхем на мыло, предпочитая скорее терпеть муки голода, чем навлекать на себя упреки в личном пренебрежении.

С частым посещением бани была также введена практика ношения нижнего белья, которое, будучи часто изменяемым, так способствует физической чистоте. Одомашнивание хлопчатника на полуострове, удешевившее мягкие и деликатные ткани, сотканые из его волокон, способствовало распространению этого обычая даже среди христиан; и название теперь незаменимого нижнего белья, которое оба пола носят поверх кожи в каждой цивилизованной стране, почти без изменений вошло в основные языки Европы. В большинстве своих деталей одежда испанских арабов была заимствована с Востока. Их ниспадающие одежды, как правило, были белыми - своеобразный цвет царствующей семьи, а также тот, который лучше всего соответствовал температуре южного климата. Тюрбан считался подходящим символом ученых профессий, представители которых расценили бы его ношение лицами другого призвания как непростительное нарушение привилегий. Представители среднего класса носили зеленые или красные шапки; в более поздние времена евреи в качестве отличительного знака своей расы носили только желтые. Простые люди ходили с непокрытой головой или повязывали на виски шелковый шарф, как это до сих пор можно увидеть во многих частях Андалусии. Все, кто мог себе это позволить, демонстрировали множество колец, многие из которых были талисманами; мало кто, каким бы бедным он ни был, не имел печати с каким-либо описанием.

Философские принципы, пользование несравненными образовательными привилегиями, расширение умственных способностей, приобретаемых путешествиями, также не смогли избавить испанских арабов от ребяческих суеверий. Упорство, с которым человеческая природа цепляется за это наследие невежества, было хорошо понято Мухаммедом, который включил многие из них в свою религию. Обычный мавр эпохи Аль-Хакема II. был таким же искренним верующим в важность снов, в значение предзнаменований, в оккультные свойства амулетов, как бедуин, скитавшийся по пустыне за пятьсот лет до Хиджры. Даже самые мудрые и философствующие халифы принимали у себя прорицателей и астрологов. Потребуется лишь мгновение размышления, чтобы напомнить читателю события из его собственного опыта, которые демонстрируют неискоренимый характер подобных суеверий, присущую человечеству слабость, от которой, по-видимому, полностью не свободны ни одна раса, эпоха или цивилизация. Существовало много видов магии и колдовства, для противодействия воздействию которых предписывались различные церемонии. Самым страшным из них был сглаз, вера в влияние которого, веками распространенная среди жителей Востока, была признана самим Мухаммедом. Наиболее эффективными в предотвращении его последствий были произнесение хорошо известных текстов и обладание определенными талисманами. Рука, символически олицетворяющая пять основных принципов ислама, была одной из самых популярных форм последнего. Задолго до вторжения Тарика это была наиболее распространенная эмблема для защиты от пагубного влияния, используемая в мусульманском мире. Вероятно, он имел языческое происхождение, как и многие древние символы ислама. Римляне, возможно, получили его от арабов, поскольку он изображен в центре лаврового венка на императорском штандарте на колонне Траяна. Короли изваяли его на краеугольных камнях своих дворцов. Крестьяне рисовали его над дверями своих лачуг. Это был один из приемов халифов. Вырезанный из гагата, сердолика или агата, он ценился женщинами выше, чем самый дорогой драгоценный камень. Во времена завоевания Гранады его носили так часто, что запрет на его использование привлек внимание церковных властей, и всем, у кого он был обнаружен, были назначены суровые наказания. Однако, несмотря на все эти препятствия, обычай сохранился, и рука—талисман — наряду с распятием, Агнус Деи, четками и другими атрибутами христианских суеверий - все еще встречается среди горных крестьян Испании.

Плодовитый ум араба, чье раннее существование прошло среди впечатляющего уединения пустыни, приводил людей с воображаемыми существами в восторг от безграничных владений невидимого мира. Ученое общество Кордовы было далеко от того, чтобы отречься от веры, санкционированной государственной религией и веками поддерживаемой аравийской аристократией. Тайны демонологии вызывали у толпы неудержимое восхищение. Бесконечная градация силы и злобности характеризовала огромное количество духов, от отвратительного вурдалака, посещавшего склеп и кладбище, до величественных гениев, стоявших перед небесным троном, чьи доспехи, сверкающие светом и драгоценными камнями, напоминают доспехи ангелов Мильтона; чьи гигантские формы по желанию принимали облик серафимов или столбов пара; и чьи воинственные полчища, облеченные странной реальностью, казались легковозбудимому арабу армией разумных существ, а не великолепными фантомами из волшебного видения.

Гражданская организация Испанского халифата была одним из чудес того времени. Порядок поддерживался с помощью нормативных актов, воздействие которых в равной степени ощущалось как в столице, так и на крайнем пограничном форпосте империи. Правосудие вершилось быстро, мудро и беспристрастно. Налоги распределялись регулярно, и рабочий

всегда был уверен в том, что получает удовольствие от продукта своего труда. С помощью сторожевых вышек и маяков информация могла передаваться на большие расстояния за короткое время. Через несколько часов о приближении врага стало известно по всей Андалусии. Еще во времена правления Абд-ар-Рахмана II была создана разветвленная система должностей. Станции, где содержались упряжки быстрых лошадей для службы правительству, находились в ведении каждого офицера, в обязанности которого входила прямая переписка с халифом и информирование его обо всем, что происходило поблизости и что могло стать ему известно. Там, где требовалась более быстрая связь, для передачи важных сообщений использовались почтовые голуби - обычай, завезенный с Сицилии. Шестьсот лет спустя почтовой системы не существовало ни в одной стране Европы. Шоссе были защищены казармами, из которых регулярно высылались патрули для наблюдения за безопасностью путешественников и поддержания порядка в окружающей местности. Все чиновники, без исключения, были непосредственно подотчетны государю и занимали свои места во время его соизволения. Армия шпионов при каждом иностранном дворе, а также в совете и домочадцах каждого губернатора провинции держала двор в курсе не только вопросов, которые затрагивали политику великих королевств, но и самых тривиальных обстоятельств, вытекающих из повседневных отношений. Когда была завоевана новая провинция, первой обязанностью имперских секретарей было составить графики ее сельскохозяйственных и минеральных ресурсов, торговли, богатства и численности населения.

Характер испанских мусульман был осквернен всеми пороками, которые сопровождают расточительную роскошь и безграничное богатство. Среди них пьянство было одним из самых распространенных. Особы самого высокого ранга не стыдились появляться на публике в нетрезвом виде. Вино часто подавали к королевскому столу. Аль-Мансур регулярно употреблял его. Его сын, Абд-ар-Рахман, был закоренелым пьяницей. Однажды, когда муэдзин объявил час молитвы, этот молодой негодяй воскликнул: "Если бы он сказал: "Иди пить!" - это прозвучало бы гораздо лучше". Многие правители мавританских княжеств были печально известны своими излишествами. Некоторые мусульмане пили белое вино, поскольку заявляли, что запрет Пророка распространяется только на красное. Лицемеры использовали для своих возлияний металлические сосуды, чтобы соседи не заметили их недостатков.

В Арабской Испании, унаследовавшей многие дьявольские искусства Азии, отравление было самым популярным способом мести. Смертоносные вещества передавались или вводились жертве методами, против которых не могли помочь никакие предосторожности, — в почетных одеждах, в золотых шкатулках, в доспехах, в надушенных перчатках, в цветах, в восхитительных сладостях. Их часто прятали под драгоценными камнями колец для использования в экстренных случаях. Долгое время преобладала варварская практика использования отравленного оружия. Горцы Гранады во время Завоевания обмакивали наконечники своих стрел в аконит и морозник, и раны, которые они наносили, обычно заканчивались пыткой для поверженного врага.

У жителей разных городов Андалусии были свои особенности, и лишь немногие из них вызвали одобрительные отзывы у незнакомых людей. Жители Кордовы славились своим беззаконием и лицемерием, своей помпезностью и эпикурейством; в жителях Севильи преобладали сладострастие, леность и легкомыслие; жители Гранады были известны своей мстительностью и буйством; жители Хереса - вежливостью и элегантностью манер. Национальное вырождение рано указало на приближающийся и неизбежный распад империи. Потомки завоевателей, которые за три года прошли маршем от Гибралтара до центра Франции,

за несколько поколений стали трусливыми, изнеженными, развращенными. Географ Ибн-Хаукаль, посетивший Испанию в десятом веке, описывал жителей полуострова как слабых телом, легковесных и колеблющихся по характеру. Ибн-Саид, написавший в одиннадцатой главе, выражает удивление по поводу того, что кастильцы незадолго до этого изгнали их со своей земли. Однако даже в эпоху упадка влияние прежних традиций было нелегко уничтожить. Несмотря на революции, пожары и африканское варварство, Кордова в двенадцатом веке все еще была интеллектуальным центром Испании. Разница между двумя великими городами Андалусии с самого начала проявлялась в том факте, что после смерти ученого его книги отправлялись на продажу в Кордову; но инструментами музыканта всегда с наибольшей выгодой распоряжались в Севилье.

У испанских мавров множественность имен считалась признаком социальной значимости, и это мнение было передано испанцам. Борода, также с глубокой древности считавшаяся у жителей Востока признаком достоинства и мудрости и часто доходившая до пояса, была, согласно всеобщему обычаю среди ученых мусульман полуострова, ограничена длиной в ладонь. Только факи и знатоки закона носили длинные волосы. Никто, кроме рабов, не брился. Схватить человека за бороду было непροстителным оскорблением, и даже прикоснуться к волосам женщины было оскорблением, которое могло стоить преступнику жизни от рук толпы. Халифы и все высокопоставленные лица красили свои бороды красной хной, чтобы отличаться от христиан и евреев, которым никогда не разрешалось ею пользоваться.

Ни одна черта арабов Испании не была так ярко выражена, как их страстная любовь к драгоценностям и парфюмерии. Согласно их верованиям и традициям, каждый драгоценный камень обладал своим особым достоинством. Изумруд изгонял злых духов; рубин обладал свойством увеличивать предметы; бирюза обеспечивала иммунитет от несчастий. Предполагалось, что кошачий глаз делает владельца невидимым. Мухаммед утверждал, что сердолик дарует счастье своему обладателю. Сапфир изгоняет меланхолию. Алмаз помогал при безумии; опал лечил воспаленные глаза; красный безоар предохранял от яда. Талисманические свойства, предположительно присущие многим драгоценным камням, были частично приписаны астральному влиянию, которое, как предполагалось, воздействовало как на неодушевленные предметы, так и на живые организмы, а частично Божественной Сущности, которая, как считалось, пронизывает всю материю. Чтобы быть эффективным, было необходимо, чтобы огранка или гравировка на камне производились в то время, когда определенные созвездия находились в восходящем положении. Мавританские гранильщики были экспертами в своем искусстве. С помощью лука, медных кругов и наждака они выполняли работу, немногим уступающую работе самого искусного алмазного резчика современности. Даже на печати, неременном знаке отличия у мусульман, форма обычно имела важное значение. У халифов они обычно были круглыми или многоугольными; у дипломатов - квадратными; у финансистов - овальными.

Любовь к цветам была настоящей страстью среди испанских мусульман. Поскольку они были величайшими ботаниками в мире, ни одна другая нация не могла сравниться с ними в совершенстве их цветоводства и в том рвении, с которым они занимались им. Обилие и разнообразие всевозможных цветов были чудесны и чарующи; каждое имело свое значение, с помощью которого нежные чувства можно было передать без помощи слов; они были связаны с каждой общественной церемонией и с самыми прозаическими событиями домашней жизни; они источали свой аромат из бесценной дворцовой вазы; они покрывали хижину рабочего; они

ежедневно украшали пышные локоны принцессы и крестьянина; их гирлянды были общими игрушками младенца; на мраморной колонне, отмечавшей день рождения принцессы. на могиле девы Марии была изваяна одинокая роза.

Общественная жизнь мавров Испании и Сицилии представляет нам картину одновременно живую, чувственную и интеллектуальную, где наивысшее физическое наслаждение, лишенное всякой грубости, разнообразилось постоянной демонстрацией остроумия и учености. В значительной степени, — но все же гораздо в меньшей степени, чем в наши дни в мусульманских странах, — это было необходимым результатом их внутренних правил, ограниченных стенами гарема. Мусульманским жителям Кордовы и Палермо была неизвестна лихорадочная деятельность, подобная той, которая пронизывает атмосферу наших современных городов и которая не утихает после захода солнца. Улицы этих великих столиц, почти непроходимые днем, ночью были пустыни, если не считать стражей порядка. С другой стороны, во дворах частных особняков царило веселье. На балконах были подвешены лампы из цветного стекла. Воздух был напоен приятными ароматами бесчисленных цветов. С террасы, венчавшей каждое мавританское жилище, открывался вид на серебристый Гвадалквивир, извилистый путь которого пролегал через бесконечные оливковые и гранатовые плантации, и мерцающие ряды огней, принадлежащих пригородным виллам, простиравшимся до далеких склонов Сьерра-Морены. Из густой тени пальм и апельсиновых деревьев доносились гармоничные звуки лютни и мандолины, смешиваясь с нежным журчанием фонтанов. В одной галерее аркады женщины с изысканным изяществом и красотой исполняли чувственные танцы, которые очаровывали жителей Тира и Карфагена пятнадцать веков назад; в другой профессиональный рассказчик пересказывал чудесные истории с их завораживающими аксессуарами в виде астрологов, гениев, волшебников, фей и чародеек. Во время священного праздника Рамадан, когда мусульманин ночью возмещал себе дневное воздержание и лишения, андалузская жизнь в веселой столице халифата воспринималась с наибольшей пользой. Город был иллюминирован. Мечети никогда не закрывались. Бани были переполнены. В домашнем уединении до рассвета происходили пиршества, разгул, часто неприличные оргии. Шуты и жонглеры развлекали неделикатными шутками и ужимками группы веселых зевак в парках и на углах. Странствующие менестрели, прародители трубадуров, монотонно распевали романтические баллады о любви и рыцарстве. По улицам разъезжали позолоченные носилки, охраняемые евнухами с обнаженными ятаганами. По Гвадалквивиру, освещенному ослепительным сиянием луны и напоенному ароматами тысячи садов, плавали бесчисленные лодки, увешанные разноцветными фонарями и гирляндами цветов. Среди более серьезной части населения удовлетворение чувств было заменено более выгодными развлечениями интеллекта — философскими экспериментами, учеными дискуссиями, литературными состязаниями. В библиотеке ученый сопоставлял историков Греции и Египта. В караван-сараях человек досуга играл в шахматы и нарды или наблюдал за раскачивающимися движениями полуобнаженных танцовщиц. Со всех сторон раздались хлопки в ладоши — восточный призыв к слугам, — которые и по сей день слышны в каждом общественном месте Южной Испании. Женщины облачились в свои самые богатые одежды. Их тела были облачены в сорочки из тончайшего льна; их штаны, доходившие до колен, были синими, зелеными, желтыми или алыми; их двухцветные туники были богато расшиты золотом. Многочисленные складки леггинсов придавали их нижним конечностям необычайно неуклюжий вид. Их ноги были обуты в тапочки. Просторное одеяние, которое можно было использовать как плащ, так и вуаль, эффективно скрывало личность владельца в движущейся толпе. К гребню, расположенному на

затылке, был прикреплен шарф из элегантного материала с легкой текстурой, прототип испанской мантильи. Материалом костюма, распространенным для всех сословий, обычно был шелк. В качестве украшений богатые демонстрировали изобилие сверкающих драгоценных камней; бедные были вынуждены довольствоваться звенящими монетами и амулетами. Все без исключения, подобно современным мусульманским женщинам, подчеркивали блеск своих глаз сурьмой и окрашивали кончики пальцев хной. Их номенклатура наводила на мысль о романтическом характере, который придавал их прекрасной стране. Такие имена, как Саида, “Счастливая”; Собейха, “Аврора”; Сафия, “Чистая”; Ромман, “Гранат”; Лонилион, “Жемчужина”; Захра, “Цветок”, были распространены среди сарацин Испании.

При испанских арабах женщины пользовались привилегиями, от которых они были строго отстранены в других мусульманских странах. Они появлялись повсюду без покрывал. Как упоминалось в предыдущей главе, общественное мнение не только разрешало, но и открыто поощряло их участие в национальных и провинциальных конкурсах за пальму первенства в литературном искусстве. В их распоряжении были редкие учебные заведения халифата. Многие из них, сведущие в поэзии, философии, грамматике и риторике, вызывали всеобщее восхищение размахом и разнообразием своих умственных достижений. Некоторые даже стали политическими советниками великих государей. Эти обстоятельства, столь благоприятные для развития и возвышения женского характера, в конечном счете обеспечили полу уважение, в котором ему отказывали в других местах. Как мусульманство было первым вероучением, спонтанно признавшим право женщины на улучшение ее социального положения, так и на полуострове испано-арабы наделили свою личность достоинством и важностью, которые до сих пор не признавались за ее заслугами представителями какой-либо расы или религии. Из таких новых доктрин развились те рыцарские чувства, которые, привитые Европе, произвели такое благотворное преобразование в общении и социальных обычаях средневекового общества. Мусульманская Испания представляет собой единственный пример в древней или современной истории страны, по законам и обычаям которой женщина не находилась под опекой. Качество младенца или движимого имущества в большей или меньшей степени всегда казалось неотделимым от ее состояния. Среди рас, стоявших на высшей ступени цивилизации, ее неполноценность казалась более разительной, отчасти из-за фактических юридических недостатков, отчасти из-за контраста. Это правда, что среди греков, когда Афины были на вершине своей славы, были женщины с блестящим образованием, обширными знаниями, одаренные талантами высшего порядка, способные справляться в любом интеллектуальном упражнении с самыми выдающимися учеными, философами и государственными деятелями. Но их было немного, и они принадлежали к классу, который современные предрассудки заклеили как позорный; афинская жена времен Перикла была немногим лучше рабыни. Карл Великий, как правило, признается, был самым просвещенным христианским монархом своей эпохи. Цивилизация его владений представляет собой яркий контраст с темнотой, которая окутывала государства и королевства того времени. Он проявлял, по крайней мере, номинальное уважение к заповедям христианства. Он публично признал себя защитником Святого Престола. Политике, унаследованной его преемниками, во многом обязан последующий рост авторитета, который спас папство от презрения и сделал римского епископа на века диктатором Европы. Ученость его двора, измененная и в определенной мере направленная арабским влиянием, была далеко не посредственной. И все же старые хроники сообщают нам, что этот великий принц в присутствии своих придворных вступил со своей сестрой в личную схватку, результат которой был сомнительным, пока энергичное

использование его стальной перчатки, выбившей несколько зубов его противнице-амазонке, не дало ему преимущество. Если так обращались с дамами высшего ранга в средние века, то едва ли можно представить себе деградацию женщин, принадлежащих к остальным слоям общества. И эти условия существенно не улучшались на протяжении веков. Даже в 1750 году законы Англии позволяли обращаться с женщинами с почти варварской суровостью; унижительные ограничения, порожденные мужским превосходством, не были полностью сняты и в наш век. Во время правления Карла II. неграмотность была почти повсеместной; обучение представителей пола осуждалось как педантизм или что похуже; домохозяйки редко умели написать свое имя; и даже принцессы королевской крови не умели говорить или писать грамматически. Это состояние, порожденное церковными предписаниями, почерпнутыми из обычаев далекой и варварской эпохи, и подтвержденное национальным развратом, склонностью принижать и высмеивать женскую добродетель, является верным признаком моральной порочности и интеллектуального упадка. Восемьсот лет назад женщины Кордовы завоевали завидную репутацию за свое мастерство во всех искусствах, которые вносят вклад в культуру народов; за мастерство, которое они демонстрировали во всех областях научных исследований; за их глубокое знакомство с образцами классической древности; за их оригинальность в поэтическом сочинении; за выдающийся успех, которого они добивались на литературных конгрессах, где им приходилось соревноваться с собравшимися гениями и ученостью империи. К ним относились с достойным уважением и вежливостью, которые были обусловлены высокими умственными достижениями, а также диктовались правилами рыцарства, которые регулировали поведение каждого мавританского кавалера. Эти проявления галантности, однако, никогда не вырождались в бурную лесть и преклонение, наполовину мистическое, наполовину чувственное, выраженное в витиеватых гиперболах, которые преобладали в общественной жизни лимузенского и провансальского дворов, чье развитие ознаменовало эпоху, уникальную своей экстравагантностью, эпикурейством, распушенностью; эпоху показного аскетизма и тайного потворства своим желаниям; эпоху, когда исполнители баллад морализировали, а епископы сменили посох на лютную; эпоху трудных паломничеств и романтических подвигов. эпоха жонглера, странствующего рыцаря, крестоносца и трубадура.

Несмотря на исключительное уважение, которое мусульмане Испании проявляли к женщинам, они не смогли избавиться от предубеждения относительно непостоянства пола, которое с незапамятных времен считалось одной из его выдающихся характеристик. Положение, которое она занимала в обществе, было аномальным. Ее черты были выставлены на всеобщее обозрение; ей разрешалось посещать лекции в университете; она участвовала в академических выставках. Но свобода, которой она пользовалась, была только кажущейся. Ее шаги постоянно охраняли евнухи. Ее господин был не менее подозрителен, чем его восточные собратья, и она, если верить литературе того времени, вероятно, из страха разочаровать его, нередко давала обильные поводы для ревности. Ничто так полно не раскрывает общее настроение народа по какому-либо данному вопросу, как его пословицы и эпиграммы. На то, как испанские арабы ценили женский характер, указывает следующее высказывание, часто цитируемое ими и столь же древнее, как фараоны: “Никогда не доверяй женщинам и не полагайся на их клятвы, ибо их удовольствие и неудовольствие зависят от их страстей. Они демонстрируют фальшивую привязанность, в то время как вероломство скрывается под их одеждами. Историей об Иосифе да будет предостережен ты и остерегайся их хитростей”.

Вопрос о полигамии - это тот, который почти повсеместно рассматривается через ложную среду. Его существование в жарком климате Востока с периода неизвестной древности, по-

видимому, демонстрирует, по крайней мере, практическую полезность, если не высшую физиологическую необходимость, системы, просуществовавшей столько веков. В высшей степени несправедливо с нашей стороны осуждать практику, санкционированную Священным Писанием и признанную патриархами, без точного знания этнологических условий, в которых она сохраняется. То, что общественное мнение, обычай и многолетний опыт сочли полезным и признали не противоречащим морали, очень часто является не вопросом этики, а просто вопросом целесообразности. Институты, которые народы, населяющие тропики, защищают как необходимые, не могли быть приняты без ущерба для неповоротливых рас Севера; и мы, находящиеся на расстоянии восьми тысяч миль, являемся некомпетентными, чтобы не сказать предвзятыми, судьями об их уместности. Женщины, достигшие такого положения при халифате, все без исключения были членами полигамных семей, что, по-видимому, фактически противоречит распространенной идее о том, что система гарема неизбежно ведет к интеллектуальному упадку. Уровень морали во времена испано-арабского господства, вероятно, был намного выше того, который сейчас царит в великих столицах Европы. О плачевном состоянии современного общества, даже среди высококультурных людей, где номинально существует моногамия, свидетельствует частота разводов и важные данные криминальной статистики. Это показывает, что первобытный импульс, который у варваров приводит к общинному браку — первоначальному социальному состоянию человека, — не только не исчез, но даже в целом преобладает, хотя и благопристойно скрывается и, каким бы противным ни был любой принцип морали, должен быть признан мощным и тормозящим элементом нашей хваленой цивилизации.

Рыцарская вежливость, порожденная интеллектуальной культурой и изысканным окружением, которая отличала испанских мусульман на всех этапах их общественной жизни, была, как уже говорилось, чрезвычайно заметна в их обращении с женщинами. Последние были, по большей части, высоко образованны. Даже сегодня в гаремах Константинополя нет ничего необычного в том, чтобы увидеть женщин - прекрасных музыкантов, превосходных собеседниц, знакомых с принципами искусства, способных свободно выражать свои мысли на трех или четырех языках. Такие достижения все еще достаточно редки, чтобы их обладатели выделялись в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. При халифах Дома Оммея умственные способности представителей женского пола были развиты в заметной степени; ни одна область литературы не была закрыта для тех, кто стремился к возвышению. Их везде принимали с большим уважением. Их никогда не оскорбляли публично. Они пересекали мятежные районы, не подвергаясь домогательствам. Законы защищали их от проявлений супружеской ревности. В случае развода жена была уверена в содержании. Именно она при вступлении в брак получала приданое. Общественное мнение объявило позорным мужа, который позволял своей супруге работать, чтобы получать прибыль от ее заработка. В случае его смерти она имела право на долю его имущества. Учитывая все обстоятельства, юридический статус женщины в халифате представляется более выгодным по сравнению с тем, которым она ограничена современным законодательством. Если бы полигамия влекла за собой несчастье, которое иностранные предрассудки привыкли приписывать ей, эта практика давно была бы отменена. Это всего лишь естественный результат климатических и физиологических условий, очевидно, необходимый фактор в поддержании жизни на Востоке.

Рабство в Европе при мусульманах принесло с собой многочисленные привилегии и снисходительное отношение, предписанные Пророком. Раб-мусульманин редко подвергался насилию или преследованиям. То, что он принял веру ислама, облегчило его освобождение. На

его положению не было клейма позора. Он мог стремиться к самому благородному брачному союзу. Он имел право занимать самые важные политические должности. В то время как его хозяин имел право осуществлять над ним деспотическую власть, патриархальные обычаи Востока не поощряли проявление незаслуженной суровости и делали раба скорее компаньоном, чем зависимым в домашнем хозяйстве. Заковывать его в цепи противоречило закону. Его личность никогда не приносилась в жертву удобству торговли; его отнесение к категории движимого имущества противоречило бы всем мусульманским представлениям о справедливости и человечности; и в этом отношении законы Корана неизмеримо превосходят положения римской и англосаксонской юриспруденции. На потомков вольноотпущенника возлагалась обязанность, силу которой течение времени никогда не могло уменьшить, помогать и защищать с риском для жизни всех членов семьи, освободившей их предка из рабства. Достоинство человеческой природы никогда не оскорблялось применением пыток к тем, кого судьба обрекла на состояние беспомощного подчинения; напротив, раб обычно получал образование у своего хозяина; он становился его секретарем, его агентом, его советчиком; он руководил делами своей семьи; он с усердием и преданностью выполнял важные поручения в отдаленных странах.

Дешевизна рабов указывает на их изобилие; их цена была в пределах досягаемости самого скромного работника. После битвы при Заллаке обычную пленницу можно было получить за дирхем. Многие обитательницы гаремов были родом с Востока. Черкесские и грузинские девушки, купленные на рынках Константинополя, были ввезены в Испанию еще в девятом веке. В мусульманском праве существовало различие между рабынями, купленными для службы, и пленными, взятыми в бою. Последний обладал немногими привилегиями обычного раба и, строго говоря, никогда не мог быть освобожден или выкуплен.

Развлечения испанских арабов пришли с Востока. Ничто в римских традициях или вестготском наследии не привлекало их воображение так, как развлечения праздных и чувственных рас, населявших тропики, которые они переняли вместе с другими близкими по духу обычаями. Они испытывали лишь вялый интерес к охоте на свирепых зверей. Они с ужасом отшатывались от гладиаторских боев на арене и сцен крови и резни. Демонстрация силы, когда пальма первенства принадлежала мускулам, была едва ли менее неприятна людям, привыкшим полагаться в достижении успеха на изобилие ресурсов и личную ловкость. Хотя активными упражнениями не пренебрегали, наибольшим спросом пользовались те развлечения, которые требовали наименьших физических нагрузок. Среди них главным была игра в шахматы. Известный, но очень древний, он был привезен арабскими купцами из Индии. В этой стране он издавна использовался как инструмент предсказания, и во время войны движения его частей часто направляли развитие армий на марше и в битве. Являясь частью священного убранства каждого индуистского храма, доска имела также каббалистическое и астрологическое значение. Задолго до появления Мухаммеда эта игра была утешением бродячих шейхов пустыни и радостью богатых торговцев Йемена. Она повсюду сопровождала мусульманские армии. В Испании это было повсеместно популярно. Шахматные фигуры халифов не уступали по богатству другим принадлежностям королевской роскоши — оружию, доспехам, дворцовой мебели. Некоторые были сделаны из драгоценных металлов; другие были причудливо вырезаны из слоновой кости; большинство из них были инкрустированы драгоценными камнями. Доски были из черного и сандалового дерева, инкрустированные золотом. В этом случае, как и во многих других, был проигнорирован запрет Корана, касающийся изображения форм животных. Испанские мусульмане страстно любили шахматы.

Это стало одним из любимых развлечений корта, и не было ничего необычного в том, что игроки проводили весь день, поглощенные его увлекательностью и совершенно не обращая внимания на окружающее. Уже рассказанная история о принце, который умолял дать ему время закончить игру после того, как ему был зачитан смертный приговор, является примером всепоглощающего интереса, возбуждаемого этим научным занятием в сознании мавра. Карты были известны арабам задолго до Хиджры. Найпе, их испанское название, происходит от арабского слова наиб, "наместник", откуда происходит английское "набоб". Завезенные в Италию сарацинами, они сначала назывались Игрой королей. В Европе они обычно не использовались до конца четырнадцатого века. Нарды и шашки были также знакомы маврам Испании. Гений Мухаммеда распознал скрытую опасность, подстерегавшую его последователей, когда он запретил потворствовать всем азартным играм. Пылкая и романтическая натура востока особенно подвержена такому искушению. В настоящее время нет никакой информации на этот счет о мусульманском населении полуострова, но многочисленные отчеты о распространенности других пороков при господстве эмиров и халифов, по-видимому, указывают из общего молчания по этому вопросу, что азартные игры не были широко распространены.

Трюки жонглеров были источником популярного развлечения в средневековой Кордове. Эти шарлатаны были тесно связаны со странствующими менестрелями и импровизированными рифмоплетами, чьи грубые излияния, хотя их едва ли можно было назвать поэзией, все же часто способствовали развлечению двора, и чье призвание и пример породили трубадура, такого важного представителя европейской цивилизации. Похотливые изгибы танцовщиц древних Гадес, увековеченные в эпиграммах Марциала и перешедшие, вероятно, с незначительными изменениями от финикийского, карфагенского, римского, готского и мусульманского владычества к испанским цыганам наших дней, постоянно демонстрировались во всей своей вызывающей непристойности благодарной публике мавританской Испании. Ничто так положительно не свидетельствует об общем смягчении нравов, как популярность такого развлечения. Даже снисходительный и расточительный дух римского общества взирал на это с явной неприязнью. Поэты высмеивали тех, кто покровительствовал или поощрял это. Моралисты и законодатели осудили это как плодотворный источник коррупции. Мухаммед запретил это своим последователям как пережиток язычества и стимул к безнравственности. Ни при каких обстоятельствах мужчины не участвовали в нем, как, впрочем, и ни в одном из упражнений терпсихоры, практикуемых выходцами с Востока. Танец, как мы понимаем, был неизвестен мусульманам. Среди них эта практика была передана женщинам-профессионалам, которые составляли касту, отличались своеобразным костюмом и чье призвание пользовалось дурной славой. Этот предрассудок, пришедший из глубокой древности, существует в полной силе во всех восточных странах и по сей день. Деграция Иродиады вызывала у евреев гораздо большее осуждение, чем ее бесчеловечность. Характер индийской баядерки, египетского гавазы, тунисской еврейки, испанской цыганки, унаследовавших непристойные финикийские позы и жесты, знаком всем путешественникам.

В танцах мусульманской Испании, как и в тех, что все еще практикуются в Каире, нижние конечности были неподвижны, и все движения выполнялись туловищем и руками. Их неприличие, как правило, заключалось скорее в их наводящей на размышления, чем в каком-либо вопиющем обнажении личности. Они редко исполнялись в обнаженном виде; как правило, фигура была полностью окутана изящными складками шелка и льна. Танцоры отбивали такт кастаньетами, которые изначально представляли собой маленькие медные тарелки, и каждое движение совершалось в идеальном ритме музыки. Необычайное

воздействие этих выставок на воображение, даже когда их представляют женщины, не сведущие в искусстве, могут понять только те, кто был их свидетелем.

Вкус к импровизации пронизывал музыку испано-арабов так же, как и их поэзию. Хотя постороннему уху это могло показаться полным отсутствием меры и гармонии, монотонное исполнение исполнителя произвело впечатление на слушателей до степени, непостижимой для народов северной крови. Глубоко эмоциональная натура мавра, легко поддающаяся любому душевному возбуждению и страстно преданная рифме, то доводила его до исступления, то лишала сознания. Ни одна раса никогда не обладала в равной степени с арабами способностью придавать вымыслу видимость правды, преобразовывать образы, созданные неистощимой фантазией, в реальность жизни, давать

— “ничему не верить

Местное место жительства и имя.

Музыка халифата была в значительной степени заимствована из греческих и римских источников. Его особенности, унаследованные испанцами, придали их менестрелям национальный характер, а также приемы, неизвестные другим народам Европы. Это не имело ничего общего с нашими представлениями о гармонии. Он состоял в основном из монотонных песнопений, время которых было отмечено грубыми ударными инструментами; мелодия которых была частично классической, частично варварской; и в которых не было ничего из той новизны и разнообразия, которые составляют величайшее очарование современной музыки. У испанских арабов не было теории, они не пользовались нотами и не обладали никакими средствами сохранения музыкальных произведений, кроме памяти и устных преданий. При таких недостатках совершенствование в одной из самых приятных наук было невозможно, и большинство произведений редко переживали своих авторов. Музыкальные инструменты испанских мусульман были самых разных видов; их было тринадцать различных разновидностей, среди которых виолы, лютни, цимбалы, арфы, изготовленные в Севилье, которая была самым знаменитым местом их изготовления в мире. Великий Зирьяб, живший при дворе Абд-ар-Рахмана II, добавил к лютне пятую струну, которой, как и остальным, мавры придавали символическое значение. Остальные нити, которые были разных цветов, представляли предполагаемые четыре гуморальные сферы человеческого тела; предполагалось, что струна Зирьяба символизирует душу. Музыкальная школа, которую он основал в Кордове, просуществовала до последних дней халифата, чему, без сомнения, способствует тот факт, что испанские писатели на эту тему являются самыми многочисленными и плодовитыми в любую эпоху.

Антипатия, с которой богословы относились к этой науке, не мешала ей быть предметом восхищения принца и незаменимым развлечением народа. Его сила была настолько велика, что он рано вторгся в святыни религии, которая его осудила, и на протяжении веков аяты Корана распевались в мечетях. Рассказчик декламировал свои истории под музыку; странствующий шут перемежал свою грубую, но выразительную пантомиму рифмованными шутками и непристойными песенками. Арабские ноты резкие, гнусавые и гортанные, безмерно неприятные для европейского уха. Их гамма включает семнадцать интервалов в октаве, и

ученые авторитеты в этой области утверждают, что итальянский, от которого произошел наш, изначально был скопирован без изменений с арабского языка Сицилии и Испании.

Мавры прекрасно понимали почти магические эффекты, которые возникают в результате разумного использования музыки. Мало того, что он был незаменим во всех праздничных случаях, но его ноты приносили утешение и уют в дом скорби. Он считался важным лечебным средством при болезнях. Его использовали для лечения мучительного состояния бессонницы. В больницах больших городов постоянно выступали оркестры, потому что было хорошо известно, что гармония звука способствует выздоровлению. Его афродизиакальные свойства были оценены и использованы в полной мере в той же степени, что и у парфюмерии — восхищения Востока. Это была любимая максима мусульманских врачей: “слушать музыку - значит грешить против закона; заниматься музыкой - значит грешить против религии; получать от нее удовольствие - значит быть виновным в неверности”. Несмотря на это и тот факт, что Мухаммед предал его анафеме, ни один народ не любил его больше, чем арабы; и профессиональный музыкант, чьи таланты подняли его над посредственностью, был уверен в исключительном внимании при дворе халифов; и, однажды став знаменитым, он был удостоен почестей, которые в других местах предназначались для потомков и представителей королевской семьи. Для мастера своего дела не было ничего необычного в том, что он получал десять тысяч золотых за одно выступление. Ударные инструменты, и особенно барабаны и тамбурины, чаще всего использовались испанскими мусульманами, но их конструктивный гений произвел радикальные изменения в других; они усовершенствовали гитару, флейту и кларнет; они были изобретателями мандолины и органа.

В конном спорте, который требовал высочайшей степени ловкости, у мавров Испании не было начальников. Первым среди их развлечений, подобных этому описанию, был бой быков, который имел мало общего с современными зрелищами, отвратительные характеристики которых являются результатом продолжительного кровавого и зверского влияния. Все исполнители были благородного происхождения; они были великолепно смонтированы; их снаряжение отличалось самой роскошью. Им не разрешалось иметь никакого оружия, кроме короткого тяжелого дротика, острие которого было частично обтянуто кожей. Правила этого вида спорта требовали, чтобы животное было убито ударом вдоль позвоночника впереди плеча, для правильного нанесения которого требовалось большое мастерство и почти сверхчеловеческая сила. Если удар наносился в другом месте, рыцарь был вынужден удалиться с арены; если его оружие ломалось или терялось, считалось, что он навлек на себя непоправимый позор. Разум и тренированность лошади, а также ловкость наездника обычно были достаточной гарантией от несчастья; но случайная жертва кавалера напоминала выжившим о страшных опасностях, подстерегавших их при столкновении. Приученные с раннего детства к обращению с лошастью и дротиком, привыкшие ко всем мужским упражнениям, искусные в искусстве турниров и охоты, испанские мусульмане находили в бое быков кульминацию наслаждения, уступающую только боевым удовольствиям и волнениям войны. С таким образованием неудивительно, что они были признаны лучшей легкой кавалерией Европы.

Не меньший интерес и даже большее величие представляло зрелище, представляемое наклоном тростника. В его экспозиции и аксессуарах демонстрировалось неисчерпаемое изобилие мавританской роскоши. Действие происходило на одной из многочисленных площадей огромной мусульманской столицы. Ряд аркад и галерей, поддерживаемых колоннами

из цветного мрамора, украшенных мозаикой и позолоченной лепниной, были переполнены восторженной публикой, представляющей самые знатные семьи двора, а также богатство и моду главного города империи. Халиф был там, окруженный своей телохранительницей, гигантскими чернокожими жителями Атласа и Судана, с усыпанным драгоценными камнями оружием и в доспехах, расшитых золотом. Балюстрады галерей были обиты алым, изумрудным и небесно-голубым бархатом. Обитательницы гаремов, образцы чувственной андалузской красоты, обнажились, явив взорам публики свои улыбающиеся черты - зрелище, которое нельзя увидеть ни в одной другой части мусульманского мира. Их шелковые плащи, переливающиеся всеми цветами радуги; цепочки великолепных драгоценностей, коллекционирование которых было всепоглощающей страстью каждой знатной мавританки; золотые пояса и браслеты, сверкающие на солнце; личное очарование их обладательниц, максимально усиленное всеми средствами одежды и украшений, представляли собой великолепную и чарующую картину, непревзойденную ни в классические, ни в средневековые времена. Среди зрителей, иногда из вежливости среди кавалеров на арене, можно было увидеть кастильских рыцарей, сосланных по политическим причинам, или соревнующихся за отличие в национальных видах спорта со своими наследственными врагами. Парапеты и террасы, господствовавшие над амфитеатром, арки акведук, минареты, деревья, даже отроги далекой сьерры, были белыми от одежд и тюрбанов толпы, привлеченной новизной и великолепием этого зрелища. Исполнители, на которых был сосредоточен весь интерес, были достойны того внимания, которое они вызывали. Их было двадцать четыре, и они включали в себя цвет мавританских воинов, отобранных из двух основных племен, составляющих аристократию полуострова. Все были одеты в гибкие кольчуги, покрытые туниками из синего или малинового бархата, усеянными золотыми звездами. Головы их были защищены шелковыми тюрбанами; талию опоясывали пояса из того же материала; на маленьких пряжках, которые носил каждый всадник, были выгравированы его девиз и фамильный герб, от которых обычное христианское рыцарство позаимствовало свои геральдические знаки и гербы. Лошади одной дивизии были белыми, другой - черными; они были почти скрыты расшитыми попонами; уздечки были украшены драгоценными камнями, удила - из массивного золота. Короткое копье с затупленным концом было единственным оружием, на которое кавалеру разрешалось полагаться при нападении или защите; к нему были прикреплены цвета его возлюбленной, иногда представленные узлом из лент, но чаще шарфом из шелковой ткани, на котором она золотой вышивкой изобразила персонажей какой-нибудь любовной легенды. В фантастических приемах восточных образов, зародившихся в сладострастных регионах, где любовь является искусством, каждый цвет, каждый жест, даже самый прозаический из предметов, наделен более чем преходящим значением.

Эти конные развлечения испанских мусульман, в отличие от средневековых турниров, которые произошли от них, никогда не были осквернены бессмысленным пролитием крови. Они олицетворяли все захватывающие фазы сражения — атаку, рукопашную, отступление. В запутанных движениях каждой схватки были предоставлены все возможности для демонстрации высочайшей степени силы, активности и мастерства. Их целью было не выведение из строя противника, а захват и удержание украшений, украшавших как лошадь, так и всадника; и в эволюциях, выполняемых для достижения этих целей, демонстрировались самые смелые подвиги верховой езды. Хоровод колец положил конец блестящему празднеству. Между ветвями дерева, посаженного на одном конце арены, было подвешено несколько золотых колец. Один за другим претенденты на рыцарские почести, двигаясь с величайшей

скоростью, пытались унести эти трофеи ловкости на острие тонкой трости, служившей копьем. Великолепный приз, обычно золотую вазу, украшенную драгоценными камнями, вручал победитель, который, в свою очередь, должен был преподнести ее даме, цвета которой он носил на конкурсе. Таланты самых известных поэтов халифата были задействованы в прославлении этих великолепных зрелищ, замечательных проявлений человеческой ловкости, привлекательность которых не была омрачена страданиями и которые с наибольшей выгодой раскрывали рыцарские чувства и воинский пыл утонченной и воспитанной расы.

Это были не единственные виды спорта, занимавшие досуг эlegantного общества мусульманского двора. Его члены редко участвовали в охоте. Соколиная охота, введенная Абд-ар-Рахманом I., была, однако, их любимым развлечением; их ястребы были самыми лучшими и дрессированными в Европе, и они представляли собой важный предмет торговли, особенно с Италией, Францией и Англией. В обширных садах Гранады и Палермо были искусственные озера, где часто устраивались военно-морские представления гораздо большего масштаба, чем в амфитеатре Тита в лучшие времена Императорского Рима.

При правительстве, чья благотворная политика обеспечивала работой трудолюбивых и кровом беспомощных, вполне можно предположить, что нищенство не было ни почетной, ни прибыльной профессией. Ужасные проявления реального или симулированного уродства, которые в Южной Европе сейчас поражают взор путешественников, не допускались при мусульманском господстве. Хотя раздача милостыни является кардинальным принципом мусульманской религии, ее объектам, если они были достойны, не разрешалось открыто просить помощи у щедрого и сочувствующего прохожего. Страждущих и калек доставляли в больницы, где применялись все средства для восстановления их здоровья; в то время как самозванец, схваченный полицией, купался в тюрьме или под бичом наказывался за свою праздность и мошенничество. Проводимые в соответствии с планом безграничного милосердия, никакие искусственные расовые или религиозные препятствия не препятствовали исключению из общественных институтов тех несчастных, чьи физические недуги требовали снисхождения или великодушной заботы человечества. Больницы были открыты для достойных просителей, и еврей, христианин, даже идолопоклонник, получал в их стенах тот же усердный уход, что и самый ортодоксальный мусульманин.

Во всех своих тенденциях дух мавританской цивилизации был в высшей степени практичным. Даже ее умозрительные занятия были скорее серьезными, чем спортивными, — редкие передышки от напряженных и продолжительных умственных усилий. Его великими целями были безопасность личности, отправление беспристрастного правосудия, систематическое развитие самых благородных способностей человеческого интеллекта, объединение разнородных составляющих гордого и беспокойного общества, прогрессивное совершенствование и прочное процветание огромной и густонаселенной, но постоянно распадающейся империи. Для достижения этих целей война, хотя и считалась целью, на самом деле была всего лишь инструментом. Государственная политика требовала оккупации потоков неугомонных варваров и нуждающихся авантюристов, непрерывно хлынувших на полуостров. Для их участия в зарубежных кампаниях предписание Корана о постоянной вражде служило правдоподобным и удобным оправданием. Эта практика, апеллируя одновременно к религиозному энтузиазму фанатика и алчности воина, обеспечивала преемственность династии и незыблемость трона. Без его помощи даже администрация Аль-Мансура, руководимая непревзойденными способностями этого лидера, должна была быстро пасть. Потребовались полугодовые

кампании, за которыми следовала непрерывная череда побед, чтобы обуздать неподчинение африканских иммигрантов, чьи массы, постоянно набираемые из бесчисленных племен Мавритании, составляли не только основную часть армии, но и преобладающий элемент населения.

Это смешение рас и обусловленное им преобладание скрещиваний в сочетании с влиянием климата и стимуляторами военной и коммерческой деятельности легко объясняют многогранность испано-арабского ума, которая была одной из его наиболее выдающихся характеристик. В сравнительной этнологии нельзя провести большего контраста, чем тот, который представляет собой ненадежное и варварское существование в пустыне и изысканная и высоко культурная жизнь Западного халифата в его самые славные дни. И все же лишь сравнительно незначительный промежуток времени разделяет бродячего бедуина, чьим любимым занятием был грабеж своих соседей и который возмущался вмешательством даже своего признанного вождя как посягательством на его свободы, и испанского араба, чье деспотическое правление обеспечивало пользование личной свободой и общественное спокойствие, где интеллект, порядок, процветание заняли место неповиновения и раздоров, а престиж иностранных завоеваний и блага цивилизации распространялись параллельно и бок о бок. По мере развития этой цивилизации каждый народ становился ее данником, что совпадало с его подчинением мусульманскому оружию. В характере завоевателя обнаруживался дух приобретения, ни в чем не уступающий его изобретательской способности, и который сразу же присваивал и часто улучшал все, что было полезным в системах других, одновременно формируя и развивая свои собственные новые идеи.

Со смешанным чувством восхищения и сожаления мы созерцаем феноменальный взлет, ослепительное величие и стремительное падение мусульманской империи в Испании. Материальные реликвии, которые сохранились и рассказывают о его архитектурном величии, о щедрости его правителей, о достижениях его ученых, о мастерстве его ремесленников, немногочисленны и широко разбросаны. Разрушение было наиболее полным. Верховенство христианских идей и кастильских обычаев, подкрепляемое усердными преследованиями, было во всех случаях необходимо, прежде чем интеллектуальные устремления, взращиваемые девятью поколениями августейших и образованных монархов, могли быть подчинены духовному невежеству и военной жестокости того времени. Некоторые здания разрушены по злому умыслу или небрежению, их помещения настолько изменены варварами-новаторами, что их первоначальные планы и цели их строительства часто уже невозможно проследить или даже предположить; их изящный орнамент скрыт множеством последовательных слоев известняковой штукатурки; их территория заброшена для самых гнусных целей; скудная коллекция рукописей, надписи на которых наполовину стерты влагой и грубым использованием; случайный трофей, ржавеющий в уединении музея, - все это материальные свидетельства, сохранившиеся от монархии, которая когда-то была чудом Европы. Именно в другом месте мы должны искать доказательства его величия и трофеи его славы. Его благотворное влияние на изменение низменных инстинктов и диких нравов средневекового общества больше не подвергается сомнению. Непреходящий импульс, который она придала философским исследованиям, ее стремление к точным наукам, уважение, с которым она относилась к интеллектуальным способностям, почести, которыми она вознаграждала мастерство в литературе, передававшиеся из поколения в поколение, наложили свою печать на цивилизацию двадцатого века. Обязательства, которые мы несем перед испанскими арабами, нельзя ни слишком часто, ни слишком широко признавать; и, приписывая происхождение

нашего прогресса нации, чей гений был ее вдохновляющим духом, мы лишь приносим справедливую и вполне заслуженную дань благодарности.

Сенека сказал: “Везде, где римлянин побеждает, он поселяется”. Почти с такой же достоверностью можно было бы утверждать об арабе, что где бы ни утвердился его религия и его язык, там они будут господствовать вечно. Страны, первоначально покоренные сподвижниками Пророка, все еще являются мусульманскими. На языке Мекки до сих пор говорят от восточного побережья Атлантики до Китайского моря. Ислам, похоже, также не утратил своей экспансионистской силы. Его прогресс никогда не останавливался. Он проник в Центральную Россию — в этой империи его приверженцев насчитывается одиннадцать миллионов. Это вера сотен тысяч негров на экваторе. В Европе семь миллионов мусульман, в Индии пятьдесят три миллиона, в Китае двадцать два миллиона. Только народы Сицилии и Испании из великих колоний, основанных мусульманами, — средоточие их наиболее высокоразвитой цивилизации, дом рас, одинаково образованных, продвинутых в искусстве, прославленных в военном деле, — были вынуждены отправиться в изгнание или отречься от своей веры и отказаться от своего языка. Ни в одной из этих стран открытия, изобретения и опыт шести столетий, которые долгое время были общим достоянием всех народов, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на устранение ужасного ущерба, нанесенного изгнанием мавров.

Сторонники формы религии, успех которой зависит от уничтожения всех, кто отказывается соглашаться с ее догмами, безусловно, мало верят в истинность или божественное вдохновение максим, для насаждения которых они считают необходимым прибегать к силе. Во время господства папской власти никто в пределах ее досягаемости не мог публично исповедовать еретические доктрины и жить. При Оммеядах и аглабитах как неверующие, так и неверующие были в безопасности при уплате дани. Случайные вспышки мусульманского фанатизма были направлены против литературы; дух христианских гонений — дух, прискорбно расходящийся с тем, что проявлялось в мягкости и кротости его Божественного Основателя, — яростно бушевал как против литературы, так и против человечества. Амру и Аль-Мансур сожгли книги. Иннокентий III. а Кальвин пытал людей.

Ассирийская, Карфагенская, Римская и испано-арабская империи просуществовали каждая около восьмисот лет. О двух из них сохранилась только память. Ряд разрушенных памятников, фрагментарная литература сохраняют традиции третьего. Гений мусульманина, превосходящий гений всех его предшественников, увековечивался в научном вдохновении и прогрессивной энергии каждой последующей эпохи. Примечательный своим беспрецедентным успехом, хотя и столкнувшийся с огромными препятствиями — войной, мятежом, беспорядками, господством варваров, — поучительно поразмыслить о том, чего он мог бы достичь при самых благоприятных обстоятельствах, когда на пике своего процветания мавры Европы контролировали Средиземноморье. Последние, в свою очередь, заняли и колонизировали важные посты Сардинии, Корсики, Кипра, Мальты. Их доходы были в десять раз больше, чем у любого государства того времени. Неисчерпаемое население Африки могло постоянно пополняться сотнями тысяч солдат, чья воздержанная жизнь, слепой фанатизм и безрассудная храбрость делали их самыми грозными противниками. Флоты сицилийских эмиров угрожали побережью Малой Азии. Арабские правители Испании основали постоянные аванпосты вплоть до Лиона. Пираты Фраксинета укрепили и удерживали в течение многих лет Альпийские перевалы. Следы сарацинских армий, шедших на север из Калабрии и на юг из Прованса и Швейцарии,

пересекались на равнинах Ломбардии. Такими возможностями для завоеваний редко пользовалась или пренебрегала какая-либо военная держава. Гражданские раздоры и межплеменная зависть были единственным, что препятствовало обращению Европы в мусульманство. В политике арабов, где бы они ни проживали, неизменно преобладали традиции Пустыни. Организация государства была смоделирована по образцу семьи и племени. Не принимались во внимание изменившиеся условия, возникшие в результате расширения владычества и роста знаний. При таких обстоятельствах не могло быть никакой сплоченности между частями постоянно шатающейся структуры мусульманской власти, которая, по сути, была подорвана с самого начала. Из-за этой нестабильности Западный халифат не без основания сравнивали с лагерем бедуинов. Дефекты аномального телосложения усугублялись внутренним конфликтом. Фракционная вражда в Арабской Испании всегда была более выраженной и ожесточенной, чем ненависть к врагу-христианину.

Великая победа и несколько незначительных стычек менее чем за два года обеспечили мусульманам контроль над самым богатым королевством в Европе. Чтобы отвоевать его, потребовалось восемь столетий и более пяти тысяч сражений. Последователей Пелая, когда началась долгая борьба за господство христиан, было всего тридцать человек. Войско, собранное Фердинандом и Изабеллой перед Гранадой, насчитывало почти сто тысяч человек. Религиозный характер, который придавал Реконкисте и от которого в конечном итоге стало неотделимо ее преследование, наложил неизгладимый и губительный отпечаток на испанский народ. Цена триумфа была неисчислима. Это навсегда привело к обнищанию великих провинций. Это залило кровью почву всего полуострова. Одна кампания часто уничтожала армию. Потери в результате одной осады иногда исчислялись числом, равным числу жителей густонаселенного города. Только на Базе за короткий промежуток в семь месяцев погибла двадцать одна тысяча кастильцев.

Почти всеобщее неверие в мавританскую цивилизацию едва ли менее примечательно, чем ее создание и прогресс. Сектантские предрассудки, незнание арабского языка и твердая решимость не признавать никаких обязательств перед неверными способствовали формированию и подтверждению распространенного мнения. С этой целью Церковь всегда оказывала свою мощную, часто всемогущую помощь. И все же, несмотря на систематическое сокрытие фактов и продолжающиеся долгое время искажения, теперь нельзя отрицать, что ни одна раса не добилась такого большого успеха во всем, что касается практического благополучия человечества, как испанские мусульмане; что ни одна раса королей не заслужила такой большой славы, как та, которая ведет свою родословную от Абд-ар-Рахмана I.

Такова была цивилизация, которую испанские и сицилийские арабы завещали Европе. Их завоевания и влияние, их прогресс в искусстве мира, их промышленные и экономические изобретения, преждевременность их умственного развития, увековечение их передовых идей в самых обескураживающих условиях, которые только можно себе представить, представляют пример, не имеющий аналогов в истории народов. Их происхождение не имело ничего общего с происхождением любого европейского народа. Их религия была откровенно враждебна той, которую исповедовали от побережья Средиземного моря до границы с Полярным кругом. Их политические и внутренние институты были отвратительны чувствам их соседей, их союзников, их врагов. С того часа, когда Тарик высадился в Гибралтаре, и до того момента, когда Боабдил передал ключи от Альгамбры, был период постоянной и беспощадной вражды. Подобные

обстоятельства обычно не благоприятствуют материальному или интеллектуальному развитию человечества.

Перед лицом таких огромных препятствий была основана могущественная империя. Те самые причины, которые, казалось, могли серьезно повлиять на ее целостность и постоянство, на самом деле увеличили ее силу. Его военная мощь стала постоянной угрозой для каждого государства христианского мира. Его флотилии вооруженных галер господствовали на морях. Сарацины Сицилии разграбили пригороды Рима и оскорбили священное величие Святого Отца в Ватикане. В каждом торговом центре Востока и Запада, на улицах Кантона и Дели, на базарах Дамаска, вдоль многолюдных набережных Александрии, у разбросанных источников Сахары, на больших ярмарках Швеции, Германии и России, на великолепных рынках Константинополя мавританские купцы и еврейские брокеры Испании превосходили всех коммерческих конкурентов по объемам своих покупок и ловкости своих сделок. Богатство, полученное в результате этой обширной системы торговли, было почти невообразимым. Кроме того, сельскохозяйственные и минеральные ресурсы страны, огромные сами по себе, были развиты сверх всяких прецедентов. Собранные таким образом сокровища были потрачены на общественные работы, заброшенные руины которых поражают путешественника; на продвижение образовательных преимуществ, которые современный опыт и энергия никогда не могли превзойти; на создание огромных библиотек; на содержание двора, с великолепием которого традиционная роскошь византийских князей не шла ни в какое сравнение; на богослужение, убранство и обстановка которого превосходили по богатству и красоте хваленую помпезность и полуварварский церемониал папского Рима.

Популярно и модно приписывать влиянию крестовых походов пробуждение духа прогресса, которое в конечном итоге привело к возрождению литературы и политическому и социальному возрождению Европы. Но крестовые походы были лишь косвенным и вторичным фактором цивилизации. С другой стороны, их общая тенденция была явно разрушительной. Их следы сравнивали с следами, оставленными стаей саранчи. Многие произведения классического гения погибли при разграблении Константинополя. Мусульманская библиотека Триполи, насчитывавшая двести тысяч томов, была сожжена, когда этот город был взят солдатами Креста. Хорошо установленный факт, что лишь немногие из последних были продиктованы религиозными мотивами. Их преступления дискредитировали их дело и навлекли на себя вечное презрение востока, ибо даже само название христианства было недостойно опорочено такими мерзкими ассоциациями. Результаты, произведенные на Европу этими экспедициями, вместо того, чтобы очеловечить, были самыми катастрофическими. Целые районы обезлюдели. Наследственные поместья знати были переданы Церкви, служители которой одни обладали средствами для их приобретения и которые, поощряя безумный дух фанатизма, которым они впоследствии воспользовались, обеспечили себе двойное влияние и власть. Папство вскоре контролировало богатство христианского мира, и его безответственный авторитет возрастал пропорционально его влиянию. С деспотизмом пришла тирания, с тиранией преследования. Принцип принуждения вооруженных врагов к принятию религиозных догматов был распространен на осуждение непокорных сектантов с помощью пыток. Зверства религиозных конфликтов, война альбигойцев, невыразимые ужасы инквизиции, Варфоломеевская резня во многом объясняются кровавыми вкусами, порожденными крестовыми походами. Также и в других отношениях их влияние было крайне пагубным для человечества. Они привнесли пороки, которые до сих пор были присущи Востоку и которые по сей день являются пятном на обществе великих европейских столиц. Они наполнили Европу проказой или болезнью, сходной с ней, из

которой выдающиеся медицинские авторитеты вывели происхождение самой упрямой и отвратительной из заразных болезней. Они принесли чуму, одно посещение которой унесло жизни тринадцати миллионов человек. Разрыв семейных уз, вызванный отсутствием такого множества людей, способствовал всем формам распущенности. В некоторых провинциях обширные участки плодородной почвы, вскоре заросшие кустарником, вновь впали в первобытную дикость. В других странах, лишенных средств для поддержания порядка, страна становилась добычей преступников. В то время как десятки тысяч вооруженных фанатиков сражались за христианское дело в Сирии, варвары Северной Европы поклонялись идолам и змеям и приносили человеческие жертвы.

Крестовые походы, однако, не были полностью бесспорным злом. Они усилили власть духовенства, но истребили значительную часть самых никчемных элементов общества. Было подсчитано, что в этих экспедициях погибло шесть миллионов человек. Они сделали папство автократическим; но, уничтожив феодализм путем отчуждения поместий баронов, они значительно улучшили положение крепостных. Необходимость лечения жертв ужасных болезней, которыми заразились в Палестине, привела к основанию первых больниц в христианском мире. Они привлекли внимание ученых к изучению произведений на арабском языке, языке, доселе неизвестном за пределами мусульманских стран. Это было в 1142 году, когда Петр Достопочтенный, аббат Ключи, отправился в Толедо и сделал перевод Корана на латынь, чтобы продемонстрировать ложность доктрин исламизма. Если бы эти последовательные потоки фанатиков хлынули на Испанский полуостров, а не на Святую Землю, ни малейший след мусульманской учености и цивилизации не смог бы пережить их нападения.

Благ, принесенных крестовыми походами, было далеко не достаточно, чтобы уравновесить их пагубные последствия. Однако они дали большой толчок торговле, особенно благодаря предприимчивости итальянских республик. Они пробудили вкус к роскоши, который до сих пор был неизвестен даже членам королевской семьи. Они стимулировали производство, особенно тех, которые были связаны с декоративно-прикладным искусством из стекла, дерева, слоновой кости и металлов. В одном отношении их влияние чрезвычайно способствовало развитию цивилизации. Знакомство с мусульманской доблестью, вежливостью и культурой развеяло предрассудки, сохранявшиеся на протяжении веков жречества и невежества отсталых народов Европы. Возвращающиеся паломники и искатели приключений привозили из Святой Земли рассказы о великолепных городах, о невероятных сокровищах, о подвигах героизма и рыцарства, аналогов которым не было ни в одном государстве христианского мира. Рассказы об этих чудесах пробуждали не только желание подражать им, но и вызывали невольное восхищение превосходством их авторов. Во времена первого крестового похода, в последние годы XI века, мавританская цивилизация на полуострове достигла своего наивысшего совершенства. В то время как его влияние долгое время незаметно оказывалось на население Франции и Италии, глубоко укоренившаяся ненависть к последователям Мухаммеда замедлила общее распространение его благ. В результате неоднократных экспедиций в Палестину возрос спрос на мануфактуры и сельскохозяйственную продукцию мавританской Испании. Ее язык, импровизации, литература вскоре стали известны Европе. Даже спортивные состязания были заимствованы, и изящные дорожки арены, приспособленные к грубым и свирепым вкусам баронского общества, стали самым популярным развлечением средневековья. Рыцарские чувства, неотделимые от рыцарских упражнений, способствовали социальной утонченности и возвышению женщины. Трубадур повсюду разносил любовные песни, которые издавна очаровывали аристократическое общество Андалусии. Грубость и резкость феодальных нравов

были смягчены, и заметное улучшение характеризовало все формы официальных и домашних отношений. Истоки современной цивилизации историк должен искать за пределами Пиренеев, а не на Востоке.

По быстроте завоеваний, по размаху владычества, по успешному распространению религиозных верований, по способности извлекать выгоду из природных ресурсов, по глубине знаний и разностороннему интеллекту ни один народ никогда не приближался к арабам. Их завоевания были обеспечены, а их правление стало постоянным благодаря тому особому положению их гражданской политики, которое, взывая к сильнейшим человеческим страстям и санкционируемое наставлениями их Пророка, позволяло присваивать женщин побежденных народов. Их торговля, к которой в стране, лишенной сельскохозяйственных ресурсов, их подтолкнула необходимость, развила их торговые наклонности, и благодаря общению с древних времен с их предприимчивыми соседями, финикийцами, они познакомились с людьми всех рас и продуктами всех стран; расширили их способности; отточили их интеллект; и сделали их способными стать в последующие времена завоевателями и законодателями мира. Потрясающая энергия и агрессивность были их ведущими характеристиками. Эти черты усиливались различными, иногда недостойными мотивами — любовью к удовольствиям, жаждой алчности, огнем честолюбия, — а также предписаниями и обещаниями религии, соответствующей их вкусам, привычкам и их чрезмерно романтической и авантюрной натуре. Из всех династий, основанных преемниками Пророка, испанская династия Оммеядов, бесспорно, имеет право на самое высокое положение.

Основание этой династии знаменует собой великую эпоху в истории Европы. Каждый индивид мусульманского или арабского происхождения вполне может гордиться его благородными деяниями, как во время войны, так и в мирное время; гордиться своим длинным рядом прославленных принцев; гордиться своими завоеваниями; гордиться своей цивилизацией, которая превзошла великолепие Императорского Рима и искусству которой современная наука не смогла успешно подражать; гордиться своим непревзойденным сельскохозяйственным процветанием; гордиться изысканной красотой своих зданий, все еще чрезвычайно привлекательных даже в их упадке; гордиться своей могущественной столицей; гордиться своей академической системой с ее совершенной организацией, ее колледжами, ее лицеи, его библиотеки; гордится обширными достижениями своих ученых, своих хирургов, своих химиков, своих ботаников, своих астрономов, своих математиков; гордится теориями своих философов, которые на протяжении тысячи лет, среди непрекращающихся колебаний человеческого мнения и бесконечных вариаций религиозных верований, сохраняли свою первоначальную форму и признаны правильными самыми просвещенными мыслителями нынешнего века. Разрушение этой замечательной империи было событием не только национального значения; это было несчастьем, о котором сожалел каждый любитель знаний на все грядущие времена. Ибо злым был день для прогресса человечества, когда со своих зубчатых стен мавр взирал сверху вниз на подписание перемирия, искусно разработанного для предательства его сородичей; злым был день, когда на красных башнях Альгамбры, украшенных эмирами с обильным и непревзойденным величием, и которые в течение семи столетий были оплотом мусульманской власти, домом мусульманского искусства, были подняты победоносные знамена испанской монархии, свидетельствующие, это правда, о невероятных достижениях, о неустрашимой доблести, героического самопожертвования, нетленной славы, но в то же время предвестников бесконечной череды национальных бедствий, которые, подобно мстительным и безжалостным фуриям, незримо следовали по пятам ликующего завоевателя.

КОНЕЦ ТОМА III.

Примечания переписчика:

1. Очевидные типографские, пунктуационные и орфографические ошибки были исправлены автоматически.
2. Там, где расстановка переносов вызывает сомнения, она сохранена как в оригинале.
3. Некоторые варианты тех же слов с переносом и без него были сохранены как в оригинале.